
ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА POLITICAL LINGUISTICS

6(78)'2019

Политическая лингвистика / гл. ред. А. П. Чудинов ; ФГБОУ ВО
П50 «Урал. гос. пед. ун-т». – Екатеринбург, 2019. – Вып. 6 (78). – 235 с. –
(Цена свободная).
ISSN 1999-2629

Знак информационной продукции 16+.

Журнал призван способствовать обмену новейшей информацией в области политической лингвистики, а также в сфере взаимоотношений языка, культуры и общества. Включает пять основных разделов – «Теория политической лингвистики», «Политическая коммуникация», «Язык – политика – культура», «Лингвистическая экспертиза: язык и право» и «Зарубежный опыт». Предназначен для филологов, политологов, социологов и всех тех, кто интересуется проблемами политической коммуникации.

УДК 81'27
ББК Ш100.621

Political Linguistics / editor-in-chief A.P. Chudinov ; Fed. St. Bud. HEI
П50 “Ural State Pedagogical University”. – Ekaterinburg, 2019. – Issue 6 (78). –
235 p. – (Free price).
ISSN 1999-2629

Information material certification category – 16+.

The journal is called upon to facilitate exchange of new information in the field of political linguistics, as well as in the sphere of interaction between language, culture and society. It has five main sections – “Theory of Political Linguistics”, “Political Communication”, “Language – Policy – Culture”, “Forensic Linguistic Expertise: Language and the Law”, and “Foreign Experience”. The journal is addressed to philologists, politologists, sociologists and all those interested in the problems of political communication.

Благодарим РФФИ за материальную поддержку проекта в рамках гранта № 19-012-00465 А «Лингвополитическая персонология: когнитивный поворот».

We express our gratitude to the Russian Foundation for Basic Research for material support of the project within Grant № 19-012-00465 A “Linguopolitical personology: cognitive turn”.

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Уральский государственный педагогический университет»

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА

6(78)'2019

Научный журнал

Учредитель: ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет»

- Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-76161 от 8.07.2019
- Зарегистрирован Международным центром стандартной нумерации сериальных изданий (International Standard Serial Numbering – ISSN) с присвоением международного стандартного номера ISSN 1999-2629 от 14.05.2008
- Материалы журнала размещаются на сайтах: journals.uspu.ru (сайт научных журналов Уральского государственного педагогического университета); <http://politlinguist.ru/>
- Включен в Объединенный каталог «Пресса России». Подписку можно оформить в любом почтовом отделении России. Индекс 81955
- Материалы журнала размещаются на платформе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) Российской универсальной научной электронной библиотеки, id = 28049
- Включен в международный каталог периодических изданий Ulrich's Periodicals Directory
- Включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук, Решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Министерства науки и высшего образования РФ

Екатеринбург 2019

Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation
Federal State Budgetary Higher Education Institution
“Ural State Pedagogical University”

POLITICAL LINGUISTICS

6(78)'2019

Scientific journal

Founder: FSB HEI “Ural State Pedagogical University”

- Registered by The Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media. Registration certificate ПИ № ФС 77-76161 of 8.07.2019.
- The materials published in the journal are regularly uploaded at the platform of the Russian Science Citation Index (РИНЦ), http://elibrary.ru/title_about.asp?id=28049
- Registered by the ISSN Center and provided the International Standard Serial Number ISSN 1999-2629 of 14.05.2008
- Included in the catalog of periodicals Ulrich's Periodicals Directory
- The materials of the journal are published on the sites: journals.uspu.ru (the site of scientific journals of the Ural State Pedagogical University); <http://politlinguist.ru/>
- Since 2010 by the decision of the Presidium of VAK of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation the journal has been included in the list of the leading peer-reviewed scientific journals and publications in which the main results of research in candidate and doctoral dissertations should be published
- Included in the United Catalog «Russian Press», Index 81955

Ekaterinburg 2019

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор: *А. П. Чудинов*, Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия

Заместители главного редактора

Э. В. Будаев Российский государственный профессионально-педагогический университет, Нижний Тагил, Россия

М. Б. Ворошилова Уральский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Екатеринбург, Россия

Члены редакционной коллегии:

В. Н. Базылев Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

Ю. В. Богоявленская Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия

Р. Гусман Тирадо Университет Гранады, Гранада, Испания

Е. В. Дзюба Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия

С. В. Иванова Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Россия

В. И. Карасик Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина, Москва, Россия; Тяньцзиньский университет иностранных языков, Китай

Н. Н. Кошкарлова Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет), Челябинск, Россия

Е. А. Нахимова Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия

Н. Б. Руженцева Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия

О. А. Солопова Южно-Уральский государственный университет, Челябинск, Россия

Д. Вайс Университет Цюриха, Швейцария

А. де Лазари Лодзинский университет, Польша

И. Иньего-Мора Севильский университет, Испания

Б. Ю. Норман Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь

П. Серио Лозаннский университет, Швейцария

Й. Сипко Прешовский университет, Словакия

П. Стейнер Пенсильванский университет, США

У Айхуа Пекинский государственный университет иностранных языков и внешних связей, Китай

Л. Цонева Велико-Тырновский государственный университет Св. Кирилла и Мефодия, Болгария

Дж. Шарафутдинов Гуандунский государственный университет иностранных языков и внешних связей, Китай

Ян Кэ Гуандунский государственный университет иностранных языков и внешних связей, Китай

Технический редактор: *Д. О. Морозов*

Заведующий отделом перевода: *С. М. Поляков*

ISSN 1999-2629

© ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет», 2019

© Политическая лингвистика, 2019

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief: *A. P. Chudinov*, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia

Deputy Editors-in-Chief

E. V. Budaev Russian State Vocational Pedagogical University, Nizhniy Tagil, Russia
M. B. Voroshilova Ural Institute of Management, branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Ekaterinburg, Russia

Editorial Board:

V. N. Bazylev Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
Y. V. Bogoyavlenskaya Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia
R. Guzman Tirado University of Granada, Spain
E. V. Dzyuba Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia
S. V. Ivanova Leningrad State University named after Alexander Pushkin, St. Petersburg, Russia
V. I. Karasik Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia; Tianjin Foreign Studies University, China
N. N. Koshkarova South Ural State University (National Research University), Chelyabinsk, Russia
E. A. Nakhimova Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia
N. B. Ruzhentseva Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia
O. A. Solopova South Ural State University, Chelyabinsk, Russia
D. Weiss University of Zurich, Switzerland
A. de Lazari University of Łódź, Poland
I. Iñigo-Mora University of Seville, Spain
B. Yu. Norman Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus
P. Seriot University of Lausanne, Switzerland
J. Sipko University of Prešov, Slovakia
P. Steiner University of Pennsylvania, USA
Wu Aihua Beijing Foreign Studies University, China
L. Tsoneva St. Cyril and St. Methodius University of Veliko Turnovo, Bulgaria
G. Sharafutdinov Guangdong University of Foreign Studies, China
Yang Ke Guangdong University of Foreign Studies, China

Technical editor: D. O. Morozov

Head of Translations Department: S. M. Polyakov

СОДЕРЖАНИЕ

Редакционные принципы журнала «Политическая лингвистика»	10
--	----

РАЗДЕЛ 1. ТЕОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Кушнерук С. Л.	Траектории исследования информационно-психологической войны в российской лингвистике	12
Мишкурин Э. Н.	О девиантном узусе в современном политическом дискурсе.....	23
Руженцева Н. Б.	Индивидуально-авторская представленность ценностей в жанре политического портрета (на материале печатных СМИ).....	29
Сергиенко Н. А.	Сопоставительная когнитивная лингвокультурология как новое научное направление в современной лингвистике.....	37
Темиргазина З. К.	Модальные значения как эффективное средство языкового воздействия в речи политиков.....	44

РАЗДЕЛ 2. ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Бабилова М. Р. Порозов Р. Ю.	Анализ концепта «маргинальность» как этап формирования представления о понятии «маргинальные политические практики»	51
Зиновьев Н. В.	Живые, мертвые и реанимированные метафоры в политическом дискурсе (на материале выступлений Д. Кэмерона и Б. Обамы)	57
Каменева В. А. Федянина Л. И.	Гендерный аспект эвфемизации дискурса политиков. В. В. Путин vs А. Меркель (лингвоперсонологический подход)	64
Коптяева Н. Н.	Языковые и графические способы дискредитации Джереми Корбина в интернет-мемах.....	73
Мухарямов Н. М. Януш О. Б. Шакурова Г. З.	О дискурсивных подходах к исследованию языковой политики	84
Нигматуллина Э. Р.	Смысловое пространство эмоций в англоязычном политическом дискурсе	95
Пирожкова И. С.	Идиостиль политика: общие закономерности использования прецедентных имен в дискурсах К. Райс и И. Хакамады.....	101
Тамерьян Т. Ю. Качмазова А. У.	Названия партий как маркер идеологических концептов политического дискурса	110
Ткаченко О. А.	Переименование политических партий в современной Германии.....	116
Щербак И. В.	Языковые средства формирования образа патриота в публичных выступлениях американских политиков.....	125

РАЗДЕЛ 3. ЯЗЫК — ПОЛИТИКА — КУЛЬТУРА

Багдасарян О. Ю.	Память второго поколения и работа с прошлым в современной детской литературе	132
------------------	---	-----

Ерёмина С. А.	Речевой портрет Н. С. Трубецкого на материале письма к П. П. Сувчинскому.....	139
Сметанина Н. А.	Проблема личности в пьесе Эдварда Олби «Я как таковой и я»	145
Челпанова Е. В. Новикова В. П.	Концепт «state» в англоязычном художественном дискурсе	151
Безбородова Ю. В. Коростелева Л. В.	Креолизованный текст в структуре пропагандистского дискурса.....	159

РАЗДЕЛ 4. ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА: ЯЗЫК И ПРАВО

Будаев Э. В. Саввина Л. Я.	Судебная фонетика: становление дисциплины.....	164
Зайцева О. В.	Соматический код в секстинге.....	171
Зуга О. В.	Особенности реализации речевого акта <i>отказа</i> в конфликтном тексте	182
Маслова В. А. Лавицкий А. А.	Власть политическая и судебная: трансфер идей и терминов.....	189
Хазимуллина Е. Е. Фомина Ю. С.	Маркеры принадлежности материалов террористическим организациям (по результатам комплексной лингвистико-религиоведческой экспертизы)	197

РАЗДЕЛ 5. ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Ли Сыци	Общественно-политическая лексика китайского происхождения в русском языке	205
Лю Лифэнь	Анализ полярности русского «военного» новостного дискурса.....	214
Фэй Цзюньхуэй	О передаче культурной специфики китайского политического текста в переводе (на материале издания «Си Цзиньпин о государственном управлении»)	219
Чжао Янь	Повтор как средство речевого вовлечения в публичном выступлении Президента России В. В. Путина (на примере новогодних обращений 2014—2018 гг. к гражданам России)	225
Правила представления авторами рукописей в журнал «Политическая лингвистика»		232

CONTENTS

Editorial Principles of the Journal “Political Linguistics”	10
---	----

PART 1. THEORY OF POLITICAL LINGUISTICS

Kushneruk S. L.	Trajectories of Information and Psychological War Research in Russian Linguistics.....	12
Mishkurov E. N.	On the Deviant Usus in Contemporary Political Discourse	23
Ruzhentseva N. B.	Individual Authored Interpretation of Values in the Genre of Political Portrait (on the Material of Print Media)	29
Sergienko N. A.	Comparative Cognitive Linguoculturology as a New Scientific Area in Modern Linguistics.....	37
Temirgazina Z. K.	Modal Meanings as Effective Means of Verbal Manipulation in the Speech of Politicians.....	44

PART 2. POLITICAL COMMUNICATION

Babikova M. R. Porozov R. Yu.	Analysis of the Concept “marginality” as a Stage of the Development of the Term “marginal political practices”	51
Zinov'ev N. V.	Living, Dead and Reanimated Metaphors in Political Discourse (Based on the Speeches of D. Cameron and B. Obama).....	57
Kameneva V. A. Fedyanina L. I.	Gender Aspect of Euphemization of Discourse of Politicians: V.V. Putin vs A. Merkel (a Linguopersonological Approach).....	64
Koptyaeva N. N.	Linguistic and Graphic Means of Discrediting Jeremy Corbyn in Internet Memes	73
Mukharyamov N. M. Yanush O. B. Shakurova G. Z.	About Discursive Approaches to the Study of Language Policy.....	84
Nigmatullina E. R.	Semantic Space of Emotions in English Political Discourse	95
Pirozhkova I. S.	Individual Style of a Politician: Common Features of Precedent Names in the Discourse of C. Rice and I. Khakamada.....	101
Tameryan T. Yu. Kachmazova A. U.	Party Names as Markers of Ideological Concepts of Political Discourse	110
Tkachenko O. A.	Renaming Political Parties in Modern Germany.....	116
Shcherbak I. V.	Linguistic Means of Formation of the Image of a Patriot in Public Speeches of American Politicians	125

PART 3. LANGUAGE — POLITICS — CULTURE

Bagdasaryan O. Yu.	Second Generation Memory and Experiments with the Past in Modern Children's Literature	132
--------------------	---	-----

Eremina S. A.	Speech Portrait of N. S. Trubetskoy on the Material of the Letter to P. P. Suvchinskiy	139
Smetanina N. A.	The Problem of Personality in "Me, Myself and I" by Edward Albee	145
Chelpanova E. V. Novikova V. P.	The Concept of "state" in the English Fictional Discourse	151
Bezborodova Yu. V. Korosteleva L. V.	Creolized Text in the Structure of Propaganda Discourse	159

PART 4. LINGUISTIC EXPERTISE: LANGUAGE AND LAW

Budaev E. V. Savvina L. Ya.	Forensic Phonetics: Genesis of a Discipline	164
Zaitseva O. V.	Somatic Code in Sexting	171
Zuga O. V.	Special Aspects of Realization of the Speech Act of <i>refusal</i> in Conflictual Text	182
Maslova V. A. Lavitskiy A. A.	Political and Judicial Power: Transfer of Ideas and Terms	189
Khazimullina E. E. Fomina Yu. S.	Markers for Identification of Terrorist Organization Texts (as a Result of Comprehensive Linguo-Religious Expertise)	197

PART 5. FOREIGN EXPERIENCE

Li Siqu	Socio-political Words of Chinese Origin in Russian	205
Liu Lifan	On Polarity of the Russian Military News Discourse	214
Fei Junhui	On the Cultural Translation of Chinese Political Discourse: A Case Study of the Russian Version of Governance of China.....	219
Zhao Yan	Reiteration as a Means of Speech Involvement in the Public Speech of Russian President Vladimir Putin (on the Example of New Year Addresses to Russian Citizens 2014—2018).....	225

Manuscripts Requirements	232
--------------------------------	-----

РЕДАКЦИОННЫЕ ПРИНЦИПЫ ЖУРНАЛА «ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА»

Уважаемые авторы и коллеги, в истории развития нашего журнала наступил некий период «зрелой оценки». Мы перестали быть специализированным журналом для узкого круга любителей «политической лингвистики». А значит, расширился круг наших авторов и читателей.

Именно сейчас мы решили сформулировать основные редакционные принципы нашего журнала, что позволит легче вливаться в наш коллектив новым авторам, позволит наладить конструктивное сотрудничество.

Опираясь на наш многолетний опыт, на уже сформировавшиеся традиции нашего журнала, а также на принятые в мировой практике основы редакционной этики (см., например: *Кодекс этики научных публикаций* (<http://publicet.org/code/>), *Code of Conduct and Best Practice Guidelines for Journal Editors* (<http://publicationethics.org/resources/code-conduct>) и др.), мы представляем общие редакционные принципы нашего журнала.

Мы надеемся, что данные принципы будут приняты всеми, кто тем или иным образом участвует в жизни нашего журнала — авторами, рецензентами, редакторами, издателями, распространителями и читателями.

Общие принципы журнала «Политическая лингвистика»

Мы уважаем существующие в каждом государстве национальные особенности политической коммуникации, связанные с историей, культурой и политической системой данного государства.

Мы считаем необходимым соблюдение принципов толерантности и политической корректности, в том числе в статьях, созданных в рамках критического анализа дискурса.

Мы исходим из того, что сам факт анализа политических текстов, созданных политическими экстремистами, вовсе не свидетельствует о том, что автор публикации или редакционная коллегия в какой-либо степени солидарны с позицией соответствующего политического лидера или журналиста.

В сочетании «политическая лингвистика» для нас значимы обе части. И хотя мы считаем наш журнал лингвистическим, стремимся предоставлять трибуну политологам, психологам, социологам и специалистам по иным социально-гуманитарным наукам.

Мы стремимся к общедоступности, поэтому наш журнал представлен в свободном доступе на сайте научных журналов Уральского государственного педагогического университета *journals.uspu.ru*, в Научной электронной библиотеке *E-library*, а также на сайте *cognitiv.narod.ru*, где размещены и иные публикации по проблемам политической лингвистики, преимущественно подготовленные в рамках Уральской школы политической лингвистики.

Мы стремимся к сохранению научных традиций, чему в нашем журнале призван служить раздел «Зарубежный опыт», предназначенный для публикации как современных исследований зару-

бежных коллег в области политической лингвистики, так и впервые переведенных на русский язык работ, которые, хотя и написаны много десятилетий назад, сохраняют свою значимость для теории и истории науки.

Мы приглашаем к активному сотрудничеству всех, интересующихся проблемами политической лингвистики. В частности, мы будем благодарны за помощь в поиске материалов для раздела «Зарубежный опыт»: к сожалению, нам все труднее находить переводчиков-волонтеров, и мы будем благодарны всем, кто либо сам найдет и переведет интересный текст, либо предложит свои услуги в качестве переводчика для текста, подобранного редакцией. Как известно, публикация перевода, в соответствии с решением экспертного совета ВАК, приравнивается для переводчика к публикации научной статьи, что иногда бывает важным при представлении диссертации к защите. Также редакционная коллегия будет благодарна за присланные рецензии на новые интересные работы, соответствующие тематике нашего журнала.

Принципы редактора журнала «Политическая лингвистика»

При принятии решения о публикации наши редакторы руководствуются в первую очередь научной значимостью рассматриваемой работы и новизной представленного материала.

Наши редакторы стремятся оценивать интеллектуальное содержание рукописей вне зависимости от расы, пола, сексуальной ориентации, религиозных взглядов, происхождения, гражданства, социального положения или политических предпочтений авторов. Учитывая специфику журнала, особенно важно последнее: как уже неоднократно сообщалось, мы против политической цензуры, с уважением относимся к политическим взглядам авторов наших публикаций, хотя не всегда и не во всем с ними согласны. Осуществляется двойное «слепое» рецензирование присланных материалов, при котором рецензенты не знают автора статьи.

Редактор не должен допускать к публикации информацию, если имеется достаточно оснований полагать, что она является плагиатом. Напоминаем, что с мая 2012 г. все поступающие в редакцию статьи тестируются в системе «Антиплагиат».

Мы настроены на тесный контакт с нашими авторами, поэтому наши редакторы не оставляют без ответа любые вопросы, касающиеся рассмотренных рукописей или опубликованных материалов, а при выявлении спорной ситуации мы стремимся сохранить научное равновесие и дать возможность авторам научно и корректно высказать свою точку зрения.

Принципы автора журнала «Политическая лингвистика»

Авторы статьи должны представлять достоверные результаты проведенных исследований.

Заведомо ошибочные или сфальсифицированные утверждения неприемлемы.

Авторы должны гарантировать, что результаты исследования, изложенные в представленной рукописи, полностью оригинальны. Чрезмерные заимствования, а также плагиат в любых формах, включая неоформленные цитаты, перефразирование или присвоение прав на результаты чужих исследований, неэтичны и неприемлемы.

Необходимо признавать вклад всех лиц, так или иначе повлиявших на ход исследования, в частности, в статье должны быть представлены ссылки на работы, которые имели значение при проведении исследования.

Авторы не должны представлять в журнал рукопись, которая была отправлена в другой журнал и находится на рассмотрении, а также статью, уже опубликованную в другом журнале. Подобные «исследования» мы возвращаем создателям с указанием места первоначальной публикации и добрыми пожеланиями.

В качестве соавторов статьи следует указывать всех лиц, внесших существенный вклад в проведение исследования. Среди соавторов недопустимо указывать лиц, не участвовавших в исследовании.

Если автор обнаружит существенные ошибки или неточности в статье на этапе ее рассмотрения или после опубликования, он должен как можно скорее уведомить об этом редакцию журнала. В таком случае мы публикуем уточняющую информацию в ближайшем номере.

Мы не имеем возможности оплачивать труд литературных редакторов и корректоров, а по-

тому ответственность за подбор и точность цитат или иного рода недочеты несут авторы публикаций.

Контакты.

Почтовый адрес: 620017, Екатеринбург, пр-т. Космонавтов 26, Уральский государственный педагогический университет, кафедра риторики и межкультурной коммуникации (каб. 285).

Электронная почта: ap_chudinov@mail.ru., shinkari@mail.ru.

Интернет-сайт: <http://politlinguist.ru/>

Группа в социальной сети «Фейсбук»: <https://www.facebook.com/groups/296664587806086/>

**С уважением
и надеждой на сотрудничество:**

д-р филол. наук, проф.
Анатолий Прокопьевич Чудинов,
д-р филол. наук, доцент
Эдуард Владимирович Будаев,
канд. филол. наук, доцент
Мария Борисовна Ворошилова,
канд. филол. наук
Даниил Олегович Морозов.

РАЗДЕЛ 1. ТЕОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

УДК 811.161.1'42:811.161.1'38
ББК ШП41.12-51+ШП41.12-55
DOI 10.26170/pl19-06-01

ГСНТИ 16.21.07; 16.21.33

Код ВАК 10.02.19

С. Л. Кушнерук

Южно-Уральский гос. гуманитарно-педагогический ун-т.; Челябинский гос. ун-т, Челябинск, Россия

ORCID ID: 0000-0003-4447-4606

 E-mail: Svetlana_kush@mail.ru.

Траектории исследования информационно-психологической войны в российской лингвистике

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются траектории исследования информационно-психологической войны в российской лингвистике.

Цель исследования — углубить представления о возможностях лингвистического анализа языка информационного противоборства и выделить перспективные направления развития лингвистики информационно-психологической войны. Задачи исследования: осмысление имеющихся научных достижений, обнаруженных после того, как лингвистика информационно-психологической войны получила систематическое обоснование; установление общности взглядов российских филологов на явление информационно-психологической войны; определение проблем, требующих научного решения в поле лингвистики информационно-психологической войны. Материалом для анализа служат монографии и статьи отечественных специалистов, извлеченные из национальной электронной библиотеки «ELIBRARY». Применяются методики аналитико-описательного метода, включающие наблюдение, обобщение, интерпретацию.

Доказывается, что лингвистика информационно-психологической войны выделяется из политической лингвистики в ответ на вызовы времени, представляющие опасность нанесения ущерба национальным интересам России в информационной сфере. Устанавливается, что текущее состояние лингвистики информационно-психологической войны характеризуется методологической неоднородностью и терминологической вариативностью. Обнаруживается, что на фоне разных подходов к изучению языка информационного противоборства кристаллизуются две существующие линии в исследовании информационно-психологической войны — коммуникативно-прагматическая и когнитивно-дискурсивная. Систематизируются характеристики информационно-психологической войны как явления, объективируемого в российских и иноязычных СМИ разной направленности. Обозначаются перспективы исследования информационно-психологической войны в кругу смежных феноменов. Полученные результаты представляют интерес с точки зрения разработки общей теории языка информационного противоборства и лингвистических основ противодействия угрозам в медиасфере.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: информационно-психологическая война; лингвистический анализ; политическая лингвистика; медиалингвистика; русский язык; медиадискурс; медиатексты; СМИ; средства массовой информации.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Кушнерук Светлана Леонидовна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры английской филологии, Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет; профессор кафедры теории и практики английского языка, Челябинский государственный университет; 454080, Россия, г. Челябинск, пр-т Ленина, 69; e-mail: Svetlana_kush@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Кушнерук, С. Л. Траектории исследования информационно-психологической войны в российской лингвистике / С. Л. Кушнерук // Политическая лингвистика. — 2019. — № 6 (78). — С. 12-22. — DOI 10.26170/pl19-06-01.

Введение: постановка проблемы

В связи с вхождением цивилизации в информационную стадию развития и стремительным внедрением цифровых технологий в начале XXI в. усиливается потребность выработки лингвистических основ противодействия информационной агрессии в медиасфере. Можно ли считать тему информационно-психологической войны искусственно созданным журналистами хайпом (от англ. *hype* — шумиха), будоражащим сознание обычных людей? Очевидно, что нет. На фоне прогресса сетевых коммуникаций информационная война становится вызовом XXI в. В отличие от физической, она не

представляет выраженной угрозы уничтожения противника. В общей картине медиареальности информационная война часто малозаметна, однако в руках сетевых менеджеров ее воздействующий потенциал был неоднократно реализован деструктивно, о чем свидетельствуют факты о «твиттер-революциях» в Молдове, Иране, Тунисе, Египте, Украине, результатом которых в 2010-х гг. стали беспорядки и смена власти.

Новейшая история демонстрирует, что информационно-психологические войны (далее — ИПВ) в СМИ предшествуют «горячим» конфликтам, подготавливая общественное мнение к силовым действиям. При отсутст-

вии мер защиты реальны далеко идущие негативные последствия. **Актуальность** работы определяется приоритетной государственной задачей, поставленной Президентом [Доктрина 2016], — необходимостью создания научной основы для обеспечения информационной безопасности Российской Федерации и нейтрализации информационно-психологического воздействия, направленного на размывание российских духовно-нравственных ценностей, со стороны зарубежных медиа. На этом фоне комплексное лингвистическое изучение языка информационно-психологического противоборства необходимо и своевременно.

Цель статьи — определить основные траектории развития исследований, посвященных ИПВ, в российском языкознании, начиная с 2017 г., когда **лингвистика ИПВ** впервые получила системное обоснование как самостоятельное научное направление [Лингвистика... 2017]. Обзорно-аналитический характер статьи обуславливает выбор материала исследования — работы отечественных специалистов за два года существования «молодого» направления лингвистики ИПВ (2017—2018 гг.). Выборка включает 221 публикацию, извлеченную из электронной библиотеки «Elibrary» по тематическим рубрикам «Языкознание» и «Массовая коммуникация». Применяемый в работе аналитико-описательный метод конкретизируется методиками наблюдения, интерпретации и обобщения.

ИПВ определяется как «противоборство сторон, которое возникает из-за конфликта интересов и/или идеологий и осуществляется путем намеренного, прежде всего языкового, воздействия на сознание противника (народа, коллектива или отдельной личности) для его когнитивного подавления и/или подчинения, а также посредством защиты от такого воздействия» [Лингвистика... 2017: 13]. Докажем, что в исследованиях ИПВ в отечественной науке отчетливо выделяются две траектории — коммуникативно-прагматическая и когнитивно-коммуникативная (когнитивно-дискурсивная).

Коммуникативно-прагматическое направление исследований информационно-психологической войны

ИПВ исследуется в единстве коммуникативных, прагматических и функциональных факторов. Последний из названных мы воспринимаем в трактовке Е. С. Кубряковой: «...язык представляет собой инструмент, орудие, средство, наконец, механизм для осуществления определенных целей и реализации человеком определенных намере-

ний» в познании действительности и социальной интеракции [Язык и наука конца XX века 1995: 217].

Коммуникативный уклон во взаимодействии с прагматическим и функциональным дает возможность сосредоточиться на контексте ИПВ, включающем политическую обстановку, время, условия, ситуации, участников, цели, задачи, итоги коммуникации. Специалистов интересуют принципы и способы организации речи в соответствии с определенными целеустановками. Обобщенным предметом исследований выступают коммуникативные (речевые) стратегии и тактики, которые используются в ведении информационно-психологических войн, а также лингвопрагматические характеристики феноменов, функционирующих в условиях ИПВ.

В указанной перспективе одним из объектов научного притяжения является информационная агрессия, которая определяется как «выражение открытой неприязни и враждебности к референту и целенаправленное воздействие на сознание адресата с целью его идеологического подчинения» [Озюменко 2017: 204]. Н. Н. Кошкарлова, Н. Б. Руженцева, Е. Н. Зотова анализируют лингвопрагматические особенности репрезентации «русской агрессии» на страницах американских СМИ [Кошкарлова, Руженцева, Зотова 2018]. В. И. Озюменко описывает стратегии и тактики вербальной и невербальной агрессии в условиях информационной войны в американских и британских медиа. Выявляются особенности реализации стратегий устрашения, идеологической поляризации, введения в заблуждение, а также серии тактик (сокрытие фактов, фабрикация фактов, ложное оперирование понятиями, бездоказательные утверждения, утверждение и повторение, уход от определенности и др.), благодаря которым осуществляется манипуляция в англоязычных СМИ [Озюменко 2017].

При этом терминосочетания *информационная агрессия* и *медийная агрессия* используются синонимично. Представляется, однако, что отождествление агрессии информационной и медийной правомерно только в том случае, если медиа толковать расширительно, включая новые медиа — СМИ в цифровом формате, предполагающие активное участие пользователей в распространении контента, а также социальные сети, ставшие полноправными участниками информационного поля.

Удачной можно признать попытку установить соотношение понятий информационной войны и информационной агрессии как целого и части. Дальнейшие рассуждения о реализации информационной агрессии по-

средством медиа могли бы привести к разделению ИПВ на внешнюю и внутреннюю. В первом случае противоборствующими сторонами оказываются представители разных лингвокультур. Во втором случае возникает оруэлловская трактовка ИПВ, когда собственных граждан убеждают в наличии врага, с которым идет борьба.

В большинстве случаев речевые тактики и приемы рассматриваются как часть **технологии ИПВ**. В фокусе внимания ученых нередко оказывается одна стратегия, которая представлена рядом тактик и приёмов [Агапова, Гущина 2017; Копнина 2017]. Признание того, что манипулятивное воздействие в СМИ проявляется в формах воздействия речевого, делает традиционным описание **приемов речевого воздействия**, благодаря которым актуализируется коммуникативная/речевая стратегия. К приемам речевого воздействия, направленным на реализацию стратегии демонизации, относят апелляцию к авторитету, стереотипам, фоновым знаниям адресата, персонализацию события, использование полуправды, устаревание, предъявление обвинений [Юсупова, Теплых 2017]. Выявлен спектр манипулятивных приемов дискредитации православия, включающий приемы референциальной манипуляции; негативно-оценочные риторические определения и противопоставления православия другим религиям; сочетания слов «православие» и его дериватов со словами, имеющими негативно-оценочные коннотации; постановка слова «православие» в синтаксически однородный ряд с понятиями, обозначающими социально неодобряемые явления [Копнина 2017: 208]. В других работах представлены иные типологии. Многообразие приемов речевого воздействия, описываемое авторами в национальном и инациональном дискурсах СМИ, поистине неозоримо. Думается, однако, что это размывает само понятие, представляет методологическую проблему и нуждается в прояснении.

Лингвопрагматическая специфика реализации ИПВ в СМИ изучается на примере конкретных политических событий. В исследуемый период одним из «нашумевших» стало «дело Скрипалей», спровоцировавшее информационно-политический конфликт между Великобританией и Россией в 2018 г. Ю. Р. Тагильцева систематизирует средства, благодаря которым создается «демонический» образ России как страны-агрессора и реализуются три стратегии — психологического напряжения, дискредитации, диффамации [Тагильцева 2018].

В рамках коммуникативно-прагматического направления исследуются особенно-

сти **речевых жанров** как крупных коммуникативных единиц, имеющих устойчивый тематический, композиционный и стилистический тип построения текста и способных служить целям информационного противоборства [Горбачёва 2017]. В этом отношении большой интерес представляет лингвопрагматический анализ памфлета и панегирика как жанров-антиподов в аспекте противостояния идеологий в российских массмедиа и специфики их лингвистического оформления [Сковородников, Копнина, Анисимова 2018]. Работа методологически усиливается контекстуальным анализом, направленным на установление аксиологической функции используемых языковых единиц, «путем вычленения, демонстрации и комментирования высказываний и фрагментов текста, обусловливающих в совокупности своих контекстуальных связей его аксиологическую тональность» [Там же: 49]. Доказывается, что памфлет и панегирик представляют собой жанры, наилучшим образом предназначенные для идеологического противоборства, поскольку используемые в них выразительные средства носят оппозиционный оценочный характер и группируются в рамках категорий глорификации и негативации.

Жанр рассматривается как «коммуникативное орудие» ИПВ. Во многих работах производится попытка определения его роли в создании коллективного имиджа, в том числе негативного имиджа России в иноязычной медийной коммуникации. Отметим, что работы, в которых изучаются особенности конструирования имиджа страны, народа в условиях ИПВ, становятся многочисленными. Это связано с тем, что в последние годы проводятся международные научные конференции, посвященные вопросам конструирования имиджа в условиях мира и информационной войны, которые привлекают внимание большого числа специалистов [Образ России... 2017; Wizerunek 2019]. Сопутствующими являются статьи и монографии, авторы которых ставят цель выявить специфику актуального образа объекта или события, создаваемого медиаменеджерами, установить особенности имиджа в СМИ сквозь призму языка.

Особое внимание уделяется актуализации ментальных репрезентаций в медийном и политическом дискурсах, а также оценочным средствам и текстопостроительным моделям, формирующим и закрепляющим в сознании реципиентов определенные картины мира [Зарипов 2017; Каблуков 2017; Кокурина, Хорецкая 2018; Коцюбинская 2018; Кушнерук 2018; Лаухина, Туркин 2017; Образ России... 2017; Павлова 2017; Попова, За-

рипов 2017; Проблемы конструирования идентичности... 2017; Россия глазами Европы 2018; Тагильцева 2018; Уразаева, Морозов 2017; Шулежкова 2017].

Помимо коммуникативного аспекта, названные работы учитывают когнитивные факторы, которые влияют на объективацию имиджа в медиакоммуникации. Публикации имеют имагологическую направленность, т. е. в них решаются частные задачи, вытекающие из общей цели **имагологии** как активно развивающегося направления современного языкознания. По мнению основоположников теории Дж. Лиерссена и М. Беллера, она заключается в описании происхождения, процессов становления и функций национальных предрассудков и стереотипов, с тем чтобы вывести их на поверхность, проанализировать и дать о них рациональное представление [Beller, Leerssen 2007: 7].

В имагологическом плане усматривается обязательная связь информационно-психологической войны с конструированием **обобщенного образа врага**: в российских СМИ — Запада как внешнего врага и оппозиции (пятой колонны) как врага внутреннего; в зарубежных СМИ — России как врага западного мира [Зарипов 2017; Казаченко 2018; Кушнерук 2018; Морозова 2018; Павлова 2017; Попова, Зарипов 2017; Проблемы конструирования идентичности... 2017: 35]. Выявляются семантико-стилистические особенности медиатекстов, устанавливаются семантические доминанты, которые реализуются с помощью различных языковых средств и речевых приемов для создания медиаобраза России. Отечественные специалисты стремятся ответить на вопрос, как создается образ нашей страны в инонациональных медиадискурсах — американском, британском, немецком, французском. В аксиологическом аспекте определяется роль языка в формировании образа мира и системы ценностей в общественном сознании.

Вырабатывается единство мнений относительно того, что западные СМИ консолидированы в вопросах противостояния России, и их усилия направлены на демонизацию образа нашей страны и дискредитацию действий президента [Зарипов 2017; Попова, Зарипов 2017; Россия глазами Европы 2018; Уразаева, Морозов 2017]. При этом подчеркивается, что негативное информационное воздействие на читателей преимущественно осуществляется в эмоциональной плоскости посредством образно-метафорических номинаций [Коцюбинская 2018; Попова, Зарипов 2017: 125].

Признание того, что структуры сознания и структуры языка находятся в активном

взаимодействии, а коммуникация в обязательном порядке опосредована ментальными процессами участников, имеющих опыт взаимодействия с внешней средой и основанное на нем мировидение, включенных в широкий культурный, социальный, политический контекст, предопределяет развитие когнитивно-дискурсивного (когнитивно-коммуникативного) направления.

Когнитивно-дискурсивное направление исследований информационно-психологической войны

ИПВ обобщенно трактуется как система способов информационно-психологического воздействия на сознание, используемая для формирования и/или изменения картины мира адресата, необходимой заинтересованным акторам [Гаврилов 2018; Каблуков 2017; Кокурина, Хорецкая 2018; Коцюбинская 2018; Проблемы конструирования идентичности... 2017; Цыцаркина 2018].

Воздействие на когнитивную сферу людей прочно ассоциируется с понятием **манипуляции**, которая воспринимается как форма управления знаниями, мнениями, убеждениями, контролирующими поведение людей. Она представляет собой мультимодальный феномен, включающий коммуникативный, психологический, этический, социальный, когнитивный, семиотический и дискурсивный аспекты. Принципиально, что манипуляторы осуществляют контроль над массами людей против их воли и интересов. Идеологическое подчинение возникает в результате внушения (воздействие на эмоции) и убеждения (воздействие на разум).

Манипуляция в СМИ является дискурсивной социальной практикой, реализуемой посредством текстов, речи и визуальных образов. Говоря о манипуляции в ракурсе речевого воздействия, специалисты имеют в виду использование скрытых возможностей языка для воздействия на сознание, благодаря чему «прививаются» нужные идеи. Это происходит в соответствии с принципом «социального эгоизма», то есть «все формы интеракции и дискурса имеют тенденцию отвечать в первую очередь интересам адресантов» [Дейк 2014: 259]. Манипуляция массовым сознанием признается главным элементом психологических операций и ИПВ.

К приемам манипулятивного воздействия относят дезинформацию, демонизацию, запугивание [Гаврилов 2018]. В большинстве работ подчеркивается, что в случае манипуляции информация подчинена конкретным целям, а политические элиты стремятся навязать коллективам людей определенные взгляды с целью получить одобрение собст-

венных действий [Агапова, Гущина 2017; Лаухина, Туркин 2017; Озюменко 2017; Самикова 2018; Юсупова, Теплых 2017].

С большей или меньшей степенью полноты авторы стремятся описать языковые средства, благодаря которым «диагностируется» манипуляция в медиакоммуникации разных стран. Лингвистический анализ средств ведения информационной войны в англоязычном либеральном дискурсе и механизмы модификации значения языковых единиц в политических целях представлены в работе Н. М. Потаповой. Производится лингвостилистический анализ высказываний на семантическом (прямые значения слов) и метасемиотическом (функционирование слов в речи, коннотации в контексте употребления) уровнях [Потапова 2018].

Комплексный характер носит исследование восприятия журналистских заголовков украинской газеты «Сегодня» за 2018 г. [Артамонова, Ефименко 2019]. В материалах, тематически связанных с Луганской и Донецкой Народными Республиками, выделяются четыре типа языковых средств манипулирования: графические, лексико-семантические, семантико-синтаксические, фразеологические [Артамонова, Ефименко 2019]. В частных вариантах используемых журналистами лексико-семантических и синтаксических средств, а также их трансформированных вариантов анализу подвергаются эмоционально-оценочная лексика [Лаухина, Туркин 2017; Павлова 2017]; военно-политические эвфемизмы [Палажченко 2017]; контаминанты [Голодов 2018]; ксенонимы [Иванова 2017]; цитаты (интертекстуальные вкрапления) [Красовская 2017].

Особенности функционирования лексических единиц, отсылающих к инокультурной семиосфере, в англоязычном массмедийном политическом дискурсе выявляет С. В. Иванова. Применение дискурс-анализа позволяет заключить, что ксенонимы, используемые в рамках дискурсивной практики демонизации, включают: 1) лексические единицы, именующие реалии чужой культуры (*czar*); 2) лексические единицы с обозначением чужого этноса (*Russian*); 3) транслитерированные лексические единицы с обозначением социальных практик, которые считаются отсутствующими в своем социуме (*maskirovka*); 4) предикативные единицы, служащие обозначению прецедентных явлений чужой культуры (*Potemkin village*); 5) словообразовательные модели с использованием ксенонимической морфемы, заимствованной из чужой лингвокультуры (*feminazi*) [Иванова 2017].

Общим местом названных разноплановых по характеру задач исследований явля-

ется вывод о том, что манипулятивная/воздействующая функция СМИ становится доминирующей, вытесняющей другие в условиях информационной войны между Россией и Западом. Манипуляция в СМИ находит выражение в селективном выборе речевых единиц, служащих показателями идеологической ангажированности медиапространства, что приводит к системному искажению фактов, незаметному изменению реальности для индивидуального, группового и массового адресата.

Для снижения уязвимости к воздействию манипуляторов также исследуется феномен **контрманипуляции** [Копнина 2018]. Проблемы защиты от манипуляции рассматриваются в связи с обозначением речевых действий, их системным описанием и типологией. Г. А. Копнина вводит понятие *речевого контрманипулятива* — единицы речи, используемой в функции нейтрализации манипулятивного воздействия. Речевая контрманипуляция в целом определяется как стратегия речевого поведения, которая «направлена на защиту от манипулятивного влияния и основана на использовании речевых тактик и приемов, реализующих задачи уклонения от влияния манипулятора (скрытого маневрирования) или открытого противодействия ему» [Копнина 2018: 8].

В последние два года в российской лингвистике продуктивно развивается идея о том, что манипуляция содержит ментальный компонент и реализуется с помощью **механизмов дискурса**. Она принимается за основу в публикациях, использующих методологию критического дискурс-анализа (вербально-семиотические характеристики текстов рассматриваются в тесном взаимодействии с контекстуальными факторами) и концептуальный анализ [Енина, Ильина, Каблуков, Чепкина 2017; Проблемы конструирования идентичности... 2017].

В тех случаях, когда информационная война рассматривается как когнитивно-дискурсивный феномен, речь идет о целенаправленном конструировании реальности, наносящем урон какому-либо объекту либо его образу в медиадискурсе [Каблуков 2017]. В онтологическом отношении информационная война трактуется как «**дискурсивный концепт**», функционирующий как элемент технологии борьбы за власть и оказывающий существенное влияние на практики идентификации в российском журналистском дискурсе. Его лингвистическими маркерами выступают негативные оценки, военные метафоры, отрицательно-оценочная, стилистически сниженная лексика по отношению к политическим и идеологическим оппонентам

[Енина, Ильина, Каблуков, Чепкина 2017: 99]. Для осмысления мобилизационного потенциала дискурсивного концепта «информационная война» в российских СМИ выявляются субъекты конструируемой войны, роль России в этих процессах, а также методы ее ведения.

Наряду с понятием дискурсивного концепта как содержательной оперативной единицы знания, реализуемой в дискурсе, одним из центральных в когнитивно-коммуникативном отношении является понятие **фрейма**. Понимание фрейма в коммуникативистике и когнитивной лингвистике отличаются. В первом случае оно складывается из представлений о результатах отбора некоторых аспектов действительности и «их акцентирования в смежных контекстах, посредством чего достигается подробное проблемное описание, интерпретация, нравственная оценка и/или рекомендуемая трактовка сообщения» [Entman 1993: 52]. При втором подходе в большей степени акцентируются ментальные факторы в связи с социальными. Определение, как правило, заимствуется из социокогнитивной теории Т. А. ван Дейка: фрейм — единица знания, организованная вокруг концепта, содержащая основную, типическую и потенциально возможную информацию, которая ассоциирована с ним в рамках культуры [Дейк 2015].

Преломление идей когнитивного формирования концептуального содержания к исследованию ИПВ в медиа способствует появлению работ, в которых манипуляция тесно связывается с **фреймированием**. Так, в работе И. В. Кокуриной, Н. Ю. Хорецкой обнаруживается, что в немецкоязычных СМИ аудитории навязывается негативный образ страны посредством актуализации медийных фреймов *война, диктатура, неправое государство, опасность* [Кокурина, Хорецкая 2018: 60].

Фреймирование применительно к манипуляции реализуется в способности манипулятора структурировать информацию относительно социально значимых проблем и вопросов [Федоров 2018]. При этом фреймы понимаются в трактовке И. Гофмана как формы организации повседневного опыта, позволяющие интерпретировать поведение других людей [Гофман 2004]. Эвристическую ценность имеет мысль о том, что фреймы могут быть созданы стратегическими коммуникаторами (агентами, рупорами дискурса) — политиками, журналистами, учеными: «Стратегические коммуникаторы передают свои фреймы посредством средств массовой информации реципиентам, у которых под влиянием сообщаемого фрейма формируется свой фрейм» [Кокурина, Хорецкая 2018: 60].

Центральная идея заключается в том, что медийная реальность моделируется и осмысливается с помощью фреймов. Разделяя это мнение, подчеркнем, что журналисты как агенты медийного дискурса селективно избирают информацию для освещения в дискурсе и фреймируют ее согласно имеющимся идеологическим установкам. В результате реципиент получает не «слепок» реальности, а заказанное «изображение» в общей медиакартине. Чем профессиональнее «живописцы», тем реалистичнее и убедительнее оно выглядит для представителей лингвокультуры.

Успешная манипуляция в СМИ вырабатывает единообразное общественное отношение к глобальным политическим и социальным проблемам в интересах доминирующих групп. Представляется, однако, что проблема воздействия на сознание людей со стороны власти не должна решаться прямолинейно в связи с «навязыванием» взглядов и мнений «безвольной» аудитории. Она имеет более сложные хитросплетения, обусловленные совокупностью условий, таких как фоновые знания адресата, его опыт и установки, коммуникативный контекст, тематическая неоднородность СМИ, типологические особенности и идеологическая направленность медиа (прогосударственные, оппозиционные, рекреативные и пр.), ориентация на разные целевые аудитории и др. По всей видимости, неверно воспринимать журналистов как агентов, «прокачивающих» идеологические установки и «вживляющих» в сознание аудитории нужные мысли, однако во все времена они остаются оформителями и организаторами мировидения, а идеологическая ангажированность в разной степени присутствует в освещении политических событий.

Выводы

В последние два года в отечественных исследованиях ИПВ доминирует деятельностный подход к анализу речевых фактов. ИПВ характеризуется в коммуникативном, прагматическом, когнитивном, аксиологическом, идеологическом, жанровом аспектах, которые формируют две сосуществующие исследовательские траектории — коммуникативно-прагматическую и когнитивно-дискурсивную.

Коммуникативно-прагматическая линия предполагает рассмотрение ИПВ с учетом коммуникативных, прагматических и функциональных факторов. Триединство обеспечивается тем, что специалисты обращаются к сложному феномену внешней (внеязыковой) среды (информационное противоборство) и устанавливают особенности его оязы-

ковления в определенных сферах коммуникации, преимущественно политической и медийной (в соответствующих дискурсах). В этом случае в фокусе внимания преимущественно оказываются стратегии и тактики ведения ИПВ, приемы их речевой актуализации, лингвопрагматические характеристики феноменов, функционирующих в условиях информационного противоборства, особенности речевых жанров, способных служить целям ИПВ. Когнитивно-дискурсивная линия развивает идеи коммуникативной лингвистики, делая больший акцент на ментальных сторонах информационного противоборства — феноменах, оязыковление которых имеет место в дискурсе как результат влияния социальных, политических, идеологических и иных контекстуальных факторов. Традиционными для данного направления становятся исследования информационно-психологической войны как концептуальной структуры.

В отечественной лингвистике отсутствует единообразие исследовательских методов, адекватных цели изучения сложного и многогранного феномена информационно-психологической войны в его дискурсивной реализации. Многие положения и выводы являются спорными и провоцируют справедливую критику. Объем и содержание используемых специалистами терминов не всегда достаточно необходимо определены, а описываемые методологические процедуры нуждаются в дальнейшей разработке.

Одна из важнейших задач лингвистики ИПВ на данном этапе видится нам в терминологической унификации используемых понятий для совершенствования методологического аппарата и его применения в более широком кругу исследований информационного противоборства. Необходимо представить типологию феноменов, близких по содержанию к понятию ИПВ, установить их соотношение с учетом когнитивных, коммуникативных, социальных и идеологических факторов и предложить релевантные методики анализа в медиадискурсе. Полагаем, что решение этих вопросов в дискуссионном научном поле не только внесет вклад в развитие теории лингвистики ИПВ, но также позволит разработать лингвистические основы противодействия манипуляции и расширить перечень способов речевой защиты от негативного информационного воздействия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агапова С. Г., Гуцина Л. В. Информационная война: манипулятивная стратегия на понижение // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2017. № 3 (27). С. 27—34.
2. Артамонова И. М., Ефименко А. А. Языковые манипулятивные средства в заголовках интернет-СМИ во время

информационной войны // Культура в фокусе научных парадигм. 2019. № 9. С. 174—177.

3. Гаврилов Л. А. Политический дискурс в условиях информационно-психологической войны // Экология языка и коммуникативная практика. 2018. № 2. С. 89—98.

4. Голодов А. Г. Антропонимическая контаминация как политический маркер времени (на материале немецкого языка) // Омский научный вестник. Сер.: Общество. История. Современность. 2018. № 2. С. 69—73.

5. Горбачёва Е. Н. Обвинение как коммуникативный поступок в современной информационной войне (на материале англоязычного медийно-политического англососийского дискурса) // Политическая лингвистика. 2017. № 2 (62). С. 27—33.

6. Гофман И. Анализ фреймов. Эссе об организации повседневного опыта. — М.: Институт социологии РАН, 2004. 752 с.

7. Дейк Т. А. ван. Дискурс и власть: репрезентация доминирования в языке и коммуникации. — М.: ЛИБРОКОМ, 2014. 344 с.

8. Дейк Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. — М.: ЛЕНАНД, 2015. 320 с.

9. Доктрина 2016 : Указ Президента РФ от 05.12.2016 № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» // Президент России [Официальный сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41460> (дата обращения: 3.07.2019). — Текст : электронный.

10. Енина Л. В., Ильина О. В., Каблуков Е. В., Чепкина Э. В. Практики политической идентификации россиян под влиянием медиаконцепта «информационная война» // Политическая лингвистика. 2017. № 4 (64). С. 96—107.

11. Зарипов Р. И. Метафорические образы России во французском политическом дискурсе в контексте войны в Сирии // Политическая лингвистика. 2017. № 6 (66). С. 76—85.

12. Иванова С. В. Дискурсивные практики информационной войны: роль ксенонимов в создании эффекта демонизации // Магия ИННО: новые измерения в лингвистике и лингводидактике : сб. науч. трудов. — М.: МГИМО-Университет, 2017. Т. 1. С. 243—248.

13. Каблуков Е. В. К вопросу об актуализации дискурсивных практик идентификации в условиях информационной войны // Профессиональная культура журналиста цифровой эпохи : материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (Екатеринбург, 17 мая 2017 г.). — Екатеринбург, 2017. С. 235—238.

14. Казаченко О. В. Роль слов, выражающих ценности, в информационно-психологических войнах // Учимся понимать Россию: политическая и массмедийная коммуникация : материалы Междунар. науч. конф., 10—14 окт., Екатеринбург. — Екатеринбург, 2018. С. 114—117.

15. Кокурина И. В., Хорещкая Н. Ю. Манипулятивный потенциал фрейма при создании образа России в немецкоязычных СМИ // Политическая лингвистика. 2018. № 5 (71). С. 59—63.

16. Копнина Г. А. Речевые тактики и приемы дискредитации православия в современной информационно-психологической войне (на материале интернет-текстов) // Политическая лингвистика. 2017. № 5 (65). С. 206—216.

17. Копнина Г. А. Контрманипуляция в речевой коммуникации: некоторые перспективы изучения // Коммуникативные исследования. 2018. № 2 (16). — С. 7—19.

18. Коцюбинская Л. В. Метафорическое представление информационного события «спорт России» в британских средствах массовой информации // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 2 (80). Ч. 1. С. 87—90.

19. Кошкарова Н. Н., Руженцева Н. Б., Зотова Е. Н. «Российская агрессия по-американски» и «российский след» по-украински // Политическая лингвистика. 2018. № 1 (67). С. 74—81.

20. Красовская О. В. «Чужое слово» в дискурсе информационной войны // Политическая лингвистика. 2017а. № 6 (66). С. 34—38.

21. Кушнерук С. Л. Дискурсивный мир информационно-психологической войны в британских интернет-СМИ / С. Л. Кушнерук. — Текст : электронный // Экология языка и коммуникативная практика. 2018. № 4 (15). С. 79—91. URL: <http://discourseworld.ru> (дата обращения: 3.08.2019).

22. Лаухина С. С., Туркин А. О. Способы языкового манипулирования в российско-украинском информационном конфликте // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. 2017. Т. 11. № 4. С. 6—9.
23. Лингвистика информационно-психологической войны : моногр. Кн. 1. — Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2017. 340 с.
24. Лингвистика информационно-психологической войны : моногр. Кн. 2 / А. А. Бернацкая, Л. А. Гаврилов, В. А. Жилина [и др.] ; под ред. проф. А. П. Сковородникова. — Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2019. 488 с.
25. Морозова О. В. Образ России сквозь призму информационно-психологической войны в медиатекстах // Проблемы речевой коммуникации : межвуз. сб. науч. тр. : в 2 кн. — Саратов, 2018. С. 124—132.
26. Образ России в условиях информационной войны конца XX — начала XXI в. Тенденции обновления политического дискурса : материалы Междунар. науч. конф. «Россия в поисках мирного решения социальных, межконфессиональных и межэтнических конфликтов: тенденции обновления политического дискурса, отражающие доминантные идеологии российской официальной дипломатии и пропагандистской деятельности политических партий конца XX — начала XXI в.» (Магнитогорск, 23—25 нояб. 2017 г.). — Магнитогорск : Изд-во Магнитогорск. гос. техн. ун-та им. Г. И. Носова, 2017. 509 с.
27. Озоменко В. И. Медийный дискурс в ситуации информационной войны: от манипуляции к агрессии // Вестник РУДН. Сер.: Лингвистика. 2017. Т. 21. № 1. С. 203—220.
28. Павлова Е. К. Эмоционально-оценочная лексика в политическом дискурсе в условиях современной информационной войны // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 11 (77). Ч. 2. С. 129—131.
29. Палажченко М. Ю. Эвфемизация военно-политической лексики как способ ведения информационной войны // Государственное управление : электронный вестник. 2017. Вып. 61. С. 298—309.
30. Попова Т. Г., Зарипов Р. И. Особенности метафорической репрезентации образа России в западных СМИ // Политическая лингвистика. 2017. № 5 (65). С. 125—129.
31. Потапова Н. М. Анализ лингвистических средств ведения информационной войны (на материале англоязычного политического дискурса) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 8 (86). Ч. 1. С. 161—165.
32. Проблемы конструирования идентичности россиян в дискурсе СМИ под влиянием концепта «информационная война» : моногр. / О. И. Асташова, Э. В. Булатова, Л. В. Енина [и др.] ; под ред. Э. В. Чепкиной. — М. ; Екатеринбург : Кабинетный ученый, 2017. 196 с.
33. Россия глазами Европы. Имидж страны через призму языка : моногр. / М. М. Русяева, Е. Б. Нешина, Е. Ф. Черемушкина. — Саранск : ЮрЭксИПрактик, 2018. — 124 с.
34. Самкова М. А. Дезинформация как средство информационно-психологической войны против России (на материале медиатекстов о хакерских атаках) // Экология языка и коммуникативная практика. 2018. № 3. С. 96—115.
35. Сковородников А. П., Копнина Г. А., Анисимова Е. Е. Памфлет и панегирик — жанры-антиподы в информационном пространстве массмедиа // Политическая лингвистика. 2018. № 5 (71). С. 48—54.
36. Тагильцева Ю. Р. А был ли «новичок»? Стратегии и тактики информационно-психологической войны британских СМИ в «деле Скрипаля» // Учимся понимать Россию: политическая и массмедийная коммуникация : материалы Междунар. науч. конф., 10—14 окт., Екатеринбург. — Екатеринбург, 2018. С. 246—248.
37. Уразаева Н. Р., Морозов Е. А. Концептуализация образа России в немецких СМИ: перемены к лучшему? // Мировая политика. 2017. № 3. С. 141—154.
38. Федоров В. В. Метафорическая модель «войны» как когнитивная основа предвыборного нарратива регионального журналистского дискурса // Медиасреда. 2018. № 14. С. 197—200.
39. Цыцаркина Н. Н. Информационная война и лингвокогнитивное моделирование вооруженного конфликта в политическом медиадискурсе // Вестник Курганского государственного ун-та. 2018. № 1 (48). С. 26—29.
40. Шулежкова С. Г. Образ России на фоне цветных революций и Крымской весны в информационной войне начала XXI века // Образ России в условиях информационной войны конца XX — начала XXI века. Тенденции обновления политического дискурса : материалы Междунар. науч. конф. (Магнитогорск, 23—25 нояб. 2017 г.). — Магнитогорск, 2017. С. 254—266.
41. Юсупова Р. Р., Теплых Р. Р. Демонизация «плохих» политических лидеров как инструмент информационной войны // Политическая лингвистика. 2017. № 5 (65). С. 163—167.
42. Язык и наука конца XX века. — М., 1995. 320 с.
43. Beller M., Leerssen J. (eds.). Imagology. The Cultural Construction and Literary Representation of National Characters. A Critical Survey. Series: Studia Imagologica. — Amsterdam ; New York : Rodopi, 2007. Vol. 13.
44. Entman R. M. Framing: toward clarification of a fractured paradigm // Joun. of Communication. 1993. No 43 (4). P. 51—58.
45. Wizerunek. Image jako kategoria teorii komunikacji, antropologii kultury i semiotyki tekstu : Materiały międzynarodowej konferencji naukowej. 26—28 czerwca 2019. Uniwersytet Warmińsko-Mazurski w Olsztynie. — Olsztyn, 2019. 132 p.

S. L. Kushneruk

South Ural State Humanitarian and Pedagogical University; Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia
ORCID ID: 0000-0003-4447-4606

 E-mail: Svetlana_kush@mail.ru.

Trajectories of Information and Psychological War Research in Russian Linguistics

ABSTRACT. The article discusses the trajectories of research of information and psychological war in Russian linguistics. The current study is aimed at deepening the understanding of the possibilities of linguistic analysis of information war and pointing out the perspectives of its further development within a framework of a comprehensive theory. The research objectives are: to overview the available scientific research papers, published after the linguistics of information and psychological war was proposed by Siberian scholars; to establish the common views of Russian philologists on the phenomenon of information and psychological war; to reveal the range of tasks and prospects in the field of linguistics of information and psychological war. The material for analysis constitutes monographs and articles of Russian scholars, available in the national electronic library (ELIBRARY). Certain techniques of the analytical-descriptive method are applied. It is proved that linguistics of information and psychological war has stemmed from political linguistics in response to the challenges of the modern world which pose dangers of eroding national interests of Russia in the information sphere. It is argued that the current state of linguistics of information and psychological war is characterized by methodological heterogeneity. It is revealed that there exist two coexisting approaches to the study of information and psychological war — communicative-pragmatic and cognitive-discursive. The article discusses prospects of research of information and psychological war in a range of similar phenomena. The results of the research can be used for further development of a general theory of the language of information war and the linguistic foundations of counteraction to threats in the media sphere.

KEYWORDS: *information and psychological war; linguistic analysis; political linguistics; media linguistics; Russian language; media discourse; media texts; mass media.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Kushneruk Svetlana Leonidovna, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of Department of English Philology, South Ural State Humanitarian and Pedagogical University; Professor of Department of the Theory and Practice of English, Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia.*

FOR CITATION: *Kushneruk, S. L. Trajectories of Information and Psychological War Research in Russian Linguistics / S. L. Kushneruk // Political Linguistics. — 2019. — No 6 (78). — P. 12-22. — DOI 10.26170/pl19-06-01.*

REFERENCES

1. Agapova S. G., Gushchina L. V. Information War: a Manipulative Strategy for Lowering // Actual Problems of Philology and Pedagogical Linguistics. 2017. No 3 (27). P. 27—34. [Informatsionnaya voyna: manipulyativnaya strategiya na ponizhenie // Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki. 2017. № 3 (27). S. 27—34]. — (In Rus.)
2. Artamonova I. M., Efimenko A. A. Language Manipulative Tools in the Headlines of Online Media during the Information War // Culture in the Focus of Scientific Paradigms. 2019. No 9. P. 174—177. [Yazykovye manipulyativnye sredstva v zagalovkakh internet-SMI vo vremya informatsionnoy voyny // Kul'tura v fokuse nauchnykh paradigmat. 2019. № 9. S. 174—177]. — (In Rus.)
3. Gavrilov L. A. Politicheskii diskurs v usloviyakh informatsionno-psikhologicheskoy voyny // Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika. 2018. № 2. S. 89—98.
4. Golodov A. G. Political Discourse in the Conditions of the Information-psychological War // Ecology of Language and Communicative Practice. 2018. No. 2. P. 89—98. [Antroponimicheskaya kontaminatsiya kak politicheskii marker vremeni (na materiale nemetskogo yazyka) // Omskii nauchnyi vestnik. Ser.: Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost'. 2018. № 2. S. 69—73]. — (In Rus.)
5. Gorbacheva E. N. Anthroponymic Contamination as a Political Marker of Time (based on German language material) // Omsk Scientific Bulletin. Ser.: Society. Story. Modernity. 2018. No. 2. P. 69—73. [Obvinenie kak kommunikativnyy postupok v sovremennoy informatsionnoy voyne (na materiale angloyazychnogo mediynno-politicheskogo antirossiyskogo diskursa) // Politicheskaya lingvistika. 2017. № 2 (62). S. 27—33]. — (In Rus.)
6. Gofman I. Analysis of Frames. Essays on Organizing Everyday Experience. — Moscow : Institute of Sociology RAS, 2004. 752 p. [Analiz freimov. Esse ob organizatsii povsednevnogo opyta. — M. : Institut sotsiologii RAN, 2004. 752 s.]. — (In Rus.)
7. Deik T. A. van. Discourse and Power: a Representation of Dominance in Language and Communication. — Moscow : LIBROCOM, 2014. 344 p. [Diskurs i vlast': reprezentatsiya dominirovaniya v yazyke i kommunikatsii. — M. : LIBROKOM, 2014. 344 s.]. — (In Rus.)
8. Deik T. A. van. Language. Cognition. Communication. — Moscow : LENAND, 2015. 320 p. [Yazyk. Poznanie. Kommunikatsiya. — M. : LENAND, 2015. 320 s.]. — (In Rus.)
9. Doctrine 2016: Decree of the President of the Russian Federation : from December 05, 2016 No. 646 "On Approving the Doctrine of Information Security of the Russian Federation" // President of Russia [Official Site]. [Doktrina 2016 : Ukaz Prezidenta RF ot 05.12.2016 № 646 «Ob utverzhdenii Doktriny informatsionnoi bezopasnosti Rossiiskoi Federatsii» // Prezident Rossii (Ofitsial'nyi sait)]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41460> (data obrashcheniya: 3.07.2019). — Text : electronic. — (In Rus.)
10. Enina L. V., Il'ina O. V., Kablukov E. V., Chepkina E. V. Practices of Political Identification of Russians under the Influence of the Media Concept "Information War" // Political Linguistics. 2017. No. 4 (64). P. 96—107. [Praktiki politicheskoy identifikatsii rossiyan pod vliyaniem mediakontsepta «informatsionnaya voyna» // Politicheskaya lingvistika. 2017. № 4 (64). S. 96—107]. — (In Rus.)
11. Zaripov R. I. Practices of Political Identification of Russians under the Influence of the Media Concept "Information War" // Political Linguistics. 2017. No. 4 (64). P. 96—107. [Metaforicheskie obrazy Rossii vo frantsuzskom politicheskom diskurse v kontekste voyny v Sirii // Politicheskaya lingvistika. 2017. № 6 (66). S. 76—85]. — (In Rus.)
12. Ivanova S. V. Discursive Practices of the Information War: the Role of Xenonyms in Creating the Effect of Demonization // Magic INNO: New Dimensions in Linguistics and Linguodidactics : collection of scientific works. — Moscow : MGIMO-University, 2017. Vol. 1. P. 243—248. [Diskursivnye praktiki informatsionnoy voyny: rol' ksenonimov v sozdanii efekta demonizatsii // Magiya INNO: novye izmereniya v lingvistike i lingvodidaktike : sb. nauch. trudov. — M. : MGIMO-Universitet, 2017. T. 1. S. 243—248]. — (In Rus.)
13. Kablukov E. V. On the Issue of Updating Discursive Identification Practices in the Conditions of the Information War // Professional Culture of a Journalist of the Digital Era : materials of All-Russian scientific-practical conf. with the international participation (Ekaterinburg, May 17, 2017). — Ekaterinburg, 2017. P. 235—238. [K voprosu ob aktualizatsii diskursivnykh praktik identifikatsii v usloviyakh informatsionnoy voyny // Professional'naya kul'tura zhurnalista tsifrovoy epokhi : materialy Vseros. nauch.-prakt. konf. s mezhdunar. uchastiem (Ekaterinburg, 17 maya 2017 g.). — Ekaterinburg, 2017. S. 235—238]. — (In Rus.)
14. Kazachenko O. V. The Role of Words Expressing Values in Information-Psychological Wars // Learning to Understand Russia: Political and Mass Media Communication : Materials of the Intern. scientific Conf., October 10—14, Ekaterinburg. — Ekaterinburg, 2018. P. 114—117. [Rol' slov, vyrazhayushchikh tsennosti, v informatsionno-psikhologicheskikh voynakh // Uchimsya ponimat' Rossiyu: politicheskaya i massmediynaya kommunikatsiya : materialy Mezhdunar. nauchn. konf., 10—14 okt., Ekaterinburg. — Ekaterinburg, 2018. S. 114—117]. — (In Rus.)
15. Kokurina I. V., Khoretskaya N. Yu. Manipulative Potential of the Frame when Creating the Image of Russia in German-language Media // Political Linguistics. 2018. No 5 (71). P. 59—63. [Manipulyativnyy potentsial freyma pri sozdanii obraza Rossii v nemetskoyazychnykh SMI // Politicheskaya lingvistika. 2018. № 5 (71). S. 59—63]. — (In Rus.)
16. Kopnina G. A. Speech Tactics and Techniques of Discrediting Orthodoxy in the Modern Information-psychological War (based on the analysis of internet-texts) // Political Linguistics. 2017. No 5 (65). P. 206—216. [Recheyve taktiki i priemy diskreditatsii pravoslaviya v sovremennoy informatsionno-psikhologicheskoy voyne (na materiale internet-tekstov) // Politicheskaya lingvistika. 2017. № 5 (65). S. 206—216]. — (In Rus.)
17. Kopnina G. A. Counter-manipulation in Speech Communication: Some Perspectives of Studying // Communicative Studies. 2018. No. 2 (16). — P. 7—19. [Kontrmanipulyatsiya v rechevoy kommunikatsii: nekotorye perspektivy izucheniya // Kommunikativnye issledovaniya. 2018. № 2 (16). — S. 7—19]. — (In Rus.)
18. Kotsyubinskaya L. V. Metaphorical Presentation of the Information Event "Sport of Russia" in the British Media // Philological Sciences. Questions of Theory and Practice. 2018. No 2 (80). Part 1. P. 87—90. [Metaforicheskoe predstavlenie informatsionnogo sobytiya «sport Rossii» v britanskikh sredstvakh massovoy informatsii // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2018. № 2 (80). Ch. 1. S. 87—90]. — (In Rus.)
19. Koshkarova N. N., Ruzhentseva N. B., Zotova E. N. "Russian Aggression" American-style and "Russian Trace" Ukrainian-style // Political Linguistics. 2018. No 1 (67). P. 74—81. [«Rossiyskaya agressiya po-amerikanski» i «rossiyskiy sled» po-ukrainski // Politicheskaya lingvistika. 2018. № 1 (67). S. 74—81]. — (In Rus.)
20. Krasovskaya O. V. "Borrowed Word" in the Discourse of Information War // Political Linguistics. 2017. No 6 (66). P. 34—

38. [«Chuzhoe slovo» v diskurse informatsionnoy voyny // Politicheskaya lingvistika. 2017a. № 6 (66). S. 34—38]. — (In Rus.)
21. Kushneruk S. L. The Discursive World of the Information-Psychological War in British Internet Media / S. L. Kushneruk. — Text : electronic // Ecology of Language and Communicative Practice. 2018. No. 4 (15). P. 79—91. [Diskursivnyy mir informatsionno-psikhologicheskoy voyny v britanskikh internet-SMI / S. L. Kushneruk. — Tekst : elektronnyy // Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika. 2018. № 4 (15). S. 79—91]. URL: <http://discourseworld.ru> (date of access: 3.08.2019). — (In Rus.)
22. Laukhina S. S., Turkin A. O. Methods of Language Manipulation in the Russian-Ukrainian Information Conflict // Actual Problems of the Humanities and Socio-economic Sciences. 2017. Vol. 11. No. 4. P. 6—9. [Sposoby yazykovogo manipulirovaniya v rossiysko-ukrainskom informatsionnom konflikte // Aktual'nye problemy gumanitarnykh i sotsial'no-ekonomicheskikh nauk. 2017. T. 11. № 4. S. 6—9]. — (In Rus.)
23. Linguistics of the Information-psychological War : monograph. Part 1. — Krasnoyarsk : Sib. Feder. Univ., 2017. 340 p. [Lingvistika informatsionno-psikhologicheskoy voyny : monogr. Kn. 1. — Krasnoyarsk : Sib. feder. un-t, 2017. 340 s.]. — (In Rus.)
24. Linguistics of the Information-psychological War : monograph. Part 2 / A. A. Bernatskaya, L. A. Gavrilov, V. A. Zhilina [et al.] ; under the editorship of prof. A. P. Skovorodnikov. — Krasnoyarsk : Sib. Feder. Univ., 2019. 488 p. [Lingvistika informatsionno-psikhologicheskoy voyny : monogr. Kn. 2 / A. A. Bernatskaya, L. A. Gavrilov, V. A. Zhilina [i dr.] ; pod red. prof. A. P. Skovorodnikova. — Krasnoyarsk : Sib. feder. un-t, 2019. 488 s.]. — (In Rus.)
25. Morozova O. V. The Image of Russia through the Prism of Information-psychological Warfare in Media Texts // Problems of Verbal Communication: Interuniversity collection of scientific works : in 2 books. — Saratov, 2018. P. 124—132. [Obraz Rossii skvoz' prizmu informatsionno-psikhologicheskoy voyny v mediatekstakh // Problemy recevoy kommunikatsii : mezhvuz. sb. nauch. tr. : v 2 kn. — Saratov, 2018. S. 124—132]. — (In Rus.)
26. The Image of Russia in the Conditions of the Information War of the late XX — early XXI Century. Trends in Updating Political Discourse: Proceedings of the Intern. scientific conf. "Russia in Search of a Peaceful Solution to Social, Inter-confessional and Interethnic Conflicts: Trends in the Renewal of Political Discourse, Reflecting the Dominant Ideologies of Russian Official Diplomacy and the Propaganda Activities of Political Parties of the late XX — early XXI Centuries" (Magnitogorsk, November 23—25, 2017). — Magnitogorsk : Publishing house of Magnitogorsk State Tech. Univ. n. a. G. I. Nosov, 2017. 509 p. [Obraz Rossii v usloviyakh informatsionnoy voyny kontsa XX — nachala XXI v. Tendentsii obnoveniya politicheskogo diskursa : materialy Mezhdunar. nauch. konf. «Rossiya v poiskakh mirnogo resheniya sotsial'nykh, mezhkonnatsional'nykh i mezhetnicheskikh konfliktov: tendentsii obnoveniya politicheskogo diskursa, otrazhayushchie dominantnye ideologiy rossiyskoy ofitsial'noy diplomatii i propagandistskoy deyatel'nosti politicheskikh partii kontsa XX — nachala XXI v.» (Magnitogorsk, 23—25 noyab. 2017 g.). — Magnitogorsk : Izd-vo Magnitogorsk. gos. tekhn. un-ta im. G. I. Nosova, 2017. 509 s.]. — (In Rus.)
27. Ozyumenko V. I. Media Discourse in the Situation of Information Warfare: from Manipulation to Aggression // Proceedings of RUDN. Ser.: Linguistics. 2017. Vol. 21. No. 1. P. 203—220. [Mediynnyy diskurs v situatsii informatsionnoy voyny: ot manipulyatsii k agressii // Vestnik RUDN. Ser.: Lingvistika. 2017. T. 21. № 1. S. 203—220]. — (In Rus.)
28. Pavlova E. K. Emotionally Evaluative Vocabulary in Political Discourse in the Context of Modern Information War // Philological Sciences. Problems of Theory and Practice. 2017. No. 11 (77). Part 2. P. 129—131. [Emotsional'no-otsenochnaya leksika v politicheskom diskurse v usloviyakh sovremennoy informatsionnoy voyny // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2017. № 11 (77). Ch. 2. S. 129—131]. — (In Rus.)
29. Palazhchenko M. Yu. Euphemization of Military-political Vocabulary as a Way of Waging Information War // Public Administration : electronic bulletin. 2017. Issue. 61. P. 298—309. [Evmemizatsiya voenno-politicheskoi leksiki kak sposob vedeniya informatsionnoi voyny // Gosudarstvennoe upravlenie : elektronnyy vestnik. 2017. Vyp. 61. S. 298—309]. — (In Rus.)
30. Popova T. G., Zaripov R. I. Features of the Metaphorical Representation of the Image of Russia in the Western Media // Political Linguistics. 2017. No. 5 (65). P. 125—129. [Osobennosti metaforicheskoy reprezentatsii obraza Rossii v zapadnykh SMI // Politicheskaya lingvistika. 2017. № 5 (65). S. 125—129]. — (In Rus.)
31. Potapova N. M. Analysis of Linguistic Means of Conducting Information Warfare (based on the material of the English-language political discourse) // Philological Sciences. Problems of Theory and Practice. 2018. No. 8 (86). Part 1. P. 161—165. [Analiz lingvisticheskikh sredstv vedeniya informatsionnoy voyny (na materiale angloyazychnogo politicheskogo diskursa) // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2018. № 8 (86). Ch. 1. S. 161—165]. — (In Rus.)
32. Problems of Constructing the Identity of Russians in the Discourse of the Media under the Influence of the Concept of "Information War" : monograph. / O. I. Astashova, E. V. Bulatova, L. V. Enin [et al.] ; under the editorship of E. V. Chepkinina. — Moscow ; Yekaterinburg : Cabinet Scientist, 2017. 196 p. [Problemy konstruirovaniya identichnosti rossiyan v diskurse SMI pod vliyaniem kontsepta «informatsionnaya voyna» : monogr. / O. I. Astashova, E. V. Bulatova, L. V. Enina [i dr.] ; pod red. E. V. Chepkinoi. — M. ; Ekaterinburg : Kabinetnyi uchenyi, 2017. 196 s.]. — (In Rus.)
33. Russia through the eyes of Europe. Image of the country through the prism of language: monograph. / M. M. Rusyaeva, E. B. Neshina, E. F. Cheremushkina. — Saransk : YurEksPraktik, 2018. 124 p. [Rossiya glazami Evropy. Imidzh strany cherez prizmu yazyka : monogr. / M. M. Rusyaeva, E. B. Neshina, E. F. Cheremushkina. — Saransk : YurEksPraktik, 2018. — 124 s.]. — (In Rus.)
34. Samkova M. A. Disinformation as a Means of Information-psychological War against Russia (based on media texts about hacker attacks) // Ecology of Language and Communicative Practice. 2018. No. 3. P. 96—115. [Dezinformatsiya kak sredstvo informatsionno-psikhologicheskoy voyny protiv Rossii (na materiale mediatekstov o khakerskikh atakakh) // Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika. 2018. № 3. S. 96—115]. — (In Rus.)
35. Skovorodnikov A. P., Kopnina G. A., Anisimova E. E. Lampoon and Panegyric — Genre Antipodes in the Mass Media // Political Linguistics. 2018. No. 5 (71). P. 48—54. [Pamflet i panegirik — zhanry-antipody v informatsionnom prostranstve massmedia // Politicheskaya lingvistika. 2018. № 5 (71). S. 48—54]. — (In Rus.)
36. Tagiltseva Yu. R. Was there a "newbie"? Strategies and Tactics of the Information and Psychological War of the British Media in the "Skrilpal Case" // Learning to Understand Russia: Political and Mass Media Communication : Materials of the Intern. Scientific Conf., October 10—14, Ekaterinburg. — Ekaterinburg, 2018. P. 246—248. [A byl li «novichok»? Strategii i taktiki informatsionno-psikhologicheskoy voyny britanskikh SMI v «dele Skripalya» // Uchimsya ponimat' Rossiyu: politicheskaya i massmediynaya kommunikatsiya : materialy Mezhdunar. nauch. konf., 10—14 okt., Ekaterinburg. — Ekaterinburg, 2018. S. 246—248]. — (In Rus.)
37. Urazaeva N. R., Morozov E. A. Conceptualization of the Image of Russia in the German Media: Changes for the Better? // Global Politics. 2017. No. 3. P. 141—154. [Kontseptualizatsiya obraza Rossii v nemetskikh SMI: peremeny k luchshemu? // Mirovaya politika. 2017. № 3. S. 141—154]. — (In Rus.)
38. Fedorov V. V. Metaphorical Model of "War" as the Cognitive Basis of the Election Narrative of Regional Journalistic Discourse // Media Environment. 2018. No. 14. P. 197—200. [Metaforicheskaya model' «voyna» kak kognitivnaya osnova predvybornogo narrativy regional'nogo zhurnalistskogo diskursa // Mediasreda. 2018. № 14. S. 197—200]. — (In Rus.)
39. Tsytsarkina N. N. Information Warfare and Linguistic-cognitive Modeling of Armed Conflict in Political Media Discourse // Bulletin of the Kurgan State University. 2018. No. 1 (48). P. 26—29. [Informatsionnaya voyna i lingvokognitivnoe modelirovanie vooruzhennogo konflikta v politicheskom mediadiskurse // Vestnik Kurganskogo gosudarstvennogo un-ta. 2018. № 1 (48). S. 26—29]. — (In Rus.)
40. Shulezhkova S. G. The Image of Russia against the Background of Color Revolutions and the Crimean Spring in the In-

formation War of the Beginning of the 21st Century // The Image of Russia in the Conditions of the Information War of the end of the 20th — Beginning of the 21st Centuries. Trends in Updating Political Discourse: Proceedings of the Intern. Scientific Conf. (Magnitogorsk, Nov. 23—25, 2017). — Magnitogorsk, 2017. P. 254—266. [Obraz Rossii na fone tsvetnykh revolyutsiy i Krymskoy vesny v informatsionnoy voyne nachala XXI veka // Obraz Rossii v usloviyakh informatsionnoy voyny kontsa XX — nachala XXI veka. Tendentsii obnovleniya politicheskogo diskursa : materialy Mezhdunar. nauch. konf. (Magnitogorsk, 23—25 noyab. 2017 g.). — Magnitogorsk, 2017. S. 254—266]. — (In Rus.)

41. Yusupova R. R., Teplykh R. R. Demonization of the “Bad” Political Leaders as a Tool of Information War // Political Linguistics. 2017. No 5 (65). P. 163—167. [Demonizatsiya «plokhikh» politicheskikh liderov kak instrument informatsionnoy

voyny // Politicheskaya lingvistika. 2017. № 5 (65). S. 163—167]. — (In Rus.)

42. Language and Science of the Late XX Century. — Moscow, 1995. 320 p. [Yazyk i nauka kontsa XX veka. — M., 1995. 320 s.]. — (In Rus.)

43. Beller M., Leerssen J. (eds.). Imagology. The Cultural Construction and Literary Representation of National Characters. A Critical Survey. Series: Studia Imagologica. — Amsterdam ; New York : Rodopi, 2007. Vol. 13.

44. Entman R. M. Framing: toward clarification of a fractured paradigm // Journ. of Communication. 1993. No 43 (4). P. 51—58.

45. Wizerunek. Image jako kategoria teorii komunikacji, antropologii kultury i semiotyki tekstu : Materiały międzynarodowej konferencji naukowej. 26—28 czerwca 2019. Uniwersytet Warmińsko-Mazurski w Olsztynie. — Olsztyn, 2019. 132 p.

Э. Н. Мишкuroв

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия

ORCID ID: 0000-0003-1728-628X **E-mail:** e.mishkurov@mail.ru.

О девиантном узусе в современном политическом дискурсе

АННОТАЦИЯ. В работе исследуется феномен социально-стилевой девиации классического политического дискурса (ПД), проявляющейся в вульгаризации и инвективизации нормативного контактного языка социально ответственных слоев населения как на внутригосударственном, так и на международном уровнях коммуникации. Инвективная функция с целевой установкой на оскорбление, уничижение и высмеивание адресантом соперника-реципиента во внутриполитической борьбе или в противостоянии на международной арене реализуется в девиантном узусе ПД путем перехода на профанный язык с использованием методов политического троллинга, пранка (телефонного хулиганства), обценной лексики, оскорбительных паралингвистических средств и т. п. Целью сознательного снижения институционального уровня ПД до бытового дискурса может являться привлечение избирателя в «глубинке» на свою сторону в очередной избирательной президентской и парламентско-партийной кампании. В статье это наглядно демонстрируется на примере взаимных инвектив Д. Трампа и его политических оппонентов в Демократической и Республиканской партии, а также представителей творческой интеллигенции США. Показательна в свете рассматриваемой темы русофобская истерия в США и ряде западноевропейских стран, характерной чертой которой является нарушение всех правил международного дипломатического этикета и норм межкультурной коммуникации как яркое свидетельство морально-этической и культурной деградации их правящих элит. Также в статье рассмотрен девиантный узус в политическом медиадискурсе, прежде всего в газетных публикациях, за счет чего политическая жизнь приравнивается к преступному миру, миру шоу-бизнеса, жизни молодежи. Распространение этого конфликтного феномена требует дальнейших углубленных трансдисциплинарных разысканий.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политический дискурс; девиантный узус; инвективная /обценная лексика; профанный язык; политический троллинг; американские президенты; паралингвистика.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Мишкuroв Эдуард Николаевич, доктор филологических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, профессор Высшей школы перевода (факультета), Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова; 119991, Россия, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1, стр. 51; e-mail: e.mishkurov@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Мишкuroв, Э. Н. О девиантном узусе в современном политическом дискурсе / Э. Н. Мишкuroв // Политическая лингвистика. — 2019. — № 6 (78). — С. 23-28. — DOI 10.26170/pl19-06-02.

1. В типологии дискурсов первое место, как правило, отводится социально наиболее значимому политическому дискурсу (ПД). Если следовать лапидарному определению дискурса Н. Д. Арутюновой как «речи, погруженной в жизнь» [Арутюнова, 1990:137], то аналогично определим ПД как «речь, погруженную в политическую жизнь социума во всех ее ипостасях».

В. З. Демьянков, всесторонне анализируя функции ПД, пришел к выводу, что его можно рассматривать «как минимум с трех точек зрения:

- чисто филологической — как любой другой текст; однако, „боковым зрением“ исследователь смотрит на фон — политические и идеологические концепции, господствующие в мире интерпретатора,
- социопсихолингвистической — при измерении эффективности для достижения скрытых или явных, — но несомненно политических — целей говорящего,
- индивидуально-герменевтической — при выявлении личностных смыслов автора

и/или интерпретатора дискурса в определенных обстоятельствах».

Автор при этом констатирует, что «интерпретируя политический дискурс в его целостности, нельзя ограничиваться чисто языковыми моментами, иначе суть и цель политического дискурса пройдут незамеченными. Понимание политического дискурса предполагает знание фона, ожиданий автора и аудитории, скрытых мотивов, сюжетных схем и излюбленных логических переходов, бытующих в конкретную эпоху» [Демьянков 2002 URL]. Иначе говоря, с точки зрения анализа ПД во всех его проявлениях целесообразно опираться на методологию *трансдисциплинарности* в трактовке Ж. Пиаже: «Enfin, à l'étape des relations interdisciplinaires, on peut espérer voir succéder une étape supérieure qui serait "transdisciplinaire", qui ne se contenterait pas d'atteindre des interactions ou réciprocitys entre recherches spécialisées, mais situerait ces liaisons à l'intérieur d'un système total sans frontières stables entre les disciplines», что примерно означает, что после

этапа междисциплинарных исследований следует ожидать более высокого этапа — трансдисциплинарного, который не ограничится междисциплинарными отношениями, а разместит эти отношения внутри глобальной системы без строгих границ между дисциплинами [Piaget 1972: 170; Трансдисциплинарность 2015 URL].

По-видимому, только при подобном парадигмально-синкретическом подходе к осмыслению парадоксального «лингвопрофанного поворота» в современной политической дискурсии можно найти корни, причины и следствия исследуемого феномена — снижения стиля «дискурсивных игр» в институциональном ПД до уровня склочного «бытового девиантного узуса».

Беспрецедентное обострение внешне-политического противостояния стран-«гегемонов», беспринципная внутриполитическая борьба в ряде стран в период президентских, парламентских, партийных и т. п. выборов, дегуманизация высоких моральных принципов и нравственных устоев общественного бытия в западном «демократическом мире» в последней четверти XX в. и фактических двух десятилетий XXI в. и некоторые другие факторы привели к духовному обнищанию как части национальных элит, так и широких народных масс, к культурному и интеллектуальному перерождению, отражение которого нашло удручающее следствие в падении общей культуры речевого поведения: основной чертой стал коммуникативно-конфликтный, некооперативный девиантный узус ПД.

Если М. Хайдеггер сущностно эксплицировал язык как «дом бытия» *Homo loquens* («человека говорящего»), то эту формулировку можно существенно расширить известными максимами М. А. Кронгауза, который метафорически ярко обрисовал многочисленные функции языка в различных его коммуникативных проявлениях из конъюнктурно предпочтительных запросов его носителей следующим образом: «Конец эпохи. Все метафоры, применимые к языку, верны по-своему. Язык — это тюрьма, из которой нам никогда не удастся сбежать. Язык — это очки, без которых нам не разглядеть окружающий мир. Язык — слуга и господин. Язык — наш друг и враг одновременно. Любой язык изменяется под влиянием различ-

ных факторов: внешних или внутренних. Он как будто бы следит за нами и фиксирует все самые важные наши проблемы и больные места. Он не дает ни соврать, ни обмануть самих себя. Общество становится криминальнее, и язык вслед за ним. Общество поддается чужому влиянию, и язык тоже. Общество становится свободнее, и язык отражает это. Более того, меняясь, язык начинает влиять на всех людей, говорящих на нем» [Кронгауз URL].

Проблема современной речевой политической коммуникации состоит в том, что в обществе *политкорректный* узус всё более снижается в различных конкретных манифестациях до уровня девиантного узуса (ДУ), реализующегося в дискурсивных играх сниженного стиля «профанного/инвективного типа».

Характерной чертой современного ДУ ПД является его нацеленность на грубое унижение, очернение, осмеяние и оскорбление противника посредством использования обценной/инвективной лексики, переходящей все границы «речевого приличия» и подчас включающей даже отборный матерный лексикон.

ДУ развивается в современном ПД на международной арене на уровне государств. Особо «неполиткорректным» выглядит нынешний президент США Д. Трамп.

Ярким примером снижения стиля официальных взаимоотношений может служить его письмо президенту Турции Р. Т. Эрдогану (рис. 1).

Обратим внимание на последний фрагмент письма, где Трамп «по-ковбойски» обращается к коллеге и, не стесняясь в выражениях, пишет: «Don't be a tough guy. Don't be a fool!» — «Не стройте из себя крутого парня. Не будьте дураком» [Письмо Д. Трампа... URL].

«Паралингвистическая дуэль» завершилась эффектным жестом Эрдогана, который во время своего визита в США при встрече с президентом Трампом буквально швырнул ему на стол оскорбительное письмо.

Целью сознательного снижения институционального уровня ПД до бытового дискурса является привлечение избирателя в «глубинке» на свою сторону в очередной избирательной президентской и парламентско-партийной кампании.

1 of 1

THE WHITE HOUSE

WASHINGTON

October 9, 2019

His Excellency
Recep Tayyip Erdogan
President of the Republic of Turkey
Ankara

Dear Mr. President:

Let's work out a good deal! You don't want to be responsible for slaughtering thousands of people, and I don't want to be responsible for destroying the Turkish economy—and I will. I've already given you a little sample with respect to Pastor Brunson.

I have worked hard to solve some of your problems. Don't let the world down. You can make a great deal. General Mazloum is willing to negotiate with you, and he is willing to make concessions that they would never have made in the past. I am confidentially enclosing a copy of his letter to me, just received.

History will look upon you favorably if you get this done the right and humane way. It will look upon you forever as the devil if good things don't happen. Don't be a tough guy. Don't be a fool!

I will call you later.

Sincerely,

Рис. 1

В критике Трампа враждебная ему часть американской общественности — художественная интеллигенция, лидеры ряда общественных групп и Демократической партии, ничтоже сумняшеся, прибегают к инвективной лексике и даже мату, выражая свой протест против его политики.

Так, Мадонна, объясняя свои нецензурные ругательства в адрес Трампа типа «Fuck you», подчеркнула, что это была всего лишь метафора, грубо вырванная журналистами из контекста: «...певица обвиняла Трампа в расизме и сексизме» [MosDay.ru. 23.01.2017 URL].

Со своей стороны, Д. Трамп писал в своем микроблоге, не стесняясь в выражениях в отношении Х. Клинтон, назвав ее «лживой ведьмой», намекая, что она «плутовка/обманщица», «сошедшая с ума» (So now

Crooked <...> Hillary's gone Crazy!) [Сообщение Трампа про... URL].

Клеймя журналистов и республиканцев — «отщепенцев», Трамп называет их «scum» — «мусором» и призывает на головы своих врагов «roxx-on-them-all attitude», т. е. буквально говорит: «...чтоб вас сифилис поразил» (прагматически данное выражение наши переводчики перелагают в более мягкой форме «чума на их дома / будь они прокляты») [см.: Уразова 2019: 16—17].

Очевидно, что без стеснения демонстрируя свой грубый, «демонический» рече-ролевой портрет, Д. Трамп сознательно формирует образ «крутого парня», который свернет шею всякому, кто портит жизнь его сторонникам как внутри страны, так и за рубежом.

2. Как известно в западноевропейской и американской риторике резко возросло чис-

ло русофобских высказываний сниженного стиля, отражающих крайнюю степень обострения международных отношений между Россией и Западом.

На продолжающиеся попытки американских чиновников с помощью русофобских высказываний осложнить отношения Москвы и Вашингтона обратил внимание российский посол в США Анатолий Антонов. Он привел в пример слова главы Агентства по кибербезопасности и защите инфраструктуры США Кристофера Кребса.

Тот утверждал, что в «доктрине Герасимова» и самом менталитете русских заложено стремление выигрывать за счет проигрыша других и «видеть весь мир в огне». Как подчеркнул Антонов, упомянутой чиновником «доктрины Герасимова» не существует, а сам миф был уже давно развеян теми, кто его придумал на Западе. В подобных заявлениях, по мнению дипломата, просматривается стремление чиновников настроить народы наших стран друг против друга, что осложняет и без того непростые российско-американские отношения.

ДУ в западноевропейских и американских массмедиа, в выступлениях ряда лидеров США и европейских стран НАТО, всё шире применяется по мере роста авторитета России на международной арене.

При этом характерно, что президент В. В. Путин, как правило, никогда не оскорбляет персонально своих зарубежных «партнеров», не позволяет себе неэтичных высказываний в адрес конкретных политических деятелей Запада. Тем не менее президент адресно в обобщенном виде позиционирует свое отношение к тем или иным акциям антироссийской направленности: «Вашингтон должен был честно обосновать свое намерение покинуть ДРСМД, однако вместо этого США прибегли к нарушению договора. Но еще и своих сателлитов мобилизуют. Они так аккуратненько, но все-таки американцам „подхрюкивают“ по этому вопросу» [РИА-новости URL].

Ранее, 24 сентября 1999 г., будучи на тот момент Председателем Правительства РФ, В. В. Путин в Астане публично использовал выражение «мочить террористов в сортире». Отвечая журналистам ОРТ, Путин дословно сказал: «Мы будем преследовать террористов везде. В аэропорту — в аэропорту. Значит, вы уж меня извините, в туалете поймем, мы и в сортире их замочим, в конце концов. Всё, вопрос закрыт окончательно».

Выражение стало прецедентным как для российской, так и для иностранной аудитории.

Спустя десять лет Путин заявил, используя схожую метафорику, что организаторы

террористических актов в московском метро залегли на дно, но их нужно «выковырять со дна канализации на свет Божий».

Фразу вспоминают после терактов в Московском метро и по прошествии ряда лет.

Позже на встрече с коллективом ОАО «Магнитогорский металлургический комбинат» 15 июля 2011 г. Путин признался, что впоследствии переживал по поводу данной фразы: «... помните, я вот ляпнул там по поводу того, что будем мочить там, где-то <...> то, что я ляпнул, — по форме, наверное, неправильно, а по сути — верно. Мне кажется, нужно поступать исходя из вот этих соображений — из соображений порядочности, прежде всего, и целесообразности (если вы, конечно, уверены, что действуете правильно)» [Мочить в сортире URL].

Необходимо также подчеркнуть, что ДУ представляет собой многословную лексико-семантическую прослойку разноуровневой стилиевой иерархии дискурсивных («языковых») игр. В последних используются как «цензурные» — просторечные единицы с положительной коннотацией, так и нормативно «запретный» лексикон — матерщина.

К примеру, в газете «Аргументы и факты» читаем: «Путин — нормальный мужик» (03.06.2010). «Мужик» в данном контексте — это способ придать объекту положительную коннотацию. Цель подобных лексических ходов заключается в том, чтобы приблизить политический идиом к обыденной жизни. Отрицательную коннотацию несет лексема «мужлан», ср.: «Хоть бы вы <...> несколько пообтесались, а то право, словно бы вы не благородный человек, а *мужлан* говорите!» [Станюкович 1990: гл. XXV].

Оценивая современный русскоязычный газетный ПД, польский лингвист Роберт Шимуля (Robert Szymula) пишет: «Экспрессивная функция в политическом газетном дискурсе отчетливо проявляется, между прочим, в интенсивном употреблении сниженной лексики, в том числе слов разговорного характера и жаргонизмов». И далее: «Цель использования в языке политики жаргонизмов определяется в зависимости от того, из какого жаргона заимствовано данное слово. В зависимости от семантики заимствованного слова, политическая жизнь приравнивается к преступному миру, миру шоу-бизнеса, жизни молодежи <...> Текстоборазующая роль данных лексем в политических газетно-публицистических текстах несомненно огромна <...> они часто наделены отрицательной эмоционально-экспрессивной окраской, с их помощью прививается определенная оценка тех или иных явлений политической реальности, у читателя формируется опре-

деленное представление о политиках и политической жизни» [Szymula 2014: 248, 250, 252—253].

3.ДУ в дискурсивных играх различных социальных слоев населения, реализуемых в самых разнообразных устных и письменных речевых ситуациях, явление полихронотопное и разножанровое. Так, А. С. Пушкин, «осерчавши» на некоего чиновника, ославил его своим стихотворным памфлетом:

В Академии наук
Заседает князь Дундук.
Говорят, не по заслугам
Дундуку такая честь.
Почему ж он заседает?
Потому что ж...а есть.

К формам «дискурсивных игр» сниженного стиля ныне относят речевые конструкты типа «троллинг», «пранк», квазихудожественные произведения, существующие в письменной или исходно устной манифестации с юмористически-вызывающим или откровенно инвективным содержанием и т. п.

Д. Е. Новокшенов в этой связи заметил, что «явление троллинга представляется чем-то необычно новым, как и Сеть, в языковой и речевой жизни общества. Между тем, не отрицая новые черты, которые есть в этом явлении, можно утверждать, что в основе ТРП лежат старые, давно описанные речевые явления <...> В троллинге, как и в пропаганде, действует правило, приписываемое П. Й. Геббельсу: „Ложь, повторенная тысячу раз, становится правдой“. Лингвисты обратили внимание на ТРП совсем недавно. Ученые видят за этим словом отвлеченное понятие, в наиболее общем виде оно представляется как размещение на виртуальных коммуникативных ресурсах информации, порождающей конфликтную (полемическую) атмосферу». Автор констатирует: «Стратегия дискредитации реализуется через частные стратегии обвинения, оскорбления, насмешки и т. д.».

Хорошо оттроллился «по фене» — тюремном жаргоне Л. Н. Гумилёв (1912—1992), написавший в колонии на Таймыре в 1939 г. лекцию «История отпадения Нидерландов от Испании»: «В 1565 году по всей Голландии пошла параша, что папа — антихрист. Голландцы начали шипеть на папу и раскурочивать монастыри, римская курия, обиженная на пахана, подначила испанское правительство. Испанцы стали качать права — нахально тащили голландцев на исповедь (совали за святых чурки с глазами). Отказчиков сажали в кандей на трехсотку, отрицаловку пускали налево. По всей стране пошли шмоны и стук. Спешно стряпали липу. (Гадильники ломились от случайной хевры. В про-

поведях свистели об аде и рае, в домах стоял жуткий звон.) Граф Эгмонд на пару с графом Горном попали в неприятное, их по запарке замели, пришили дело и дали вышку...» [см.: Новокшенов 2016: 146, 150—153].

Разновидностью «дискурсивных игр» сниженного стиля является так называемое «prank call», т. е. телефонное хулиганство. Термин «пранкеры» вошел в журналистский обиход наряду с «троллингом». Пранкеры обычно звонят по телефону своим жертвам с целью провокации и подшучивания вынудить жертву к яркой ответной реакции. Обычно телефонный разговор записывается и распространяется в Интернете. Нередко жертвы обмана, полагая, что они беседуют с неким высокопоставленным лицом иного государства, невольно выдают некие государственные секреты.

«Троллинг» / «пранк» — розыгрыши нередко используются в международных отношениях с целью, в частности, ведения информационных войн. Особо ярко такая тактика на Украине применяется против России в интересах НАТО.

Таким образом, агрессивная речь в совокупности с паралингвистической кинесикой, мимикой, позированием и т. д. представляет собой вызывающую, провоцирующую, оскорбляющую разновидность социально-коммуникативной агрессии, ведущей нередко к бунту, драке, мятежу, ссоре и т. д. ДУ является одной из частотных форм реализации такой агрессии, требующих дальнейших углубленных трансдисциплинарных разысканий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н. Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. — М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 137.
2. Демьянков В. З. Политический дискурс как предмет политологической филологии / В. З. Демьянков. — Текст: электронный. URL: <http://www.infolex.ru/PolDis.html>.
3. Кронгауз М. А. Язык мой — враг мой? / М. А. Кронгауз. — Текст: электронный // Новый Мир. 2002. № 10. URL: https://magazines.gorky.media/novyi_mi/2002/10/yazyk-moj-vrag-moj.html.
4. Мадонна // MosDay.ru. URL: <http://mosday.ru/news/item.php?884297&view=full>. — Текст: электронный.
5. Мочить в сортире / Путин о террористах // Википедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Мочить_в_сортире. — Текст: электронный.
6. Новокшенов Д. Е. Речь против языка. — М.: ВШЭ, 2016. 304 с.
7. Письмо Д. Трампа президенту Турции Р. Т. Эрдогану. URL: <https://www.bbc.com/russian/news-50080126>. — Текст: электронный.
8. Путин предостерег западные страны от размещения американских ракет / РИА «Новости». URL: <https://ria.ru/20190221/1551162948.html>. — Текст: электронный.
9. Сообщение Трампа про Х. Клинтон в твиттере. URL: <https://twitter.com/realDonaldTrump/status/1185747939257397248>. — Текст: электронный.
10. Станюкович К. М. Два брата. — М.: Правда, 1990. 512 с.
11. Трансдисциплинарность. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Трансдисциплинарность>. — Текст: электронный.
12. Уразова Е. А. Метафора в репрезентации языковой картины мира (на примере англо-американской и русской поли-

тической публицистики) : автореф. ... канд. филол. наук. — М., 2019. 28 с.

13. Piaget J. Epistémologie des relations interdisciplinaire // OCDE. L'interdisciplinarité: problèmes d'enseignement et de recherche dans les universités. — Paris : OCDE, 1972. URL:

http://www.fondationjeanpiget.ch/fjp/site/textes/VE/jp72_epist_relat_interdis.pdf.

14. Szymula R. Сниженная лексика в современном русском политическом дискурсе // Polilog. Studia Neofilologiczne. 2014. № 4. S. 247—254.

E. N. Mishkurov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

ORCID ID: 0000-0003-1728-628X

✉ **E-mail:** e.mishkurov@mail.ru.

On the Deviant Usus in Contemporary Political Discourse

ABSTRACT. *The article studies the phenomenon of socio-stylistic deviation of the classical political discourse demonstrated in vulgarization and invective of the normative communication language of socially responsible sections of the population on both national and international levels of interaction. The invective function aimed at offence, humiliation and ridicule of the opponent by the speaker in intrapartisan competition or in the opposition on the international level is realized in the deviant usus of political discourse via switching over to a profane language employing the methods of political trolling, pranking (practical jokes over the phone), obscene words, invective paralinguistic means, etc. The purpose of conscious degradation of the institutional level of political discourse to the level of everyday communication may consist in desire to attract the provincial elector to one's side in a current presidential or parliamentary election campaign. The article saliently demonstrates this on the example of reciprocal invectives of D. Trump and his political opponents in the Democratic and Republican parties, as well as representatives of the creative intelligentsia of the USA. In the light of the theme under investigation, it is revealing to observe Russophobic hysteria in the USA and a number of Western European countries characterized by breach of all rules of international diplomatic etiquette and norms of intercultural communication as a salient evidence of moral-ethical and cultural degradation of their ruling elites. The article also dwells on the deviant usus in political media discourse, and specifically in newspaper publications, due to which political life is compared with the criminal world, the world of show business, and the life of young people. The spread of this conflicting phenomenon needs further deeper transdisciplinary research.*

KEYWORDS: political discourse; deviant usus; invective / obscene vocabulary; profane language; political trolling; American Presidents; paralinguistics.

AUTHOR'S INFORMATION: Mishkurov Eduard Nikolaevich, Doctor of Philology, Professor at the Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

FOR CITATION: Mishkurov, E. N. On the Deviant Usus in Contemporary Political Discourse / E. N. Mishkurov // Political Linguistics. — 2019. — No 6 (78). — P. 23-28. — DOI 10.26170/pl19-06-02.

REFERENCES

1. Arutyunova N. D. Discourse // Linguistic Encyclopedic Dictionary. — Moscow : Soviet Encyclopedia, 1990. P. 137. [Diskurs // Lingvisticheskii entsiklopedicheskiy slovar'. — M. : Sovetskaya entsiklopediya, 1990. S. 137]. — (In Rus.)

2. Dem'yankov V. Z. Political Discourse as a Subject of Political Science Philology / V. Z. Demyankov. — Text : electronic. [Politicheskii diskurs kak predmet politologicheskoy filologii / V. Z. Dem'yankov. — Tekst : elektronnyy]. URL: <http://www.infolex.ru/PolDis.html>. — (In Rus.)

3. Krongauz M. A. My Tongue is My Enemy? / M. A. Krongauz. — Text : electronic // New World. 2002. No. 10. [Yazyk moy — vrag moy? / M. A. Krongauz. — Tekst : elektronnyy // Novyy Mir. 2002. № 10]. URL: https://magazines.gorky.media/novyi_mi/2002/10/yazyk-moj-vrag-moj.html. — (In Rus.)

4. Madonna // MosDay.ru. URL: <http://mosday.ru/news/item.php?884297&view=full>. — Text : electronic.

5. Soak in the Toilet / Putin on Terrorists // Wikipedia. [Mochit' v sortire / Putin o terroristakh // Vikipediya]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Mochit'_v_sortire. — Text : electronic.

6. Novokshonov D. E. Speech against Language. — Moscow : HSE, 2016. [304 p.Rech' protiv yazyka. — M. : VShE, 2016. 304 s.]. — (In Rus.)

7. Letter from D. Trump to Turkish President R.T. Erdogan. [Pis'mo D. Trampa prezidentu Tursii R. T. Erdoganu]. URL: <https://www.bbc.com/russian/news-50080126>. — Text : electronic.

8. Putin warned Western Countries Against Deploying American Missiles / RIA "News". [Putin predostereg zapadnye strany ot

razmeshcheniya amerikanskikh raket / RIA «Novosti»]. URL: <https://ria.ru/20190221/1551162948.html>. — Text : electronic.

9. Trump's Post on H. Clinton on Twitter. [Soobshchenie Trampa pro Kh. Klinton v tvittere]. URL: <https://twitter.com/realDonaldTrump/status/1185747939257397248>. — Text : electronic.

10. Sanyukovich K. M. Two Brothers. — Moscow : True, 1990. 512 p. [Dva brata. — M. : Pravda, 1990. 512 s.]. — (In Rus.)

11. Transdisciplinarity. [Transdistsiplinarnost']. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Transdistsiplinarnost'>. — Text : electronic.

12. Urazova E. A. Metaphor in the Representation of the Linguistic Picture of the World (on the example of Anglo-American and Russian political journalism) : synopsis ... of Cand. of philol. Sciences. — Moscow, 2019. 28 p. [Metafora v reprezentatsii yazykovoy kartiny mira (na primere anglo-amerikanskoy i russkoy politicheskoy publitsistiki) : avtoref. ... kand. filol. nauk. — M., 2019. 28 s.]. — (In Rus.)

13. Piaget J. Epistémologie des relations interdisciplinaire // OCDE. L'interdisciplinarité: problèmes d'enseignement et de recherche dans les universités. — Paris : OCDE, 1972. URL: http://www.fondationjeanpiget.ch/fjp/site/textes/VE/jp72_epist_relat_interdis.pdf.

14. Szymula R. Low Lexemes in Contemporary Russian Political Discourse // Polilog. Studia New Philological. 2014. No. 4. P. 247—254. [Snizhennaya leksika v sovremennom russkom politicheskom diskurse // Polilog. Studia Neofilologiczne. 2014. № 4. S. 247—254]. — (In Rus.)

Н. Б. Руженцева

Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия

ORCID ID: — **E-mail:** verbalis@mail.ru.

Индивидуально-авторская представленность ценностей в жанре политического портрета (на материале печатных СМИ)

АННОТАЦИЯ. На материале ряда публикаций, взятых из популярной прессы, автор демонстрирует методику анализа аксиологической составляющей жанра политического портрета. Данная методика включает четыре компонента, предполагающих индивидуально-авторское осмысление фигуры политика: а) по линии жанровых новизнностей ее воплощения; б) по списку ценностей/антиценностей, коррелирующих с фигурой политика; в) по линии позитивной/негативной оценки фигуры политика; г) по специфике текстового воплощения ценностей, соотносимых с точкой зрения автора, транслируемой адресату популярных СМИ. Индивидуально-авторское осмысление фигуры Н. С. Хрущева по приведенной методике свидетельствует, во-первых, о том, что субстратом для репрезентации аксиологической составляющей служат жанровые модификации политического портрета как инварианта. Это портретный очерк, интервью, общеполитическая статья, мнение, рецензия. Во-вторых, в текстах популярных газетных изданий представлен как корпус ценностей, соотносимых с фигурой Н. С. Хрущева, так и корпус антиценностей. В-третьих, оценка фигуры политика варьируется по шкале: позитивная — негативная — смешанная (позитивно-негативная). Уровень речевой агрессии, проявляемой авторами публикаций, чаще всего промежуточный — между сильной и сверхсильной. В-четвертых, ведущими идиостилевыми особенностями портретов Н. С. Хрущева можно считать: а) их внутреннюю полемичность; б) высокую степень информативности и экспрессивности текста; в) наличие суждений-мнений, бездоказательных утверждений. Автор полагает, что применительно к жанру политического портрета нельзя говорить о едином аксиологическом модуле СМИ. Портреты политиков в настоящее время способны не консолидировать, а дифференцировать общество, членам которого транслируются точки зрения на политика в соответствии с разными аксиологическими модулями. Медиа побуждают общество соотносить фигуры политиков с различным репертуаром ценностей и антиценностей, медиа дифференцируют и оценку политической деятельности. В целом аксиологическая субсфера, коррелирующая с политическим портретом как жанровой составляющей медиатопики «Политика», субъективна, личностна, релятивна, в ней обязательно присутствует морально-этический компонент, а ее текстовые проявления обусловлены группой экстрадискурсивных и экстралингвистических факторов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: аксиологический модуль; идиостиль; журналистика; средства массовой информации; медиалингвистика; медиадискурс; медиатексты; СМИ; политический портрет; политические деятели; политический дискурс.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Руженцева Наталья Борисовна, доктор филологических наук, профессор кафедры межкультурной коммуникации, риторики и русского как иностранного, Уральский государственный педагогический университет; 620017, Россия, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26, к. 285; e-mail: verbalis@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Руженцева, Н. Б. Индивидуально-авторская представленность ценностей в жанре политического портрета (на материале печатных СМИ) / Н. Б. Руженцева // Политическая лингвистика. — 2019. — № 6 (78). — С. 29-36. — DOI 10.26170/pl19-06-03.

БЛАГОДАРНОСТИ. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-021-00465 А «Лингвополитическая персонология: дискурсивный поворот».

Аксиологический компонент присутствует в любом жанре политического дискурса, и в том числе в портретах политиков, публикуемых в СМИ. «Под медийным портретом можно рассматривать некий образ публичного лица, который создается средствами массовой информации путем информирования аудитории о его различных личностных, общественных и профессиональных качествах» [Петелина 2019: 308]. С точки зрения Н. А. Седовой, цель портретирования — «с требуемой степенью словесной детализации воссоздать какой-либо предмет или лицо, его характерные

составляющие и отличительные признаки» [Седова 1999: 94].

Медийные портреты политиков можно дифференцировать по разным основаниям. Это: а) собственно политические портреты, освещающие фигуру и деятельность политика в том или ином ракурсе и написанные от третьего лица (журналистские портреты); б) речевые портреты, отражающие особенности коммуникации политика, специфику его собственной речи (близки к речевым автопортретам); в) портреты — отзывы других политиков. Материалом данной статьи являются четыре журналистских портрета и

один портрет-отзыв, созданные в период с 2017 по 2019 г., опубликованные в массовых популярных газетах («АИФ», «АИФ-Урал», «Аргументы недели», «Экспресс-газета») и исследованные в рамках активно развивающейся в настоящее время отрасли научного знания — аксиологической лингвистики.

Намеченные В. И. Карасиком перспективы развития аксиологической лингвистики содержат в том числе описание индивидуально-авторских особенностей осмысления ценностей [Карасик 2019: 9]. Типовые ценности медийного дискурса, и в том числе медиатопика «Политика», находят в настоящее время научное освещение применительно и к российским, и к зарубежным массмедиа, ср., например, интерпретацию ценностей в британских СМИ: «Массмедиа, сообщая о позитивных и негативных последствиях брексита, акцентируют такие ценности, как демократия, свобода, национальная идентичность, мир, безопасность» [Желтухина 2019: 251]. Однако индивидуально-авторские ценности в медийном дискурсе изучены в значительно меньшей степени, несмотря на увеличивающуюся в целом степень авторизации публицистических текстов. Поэтому с опорой на предложенную нами схему анализа индивидуально-авторского осмысления ценностей мы попытались сопоставить их в ряде политических портретов Н. С. Хрущева.

Схема анализа индивидуально-авторского осмысления ценностей в политическом портрете с необходимостью должна включать ряд инвариантных компонентов (заметим, что их репертуар может быть и более широким, и более узким для разных медиажанровых форм). Эти компоненты предполагают осмысление фигуры политика:

- по линии жанровых разновидностей воплощения фигуры политика (формального субстрата для репрезентации аксиологической составляющей). В связи с этим следует заметить, что жанр политического портрета неоднороден: инвариант представлен целым рядом вариативных форм;
- по списку ценностей/антиценностей, соотносимых с фигурой политика.

В политическом дискурсе, как и в дискурсе СМИ, ценности, как правило, соотносимы с антиценностями. Так, говоря о ценностях политической речи, Л. М. Гончарова пишет: «В бесконечных ток-шоу... нередко можно наблюдать волны негатива и антиценностные установки, которые „окапывают“ аудиторию, формируя глубоко негативное отношение людей ко многим вещам и событиям» [Гончарова 2019: 189]. То же самое относится и к жанру политического портрета, который может иметь как ценностную, так и

антиценностную направленность, формируя взгляды и установки по отношению к политике прошлого и настоящего;

- по линии оценки фигуры политика (позитивная/негативная, смешанная оценка) и по уровню речевой агрессии, используемой для ценностной интерпретации фигуры политика.

В связи с понятием «речевая агрессия» хотелось бы отметить дифференциацию последней на слабую, сильную и сверхсильную. Так, к слабой речевой агрессии Ю. В. Щербинина относит невежливый отказ или скрытый упрек, а к сильной — «брань, ругань, — особо обидное оскорбление, крайне эмоционально и экспрессивно выраженное прямое порицание в явно повышенном тоне („крик“»)» [Щербинина 2008: 133]. В свою очередь, главной особенностью сверхсильной речевой агрессии А. П. Сковородников считает «яростную ненависть и презрение к объекту эмоциональной оценки, желание (в перспективе или ретроспективе) его полного уничтожения, ликвидации, исчезновения» [Сковородников 2019: 15]. На наш взгляд, возможны и промежуточные формы речевой агрессии — между слабой и сильной, сильной и сверхсильной;

- по специфике текстового воплощения ценностей, соотносимых с точкой зрения автора, транслируемой адресату. Указанную специфику можно исследовать по-разному. Так, Е. Н. Горбачева вскрывает специфику речевой репрезентации ценностей дипломатического дискурса, выявляя используемые для этой цели метафоры, перформативные глаголы и другие речевые средства [Горбачева 2017]. В свою очередь, Л. В. Рацибурская, исследуя новообразования в медиаполитическом дискурсе, отмечает тот факт, что осмысление реальности в последних предполагает «активизацию личности автора, игровую презентацию окружающих реалий, особенно лиц, истероидность и агрессивность воздействия, сниженную вербальность» [Рацибурская 2019: 245]. Мы же попытаемся кратко охарактеризовать ведущие идиостилевые способы самовыражения автора в каждом из политических портретов, ср.: «Субъект в современной массовой коммуникации не просто функционален — он выступает как личность со всеми особенностями ее менталитета, причем в структуре его целей все большую роль начинает играть стремление к самовыражению» [Платонова, Виноградов: 256];

«Изучение ценностей и их роли всегда отличалось большой сложностью» [Андреева 2017: 134]. В связи с этим мы считаем, что полученные при исследовании СМИ результаты имеют не абсолютный, а относи-

тельный характер, однако научное реконструирование медиадискурса на современном этапе невозможно без анализа его аксиологической составляющей, пусть даже с применением лишь описательных методов исследования. Мы разделяем также мнение Ю. Н. Петелиной о том, что «медийный портрет политика ситуативно зависим, не статичен и может меняться, так как событийность его деятельности предопределяет восприятие и формирование оценки политика адресатом. То, каким будет представление о политике в сознании аудитории, часто зависит от позиции новостных СМИ, то есть именно в медиаполитическом дискурсе осуществляется создание образа политического лидера» [Петелина 2018: 308]. Перейдем к анализу медийного материала.

Фигура Н. С. Хрущева в медийных портретах представлена противоречиво. «В 90-е из Никиты Хрущева лепили образ этакого положительного чудака» (Экспресс газета. № 7 (1252). 18.02.2019). В настоящее время мнения об этом политике и его оценки разделились. К 125-летию со дня рождения Н. С. Хрущева в 2019 г. многие российские СМИ опубликовали материалы о нем. Попытаемся представить индивидуально-авторское осмысление фигуры Н. С. Хрущева в текстах популярных массовых СМИ по приведенной выше схеме.

1. Жанровое воплощение фигуры Н. С. Хрущева, ср.:

- К. Кудряшов. **Где наследие Никиты Хрущева?** (АИФ-Урал. № 16, 2019) — форма, близкая к портретному очерку.

- М. Панюков. **В развале СССР виноват Хрущев** (Экспресс газета. № 7 (1252), 18.02.2019) — интервью с писателем и политологом Н. Стариковым.

- Г. Миронов. **Великий кукурузельт** (Экспресс газета № 4 (1286), 14.10.2019) — форма, близкая к общеполитической статье. «Общеполитические (статьи. — Н. Р.) публикуются в связи со знаменательными датами, выдающимися событиями внутренней и международной жизни» [Грабельников 2004: 226]. Такая статья, как и любой текст этого жанра, «отличается логической схемой большой глубины и широтой анализируемого фактического материала, обобщение которого и дает автор» [Майданова 1987: 18].

- В. Жириновский. **Отчего у русских хмурые лица?** (АИФ. № 17, 2019) — фрагмент высказывания В. Жириновского о Н. С. Хрущеве как структурный компонент жанровой формы «мнение».

- А. Григорьев. **Разговор с товарищем Сталиным. По душам** (Аргументы недели. № 39(683), 09.10.2019) — фрагмент о

Н. С. Хрущеве из рецензии на книгу В. Щепоткина «Разговор по душам с товарищем Сталиным».

2. Ценности/антиценности, соотносимые с фигурой Н. С. Хрущева:

2.1) Где наследие Никиты Хрущева?

Ценности

— Стремление к первенству в ряде сфер: *Первый спутник, первый человек в космосе, ракетно-ядерная программа, доступное бесплатное жилье (знаменитые «хрущевки») — все это уже стало общим местом.*

— Дар предвидения: *По большому счету, сформулированная в 2006 г. концепция „Россия — энергетическая сверхдержава“ была бы невозможна без того, что сделано при Хрущеве, и его личном участии... Именно он настоял, что будущее — за нефтью и газом... Все внимание теперь уделялось Сибири, нефти и газу. Нефтедобыча во времена Хрущева возросла в 7,5 раза. Профессия геолога становится престижной и модной. XXII съезд КПСС определил энергетику как основное стратегическое направление.*

— Забота о народе: *При Сталине каждый отдельный человек был обязан работать на износ. Хрущев же серьезно ослабил нажим — так, служащим было запрещено оставаться на работе после 8 вечера. Дальше — больше: „С 1964 года намечается приступить к постепенному переходу на пятидневную рабочую неделю при 6-7-часовом рабочем дне“; Сам вопрос о пенсиях поднял лично Хрущев, годом ранее подав в Президиум ЦК КПСС записку.*

Антиценности: отсутствуют.

2.2) В развале СССР виноват Хрущев

Ценности: отсутствуют.

Антиценности

— Политическая недалекость: *Поставил под сомнение территориальную принадлежность Курил, пообещав японцам что-то когда-нибудь отдать. Вывел войска из Австрии в 1955 году — никто не требовал, не просил! Так он хотел подать пример американцам, чтобы те вывели войска из Западной Германии. И что же? Да они и сейчас там!.. Да он чуть планету не взорвал в результате Карибского кризиса! Крым — это лишь малая толика.*

— Экономическая безграмотность, недалекость: *Еще была провальная экономическая реформа 1957—1965 годов: создание неэффективных совхозов, уничтожение сельского хозяйства; Сталин... привязал рубль к золоту... После его смерти Хрущев отменил это постановление, чем нанес непоправимый вред стране.*

– Антидемократизм, тирания: Припомните, когда это при Сталине отправлялась армия, чтобы расстреливать свой народ? А Хрущев сделал это в Новочеркасске, когда начались перебои с продуктами и люди вышли на демонстрацию. Такой вот „демократ“.

2.3) Великий кукурузельт

Ценности

– Забота о простых людях («хрущевки», первый советский автомобиль).

– Демократизация общества (хрущевская «оттепель»).

– Элиминация последствий тоталитаризма (амнистии заключенных ГУЛАГа).

– Стремление к научно-техническому прогрессу (победы в космосе) и др.

Антиценности

– Политическая безграмотность, недалекость: Начав „десталинизацию“, Хрущев испортил отношения с бывшими союзниками — в первую очередь, с Китаем и Албанией... Никита Сергеевич ухудшил военно-стратегические позиции страны в Азиатско-Тихоокеанском регионе; Хрущев не только предательски подарил Крым украинцам, но и бесконтрольно вернул из ссылки многие репрессированные народы.

– Экономическая безграмотность, недалекость: Хрущев добил частное предпринимательство — уничтожил производственные артели... Уже потом стало ясно, что советские госструктуры не в силах были единолично развивать все отрасли без частной инициативы.

– Эстетическая безграмотность: разгром выставки художников-авангардистов в московском Манеже в 1962 году.

– Антинародность действий власти, безответственность: Он принял решение о приостановке выплат по всем выпускам облигаций внутреннего займа, и Страна Советов фактически оказалась в состоянии дефолта. Это привело к потерям в сбережениях большинства жителей СССР, которых десятилетиями заставляли эти облигации покупать; Большой урон хрущевская политика нанесла Вооруженным Силам СССР. Из армии и флота уволили почти 2 млн. военнослужащих — треть от общей численности. Без средств к существованию оказались сотни тысяч людей, верой и правдой служивших Родине; Почти одновременно разгрому подверглись МВД.

– Антидемократизм, тирания: Повышение розничных цен, нехватка мясо-молочной продукции, белого хлеба, картофеля, низкие зарплаты, введение продовольственных талонов привели в начале 60-х к многочисленным народным волнениям. Самым известным стал Новочеркасский расстрел.

2.4) Отчего у русских хмурые лица?

Ценности: отсутствуют.

Антиценности:

– Неэффективная экономическая политика: Зачем он сократил приусадебные участки, довел страну до голода? Я сам был тому свидетелем. У нас в Алма-Ате белый хлеб давали только тем, у кого гастрит. А денежная реформа 1961? Она была проведена в интересах врагов СССР.

– Неэффективная национальная политика: Но самое страшное, что сделал Хрущев, — это политика коренизации. Русских вытесняли со всех руководящих постов в нацрегионах. Из-за этого я уехал из Казахстана! Это было началом развала СССР. Русские отовсюду уехали, остались без своих могил, своих домов, своих участков.

– Антидемократизм, тирания: В 1962 году Хрущев дал команду расстрелять демонстрацию рабочих в Новочеркасске. Где это видано: коммунисты расстреливают рабочих! И это партия рабочих? А ведь восстания людей труда против КПСС были и в Караганде, и в Тбилиси — по всей стране.

2.5) Разговор с товарищем Сталиным. По душам

Ценности: отсутствуют

Антиценности:

– Релятивизм, двойные стандарты, ср. фрагмент об участии Н. С. Хрущева («разоблачителя» культа личности Сталина) в массовых репрессиях:

Никита Хрущев, „разоблачающий“ Сталина, в деле репрессий бежал впереди паровоза. Писатель приводит его подлинную записку: „Дорогой Иосиф Виссарионович! Украина ежемесячно посылает 17—18 тысяч репрессированных. А Москва утверждает не более 2—3 тысяч. Прошу Вас принять срочные меры. Любящий Вас Н. С. Хрущев“. Сталин ответил: „Уймись, дурак!“. Однако Хрущев не унялся. Снова написал...».

3. Оценка фигуры политика, уровень речевой агрессии.

3.1) Где наследие Никиты Хрущева?

Оценка фигуры Н. С. Хрущева — позитивная. Степень речевой агрессии — слабая, главным образом посредством чужой речи, ср.: Современник Хрущева режиссер Михаил Ромм высказался впоследствии так: „В качестве хозяина страны он был, пожалуй, чересчур широк. В какой-то момент отказали у него все тормоза“.

3.2) В развале СССР виноват Хрущев

Оценка Н. С. Хрущева — негативная. Степень речевой агрессии — промежуточная, между сильной и сверхсильной, ср. фрагмент интервью:

— *Что скажете о XX съезде, где был развенчан культ личности Сталина?*

— *Это отдельная тема. Речь Хрущева — лай злобной собаки, которая раньше была вынуждена молчать. Это — личная животная ненависть.*

3.3) Великий кукурузельт

Оценка Н. С. Хрущева — смешанная: Для страны Хрущев сделал больше плохого, чем хорошего.

Степень речевой агрессии в негативно-оценочных фрагментах скорее сильная, ср.:

Большинство действий Хрущева носили деструктивный характер для государства. Экономика так и не смогла восстановиться после его дурацких экспериментов. Армия, милиция и рабочие были дезориентированы недальновидной политикой руководства партии и государства. Дальнейшее его нахождение у власти могло вызвать необратимые последствия и развал.

3.4) Отчего у русских хмурые лица?

Оценка Н. С. Хрущева — негативная. Степень речевой агрессии — промежуточная между сильной и сверхсильной, ср., например, высказывания, крайне враждебные по отношению к политику, но без грубых слов и выражений: *Довел страну до голода; в интересах врагов СССР; самое страшное, что сделал Хрущев — это политика коренизации; развал СССР.*

3.5) Разговор с товарищем Сталиным. По душам

Оценка Н. С. Хрущева — негативная. Степень речевой агрессии — промежуточная между сильной и сверхсильной, однако эмоции враждебности, ненависти и презрения выражены не экспрессивной лексикой, а при помощи фактологической аргументации — текста обращения Хрущева к Сталину по поводу увеличения числа людей, подлежащих репрессиям.

4. Специфика текстового воплощения ценностей, соотносимых с точкой зрения автора на того или иного политика (особенности текстообразования, выходящие на первый план).

4.1) Где наследие Никиты Хрущева?

Особенность публикации — ее внутренняя полемичность, введение квазиоппонента — совокупности людей, которые предположительно думают иначе, чем те, кто придерживается авторской позитивной оценки Хрущева, ср.: *Некоторые считают... что по совокупности заслуг он (Хрущев. — Н. Р.) должен быть третьим, а не первым. Другие же утверждают, что если где „дорогой Никита Сергеевич“ и был первым, то лишь в развале стройного и грозного здания советской государственности. Мол, и застой, и роковая для СССР перестройка —*

родом из тех времен, когда у руля стоял Хрущев. Частица *мол*, в свою очередь, способствует диалогизации письменного монолога, свидетельствует о «влиянии устной и письменной бытовой речи, взятой во всей ее полноте и разнообразии» [Коньков 2007: 60].

4.2) В развале СССР виноват Хрущев

Особенностью данного текста является то, что его можно квалифицировать как текст-мнение, о чем свидетельствует значительное число оборотов и лексических средств со значением мнения или категорического бездоказательного утверждения, ср.:

— *Вы считаете, что Хрущев отравил вожда?*

— *Думаю, он имел к этому самое прямое отношение. Этим объясняется скорая расправа с Берией, который бы вне всяких сомнений раскопал, что на самом деле случилось.*

4.3) Великий кукурузельт

Идиостилевая специфика данного портрета политика заключается в высокой информативности текста и аргументированности оценочных (позитивных и негативных) утверждений автора. Оценка прослеживается уже в заголовочном комплексе публикации.

Негативная оценка:

Заголовок: *Великий кукурузельт*

Подзаголовок: *Хрущев сделал все для будущего развала СССР*

Лид (частично): *Он надоел всем: и сталинской „старой гвардии“, и умеренным партийцам, и интеллигенции, и военным.*

Внутренний заголовок — 1: *Удар по экономике*

Внутренний заголовок — 2: *Царица полей*

Внутренний заголовок — 3: *Рассорил союзников*

Внутренний заголовок — 4: *Расстрел армии и милиции*

Внутренний заголовок — 5: *Расстрелы рабочих*

Вставка-1: *Имей в виду (о деятельности Хрущева в составе тройки НКВД, выносящей сотни расстрельных приговоров)*

Вставка-2 (о разгроме выставки в Манеже)

Подпись к карикатуре: *Американская карикатура о том, как Карл Маркс в ужасе от ссоры Хрущева, Мао Цзэдуна и Иосифа Броз Тито из-за Иосифа Сталина.*

Подпись к фотографии памятника Хрущеву:

Герой фольклора:

Товарищ! Верь!

Придет она!

На водку старая цена.

И на закуску будет скидка,

Когда помрет Хрущев Никитка.

Позитивная оценка

Внутренний заголовок — 6: *Без крови*

Внутренний заголовок — 7: *Что-то хощее*

4.4) *Отчего у русских хмурые лица?*

Идиостилевые особенности письменного текста отражают идиостиль устных выступлений В. Жириновского. Самой главной чертой, на наш взгляд, является внутренняя полемичность авторской речи (*Где это видано: коммунисты расстреливают рабочих?! И это партия рабочих? И т. д.*). Полемичность достигается общепонятной лексикой, короткими простыми предложениями, множеством вопросно-ответных конструкций, общей экспрессивностью синтаксиса, в целом обеспечивающей динамичность высказываний В. Жириновского и в известной степени соответствующей коммуникативному прессингу как особенности его устных выступлений.

4.5) *Разговор с товарищем Сталиным. По душам*

Использование контекста самодискредитации. Это записки Хрущева Сталину с предложением увеличить число репрессированных, подрывающие репутацию Н. С. Хрущева как разоблачителя культа личности.

В связи со сказанным выше хотелось бы привести точку зрения Н. Н. Клушиной, которая считает, что аксиологической функцией медиа является консолидация общества: «Наше исследование современных медиа показывает, что массовая культура также получает аксиологический модус. Медиа сплавляют феномены элитарной, народной и массовой культур в единую медиакультуру, которая выполняет важную аксиологическую функцию — консолидирует общество на основе базовых ценностей, сохраненных в народной культуре...» [Клушина 2019: 28]. Возможно, для более обширного материала данное утверждение является бесспорным. Однако в границах политического портрета скрепление общества на основе единого аксиологического модуса не может произойти. Происходит дифференциация общества, которому транслируются точки зрения на политика, соотносимые с разными аксиологическими модусами. Медиа побуждают общество соотносить фигуры политиков с разным репертуаром ценностей, дифференцировать оценки политических деятелей по шкале: абсолютный позитив — абсолютный негатив — смешанная позитивно-негативная оценка. В популярной прессе превалирует негативная оценочность — важнейшая текстообразующая категория так называемой

«горячей новости», переносимая и на жанр политического портрета.

В заключение хотелось бы подчеркнуть следующее.

Существует аксиологическая сфера, коррелирующая с медиатопиком «Политика» во всех его проявлениях. Но существует и асиологическая субсфера, коррелирующая с политическим портретом как жанровой составляющей медиатопика. Эта субсфера субъективна, личностна, релятивна, соотносима с разным репертуаром ценностей и антиценностей, а ее аксиологические проявления обусловлены группой экстрадискурсивных и экстралингвистических факторов, в частности идеологической концепцией издания. В этой субсфере обязательно присутствует морально-этический компонент, эксплицированный посредством позитивной/негативной оценки. В свою очередь, корреляция ценностей с другими группами медиажанров может быть иной. Как следствие, анализ индивидуально-авторского осмысления жанрового корпуса медиатопика «Политика» позволяет выявить как инвариантный аксиологический модус последнего, так и его вариативные реализации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреева И. В. Иерархия ценностей китайских и российских студентов // Ценности в лингвокультурном аспекте: языковое сознание, коммуникация, текст. — Тяньцзинь : Тяньцзиньск. ун-т иностр. языков, 2017. С. 132—146.
2. Грабельников А. А. Работа журналиста в прессе. — М. : РИП-холдинг, 2004. — 274 с.
3. Гончарова Л. М. Формирование ценностей в общественном сознании посредством политической речи // Лингвокультурные ценности в языковом сознании и коммуникативной практике. — Тяньцзинь : Тяньцзиньск. ун-т иностр. языков, 2019. С. 185—190.
4. Горбачева Е. Н. Вербальная репрезентация ценностей в дипломатическом дискурсе (на материале официальных заявлений МИД РФ) // Ценности в лингвокультурном аспекте: языковое сознание, коммуникация, текст. — Тяньцзинь : Тяньцзиньск. ун-т иностр. языков, 2017. С. 238—244.
5. Желтухина М. Р. Медийно-аксиологические особенности британского брексита // Лингвокультурные ценности в языковом сознании и в коммуникативной практике. — Тяньцзинь : Тяньцзиньск. ун-т иностр. языков, 2010. С. 246—252.
6. Карасик В. И. Ценности как культурно значимые ориентиры поведения // Лингвокультурные ценности в языковом сознании и коммуникативной практике. — Тяньцзинь : Тяньцзиньск. ун-т иностр. языков, 2019. С. 3—11.
7. Клушина Н. Н. Аксиологический аспект медиастилистики // Аксиологические аспекты современных филологических исследований / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2019. С. 27—29.
8. Коньков В. И. Книжное и разговорное начало в средствах массовой информации // Русская речь в средствах массовой информации. — СПб. : С.-Петерб. гос. ун-т, 2007. С. 56—63.
9. Майданова Л. М. Стилистические особенности газетных жанров. — Свердловск : УрГУ, 1997. 64 с.
10. Петелина Ю. Н. Медийный портрет Терезы Мей и его лексико-семантические особенности // Ценности в лингвокультурном аспекте: языковое сознание, коммуникация, текст. — Тяньцзинь : Тяньцзиньск. ун-т иностр. языков, 2019. С. 307—315.
11. Платонова О. В., Виноградов С. И. Прагматика и риторика дискурса в периодической печати. Сфера субъекта и

выражение оценки // Культура русской речи. — М. : Норма-Инфра, 1998. С. 253—264.

12. Рацибурская Л. В. Лингвокультурная специфика новообразований в современных российских СМИ // Лингвокультурные ценности в языковом сознании и коммуникативной практике. — Тяньцзинь : Тяньцзиньск. ун-т иностр. языков, 2019. С. 240—252.

N. B. Ruzhentseva

Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia

ORCID ID: —

 E-mail: verbalis@mail.ru.

13. Седова Н. А. Речевой жанр «портрет человека»: коммуникативно-прагматическая интерпретация // Вестник Омского университета. 1999. Вып. 4. С. 94—98.

14. Сковородников А. П. О сверхсильной речевой агрессии и ее модальном антиподе // Политическая лингвистика. 2019. № 3 (75). С. 12—21.

15. Щербинина Ю. В. Вербальная агрессия. — М. : Изд-во ЛКИ, 2008. 360 с.

Individual Authored Interpretation of Values in the Genre of Political Portrait (on the Material of Print Media)

ABSTRACT. *On the material of a number of publications from popular press, the author demonstrates a method of analysis of the axiological constituent of the genre of political portrait. This method includes four components presupposing individual authored interpretation of the portrait of a politician: a) according to genre variations of its impersonation; b) in correspondence with the list of values/antivalues correlated with the image of the politician; c) according to the positive/negative evaluation of the politician; d) by the specificity of textual representation of the values correlated with the author's point of view translated to the recipient of popular mass media. The individual authored interpretation of the portrait of N. S. Khruchev according to the given method testifies, first, to the fact that the substratum for the representation of the axiological constituent is made up by genre modifications of the political portrait as an invariant. They include a portrait, an essay, an interview, a general political article, an opinion, and a review. Second, the texts of popular papers present both the corpus of the values correlated with the figure of N. S. Khruchev and the corpus of antivalues. Third, the evaluation of the figure of the politician is done on the scale: positive – negative – mixed (positive-negative). The level of verbal aggression displayed by the publication authors is more often intermediate – between strong and super strong aggression. Fourth, among the leading idiosyncrastic peculiarities of N. S. Khruchev's portraits one may find the following: a) their inner polemicity; b) high degree of informativity and expressivity of the text; c) presence of own opinions and statements unsupported by evidence. The author believes that in relation to the genre of political portrait it is impossible to speak about a common axiological modus of mass media. At present, the portraits of political leaders do not facilitate consolidation but rather trigger off differentiation of society the members of which are translated various visions of a politician in accordance with different axiological modi. The media urge the society to view the figures of politicians on the background of various values and antivalues and differentiate the evaluation of political activity. On the whole, the axiological subsphere correlated with the political portrait as a genre constituent of the media topic "Policy" is subjective, personality sensitive and relative; it necessarily contains a moral-esthetic component, and its text representations are conditioned by a number of extradisursive and extralinguistic factors.*

KEYWORDS: *axiological modus; idiosyncrasy; journalism; mass media; media linguistics; media discourse; media texts; political portrait; politicians; political discourse.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Ruzhentseva Natal'ya Borisovna, Doctor of Philology, Professor of Department of Intercultural Communication, Rhetoric and Russian as a Foreign Language, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.*

FOR CITATION: *Ruzhentseva, N. B. Individual Authored Interpretation of Values in the Genre of Political Portrait (on the Material of Print Media) / N. B. Ruzhentseva // Political Linguistics. — 2019. — No 6 (78). — P. 29-36. — DOI 10.26170/pl19-06-03.*

ACKNOWLEDGMENTS. *Research is accomplished with financial support of the Russian Foundation for Basic Research within the scientific project №19-021-00465 A "Linguo-Political Personology: Discursive Turn".*

REFERENCES

1. Andreeva I. V. Hierarchy of Values of Chinese and Russian Students // Values in the Linguocultural Aspect: Linguistic Consciousness, Communication, Text. — Tianjin : Tianjin Univ. of Foreign Affairs Languages, 2017. P. 132—146. [Ierarkhiya tsennostey kitayskikh i rossiyskikh studentov // Tsennosti v lingvokul'turnom aspekte: yazykovoe soznanie, kommunikatsiya, tekst. — Tyan'tszi' : Tyan'tszi' sk. un-t inostr. yazykov, 2017. S. 132—146]. — (In Rus.)
2. Grabel'nikov A. A. The Work of a Journalist in the Press. — Moscow : RIP-holding, 2004. — 274 p. [Rabota zhurnalista v presse. — M. : RIP-kholding, 2004. — 274 s.]. — (In Rus.)
3. Goncharova L. M. The Formation of Values in Public Consciousness through Political Speech // Linguocultural Values in Linguistic Consciousness and Communicative Practice. — Tianjin : Tianjin Univ. of Foreign Affairs Languages, 2019. P. 185—

190. [Formirovanie tsennostey v obshchestvennom soznanii posredstvom politicheskoy rechi // Lingvokul'turnye tsennosti v yazykovom soznanii i kommunikativnoy praktike. — Tyan'tszi' : Tyan'tszi' sk. un-t inostr. yazykov, 2019. S. 185—190]. — (In Rus.)

4. Gorbacheva E. N. Verbal Representation of Values in Diplomatic Discourse (based on official statements of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation) // Values in the Linguistic and Cultural Aspect: Linguistic Consciousness, Communication, Text. — Tianjin : Tianjin Univ. of Foreign Affairs Languages, 2017. P. 238—244. [Verbal'naya reprezentatsiya tsennostey v diplomaticheskoy diskurse (na materiale ofitsial'nykh zayavleniy MID RF) // Tsennosti v lingvokul'turnom aspekte: yazykovoe soznanie, kommunikatsiya, tekst. — Tyan'tszi' : Tyan'tszi' sk. un-t inostr. yazykov, 2017. S. 238—244]. — (In Rus.)

5. Zheltukhina M. R. Media-axiological Features of British Brexit // Linguocultural Values in Linguistic Consciousness and

in Communicative Practice. — Tianjin : Tianjin Univ. of Foreign Affairs Languages, 2010. P. 246—252. [Mediyno-aksiologicheskie osobennosti britanskogo breksita // Lingvokul'turnye tsennosti v yazykovom soznanii i v kommunikativnoy praktike. — Tyan'tszin' : Tyan'tszin'sk. un-t inostr. yazykov, 2010. S. 246—252]. — (In Rus.)

6. Karasik V. I. Values as Culturally Significant Landmarks of Behavior // Linguocultural Values in Linguistic Consciousness and Communicative Practice. — Tianjin : Tianjin Univ. of Foreign Affairs Languages, 2019. P. 3—11. [Tsennosti kak kul'turno znachimye orientiry povedeniya // Lingvokul'turnye tsennosti v yazykovom soznanii i kommunikativnoy praktike. — Tyan'tszin' : Tyan'tszin'sk. un-t inostr. yazykov, 2019. S. 3—11]. — (In Rus.)

7. Klushina N. N. Axiological Aspect of Media Stylistics // Axiological Aspects of Modern Philological Research / Ural State Ped. Univ. — Ekaterinburg, 2019. P. 27—29. [Aksiologicheskii aspekt mediastilistiki // Aksiologicheskie aspekty sovremennykh filologicheskikh issledovaniy / Ural. gos. ped. un-t. — Ekaterinburg, 2019. S. 27—29]. — (In Rus.)

8. Kon'kov V. I. Book and Colloquial Beginning in the Media // Russian Speech in the Media. — Saint Petersburg : St. Petersburg State Univ., 2007. P. 56—63. [Knizhnoe i razgovornoe nachalo v sredstvakh massovoy informatsii // Russkaya rech' v sredstvakh massovoy informatsii. — SPb. : S.-Peterb. gos. un-t, 2007. S. 56—63]. — (In Rus.)

9. Maydanova L. M. Stylistic Features of Newspaper Genres. — Sverdlovsk : Ural State Univ., 1997. 64 p. [Stilisticheskie osobennosti gazetnykh zhanrov. — Sverdlovsk : UrGU, 1997. 64 s.]. — (In Rus.)

10. Petelina Yu. N. Media Portrait of Teresa May and its Lexical and Semantic Features // Values in the Linguistic and Cultural Aspect: Linguistic Consciousness, Communication, Text. — Tianjin : Tianjin Univ. of Foreign Affairs Languages, 2019.

P. 307—315. [Mediynny portret Terezy Mey i ego leksiko-semanticheckie osobennosti // Tsennosti v lingvokul'turnom aspekte: yazykovoe soznanie, kommunikatsiya, tekst. — Tyan'tszin' : Tyan'tszin'sk. un-t inostr. yazykov, 2019. S. 307—315]. — (In Rus.)

11. Platonova O. V., Vinogradov S. I. Pragmatics and Rhetoric of Discourse in Periodicals. The Subject's Sphere and Expression of Assessment // Culture of Russian Speech. — Moscow : Norma-Infra, 1998. P. 253—264. [Pragmatika i ritorika diskursa v periodicheskoy pechati. Sfera sub'ekta i vyrazhenie otsenki // Kul'tura russkoy rechi. — M. : Norma-Infra, 1998. S. 253—264]. — (In Rus.)

12. Ratsiburskaya L. V. Linguocultural Specificity of Neoplasms in Modern Russian Media // Linguocultural Values in Linguistic Consciousness and Communicative Practice. — Tianjin : Tianjin Univ. of Foreign Affairs Languages, 2019. P. 240—252. [Lingvokul'turnaya spetsifika novoobrazovaniy v sovremennykh rossiyskikh SMI // Lingvokul'turnye tsennosti v yazykovom soznanii i kommunikativnoy praktike. — Tyan'tszin' : Tyan'tszin'sk. un-t inostr. yazykov, 2019. S. 240—252]. — (In Rus.)

13. Sedova N. A. Speech Genre "Portrait of a Man": Communicative-pragmatic Interpretation // Bulletin of the Omsk Univ. 1999. Iss. 4. P. 94—98. [Rechevoy zhanr «portret cheloveka»: kommunikativno-pragmaticheskaya interpretatsiya // Vestnik Omskogo universiteta. 1999. Vyp. 4. S. 94—98]. — (In Rus.)

14. Skovorodnikov A. P. On the Extreme Speech Aggression and Its Modal Antipode // Political Linguistics. — 2019. — No 3 (75). — P. 12—21. [O sverkhstil'noy rechevoy agressii i ee modal'nom antipode // Politicheskaya lingvistika. 2019. № 3 (75). S. 12—21]. — (In Rus.)

15. Shcherbinina Yu. V. Verbal Aggression. — Moscow : Publishing House of LCI, 2008. 360 p. [Verbal'naya agressiya. — M. : Izd-vo LKI, 2008. 360 s.]. — (In Rus.)

Н. А. Сергиенко

Сургутский государственный университет, Сургут, Россия

ORCID ID: 0000-0001-6884-5315 **E-mail:** nas_surgut@mail.ru.

Сопоставительная когнитивная лингвокультурология как новое научное направление в современной лингвистике

АННОТАЦИЯ. На основе анализа работ современных отечественных и зарубежных исследователей в области когнитивной лингвистики и лингвокультурологии дано определение сопоставительной когнитивной лингвокультурологии как новому научному направлению в современном языкознании, охарактеризованы ее предмет, объект, цель, задачи и методы изучения.

Сопоставительная когнитивная лингвокультурология изучает процессы взаимодействия и взаимосвязи национальных языков и национальных культур как целостных лингвоментальных структур в единстве их языковых и внеязыковых (культурных) содержаний сквозь призму когнитивного анализа их формирования, развития и функционирования, с ориентацией на системы национально-культурных ценностей и особенности человеческого мышления. Сопоставительная когнитивная лингвокультурология, возникшая на стыке когнитивной лингвистики и лингвокультурологии, имеет большие перспективы для своего развития, так как на сегодняшний день благодаря расширению международных отношений и диалога культур вопрос о сходстве и различии языков и народов (лингвокультур) оказывается в центре внимания современных научных лингвистических исследований.

Сделан вывод о том, что сопоставительная когнитивная лингвокультурология дает возможность выявить сходства и различия в особенностях лингвокогнитивной категоризации и концептуализации лингвоментальных сфер, которые впоследствии могут дать исследователям материал не только о структуре сопоставляемых языков, но и о культурном и духовном состоянии народов, чтобы в дальнейшем представить общую картину мира, отражающую как специфическое видение нации, так и отдельно взятой личности, принадлежащей к тому или иному лингвокультурному сообществу.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: сопоставительная лингвокультурология; когнитивная лингвокультурология; когнитивная лингвистика; языковая картина мира; лингвокультурология.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Сергиенко Наталья Анатольевна, кандидат филологических наук, заведующий кафедрой иностранных языков, Сургутский государственный университет; 628412, Россия, г. Сургут, пр-т Ленина, 1; e-mail: nas_surgut@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Сергиенко, Н. А. Сопоставительная когнитивная лингвокультурология как новое научное направление в современной лингвистике / Н. А. Сергиенко // Политическая лингвистика. — 2019. — № 6 (78). — С. 37-43. — DOI 10.26170/pl19-06-04.

В современном языковедении преобладают интеграционные тенденции: формируется научная парадигма, которая синтезирует разные подходы и вырабатывает «полипарадигмальный» (Е. С. Кубрякова) статус современной лингвистики. Вследствие этого появляется ряд наук, которые имеют междисциплинарный характер: лингвокогнитология, лингвокультурология, этнолингвистика, социоллингвистика, психоллингвистика, гендерная лингвистика, лингвистическая философия и др. Требования интеграции разных подходов в этих научных областях выдвигают на первый план изучение человека.

По мнению Е. А. Селивановой, согласно принципу антропоцентризма, «человек рассматривается как центр и наивысшая цель мироздания, <...> поэтому в лингвистике этот принцип применяется при исследовании языка как продукта человеческой деятельности, предназначенного для потребно-

стей человека посредством общения, средства хранения его опыта, знаний, культуры» [Селиванова 2008: 32].

Переориентация языковедов с объекта — языковой единицы — на субъект познания — человека (анализируется человек в языке и язык в человеке), а также сосредоточение внимания на соотношении языка и мышления в значительной мере обеспечили формирование сначала когнитивной лингвистики, а позднее — лингвистической концептологии, или лингвоконцептологии.

С другой стороны, современная лингвистика, центральным объектом изучения которой является человек (антропологическая парадигма), направлена на исследование взаимоотношений и взаимопроникновений языка и сознания (мышления), языка и культуры. Неудивительно, что многие современные лингвистические исследования проводятся в русле когнитивной лингвистики и лингвокультурологии.

Тем не менее нерешенным остается вопрос, являются ли эти два направления современных лингвистических исследований параллельными, взаимодополняющими друг друга, или же речь идет о зарождении нового, комплексного, интегративного направления в языкознании, в котором когнитивная лингвистика и лингвокультурология соединяются в единое целое и которое условно можно назвать сопоставительной когнитивной лингвокультурологией?

Прежде чем обоснованно ответить на этот вопрос, дать определение сопоставительной когнитивной лингвокультурологии, выделить ее предмет, объект, цель, задачи и методы, необходимо кратко охарактеризовать когнитивную лингвистику, лингвоконцептологию, лингвокультурологию и сопоставительную лингвистику, на базе которых, на наш взгляд, выросло это новое научное направление.

Несмотря на то, что сегодня статус лингвоконцептологии как науки не вызывает возражений (ее становление подтверждают работы зарубежных и отечественных ученых, а именно К. Ю. Голобородько, И. А. Голубовской, В. В. Жайворонка, В. Л. Иващенко, Т. А. Космеды, В. И. Кононенко, А. М. Приходько, Т. В. Радзиевской, Е. А. Селивановой, М. С. Скаб, Н. В. Слухай, а также Н. Ф. Алефиренко, Е. Бартминского, А. Вежбицкой, С. Г. Воркачев, В. В. Воробьева, В. И. Карасика, В. В. Красных, Е. С. Кубряковой, Дж. Лакоффа, В. А. Масловой, М. В. Пименовой, З. Д. Поповой, Г. Г. Слишкина, И. А. Стернина, Ю. С. Степанова, У. Чейфа, А. Д. Шмелева и др.), остается немало дискуссионных вопросов, прежде всего связанных с ее происхождением, связью с другими языковедческими дисциплинами, статусом основной единицы — концепта и т. д.

Анализ работ упомянутых выше лингвистов показал, что большинство ученых связывает возникновение лингвоконцептологии с когнитивной лингвистикой и лингвокультурологией. Идею о том, что лингвистическая концептология как новая область выделилась из состава когнитивной лингвистики и является одним из направлений лингвокогнитологии, высказывают З. Д. Попова, И. А. Стернин, которые основными задачами этой дисциплины считают исследование концептов и средств их языковой репрезентации, механизмов моделирования концептуальных единиц, установление их места в концептосфере, анализ процессов концептуализации мира и т. п. [Попова 2007: 22—23].

Что касается лингвокультурологов, в частности Ю. С. Степанова, С. Г. Воркачева, В. И. Карасика, В. А. Масловой и других, то

они склоняются к мысли, что лингвоконцептология выделилась из лингвокультурологии «в ходе модификации Э. Бенвенистом триады „язык, культура, человеческая личность“, в которой „человеческая личность“ равняется сознанию, а точнее совокупности „сгустков смысла“, которые его образуют, — концептов» [Воркачев 2007: 13].

Ю. С. Степанов отмечает: «Концептология — это новая дисциплина, которая изучает так называемые культурные концепты, т. е. понятия, которые представляют культурную ценность» [Степанов 2001: 3].

В украинистике на то, что концептологическое (логино-лингвистическое) направление принадлежит лингвокультурологии, обращает внимание Е. А. Селиванова, замечая, что оно представлено описанием имеющих в соответствующей культуре концептов на текстовом материале разных сфер общения и связано с установлением культурных доминант у разных этносов [Селиванова 2008: 261].

Ряд других ученых происхождения лингвоконцептологии толкуют значительно шире. Ср.: создана в пределах культурологии вообще (В. П. Нерознак) или выделилась из концептологии (И. А. Стернин).

Заметим, что З. Д. Попова и И. А. Стернин для обозначения исследуемой области употребляют термин «лингвокогнитивная концептология», в то время как С. Г. Воркачев предлагает название «лингвокультурная концептология», основной единицей которой, по его мнению, является лингвокультурный концепт (лингвоконцепт), а Ю. С. Степанов использует терминологию «культурная концептология».

Вместе с тем констатируем, что чаще ученые не задаются целью разграничивать связи лингвоконцептологии с когнитивной лингвистикой и лингвокультурологией. Поэтому нередко одни и те же исследователи связывают ее, вместе с тем, с обеими областями знаний (С. Г. Воркачев, В. И. Карасик, В. Л. Иващенко, Е. А. Селиванова). В этом контексте, очевидно, правы те, кто лингвоконцептологию рассматривает как науку, которая возникла на стыке лингвокультурологии и когнитивной лингвистики и которая носит междисциплинарный характер.

Одним из факторов утверждения лингвоконцептологии как интегральной дисциплины, по словам В. Л. Иващенко, «является общая тенденция к установлению междисциплинарных связей почти во всех звеньях человеческой жизни» [Иващенко 2006: 3].

Т. А. Космеда объясняет этот процесс требованиями интеграции лингвистического, когнитивного и психологического подходов в

современных языковедческих студиях при условии предоставления особого значения культуре, которую сегодня рассматривают как наиболее фундаментальный способ человеческого бытия [Космеда 2010: 11]. Вместе с тем позволим себе не согласиться с исследовательницей в том, что именно в пределах лингвоконцептологии она предлагает выделять «два основных подхода — лингвокогнитологический и лингвокультурологический, общей чертой которых является интерес к понятию концепта, а расхождение проявляется в понимании и методике исследования этого понятия» [Там же: 20].

На междисциплинарный характер лингвоконцептологии обращает внимание В. И. Кононенко. По свидетельству ученого, идеи лингвоконцептологии как актуальной области знаний, которые основываются на общих теоретико-методологических принципах и проецируются на разные гуманитарные сферы, «реализуются в области столкновения научных подходов и методик исследования, в частности с позиций психолингвистики, лингвокультурологии, лингвистической философии, пропозициональной логики и т. п.» [Кононенко 2006: 111].

Интеграция разрозненных интеллектуальных усилий исследователей из разных областей знания — психологов, социологов, политологов, философов и филологов — является задачей концептологии по мнению В. П. Нерознака, М. А. Красавского, В. В. Красных и др. Потребность в создании лингвистической концептологии ученые прежде всего объясняют отсутствием специальной научной дисциплины, посвященной изучению концептов.

Так, В. И. Карасик и И. А. Стернин в предисловии к «Антологии концептов», характеризуя концептологию как раздел междисциплинарной когнитивной науки, которая возникла в рамках культурологии, предлагают следующее определение: «Это наука о концептах, их содержании и отношении концептов в концептосфере. Концептология исследует как национальные, так и групповые, а также художественные и индивидуальные концептосферы, <...> вообще это наука, которая ставит целью: описать названные в языке концепты лингвистическими средствами» [Карасик 2007: 5].

Основные задачи лингвоконцептологии как науки о концептах подробно изложены Е. А. Селивановой и предполагают: размежевание концепта, понятия и значения; установление его зависимости от средств языковой вербализации; классификацию концептов по способам формирования; определение разных компонентов в их структуре;

установление специфики концептов в индивидуальном и коллективном сознании, а также объема концепта в зависимости от репрезентации в разных картинах мира; кроме того, определение типологии концептов и методики их анализа [Селиванова 2008: 411].

В разной степени эти задачи уточняют и дополняют другие ученые. Ср.: «...концептология исследует чрезвычайно важный компонент человеческого языкового сознания — концепт» (М. А. Красавский) или «моделирование концептов является одним из важных направлений лингвоконцептологии» (В. И. Карасик). Этим обусловлено и следующее определение: «Исследование концептов получило название концептологии. Концептология, как свидетельствует само название, объединяет исследователей своим объектом, но в ее рамках возможны разные исследовательские подходы к концептам» [Никонова 2007: 162].

Рассматривая понятие концепта в системе когнитивных наук гуманитарного направления, В. Г. Никонова отмечает, что «в концептологии существуют разные подходы к анализу концептов», причем, как указывает исследовательница, ссылаясь на Г. Г. Слышкина, «они не являются взаимоисключающими, а лишь подчеркивают разные аспекты формирования концепта» [Там же: 163].

В. Л. Иващенко выделяет в рамках лингвоконцептологии пять основных направлений научных поисков, которые дифференцируются в зависимости от исследовательских интересов в изучении концептов:

1) этнолингвоконцептология, которая тесно взаимодействует с лингвострановедением, лингвокультурологией, этнолингвистикой, этнопсихолингвистикой и представлена исследованиями концептов отдельной [этно]культуры, или этнокультурных концептов;

2) сравнительная этнолингвоконцептология, связанная с исследованием концептуальных и языковых картин мира разных [этно]культур или концептуализации одного и того же фрагмента действительности или знания о ней как межъязыковой универсалии в разных лингвокультурах;

3) художественная лингвоконцептология, которая взаимодействует с лингвостилистикой и лингвофольклористикой, объектом исследования которой является [литературно-]художественные концепты, которые изучают как в контексте отдельного литературно-художественного произведения, так и жизнедеятельности того или иного автора или же в контексте устно-поэтического народного творчества;

4) научная лингвоконцептология, или когнитивная терминология, в центре внимания

которой находятся научные концепты, преимущественно общественных наук;

5) лингвоконцептография, или лингвоконцептологическая лексикография, связанная с составлением словаря концептов и в этом контексте — словарей стереотипов, символов, образов, констант национального сознания и разработкой их теоретических основ [Ивашенко 2006: 4].

К названным направлениям Т. А. Космеда предлагает добавить аксиологическую концептологию и гендерную, замечая, что они достаточно репрезентированы в работах по аксиологии и гендерной лингвистике [Космеда 2010: 20].

Несколько подходов в области лингвоконцептологии, в частности, к анализу концептов, отмечает Н. В. Слухай, а именно: системно-языковой, денотативный, сигнификативный, который включает такие варианты, как лингвоэнциклопедический, лингвомифопоэтический, наивно-языковой и функционально-прагматический. Исследовательница делает вывод, что рассмотренные ею подходы являются соотносительными, часто пересекаются, являются комплексными, что дает возможность глубже познать природу концепта [Слухай 2002: 462—470].

По мнению В. И. Кононенко, само выделение лингвистического аспекта в исследованиях концепта определяет место языковедческой науки в общекультурных поисках [Кононенко 2006: 111], а следовательно, предопределяет ее междисциплинарный статус. И если раньше отсутствие специальной научной дисциплины, которая занималась бы изучением концептов, заставляло ученых рассматривать их в рамках уже имеющихся областей, то выделение лингвоконцептологии решило проблему их анализа. И хотя новую лингвистическую науку — лингвоконцептологию — квалифицируют по-разному, однако большинство сходится в том, что это дисциплина интегрального (синтезирующего) типа, которая принадлежит к когнитивным областям гуманитарного знания.

Придерживаясь распространенной в современной научной парадигме идеи о том, что лингвоконцептология появилась на стыке лингвокультурологии и когнитивной лингвистики, М. В. Пименова, ссылаясь на В. И. Карасика и Г. Г. Слышкина, отмечает ряд ее квалификационных признаков. Во-первых, она реализует интегральный подход к языку. Сформировавшись вследствие междисциплинарного синтеза, она учитывает как лингвистические данные, так и достижения сопредельных наук, что дает возможность подробнее охарактеризовать исследуемый объект. Во-вторых, ее появление стало воз-

можным в связи с особенностями антропоцентрической парадигмы, которая сместила акценты в триадах «язык — человек — познание» и «язык — человек — культура» на изучение человека. В-третьих, лингвоконцептология значительное внимание уделяет проблеме картины мира в разных ее вариантах. В-четвертых, она оперирует специальным термином — «концепт». К другим признакам принадлежат способность апеллировать к понятию человеческого сознания, пользоваться специальной методикой (методом) исследования, в том числе метафорического анализа [Пименова 2011: 29—30].

В целом современное состояние концептологических исследований свидетельствует о мощных перспективах изучения речемыслительных процессов в ракурсе лингвоконцептологической теории. Нарботанный научный инструментарий дает возможность детально и основательно изучать концептуальные системы любого языка на разных этапах его развития, устанавливать структурно-смысловые пространства отдельных концептов, особенности их взаимодействия в рамках концептосфер, специфику языковой личности и т. п.

Соглашаясь в целом с позицией российских и зарубежных ученых, которые считают, что современные лингвистические исследования проводятся в интеграции когнитивной лингвистики и лингвокультурологии, мы хотели бы высказать свои сомнения по поводу существующего названия соответствующего лингвистического направления таких исследований — «лингвоконцептология».

Во-первых, семантика данного названия акцентирует внимание на проблеме изучения функционирования концептов в языке, оттеняя при этом вопросы лингвокогнитивного и лингвокультурологического анализа. Во-вторых, нам представляется необходимым пересмотреть цели и задачи, объект и предмет изучения этого нового лингвистического направления, возникшего на стыке когнитивной лингвистики и лингвокультурологии.

Мы полагаем, что прикладным аспектом лингвистического анализа, базирующегося на интеграции когнитивной лингвистики и лингвокультурологии, является когнитивная лингвокультурология. А с учетом того, что многие современные лингвистические исследования в данной области ведутся на базе изучения разных (родственных и неродственных) лингвокультур, то правильнее было бы говорить о такой инновации, как сопоставительная когнитивная лингвокультурология.

Сопоставительная когнитивная лингвокультурология — это новое научное направ-

ление, возникшее как результат интеграции когнитивной лингвистики и лингвокультурологии, которое изучает процессы взаимодействия и взаимосвязи национальных языков и национальных культур как целостных лингвоментальных структур в единстве их языковых и внеязыковых (культурных) содержаний сквозь призму когнитивного анализа их формирования, развития и функционирования, с ориентацией на системы национально-культурных ценностей и особенности человеческого мышления.

Объектом сопоставительной когнитивной лингвокультурологии, на наш взгляд, выступают лингвоментальные сферы (субсферы), под которыми мы понимаем многомерную и многоуровневую лингвокогнитивную сущность, в которой отражены ментальные и психические процессы сознания человека, его философские взгляды и установки, концептуальные и информационные структуры, отражающие его профессиональные знания и социальный опыт, оценки, чувства, эмоции, национально-культурные традиции и историю, индивидуальную и коллективную память, личный и общенациональный лексикон, персональные, этно-национальные и конвенциональные представления о научной и наивной картине мира.

Предметом сопоставительной когнитивной лингвокультурологии являются особенности лингвокогнитивной категоризации и концептуализации различных лингвоментальных сфер и субсфер в изучаемых лингвокультурах в разных языковых картинах мира: лексикографической, образной, научной, наивной и т. д.

Цель сопоставительной когнитивной лингвокультурологии заключается в выявлении общих закономерностей и национально-культурных отличий в особенностях лингвокогнитивной категоризации и концептуализации лингвоментальных сфер и субсфер. Таким образом исследователи получают возможность изучить и описать лингвокультурные пространства сопоставляемых языков и культур, выявить специфику культурного фона каждого из сопоставляемых языков, изучить способы, которыми каждый из языков воплощает в своих единицах, хранит и передает культуру.

Принципы и методы сопоставительной когнитивной лингвокультурологии представляют собой совокупность теоретико-методологических баз, на которых основываются современные исследования в области когнитивной лингвистики и лингвокультурологии, а прикладной аспект нового лингвистического направления предполагает обязательное использование эмпирических мето-

дов анализа, например, проведение психолингвистического эксперимента.

Методика анализа особенностей лингвокогнитивной категоризации и концептуализации разнообразных лингвоментальных сфер и субсфер в рамках проведения исследований в сопоставительной когнитивной лингвокультурологии предполагает следующие аналитические действия (этапы исследования).

1. Анализ классификационного описания особенностей содержания и структуры лингвокогнитивной категоризации и концептуализации лингвоментальных сфер и субсфер в разных вариациях научной языковой картины мира (на основании изучения лексикографических источников, корпусов и фразеологии).

2. Изучение особенностей лингвокогнитивной категоризации и концептуализации изучаемых феноменов в образной языковой картине мира (метафорическая категоризация).

3. Проведение психолингвистического эксперимента с целью выявления особенностей содержания и структуры лингвокогнитивной категоризации и концептуализации лингвоментальных сфер и субсфер в наивной картине мира.

4. Статистический анализ результатов исследования особенностей лингвокогнитивной категоризации и концептуализации лингвоментальных сфер и субсфер.

5. Сопоставительный анализ результатов исследования особенностей лингвокогнитивной категоризации и концептуализации лингвоментальных сфер и субсфер в различных лингвокультурах.

6. Обобщение типологических свойств лингвокогнитивной категоризации и концептуализации лингвоментальных сфер и субсфер в глобальном лингвоментальном пространстве языка.

Если провести аналогию языка со Вселенной, то национальные языки представляют собой огромное множество галактик, которые прошли сложный и долгий путь своего формирования, развития и взаимодействия друг с другом. Галактики состоят из звезд и планет — в преломлении к лингвистике: лингвоментальных сфер и субсфер. Так, например, в нашем исследовании [Сергиенко 2019] объектом изучения выступала лингвоментальная антропосфера (лингвоментальная сфера «ЧЕЛОВЕК») с ее социально-биологической, аксиологической и эмотивной субсферами. Продолжая астрономическую аналогию, звезды и планеты состоят из более мелких единиц: живых организмов, молекул, атомов. Для исследователя сопоставительной когнитивной лингвокультурологии это лексико-семантические

поля, грамматические структуры, фразеологические единицы, тексты, дискурсы и т. д.

Таким образом, сопоставительная когнитивная лингвокультурология дает возможность выявить сходства и различия в особенностях лингвокогнитивной категоризации и концептуализации лингвоментальных сфер, которые впоследствии могут дать исследователям материал, раскрывающий не только структуру сопоставляемых языков, но и культурное и духовное состояние народов, чтобы в дальнейшем представить общую картину мира, отражающую как индивидуальное видение нации, так и отдельно взятой личности, принадлежащей к тому или иному лингвокультурному сообществу.

Мы считаем, что сопоставительная когнитивная лингвокультурология, возникшая на стыке когнитивной лингвистики и лингвокультурологии, имеет большие перспективы развития, так как на сегодняшний день благодаря расширению международных отношений и диалога культур вопрос о сходстве и различии языков и народов (лингвокультур) оказывается в центре внимания современных научных лингвистических исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Болдырев Н. Н. Теоретические и методологические проблемы когнитивной лингвистики и терминоведения // Вестн. Челябинского гос. ун-та. 2013. № 24, вып. 82 : Филология. Искусствоведение. С. 7—13.
2. Вежицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов ; пер. с англ. А. Д. Шмелева. — М. : Языки

славянской культуры, 2001. 288 с. (Язык. Семиотика. Культура. Малая серия).

3. Воркачев С. Г. Лингвокультурная концептология. Становление и перспективы // Изв. РАН. Сер. литературы и языка. 2007. Т. 66. № 2. С. 13—22.
4. Воробьев В. В., Полякова Г. М. Сопоставительная лингвокультурология как новое научное направление // Вестн. РУДН, сер. «Русский и иностранные языки и методика их преподавания». 2012. № 2. С. 13—18.
5. Івашенко В. І. Концептуальна репрезентація фрагментів знання в науково-мистецькій картині світу (на матеріалі української мистецтвознавчої термінології) : [монографія]. — К. : Видавничий Дім Дмитра Бураго, 2006. 328 с.
6. Карасик В. И., Стернин И. А. Предисловие // Антология концептов: в 5 т. — М. : Гнозис, 2007. С. 5—6.
7. Кононенко В. І. Концептологія в лінгвістичному аспекті // Мовознавство. 2006. № 2—3. С. 111—117.
8. Космеда Т. А. Лінгвоконцептологія: мікроконцептосфера СВЯТКИ в українському мовному просторі : [монографія]. — Львів : ПАІС, 2010. 408 с.
9. Кубрякова Е. С. В поисках сущности языка: когнитивные исследования. — М. : Знак, 2012. 208 с.
10. Ніконова В. Г. Трагедійна картина світу в поезії Шекспіра : [монографія]. — Дніпропетровськ : Вид-во ДУЕП, 2007. 364 с.
11. Пименова М. В. Концептуальные исследования. Введение : [учеб. пособие]. — М. : Флинта : Наука, 2011. 176 с.
12. Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика : [учеб. издание]. — М. : АСТ : Восток — Запад, 2007. 314 с.
13. Селіванова О. О. Сучасна лінгвістика : напрями та проблеми : [підручник]. — Полтава : Довкілля К, 2008. 712 с.
14. Сергиенко Н. А. Лингвоментальная сфера «человек» в русской, украинской, британской и американской лингвокультурах : моногр. / Сургут. гос. ун-т. — Сургут : ИЦ СурГУ, 2019. 187 с.
15. Слухай Н. В. Сучасні лінгвістичні теорії концепту як мовно-культурного феномена // Мовні та концептуальні картини світу : зб. наук. пр. — К. : Логос, 2002. № 7. С. 462—470.
16. Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры: Изд. 2-е, испр. и доп. — М. : Академический проект, 2001. 590 с.
17. Стернин И. А. Контрастивная лингвистика. Проблемы теории и методики исследования. — М., 2007.

N. A. Sergienko

Surgut State University, Surgut, Russia

ORCID ID: 0000-0001-6884-5315

 E-mail: nas_surgut@mail.ru.

Comparative Cognitive Linguoculturology as a New Scientific Area in Modern Linguistics

ABSTRACT. Based on the analysis of works of contemporary Russian and foreign scholars in the field of cognitive linguistics and linguoculturology, the article defines comparative cognitive linguoculturology as a new scientific area in modern linguistics and characterizes its object, scope of study, objectives, tasks and methods of study.

The comparative cognitive linguoculturology studies the processes of interaction and interconnection between national languages and national cultures as holistic linguo-mental structures in the unity of their linguistic and extra-linguistic (cultural) meanings through the prism of cognitive analysis of their formation, development and functioning with orientation towards the systems of national-cultural values and peculiarities of the human mind. The comparative cognitive linguoculturology that emerged on the borderline between cognitive linguistics and linguoculturology has essential prospects for its development, because nowadays, the question of similarities and differences between languages and cultures (linguocultures) is in the focus of attention of modern scientific linguistic research due to the extension of international relations and cultural dialogue.

The author comes to the conclusion that the comparative cognitive linguoculturology gives an opportunity to reveal similarities and differences between linguo-cognitive categorization and conceptualization of linguo-mental spheres which could provide research material not only about the structure of the languages compared but also about the cultural and spiritual state of the peoples, which, in its turn, can be helpful in the representation of the general picture of the world reflecting both the nation's interpretation of the world and that of each individual belonging to different linguocultural communities.

KEYWORDS: comparative linguoculturology; cognitive linguoculturology; cognitive linguistics; linguistic picture of the world; linguoculturology.

AUTHOR'S INFORMATION: *Sergienko Natal'ya Anatol'evna, Candidate of Philology, Head of Department of Foreign Languages, Surgut State University, Surgut, Russia.*

FOR CITATION: *Sergienko, N. A. Comparative Cognitive Linguoculturology as a New Scientific Area in Modern Linguistics / N. A. Sergienko // Political Linguistics. — 2019. — No 6 (78). — P. 37-43. — DOI 10.26170/pl19-06-04.*

REFERENCES

1. Boldyrev N. N. Theoretical and methodological problems of cognitive linguistics and terminological studies. [Teoreticheskie i metodologicheskie problemy kognitivnoy lingvistiki i terminovedeniya // Vestn. Chelyabinskogo gos. un-ta. 2013. № 24, vyp. 82 : Filologiya. Iskuststvovedenie. S. 7—13]. — (in Rus.)
2. Vezhbitskaya A. Understanding of culture by means of key words. [Ponimanie kul'tur cherez posredstvo klyuchevykh slov ; per. s angl. A. D. Shmeleva. M. : Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2001. 288 s. (Yazyk. Semiotika. Kul'tura. Malaya seriya)]. — (in Rus.)
3. Vorkachev S. G. Linguo-cultural conceptology. Formation and Development. [Lingvokul'turnaya kontseptologiya. Stanovlenie i perspektivi // Izv. RAN. Ser. literaturny i yazyki. 2007. T. 66. № 2. S. 13—22]. — (in Rus.)
4. Vorob'ev V. V., Polyakova G. M. Comparative linguoculturology as a new scientific direction. [Sopostavitelnaya lingvokul'turologiya kak novoe nauchnoe napravlenie // Vestnik RUDN, seriya Russkiy i inostrannyye yazyki i metodika ikh prepodavaniya. 2012. № 2. S. 13—18]. — (in Rus.)
5. Ivashchenko V. L. Conceptual representation of fragments of knowledge in scientific and artistic pictures of the world (on the material of Ukrainian terminology of art studies). [Konseptual'na reprezentatsiya fragmentiv znannya v naukovo-mistets'kiy kartini svitu (na materiali ukrains'koï mistetstvoznavchoï terminologii): [monografiya]. K. : Vidavnychiy Dim Dmitra Burago, 2006. 328 s]. — (in Ukr.)
6. Karasik V. I., Sternin I. A. Introduction. Anthology of concepts. [Predislovie. Antologiya kontseptov: v 5 t. M. : Geneza, 2007. S. 5—6]. — (in Rus.)
7. Kononenko V. I. Conceptology in linguistic aspect. [Konseptologiya v lingvistichnomu aspekti // Movoznavstvo. 2006. № 2—3. S. 111—117]. — (in Ukr.)
8. Kosmeda T. A. Linguistic conceptology: microconceptual sphere of HOLIDAYS in Ukrainian linguistic space. [Lingvo-kontseptologiya: mikrokontseptosfera SVYATKI v ukrains'komu movnomu prostori : [monografiya]. L'viv : PAIS, 2010. 408 s]. — (in Ukr.)
9. Kubryakova E. S. In search of essence of language: Cognitive research. [V poiskakh sushchnosti yazyka: Kognitivnye issledovaniya. M. : Znak, 2012. 208 s]. — (in Rus.)
10. Nikonova V. G. Tragedy picture of the world in the portey of Shakespeare. [Tragediyna kartina svitu v poetitsi Shekspira : [monografiya]. Dnipropetrovsk : Vid-vo DUEP, 2007. 364 s]. — (in Ukr.)
11. Pimenova M. V. Conceptual research. Introduction. [Konseptual'nye issledovaniya. Vvedenie : [ucheb. posobie]. M. : FLINTA: Nauka, 2011. 176 s]. — (in Rus.)
12. Popova Z. D., Sternin I. A. Cognitive linguistics. [Kognitivnaya lingvistika : [ucheb. izdanie]. M. : AST : Vostok — Zapad, 2007. 314 s]. — (in Rus.)
13. Selivanova O. O. Modern linguistics: directions and problems. [Suchasna lingvistika : napryami ta problemi : [pidruchnik]. Poltava: Dovkillya K, 2008. 712 s]. — (in Ukr.)
14. Sergienko N. A. Linguo-mental sphere MAN in Russian, Ukrainian, British and American linguo-cultures. [Lingvomen-tal'naya sfera «chelovek» v russkoy, ukrainskoy, britanskoy i amerikanskoy lingvokul'turakh : monogr. Surgut. gos. un-t. Surgut : ITs SurGU, 2019. 187 s]. — (in Rus.)
15. Slukhay N. V. Modern linguistic theories of concept as a linguistic and cultural phenomenon. [Suchasni lingvistichni teorii kontseptu yak movno-kul'turnogo fenomena // Movni ta kontseptual'ni kartini svitu: zb. nauk. pr. K. : LOGOS, 2002. № 7. S. 462—470]. — (in Ukr.)
16. Stepanov Yu. S. Constants: Dictionary of Russian culture. [Konstanty: Slovar' russkoy kul'tury: Izd. 2-e, ispr. i dop. M. : Akademicheskiiy proekt, 2001. 590 s]. — (in Rus.)
17. Sternin I. A. Contrastive linguistics. Problems of theory and methods of research. [Kontrastivnaya lingvistika. Problemy teorii i metodiki issledovaniya. M., 2007]. — (in Rus.)

З. К. Темиргазина

Павлодарский государственный педагогический университет, Павлодар, Казахстан

ORCID ID: 0000-0003-3399-7364

 E-mail: zifakakbaevna@mail.ru.

Модальные значения как эффективное средство языкового воздействия в речи политиков

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается проблема использования модальных значений в политической речи в качестве средства языкового воздействия на сознание массового адресата. Субъективно-модальные значения входят в сферу прагматической модальности высказывания, представляющей модальную рамку пропозиции. Пропозиция в результате модальной интерпретации говорящим может представлять как достоверное или недостоверное мнение. С помощью различных приемов и сочетания различных видов субъективной модальности в своей политической речи говорящий создает в массовом сознании необходимую ему картину действительности. Особенно эффективным способом воздействия выступает употребление эпистемической модальности в комплексе с аксиологическими, дебитивными модальными значениями; употребление дебитивной модальности в сочетании с императивными значениями и т. д. Так, нагнетание позитивных суждений, интенсификация оценки, ее неверифицированность в сочетании с модальными значениями уверенности, убежденности относится к приемам политической рекламы и создает позитивную картину мира в сознании массового адресата. Помимо модальных слов с различными субъективными значениями, для языкового воздействия на общественное сознание используются глаголы пропозиционального отношения (мнения, мысли, убеждения). В речи Н. Назарбаева доминирующим видом субъективной модальности представляется дебитивная: значения необходимости, долженствования. Модальные значения, находясь исключительно в сфере говорящего субъекта, под его контролем, относятся к эффективным средствам языкового воздействия в политической речи.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: языковое воздействие; эпистемическая модальность; аксиологические значения; политическая риторика; политические речи; политические деятели.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Темиргазина Зифа Какбаевна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы, Павлодарский государственный педагогический университет; 140003, Казахстан, Павлодар, ул. Мира, 60; e-mail: zifakakbaevna@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Темиргазина, З. К. Модальные значения как эффективное средство языкового воздействия в речи политиков / З. К. Темиргазина // Политическая лингвистика. — 2019. — № 6 (78). — С. 44-50. — DOI 10.26170/pl19-06-05.

Материалы были представлены в рамках Международной научной конференции по политической коммуникации «Лингвополитическая персонология: дискурсивный поворот» (проведена 29—30 ноября 2019 года на базе Уральского государственного педагогического университета).

ВВЕДЕНИЕ

Для исследования модальности как универсальной семантической категории необходимо учитывать ряд факторов, носящих антропоцентрический характер: поведение человека в процессе коммуникации, его коммуникативные цели, эмоциональное состояние участников речевого общения, условия речевого общения, способы воздействия на адресата речи и т. п., так как «в центре понимания содержания категории модальности находится говорящий с его осознанным отношением к объективной действительности» [Хрычиков 1986: 4]. Модальность — это «функционально-семантическая категория, выражающая разные виды отношения высказывания к действительности, а также разные виды субъективной квалификации сообщаемого» [Ляпон 1990: 303]. Как мы видим, ученые признают разносторонность и разноаспек-

тность модальности, ее отнесенность к самым разным пространствам языковой системы и внеязыковой действительности.

В языковую модальность включается комплекс значений, репрезентированных элементами разных языковых уровней, которые выполняют синтаксические функции как элементы структуры предложения, но не сводятся к ним. Мы принимаем для нашего исследования подобную широкую трактовку категории модальности, в основе которой лежит грамматическая концепция академика В. В. Виноградова о различных грамматических и лексических средствах ее выражения: «Разнообразные оттенки модальности глагольного предложения, значительно пополняющие систему значений форм наклонения, все чаще выражаются аналитическим сочетанием слов. С одной стороны, формы наклонения глагола притягивают к себе

группы „модальных“ слов и частиц, которые обращаются в побочных грамматических выразителей модальности предложений. С другой стороны, модальные различия действия все разнообразнее выражаются сочетаниями форм двух глаголов, из которых один своим лексическим значением выражает модальность другого глагола, облеченного в форму инфинитива» [Виноградов 1950: 64].

Ш. Балли, внесший существенный вклад в изучение модальности и определивший традицию ее описания в европейском языкознании, полагал, что «логическая функция модальности заключается в выражении реакции мыслящего субъекта на его представление» [Балли 1955: 234]. В высказывании, соответственно, вычленяется диктум, в котором реализуется процесс образования представления, и модус, в котором реализуется реакция субъекта на представление. Модус образуют модальный глагол и модальный субъект. К модусу можно отнести волевою характеристику, эмоционально-экспрессивную, аксиологическую, интеллектуальную оценку, которые многими исследователями исходят из понятия модальности. В «Грамматике современного литературного русского языка» говорится о том, что модальность не может ограничиваться лишь указанием на отношение говорящего к предмету высказывания с точки зрения реальности/ирреальности, в ней проявляется субъективно-оценочное отношение [Грамматика 1970: 610—615].

Классификация модальных значений в плане содержания выглядит так: модальность действительности и модальность недействительности. Содержание высказывания, в котором определяется модальность действительности, соответствует объективной реальности, с точки зрения говорящего лица. Если же в высказывании определяется модальность недействительности, то говорящий излагает сообщаемое как предположительное, сомнительное, требуемое, возможное, желаемое и т. п., т. е. как нереальное.

Модальность недействительности подразделяется на следующие семантические виды: 1) модальность необходимости и долженствования (дебитивная модальность), 2) модальность возможности и невозможности (потенциальная модальность), 3) предположительная (гипотетическая) модальность, 4) побудительная (императивная) модальность, 5) модальность намерения (интенциональная модальность), желательная (оптативная) модальность [Апсатарова 2014].

С развитием прагматической теории «модальность стала трактоваться как категория, которая состоит из двух компонентов: пропозициональной модальности (или модально-

сти диктума), прямо и непосредственно связанной с актуализацией обозначаемого события, и прагматической модальности (или модальности модуса), т. е. с прагматической оценкой сообщения об этом событии» [Баулина 1993: 17]. Важным элементом прагматической модальности предложения выступает коммуникативная цель высказывания, с помощью которой говорящий внедряет в сознание адресата определенные факты экстралингвистической действительности, зафиксированные в пропозициональной модальности. Общая система модальности высказывания включает в себя, таким образом, комплекс субъективных модальностей: эпистемическую, императивную (побудительную), оптативную, потенциальную, гипотетическую, аксиологическую, деонтическую и др. Эти виды модальности частично пересекаются и влияют на функционирование друг друга.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

В эпистемической модальности, или модальности мнения, рассматривается процесс приобретения фактами реальной действительности оценочных элементов, обладающих интенцией воздействия на сознание адресата: убеждения, уверенности, предположения и т. п. Хелен Бромхед (Helen Bromhead), исследуя эпистемические выражения в английском языке, назвала их «царством истины и веры» [Bromhead 2009]. Адресант использует комплекс лексических, грамматических и синтаксических средств, направленных на манипуляцию сознанием адресата и заключающих в своей семантике установку на убеждение адресата в «правильности» своего мнения, в достоверности предлагаемой информации. «Эпистемическая модальность (обозначения того или иного вида ментального состояния субъекта действия (подлежащего)) обычно выражается с помощью сказуемого, в качестве которого могут выступать эпистемические глаголы или их дериваты (*верю, уверен, уверенно*) или глаголы речи и восприятия в эпистемическом значении (*предполагал, допускал, увидел 'понял', почувствовал*)» [Костюченко 2018: 67].

В качестве объекта изучения в нашей работе выступает речь президента Республики Казахстан Н. А. Назарбаева различной жанровой природы (обращения, выступления на открытии, поздравительные речи) последних лет. Она является контекстом (дискурсом) анализа, поскольку предложение как единица речи не может обеспечить эффективную интерпретацию модальных значений без учета контекста. Для выявления субъективно-модальных значений и их комбинаций в предложении используется анализ эксплицитных

разноуровневых языковых средств их выражения и имплицитных средств, проявляющихся в контекстном окружении.

Технология создания политических речей первых лиц государства для массовой аудитории строится с учетом результатов психологической и социологической науки для максимально эффективного воздействия на массовое сознание. Различные жанры их речей (послания, обращения, приветственные речи, поздравления, интервью и т. д.) ориентированы на запросы массовой аудитории, поэтому вся система языковых средств в текстах создает определенную картину действительности, варьируясь в пределах, допускаемых идеологическими установками. Так, нами ранее были исследованы следующие средства языкового воздействия в казахстанском политическом дискурсе: лексические и синтаксические средства [Темиргазина 2013], метафорические модели [Темиргазина 2018].

РЕЗУЛЬТАТЫ

Одним из важнейших средств создания определенной картины действительности в сознании слушателей и читателей, т. е. воздействия и манипулирования, является модальность: прагматическая и пропозициональная. Распространенным способом является «игра» говорящего с эпистемической модальностью в сочетании с другими видами модальности.

Достоверность и недостоверность/проблематичность суждений играют важную роль в конструировании необходимой картины мира в массовом сознании, в формировании общественного мнения. М. А. Дмитриевская считает необходимым дифференцировать мнение-оценку и мнение-полагание в публицистическом дискурсе [Дмитриевская 1988]. Мнение-оценка — это субъективное верифицируемое знание, поскольку для говорящего, в отличие от слушающего, это мнение имеет статус субъективной истины. Во мнении-полагании передается неверифицируемое знание различной степени уверенности говорящего, оно является результатом опыта. Включение оценки в сферу модальных значений является до сих пор спорным вопросом, но тем не менее большинство лингвистов говорят о близости оценки к субъективной модальности, поскольку оценка выражает субъективное отношение к окружающей действительности, а не отражает ее объективные характеристики [Арутюнова 1988: 130—274]. М. В. Ляпон говорит: «Смысловую основу субъективной модальности образует понятие оценки в широком смысле слова...» [Ляпон 1990: 303].

А. А. Матвеев пишет: «Для нас важно получить ответ на вопрос: какова коммуникативная заданность оценки-мнения и оцен-

ки-предположения и какую задачу преследует автор этого мнения, поскольку публицистический дискурс как „инструмент социальной власти“ предполагает совершенно конкретный воздействующий эффект на адресата?» [Матвеев 2002]. В суждениях с мнением-оценкой реализуется аксиологическая модальность с операторами «хорошо/плохо», а в суждениях с мнением-полаганием — потенциальная и гипотетическая модальности с операторами «возможно/невозможно», «предполагаю / не предполагаю».

Исследователи отмечают характерную особенность политических текстов — приоритет ценностной и оценочной (эмоциональной) составляющей перед составляющей фактологической (рациональной) [Равочкин 2018: 244]. Рассмотрим сочетание аксиологической и эпистемической модальности [положительная оценка] + [уверенность] в высказываниях-оценках политиков и эффект его воздействия на аудиторию:

(1) *Мы создали эффективную систему государственного управления, отвечающую современным глобальным вызовам.*

(2) *Своей взвешенной и открытой политикой мы заслужили уважение и доверие всего международного сообщества.*

(3) *За эти годы в страну было привлечено 300 миллиардов долларов прямых иностранных инвестиций.*

(4) *Масштабные рыночные реформы позволили задействовать в экономике предпринимательский талант более миллиона наших граждан.*

(Выступление в День независимости Казахстана, 14 декабря 2018 г.)

В мнениях-оценках позитивное оценочное суждение репрезентировано в атрибутивных и объектных конструкциях (*эффективную систему; взвешенной и открытой политикой; масштабные рыночные реформы; создали систему государственного управления, отвечающую современным глобальным вызовам; заслужили уважение и доверие; задействовать в экономике предпринимательский талант*). Позитивность создаваемой картины действительности усиливается интенсификаторами — прилагательными, местоимениями: *заслужили уважение и доверие всего международного сообщества; масштабные рыночные реформы*. Мнения-оценки пропозиции должны быть верифицированы, подтверждены аргументами — основаниями оценочного суждения. В высказывании (2) *Своей взвешенной и открытой политикой мы заслужили уважение и доверие всего международного сообщества* можно вычленить два суждения: «Мы проводили политику, она была взве-

шенной и открытой / Мы заслужили уважение и доверие международного сообщества». Первое из них говорящий выдвигает в качестве основания для оценки второго. Но парадокс в том, что первое суждение тоже является оценкой, в нем доля реального смысла незначительна: «Мы проводили политику». Оценка как субъективная категория не может быть основанием другой оценки, следовательно, перед нами неаргументированная, не основанная на фактах оценка пропозиции. «Подобный прием неаргументированного мнения-оценки можно часто встретить на страницах рекламных буклетов, когда организаторы рекламной акции в целях привлечения покупателей используют неаргументированные оценочные суждения; ср. также *Это шикарное платье будет всегда иметь успех* (подпись под фотографией в журнале „Бурда моден“)» [Матвеев 2002]. Можно говорить о том, что в нашем случае речь идет о политической рекламе.

Эффективность воздействия подобных неаргументированных оценок на массовое сознание обусловлена тем, что они подкрепляются эпистемической модальностью уверенности, убежденности говорящего, выраженной имплицитно (как в приведенных выше примерах) или эксплицитно:

(5) **Уверен**, наше поколение *Независимости* достойно ответит на все вызовы времени и обеспечит благополучие и процветание каждой казахстанской семье (Выступление в День независимости Казахстана, 14 декабря 2018 г.);

(6) Я **убежден**: *благодарность возвышает всех* (Обращение «Пять социальных инициатив Президента», 5 марта 2018 г.);

(7) **Убежден**, будущее Казахстана в надежных руках и вы сможете вывести его в число 30 самых развитых государств мира (Выступление на церемонии открытия Года молодежи, 23 января 2019 г.).

Использование говорящим модальных операторов уверенности/убежденности придает пропозиции дополнительную ассертивную силу, приближая ее к статусу знания, факта.

Употребление в тексте глаголов пропозиционального отношения делает корректным введение любого тезиса и активизирует внимание адресата. К ним относятся глаголы мнения *считать, полагать, думать, предполагать, сомневаться, казаться* и др., модальные глаголы *мочь, должен (-а, -и)* + аспектальная форма инфинитива:

(8) **Полагаю**, Правительство **должно взять** на особый контроль реализацию этих идей и помогать их продвижению (Выступление на церемонии открытия Года молодежи, 23 января 2019 г.);

(9) **Считаю необходимым** на базе имеющейся образовательной инфраструктуры создать новый региональный вуз по примеру Назарбаев Университета (Обращение «Рост благосостояния казахстанцев», 5 октября 2018 г.);

(10) **Считаю, что необходимо закрепить** эту программу законодательно (Обращение «Пять социальных инициатив Президента», 5 марта 2018 г.).

Используя глаголы мнения, говорящий как бы берет на себя функцию «эпистемического речательства», тем самым повышает в глазах адресата свою уверенность в пропозиции. Чем выше степень «эпистемического речательства» в семантике модального предиката и высказывания в целом, тем сильнее уверенность автора в пропозиции. В тех случаях, когда степень уверенности достаточно высока, мнение-полагание приближается к знанию. Уверенность говорящего подкрепляется модальными значениями долженствования, необходимости, представленными в мнении-полагании. Подобное мнение-полагание с высокой степенью уверенности говорящего в пропозиции близко к статусу знания и факта. И, соответственно, так воспринимается адресатом. Это перлокутивный результат эффективной «игры» говорящего с субъективно-модальными значениями.

Высказывание (3) *За эти годы в страну было привлечено 300 миллиардов долларов прямых иностранных инвестиций* выбивается из этого ряда неаргументированных оценок своим ассертивным безоценочным содержанием — в нем перечисляются факты, подкрепленные цифрами. Однако окруженное интенсивными позитивными мнениями-оценками, оно также приобретает в этом контексте позитивный характер, который хоть и не выражен имплицитно, но явно прочитывается аудиторией в импликатурах («И это очень хорошо»).

Как мы видим, манипулирование аксиологической модальностью в речи политиков (нагнетание позитивных суждений, интенсификация оценки, ее неверифицированность, сочетание с модальными значениями уверенности, убежденности) оказывает влияние и на ассертивные суждения, придавая им оценочный характер и вовлекая их в орбиту «позитивизации». Все это ведет к созданию в общественном сознании положительной картины действительности, в которой очень много достижений, в которой все хорошо и практически отсутствуют проблемы.

В речах Н. А. Назарбаева доминирующей является дебитивная модальность, которая реализуется в модальных значениях долженствования и необходимости. С лин-

гвистической точки зрения модальность необходимости (долженствования) — это обусловленность ситуации «теми или иными (объективными или субъективными) факторами, которые, с точки зрения некоего лица (субъекта модальной оценки), требуют непрямого, превращения потенциального в актуальное» [Теория функциональной грамматики 1990: 142]. Значение необходимости включает в себя и значение долженствования. Нередко значения необходимости и долженствования не разграничивают, однако они не совпадают друг с другом: долженствование относится к необходимости как частное к общему.

Использование различных комбинаций значения долженствования и необходимости с другими модальными значениями (деонтической, императивной, гипотетической, аксиологической модальностями) относится к излюбленным приемам языкового воздействия, или «языковой демагогии» (А. Д. Шмелев), в речи Н. А. Назарбаева и других политиков. Например: комбинация [дебитивная модальность] + [императивная модальность]:

(11) *В данном вопросе **необходимо навесити порядок и отдать** землю реальным инвесторам!*

(12) *„Качество“ **должно стать** новым стилем жизни государственного служащего, а самосовершенствование — его главным принципом.*

(13) *Госслужащие новой формации **должны сократить** дистанцию между государством и обществом. Это предусматривает постоянную обратную связь, живое обсуждение и разъяснение людям конкретных мер и результатов государственной политики.*

(14) *Академии госуправления совместно с Назарбаев Университетом **необходимо разработать** программу „Руководитель новой формации“ и спецкурсы переподготовки при назначении на руководящие должности (Обращение «Рост благосостояния казахстанцев» 5 октября 2018 г.).*

Императивная модальность в анализируемых высказываниях выражается косвенно, непрямо с помощью предикативных наречий с семантикой долженствования и необходимости: *нужно, необходимо, надо* — или краткого прилагательного *должен*. Именно эти значения задают диктумному содержанию высказываний временную перспективу обязательного исполнения событий в будущем, которое как бы воплощает ожидания и надежды народа на решение многих проблем. Отметим, что в русском языке побудительные речевые акты, близкие к приказу, категоричному желанию и настоятельной просьбе, имеют прямой способ выражения — с помощью глаголов в повелительном

наклонении. В речах Н. А. Назарбаева прямо выраженной императивной модальности, как мы видим, практически нет, зато значительный корпус высказываний составляют косвенные способы выражения побуждения, близкого к приказу, требованию, настоятельной просьбе, в которых участвуют модальные слова с семантикой долженствования и необходимости. Этот прием косвенной репрезентации своего волеизъявления придает речам президента меньшую категоричность, большую лояльность, обоснованность его волеизъявления необходимостью.

Заметим, что понятие долженствования в естественном языке считается аналогом понятия нормы в деонтической логике, или логике норм. Норма — это групповая оценка, подкрепленная угрозой наказания, санкций за неисполнение или нарушение ее. Она относится к типу социально навязанных и социально закрепленных оценок. В нормативных суждениях статус действия обычно определяется понятиями «обязательно», «разрешено», «запрещено», «нормативно» и т. д. Но вместо них также могут употребляться слова *должен, надо, может, не должен, необходимо* и т. п., поскольку норма тесно связана с семантикой долженствования.

Сочетание модальностей [дебитивная модальность] + [деонтическая модальность] создает у массовой аудитории впечатление необходимости запрещающих мер, их обоснованности сложившимися обстоятельствами:

(15) *Бывают дни, когда Правительство проводит с участием акимов и их заместителей до 7 совещаний в день. Когда им работать?*

***Нужно положить конец** такому положению дел и упорядочить этот вопрос.*

(16) *Здесь **нельзя допустить** формализма и уравниловки, для того чтобы не дискредитировать данный проект (Обращение «Рост благосостояния казахстанцев», 5 октября 2018 г.).*

Гораздо реже встречается в речах президента оптативная модальность, вероятно, в связи с тем, что для говорящего как обезличенного обобщенного субъекта — первого руководителя государства — желания не типичны:

(17) *Я **хочу**, чтобы вы гордились своей страной, хорошо знали ее историю и уверенно смотрели вперед (Выступление на церемонии открытия Года молодежи, 23 января 2019 г.).*

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, рассмотрев несколько способов комбинирования модальностей говорящим, мы можем сделать вывод о том, что в политическом дискурсе проблема воз-

действия на аудиторию наиболее актуальна и модальность оказывает большую помощь говорящему в создании нужной ему картины действительности и навязывании своей точки зрения. Это обусловлено несколькими факторами. В первую очередь, широкими возможностями категории модальности в комбинировании значений, интерпретирующих пропозицию; во-вторых, практически неограниченным потенциалом русского языка в выражении модальных значений косвенными или имплицитными способами.

ИСТОЧНИКИ

1. Выступление Президента Казахстана Н. А. Назарбаева на торжественной церемонии открытия Года молодежи. 2019. 23 янв. URL: <http://www.akorda.kz/ru/speeches> (дата обращения: 3.09.2019).
2. Выступление Президента Казахстана Н. А. Назарбаева на торжестве в День независимости Казахстана. 2018. 14 дек. URL: <http://www.akorda.kz/ru/speeches> (дата обращения: 3.09.2019).
3. Обращение Президента Казахстана Н. А. Назарбаева к народу «Рост благосостояния казахстанцев: повышение доходов и качества жизни». 2018. 5 окт. URL: <http://www.akorda.kz/ru/speeches> (дата обращения: 5.09.2019).
4. Обращение Президента Республики Казахстан Н. А. Назарбаева к народу «Пять социальных инициатив Президента». 2018. 5 марта. URL: <http://www.akorda.kz/ru/speeches> (дата обращения: 3.09.2019).

ЛИТЕРАТУРА

5. Апсарова С. И. О выражении модальности долженствования и необходимости в восточном наречии марийского языка // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 6. URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=16170> (дата обращения: 17.09.2019).
6. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. — М.: Наука, 1988. 341 с.
7. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. — М., 1955.

8. Ваулина С. С. Языковая модальность как функционально-семантическая категория (диахронический аспект). — Калининград: Изд-во Калинингр. ун-та, 1993. 71 с.
9. Виноградов В. В. О категории модальности и модальных словах в русском языке // Труды Института русского языка. 1950. С. 53—87.
10. Грамматика современного русского литературного языка. — М., 1970.
11. Дмитриевская М. А. Знание и мнение: образ мира, образ человека // Логический анализ языка: знание и мнение. — М.: 1988. С. 6—18.
12. Костюченко В. Ю. Эпистемическая и алетическая модальность в сетевых ток-шоу на русском и английском языках // Журнал Белорусского государственного университета. Филология. 2018. № 1. С. 66—78.
13. Ляпон М. В. Модальность // Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой. — М., 1990.
14. Матвеев А. А. Модальность мнения как иллюкативная модальность (на материале русских и английских публицистических текстов) // Диалог. — Екатеринбург: УрГПУ, 2002. URL: <http://www.dialog-21.ru/digest/2002/articles/matveev/> (дата обращения: 10.09.2019).
15. Равочкин Н. Н. Особенности политического дискурса // Вестник Костром. гос. ун-та. 2018. Т. 24. № 3. С. 244—250.
16. Темиргазина З. К. Манипулятивный потенциал метафорических моделей в казахстанском политическом дискурсе // Материалы Международной научной конф. «Учимся понимать Россию: политическая и массмедийная коммуникация» / отв. ред. А. П. Чудинов; Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2018. С. 254—257.
17. Темиргазина З. К. Некоторые приемы языкового манипулирования в современном казахстанском политическом дискурсе // Материалы Международной научной конф. «Политическая коммуникация» / гл. ред. А. П. Чудинов; Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2013. С. 325—331.
18. Теория функциональной грамматики: темпоральность. Модальность / под ред. А. В. Бондарко. — Л.: Наука, Ленингр. отд-ие, 1990. 262 с.
19. Хрычиков Б. В. Категория модальности, ее объем и средства выражения в современном русском языке: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — Днепропетровск, 1986. 36 с.
20. Bromhead H. Царство правды и веры. Эпистемические выражения в английском языке XVI и XVII веков. — Бостон; Нью-Йорк: Мутон де Грюйтер, 2009. DOI: <https://doi.org/10.1515/9783110216028>.

Z. K. Temirgazina

Pavlodar State Pedagogical University, Pavlodar, Kazakhstan
ORCID ID: 0000-0003-3399-7364

✉ **E-mail:** zifakakbaevna@mail.ru.

Modal Meanings as Effective Means of Verbal Manipulation in the Speech of Politicians

ABSTRACT. The article deals with the problem of using modal meanings in political speech as a means of verbal manipulation with relation to the consciousness of a mass audience. Subjective-modal meanings fall within the scope of pragmatic modality of utterance, representing a modal framework of the proposition. As a result of the modal interpretation by the speaker, proposition can be presented as a true or false statement. In their political speech, the speaker creates the desired picture of reality in the mass consciousness with the help of various techniques and a combination of various types of subjective modality. Epistemic modality in combination with axiological and debitive modal meanings, the use of debitive modality combined with imperative meanings and so on can be effective means of verbal manipulation. Thus, escalation of positive judgments, intensification of assessment, its lack of verification in combination with the modal meanings of confidence and conviction refer to the methods of political advertising and create a positive picture of the world in the minds of the mass recipient. In addition to modal words with various subjective meanings, verbs of propositional relation (opinions, thoughts and beliefs) are used for linguistic intervention on public consciousness. In N. Nazarbayev's speech, debitive modality is the dominant type of subjective modality: it employs the meanings of necessity and obligation. Modal meanings, being exclusively in the sphere of the speaker and under their control refer to effective means of linguistic manipulation in political speech.

KEYWORDS: verbal manipulation; epistemic modality; axiological meanings; political rhetoric; political speeches; politicians.

AUTHOR'S INFORMATION: Temirgazina Zifa Kakbaevna, Doctor of Philology, Professor of Department of the Russian Language and Literature, Pavlodar State Pedagogical University, Pavlodar, Kazakhstan.

FOR CITATION: *Temirgazina, Z. K. Modal Meanings as Effective Means of Verbal Manipulation in the Speech of Politicians / Z. K. Temirgazina // Political Linguistics. — 2019. — No 6 (78). — P. 44-50. — DOI 10.26170/pl19-06-05.*

MATERIALS

1. Speech by President of Kazakhstan N. A. Nazarbayev at the opening ceremony of the Year of Youth. 2019. 23 Jan. [Vystuplenie Prezidenta Kazakhstana N. A. Nazarbaeva na torzhestvennoy tseremonii otkrytiya Goda molodezhi. 2019. 23 yanv.]. URL: <http://www.akorda.kz/ru/speeches> (date of access: 3.09.2019).

2. Speech by the President of Kazakhstan N. A. Nazarbayev at the celebration of Independence Day of Kazakhstan. 2018. 14 Dec. [Vystuplenie Prezidenta Kazakhstana N. A. Nazarbaeva na torzhestve v Den' nezavisimosti Kazakhstana. 2018. 14 dek.]. URL: <http://www.akorda.kz/ru/speeches> (date of access: 3.09.2019).

3. Address of the President of Kazakhstan N. A. Nazarbayev to the people "Growth of welfare of Kazakhstan: increasing incomes and quality of life". 2018. 5 Oct. [Obrashchenie Prezidenta Kazakhstana N. A. Nazarbaeva k narodu «Rost blagosostoyaniya kazakhstantsev: povyshenie dokhodov i kachestva zhizni». 2018. 5 okt.]. URL: <http://www.akorda.kz/ru/speeches> (date of access: 5.09.2019).

4. Address of the President of the Republic of Kazakhstan N. A. Nazarbayev to the people "Five Social Initiatives of the President". 2018. 5 March. [Obrashchenie Prezidenta Respubliki Kazakhstan N. A. Nazarbaeva k narodu «Pyat' sotsial'nykh initsiativ Prezidenta». 2018. 5 marta]. URL: <http://www.akorda.kz/ru/speeches> (date of access: 3.09.2019).

REFERENCES

5. Apsatarova S. I. On the expression of the modality of obligation and the need for the eastern dialect of the Mari language // Modern problems of science and education. 2014. No. 6. [O vyrazhenii modal'nosti dolzhenstvovaniya i neobkhodimosti v vostochnom narechii mariyskogo yazyka // Sovremennyye problemy nauki i obrazovaniya. 2014. № 6]. URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=16170> (date of access: 17.09.2019). — (In Rus.)

6. Arutyunova N. D. Types of linguistic meanings: Assessment. Event. Fact. — Moscow : Science, 1988. 341 p. [Tipy yazykovykh znacheniy: Otsenka. Sobytiye. Fakt. — M. : Nauka, 1988. 341 s.]. — (In Rus.)

7. Balli Sh. General Linguistics and French Issues. — Moscow, 1955. [Obshchaya lingvistika i voprosy frantsuzskogo yazyka. — M., 1955]. — (In Rus.)

8. Vaulina S. S. Language modality as a functional-semantic category (diachronic aspect). — Kaliningrad : Publishing house of Kaliningrad University, 1993. 171 p. [Yazykovaya modal'nost' kak funktsional'no-semanticheskaya kategoriya (diakhronicheskiy aspekt). — Kaliningrad : Izd-vo Kaliningr. un-ta, 1993. 71 s.]. — (In Rus.)

9. Vinogradov V. V. On the category of modality and modal words in the Russian language // Works of the Russian Language Institute. 1950. P. 53—87. [O kategorii modal'nosti i modal'nykh slovakh v russkom yazyke // Trudy Instituta russkogo yazyka. 1950. S. 53—87]. — (In Rus.)

10. Grammar of the modern Russian literary language. — Moscow, 1970. [Grammatika sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka. — M., 1970]. — (In Rus.)

11. Dmitrovskaya M. A. Knowledge and opinion: image of the world, image of a person // Logical analysis of language: knowledge and opinion. — Moscow : 1988. P. 6—18. [Znanie i mnenie: obraz mira, obraz cheloveka // Logicheskiy analiz yazyka: znanie i mnenie. — M. : 1988. S. 6—18]. — (In Rus.)

12. Kostyuchenko V. Yu. Epistemic and alethic modality in network talk shows in Russian and English // Journal of Belarusian State University. Philology. 2018. No. 1. P. 66—78. [Epistemichestskaya i aleticheskaya modal'nost' v setevykh tok-shou na russkom i angliyskom yazykakh // Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. 2018. № 1. S. 66—78]. — (In Rus.)

13. Lyapon M. V. Modality // Linguistic Encyclopedic Dictionary / ed. V. N. Yartseva. — Moscow, 1990. [Modal'nost' // Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar' / pod red. V. N. Yartsevov. — M., 1990]. — (In Rus.)

14. Matveev A. A. The modality of opinion as an illocutionary modality (based on Russian and English journalistic texts) // Dialogue. — Ekaterinburg : Ural State Pedagogical University, 2002. [Modal'nost' mneniya kak illokutivnaya modal'nost' (na materiale russkikh i angliyskikh publitsisticheskikh tekstov) // Dialog. — Ekaterinburg : UrGPU, 2002]. URL: <http://www.dialog-21.ru/digest/2002/articles/matveev/> (date of access: 10.09.2019). — (In Rus.)

15. Ravochkin N. N. Features of political discourse // Bulletin of Kostroma State Univ. 2018. Vol. 24. No. 3. P. 244—250. [Osobennosti politicheskogo diskursa // Vestnik Kostrom. gos. un-ta. 2018. T. 24. № 3. S. 244—250]. — (In Rus.)

16. Temirgazina Z. K. Manipulative potential of metaphorical models in Kazakhstan's political discourse // Materials of the International scientific conference. "Learning to understand Russia: political and mass media communication" / resp. ed. A. P. Chudinov ; Ural State Ped. Univ. — Ekaterinburg, 2018. P. 254—257. [Manipulyativnyy potentsial metaforicheskikh modeley v kazakhstanskoy politicheskoy diskurse // Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konf. «Uchimsya ponimat' Rossiyu: politicheskaya i massmediynaya kommunikatsiya» / otv. red. A. P. Chudinov ; Ural. gos. ped. un-t. — Ekaterinburg, 2018. S. 254—257]. — (In Rus.)

17. Temirgazina Z. K. Some methods of linguistic manipulation in modern Kazakhstan political discourse // Materials of the International scientific conference. "Political Communication" / ed.-in-chief A. P. Chudinov ; Ural State Ped. Univ. — Ekaterinburg, 2013. P. 325—331. [Nekotorye priemy yazykovogo manipulirovaniya v sovremennoy kazakhstanskoy politicheskoy diskurse // Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konf. «Politicheskaya kommunikatsiya» / gl. red. A. P. Chudinov ; Ural. gos. ped. un-t. — Ekaterinburg, 2013. S. 325—331]. — (In Rus.)

18. Theory of functional grammar: temporality. Modality / ed. A. V. Bondarko. — Leningrad : Science, Leningrad Dep., 1990. 262 p. [Teoriya funktsional'noy grammatiki: temporal'nost'. Modal'nost' / pod red. A. V. Bondarko. — L. : Nauka, Leningr. otd-ye, 1990. 262 s.]. — (In Rus.)

19. Khrychikov B. V. Category of modality, its scope and means of expression in modern Russian : abstract of doctoral thesis ... of Philol. Sciences. — Dnepropetrovsk, 1986. 36 p. [Kategoriya modal'nosti, ee ob'em i sredstva vyrazheniya v sovremennoy russkom yazyke : avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. — Dnepropetrovsk, 1986. 36 s.]. — (In Rus.)

20. Bromhead H. The Kingdom of Truth and Faith. Epistemic expressions in the English language of the 16th and 17th centuries. — Boston ; New York : Mouton de Gruyter, 2009. [Tsarstvo pravdy i very. Epistemicheskie vyrazheniya v angliyskom yazyke XVI i XVII vekov. Boston. — N'yu-York : Mouton de Gruyter, 2009]. DOI: <https://doi.org/10.1515/9783110216028>. — (In Rus.)

РАЗДЕЛ 2. ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ

УДК 81'27:81'373
ББК Ш100.3+Ш100.621
DOI 10.26170/pl19-06-06

ГСИТИ 16.21.27; 16.21.29

Код ВАК 10.02.01; 10.02.19

М. Р. Бабикова

Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия

ORCID ID: 0000-0003-0814-5936

Р. Ю. Порозов

Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия

ORCID ID: —

 E-mail: marina-anvarova@yandex.ru; r.porozov@yandex.ru.

Анализ концепта «маргинальность» как этап формирования представления о понятии «маргинальные политические практики»

АННОТАЦИЯ. Феномен маргинальности все чаще становится объектом изучения современных исследователей. Повышенный интерес спровоцирован появлением новых манифестарных политических практик, в которые активно вовлекается молодежь. В рамках настоящего исследования проведен анализ концепта «маргинальность». Авторами был осуществлен ассоциативный эксперимент, в ходе которого были выделены основные тематические группы, демонстрирующие представление о концепте прежде всего как о потенциале личности, которой присущи те или иные качества, характеристики, поведенческие особенности. Второй этап исследования посвящен анализу текстов в социальной сети «ВКонтакте». Классифицированы темы, в раскрытии которых участвуют лексемы «маргинальность» и «маргинал», в том числе такие, как оценка образа жизни «другого», один из приемов и средств художественной выразительности, характеристика общественно-политического жизни.

Настоящее исследование в перспективе станет основой определения понятия «маргинальная политическая практика», позволит классифицировать маргинальные политические практики, используемые представителями молодежи в среде Интернет, что в дальнейшем можно будет рассматривать в качестве инструмента определения политических отношений между представителями молодежной аудитории и реализации ими гражданской субъектности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: маргинальность; маргинальные политические практики; цифровое пространство; ассоциативные эксперименты; концепты.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Бабикова Марина Рашитовна, аналитик 1 категории Центра культурно-образовательных проектов Управления научно-образовательной и проектной деятельности, Уральский государственный педагогический университет; 620017, Россия, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26; e-mail: marina-anvarova@yandex.ru.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Порозов Роман Юрьевич, кандидат культурологии, доцент кафедры акмеологии и психологии среды, Уральский государственный педагогический университет; 620017, Россия, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26; e-mail: r.porozov@yandex.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Бабикова, М. Р. Анализ концепта «маргинальность» как этап формирования представления о понятии «маргинальные политические практики» / М. Р. Бабикова, Р. Ю. Порозов // Политическая лингвистика. — 2019. — № 6 (78). — С. 51-56. — DOI 10.26170/pl19-06-06.

БЛАГОДАРНОСТИ. Исследование выполнено за счет гранта Российского фонда фундаментальных исследований (проект №19-011-31224).

Молодежь XXI века столкнулась с огромным объемом всевозможной информации и, будучи социально нестабильным сегментом общества, вынуждена все время делать выбор, находиться в позиции неопределенности. Кто-то успешно справляется с «напором» противоречивых данных и выбирает путь социализации, однако многие оказываются «на краю», и это, к сожалению, может нести серьезные последствия для социума. В данном исследовании представлен один из этапов научной работы, посвященный маргинальным политическим прак-

тикам современной молодежи в цифровом пространстве.

Объектом настоящего исследования является анализ концепта «маргинальность»: способы его хранения, репрезентации в языковой картине мира и актуализация концепта современной молодежью через лингвистический анализ социальной сети ВК («ВКонтакте»). Актуальность данного исследования обусловлена активностью современной молодежи в цифровом пространстве, которая зачастую выходит за рамки виртуальной среды и становится доступной для реализа-

ции в условиях социума. На данном этапе исследователи сконцентрировали свое внимание на анализе рассматриваемого концепта с точки зрения ассоциативного эксперимента, результатом которого является корпус реакций на лексему «маргинальность» и анализ текстов, содержащих лексему «маргинал» (с производными) в социальной сети «ВКонтакте».

Выбранный метод является одним из современных способов исследования группового и индивидуального сознания человека: «Испытуемый в психолингвистическом эксперименте — это субъект, который, будучи носителем языка, одновременно является и „экспертом“ в области его употребления, и при этом косвенно сообщает экспериментатору информацию о продукте своего языкового сознания. В настоящее время наиболее широко используемой техникой психолингвистического анализа семантики слова является свободный ассоциативный эксперимент» [Стерни, Рудакова 2011: 12].

Итак, опрос проводился в социальной сети (*vkontakte.com*), гендерные и возрастные особенности не учитывались, всего в эксперименте приняли участие 30 человек. В соответствии с методикой проведения САЭ [Гридина, Коновалова 2019: 11], в инструкции испытуемым предлагалось назвать первые пришедшие в голову ассоциации на слово «маргинальный».

Выдвигалась гипотеза о том, что 1) полученные реакции скорее будут носить отрицательные коннотации; 2) вероятнее всего, опрашиваемые будут называть поведенческие особенности, личностные качества или категории людей, наибольшим образом соответствующие предложенному стимулу (например, *бомж*).

Состав полученных реакций, подвергнутых количественной обработке (с учетом частотности повторяющихся реакций), позволил выделить ядерную и периферийную зоны ассоциативного поля стимула «маргинальный».

Зоны ядра и периферии

Ядро: *неопределенный* (3); *отличающийся от всех* (3).

Ближняя периферия: *быдло* (2).

Крайняя периферия, единичные реакции: *переходный, ни то, ни сё, граничащий между хорошим социальным положением и какой-то негативной ситуацией, член общества, молодежь, студент, бедный, нищий, неблагополучный, бомж, гопник, криминальный элемент, лохматый, гадкий, жалкий, грязная одежда, серый, темный, странный, зазнавшийся, отшельник, выпавший, неудачник, не типичный, амораль-*

ный, испорченный, преступный, отверженный, морально опустившийся, протестующий против общепринятого порядка, безнравственный, неуверенный, опасный, краевой, изгой, лишний, деструктивный, бездельник, недалёкий, испытывающий противоречия, срединный, побочный, ходящий по краю, невоспитанный, беспринципный, безысходность, неприятно, обрыв, страх, хамство, асоциальный образ жизни, советский союз, нестабильность в обществе, сигарета, бутылка пива, кривая ухмылка, грязный город, разрушение, пороки, перипетия, вне.

Качественный анализ

На втором этапе производилась качественная обработка полученных данных. Все реакции распределены по трем типам отношений со словом-стимулом: 1) парадигматические, 2) синтагматические, 3) тематические.

Парадигматические и синтагматические ассоциации позволяют увидеть системные связи, а тематические реакции — «актуальные контекстные смыслы слова-стимула» [Гридина, Коновалова 2019: 13]. Необходимо отметить, что в рамках парадигматической группы реакций обычно отношения стимула и реакции классифицируют по следующим группам: отношения координации, субординации, суперординации. Однако расшифровка проведенного нами эксперимента свидетельствует о том, что стимул и реакции вступают только в отношения координации.

Парадигматические реакции. *Отношения координации:* неопределённый, переходный, неблагополучный, странный, зазнавшийся, выпавший, не типичный, аморальный, испорченный, преступный, отверженный, морально опустившийся, безнравственный, неуверенный, опасный, краевой, лишний, деструктивный, недалёкий, срединный, побочный, ходящий по краю, невоспитанный, беспринципный;

Кроме того, исследователям не удалось установить **синтагматические реакции**, так как предложенные стимулы, как правило, носят описательный характер, объясняющие суть феномена.

Тематические реакции.

И наконец, последний этап обработки предполагает распределение реакций по тематическим векторам, которые демонстрируют ассоциативные доминанты на выбранный стимул, что в большей мере отражает понимание концепта «маргинальность» среднестатистическим носителем русского языка.

АССОЦИАТИВНЫЕ ДОМИНАНТЫ

Характеристика поведенческих особенностей: *граничащий между хорошим*

социальным положением и какой-то негативной ситуацией, протестующий против общепринятого порядка, асоциальный образ жизни;

Характеристика состояния: неопределённый, переходный, неблагополучный, странный, выпавший, не типичный, испорченный, отверженный, морально опустившийся, опасный, краевой, лишний, деструктивный, недалёкий, срединный, побочный, ходящий по краю.

Характеристика личностных качеств: зазнавшийся, аморальный, преступный, безнравственный, неуверенный, испытывающий противоречия, невоспитанный, беспринципный, страх, хамство, бездельник.

Характеристика внешнего вида: лохматый, гадкий, жалкий, грязная одежда, серый, темный.

Лексемы-образы: член общества, молодежь, студент, бедный, нищий, бомж, гопник, криминальный элемент, отшельник, неудачник, изгой.

Выражение отношения к феномену: неприятно.

Символика: советский союз, сигарета, бутылка пива, кривая ухмылка, грязный город.

Абстрактные чувства: безысходность, обрыв, разрушение, пороки, перипетия, вне.

Выделенные тематические группы: характеристика поведенческих особенностей, характеристика состояния, характеристика личностных качеств, характеристика внешнего вида, лексемы-образы, выражение отношения к феномену, символика, абстрактные чувства — демонстрируют представление о концепте прежде всего как о потенциальной личности, которой присущи те или иные качества, характеристики, поведенческие особенности.

Таким образом, следует отметить, что выдвигаемая нами гипотеза подтверждена.

Следующим этапом анализа концепта «маргинальность» стал анализ текстов, репрезентирующих полученные в ходе АЭ реакции, с целью верификации полученных о концепте представлений.

Тексты, представленные в Интернете (в частности, в социальной сети («ВКонтакте»)), отражают вовлеченность граждан (преимущественно молодежь) в общественную жизнь России.

Нами были проанализированы названия групп, имена пользователей по ключевому слову «маргинал». Так, во «ВКонтакте» встречаются сообщества с названиями, содержащими лексему «маргинал»; чаще всего

это просто «маргинал», также в названиях фигурируют словосочетания с этой лексемой или ее производными: «асоциальные маргиналы», «психи, фрики, маргиналы», «маргиналы на полях», «клуб маргиналов», «тусовка маргиналов», «маргинал 282», «маргиналы и быдланы» и т. д. Как видно из перечисления, название сообщества может содержать один из тех компонентов, которые встретились в ходе разбора ассоциативного эксперимента.

Анализ статей, постов представленных сообществ позволил выделить основные тематические блоки, в раскрытии которых участвуют лексемы *маргинальность* и *маргинал*:

1. **Оценка образа жизни «другого».** Такие тексты обычно выражают отношение к кому(чему)-либо через данное понятие, то есть изначально маргинал/маргинальность сопровождается отрицательными коннотациями. В текстах авторов все, что приравнивается к маргинальности, является неопределённым, переходным, неблагополучным, странным, не типичным и т. д., что соответствует лексемам, выделенным в ходе проведения эксперимента:

А ведь нужно ещё успеть за пенным что бы не переплачивать в круглосуточных и не толкаться в очереди с откровенными маргиналами))) [ВКонтакте [http](http://vk.com)].

Я считаю, не хорошо так про Михаила Владимировича Круга говорить, а уж с таким как на фото маргиналом сравнить, это вообще неприемлемо!!! Админ, удали свой пост ,позорящий честь и достоинство такого человека как Михаил Круг!!! [ВКонтакте [http](http://vk.com)].

Кто согласился жить в условиях маргинальности, тот уже проиграл. Вот с этого „буду печататься, где печатают“, „писать в стол“ (за бесплатно) — вариант для каждого свой — с этого начинается падение. С отказа от амбиций. Приспособленность — и есть падение. Долготерпение — тоже. В некотором роде — всепрощение и всепримимость — тоже падение. Но это о случаях добровольного согласия ухода в маргинальность. Мы же имеем дело с ситуацией, когда в пространство маргинальности погрузилась практически вся страна [ВКонтакте [http](http://vk.com)].

2. **Один из приемов и средств художественной выразительности** (как правило, с ироничным оттенком по отношению к самому себе). В данную категорию попадают словоупотребления, характеризующие самого автора. Следует отметить, что и в таких текстах маргинальность представляет собой чаще всего феномен, не одобряемый обществом. Однако следует отметить и тот факт,

что, по мнению некоторых авторов, переход в состояние маргинальности не является чем-то опасным и страшным, некоторые рассматривают его как вынужденный жизненный этап, но, как и в предыдущей группе текстов, неоднозначный, пограничный, неопределенный:

презентую новую песню из предстоящего релиза, дам ещё один концерт...) Расскажу, как стал „маргиналом“, лол [ВКонтакте [http](#)].

*Пусть выгляжу, как маргинал,
Не надо совершать расправу.*

Я — человек и я устал.

Я уставать имею право.

[ВКонтакте [http](#)]

Да у некоторых свои квартиры, ино-марки, редко или совсем не всегда заработанные самими или вообще честными путями. Буржуазия всё дальше от пролетариата. Богема курит в сторонке, ждёт зрелищ... наверное. Я вообще на грани маргинальности нахожусь [ВКонтакте [http](#)].

3. Характеристика общественно-политической жизни. Данная группа является наиболее наполненной. Тексты, в которых встречается исследуемый концепт, чаще всего содержат оценку, характеристику общественно-политической жизни общества, поведенческих особенностей представителей социума, склоняясь к ее маргинализации:

Никому из этих маргиналов не придёт в голову заявить о трёх базовых критериях нации [ВКонтакте [http](#)].

Они остаются за бортом прогресса, становясь маргиналами в обществе [ВКонтакте [http](#)].

„Дылда“ — омерзительный фильм, в котором жители послевоенного Ленинграда — города, не сдавшегося врагу, представлены как маргиналы и нравственные уроды [ВКонтакте [http](#)].

Но если информация о нас все-таки прорывается, то пропагандисты, органы и представители власти с помощью лжи пытаются выставить нас маргиналами, преступниками и отмороженками. Потому что признание существования репрессий — это демонстрация шаткости, неуверенности и страха. Ведь в стране, где есть политзаключенные, слова о свободе, демократии и нормальной жизни не стоят ни гроша [ВКонтакте [http](#)].

Статистика неплательщиков — самое плохое это старые дома с маргиналами это максимум 20%. По подсчетам экономики у нас в районе этой цифры. Но дома не старые и с маргиналами не очень. Тариф можно не повышать [ВКонтакте [http](#)].

Часто такие явления как тот же ВИЧ и наркоманию общество воспринимает как проявление маргинальности [ВКонтакте [http](#)].

Основная черта почти всех людей на низкоквалифицированных должностях: маргинальность. Хотя и там бывают исключения, но они лишь подтверждают правило. Привыкают они к такому вот рабству — батрачить всю жизнь за копейки, надрывая здоровье [ВКонтакте [http](#)].

В результате исследования нами было отмечено, что как в сознании испытуемых (молодых людей в возрасте от 18 до 30 лет), так и в проанализированных текстах концепт реализуется не только через денотативное значение, отраженное в лингвистических, социологических, психологических словарях, но и через отрицательно окрашенные коннотации, при этом большинство коннотаций — это перечисление форм маргинальности с точки зрения респондента.

Кроме того, встретились тексты, в которых концепт «маргинальность» применяется в текстах, в которых автор стремиться к созданию комического эффекта.

Анализ текстов, представленных в ВК, позволил определить основные тематические блоки, транслируемые молодежью и маркированные нами как «маргинальные», что в дальнейшем позволит нам определить и классифицировать маргинальные политические практики молодежи, реализуемые ими в цифровом пространстве.

Настоящее исследование является важным в определении понятия «маргинальная политическая практика», а также позволит нам в перспективе классифицировать маргинальные политические практики, используемые представителями молодежи в интернет-среде.

ИСТОЧНИКИ

1. Сообщество «Обзоры на шаварму: Тверь» // ВКонтакте. URL: <https://vk.com/shavuhatver> (дата обращения: 25.09.2019).
2. Сообщество «RIGHT WING» // ВКонтакте. URL: <https://vk.com/therightwing> (дата обращения: 12.09.2019).
3. Сообщество «МАРГИНАЛ» // ВКонтакте. URL: <https://vk.com/margeenal> (дата обращения: 12.09.2019).
4. Сообщество «АСОЦИАЛЬНЫЕ МАРГИНАЛЫ» // ВКонтакте. URL: <https://vk.com/ogoetomemi> (дата обращения: 12.09.2019).
5. Сообщество «Либеральный либерастъ // Либеральный маргинал» // ВКонтакте. URL: <https://vk.com/club53937483> (дата обращения: 01.10.2019).
6. Сообщество «Клуб маргиналов» // ВКонтакте. URL: <https://vk.com/club5955> (дата обращения: 18.10.2019).
7. Сообщество «Черные маргиналии» // ВКонтакте. URL: <https://vk.com/negromarginal> (дата обращения: 25.09.2019).
8. Сообщество «Проспект маргиналов» // ВКонтакте. URL: <https://vk.com/prspkt> (дата обращения: 13.10.2019).

ЛИТЕРАТУРА

9. Белянин В. П. Основы психолингвистической диагностики. — М.: Тривола, 2000.
10. Бурлачук Л. Ф., Морозов С. М. Словарь-справочник по психодиагностике. — СПб., 1998.

11. Гридина Т. А., Коновалова Н. И. Вербальные мнемотехники как механизм кодирования и декодирования информации // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Вопросы образования. Языки и специальность. 2014. № 1. С. 128—134.
12. Гридина Т. А., Талашманов С. С. Языковая игра в современной интернет-коммуникации: метаязыковой аспект // Политическая лингвистика. 2019. № 3 (75). С. 31—37.
13. Гридина Т. А., Коновалова Н. И. Экспериментальные методы психолингвистических исследований : учеб. пособие / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2019. — 172 с.
14. Залевская А. А. Значение слова через призму эксперимента : моногр. — Тверь : Твер. гос. ун-т, 2011. 240 с.
15. Захарова А. В. Феномен маргинальности: креативная составляющая // Евразийский союз ученых. 2015. № 3-8 (12). С. 67—68.
16. Напс М. Д. Маргинальность как характеристика современного мира // Социодинамика. 2019. № 6. С. 63—69.

17. Пачколина Е. Н. Феномен маргинальности в студенческой среде. — Уфа : Восточный университет, 2008. 152 с.
18. Порозов Р. Ю. Нормативное измерение виртуальных социальных сетей // История. Семиотика. Культура : сборник материалов Международной научной конференции, посвященной 250-летию Фридриха Шлейермахера. 2018. С. 279—283.
19. Рёшлен М. Измерение в психологии // Экспериментальная психология / под ред. П. Фресса и Ж. Пиаже. — М., 1966. Вып. 1—2. — С. 195—237.
20. Сахарный Л. В. Введение в психолингвистику : курс лекций. — Л., 1989.
21. Стернин И. А., Рудакова А. В. Психолингвистическое значение слова и его описание. — Воронеж, 2011.
22. Холодная М. А. Существует ли интернет как психическая реальность? // Вопросы психологии. 1990. №5.
23. Ягунова Е. В. Эксперимент в психолингвистике: конспект лекций и методические рекомендации : учеб. пособие для вузов. — СПб. : Остров. 51 с.

M. R. Babikova

Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia
ORCID ID: 0000-0003-0814-5936

R. Yu. Porozov

Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia
ORCID ID: —

 E-mail: marina-anvarova@yandex.ru; r.porozov@yandex.ru.

Analysis of the Concept “marginality” as a Stage of the Development of the Term “marginal political practices”

ABSTRACT. *The phenomenon of marginality is increasingly becoming the object of modern research. The heightened interest is provoked by the emergence of new manifest political practices in which young people are actively involved. The article deals with the concept of “marginality”. The authors have conducted an associative experiment that allows to identify the main thematic groups demonstrating the concept as a potential of a personality possessing certain qualities, characteristics, and behavioral patterns. The second stage of the study is devoted to the analysis of texts in the social network “VKontakte”. The article suggests a classification of the topics which employ the lexemes “marginal'nost” and “marginal” including an assessment of “another person”, a stylistic device, a characteristic of socio-political life, etc.*

In the future, this study may become a basis for the definition of “marginal political practice”, may allow classifying the marginal political practices used by representatives of young people on the Internet, which could be considered a useful tool for determining political relations between representatives of a youth audience and their realization of civil subjectivity.

KEYWORDS: *marginality; marginal political practices; digital space; associative experiments; concepts.*

AUTHOR'S INFORMATION: Babikova Marina Rashitovna, Analyst, Center of Cultural and Educational Projects, Office of Scientific-Educational and Project Activities, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.

AUTHOR'S INFORMATION: Porozov Roman Yurievich, Candidate of Culturology, Associate Professor of Department of Acmeology and Environmental Psychology, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.

FOR CITATION: Babikova, M. R. Analysis of the Concept “marginality” as a Stage of the Development of the Term “marginal political practices” / M. R. Babikova, R. Yu. Porozov // Political Linguistics. — 2019. — No 6 (78). — P. 51-56. — DOI 10.26170/pl19-06-06.

ACKNOWLEDGMENTS. Research is accomplished with financial support of the Russian Foundation for Basic Research (RFBR) Project № 19-011-31224.

MATERIALS

1. Community "Reviews on the shavarma: Tver" // VKontakte. [Soobshchestvo «Obzory na shavarmu: Tver» // VKontakte]. URL: <https://vk.com/shavuhatver> (date of access: 25.09.2019).
2. Community "RIGHT WING" // VKontakte. [Soobshchestvo «RIGHT WING» // VKontakte]. URL: <https://vk.com/therightwing> (date of access: 12.09.2019).
3. Community "MARGINAL" // VKontakte. [Soobshchestvo «MARGINAL» // VKontakte]. URL: <https://vk.com/margeenal> (date of access: 12.09.2019).
4. Community "ASOCIAL MARGINALS" // VKontakte. [Soobshchestvo «ASOTsIAL'NYE MARGINALY» // VKontakte]. URL: <https://vk.com/ogoetomemi> (date of access: 12.09.2019).
5. Community "Liberal Liberal // Liberal Marginal" // VKontakte. [Soobshchestvo «Liberal'nyy liberast" // Liberal'nyy

marginal» // VKontakte]. URL: <https://vk.com/club53937483> (date of access: 01.10.2019).

6. Community "Club of marginals" // VKontakte. [Soobshchestvo «Klub marginalov» // VKontakte]. URL: <https://vk.com/club5955> (date of access: 18.10.2019).

7. Community "Black Marginals" // VKontakte. [Soobshchestvo «Chernye marginalii» // VKontakte]. URL: <https://vk.com/negromarginal> (date of access: 25.09.2019).

8. Community "Prospect of the Outcasts" // VKontakte. [Soobshchestvo «Prospekt marginalov» // VKontakte]. URL: <https://vk.com/prspkt> (date of access: 13.10.2019).

REFERENCES

9. Belyanin V. P. Fundamentals of Psycholinguistic Diagnosis. — Moscow : Trivola, 2000. [Osnovy psikholingvisticheskoy diagnostiki. — M. : Trivola, 2000]. — (In Rus.)

10. Burlachuk L. F., Morozov S. M. Dictionary for Psychodiagnosics. — Saint Petersburg, 1998. [Slovar'-spravochnik po psikhodiagnostike. — SPb., 1998]. — (In Rus.)
11. Gridina T. A., Konovalova N. I. Verbal Mnemonics as a Mechanism for Encoding and Decoding Information // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Ser.: Educational issues. Languages and Specialty. 2014. No. 1. P. 128—134. [Verbal'nye mnemotekhniki kak mekhanizm kodirovaniya i dekodirovaniya informatsii // Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Ser.: Voprosy obrazovaniya. Yazyki i spetsial'nost'. 2014. № 1. S. 128—134]. — (In Rus.)
12. Gridina T. A., Talashmanov S. S. Language Game in Modern Internet Communication: Metalanguage Aspect // Political Linguistics. 2019. No 3 (75). P. 31—37. [Yazykovaya igra v sovremennoy internet-kommunikatsii: metazykovoy aspekt // Politicheskaya lingvistika. 2019. № 3 (75). S. 31—37]. — (In Rus.)
13. Gridina T. A., Konovalova N. I. Experimental Methods of Psycholinguistic Research : textbook / Ural. State Ped. Univ. — Ekaterinburg, 2019. 172 p. [Eksperimental'nye metody psikholingvisticheskikh issledovaniy : ucheb. posobie / Ural. gos. ped. un-t. — Ekaterinburg, 2019. — 172 s.]. — (In Rus.)
14. Zalevskaya A. A. The Meaning of the Word through the Prism of the Experiment: monograph. — Tver : Tver State Univ., 2011. 240 p. [Znachenie slova cherez prizmu eksperimenta : monogr. — Tver' : Tver. gos. un-t, 2011. 240 s.]. — (In Rus.)
15. Zakharova A. V. The Phenomenon of Marginality: the Creative Component // Eurasian Union of Scientists. 2015. No. 3-8 (12). P. 67—68. [Fenomen marginal'nosti: kreativnaya sostavlyayushchaya // Evraziyskiy soyuz uchenykh. 2015. № 3-8 (12). S. 67—68]. — (In Rus.)
16. Napso M. D. Marginality as a Characteristic of the Modern World // Sociodynamics. 2019. No 6. P. 63—69. [Marginal'nost' kak kharakteristika sovremennogo mira // Sotsiodinamika. 2019. № 6. S. 63—69]. — (In Rus.)
17. Pachkolina E. N. The Phenomenon of Marginality in the Student Community. — Ufa : Eastern Univ., 2008. 152 p. [Fenomen marginal'nosti v studencheskoy srede. — Ufa : Vostochnyy universitet, 2008. 152 s.]. — (In Rus.)
18. Porozov R. Yu. Normative Space of Virtual Social Networks // History. Semiotics. Culture : a collection of materials of the International Scientific Conference dedicated to the 250th anniversary of Friedrich Schleiermacher. 2018. P. 279—283. [Normativnoe izmerenie virtual'nykh sotsial'nykh setey // Istoriya. Semitika. Kul'tura : sbornik materialov Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 250-letiyu Fridrikha Shleyermakhera. 2018. S. 279—283]. — (In Rus.)
19. Reshlen M. Measurement in Psychology // Experimental Psychology / ed. P. Fressa and J. Piaget. — Moscow, 1966. Iss. 1—2. — P. 195—237. [Izmerenie v psikhologii // Eksperimental'naya psikhologiya / pod red. P. Fressa i Zh. Piazhe. — M., 1966. Vyp. 1—2. — S. 195—237]. — (In Rus.)
20. Sakhamyy L. V. Introduction to Psycholinguistics : course of lectures. — Leningrad, 1989. [Vvedenie v psikholingvistiku : kurs lektsiy. — L., 1989]. — (In Rus.)
21. Sternin I. A., Rudakova A. V. Psycholinguistic Meaning of the Word and its Description. — Voronezh, 2011. [Psikholingvisticheskoe znachenie slova i ego opisanie. — Voronezh, 2011]. — (In Rus.)
22. Kholodnaya M. A. Does the Internet exist as a Psychic Reality? // Questions of Psychology. 1990. No. 5. [Sushchestvuet li internet kak psikhicheskaya real'nost'? // Voprosy psikhologii. 1990. №5]. — (In Rus.)
23. Yagunova E. V. Experiment in Psycholinguistics: Lecture Notes and Methodological Recommendations : textbook for universities. — Saint Petersburg : Isle. 51 p. [Eksperiment v psikholingvistike: konspekt lektsiy i metodicheskie rekomendatsii : ucheb. posobie dlya vuzov. — SPb. : Ostrov. 51 s.]. — (In Rus.)

Н. В. Зиновьев

Сургутский государственный университет, Сургут, Россия

ORCID ID: — **E-mail:** nikolas_dark@mail.ru.

Живые, мертвые и реанимированные метафоры в политическом дискурсе (на материале выступлений Д. Кэмерона и Б. Обамы)

АННОТАЦИЯ. Рассматривается историческое развитие взглядов в лингвистике на природу метафоры, особенности концептуальных метафор. Специально рассматривается проблема экспрессивности мертвых метафор, а также функционирование метафоры в политическом дискурсе. Представлены причины изменения статуса метафор в речи и мышлении, а также охарактеризован так называемый процесс реанимации, или восстановления экспрессивности метафоры: множество метафорических выражений из числа конвенциональных, которые причислены к мертвым, на самом деле оказываются живыми, эффективными метафорами. Мертвыми метафорами можно считать лишь те, которые утратили внутренний образ. Дополнительную сложность представляет разница в восприятии одних и тех же выражений: во-первых, одно выражение для разных людей может иметь, а может и не иметь метафорическое значение, во-вторых, может быть реализацией живой метафоры, а может и не являться ей в зависимости от контекста. Стершиеся метафоры обладают значительным экспрессивным потенциалом, который в политическом дискурсе используется за счет ряда приемов (введение следствия из метафоры с помощью указания дополнительного свойства объекта метафоризации; замена имени модели в метафоре на синоним — метафорическое варьирование; отсылка к прецедентному тексту; введение других метафорических моделей, связанных с данной на уровне следствий). Для ранжирования метафорических выражений по степени конвенциональности применяется методика метафорических индексов (МПИ), предложенная К. Де Ландсхеер в качестве количественного метода исследования метафор. Приведены результаты количественного и качественного анализа метафор в дискурсе политических лидеров англоговорящих стран — президента США Б. Обамы и премьер-министра Великобритании Д. Кэмерона в рамках совместной пресс-конференции.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: метафорическое моделирование; метафорические модели; политическая метафорология; мертвые метафоры; реанимация метафоры; политические деятели; политические речи; политическая риторика; языковая личность; лингвоперсонология; политический дискурс.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Зиновьев Никита Викторович, преподаватель-исследователь, Сургутский государственный университет; 628412, Россия, г. Сургут, пр-т Ленина, д. 1.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Зиновьев, Н. В. Живые, мертвые и реанимированные метафоры в политическом дискурсе (на материале выступлений Д. Кэмерона и Б. Обамы) / Н. В. Зиновьев // Политическая лингвистика. — 2019. — № 6 (78). — С. 57-63. — DOI 10.26170/pl19-06-07.

Материалы были представлены в рамках Международной научной конференции по политической коммуникации «Лингвополитическая персонология: дискурсивный поворот» (проведена 29—30 ноября 2019 года на базе Уральского государственного педагогического университета).

Целью нашей статьи является проведение сопоставительного исследования метафор в речи политических лидеров англоговорящих стран и определение метафорического потенциала их дискурса.

В рамках данной темы нами были поставлены следующие задачи:

1. Рассмотреть теоретические вопросы классификации видов метафоры и обрисовать общепризнанные трактовки понятия метафоры в лингвистике.

2. Изучить понятие «мертвая» метафора, а также процесс ранжирования метафор по степени конвенциональности.

3. Выявить метафоры в политическом дискурсе государственных лидеров: премьер-министра Великобритании Д. Кэмерона и

президента США Б. Обамы — и сравнить индексы метафорической силы в речи Д. Кэмерона и Б. Обамы.

4. Провести анализ найденных метафор по методике К. де Ландтсхеер, а также, основываясь на исследовании А. Н. Баранова, установить (при наличии) средства «реанимации» метафор.

Метафоричность как особенность политического дискурса привлекает внимание ученых со времен Античности. По мере роста степени изученности менялись представления о свойствах, роли, особенностях и механизмах функционирования политических метафор. Метафора, которая традиционно рассматривалась как стилистическое средство, в когнитивной теории квалифици-

руется уже как особенность человеческого мышления [Лакофф, Джонсон, 2008: 16].

Бурное развитие теории когнитивной метафоры в 60—70-х гг. XX в. привело к так называемому когнитивному повороту и смене лингвистической парадигмы. Когнитивная, или концептуальная метафора теперь изучается как ментальная операция выражения одной идеи посредством другой. Создатели теории концептуальной метафоры опирались на работу профессора Айвора Ричардса, благодаря которой метафоры теперь можно было обнаружить практически в любом виде дискурса, связанного с той или иной сферой человеческой жизни [Richards 1936].

На смену рассмотрению двойственной природы метафоры, выраженной в наличии буквального и небуквального значения, пришло видение метафор как *живых* и *мертвых*. Огромный вклад в этом отношении внесли работы по систематизации знаний о метафоре таких исследователей, как Корнелия Мюллер [Müller 2008] и Эндрю Гоутли [Goatly 1997]. Однако со временем и это разделение начинает подвергаться сомнению, в результате чего деление метафор на живые и мертвые постепенно перестает быть общепризнанным [Black 1993: 25].

Дж. Лакофф в своей монографии «Метафоры, которыми мы живем» идет дальше и ставит под вопрос деление метафор на живые и мертвые. По его мнению, множество метафорических выражений из числа конвенциональных, которые причислены к мертвым, на самом деле — живые [Lakoff 1989: 130]. Традиционное мнение о том, что лишь новые и поэтические метафоры можно считать «живыми», теперь не считается истинным [Müller 2008].

В нашей речи, как правило, преобладают живые метафоры, мертвые же встречаются очень редко. Среди них находятся метафоры, которые потеряли с течением времени свой внутренний образ. Примером такой метафоры может быть французское слово *pedigree* — от фр. «лапка куропатки», которое теперь означает «родословную» [Lakoff, Johnson 1999: 124—125]. Такая трактовка мертвой метафоры видится довольно логичной и позволяет провести четкую границу между множеством живых и мертвых метафор.

Исследуя явление метафоричности, К. Мюллер в своей монографии представляет метафору как когнитивное явление, которое имеет лингвистическую реализацию через метафорическое употребление слов. Она также стремилась найти подтверждение положению Дж. Лакоффа, М. Джонсона и М. Тернера о том, что метафоры — и живые, и те, которые, как правило, признаются

мертвыми, — на самом деле представляют собой рефлекс активированных концептуальных метафор [Lakoff, Turner 1989: 130; Lakoff, Johnson 1999: 124—125]. В качестве эмпирического подтверждения активации структур мозга, отвечающих за работу с метафорическим восприятием и созданием метафор, приводятся разного рода жесты, демонстрируемые параллельно с устной речью, а также рисунки, иллюстрирующие образы метафор [Müller 2008: 103—111, 203, 95—103, 204].

Так как метафора является одной из форм когнитивного механизма восприятия действительности в соответствии с нейронной теорией метафоры Дж. Лакоффа [Lakoff 2008], то если затрагивать нейрофизиологический уровень, под ней понимается прежде всего мыслительная операция, в ходе которой устанавливаются нейронные связи между активированными отделами в головном мозге. Эти отделы можно условно назвать областями цели и источника. В процессе осмысления метафоры свойства известного и более определенного образа проецируются на неизвестное и более абстрактные объекты [Lakoff 2008].

Интересно то, что в случае с конвенциональными метафорами нейронная область источника для отправителя сообщения вне зависимости от устной или письменной формы может являться активированной, тогда как у получателя та же область может не активироваться. В ходе экспериментов К. Мюллер делает вывод о том, что теоретически «метафоричность есть не просто свойство лингвистической единицы, но достижение некоего „когнитивного состояния“ адресанта или адресата» — «...Metaphoricity is not merely a property of a linguistic item but the cognitive achievement of a speaker/writer or listener/reader» (здесь и далее перевод наш. — Н. З.) [Müller 2008: 2].

Можно сделать важное замечание относительно восприятия метафорических выражений. Во-первых, одно выражение для разных людей может иметь, а может и не иметь метафорическое значение. Во-вторых, одинаковые формы в различных контекстах могут как являться реализацией живой концептуальной метафоры, так и не являться ей.

Отсюда напрашиваются выводы: то, что для одного — метафора, для другого — не метафора, одна и та же форма в одном контексте может быть реализацией живой концептуальной метафоры, а в другом — нет. К. Мюллер называет процесс включения зоны мозга, ответственной за работу с метафорами, осознаваемыми таковыми языковой личностью, «cognitive achievement», или ак-

тивацией метафоричности: «metaphoricity was activated...» [Müller 2008: 203].

Говоря о мертвых метафорах, стоит еще раз отметить, что мертвая метафора, т. е. утратившая свой первоначальный образ, встречается довольно редко. Однако мертвые метафоры могут быть реанимированы при определенных условиях. Они могут восстанавливать свой эмоционально-экспрессивный потенциал, а также оказывать персуазивный (суггестивный) эффект. Если согласиться с Дж. Лакоффом, то под вопрос ставится классическая точка зрения на мертвые метафоры, например, мнение Ш. Балли о том, что они не имеют экспрессивного потенциала [Bally 1921: 195].

Стершиеся метафоры также могут иметь определенный уровень экспрессивности. Если же касаться текстов, относящихся к политическому дискурсу, то в данном случае такие образные выражения зачастую могут иметь и манипулятивное влияние на слушателя. Исследованием экспрессивных особенностей «мертвых» метафор в России занимались такие авторы, как А. Н. Баранов и Ю. Н. Караулов [Баранов, Караулов 1994]. Их словарь русских политических метафор является одним из первых трудов в данной сфере. В данной работе авторы указывают ряд способов для восстановления экспрессивности метафор. Среди них можно отметить:

- введение следствия из метафоры с помощью указания дополнительного свойства объекта метафоризации в той же самой модели;
- замена имени модели в метафоре на синоним или квазисиноним (метафорическое варьирование);
- отсылка к идиоме;
- отсылка к прецедентному тексту;
- метафоризация элемента сюжета прецедентного текста;
- введение других метафорических моделей, связанных с данной на уровне следствий.

В данной работе говорится о том, что утратившие свой изначальный образ метафоры могут быть реанимированы благодаря эксплицитным указаниям дополнительных свойств, а также следствий из них.

Следует также сказать, что отдельные положения и примеры данной работы можно считать спорными. Так, с точки зрения критерия стилистической значимости авторы словаря выделяют лишь «живые» и «стертые» метафоры, приравнивая к ним конвенциональные [Там же: XIII], тогда как их градация более детализирована. Например, последние, по классификации Ш. Балли, не являются утратившими свой образ метафорами и приравниваются им к разряду «конкретных» («чувственных») образов, включающих также окказиональные метафоры.

Теперь перейдем к исследованиям метафор в политическом дискурсе. В последнее время ученые все чаще предпринимают попытки выявить степень метафорического воздействия на аудиторию и присвоить ей определенное значение. Для того чтобы определить уровень метафорической силы квантитативно, оптимальным является метод контент-анализа. В настоящее время контент-анализ активно используется для изучения влияния определенных новостей и аргументов на общественные настроения [Будаев 2016].

Хорошим примером в данном случае служит методика метафорических индексов (*The Metaphor Power Index method*), представленная К. де Ландтсхеер [de Landtsheer 1994, 2009, 2015] и ее коллегами в рамках комбинаторной теории кризисной коммуникации (CCC-theory). Составной частью комбинаторной теории кризисной коммуникации стало положение о том, что политический дискурс становится более простым и стандартным во время кризиса [Будаев 2016]. На примере анализа политического дискурса Голландии К. де Ландтсхеер было доказано, что существует зависимость между общественными кризисами и частотностью метафор [de Landtsheer 1991].

Данный метод предполагает проведение комплексного исследования, которое подразделяется на несколько этапов. Вначале происходит идентификация метафор (*Metaphor identification procedure*, MIP), описанная в работах группы ученых «Pragglejaz» [Pragglejaz Group 2007] и являющаяся процессом лингвистического анализа. Затем идентифицируются области метафоры. Данный подход применяется в когнитивной лингвистике [Lakoff, Johnson 1980; Kövecses 2000] для работы с концептуальными метафорами.

Применение данного метода (MIP) подразумевает следующий алгоритм. Вначале метафоры идентифицируются и подсчитываются, затем распределяются по степени оригинальности и содержанию. Для расчета индекса силы метафоры (MPI, *Metaphor Power Index*) необходимо знать индекс частотности метафор — *Frequency Index* (MFI), индекс интенсивности метафор — *Intensity Index* (MII) и индекс содержания метафор — *Content Index* (MCI) [de Landtsheer 2015: 209].

Индекс MPI рассчитывается как произведение индексов MFI, MII и MCI.

Индекс MFI показывает частотность метафор (me) на 100 слов (w). Чем выше количество (n) метафор по отношению к количеству (n) слов, тем выше индекс частотности метафоры.

Индекс MII отражает соотношение «слабых», «средних» и «сильных» метафор. Ка-

ждой из групп обнаруженных метафор присваивается показатель интенсивности, ранжируемый от 1 до 3. Слабым метафорам соответствует показатель интенсивности 1, нормальным — 2, а сильным — 3.

Индекс содержания МСИ учитывает сферы-источники метафорической экспансии, которые ранжируются по шести категориям с разными коэффициентами. Вес присваивается метафоре следующим образом: метафоры обыденной жизни — 1, метафоры природы — 2, политические, технологические и интеллектуальные метафоры — 3, метафоры насилия и бедствий — 4, спортивные, игровые и театральные метафоры — 5, метафоры болезни — 6 [Будаев 2011].

Индекс MPI можно рассчитать с применением следующих формул:

- $MFI = nme \times 100 / nwo$
- $MII = 1w + 2a + 3s / nme$
- $MCI = 1P + 2N + 3T + 4D + 5Sp + 6M / nme$
- $MPI = MFI \times MII \times MCI$.

Приведем примеры метафор, проиллюстрировав применение данного метода на практике. В качестве материала для анализа был выбран текст совместной пресс-конференции премьер-министра Великобритании Д. Кэмерона и президента США Б. Обамы.

Рассмотрим примеры из выступления Д. Кэмерона.

• *And like President Obama, I've also been clear that it is BP's role to **cap the leak**, to clean up the mess, and to pay appropriate compensation. / Как и президент Обама, я говорил, что BP должны **устранить утечку**, разгребсти беспорядок и заплатить соответствующую компенсацию.*

В первом примере мы можем наблюдать популярную метафору. Согласно классификации К. де Ландтсхеер, она относится к категории 1 — «популярные и каждодневные метафоры» (P). Показатель интенсивности — 2, средняя (Average).

• *I'm in regular touch with senior management at BP, and the President is, too, to make sure that happens. And the progress that's been made to cap the leak is a **step in the right direction** [Joint press conference 2010]. / Я, как и президент, регулярно общаюсь со старшим руководством BP, чтобы это произошло. И прогресс, который был достигнут для закрытия утечки, является **шагом в правильном направлении**.*

Здесь мы наблюдаем метафору движения. Согласно классификации К. де Ландтсхеер она относится к категории 3 — «технические, навигационные, конструкционные, технологические, политические, а также софистические метафоры» (T). Показатель интенсивности — 2, средняя (Average).

• *So let me thank you again, Barack, for hosting me today. While at the World Cup, our teams could only manage a **score draw**. I believe our relationship can be a **win-win** [Joint press conference 2010]... / Таким образом, позвольте мне поблагодарить вас снова, Барак, за то, что приняли меня сегодня. Хотя на чемпионате мира наши команды могли лишь добиться **ничьи**, я полагаю, что наши отношения могут быть **в равной степени выигрышными**...*

Довольно часто встречаются спортивные метафоры. Согласно классификации К. де Ландтсхеер, данная метафора относится к категории 5 — «Драматические, спортивные, игровые, исторические и библейские метафоры» (D). Показатель интенсивности — 3, сильная (Strong).

• *I think we did have a very valuable opportunity today to discuss in real depth a strong and a shared agenda on Afghanistan, on global economic **recovery**, and on the Middle East [Joint press conference 2010]. / Я думаю, сегодня у нас была очень ценная возможность глубоко обсудить общую и острую повестку дня касательно Афганистана, Ближнего Востока и глобального **оздоровления** экономики.*

Встречаются также и морбиальные метафоры. Согласно классификации К. де Ландтсхеер, они относятся к категории 6 — «Телесные метафоры, метафоры болезни, медицинские метафоры и метафоры смерти» (B). Показатель интенсивности — 2, средняя (Average).

Теперь рассмотрим примеры метафор из выступления Б. Обамы.

• *Above all, our alliance **thrives** because it advances our common interests [Joint press conference 2010]. / Прежде всего наш альянс **процветает** потому, что он продвигает наши общие интересы.*

В дискурсе американского президента встречается фитоморфная метафора. Согласно классификации К. де Ландтсхеер, она относится к категории 2 — «метафоры природы» (N). Показатель интенсивности — 3, сильная (Strong).

В качестве способа усиления экспрессивности используется введение следствия из метафоры с помощью указания дополнительного свойства объекта метафоризации в той же самой модели.

• *But I think that as we continue to see **economic growth**, as we continue to see the economy **heal** from last year, that the American people are going to want to approach this problem in a serious, realistic way [Joint press conference 2010]. / Но я думаю, что, пока **экономика растет**, пока экономика **оправля-***

ется после прошлого года, американцы будут относиться к этой проблеме очень серьезно.

Здесь можно обнаружить морбиальную метафору. Согласно классификации К. де Ландтсхеер, она относится к категории 6 — «Телесные, метафоры болезни, медицинские и метафоры смерти» (В). Показатель интенсивности — 3, сильная (strong).

В качестве способа усиления экспрессивности используется введение следствия из метафоры с помощью указания дополнительного свойства объекта метафоризации в той же самой модели.

• *We cannot alone be the economic engine for the rest of the world's growth* [Joint press conference 2010]. / *Мы не можем в одиночку быть экономическим двигателем роста для остального мира.*

Наблюдаются и технологические метафоры. Согласно классификации К. де Ландтсхеер, они относятся к категории 3 — «Технические, навигационные, конструкционные, технологические, политические, а также софистические метафоры» (Т). Показатель интенсивности — 3, сильная (Strong).

В качестве способа усиления экспрессивности используется введение следствия из метафоры с помощью указания дополнительного свойства объекта метафоризации в той же самой модели.

• *Now, one of the things that I want to emphasize that I think may get lost in this current debate is the extraordinarily strong ties between our two countries when it comes to **fighting terrorism*** [Joint press conference 2010]. / *Хотелось бы подчеркнуть чрезвычайно сильные связи между двумя нашими странами в **борьбе с терроризмом**.*

Присутствует также милитарная метафора. Согласно классификации К. де Ландтсхеер, она относится к категории 4 — «Метафоры насилия и бедствий» (V). Показатель интенсивности — 2, средняя (Average).

• *Well, why don't I start off and I'll **throw it over to David**.* / *Давайте я начну, а затем пасую Дэвиду?*

Спортивные метафоры довольно часто встречаются в дискурсе политиков. Согласно классификации К. де Ландтсхеер, данная метафора относится к категории 5 — «Драматические, спортивные, игровые, исторические и библейские метафоры» (D). Показатель интенсивности — 1, средняя (Average).

• *Now, what we've done is we've initiated a **freeze** on our domestic discretionary budget* [Joint press conference 2010]. / *Мы начали **заморозку** нашего внутреннего дискреционного бюджета.*

Популярная метафора. Согласно классификации К. де Ландтсхеер, она относится к категории 1 — «Популярные и каждодневные метафоры» (Р). Показатель интенсивности — 2, средняя (Average).

В ходе анализа текстов выступлений премьер-министра Великобритании Д. Кэмерона было выявлено 4 метафоры. Объем анализируемого текста составил 2205 слов. Из них 1 — популярная метафора (Р) с индексом 1; 1 — технологическая метафора (Т) с индексом 3; 0 — метафора насилия и разрушения (V) с индексом 4; 1 — спортивная метафора (D) с индексом 5; медицинских метафор (В) с индексом 6 не обнаружено. Метафоры природы (N) также отсутствуют. Из всех метафор 3 средних (Average), 1 сильная (Strong) и 0 слабых (Weak).

В ходе анализа текстов выступления президента США Б. Обамы было выявлено 6 метафор. Объем анализируемого текста составил 2459 слов. Из метафор 1 — популярная (Р) с индексом 1; 1 — метафора природы (N) с индексом 2; 1 — технологическая (Т) с индексом 3; 1 — метафора насилия и разрушения (V) с индексом 6. Из всех метафор 3 средних (Average), 3 сильных (Strong) и 0 слабых (Weak).

На основе полученных данных был подсчитан индекс частотности метафоры (MFI), индекс интенсивности метафоры (MII), индекс содержания метафоры (MCI) и индекс силы метафоры (MPI). Данные представлены в таблице 1.

Таблица 1. Показатели метафорических индексов

Наименование индекса	Премьер-министр Д. Кэмерон	Президент США Б. Обама
MFI	$4 \times 100 \div 2205 = 0,18$	$6 \times 100 \div 2459 = 0,24$
MII	$2 \times 2 + 3 \times 1 \div 4 = 1,75$	$1 \times 3 + 2 \times 3 \div 6 = 1,5$
MCI	$1 \times 1 + 1 \times 3 + 1 \times 5 + 1 \times 6 \div 4 = 3,75$	$1 \times 1 + 2 \times 1 + 3 \times 1 + 4 \times 1 + 5 \times 1 + 6 \times 1 \div 6 = 3,5$
MPI	$0,18 \times 1,75 \times 3,75 = 1,18$	$0,24 \times 1,5 \times 3,5 = 1,26$

Выводы

Метафоры можно делить на мертвые и живые. Говоря кратко, метафоры делятся на утратившие метафорическую силу, устаревшие, лишённые возможности быть образно воспринятыми (мертвые) и новые, яркие, наделённые множеством актуальных смыслов (живые).

Трактовка фактического статуса живых и мертвых метафор все еще не является устойчивой. Присутствует несколько точек зрения, в первую очередь относительно методов классификации метафор, ранжирования их метафорического потенциала и т. д.

Мертвые метафоры при определенных условиях могут подлежать реанимации. Для этого необходимо произвести определенные изменения с метафорическим выражением посредством добавления отсылок и следствий, введения дополнительных метафор и т. д.

Дискурс Б. Обамы более метафорически насыщен и имеет в своей структуре большее количество разнообразных метафор. Он также имеет больший метафорический индекс ($MPI = 1,26$), следовательно, он значительно интенсивнее воздействует на слушателей с точки зрения прагматики. Также замечено, что Б. Обама гораздо чаще применяет различные методы реанимации метафор, трансформируя метафорические выражения для достижения большего эффекта.

Дискурс Д. Кэмерона в данном случае значительно уступает как по количеству метафор, так и по показателю метафорического индекса ($MPI = 1,18$). С этим также соотносится меньшее стремление к реанимации метафорических выражений. По нашему мнению, это может быть связано с целым рядом причин, начиная от степени проявления кризисных явлений в британском обществе и заканчивая актуальностью обсуждаемых премьер-министром на проанализированной пресс-конференции вопросов.

N. V. Zinov'ev

Surgut State University, Surgut, Russia

ORCID ID: —

 E-mail: nikolas_dark@mail.ru.

ИСТОЧНИКИ

1. Joint press conference. 20 July 2010. URL: <https://www.gov.uk/government/speeches/joint-press-conference-with-president-barack-obama>. — Text : electronic.

ЛИТЕРАТУРА

2. Баранов А. Н. Введение в прикладную лингвистику : учеб. пособие. Изд. 4-е, испр. и доп. — М. : ЛИБРОКОМ, 2013. 368 с.
3. Будаев Э. В. Сопоставительная политическая метафорология. — Нижний Тагил : НГТСПА, 2011. 330 с.
4. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / пер. с англ. А. Н. Баранова и А. В. Морозовой, под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. 2-е изд. — М. : Изд-во ЛКИ, 2008.
5. Bally Ch. Traité de stylistique française. Premier volume. Seconde édition. — Paris : Librairie C. Klincksieck, 1921. 331 p.
6. Black M. More about Metaphor // Metaphor and Thought / ed. by Andrew Ortony. 2 ed. — Cambridge : Cambridge Univ. Pr., 1993. P. 19—41.
7. Goatly A. Washing the brain. — Amsterdam/Philadelphia : John Benjamins Publishing Company, 2007. 431 p.
8. Goatly A. The language of metaphors. — London : Routledge, 1997. 372 p. ISBN: 0415128773.
9. Kövecses Z. Metaphor and Emotion: Language, Culture, and Human Feeling. — Cambridge : Cambridge Univ. Pr., 2000.
10. Lakoff G. The Death of Dead Metaphor // Metaphor and Symbolic Activity. 1987. No 2:2. P. 143—147.
11. Lakoff G., Johnson M. Philosophy in the Flesh: The Embodied Mind and Its Challenge to Western Thought. — New York : Basic Books, A Member of the Perseus Books Group, 1999.
12. Lakoff G., Turner M. More than Cool Reason: A Field Guide to Poetic Metaphors. — Chicago : Chicago Univ. Pr., 1989.
13. Lakoff J. The Neural Theory of Metaphor // The Cambridge Handbook of Metaphor and Thought. — New York : Cambridge Univ. Pr., 2008. P. 17—38.
14. Landsheer C. de. Collecting political meaning from the count of metaphor // Metaphor and Discourses / A. Musolf, J. Zink (eds.). 2009. P. 73—96.
15. Landsheer C. de. Media rhetoric plays the market // Metaphor and the Social World. 2015. No 5:2. P. 205—222.
16. Landsheer C. de. The Language of Prosperity and Crisis. Politics and the individual. 1994. No 4. P. 63—85.
17. Müller C. Metaphors Dead and Alive, Sleeping and Waking: A Dynamic View. — Chicago ; London : Univ. of Chicago Pr., 2008.
18. Pragglejaz Group. MIP: A method for identifying metaphorically used words in discourse. 2007.
19. Richards I. A. A Philosophy of Rhetoric. — Oxford : Oxford Univ. Pr., 1936.

Living, Dead and Reanimated Metaphors in Political Discourse (Based on the Speeches of D. Cameron and B. Obama)

ABSTRACT. The article deals with the historical development of linguistic views on the nature of metaphor and the specificity of conceptual metaphors. Special attention is paid to the issue of expressive value of dead metaphors and the functioning of metaphors in political discourse. The author discloses the causes of the change of metaphor status in speech and thinking and characterizes the so-called process of reanimation or restoration of the metaphor expressivity: many of the metaphorical collocations believed to be dead turn out to be living and effective metaphors. Dead metaphors are only those that have lost their inner form. An additional difficulty is brought about by the difference in perception of the same expressions: first, one and the same expression may have or have not metaphorical meaning for different people; second, it may be, or fail to be a realization of a living metaphor in various contexts. Trite metaphors possess a significant expressive potential which is realized in political discourse by means of certain techniques (introduction of a consequence of the metaphor by naming

an additional property of an object of metaphORIZATION; substitution of the model name in the metaphor by a synonym – metaphorical varying; reference to a precedent text; introduction of other metaphorical models associated with the given one on the level of consequences). Metaphorical expressions are ranged according to the degree of conventionality using the C. De Landtsheer quantitative method entitled the Metaphor Power Index (MPI). The article provides the results a quantitative and qualitative analysis of metaphors in the discourse of leaders of English speaking countries – President of the USA B. Obama and Prime Minister of Great Britain D. Cameron – at a joint press conference.

KEYWORDS: *metaphorical modeling; metaphorical models; political metaphorology; dead metaphors; metaphor re-animation; political leaders; political speeches; political rhetoric; linguistic personality; linguopersonology; political discourse.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Zinov'ev Nikita Viktorovich, Senior Lecturer – Researcher, Surgut State University, Surgut, Russia.*

FOR CITATION: *Zinov'ev, N. V. Living, Dead and Reanimated Metaphors in Political Discourse (Based on the Speeches of D. Cameron and B. Obama) / N. V. Zinov'ev // Political Linguistics. — 2019. — No 6 (78). — P. 57-63. — DOI 10.26170/pl19-06-07.*

MATERIALS

1. Joint press conference. 20 July 2010. URL: <https://www.gov.uk/government/speeches/joint-press-conference-with-president-barack-obama>. — Text : electronic.

REFERENCES

2. Bally Ch. *Traité de stylistique française*. Premier volume. Seconde édition. — Paris : Librairie C. Klincksieck, 1921. 331 p.
3. Black M. More about Metaphor // *Metaphor and Thought* / ed. by Andrew Ortony. 2 ed. — Cambridge : Cambridge Univ. Pr., 1993. P. 19—41.
4. Goatly A. *Washing the brain*. — Amsterdam/Philadelphia : John Benjamins Publishing Company, 2007. 431 p.
5. Goatly A. *The language of metaphors*. — London : Routledge, 1997. 372 p. ISBN: 0415128773.
6. Kövecses Z. *Metaphor and Emotion: Language, Culture, and Human Feeling*. — Cambridge : Cambridge Univ. Pr., 2000.
7. Lakoff G. The Death of Dead Metaphor // *Metaphor and Symbolic Activity*. 1987. No 2:2. P. 143—147.
8. Lakoff G., Johnson M. *Philosophy in the Flesh: The Embodied Mind and Its Challenge to Western Thought*. — New York : Basic Books, A Member of the Perseus Books Group, 1999.
9. Lakoff G., Turner M. *More than Cool Reason: A Field Guide to Poetic Metaphors*. — Chicago : Chicago Univ. Pr., 1989.
10. Lakoff J. *The Neural Theory of Metaphor* // *The Cambridge Handbook of Metaphor and Thought*. — New York : Cambridge Univ. Pr., 2008. P. 17—38.
11. Landtsheer C. de. Collecting political meaning from the count of metaphor // *Metaphor and Discourses* / A. Musolff, J. Zink (eds.). 2009. P. 73—96.
12. Landtsheer C. de. Media rhetoric plays the market // *Metaphor and the Social World*. 2015. No 5:2. P. 205—222.
13. Landtsheer C. de. *The Language of Prosperity and Crisis. Politics and the individual*. 1994. No 4. P. 63—85.
14. Müller C. *Metaphors Dead and Alive, Sleeping and Waking: A Dynamic View*. — Chicago ; London : Univ. of Chicago Pr., 2008.
15. Praggeljaz Group. *MIP: A method for identifying metaphorically used words in discourse*. 2007.
16. Richards I. A. *A Philosophy of Rhetoric*. — Oxford : Oxford Univ. Pr., 1936.
17. Baranov A. N. *Introduction to Applied Linguistics: Textbook*. Ed. 4th, rev. and add. — Moscow : LIBROCOM, 2013. 368 p. [Vvedenie v prikladnuyu lingvistiku : ucheb. posobie. Izd. 4-e, ispr. i dop. — M. : LIBROKOM, 2013. 368 s.]. — (In Rus.)
18. Budaev E. V. *Comparative Political Metaphorology*. — Nizhny Tagil : NGTSPA, 2011. 330 p. [Sopostavitel'naya politicheskaya metaforologiya. — Nizhniy Tagil : NGTSPA, 2011. 330 s.]. — (In Rus.)
19. Lakoff Dzh., Dzhonson M. *Metaphors We Lived by* / trans. from English by A. N. Baranova and A. V. Morozova, ed. by and the foreword by A. N. Baranov. 2nd ed. — Moscow : Publishing House of LCI, 2008. [Metafori, kotorymi my zhivem / per. s angl. A. N. Baranova i A. V. Morozovoy, pod red. i s predisl. A. N. Baranova. 2-e izd. — M. : Izd-vo LKI, 2008]. — (In Rus.)

В. А. Каменева

Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия
ORCID ID: 0000-0001-8146-9721

Л. И. Федянина

Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия
ORCID ID: —

 E-mail: russia_science@mail.ru; fedianina@inbox.ru.

Гендерный аспект эвфемизации дискурса политиков. В. В. Путин vs А. Меркель (лингвоперсонологический подход)

АННОТАЦИЯ. В статье уделяется внимание гендерной обусловленности профессионального дискурса политиков с позиции лингвоперсонологии. На материале выступлений В. В. Путина и А. Меркель рассматривается вопрос о взаимосвязи гендера и специфики эвфемизации профессионального дискурса политических деятелей. Установлено, что в своих выступлениях, ориентированных на массового адресата, В. В. Путин и А. Меркель дифференцированно используют эвфемизмы для решения профессиональных коммуникативных задач. Установлены и соотносены общественно значимые сферы эвфемизации дискурса В. В. Путина (дипломатическая сфера; государственные и военные тайны; отношения между различными национальными и социальными группами, статус этих групп; работа парламентариев и представителей органов власти; экологическая ситуация в стране; оплата труда граждан; обеспечение условий и формирование комфортной среды проживания граждан) и А. Меркель (дипломатическая сфера; работа парламентариев и представителей органов власти; экономическая ситуация в стране; экономическая ситуация в Евросоюзе и мире; отношения между различными национальными и социальными группами, статус этих групп; терроризм; ядерные разработки в Северной Корее и Иране и разработки химического оружия в Сирии; вооруженные конфликты прошлых лет; оплата труда). Выявлены расхождения в тематике эвфемизации политического дискурса и количестве ключевых социополитических тем эвфемизации профессионального дискурса мужчины-политика и женщины-политика, за счет чего дискурс А. Меркель более эвфемистичен. В работе доказано, что эвфемизмы в дискурсе женщины-политика актуализируют большее количество функций, чем средства эвфемизации в политическом дискурсе мужчины. В работе доказано, что спектр эвфемизмов в дискурсе женщины-политика шире, чем спектр средств эвфемизации в профессиональном дискурсе представителя противоположного пола.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: гендер; политический дискурс; женщины-политики; российские президенты; политические деятели; эвфемизмы; функции эвфемизмов; лингвоперсонология.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Каменева Вероника Александровна, доктор филологических наук, профессор кафедры романо-германской филологии, Кемеровский государственный университет; 650000, Россия, Кемерово, ул. Красная, 6; e-mail: russia_science@mail.ru.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Федянина Любовь Ивановна, кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германской филологии, Кемеровский государственный университет; 650000, Россия, Кемерово, ул. Красная, 6; e-mail: fedianina@inbox.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Каменева, В. А. Гендерный аспект эвфемизации дискурса политиков. В. В. Путин vs А. Меркель (лингвоперсонологический подход) / В. А. Каменева, Л. И. Федянина // Политическая лингвистика. — 2019. — № 6 (78). — С. 64-72. — DOI 10.26170/pl19-06-08.

БЛАГОДАРНОСТИ. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-012-00522 «Проблема легитимизации в политическом дискурсе: лингвоперсонологический аспект».

Гендерные исследования на материале политического дискурса на протяжении многих десятилетий находятся в фокусе внимания лингвистов. Во-первых, в рамках гендерных исследований политического дискурса изучаются вопросы формирования гендерной идентичности политика в профессиональном дискурсе [Будаев 2006; Буцык 2015; Диасамидзе 2009; Рябова 2003]. В работах данной направленности раскрываются уровни манифестации гендерной идентичности в политическом дискурсе. Во-вторых,

множество работ затрагивает вопросы формирования гендерных стереотипов в политическом дискурсе. Стереотипы рассматриваются как средства воздействия на адресатов политического дискурса [Каменева 2009; Семенец, Ройба 2019]. В-третьих, ряд работ посвящен изучению дискурсивных стратегий женщин-политиков и мужчин-политиков в различных жанрах политического дискурса [Куралева, Кондрашова 2018; Цыбина 2019]: в политическом блоге [Диасамидзе 2010], в предвыборных выступлениях [Куницына 2011],

в интервью [Дудецкая 2009], в дебатах [Карандеева, Кодюшева 2016]. Исследование дискурсивных стратегий, обусловленных гендером, чаще всего осуществляется с позиции коллективной, а не индивидуальной лингвоперсоны политического дискурса. Как представляется, с лингвоперсонологических позиций можно получить более точные данные, позволяющие выявить, подгоняется ли профессиональный дискурс авторитетных женщин-политиков под маскулинный тип или нет. Все вышесказанное обуславливает актуальность предпринятого исследования. В данной работе основной акцент делается на выявление особенностей эвфемизации профессионального дискурса женщины-политика и мужчины-политика. Вопросы эвфемизации политического дискурса не раз попадали в центр научного внимания ученых. При этом обзор научных работ показал, что в основном исследование эвфемизации политического дискурса идет в комплексе с другими стратегиями. Не обнаружены работы, которые бы рассматривали исключительно вопросы эвфемизации профессионального дискурса политиков во взаимосвязи с их гендером. Как правило, эвфемизация обобщенно рассматривается в ряду других стратегий политика для решения определенных профессиональных задач [Чудинов 2012; Арустамян 2016; Беседина, Буркова, Мичурин 2019; Иванова, Корчевская 2011; Куралева, Кондрашова 2018; Цыбина 2019]. В данной работе ставится ряд задач по выявлению особенностей эвфемизации профессионального дискурса политиков: выявление сферы эвфемизации политического дискурса В. В. Путина и А. Меркель; установление всего спектра лингвокогнитивных средств эвфемизации обоих политиков; сопоставление полученных данных. Это позволит подтвердить или опровергнуть распространенное утверждение о том, что даже признанные и успешные женщины-политики адаптируют маскулинное коммуникативное поведение (характеризующееся эмоциональной нейтральностью или дисфемизацией), чтобы поддерживать имидж успешного деятеля в политике — традиционно мужской сфере деятельности. Ведь, как известно, эвфемизация считается одной из фемининных черт [Lakoff 2004: 83].

Материалом исследования послужили выступления В. В. Путина за 2018 год (<http://kremlin.ru>) и А. Меркель того же периода (<https://www.bundeskanzlerin.de>). Выбор данных политиков обусловлен тем, что оба представляют собой ключевых игроков мировой политической арены, оба носители европейских культурных установок, занима-

ют избираемую политическую должность. По антропоцентрическим параметрам оба политика представители европеоидной расы, близки по возрасту, но принадлежат к разным гендерным группам.

В качестве основных методов исследования, помимо общенаучных, использовались контент-анализ, интент-анализ, лингвостилистический анализ текстов.

Исследование особенностей эвфемизации политического дискурса на примере Президента Российской Федерации и Федерального канцлера Германии позволило установить следующее. Основные социополитические сферы эвфемизации профессионального дискурса В. В. Путина: дипломатическая сфера; государственные и военные тайны; отношения между различными национальными и социальными группами, статус этих групп; работа парламентариев и представителей органов власти; экологическая ситуация в стране; оплата труда граждан; обеспечение условий и формирование комфортной среды проживания граждан.

К социополитическим сферам эвфемизации профессионального дискурса Федерального канцлера Германии были отнесены: дипломатическая сфера; работа парламентариев и представителей органов власти; экономическая ситуация в стране; экономическая ситуация в Евросоюзе и мире; отношения между различными национальными и социальными группами, статус этих групп; терроризм; ядерные разработки в Северной Корее и Иране и разработки химического оружия в Сирии; вооруженные конфликты прошлых лет; оплата труда.

Таким образом, общее количество эвфемизируемых социополитических тем у обоих политиков не совпадает, кроме того, выявлены некоторые тематические отличия. Оба политика используют эвфемизмы, говоря о своих намерениях на политической мировой арене. Это позволяет не раскрывать свои истинные цели, не давать открытую оценку определенным политическим явлениям и действиям, уходя от прямой конфронтации. Использование эвфемизмов для оценки работы парламентариев и представителей органов власти своих стран позволяет В. В. Путину и А. Меркель в негрубой и нерезкой форме напоминать о том, что их решения должны быть продуманными и тщательно взвешенными, должны согласовываться с действующим законодательством и учитывать мнение граждан.

Подробный анализ целей эвфемизации Президентом Российской Федерации и канцлером Германии в профессиональном дискурсе позволил выявить следующее.

Прибегая к эвфемизации политического дискурса, В. В. Путин уходит от прямого противостояния с политиками других стран; демонстрирует настрой на мирное урегулирование противоречий на внешнеполитической арене; вуалирует свои цели на мировой политической арене; камуфлирует информацию, относящуюся к государственным и военным тайнам; способствует снижению социальной напряженности между гражданами различных национальностей, конфессий, социальных групп; дает оценку работе парламентариев и работников органов власти, не критикуя явно, но демонстрируя, что вопросы, связанные с дискуссионными проблемами, надо решать с учетом мнения граждан.

А. Меркель, используя эвфемизмы, уходит от ответственности, когда речь заходит о взаимосвязи политических событий в Сирии и обстановки с беженцами в Европе и Германии; уходит от прямого противостояния с политиками других стран; вуалирует свои цели на мировой политической арене; избегает прямых оценок действий разных организаций и стран, приведших к различным политическим конфликтам и военным столкновениям в прошлом; камуфлирует информацию, относящуюся к экономике страны; вуалирует свои цели в вопросах мировой экономики; не раскрывает своих целей, относящихся к экономике Евросоюза; способствует снижению социальной напряженности между гражданами различных социальных групп; дает завуалированную оценку работе парламентариев и работников органов власти.

Как следует из представленных данных, спектр функций эвфемизмов шире у канцлера Германии, так же как и круг социально-политических тем, обсуждаемых ею в эвфемистичном ключе.

Как известно, к средствам эвфемизации относятся слова с семантической неопределенностью; номинация конкретных предметов и понятий словами с общим смыслом; иноязычные слова; аббревиатуры; слова, обозначающие неполноту действия или слабую степень свойства; метафоры; метонимии; сравнения; аллюзии; фразеологизмы; звуковая аналогия; редупликация; поляризация значений; негативная префиксация.

Анализ лингвокогнитивных средств эвфемизации дискурса Президента России показал следующее. В своих обращениях Президент Российской Федерации часто прибегает к метафоризации дискурса. Приведем несколько примеров. 1. *Дело в том, что скорость технологических изменений нарастает стремительно, идет резко вверх. Тот, кто использует эту **технологическую волну**, вырвется далеко вперед.*

Тех, кто не сможет этого сделать, она — эта волна — просто захлестнёт, утопит (<http://kremlin.ru> 01.03.2018). 2. *Отставание неизбежно ведёт к ослаблению, **размыванию человеческого потенциала**. Потому что новые рабочие места, современные компании, привлекательные жизненные перспективы будут создаваться в других, успешных странах, куда будут уезжать молодые, образованные, талантливые люди, а вместе с ними общество будет терять жизнеспособность и энергию развития* (<http://kremlin.ru> 01.03.2018). Следует отметить разнообразие сфер метафорической экспансии в политическом дискурсе В. В. Путина.

В профессиональном дискурсе Президента России были зафиксированы иноязычные заимствования. Особенно часто В. В. Путин использует лексику «вызов». Отечественными исследователями подтверждено, что «современное значение слова „вызов“ представляет собой семантическую кальку с английской лексики „challenge“, которая не имеет полного аналога в русском языке и благодаря которой слово русского языка „вызов“ расширило свое значение» [Богданова 2015; Левонтина 2010]. Так, по мнению И. Б. Левонтиной, слово «вызов» в его «заимствованном значении» обозначает ситуацию, когда «человек берется за выполнение какой-то трудной задачи, на пределе или даже за пределами своих профессиональных или иных возможностей, и трудность задачи подстегивает его, заставляет превзойти самого себя» [Богданова 2015; Левонтина 2010].

Приведем примеры из профессионального дискурса В. В. Путина. *Мы также прошли через масштабные, непростые преобразования, **справились с абсолютно новыми и очень сложными экономическими, социальными вызовами*** (<http://kremlin.ru> 01.03.2018). *Кто бы ни был избран Президентом, каждый гражданин России, все мы вместе должны прочувствовать и понять, что происходит в мире, вокруг нас и какие **вызовы стоят перед нами*** (<http://kremlin.ru> 01.03.2018). Как видно из приведенных примеров, все словосочетания с лексемой «вызов» передают смысл «сложная, трудновыполнимая задача». В русском языке лексемы «сложный» и «трудновыполнимый» имеют негативные ассоциации, связываются с усилиями, затруднениями, барьерами, на преодоление которых необходимо тратить много сил и времени. Используя лексику «вызов», политик нейтрализует отрицательные коннотации, смещая акценты. Получатель информации понимает, что речь идет о задаче, которую надо решить.

Дискурс В. В. Путина насыщен словами с семантической неопределенностью. Как показал анализ, данное средство эвфемизации часто используется политиком во время обсуждения социальных вопросов и вопросов, связанных с экологией страны. Даже **некоторые** работающие люди живут очень скромно (<http://kremlin.ru> 01.03.2018). ...а жители крупных индустриальных центров из-за смога неделями не видят солнца, как в Череповце, Нижнем Тагиле, Челябинске, Новокузнецке и **некоторых** других городах (<http://kremlin.ru> 01.03.2018). Как известно, слово «некоторый» имеет несколько значений: «точно не определяемый», «незначительный», «небольшой». Обращение к данной лексеме при обсуждении злободневных вопросов позволяет сгладить негативный эффект и не афишировать масштаб проблем.

Поляризация значений слов — одно из продуктивных средств эвфемизации дискурса Президента Российской Федерации. Чаще всего при обсуждении конфликта интересов между Россией, США и Евросоюзом политик использует слово «партнеры» вместо «враги», «конкуренты» или «оппоненты». *Еще раз повторю, что мы неоднократно говорили нашим американским и европейским партнерам — членам НАТО о том, что будем предпринимать необходимые меры для нейтрализации угроз, которые возникают для нас в связи с разворачиванием глобальной ПРО США* (<http://kremlin.ru> 01.03.2018). В данных примерах поляризация значений слов дает возможность политическому деятелю показать, что Россия настроена на конструктивный диалог с США и всеми европейскими странами, входящими в НАТО, несмотря на существующие разногласия, продемонстрировать готовность к поиску компромиссов с указанными странами, но на паритетных началах.

Президент России при обращении к социальным сферам, относящимся к производству оружия, определенных видов техники, деятельности армии и разведки, часто прибегает к генерализации значений в эвфемистических целях. Политик использует лексемы, которые обладают более широким значением, практически не употребляя точных наименований. Например, «крылатый блок», «система», «новейший технический комплекс», «изделие». *В силу понятных причин мы не можем сегодня показать истинный облик, истинный внешний вид этого изделия* (<http://kremlin.ru> 01.03.2018). Подобная обобщенная номинация позволяет обсуждать вопросы обороноспособности страны, не раскрывая военных тайн.

Такой же эффект достигается, если вместо лексем, которые описывают участие армии страны в разрешении военных конфликтов за рубежом, используются слова «операция» или «действия». Подобная генерализация значения позволяет Президенту завуалированно сообщить гражданам Российской Федерации и российским коллегам нужную информацию и избежать негативной реакции со стороны сторонних слушателей, которая бы последовала в случае с прямой номинацией.

Согласно проведенному анализу, в профессиональном дискурсе В. В. Путина установлены единичные случаи употребления аллюзий, аббревиатур и метонимии в эвфемистических целях. В дискурсе политика не зафиксировано использование следующих средств эвфемизации: сравнения, негативной префиксации, звуковой аналогии, редупликации, слов, обозначающих неполноту действия или слабую степень свойства.

Для А. Меркель метафора — одно из частых средств эвфемизации политического дискурса. Политик ловко манипулирует сознанием адресатов, скрывая проблемные ситуации, возникающие внутри страны, в Европе, а также во всем мире. Чаще всего А. Меркель использует строительную метафорику, благодаря которой создается впечатление хорошо продуманных, «фундаментальных» решений, предпринимаемых лично ею и Германией в целом в сложной экономической и политической ситуации на Европейском континенте. *Europa ist ja ein interessanter Kontinent oder ein interessantes Gebilde. Wir haben uns eine einheitliche Währung gegeben, haben uns aber nie Gedanken darüber gemacht, was denn passiert, wenn diese Währung einmal in eine Krise gerät. Jetzt arbeiten wir nach und schaffen im Grunde das Fundament, auf dem wir das hätten aufbauen müssen* (<https://www.bundestkanzlerin.de> 24.01.2018). *Ich habe meine Position deutlich gemacht, dass ich glaube, dass dieses Abkommen alles andere als perfekt ist, um alle Probleme mit dem Iran zu lösen, aber dass es ein Baustein ist, auf den man aufbauen kann* (<https://www.bundestkanzlerin.de> 27.04.2018).

А. Меркель прибегает к архитектурной метафорике, говоря о военных действиях, происходящих в непосредственной близости от границ страны на территории сопряженных с Германией государств. Так, например, канцлер метафорически именуется границы Германии дверями дома, перед которыми разворачиваются глобальные конфликты: *Wenn Sie sich die Umgebung Europas anschauen, dann wissen Sie, dass vor unserer Haustür ein Großteil der globalen Konflik-*

te stattfindet (<https://www.bundeskanzlerin.de> 24.01.2018).

Рассуждая о борьбе с экономической нестабильностью и экономическим кризисом, А. Меркель часто использует военную метафору. Это позволяет показать решительный, воинственный настрой политика на борьбу с экономическими проблемами: *Wir müssen uns überlegen, wie wir uns auf zukünftige Krisen, die von außen auf uns **einstürzen**, so **wappnen**, dass nicht auf der einen Seite das Risiko einfach vergemeinschaftet wird und die Haftung bei allen liegt* (<https://www.bundeskanzlerin.de> 24.01.2018).

В выступлениях Федерального канцлера Германии было зафиксировано частое употребление театральной метафоры. Как правило, А. Меркель использовала театральную метафорику, вуалируя участие страны в международных вооруженных конфликтах: *Wir haben uns damals mit daran beteiligt, dass die syrischen Chemiewaffen vernichtet wurden, und haben dabei **eine sehr aktive Rolle gespielt**, müssen jetzt aber erkennen, dass die Vernichtung dieser Waffen ganz offensichtlich nicht vollständig erfolgt ist* (<https://www.bundeskanzlerin.de> 12.04.2018).

В дискурсе А. Меркель зафиксирована медицинская метафорика. Это позволяет политику показать себя профессионалом, который может реанимировать ныне не дееспособные форматы политического общения, устранить то, что угрожает здоровой политической ситуации в мире. *Wir haben über **die Wiederbelebung des Formats des Weimarer Dreiecks** gesprochen, worüber wir uns dann natürlich auch noch mit dem französischen Präsidenten austauschen werden* (<https://www.bundeskanzlerin.de> 16.02.2018).

Вторым средством эвфемизации дискурса А. Меркель можно считать фразеологизмы разных видов. Когда двусторонние политические переговоры по урегулированию конфликтных ситуаций, длившиеся долгие месяцы, в конце концов завершаются подписанием договоренностей, о которых собеседники не хотели бы информировать третьи лица, предпочтение в речах А. Меркель отдается паремиям, идиоматическим выражениям и т. д. Приведем несколько примеров: *Ich weiß, dass alle lange warten mussten, bis wir endlich fertig geworden sind. In Deutschland sagt man manchmal: Was lange währt, wird endlich gut* (<https://www.bundeskanzlerin.de> 16.03.2018); *Wir werden das also **alles auf den Tisch legen**, aber wir nehmen die Worte der ostdeutschen Ministerpräsidenten sehr ernst* (<https://www.bundeskanzlerin.de> 18.04.2018); *Amerika hilft uns heute immer noch, aber **Schritt für Schritt** werden wir unse-*

ren Beitrag auch leisten müssen (<https://www.bundeskanzlerin.de> 27.04.2018).

Канцлер Германии часто прибегает к использованию аллюзий в эвфемистических целях, анализируя события, произошедшие после Второй мировой войны. А. Меркель, апеллируя к событию, вошедшему в историю под названием «der Kalte Krieg», вместо двух противостоящих друг другу на мировой политической арене организаций — стран Варшавского договора и НАТО — употребляет эвфемистическое словосочетание «zwei Blöcke», например: *Wir haben vor gut einem Vierteljahrhundert das Ende des Kalten Krieges und der Aufteilung der Welt in zwei Blöcke erlebt und damit zum ersten Mal die Chance, dass sich Multilateralismus und Kooperation wirklich entwickeln können* (<https://www.bundeskanzlerin.de> 24.01.2018).

В эвфемистических целях использует А. Меркель и слова с семантической неопределенностью. Не фокусируя свое внимание на тех конкретных результатах, которые были достигнуты в отведенное для принятия решения время, Федеральный канцлер Германии чаще всего дает неопределенный, общий ответ с ключевыми словосочетаниями неопределенной семантики: *alles getan, im Wesentlichen, im Großen und Ganzen, sehr viel*. Приведем несколько примеров: *Wir haben trotzdem in der Zwischenzeit immer **alles getan**, um handlungsfähig zu sein* (<https://www.bundeskanzlerin.de> 16.04.2018); *Deshalb mussten wir in unserem Gespräch auch nicht sehr viel Zeit mit unseren bilateralen Beziehungen verbringen, sondern haben uns **im Wesentlichen** mit der Vorbereitung des Europäischen Rates übermorgen und Freitag beschäftigt, und hier natürlich mit dem Thema, das Irland, aber auch Deutschland sehr in Beschlag nimmt, nämlich den Brexit-Verhandlungen* (<https://www.bundeskanzlerin.de> 20.03.2018).

Не менее эффективным средством эвфемизации в дискурсе А. Меркель является использование аббревиации. А. Меркель прибегает к аббревиации, когда говорит об организациях, чья деятельность вызывает неоднозначное отношение других стран. *Umso bedauerlicher war es, dass Russland jetzt im Zusammenhang mit den Vorkommnissen in Süd-Ghuta nicht dazu bereit war, dass der gemeinsame Mechanismus **der OPCW** aktiviert wird, sodass man die Herkunft von Chemiestoffen gemeinsam hätte nachweisen können* (<https://www.bundeskanzlerin.de> 12.04.2018).

В дискурсе А. Меркель зафиксировано применение цифровой аббревиации. Рассуждая о современном состоянии экономики Германии, А. Меркель умело манипулирует цифрой 4, соответствующей первой цифре

штрихкода Германии, которым маркируются все товары, произведенные в этой стране. Применение аббревиации позволяет не акцентировать внимание сторонних слушателей на том, что во время экономического кризиса Германия не только имеет стабильную промышленность, но и думает об улучшении экономической ситуации в стране. На фоне экономического кризиса в странах Европейского союза подобная номинация позволяет не вызывать негативную реакцию со стороны стран — партнеров по Европейскому союзу, находящихся в глубоком экономическом кризисе. *Wir wissen: Wenn wir das Wohlstandsversprechen für alle in der Zeit der Digitalisierung einlösen wollen — auch für unsere Menschen in Deutschland —, dann bedeutet das: Wir brauchen eine Soziale Marktwirtschaft 4.0, nicht nur eine Industrie 4.0* (<https://www.bundestkanzlerin.de> 24.01.2018).

Канцлер Германии часто прибегает к генерализации значений в эвфемистических целях. А. Меркель использует слова и словосочетания, которые обладают более широким значением. Подобная номинация людей с ограниченными возможностями и беженцев позволяет канцлеру избегать слов, вызывающих негативные ассоциации, таких как лексемы «behinderte Person» (инвалид) и «Flüchtlinge» (беженец). Например, в своих выступлениях, посвященных спортивной тематике, развитию спорта в стране, А. Меркель не употребляет слово «инвалиды» — оно замещается «людьми с ограниченными возможностями», которые сопоставляются с «людьми без ограниченных возможностей». *Viele Sportvereine bieten Sport für Menschen mit Behinderungen an — als Breitensport oder auch als Leistungssport. In welchem Maße die Medien den Leistungssport von Menschen mit Behinderungen aufgreifen, hat viel mit der Attraktivität und Leistungsfähigkeit der jeweiligen Sportart zu tun. Das gilt aber für den Leistungssport der Menschen ohne Behinderungen genauso* (<https://www.bundestkanzlerin.de> 8.03.2018). Как представляется, словосочетание «Параолимпийские игры» следует рассматривать как эвфемизм по отношению к словосочетанию «спортивные состязания для инвалидов». В современном обществе политически некорректно называть человека инвалидом, калекой, одноруким, слепым и т. д., что подтверждается соответствующими номинациями в дискурсе А. Меркель. По мнению политика, Параолимпийские игры являются положительным импульсом для оживления внутренних процессов в Германии: *Die paralympischen Spiele sind ein positiver Impuls für inklusive Prozesse in Deutschland* (<https://www.bundestkanzlerin.de> 8.03.2018).

Тема беженцев, по мнению А. Меркель, продолжает быть актуальной как в целом для всей Европы, так и для Германии в частности. В своих речах политик высшего эшелона власти старается избегать употребление слова «Flüchtlinge» с закрепившимися негативными ассоциациями и использует эвфемизмы — «**Geduldete**», «**Asylbewerber**» «**Betroffene**»: *Es gab zwei weitere Aspekte, die einer schnellen Entscheidung bedürfen. Dies betrifft vor allem den ersten dieser beiden Aspekte, nämlich die Frage: Was passiert mit **Geduldeten und Asylbewerbern** mit unklarer Bleibeperspektive, die sich aber dennoch wahrscheinlich länger in Deutschland aufhalten, wie können wir hier Sprachkurse und gegebenenfalls die Möglichkeit der Berufstätigkeit so zusammenbringen, dass wir für die **Betroffenen** doch etwas erreichen?* (<https://www.bundestkanzlerin.de> 1.02.2018).

Размышляя о разногласиях в решении национального вопроса, А. Меркель не употребляет номинаций «сторонники» и «противники». Прибегая к генерализации, канцлер Германии лишь намекает на сложную сложившуюся ситуацию, в которой царит «поляризирующая атмосфера», уходя от прямого конфликта: *Wir sehen, dass es **nationale Egoismen** gibt. Wir sehen, dass es **Populismus** gibt. Wir sehen, dass in vielen Staaten eine **polarisierende Atmosphäre** herrscht* (<https://www.bundestkanzlerin.de> 24.01.2018).

Поскольку в Германии публичное обсуждение зарплаты и сумм полученного вознаграждения табуированы, вследствие чего лексема «Geld» крайне редко используется в дискурсе официальных лиц страны, не вызывает удивления наличие эвфемистического словосочетания «**die finanziellen Mittel**» в дискурсе А. Меркель: *Hier geht es vor allen Dingen darum, dass wir **die finanziellen Mittel bereitstellen*** (<https://www.bundestkanzlerin.de> 01.02.2018).

Согласно проведенному анализу, в профессиональном дискурсе А. Меркель также установлены случаи употребления сравнений в эвфемистических целях. В дискурсе канцлера Германии не зафиксировано использование следующих средств эвфемизации: негативной префиксации, звуковой аналогии, редупликации, слов, обозначающих неполноту действия или слабую степень свойства, иноязычных слов, поляризации значений.

Как следует из приведенных данных, спектр средств эвфемизации профессионального дискурса Федерального канцлера Германии А. Меркель шире, чем у Президента России В. В. Путина.

Лингвоперсонологический подход к исследованию эвфемизации политического

дискурса позволил получить ранее неизвестные данные.

Несмотря на то, что А. Меркель — первая женщина в Германии, которая занимает такой высокий пост, зафиксирована феминность ее коммуникативного поведения в аспекте эвфемизации в рамках профессионального дискурса. Проведенный анализ показал, что, во-первых, коммуникативный арсенал средств эвфемизации А. Меркель вариативнее, чем у В. В. Путина — ведущего российского политика. Во-вторых, было установлено, что женщина-политик использует средства эвфемизации в своем профессиональном дискурсе, масштабнее актуализируя их функциональный потенциал.

Было выявлено и подтверждено, что Ангела Меркель — успешный и авторитетный политик не стремится соответствовать маскулинному типу политика, разрушая распространенное мнение о том, что женщины-политики вынужденно адаптируют маскулинное коммуникативное поведение для того, чтобы создать имидж успешного политика как у себя в стране, так и на политической арене мира.

Перспектива исследования заключается в установлении особенностей эвфемизации профессионального дискурса политиками России и Европы в зависимости от того, имеют ли они наследуемую или избираемую политическую власть при равных антропоцентрических параметрах.

ИСТОЧНИКИ

1. Президент России : офиц. сайт. URL: <http://kremlin.ru>. — Текст : электронный.
2. Die Bundeskanzlerin. URL: <https://www.bundeskanzlerin.de>. — Текст : electronic.

ЛИТЕРАТУРА

3. Арустамян Р. Проявление гендерных особенностей в политическом дискурсе // Политическая лингвистика. 2016. № 6 (60). С. 244—249.
4. Беседина Е. А., Буркова Т. В., Мичурин А. Н. Стратегия эвфемизации при формировании политического дискурса российского парламента в годы Первой мировой войны // Вопросы когнитивной лингвистики. 2019. № 2. С. 75—84.
5. Богданова Л. И. Новые слова в аспекте взаимодействия языков и культур // Вестник РУДН. Сер. «Лингвистика». 2015. № 2. С. 41—48.

V. A. Kameneva

Kemerovo State University, Kemerovo, Russia
ORCID ID: 0000-0001-8146-9721

L. I. Fedyanina

Kemerovo State University, Kemerovo, Russia
ORCID ID: —

✉ E-mail: russia_science@mail.ru; fedianina@inbox.ru.

6. Будаев Э. В. Гендерная специфика политической метафоры // Вопросы когнитивной лингвистики. — Тамбов, 2006. № 1. С. 88—92.

7. Буцык Е. Д. Конструирование гендерной идентичности в политическом дискурсе // Вестник МГИМО-университета. 2015. № 3 (42). С. 172—176.

8. Диасамидзе Л. Р. Гендерная идентичность в дискурсе политических блогов // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2009. Т. 44. № 10. С. 58—62.

9. Диасамидзе Л. Р. Гендерный аспект реализации речевых стратегий в российских и американских политических блогах // Политическая лингвистика. 2010. № 1 (31). С. 95—99.

10. Дудецкая А. Н. Гендерная специфика коммуникативного поведения немецких политических деятелей: на материале речевого жанра «интервью» : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Волгоград, 2009. 22 с.

11. Иванова Е. А., Корчевская М. А. Лингвистический прием эвфемии и его функции в массовых коммуникациях // Сибирский филологический журнал. 2011. № 1. С. 208—213.

12. Каменева В. А. Гендерное маркирование, или Элементы политической корректности в советской прессе 1937 года // Актуальные проблемы современного словообразования : материалы Междунар. науч. конф. (Кемерово, 1—3 июля 2009 г.) / под общ. ред. Л. А. Араевой. — Кемерово, 2009. С. 315—318.

13. Карандеева Л. Г., Кодюшева В. А. Гендерная специфика лексико-морфологических средств реализации речевой агрессии в немецком парламентском дискурсе // Инновации в науке. 2016. № 6 (55). С. 124—133.

14. Куницына Е. В. Гендерная маркированность политического дискурса: языковой и речевой аспекты : на материале предвыборных речей Х. Клинтон и Б. Обамы : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Ставрополь, 2011. 22 с.

15. Куралева Т. В., Кондрашова В. Н. Самопрезентация в предвыборном дискурсе: корпусное исследование (на материале предвыборных речей Б. Сандерса и Х. Клинтон) // Научный диалог. 2018. № 4. С. 100—112. DOI: 10.24224/2227-1295-2018-4-100-112.

16. Левонтина И. Б. Русский со словарем. — М. : Азбуковник, 2010. 368 с.

17. Рябова Т. Б. Гендерный дискурс как оружие политической борьбы // Женщина в российском обществе. 2003. № 1—2. С. 14—22.

18. Семенец А. И., Ройба Н. В. Гендерные стереотипы и политический дискурс // Студенческая наука XXI века : материалы X Междунар. студенч. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 30 июня 2016 г.) / редкол.: О. Н. Широков [и др.]. — Чебоксары : ЦНС «Интерактив плюс», 2016. С. 96—99. ISSN 2413-3825. DOI: 10.21661/r-111809.

19. Цыбина Н. А. Гендерный аспект политического дискурса // Вестник Челябинского государственного университета. 2019. № 1 (423). С. 145—150. (Филологические науки ; вып. 115).

20. Чудинов А. П. Дискурсивные характеристики политической коммуникации // Политическая лингвистика. 2012. Вып. 2 (40). С. 53—59.

21. Lakoff R. T. Language and woman's place: Text and commentaries / ed. by M. Bucholtz. — Oxford : Oxford Univ. Pr., 2004. P. 309.

Gender Aspect of Euphemization of Discourse of Politicians: V.V. Putin vs A. Merkel (a Linguopersonological Approach)

ABSTRACT. The article focuses on gender specificity of professional discourse of politicians from the point of view of linguopersonology. The question of interrelation between gender and specificity of euphemization of professional discourse

of political leaders is considered on the material of public speeches of V. V. Putin and A. Merkel. It has been found that in their speeches addressed to mass audience V. V. Putin and A. Merkel demonstrate a differentiated usage of euphemisms to complete professional communicative tasks. The article delimitates and compares socially significant spheres of euphemization of discourse of V. V. Putin (diplomatic sphere; state and military secrets; relations between various national and social groups, status of these groups; parliamentary and executive activity; ecological situation in the country; wages and salaries; provision of conditions and formation of a comfortable living environment for the citizens) and A. Merkel (diplomatic sphere; parliamentary and executive activity; economic situation in the country; economic situation in the EU and the world; relations between various national and social groups, status of these groups; terrorism; nuclear programs of North Korea and Iran and production of chemical weapons in Syria; military conflicts of previous years; wages and salaries). The study has revealed differences in the topics subject to euphemization of political discourse and the number of key sociopolitical themes of euphemization of professional discourse of a man and woman politician, due to which the discourse of A. Merkel is more euphemistic. The article argues that euphemisms in the discourse of a woman-politician actualize more functions than the means of euphemization in the political discourse of a man. Thus the study proves that the range of euphemisms in the discourse of a woman-politician is wider than the specter of euphemization means in the professional discourse of the representative of the opposite gender.

KEYWORDS: gender; political discourse; women politicians; Russian Presidents; politicians; euphemisms; functions of euphemisms; linguopersonology.

AUTHOR'S INFORMATION: Kameneva Veronika Aleksandrovna, Doctor of Philology, Professor of Department of Romance and Germanic Philology, Kemerovo State University, Kemerovo, Russia.

AUTHOR'S INFORMATION: Fedyanina Lyubov' Ivanovna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Romance and Germanic Philology, Kemerovo State University, Kemerovo, Russia.

FOR CITATION: Kameneva, V. A. Gender Aspect of Euphemization of Discourse of Politicians: V.V. Putin vs A. Merkel (a Linguopersonological Approach) / V. A. Kameneva, L. I. Fedyanina // Political Linguistics. — 2019. — No 6 (78). — P. 64-72. — DOI 10.26170/pl19-06-08.

ACKNOWLEDGMENTS. Research is accomplished with financial support of the Russian Foundation for Basic Research (RFBR) Project № 19-012-00522 “The Problem of Legitimization in Political Discourse: Linguopersonological Aspect”.

MATERIALS

1. President of Russia : official site. URL: <http://kremlin.ru>. — Text : electronic.
2. Die Bundeskanzlerin. URL: <https://www.bundeskanzlerin.de>. — Text : electronic.

REFERENCES

3. Arustamyan R. Manifestation of Gender Characteristics in Political Discourse // Political Linguistics. 2016. No. 6 (60). P. 244—249. [Proyavlenie gendernykh osobennostey v politicheskom diskurse // Politicheskaya lingvistika. 2016. № 6 (60). S. 244—249]. — (In Rus.)
4. Besedina E. A., Burkova T. V., Michurin A. N. Euphemization Strategy in the Formation of the Political Discourse of the Russian Parliament during the First World War // Issues of Cognitive Linguistics. 2019. No 2. P. 75—84. [Strategiya evfemizatsii pri formirovani politicheskogo diskursa rossiyskogo parlamenta v gody Pervoy mirovoy voyny // Voprosy kognitivnoy lingvistiki. 2019. № 2. S. 75—84]. — (In Rus.)
5. Bogdanova L. I. New Words in the Aspect of the Interaction of Languages and Cultures // Bulletin of the RUDN University. Ser. “Linguistics”. 2015. No. 2. P. 41—48. [Novye slova v aspekte vzaimodeystviya yazykov i kul'tur // Vestnik RUDN. Ser. «Lingvistika». 2015. № 2. S. 41—48]. — (In Rus.)
6. Budaev E. V. Gender Specificity of Political Metaphorics // Questions of Cognitive Linguistics. — Tambov, 2006. No. 1. P. 88—92. [Gendernaya spetsifika politicheskoy metaforiki // Voprosy kognitivnoy lingvistiki. — Tambov, 2006. № 1. S. 88—92]. — (In Rus.)
7. Butsyk E. D. Construction of Gender Identity in Political Discourse // Bulletin of MGIMO-University. 2015. No 3 (42). P. 176—172. [Konstruirovaniye gendernoy identichnosti v politicheskom diskurse // Vestnik MGIMO-universiteta. 2015. № 3 (42). S. 172—176]. — (In Rus.)
8. Diasamidze L. R. Gender Identity in the Discourse of Political Blogs // Bulletin of the Volgograd State Pedagogical University. 2009. Vol. 44. No. 10. P. 58—62. [Gendernaya identichnost' v diskurse politicheskikh blogov // Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2009. T. 44. № 10. S. 58—62]. — (In Rus.)
9. Diasamidze L. R. Gender Aspect of the Implementation of Speech Strategies in Russian and American Political Blogs //

Political Linguistics. 2010. No. 1 (31). P. 95—99. [Gendernyy aspekt realizatsii rechevykh strategiy v rossiyskikh i amerikanskikh politicheskikh blogakh // Politicheskaya lingvistika. 2010. № 1 (31). S. 95—99]. — (In Rus.)

10. Dudetskaya A. N. Gender Specificity of the Communicative Behavior of German Political Figures: Based on the Material of the Speech Genre “Interview” : synopsis of thesis ... of Cand. of Philol. Sciences. — Volgograd, 2009. 22 p. [Gendernaya spetsifika kommunikativnogo povedeniya nemetskikh politicheskikh deyateley: na materiale rechevogo zhanra «interv'yuu» : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. — Volgograd, 2009. 22 s.]. — (In Rus.)

11. Ivanova E. A., Korchevskaya M. A. Linguistic Reception of Euphemism and its Functions in Mass Communication // Siberian Journal of Philology. 2011. No 1. P. 208—213. [Lingvisticheskiy priem evfemii i ego funktsii v massovykh kommunikatsiyakh // Sibirskiy filologicheskii zhurnal. 2011. № 1. S. 208—213]. — (In Rus.)

12. Kameneva V. A. Gender Marking, or Elements of Political Correctness in the Soviet Press of 1937 // Actual Problems of Modern Word Formation: Proceedings of the Intern. Scientific Conf. (Kemerovo, July 1—3, 2009) / under the chief. ed. by L. A. Araeva. — Kemerovo, 2009. P. 315—318. [Gendernoe markirovaniye, ili Elementy politicheskoy korrektnosti v sovetskoy presse 1937 goda // Aktual'nye problemy sovremennogo slovoobrazovaniya : materialy Mezhdunar. nauch. konf. (Kemerovo, 1—3 iyulya 2009 g.) / pod obshch. red. L. A. Araevoy. — Kemerovo, 2009. S. 315—318]. — (In Rus.)

13. Karandeeva L. G., Kodyusheva V. A. Gender Specificity of Lexical and Morphological Means of Realizing Speech Aggression in German Parliamentary Discourse // Innovations in Science. 2016. No. 6 (55). P. 124—133. [Gendernaya spetsifika leksiko-morfologicheskikh sredstv realizatsii rechevoy agressii v nemetskom parlamentskom diskurse // Innovatsii v nauke. 2016. № 6 (55). S. 124—133]. — (In Rus.)

14. Kunitsyna E. V. Gender Marking of Political Discourse: Linguistic and Speech Aspects: Based on the Material of Pre-Election Speech by H. Clinton and B. Obama : synopsis of thesis ... of Cand. of Philol. Sciences. — Stavropol', 2011. 22 p. [Gendernaya markirovannost' politicheskogo diskursa: yazykovoy i rechevoy aspekty : na materiale predvybornykh rechey Kh. Klinton i B. Obamy : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. — Stavropol', 2011. 22 s.]. — (In Rus.)

15. Kuraleva T. V., Kondrashova V. N. Self-presentation in Pre-election Discourse: Case Study (based on pre-election speeches by B. Sanders and H. Clinton) // *Scientific Dialogue*. 2018. No. 4. P. 100-112. DOI: 10.24224 / 2227-1295-2018-4-100-112. [Samoprezentatsiya v predvybornom diskurse: korpusnoe issledovanie (na materiale predvybornykh rechey B. Sandersa i Kh. Klinton) // *Nauchnyy dialog*. 2018. № 4. S. 100—112. DOI: 10.24224/2227-1295-2018-4-100-112]. — (In Rus.)
16. Levontina I. B. Russian with a Dictionary. — Moscow : Azbukovnik, 2010. 368 p. [Russkiy so slovarem. — M. : Azbukovnik, 2010. 368 s.]. — (In Rus.)
17. Ryabova T. B. Gender Discourse as a Weapon of Political Struggle // *Woman in Russian Society*. 2003. No. 1—2. P. 14—22. [Gendernyy diskurs kak oruzhie politicheskoy bor'by // *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve*. 2003. № 1—2. S. 14—22]. — (In Rus.)
18. Semenets A. I., Royba N. V. Gender Stereotypes and Political Discourse // *Student Science of the XXI Century: Materials of the X Intern. student scientific-practical conf. (Cheboksary, June 30, 2016) / editorial: O. N. Shirokov [et al.]. — Cheboksary : Interactive Plus, 2016. P. 96—99. ISSN 2413-3825. DOI: 10.21661 / r-111809. [Gendernye stereotipy i politicheskiy diskurs // *Studencheskaya nauka XXI veka : materialy X Mezhdunar. studen. nauch.-prakt. konf. (Cheboksary, 30 iyunya 2016 g.) / redkol.: O. N. Shirokov [i dr.]. — Cheboksary : TsNS «Interaktiv plus», 2016. S. 96—99. ISSN 2413-3825. DOI: 10.21661/r-111809]. — (In Rus.)**
19. Tsybina N. A. Gender Aspect of Political Discourse // *Bulletin of the Chelyabinsk State University*. 2019. No 1 (423). P. 145—150. (Philology; issue 115). [Gendernyy aspekt politicheskogo diskursa // *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2019. № 1 (423). S. 145—150. (Filologicheskie nauki ; vyp. 115)]. — (In Rus.)
20. Chudinov A. P. Discursive Characteristics of Political Communication // *Political Linguistics*. 2012. Issue. 2 (40). P. 53—59. [Diskursivnye kharakteristiki politicheskoy kommunikatsii // *Politicheskaya lingvistika*. 2012. Vyp. 2 (40). S. 53—59]. — (In Rus.)
21. Lakoff R. T. *Language and woman's place: Text and commentaries* / ed. by M. Bucholtz. — Oxford : Oxford Univ. Pr., 2004. P. 309.

Н. Н. Коптяева

Институт философии и права Уральского отделения Российской академии наук, Екатеринбург, Россия

ORCID ID: 0000-0002-0930-9384 **E-mail:** nkozyaeva@inbox.ru.

Языковые и графические способы дискредитации Джереми Корбина в интернет-мемах

АННОТАЦИЯ. Благодаря сочетанию вербального и графического компонентов интернет-мемы обладают огромным воздействующим потенциалом и в связи с этим широко используются в политической коммуникации. Одним из инструментов воздействия на сознание реципиента является обращение к концептуальной метафоре. В данной статье на материале англоязычных интернет-мемов, размещенных в Сети в 2016—2019 гг., были проанализированы наиболее частотные метафорические модели, используемые для репрезентации британского лидера оппозиции Джереми Корбина. Основными образами, с которыми ассоциируется фигура Дж. Корбина, являются одиозные политические фигуры (в качестве сферы-источника выступают Сталин, Ленин, Гитлер и Мао Цзэдун), литературные персонажи, животные, образы клоуна, идиота, лжеца и преступника. К часто применяемым дискредитирующим приемам относятся обращение к прецедентным феноменам (например, аллюзия на политический скандал), употребление пейоративной лексики и использование метафорических моделей с негативной оценкой, при этом вербальные и графические средства либо дополняют друг друга, либо создают контраст для достижения комического эффекта (например, при сравнении политика с Суперменом). Описанные меммы не только отражают определенное политическое мнение англоязычного интернет-сообщества о Джереми Корбине, но также свидетельствуют об острой политической борьбе в Великобритании.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: интернет-мемы; стратегии дискредитации; политическая оппозиция; политический дискурс; прецедентные феномены; политические деятели; политические метафоры; политическая метафорология.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Коптяева Наталья Николаевна, старший преподаватель кафедры иностранных языков, младший научный сотрудник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук; ул. 620990, Россия, г. Екатеринбург, С. Ковалевской, 16; e-mail: nkozyaeva@inbox.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Коптяева, Н. Н. Языковые и графические способы дискредитации Джереми Корбина в интернет-мемах / Н. Н. Коптяева // Политическая лингвистика. — 2019. — № 6 (78). — С. 73-83. — DOI 10.26170/pl19-06-09.

Материалы были представлены в рамках Международной научной конференции по политической коммуникации «Лингвополитическая персонология: дискурсивный поворот» (проведена 29—30 ноября 2019 года на базе Уральского государственного педагогического университета).

Бурные события в современной политической жизни Великобритании вызвали оживленную дискуссию в СМИ и нашли свое отражение в различных медиатекстах, в том числе интернет-мемах. Термин «мем» был впервые предложен Р. Докинзом, который сравнивал механизм передачи информации с распространением генов в генофонде, выделяя ключевую особенность меммов — способность к репликации [Докинз 1993]. Интернет-мем представляет собой сложный интернет-знак, имеющий стандартизированную форму (картинка и сопроводительная надпись в квадратной рамке) [Канашина 2019]. С точки зрения лингвистики, интернет-мем рассматривается как полимодальный или креолизованный текст, который характеризуется интертекстуальностью, интерактивностью, гибридностью и шаблонностью [Там же]. Благодаря сочетанию вербального и графического компонентов интернет-мемы

обладают огромным воздействующим потенциалом и, соответственно, широко используются в политическом медиадискурсе.

Как и политическая карикатура, интернет-мемы обладают такими жанровыми признаками, как адресность, юмористическая направленность, лаконичность и завершенность, а также являются способом выражения политического мнения и индикатором политического рейтинга [Канашина 2019]. Появились многочисленные карикатуры и меммы, посвященные образам политиков, что вызвало большой исследовательский интерес. Репрезентациями образов политиков (в основном, лидеров государств) в политической графике занимались М. Б. Ворошилова (2013), Н. В. Гурова (2018), Е. А. Слободенюк (2015), Ю. В. Рогозинникова (2018), Е. В. Шустрова (2014) [Ворошилова 2013; Гурова 2018; Слободенюк 2015; Рогозинникова 2018; Шустрова 2014] и другие исследова-

дователи. Так как лидеры оппозиции интерпретируют авторов политических карикатур и интернет-мемов в меньшей степени, их медиаобразы в креолизованных текстах исследованы лишь в нескольких работах: С. А. Шомова (2019), A. S. Ross, D. J. Rivers (2017) [Шомова 2019; Ross, Rivers 2017] и др. В данной работе мы опишем вербальные и визуальные компоненты интернет-мемов, посвященных образу британского политика Джереми Корбина — лидера оппозиционной Лейбористской партии.

Материалом исследования послужили интернет-мемы, размещенные в Сети в 2016—2019 гг. Общий объем выборки составил 400 мемов. Методом исследования является анализ когнитивной метафоры, а именно визуальной метафоры. Методологической базой послужили методы, предложенные в работах по исследованию креолизованного текста М. Б. Ворошиловой и Е. В. Шустровой [Ворошилова 2013; Шустрова 2014].

Поскольку политический рейтинг Дж. Корбина растет, а правящая Консервативная партия, наоборот, теряет популярность в связи с неудачными политическими решениями по выходу Великобритании из ЕС, личности Корбина уделяется пристальное внимание со стороны СМИ. В 2016 г. были опубликованы результаты исследования по репрезентации политического портрета Дж. Корбина в Великобритании, проведенного Лондонской школой экономики (LSE) [Camtaerts 2016]. Согласно данным исследования, политик в британской прессе представлен однобоко и предвзято, а тон статей в целом варьируется от критического до антагонистического. В другом исследовании методом компонентного анализа нами было выявлено, что в отношении Дж. Корбина применяется стратегия дискредитации, которая реали-

зуется через репрезентацию политика как религиозного лидера и вождя [Коптяева 2019].

По мнению О. Н. Паршиной, стратегия дискредитации — агональная стратегия, направленная на снижение авторитета дискредитируемого объекта; ее целью является унижить его, опорочить, очернить в глазах избирателей [Паршина 2005]. Языковым воплощением данной стратегии является использование номинаций с резко отрицательной окраской, оценочных эпитетов с отрицательной коннотацией, ярлыков, инвектив, метафорических моделей с негативной оценкой и т. д. [Там же].

Обратимся к материалу интернет-мемов. Наиболее частотной метафорической моделью является **модель «Корбин — одиозная личность»**,

В качестве сферы-источника выступают образы следующих политических лидеров: Сталин, Ленин, Гитлер и Мао Цзэдун.

На рис. 1 Корбин изображен в форме советского офицера высшего ранга, в окружении красных знамен и советских трудящихся. Текст, сопровождающий иллюстрацию, сначала вводит нейтральную или даже положительную оценку («isn't as bad as»), тем не менее в реме этой конструкции стоит сравнение с неофашистскими (NF) и экстремистскими (BNP) партиями современной Великобритании, а также с EDL, известной своими шествиями и массовыми демонстрациями, что было присуще режиму бывшего СССР. Однако текст, выделенный крупным кеглем (*It's Worse*), несет однозначно негативную прагматику, поскольку в этой ситуации Лейбористская партия Корбина не просто уподобляется режимам, традиционно воспринимаемым Великобританией как враждебные, а подается как еще более радикальное, худшее из четырех зол (NF, BNP и EDL).

Рис. 1

Рис. 2

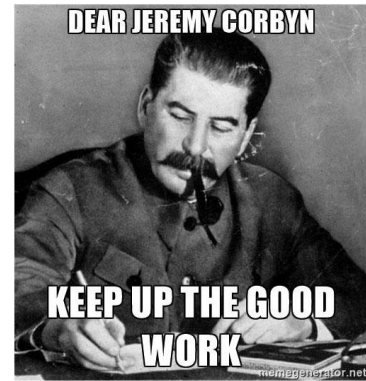

Рис. 3

Рис. 4

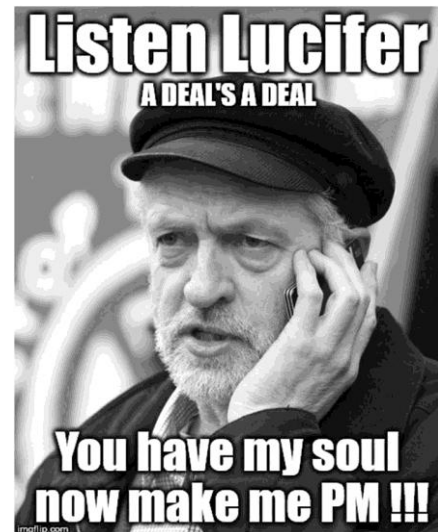

Рис. 5

На рис. 2 Корбин изображен на фоне герба бывшего Советского Союза и в мундире генералиссимуса, что сразу вводит отсылку к образу «вождя народов». При отсутствии внешнего сходства со Сталиным, по мнению автора мема, их роднит политическая позиция, занимаемая лидером лейбористов, исповедуемые принципы и непримиримость к противникам. Перед Корбиным находится микрофон, показывающий, что в его голосе звучит глас «вождя народов».

На рис. 3 Корбин лично не изображен, но используется прецедентное, хорошо узнаваемое изображение Сталина, якобы пишущего письмо Джереми Корбину с одобрением его работы и призывами продолжить начатое.

Рис. 4 относится к избирательной кампании и в вербальной части содержит скрытый призыв к избирателям не совершать роковую ошибку, придя на выборы и поддержав Корбина: «Дядюшка Иосиф голосует, а ты?» Дополнительными смыслами вносит активное присутствие красного цвета в оформлении избирательной урны и горшка с цветами, типичных для советской графики, но не типичных для английских традиций. В красный цвет окрашен и портрет Дж. Корбина,

на, размещенный в правом нижнем углу непосредственно на урне. При этом его головной убор в точности совпадает с фуражкой Сталина.

На рис. 5 Корбин изображен в одежде, сходной с одеждой, хорошо известной по изображениям советского вождя Ленина — мешковатое пальто и кепка Ильича. При этом он обращается к дьяволу, шантажируя самого князя тьмы и упрекая его в нечестности: *Сделка есть сделка...Ты забрал мою душу, теперь сделай меня премьер-министром*. Если внимательно посмотреть на первую фразу, выделенную особо крупным кеглем, попадающим на красный фон, то отсутствие запятой перед прямым обращением «Люцифер» создает двойные смыслы: 1) это может звучать и как отдельный призыв к Люциферу не только со стороны Корбина, но и со стороны граждан Великобритании, готовых обратиться даже к дьяволу; 2) одновременно это может восприниматься как призыв к самому Корбину со стороны граждан, которые уподобляют его Люциферу. Для привлечения внимания к фразе *Listen Lucifer* авторы мема прибегают также и к языковому приему аллитерации.

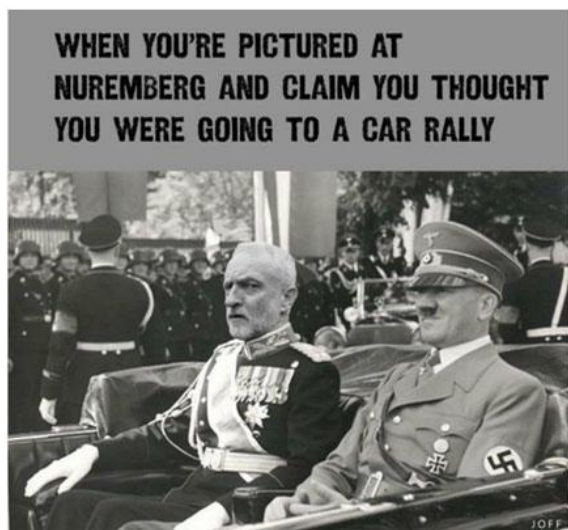

Рис. 6

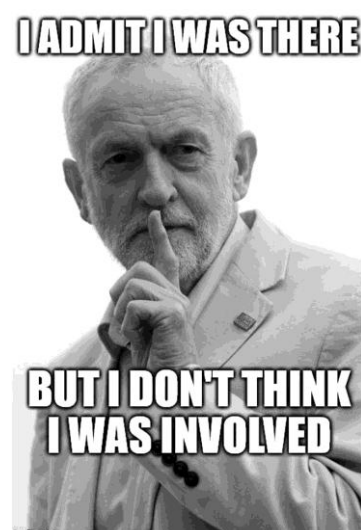

Рис. 7

Рис. 8

Рис. 9

Обратимся к рис. 6, на котором Дж. Корбин изображен в качестве принца-регента, сидящего в кабриолете с Адольфом Гитлером. При этом в вербальной части указан город Нюрнберг, печально известный партийными съездами и многотысячными маршами в поддержку нацистов перед началом Второй мировой войны. Надпись на рисунке намекает на заведомую ложь со стороны Корбина, который утверждает, будто вместо военного парада в обществе Гитлера собирався на ралли. Здесь мы видим отсылку к прецедентному феномену — скандалу, связанному с опубликованным фото Дж. Корбина, участвовавшего в возложении венка к могилам членов террористической палестинской организации «Черный сентябрь». Впоследствии Корбин объяснял, что присут-

ствовал на данном мероприятии, но не участвовал в нем (см. рис. 7), и при этом считал, что возлагает цветы к могилам палестинцев, пострадавших от авиаудара израильтян. Данные интернет-мемы параллельно вводят **модель «Корбин — лжец»**.

Еще одной одиозной личностью, с которой сравнивают Джереми Корбина в британских СМИ, является Мао Цзэдун. Это сравнение не случайно, поскольку политические издания приписывают Корбину стремление к узурпации власти и нетерпимость к инакомыслию. Интернет-мем, представленный на рис. 8, изображает политика в ореоле солнца на красном фоне. В правом нижнем углу мы видим толпу китайских товарищей, марширующих с цитатниками в руках и взиравших на Корбина с фанатичной преданностью.

Рис. 10

Следующая модель, присутствующая в интернет-мемах, — **модель «Корбин — клоун»**. На рис. 9 однозначно вводится образ клоуна: в вербальной части Корбин аттестуется как клоун № 1, а его партия — как сборище клоунов. Приведем словарную дефиницию лексемы «clown»: 1. *A comic entertainer, especially one in a circus, wearing a traditional costume and exaggerated make-up.* 2. *a playful, extrovert person.* 3. *A foolish or incompetent person.* 4. *archaic An unsophisticated country person; a rustic.* Обратим внимание на такие лексические компоненты, как «грубый» и «некомпетентный», которые явно работают на снижение авторитета политика.

Что касается рис. 10, вербальная его часть кажется нейтральной («*Чтобы понять Корбина, надо побывать в его шкуре*», буквально — «*в его туфлях*»), но в графической части изображены не туфли Корбина, а клоунские ботинки. Опираясь на словарные данные, мы можем заключить, что Дж. Корбин представлен как грубый, некомпетентный, несерьезный человек. Кроме того, с помощью сочетания графического компонента и начальной фразы *to understand socialism* высмеивается и сама идея социализма как глупая и несерьезная.

Обратимся к следующей модели — **«Корбин — это ребенок»**. Образ ребенка через семантику вербальных средств и графику, передающую детскость, инфантильность или карликовость, вводит метафору преуменьшения [Edwards 1995]. На рис. 11 представлен вариант широко известного мема «твое лицо, когда...», но юмористический эффект достигается за счет того, что вместо лица Корбина («*лицо, которое делает Корбин, когда...*») мы видим лицо разгневанного ребенка.

Изображение Корбина с надписью «*Absolute boy*» (рис. 12) содержит отсылку к одобрителю, но в то же время ироничному прозвищу политика, происхождение которого точно не установлено: либо по мотивам японского аниме-сериала «Absolute boy», либо по аналогии с «homeboy» (*земляк, братан*). Но в любом случае, как подчеркивает С. Бергман, имидж Корбина как добродушного человека средних лет, который является вегетарианцем, практически не употребляет алкоголь и катается на велосипеде вокруг Лондона, не соответствует тому стилю мачо, к которому относится данный термин [Bergman 2017]. Дополнительный иронический эффект достигается контрастом между графикой (изображение мужчины средних лет с сединой и бородой) и вербальной частью.

Рис. 11

Рис. 12

Рис. 13

Рис. 14

На рис. 13 Корбин изображен в детском карнавальном костюме динозавра с игрушечным поездом в руке, в вербальной части указано: *Никто не может поставить Джеззу в угол, кроме него самого*. Использование прецедентной фразы «to put baby in the corner» из фильма «Грязные танцы» дает дополнительный смысл: все жалобы сторонников Корбина на то, что его исключают из большой политики, неуместны. Это дело его собственных рук. И вряд ли можно серьезно воспринимать политика-динозавра, забавного монстра.

Изображение поезда намекает на прецедентную ситуацию — критику состояния железных дорог Дж. Корбиным и предложение их национализировать, что вызвало бурную дискуссию в СМИ. На рис. 14 Корбин в детском комбинезоне сидит на траве с игрушкой и произносит: *Я с Терезой (Мэй. — Н. К.) не разговариваю! Она вечно команду-*

ет, это нечестно! И если кто-то из вас будет с ней разговаривать, я с вами тоже не буду разговаривать! Использование образа ребенка в отношении политика подчеркивает его некомпетентность и неспособность занимать высокий пост (в данном случае — пост премьер-министра Великобритании).

Интернет-мемы на рис. 15 и 16 представляют модель «Корбин — животное». На рис. 15 Корбин вызывающе спрашивает: *Бросьте меня к волкам? Я вернусь вожаком стаи*. Данный мем намекает на раскол внутри Лейбористской партии и умение Джереми Корбина удерживаться у руля партии. И хотя вербальный компонент несет в целом положительные смыслы, графика изображает Корбина в одном ряду с хищниками и подчеркивает его агрессивность.

В другом интернет-меме (рис. 16) Корбин представлен сидящим в раздевалке в кос-

тюме цыпленка, а в левом верхнем углу обыгрывается аббревиатура JFC, частично совпадающая с инициалами политика и подражающая логотипу KFC (сети ресторанов, специализирующихся на жарке куриного мяса). Желтый цвет — символ трусости и предательства — подкрепляется вербальным компонентом *абсолютно бесхребетный цыпленок*.

Следующая модель, представленная разнообразными интернет-мемами, — это модель «**Корбин — литературный персонаж**». На рис. 17 лидер лейбористов изображен с длинным, как у Пиноккио, носом,

который, как известно, отрастал, когда он лгал. При этом в вербальной части вверху приводится цитата самого Корбина о недопустимости пропаганды антисемитизма в рядах партии, вводящая отсылку к прецедентной ситуации — скандалам, связанным с антисемитскими высказываниями, сделанными членами Лейбористской партии. А в нижней части приводится утверждение «Теперь все, что нам надо сделать, это заново дать определение антисемитизму», которое графически расположено так, как будто его автором тоже является Корбин.

Рис. 15

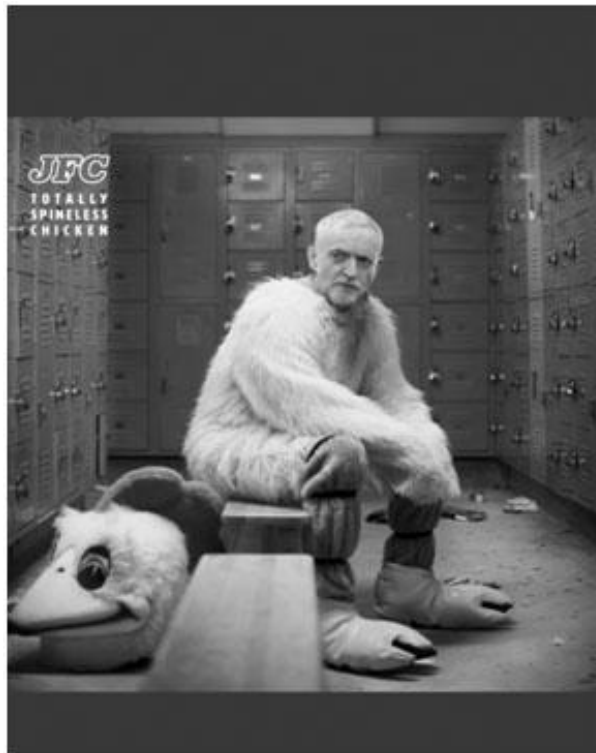

Рис. 16

Рис. 17

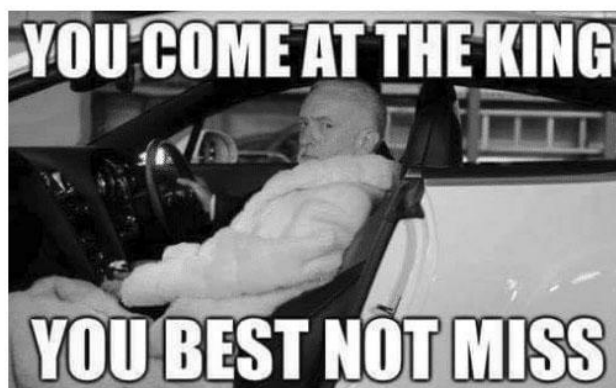
Рис. 18

Другой интернет-мем (рис. 18) вводит ссылку на прецедентный текст — басню Эзопа «Волк в овечьей шкуре»: Джереми Корбин в образе волка курит сигару и играет с ягненком (избирателем) в карты, явно шулерничая. Руки у Корбина женские, с хищными длинными ногтями, что намекает на двойной обман с его стороны. Текст внизу подкрепляет визуальную часть, а слово «danger» на красном фоне предостерегает избирателей от обмана. В верхнем правом углу еще одно предостережение — «социализм — это легализованное воровство». Таким образом, Джереми Корбин — не просто лжец, а опасный преступник.

Эту образную линию продолжает интернет-мем, изображающий Корбина в роскошном автомобиле (рис. 19). При этом политик одет в женскую шубу, что снова отсылает нас к образу «волка в овечьей шкуре». Над-

пись в верхней части рисунка *you come at the king, you best not miss* (собираешься грохнуть короля — лучше не промахивайся) вводит отсылку к прецедентному фильму «Прослушка», где эту фразу произносит преступник, промышляющий грабежом наркоторговцев.

Ряд интернет-мемов представляет Корбина в роли **супермена**. На рис. 20 мы видим политика в роли агента 007, при этом обыгрывается прецедентная фраза *меня зовут Бонд, Джеймс Бонд*. Надпись с хештегом «sexyjezza» и обнаженный торс супер-агента составляют контраст с головой Корбина, что создает комический эффект. Рисунок 21 представляет Корбина в роли Терминатора (*Корбинатора*), при этом в вербальной части содержится намек на досрочные выборы 8 июня 2017, которые могут стать Судным днем для Великобритании.

Good luck Chairman Corbyn

Рис. 19

The name's Corbyn, Jeremy Corbyn
#sexyjezza

Рис. 20

Рис. 21

Рис. 22

Рис. 23

Модель «Корбин — идиот», через которую реализуется метафора болезни, проиллюстрирована интернет-мемами на рис. 22—24. На первом рисунке политик изображен с искаженным лицом, неприятной гримасой и выступающим зубом. Откровенно идиотом он не назван, но вербальный компонент «болезнь, которая мешает людям думать» намекает на то, что он идиот и социализм в целом идиотизм.

На следующем рисунке изображена пара Тереза Мэй — Джереми Корбин на фоне символов Великобритании — Биг-Бена и Вестминстерского дворца, где проходят заседания Британского парламента. Вербальная часть вводит ссылку на прецедентный фильм «Тупой и еще тупее» и ассоциацию с прозвищем американских президентов Буша-старшего и Буша-младшего. Внизу содержится дополнение *both totally clueless* (оба полные невежды). Словарная дефиниция слова *clueless* дает лексические значения: *having no knowledge, understanding, or*

ability (не обладающий знанием, пониманием или способностью) [Oxford dictionary]. Сочетание графического и вербального компонента передает следующий смысл: оба политика не способны управлять страной.

В качестве еще одного примера, иллюстрирующего данную модель, приведем рисунок 24, на котором Корбин представлен в узнаваемом образе Горбачева. Красный фон символизирует советскую эпоху, коммунизм, агрессию. В правом верхнем углу с помощью языковой игры и графического выделения букв в надписи «Corby-chev» обыгрывается прозвище Горбачева в западных СМИ — Горби, и таким образом имя Джереми Корбина сливается с его фамилией. В левом верхнем углу приводится искаженный лозунг лейбористов «Для многих, а не некоторых», где последнее слово заменено на «евреев», напоминая о скандале, связанном с обвинениями в антисемитизме. Фраза *полезный идиот Кремля* принадлежит Борису Джонсону, обвинявшему Корбина в связях с Москвой.

Рис. 24

Таким образом, анализ применяемых в интернет-мемах языковых и визуальных средств, а также наиболее частотных моделей, показал, что 1) среди используемых лексических единиц присутствует пейоративная лексика; 2) с помощью метафор, графических приемов, отсылки к прецедентным феноменам создается образ Корбина как одиозной личности, опасного преступника, клоуна, идиота, труса и лжеца. При этом для реализации стратегии дискредитации британские СМИ используют огромный воздействующий эффект сочетания вербальной и визуальной информации в интернет-мемах. Популярность мемов, посвященных лидеру Лейбористской партии, позволяет сделать вывод о пристальном внимании англоязычного интернет-сообщества к фигуре Джереми Корбина и свидетельствует об острой политической борьбе в Великобритании.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ворошилова М. Б. Политический креолизованный текст: ключи к прочтению / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2013. 194 с.
2. Гурова Н. В. Политические мемы как идеологическое оружие Испании // Учимся понимать Россию: политическая и массмедийная коммуникация : материалы Междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 10—14 окт. 2018 г.) / отв. ред. А. П. Чудинов ; Урал. пед. гос. ун-т. — Екатеринбург, 2018. С. 82—85.
3. Докинз Р. Эгоистичный ген. — М. : Мир, 1993. 318 с.
4. Канашина С. В. Интернет-мем как медиатекст // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2019. Т. 19, вып. 1. С. 107—112.

5. Коптяева Н. Н. Британские СМИ о культе Джереми Корбина: реализация стратегии дискредитации // Политическая лингвистика. 2019. № 2 (74). С. 62—66.
6. Паршина О. Н. Стратегии и тактики речевого поведения современной политической элиты России : автореф. ... д-ра филол. наук. — Саратов, 2005. 48 с.
7. Рогозинникова Ю. В. Образы президентов России и США в политической карикатуре // Политическая лингвистика. 2018. № 2 (68). С. 87—100.
8. Слободенюк Е. А. Особенности сочетания визуального и вербального в создании образа современного немецкого политика в британском медиадискурсе (на примере Ангелы Меркель) // Политическая лингвистика. 2015. № 2. С. 113—121.
9. Шомова С. А. Развлекать и властвовать: образы российской власти и оппозиции в интернет-мемах // Вестник Московского университета. Сер. 10: Журналистика. 2019. № 3. С. 23—43.
10. Шустрова Е. В. Барак Обама и современная американская карикатура / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2014. 370 с.
11. Bergman S. Calling Jeremy Corbyn the 'absolute boy' isn't funny, it's a reminder of how little he understands women's issues. 2017. 1 July. URL: <https://www.independent.co.uk/voices/jeremy-corbyn-absolute-boy-meme-sexism-womens-rights-labour-party-a7818431.html> (date of access: 20.09.2019).
12. Cammaerts B., DeCillia B. Journalistic representations of Jeremy Corbyn in the British Press: From watchdog to attackdog. LSE. URL: <http://www.lse.ac.uk/mediaand-communications/research/research-projects/representations-of-jeremy-corbyn> (date of access: 24.10.2019).
13. Edwards J. L. Wee George and the seven dwarfs: Caricature and metaphor in campaign '88 cartoons // INKS. Cartoon and Comic Art Studies. 1995. Vol. 2. № 2.
14. Ross A. S., Rivers D. J. Digital cultures of political participation: Internet memes and the discursive delegitimization of the 2016 U.S. Presidential candidates // Discourse, Context & Media. 2017. No 16. P.1—11.
15. Oxford English Dictionary. URL: <https://www.oed.com> (date of access: 20.09.2019).

N. N. Koptyaeva

Institute of Philosophy and Law, Urals Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia

ORCID ID: 0000-0002-0930-9384

 E-mail: nkoptyaeva@inbox.ru.

Linguistic and Graphic Means of Discrediting Jeremy Corbyn in Internet Memes

ABSTRACT. Due to the combination of verbal and graphic components, Internet memes possess a powerful manipulative potential and are widely used in political communication. Conceptual metaphor is one of the tools for manipulating the conscience of the audience. This article discusses linguistic and graphic means of discrediting British opposition leader Jeremy Corbyn on the basis of Internet memes in the British media and analyzes the most frequent metaphoric models used for the representation of the politician. The main images with which the figure of J. Corbyn is associated are notorious images of dictators (Stalin, Lenin, Hitler and Mao Zedong), literary characters, animals, images of a clown, an idiot, a liar and a criminal. One of the commonly used discrediting devices is the reference to precedent phenomena (for example, allusion to a political scandal) and the use of pejorative vocabulary and metaphorical models with negative evaluation. It is shown that verbal and graphic means either complement or contradict each other, or are contrasted to achieve a comic effect (for example, by comparing the politician with Superman). The memes under description do not only reflect a certain political opinion of the English-speaking Internet community about Jeremy Corbyn but also indicate acute political struggle in the UK.

KEYWORDS: Internet memes; discreditation strategies; political opposition; political discourse; precedent phenomena; politicians; political metaphors; political metaphorology.

AUTHOR'S INFORMATION: Koptyaeva Natal'ya Nikolaevna, Senior Lecturer of Department of Foreign Languages, Researcher of the Institute of Philosophy and Law, Urals Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia.

FOR CITATION: Koptyaeva, N. N. Linguistic and Graphic Means of Discrediting Jeremy Corbyn in Internet Memes / N. N. Koptyaeva // Political Linguistics. — 2019. — No 6 (78). — P. 73-83. — DOI 10.26170/pl19-06-09.

REFERENCES

1. Voroshilova M. B. Political creolized text: keys to reading: monograph / M. B. Voroshilova; Ural state pedagogical university. — Ekaterinburg, 2013. 194 p. [Politicheskiiy kreolizovannyiy tekst: klyuchi k prochteniyu. — Ekaterinburg: UrGPU, 2013. 194 s.] — (In Rus.)
2. Gurova N. V. Political meme as an ideological weapon in Spain // Learning to understand Russia: political and mass media communication // Proceedings for the International scientific conference (Ekaterinburg, 2018, October 10—14) P. 82—85. [Politicheskie memyi kak ideologicheskoe oruzhie Ispanii // Uchimsya ponimat Rossiyu: politicheskaya i massmediynaya kommunikatsiya: materialyi Mezhdunar. nauch. konf. (Ekaterinburg, 10-14 okt. 2018 g.) . — Ekaterinburg, 2018. S. 82—85]. — (In Rus.)
3. Dawkins R. The selfish gene. — Moscow : Mir, 1993. 318 s. [Egoistichnyiy gen. — M.: Mir, 1993. 318 s.] — (In Rus.)
4. Kanashina S. V. Internet meme as a media text // Izv. of Saratov university. New series. Philology. Journalism. 2019. V. 19 (1). P. 107—112. [Internet-mem kak mediatekst // Izv. Sarat. unta. Nov. ser. Ser. Filologiya. Zhurnalistika. 2019. T. 19 (1). S. 107—112]. — (In Rus.)
5. Koptyaeva N. N. British mass media on the cult of Jeremy Corbyn: realization of discreditation strategy // Political Linguistics. 2019. No 2 (74). P. 62—66. [Britanskie SMI o kulte Dzhheremi Korbina: realizatsiya strategii diskreditatsii // Politicheskaya lingvistika. 2019. № 2 (74). S. 62—66]. — (In Rus.)
6. Parshina O. N. Strategies and tactics of speech behaviour of modern political Russian elite. Doctor's thesis in philology. — Saratov, 2005. 48 p. [Strategii i taktiki rechevogo povedeniya sovremennoy politicheskoy elityi Rossii : Avtoref. ...d-ra filol. nauk. Saratov, 2005. 48 s.] — (In Rus.)
7. Rogozinnikova Yu. V. The images of the presidents of Russia and the Unites States in a political cartoon // Political Linguistics. 2018. No 2 (68). P. 87—100. [Obrazyi prezidentov Rossii i SShA v politicheskoy karikature // Politicheskaya lingvistika. 2018. № 2 (68). S. 87—100]. — (In Rus.)
8. Slobodenyuk E. A. Peculiarities of combination of visual and verbal elements creating the image of a modern German politician in British media discourse (by the example of Angela Merkel) // Political Linguistics. 2015. No 2 (52). P.113—121. [Osobennosti sochetaniya vizual'nogo i verbal'nogo v sozdaniy obraza sovremennogo nemeckogo politika v britanskom media-diskurse (na primere Angely Merkel) // Politicheskaya lingvistika, 2015. № 2. S. 113—121]. — (In Rus.)
9. Shomova S. A. To entertain and dominate: images of Russian power and opposition in Internet memes // Proceedings of Moscow University. Series 10: Journalism. 2019. No 3. P. 23—43. [Razvlekat' i vlastvovat': obrazy rossijskoj vlasti i oppozitsii v Internet-memah // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10: Zhurnalistika. 2019. № 3. S. 23—43]. — (In Rus.)
10. Shustrova E. V. Barack Obama and the modern American cartoon: monograph / Ural. State Ped. Univ. — Ekaterinburg, 2014. 370 p. [Barak Obama i sovremennaya amerikanskaya karikatura. — Ekaterinburg: UrGPU, 2014. 370 s.] — (In Rus.)
11. Bergman S. Calling Jeremy Corbyn the 'absolute boy' isn't funny, it's a reminder of how little he understands women's issues. 2017. 1 July. URL: <https://www.independent.co.uk/voices/jeremy-corbyn-absolute-boy-meme-sexism-womens-rights-labo-ur-party-a7818431.html> (date of access: 24.10.2019).
12. Cammaerts B., DeCillia B. Journalistic representations of Jeremy Corbyn in the British Press: From watchdog to attackdog. LSE. URL: <http://www.lse.ac.uk/mediaand-communications/research/research-projects/representationsof-jeremy-corbyn> (date of access: 24.10.2019).
13. Edwards J. L. Wee George and the seven dwarfs: Caricature and metaphor in campaign '88 cartoons // INKS. Cartoon and Comic Art Studies. 1995. Vol. 2. No 2.
14. Ross A. S., Rivers D. J. Digital cultures of political participation: Internet memes and the discursive delegitimization of the 2016 U.S Presidential candidates // Discourse, Context & Media. 2017. 16. P. 1—11.
15. Oxford English Dictionary. URL: <https://www.oed.com> (date of access: 24.10.2019).

Н. М. Мухарьямов

Казанский государственный энергетический университет, Казань, Россия
ORCID ID: — ☒

О. Б. Януш

Казанский государственный энергетический университет, Казань, Россия
ORCID ID: — ☒

Г. З. Шакурова

Казанский государственный энергетический университет, Казань, Россия
ORCID ID: — ☒

☒ **E-mail:** n.mukharyamov@yandex.ru; yanush_ob@yahoo.com; lady.rahimullina2010@yandex.ru.

О дискурсивных подходах к исследованию языковой политики

АННОТАЦИЯ. В статье отмечается, что дискурсивные подходы являются новейшей, четвертой стадией в аналитическом освоении языковой политики после осмысления языкового планирования, критического сдвига в социальных науках и усиления внимания к идеологическим структурам. Дискурсивные подходы к языковой политике выступают приемами и процедурами, которые могут играть полезную роль для понимания процессов в сфере политико-языковых отношений различных уровней. С одной стороны, можно говорить о дискурсах как объекте языковой политики, с другой — языковая политика анализируется как дискурсивный феномен, процесс или деятельность. Дискурсивные подходы способствуют фиксации множественности форм участия субъектов в языковой политике, выяснению их специфической роли во взаимодействии со структурами и институтами; позволяют видеть степень актуализации и нормативной закреплённости представлений относительно языка и политики, степень институциональных качеств самого дискурсивного пространства вокруг политико-языковых процессов и отношений, степень институциональной обособленности самой языковой политики. Авторы применяют дискурсивные аспекты к практике российской языковой политики и приходят к выводу о фрагментарной представленности понятия «языковая политика» в различных сегментах дискурсивного пространства: академическом и публично-информационном. С помощью самостоятельных запросов в информационно-аналитической системе «Медиалогия» предпринят количественный контент-анализ упоминаемости «языковой политики» в медийном пространстве федерального и регионального уровней. Дискурсивные подходы к языковой политике содержат потенциал расширения научных знаний и возможности конструирования властно-управленческих предпосылок языкового регулирования, участия общественных сил и интеллектуальных кругов в обсуждении и принятии решений в данной сфере.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: дискурсивное пространство; языковая политика; политический дискурс; политико-языковые отношения; официально-документальный дискурс; академический дискурс; фреймы; языковые идеологии.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Мухарьямов Наиль Мидхатович, доктор политических наук, профессор, профессор кафедры социологии, политологии и права, Казанский государственный энергетический университет; 420066, Россия, г. Казань, ул. Красносельская, 51, Д-714а; e-mail: n.mukharyamov@yandex.ru.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Януш Ольга Борисовна, кандидат политических наук, доцент кафедры социологии, политологии и права, Казанский государственный энергетический университет; 420066, Россия, г. Казань, ул. Красносельская, 51, Д-714а; e-mail: yanush_ob@yahoo.com.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Шакурова Гульназ Зиннатулловна, аспирант и старший преподаватель кафедры социологии, политологии и права, Казанский государственный энергетический университет; 420066, Россия, г. Казань, ул. Красносельская, 51, Д-714а; e-mail: lady.rahimullina2010@yandex.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Мухарьямов, Н. М. О дискурсивных подходах к исследованию языковой политики / Н. М. Мухарьямов, О. Б. Януш, Г. З. Шакурова // Политическая лингвистика. — 2019. — № 6 (78). — С. 84-94. — DOI 10.26170/pl19-06-10.

БЛАГОДАРНОСТИ. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ в рамках научного проекта №19-011-31465 «Региональная языковая политика в дискурсивных измерениях».

В тематических структурах исследовательского поля, образующегося вокруг языковой политики, все более заметным становится усиливающееся внимание к дискурсивным измерениям. В англоязычной научной литературе встречаются оценки, согласно которым дискурсивные подходы здесь знаменуют наступление новейшей — четвертой стадии в аналитическом освоении

этой области. Начальные фазисы освоения этой предметной области были отмечены аналитическими приоритетами — задачами осмысления «языкового планирования» по преимуществу в постколониальных контекстах. Политико-идеологические и социально-политические аспекты при этом особой самостоятельной значимости не приобретали (1960-й — начало 1980-х гг.). Последую-

© Мухарьямов Н. М., Януш О. Б., Шакурова Г. З., 2019

щая — условно говоря, вторая — стадия в западной литературе по теме языковой политики (1990-е гг.) отмечена влиянием так называемого критического сдвига в социальных науках. В проблематику языковых отношений стали вовлекаться контексты, в которых существенная роль отводится вопросам власти и доминирования, неравенства, социальных иерархий на основе группового использования языка. Третий этап в историко-научном анализе данной субдисциплинарной области (2000-е гг.) характеризуется усилением внимания к идеологическим и дискурсивным структурам (на макро- и микроуровнях) во взаимодействии с процессом языкового планирования и языковой политики. Одной из наиболее заметных особенностей исследовательских разработок становится акцент на те аспекты предмета, которые связаны с субъектным измерением (с разнообразием агентов, или акторов) языковой политики. Четвертая «волна», согласно рассматриваемой стадийности, отличается углубленным анализом дискурсивных сторон — сдвигами в самих дефинициях «языковой политики» и в теоретических рамках исследований, разработкой дискурс-аналитических методологий [Barakos 2016].

Дискурсивные подходы к языковой политике, шире — к управлению культурно-языковым разнообразием, что следует признать ради объективности, не занимают главенствующего положения ни в зарубежной, ни тем более в отечественной научной литературе по данным предметам. Вместе с тем эти аналитические ракурсы в качестве дополнительных приемов и процедур могут играть полезную вспомогательную роль для понимания реальных процессов, происходящих в сфере политико-языковых отношений в различных трансграничных, национальных, региональных и местных условиях.

В рассматриваемом тематическом комплексе хорошо заметны разноплановые логические и содержательные векторы, когда с одной стороны языковая политика, с другой — дискурсивные структуры и процессы попеременно меняются позициями в объектно-субъектных взаимоотношениях.

Под одним углом зрения дискурсы выглядят как одна из конкретных функций властно-управленческого воздействия на языковое употребление, как целевая установка на конструирование (поддержание, закрепление) того или иного продукта такого воздействия. Эту линию анализа можно условно назвать «Дискурсы как объект языковой политики», или область ее применения. Под другим — собственно языковая политика анализируется как дискурсивный феномен,

как дискурсивный процесс или деятельность, связанная с производством политикообразующих смыслов и их претворением в виде целенаправленного, рационально обоснованного курса. В данном случае предмет исследования можно — также условно — определить следующим образом: «Дискурс как атрибут языковой политики», или как одну из ее сущностных характеристик.

Примером, показывающим перспективу первого из названных ракурсов, служит категория «планирование дискурса», которая не так уж часто, но используется в контекстах языковой политики. Если традиционно устоявшаяся в зарубежной литературе категория «планирование статуса» языка относится, как пишет Ф. Хальт, к функциональному положению конкретного языка по отношению к другим языкам в определенной социальной среде, планирование дискурса относится к дискурсивному конструированию особого режима, например, при помощи способов репрезентации языка и многоязычия в публичном дискурсе или при обозначении языковых проблем [Hult 2010]. В определенном плане это видение совпадает с анализом *интерлингвальных* (взаимодействие разных языков в пределах одного и того же социума) и *интралингвальных* (внутренняя дифференциация «этнического языка, обслуживающего данный социум») координат при рассмотрении языковых ситуаций с точки зрения социолингвистики [Нещименко 2010].

В схожем ключе, например, выполнено исследование Д. Ю. Гулинова, посвященное дискурсивным аспектам языковой политики на примере Франции. Наряду с вертикальной осью применительно к теоретической модели языкового регулирования (взаимодействие государственных и общественных институтов) здесь предложена к рассмотрению также горизонтальная ось — «различные типы дискурсов в их жанровой конкретизации, в которых специфически проявляется языковая политика». Во Франции, как пишет автор, этот курс включает меры в области продвижения французской лексики в спортивном и компьютерном типах дискурса, требований к использованию заимствований в рекламных и медийных дискурсах, в актуализации вопросов языкового регулирования (политический дискурс и др.). Если с формальной точки зрения дискурс — это образование выше уровня предложения, то ситуативная интерпретация, как показано, строится на рассмотрении социально-культурных и психологических факторов общения. «Учет ситуативного аспекта дискурса чрезвычайно важен при планировании языковой политики государства, т. к. он спосо-

бен пролить свет на причины и обстоятельства изменений, происходящих в языке, что, в свою очередь, может повлечь корректировку курса языковой политики» [Гулинов 2015].

Таким образом, первая из названных аналитических стратегий заключается в уяснении политико-регулятивного оперирования конкретными разновидностями дискурсов, понимаемых как модифицируемые так или иначе объекты.

Вторая исследовательская перспектива ориентирована на выявление дискурсивных свойств и политических функций воздействия на языковую жизнь общества. Иными словами, языковую политику можно понимать как дискурсивный процесс [Johnson 2004]. Перечень таких функций обширен и включает многоплановые действия — от идентификации проблем политико-языкового плана, формулирования и экспертизы требуемых решений, определения политического курса до осуществления политики в области языковых процессов и отношений, оценки и корректировки деятельности уполномоченных официальных инстанций. На всех стадиях проектирования и имплементации в этой — языковой, коммуникативной — отрасли публичной политики присутствуют моменты артикуляции интересов самых разноплановых групп и институтов (субъектов, акторов, всех действующих лиц), моменты дискуссионности, многоканальной циркуляции значимых политических смыслов. Профессиональный научный анализ любых предметов так или иначе — специально или в подразумеваемом духе — вовлекает проблематику и приемы дискурсивного анализа.

В интересах последующего изложения уместно было бы остановиться на некоторых эвристических возможностях дискурсивных подходов к языковой политике как таковой. Дополнительный познавательный потенциал, оказывающийся в распоряжении исследователя, раскрывается в научной литературе по нескольким принципиальным позициям.

Первое. Обращаясь к темам языковой политики и не втягиваясь в разбор многочисленных дефиниций, в настоящем изложении уместно отталкиваться от общего (и релевантного для интересов социально-политического анализа) понимания дискурса. Это «целостный комплекс человеческой деятельности, взятый в ее смысловой значимости, а также семиотическая система, позволяющая создавать и понимать подобные комплексы. ...такой эпизод действительности, который обладает временной протяженностью и представляет собой сис-

тему, на основе логической организации смыслов и использования социальных норм (знаков и кодов) и предполагающую содержательную интерпретацию» [Ильин 2007]. Сама природа дискурсивного и, следовательно, используемые при анализе методологические принципы связаны с выяснением ситуативной обстановки (внешнего по отношению к тексту окружения) коммуникативного события. Дискурс как таковой по существу аксиоматически — независимо от особенностей теоретических или концептуальных трактовок — понимается через речевое действие, взятое в единстве с коммуникативными контекстами, через формулу «текст в контексте». Отсюда — происходящая в политико-языковой подсистеме отношений динамика, вызывающая контекстуализацию, деконтекстуализацию, реконтекстуализацию. Акты, нормативные установления, декларируемые принципы могут восприниматься и интерпретироваться по-новому, в зависимости от меняющихся обстоятельств как временного, так и пространственного плана.

Второе. Дискурс как действие, как использование языка предполагает момент активного и целенаправленного участия разнородных акторов, вовлеченных (применительно к нашему предмету) в политико-языковые отношения. Следовательно, системообразующая роль принадлежит прагматическим функциям и самого дискурса, и прагматическим приемам анализа коммуникативных актов, событий и процессов. Как отмечается в англоязычной научной литературе по языковой политике, исследовательские перспективы в этой области во многом связаны с релевантным разрешением принципиальной философско-социологической дихотомии. Это — спор между, с одной стороны, объективизмом (или научным реализмом), ставящим акцент на социальных структурах и институтах, и, с другой стороны, субъективизмом (или социальным конструктивизмом). Последний отдает приоритет агентивности (agency) — действиям социальных акторов, или агентов в широком смысле, а не только в привычном «ведомственном» толковании. Поляризация по линии «структуры — агенты» в исследованиях языковой политики, согласно этой науковедческой рефлексии, приходит во взаимное наложение с дихотомией «макро — микро» анализа. Этот «парадокс агентивности», как предполагается, может быть разрешен через признание их обоюдно направленного конструирующего влияния, что — в том числе — устанавливается и исследуется в дисциплинах, занятых дискурсивно-языковыми вопросами [Perez-Milans 2018]. Дискурсив-

ные подходы в рассматриваемой области, таким образом, способствуют не только фиксации множественности форм участия субъектов в языковой политике, но и выяснению их специфической роли во взаимодействии со структурами и институтами.

Третье. Одна из кардинальных инициатив, выдвинутых в данной (суб)дисциплинарной отрасли знания, состоит в сочетании этнографических подходов, с одной стороны, и дискурсивных подходов — с другой. Первое подразумевает изучение культурных (языковых — в том числе) феноменов изнутри, или, как иногда разъясняют, «глазами инсайдеров». Вторые ориентированы на понимание языковой политики как «дискурсивной по своей сути» практики [Johnson 2013]. Это позволяет выделить важное предназначение научных разработок в рассматриваемом здесь плане — сделать «*имплицитное эксплицитным*». Говоря по-другому, в плоскость развернутого и аргументированного изложения предлагается перевести то, что прежде располагалось на поверхности и предлагалось принимать на веру, а именно — «имплицитные взаимоотношения между дискурсом, властью и идеологией» [Wodak 2018].

Четвертое. Дискурсивно-аналитические приемы в данной области позволяют оценивать какие-то смысловые конструкты как обладающие статусом *фреймов*, или «организующих принципов» для выявления значений, определения проблем, интерпретации, оценочных суждений. Концептуальные фреймы, согласно трактовке Дж. Лаккофа, образуют «семантические поля». Это становится базисом для обобщающего понимания групп родственных понятий как целого, которое включает определенные части [Lakoff 2008]. Нестрогую, но весьма пригодную для использования неспециалистами дефиницию фреймов приводит В. З. Демьянков — скелет для описания произвольного единичного случая: «Начиная интерпретировать текст, мы активизируем определенную контурную схему, в которой многие позиции („слоты“) еще не заняты» [Демьянков 1996].

Далее, в области языковой политики, как показывают исследователи, фреймы и их составные элементы — темы — выполняют роль, связанную с репрезентацией (социально разделяемые формы знания о языках, этничности, национальностях), а также с легитимацией и делегитимацией соответствующих решений и действий и артикулируются в виде составных элементов политического процесса [Gao 2018].

Пятое. Рассматриваемые аналитические подходы позволяют выявлять имеющиеся

способы взаимодействия между разными дискурсивными образованиями, относящимися к области языковой политики. Это интердискурсивные связи, которые охватывают спектр качественно самостоятельных смысловых комплексов деятельности разнообразных субъектов. «Дискурсы варьируются сквозь контексты языкового планирования и языковой политики», — пишет по этому поводу один из инициаторов использования данных подходов Д. Джосон [Johnson 2004]. При этом интердискурсивные связи устанавливаются между смысловыми конструкциями прошлого и настоящего; между макро-, мезо- и микродискурсивными образованиями; между общенациональными («социетальными», по терминологии автора) и локальными уровнями; между доминирующими и маргинальными идеологическими комплексами, их формальными и неформальными вариантами и проч. К этому можно добавить еще один горизонт — соотношение между «секторальными» дискурсами: законодательным, исполнительно-распорядительным, академическим и экспертным, массмедийным, образовательным, «символьно-элитным» (творческая интеллигенция), активистским (представляющим участников из гражданского, «третьего» сектора), сетевым и множеством других форм политико-коммуникативной активности. На этой основе можно оценивать различные состояния — интегрированные и фрагментарные — всей публично-информационной среды языковой политики.

Наконец, все названные моменты, взятые в совокупности, дают основания для того, чтобы устанавливать степень актуализации и нормативной закреплённости представлений относительно языка и политики, степень институциональных качеств самого дискурсивного пространства вокруг политико-языковых процессов и отношений, степень институциональной обособленности самой языковой политики.

Применив означенные выше дискурсивные аспекты к практике российской языковой политики, а также к присутствию этой темы в академическом и публично-информационном пространстве, можно сделать ряд наблюдений.

Прежде всего само понятие «языковая политика» представлено в различных сегментах дискурсивного пространства в несколько фрагментарном виде. Общественное внимание к соответствующей проблематике в последние годы заметным образом усиливается. Свет увидели весьма и весьма капитальные труды, коллективные монографии и справочно-энциклопедические издания, в первую очередь профессиональных

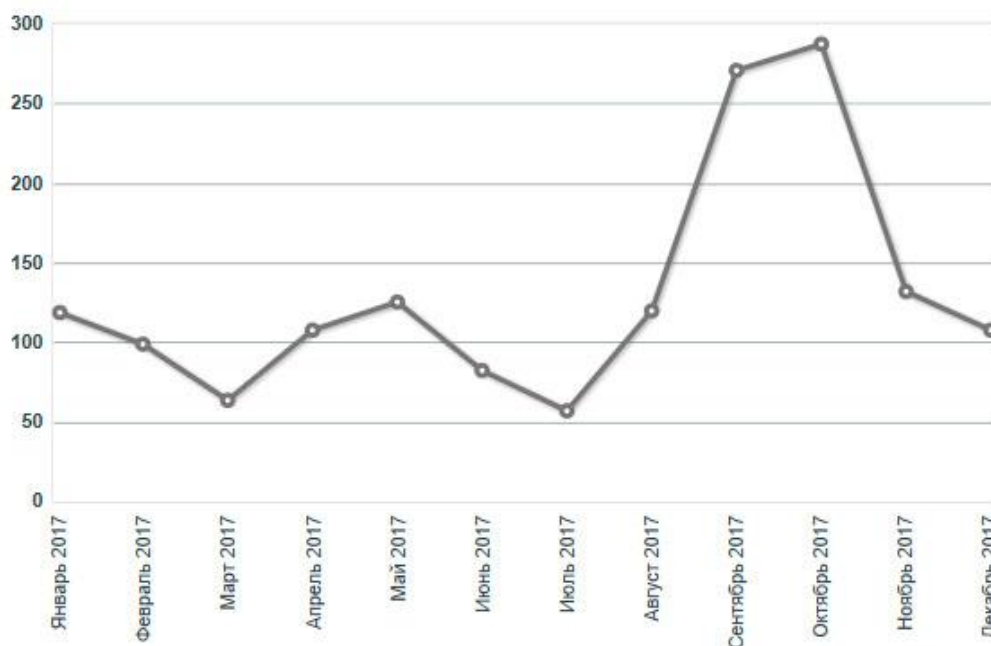
исследователей в области социолингвистики, которая переживает период подъема в российской науке. Проводятся крупные общероссийские конференции и форумы под эгидой структур РАН, Федерального агентства по делам национальностей. К изучению языковой политики все больше и больше приобщаются и социологи, и этнологи, и — отчасти — специалисты в области политической науки. Иными словами, здесь усиливаются свойства интердисциплинарности.

При этом можно только досадовать на предмет того, что — в отличие от зарубежных коллег — в нашей стране нет ни одного научного журнала, который бы специализировался в рассматриваемой области исследований.

Еще одно препятствующее развитию научной области обстоятельство состоит в том, что статистические данные о функционировании языков народов России в различных сферах (в первую очередь — в образовательной) находятся либо не в открытом доступе, либо в виде разрозненных сведений, которые трудно свести в единую эмпирическую картину, доступную для анализа.

Примером здесь может служить разницей в приводимых данных, касающихся использования языков в отечественном образовании. В документах высокого доктринального уровня — в Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации — в редакции от 2012 г. зафиксировано, что в государственной системе образования страны используются 89 языков (из них 30 — в качестве языка обучения, 59 — в качестве предмета изучения); в редакции документа от 2018 г. говорится, что в этой системе используется 105 языков (24 — в качестве языка обучения, 81 — в качестве учебного предмета). Различия в этих данных (помимо расплывчатого общего термина «используются») за неполное десятилетие требуют, как минимум, экспертных и иных комментариев.

Языковая политика расширяет свое место в информационной повестке средств массовой информации, в отечественной публицистике. Так, заметный резонанс вызвали известные поправки в российском образовательном законодательстве, меняющие нормативный режим обучения государственным языкам и родным языкам народов страны (включая русский язык). Сказанное подтверждается статистическими свидетельствами (см. график на рис. 1).

© Медиалогия

Рис. 1. Динамика упоминаний словосочетания «языковая политика»*
(01.01.2017 — 31.12.2017 г.)

* Запрос в информационно-аналитической системе «Медиалогия». Дата запроса: 10 октября 2019 г.

Таблица 1. «Языковая политика» в медийном пространстве* (01.01.2017 — 31.12.2017 г.)

№	Уровни/категории	Газеты	Журналы	Информагентства	Интернет	ТВ	Радио	Блоги	Всего
1	Зарубежный	43	1	39	606	3	0	0	692
2	Региональный	78	1	53	302	10	0	0	444
3	Федеральный	7	3	45	189	187	3	0	434
4	Всего	128	5	137	1097	200	3	0	1570

* Таблица сформирована на основе запросов в информационно-аналитической системе «Медиа-логия». Дата запроса: 10 октября 2019 года.

© Медиалогия

Рис. 2. «Языковая политика» в региональном информационном пространстве* (01.01.2017 — 31.12.2017 г.)

* Дата запроса: 10 октября 2019 г. Территории, окрашенные в более темные оттенки, соответствуют наибольшему количеству сообщений.

Наибольшее количество сообщений в 2017 г. приходится на сентябрь — 271 и октябрь — 287 сообщений. Наиболее заметным, согласно «МедиаИндексу», стало сообщение, посвященное форуму-диалогу «Языковая политика: общероссийская экспертиза», который был организован Федеральным агентством по делам национальностей осенью 2017 года. В это время в медиа выходят публикации под следующими названиями: «Около 50 языков народов России находятся под угрозой исчезновения» (ИА «Коминформ», Сыктывкар, 03 октября 2017 г.); «Все языки народов России нуждаются в заботливом отношении» («Русский мир», Москва, 3 октября 2017 г.); «Подсчитано количество языков народов России под угрозой исчезновения» («Взгляд.Ру», Москва, 3 октября 2017 г.); глава ФАДН предложил вести уроки в начальной школе на двух языках — русском и национальном» (ТАСС, Москва, 3 октября 2017 г.); «Баринов: „Мы,

наверное, единственная страна, которая не потеряла ни одного национального языка“» («Tatpressa.ru», Казань, 4 октября 2017 г.); «Языки народов России помогут сохранить профессионалы» («Вечерняя Москва», 4 октября 2017 г.).

Представлены сопоставимые объемы сообщений с упоминанием «языковой политики» в региональном и федеральном медиапространстве: 444 и 434 соответственно. На региональном уровне основная доля сообщений приходится на Интернет — 302, газеты — 78 и информагентства — 53 сообщения; на федеральном уровне — 189 сообщений в Интернете, 187 — телевидение, 45 — информагентства.

Наибольшее количество сообщений по запросу «языковая политика» в региональном разрезе приходится на Республику Татарстан (74 сообщения), Ивановскую область (27), Тульскую область (19), Республику Дагестан (18), Республику Башкортостан

(16), Республику Карелия (14) и т. д. В ноябре — декабре 2017 г. медиа Татарстана выходят со следующими заголовками: «Эксперты сошлись во мнении об обязательном преподавании татарского языка в качестве государственного» («Наш Черемшан», с. Черемшан, 7 ноября 2017 г.); «Татарский язык должен стать дополнительным бонусом, от которого люди могли бы получить дивиденды» («События недели», Казань, 15 декабря 2017 г.); «Татарская школа выживет только в том случае, если даст качественное образование» («Kazanfirst.ru», Казань, 26 ноября 2017 г.); «Академия наук РТ: „Оптимальной видится компромиссная модель изучения языков“» («События» (sntat.ru), Казань, 6 ноября 2017 г.) и мн. др.

Между тем в нормативно-правовом (законодательном) и в целом в официально-документальных дискурсах понятие «языковая политика» в системном смысловом отношении практически не аранжировано и, можно сказать, не терминологизировано. В этом состоит фундаментальное отличие данного понятия от содержательно смежных аналогов — «национальная политика», «образовательная политика», «культурная политика», «информационная политика» и т. д.

В этом контексте небесполезно напомнить, что в одном из документов позднесоветского периода рассматриваемое понятие было концептуализировано в рамках нормативно-правового дискурса. В преамбуле Закона СССР «О языках народов СССР» (от 24 апреля 1990 г.) было записано, что этот правовой акт «устанавливает общие принципы языковой политики СССР, гарантии свободного развития и использования языков народов СССР, правовой режим языка официальных взаимоотношений в рамках Советской Федерации, права граждан в использовании языков народов СССР» [Ведомости 1990]. Парадоксальным образом эта формулировка, заложенная в документе, принятом в запаздывавшем режиме в ситуации «мобилизованного лингвизма» (по терминологии М. Губогло) [Губогло 1998], по своему обозначала перспективное направление языкового регулирования. Вероятно, эффективность правовых механизмов в сфере управления языковым разнообразием в новейших российских контекстах только усилилась бы при условии официального дискурсивного закрепления этих «общих принципов языковой политики».

В Федеральном законе РФ «О языках народов Российской Федерации» от 25 октября 1991 г. № 1807-1 (редакции Федеральных законов от 24.07.1998 и от 11.12.2002) языковая политика характеризуется

специфической концептуализацией. В статье 4, пункте 2 Закона говорится: «Социальная защита языков предусматривает проведение научно обоснованной языковой политики, направленной на сохранение, развитие и изучение всех языков народов Российской Федерации на территории Российской Федерации (в ред. Федерального закона от 24.07.1998 № 126-ФЗ)». Нормы Закона применительно к экономической и юридической защите языков рассматриваемое понятие не используют.

Характерно, что незадолго до принятия рассматриваемого Закона в редакции 1998 г. официально — на правительственном уровне — была зафиксирована дискурсивная конструкция более широкого смыслового объема. Это положение, содержащееся в Постановлении Правительства РФ «Об утверждении федеральной целевой программы „Русский язык“» (от 23 июля 1996 г. № 881): «Стержнем языковой политики, включая политику в области образования, является стратегия сохранения и упрочения сбалансированного национально-русского и русско-национального двуязычия, при котором обеспечивается знание русского языка как государственного всем населением Российской Федерации и поощряется изучение национальных языков населением ее республик. Должны быть созданы условия для гармоничного взаимодействия русского языка с другими языками Российской Федерации». В дальнейшем эта формула в официально-документальных или в доктринальных смысловых планах воспроизводилась спорадически и периферийно.

Объявленный в 2019 г. Международный год языков коренных народов в России, судя по официальному сайту, преследует в качестве одной из целей «популяризацию языков народов России как инструментов формирования общероссийской гражданской идентичности, а также поиск путей и механизмов решения проблем в области языковой политики, прогноз развития ситуации» [2019 — Международный год языков коренных народов URL]. Вопрос в том, чтобы церемониальные мероприятия, способные привлечь общественное внимание к языковому разнообразию, были бы сопровождаемы в дальнейшем консолидацией ресурсов как в управленческом и инфраструктурном, так и в интеллектуальном планах.

Сквозь оптику дискурсивных способов организации можно видеть: категория «языковая политика» в нормативно-правовом тезаурусе государственной политики по регулированию языковой жизни российского общества представлена в том виде, который

не предполагает соответствующего статуса фрейма. Этот статус скорее принадлежит таким конструктам, как «защита», «сохранение», «развитие» и «изучение» языков народов России. Языковая политика как важная часть публичной политики в нашей стране, как часть властно-управленческого курса институтов власти (как на федеральном, так и на региональном уровнях) находится в неопределенном состоянии с точки зрения соотношения названных выше начал — имплицитного и эксплицитного. Подразумеваемые смыслы здесь при всей их общественной значимости в развернутом виде как таковые, как курс, включающий концептуальное целеполагание, или как политика в сущностном ее понимании, не сформулированы.

Потому понятны скептические ноты, звучащие в выступлениях авторитетных отечественных специалистов по рассматриваемому здесь поводу. «В современной России внедрение законов рынка объективно способствует распространению русского языка и вытеснению малых языков, — пишет Владимир Алпатов, акцентируя стихийную сторону дела, — чему можно противодействовать лишь сознательной и целенаправленной государственной политикой, которой пока что почти нет» [Алпатов 2018]. В аналогичном оценочном ключе высказывается директор Института языкознания РАН Андрей Кибрик: «...у меня, честно говоря, нет четкого представления о том, какая сейчас в России языковая политика. Мне кажется, она не носит системного характера. Есть отдельные порывы, которые часто противоречат друг другу. ...Языковую политику только предстоит сформировать, осознать» [Коммерсант 2019].

Нет необходимости отдельно обосновывать положение, согласно которому дискурсивное оформление смыслообразующих начал, принципов, установок и стратегических ориентиров — это критически важная предпосылка конструирования и практического осуществления языковой политики.

Приведенные суждения дают основания, чтобы заключить: действия и меры, предпринимаемые властными инстанциями в сфере регулирования языковых отношений в российском обществе и в сфере управления культурно-языковым разнообразием в целом, пока не консолидированы в том виде, когда можно было бы говорить о систематически оформленном и дискурсивно обеспеченном направлении публичной российской политики. Иными словами, призывы «не политизировать» языковой вопрос следовало бы заменить установками на конструктивную политизацию языкового регулирования. Это связано с артикуляцией, выявлением и со-

гласованием интересов различных групп (причем не только в этнокультурном понимании); с формулированием внятных сценарных альтернатив; со стратегическим целеполаганием и нормотворчеством, адаптированным к реальным языковым и социально-коммуникативным ситуациям; с конструированием политического курса с участием всего спектра субъектов политико-языковых отношений; в целом — с созданием институциональных предпосылок и оснований.

В рассматриваемых контекстах со стороны официальных лиц и профессиональных исследователей выдвинуты многочисленные предложения относительно преодоления как институциональной, так и дискурсивной недостаточности.

Так, во время парламентских слушаний на тему «Языковое многообразие Российской Федерации: проблемы и перспективы» (г. Москва, 7 октября 2010 г.) были сформулированы серьезные рекомендации. Во исполнение российского законодательства о языках, в частности, было предложено «изучить вопрос о разработке федеральной целевой программы, включающей мероприятия, направленные на сохранение, изучение и развитие языков народов Российской Федерации», проработать вопрос о создании межведомственной рабочей группы «по языковой образовательной политике для разработки Концепции языкового образования», «разработать в соответствии с требованиями нового федерального государственного образовательного стандарта примерные учебные программы по государственным языкам, методические рекомендации по подготовке рабочих программ по родным, включая русский, языкам»; «рассмотреть вопрос разработки и создания информационного портала по языкам народов России».

Со стороны неправительственных структур, заявляющих о намерениях играть роль влиятельного актора в политико-языковом регулировании, также высказывались идеи о назревших мерах по отношению к дискурсивным основаниям такого регулирования. Первый съезд Общества русской словесности (г. Москва, 25—26 мая 2016 г.) постановил «провести экспертизу состояния нормативно-правового обеспечения языковой политики и начать разработку концепции государственной языковой политики в условиях глобализации».

Представителями академического сообщества, в свою очередь, выдвигались предложения, рассчитанные на преодоление дискурсивного несовершенства российского законодательства о языках. Чтобы избавиться от слабых сторон нормативно-правового обеспечения языковой политики (от декларативно-

сти, одновременной расплывчатости и усложненности формулировок, (интердискурсивной) стереотипности, оторванности от социолингвистических реалий и нужд практической реализации и проч. и проч.), указывалось на потребность во внесении поправок в отечественное законодательство о языках, а также в разработке федерального закона об основах государственной языковой политики Российской Федерации [Язык 2016].

Помимо подходов, оперирующих официально-дискурсивными сторонами языковой политики в российских условиях, существенную роль в данном предметном поле играют идеологические измерения на самых разных уровнях.

В эпистемологических перспективах можно различать и горизонты философии языка, и аксиологию языкового многообразия, спиритуалистические способы понимания родных и так называемых «национальных» языков. Здесь же можно видеть парадигмальные конфликты, затрагивающие споры (часто в редуцированном виде) между примордиализмом, конструктивизмом и инструментализмом. При этом важно различать многие грани идеологических структур, формируемых вокруг и по поводу языка и политики, их дискурсивную специфичность. Понятно, что пропагандистский схематизм и клишированные оценки, мировоззренческие коннотации, исследовательская рефлексия, интеллектуальное проектирование — мыслительные образования далеко не одного и того же порядка. Следовательно, необходимо различать, с одной стороны, идеологизированные стереотипы и догмы, с другой — смыслообразующие (дискурсивные) начала «языковых идеологий», связанных с производством ценностей. Если первое присутствует в нашем информационном пространстве более чем в избытке, второе связано, скорее, с дискурсивными пробелами и лакунами.

В российской информационной среде по поводу языка и политики бурлят дискуссии, усугубляемые сетевой «вольницей», разгораются вербальные конфликты между популярными позициями. Ситуация перегружена множеством субъективных, идейно-психологических факторов и стилистических нюансов, риторикой непримиримости. В ситуации противоборства оказываются не столько идеализированные модели желаемого языкового обустройства страны и ее регионов, сколько *не-* или *(до)*дискурсивные комплексы представлений, не поднимающиеся на уровень рациональных способов восприятия. Вряд ли кто-то среди исследователей возьмется установить меру искренности и бескорыстия, присущую всем этим видам семио-

тической деятельности, в соотношении с инструментальными соображениями, с символической капитализацией или с монетарными мотивациями. В целом традиционное понимание мировоззренческого ландшафта, или идеологического спектра, в данной ситуации не всегда будет срабатывать. В условиях калейдоскопичности проводить какую-то внятную типологию политических дискурсов по поводу языков и языковых отношений в российском обществе чрезвычайно затруднительно.

Условно можно выделить общенациональный, макро- и мезорегиональный (этнорегиональный), локальный пласты политико-языковых дискурсов, а также соответствующие пласты персонифицированные (эксперты, ученые, комментаторы, публичные интеллектуалы, лидеры и функционеры тех или иных движений и групп, сетевые активисты, блогеры и т. п.).

В содержательном — или собственно в идеологическом — плане можно выделять дискурсивные формирования — от либерального, толерантного, инклюзивного, космополитического либо нарочито индифферентного — и до пестрого множества ангажированных вариантов (государственнического и охранительного, националистического, почвеннического, этнопопулистского, различных оттенков традиционализма). Многое зависит от субъективных установок при наблюдении и своеобразном «картографировании». Кто-то в алармистском ключе будет делать акцент на угрозах дезинтеграции, языкового сепаратизма и, как это часто встречается, на использовании языкового вопроса в интересах региональных этнократий. Кто-то, напротив, вызовы языковому многообразию, самобытности и культурно-языковой идентичности увязывает с имперской централизацией, с унитаризмом и т. п.

Языковые идеологии, понимаемые в собственно дискурсивном плане, варьируются вокруг определенной базовой дихотомии. Речь идет о противостоянии «рыночной» и «зеленой» парадигм языковой политики. Это — конфликт между образами прагматической полезности и зримых коммуникативных преимуществ языкового использования на одном полюсе и ценностно-символическими (идеалистическими, романтическими) представлениями на другом полюсе. «В то время как неолиберализм принимает инструментальную ориентацию по отношению к мультилингвизму, трактуя языки узко функционально как инструмент для организации производства и получения дохода, — разъясняет ситуацию Суреш Канагараджа, — критически настроенные ученые рассматри-

вают языки в контексте разнообразия коммуникативной экологии» [Канагарадже 2016]. Иными словами, в дискурсивное столкновение приходят две идеологические конструкции, которые условным образом можно соотносить с различием политико-реалистических и политико-идеалистических структур понимания отношений по поводу языкового устройства.

Проведение рационально обоснованной языковой политики в российской ситуации, следовательно, связано с поиском максимально возможного равновесия между выстраиванием эффективной коммуникации, укреплением языкового фундамента общенациональной идентичности и, с другой стороны, отношением к языковому многообразию как высоко ценимому культурно-историческому благу и ресурсу, требующему бережного отношения в духе солидарности и эмпатийности.

Таким образом, дискурсивные подходы к исследованиям и к практике языковой политики в России содержат в себе немалый потенциал, сулящий не только расширение научных знаний, но и возможности конструирования властно-управленческих предпосылок языкового регулирования, участия общественных сил и интеллектуальных кругов в обсуждении и принятии решений. В многоплановом смысловом оснащении и в идеологической артикуляции существующих проблем состоит реальная перспектива придания языковой политике в России свойств системности, рационального целеполагания и эффективного претворения в жизнь.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алпатов В. Языкознание: от Аристотеля до компьютерной лингвистики. — М. : Альпина-фикшн, 2018.
2. Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. — М., 1990. No 19.

N. M. Mukharyamov

Kazan State Power Engineering University, Kazan, Russia
ORCID ID: — ☒

O. B. Yanush

Kazan State Power Engineering University, Kazan, Russia
ORCID ID: — ☒

G. Z. Shakurova

Kazan State Power Engineering University, Kazan, Russia
ORCID ID: — ☒

☒ **E-mail:** n.mukharyamov@yandex.ru; yanush_ob@yahoo.com; lady.rahimullina2010@yandex.ru.

3. Губогло М. Н. Языки этнической мобилизации. — М. : Школа «Языки русской культуры», 1998. 816 с.

4. Гулинов Д. Ю. Дискурсивные характеристики языковой политики современной Франции : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. — Волгоград, 2015.

5. Демьянков В. З. Фреймовая семантика // Краткий словарь когнитивных терминов / под общ. ред. Е. С. Кубряковой. — М. : Филологический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, 1996. С. 189—191.

6. Ильин М. В. Политический дискурс // Политология: лексикон / под ред. А. И. Соловьева. — М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. С. 537, 539.

7. Канагарадже С. Мультилингвальная педагогика неолиберального времени: расчистка территории и планирование движения вперед // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2016. No 2. С. 16.

8. «Люди не могут быть экспонатами этнографического „музея“» // Коммерсант. 2019. 21 марта.

9. Нешименко Г. П. Социоллингвистика как междисциплинарная наука // Решение национально-языковых вопросов в современном мире. Страны СНГ и Балтии / под ред. акад. Е. П. Чельшева. — М., 2010. С. 54.

10. Язык и общество : энцикл. — М. : Азбуковник, 2016. С. 845—846.

11. 2019 — Международный год языков коренных народов. URL: <https://iyil2019.ru>. — Текст : электронный.

12. Discursive Approaches to Language Policy / E. Barakos, J. W. Unger (eds.) — L. : Palgrave Macmillan, 2016. P. 11—18.

13. Gao X, Shao Q. Language Policy and Mass Media // The Oxford handbook of Language Policy and Language Planning. 2018. P. 301—302.

14. Hult F. C. Swedish television as a mechanism for language planning and policy // Language Problems & Language Planning. 2010. Vol. 34. No 2. P. 158.

15. Johnson D. C. Language Policy Discourse and Bilingual Language Planning // Working Papers in Educational Linguistics (WPEL). 2004. Vol. 19. No 2. P. 73—97. URL: <http://repository.upenn.edu/wpel/vol19/iss2/4> (date of access: 30.08.2019).

16. Johnson D. C. Language Policy. — Hampshire : Palgrave Macmillan, 2013.

17. Lakoff G. Political Mind. A Cognitive Scientist's Guide to Your Brain and Its Politics. — London : Penguin Books, 2008. P. 22—23.

18. Perez-Milans M., Tollefson J. W. Language Policy and Planning: Directions for Future Research // The Oxford handbook of Language Policy and Language Planning. 2018. P. 730—731.

19. Wodak R., Savski K. Critical Discourse-Ethnographic Approaches to Language Policy // The Oxford Handbook of Language Policy and Language Planning / ed. by J. W. Tollefson and M. Perez-Milans. — New York : Oxford Univ. Pr., 2018. P. 94.

About Discursive Approaches to the Study of Language Policy

ABSTRACT. The article notes that discursive approaches make up the newest, fourth stage in the analytical comprehension of language policy after scrutinizing language planning, critical shift in the social sciences and increasing attention to ideological structures. Discursive approaches to language policy are methods and procedures that can play a useful role in understanding processes in the sphere of political-linguistic relations on various levels. On the one hand, one can talk about discourses as an object of language policy, on the other hand, language policy is analyzed as a discursive phenomenon, process or activity. Discursive approaches contribute to the fixing of the multiplicity of forms of participation of subjects

in language policy, clarifying their specific role in the interaction with structures and institutions; they allow us to see the degree of actualization and normative consolidation of assumptions regarding language and politics, the degree of institutional qualities of the discursive space around political and linguistic processes and relations, and the degree of institutional properties of the language policy itself. The authors apply discursive aspects to the practice of the Russian language policy and come to the conclusion that the concept of “language policy” is fragmented in various segments – academic and public – of the discursive space. Using independent queries in the information-analytical system “Medialogy”, a quantitative content analysis of the mention of “language policy” in the media space of the federal and regional levels has been undertaken. Discursive approaches to language policy contain the potential for expanding scientific knowledge and the possibility of constructing power and managerial prerequisites for language regulation, participation of social forces and intellectual circles in discussion and decision-making.

KEYWORDS: discursive space; language policy; political discourse; linguo-political relations; official documentary discourse; academic discourse; frames; language ideologies.

AUTHOR'S INFORMATION: Mukharyamov Nail' Midkhatovich, Doctor of Political Sciences, Professor, Department of Sociology, Political Science and Law, Kazan State Power Engineering University, Kazan, Russia.

AUTHOR'S INFORMATION: Yanush Ol'ga Borisovna, Candidate of Political Sciences, Associate Professor of Department of Sociology, Political Science and Law, Kazan State Power Engineering University, Kazan, Russia.

AUTHOR'S INFORMATION: Shakurova Gul'naz Zinnatullova, Post-graduate Student and Senior Lecturer of Department of Sociology, Political Science and Law, Kazan State Power Engineering University, Kazan, Russia.

FOR CITATION: Mukharyamov, N. M. About Discursive Approaches to the Study of Language Policy / N. M. Mukharyamov, O. B. Yanush, G. Z. Shakurova // Political Linguistics. — 2019. — No 6 (78). — P. 84-94. — DOI 10.26170/pl19-06-10.

ACKNOWLEDGMENTS. Research is accomplished with financial support of the Russian Foundation for Basic Research (RFBR) and Social Research Expert Institute (EISI) Project № 19-011-31465 “Regional Language Policy: A Discursive Approach”.

REFERENCES

1. Alpatov V. Linguistics: From Aristotle to Computer Linguistics. — Moscow : Al'pina-fikshn, 2018. P. 175. [Jazykoznanie: Ot Aristotelja do komp'yuternoj lingvistiki. — M. : Al'pina-fikshn, 2018. S. 175]. — (In Rus.)
2. Vedomosti of the Congress of People's Deputies of the USSR and the Supreme Council of the USSR. — Moscow : 1990. No 19. P. 327. [Vedomosti S'ezda narodnyh deputatov SSSR i Verhovnogo Soveta SSSR. — M. : 1990. No 19. S. 327]. — (In Rus.)
3. Guboglo M. N. Languages of ethnic mobilization. — Moscow : School “Languages of Russian Culture”, 1998. 816 p. [Jazyki jetnicheskoy mobilizacii. — M. : Shkola «Jazyki russkoj kul'tury», 1998. 816 s.]. — (In Rus.)
4. Gulinov D. Ju. Discursive characteristics of the language policy of modern France : Abstract of the dissertation of the doctor of philosophical sciences. — Volgograd, 2015. P. 6, 16. [Diskursivnye harakteristiki jazykovoj politiki sovremennoj Francii: Avtoref. diss....dokt. filos. nauk. — Volgograd, 2015. S. 6, 16]. — (In Rus.)
5. Dem'jankov V. Z. Frame semantics // A Brief Dictionary of Cognitive Terms / ed. E. S. Kubryakova. — Moscow : Faculty of Philology, Moscow State University named after M. V. Lomonosov, 1996. S. 189—191. [Frejmovaja semantika // Kratkij slovar' kognitivnyh terminov / pod obshhej red. E.S. Kubryakovo. — M. : Filologicheskij fakul'tet MGU im. M. V. Lomonosova, 1996. S. 189—191]. — (In Rus.)
6. Il'in M. V. Political Discourse // Political Science: Lexicon / ed. A. I. Solovyov. — Moscow : Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN). 2007. P. 537, 539. [Politicheskij diskurs // Politologija: Leksikon / Pod red. A.I. Solov'eva. — M. : Rossijskaja politicheskaja jenciklopedija (ROSSPEN). 2007. S. 537, 539]. — (In Rus.)
7. Kanagaradze S. Multilingual pedagogy of neoliberal time: clearing the territory and planning forward movement // Social and Human Sciences in the Far East. 2016. No 2. P. 16. [Mul'tilingval'naja pedagogika neoliberal'nogo vremeni: raschistka territorii i planirovanie dvizhenija vpered // Social'nye i gumanitarnye nauki na Dal'nem Vostoke. 2016. No 2. S. 16.]. — (In Rus.)
8. «People cannot be exhibits of an ethnographic “museum”» // Kommersant. March 21, 2019. [«Ljudi ne mogut byt' jekspozitami jetnograficheskogo “muzeja”» // Kommersant. 21 marta 2019]. — (In Rus.)
9. Neshchimenko G.P. Sociolinguistics as an interdisciplinary science // Solution of national-language issues in the modern world. CIS and Baltic countries / ed. Acad. E. P. Chelysheva. — Moscow : 2010. S. 54. [Sociolingvistika kak interdisciplinarnaja nauka // Reshenie nacional'no-jazykovykh voprosov v sovremennoe mire. Strany SNG i Baltii / Pod red. akad. E. P. Chelysheva. — M., 2010. S. 54]. — (In Rus.)
10. Language and society. Encyclopedia. — Moscow : Publishing center “Alphabet”, 2016. S. 845—846. [Jazyk i obshchestvo. Jenciklopedija. — M. : Izdatel'skij centr «Azbukovnik», 2016. S. 845—846]. — (In Rus.)
11. 2019 — International Year of Indigenous Languages [2019 — Mezhdunarodnyj god jazykov korennykh narodov]. URL: <https://iyil2019.ru>. — Text : electronic.
12. Discursive Approaches to Language Policy / E. Barakos, J. W. Unger (eds.) — L. : Palgrave Macmillan, 2016. P. 11—18.
13. Gao X, Shao Q. Language Policy and Mass Media // The Oxford handbook of Language Policy and Language Planning. 2018. P. 301—302.
14. Hult F. C. Swedish television as a mechanism for language planning and policy // Language Problems & Language Planning. 2010. Vol. 34. No 2. P. 158.
15. Johnson D. C. Language Policy Discourse and Bilingual Language Planning // Working Papers in Educational Linguistics (WPTEL). 2004. Vol. 19. No 2. P. 73—97. URL: <http://repository.upenn.edu/wpel/vol19/iss2/4> (date of access: 30.08.2019).
16. Johnson D. C. Language Policy. — Hampshire : Palgrave Macmillan, 2013.
17. Lakoff G. Political Mind. A Cognitive Scientist's Guide to Your Brain and Its Politics. — London : Penguin Books, 2008. P. 22—23.
18. Perez-Milans M., Tollefson J. W. Language Policy and Planning: Directions for Future Research // The Oxford handbook of Language Policy and Language Planning. 2018. P. 730—731.
19. Wodak R., Savski K. Critical Discours-Ethnographic Approaches to Language Policy // The Oxford Handbook of Language Policy and Language Planning / ed. by J. W. Tollefson and M. Perez-Milans. — New York : Oxford Univ. Pr., 2018. P. 94.

Э. Р. Нигматуллина

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

ORCID ID: — E-mail: elinanigmatullina@inbox.ru.

Смысловое пространство эмоций в англоязычном политическом дискурсе

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена описанию шести семантических зон, формирующих семантическое пространство эмоций в англоязычном политическом дискурсе. Проведенное исследование опровергает распространенное в лингвистической литературе представление о том, что слова, обозначающие эмоции, и другие указания на эмоции нехарактерны для англоязычного политического дискурса. В качестве составляющих смыслового пространства эмоций выделены: (1) лексические единицы, обозначающие основные или базовые эмоции; (2) лексические единицы, указывающие на чувства и эмоциональные состояния; (3) лексические единицы, обозначающие интеллектуальные состояния эмоционального типа; (4) указания на проявления эмоций; (5) слова, имеющие устойчивые ассоциации с эмоциями, зафиксированные в их словарных дефинициях; (6) указания на действия и ситуации, продуцирующие эмотивный фон. Определены границы выделенных зон, показана их тесная взаимосвязь, описано взаимодействие разных семантических зон и использование нескольких зон в одном контексте. Проиллюстрировано взаимодействие разных семантических областей в рамках одного текста. Проведено описание совместной реализации нескольких семантических зон в рамках одного контекста. На примере аналитических текстов современных англоязычных газет и журналов общественно-политической тематики показано, что кластерная реализация лексических единиц, представляющих разные семантические зоны, обеспечивает реализацию прагматического задания политического медиатекста. Проведенное исследование позволяет заключить, что в формировании текстов англоязычного политического дискурса принимают участие не отдельные эмотивы, а целостное смысловое пространство эмоций, выполняющее единую прагматическую функцию, что свидетельствует об актуальности дальнейшего изучения фреймовых структур, реализующихся в политическом медиатексте.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: смысловое пространство; эмоции; эмотивы; политический дискурс; английский язык.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Нигматуллина Элина Рустемовна, аспирант, соискатель кафедры лексикологии английского языка, Московский государственный лингвистический университет; 119285, Россия, г. Москва, ул. Усачёва, д. 62; e-mail: elinanigmatullina@inbox.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Нигматуллина, Э. Р. Смысловое пространство эмоций в англоязычном политическом дискурсе / Э. Р. Нигматуллина // Политическая лингвистика. — 2019. — № 6 (78). — С. 95-100. — DOI 10.26170/pl19-06-11.

Принято считать, что продуктивным полем исследования эмотивов является художественная литература (проза и поэзия) — см.: [Мамлеева 2010; Стрельницкая 2010; Попова 2013] и др.

Сложилось представление о том, что политический текст не содержит указаний на эмоции и сосредоточен на описании происходящих событий, а не на эмоциях, которые испытывают участники. Принято считать, что в политическом дискурсе автор подает информацию максимально объективно, в деловой, лишенной эмоций манере, и ставит перед собой цель дать максимально полное описание событий и непредвзятый, аргументированный и логически обоснованный комментарий.

Целью нашего исследования является опровержение данного распространенного положения. Как отмечала М. Д. Городникова, «языковое выражение эмоциональности и сегодня относится к числу недостаточно разработанных проблем, и обсуждение путей и способов использования потенциала

языка для выражения эмоций нельзя считать законченным» [Городникова 2004: 108].

Материалом исследования послужили британские и американские газеты и журналы общественно-политической тематики (*The Economist UK*, *The Guardian*, *The USA WEEKEND*, *The Washington Post*, *The Spectator*, *The Times*) и их электронные версии за период с января по апрель 2018 г.

В настоящее время лингвисты, занимающиеся проблемами конструирования политического дискурса, приходят к выводу о том, что языковые средства, составляющие политический дискурс, следует рассматривать в контексте представлений о смысловых пространствах как совокупностях семантических полей, задействованных в формировании текста. Подобный подход позволяет показать, что в процессе текстоформирования выбираются не отдельные лексические единицы и грамматические конструкции, а крупные блоки языковых средств, в основе которых лежат когнитивные струк-

туры — фреймы и концептуально-метафорические модели.

О продуктивности такого подхода свидетельствуют работы (см.: [Беляевская 2012; Мурай 2012; Керимов, Федянина 2014; Шилихина, Стратиевко 2017; Кокурина, Хорецкая 2018] и др.), в которых показано, что при изучении политического дискурса необходимо учитывать фреймовые структуры, которые служат источником выбора языковых средств.

Проведенное нами исследование показало, что указания на эмоции участников события активно реализуются в современном англоязычном политическом дискурсе и формируют свое особое смысловое пространство.

Понятие смыслового пространства не имеет в настоящее время однозначного, общепринятого определения и обычно рассматривается как совокупность взаимодействующих и взаимосвязанных семантических полей, реализующихся в тексте (дискурсе). В качестве рабочего мы используем определение смыслового пространства Н. А. Амировой, которая считает, что смысловое пространство — это, «с одной стороны, отдельный фрагмент действительности, а с другой — иерархическая структура множества лексических единиц, репрезентирующих в языке соответствующую понятийную сферу» [Амирова 2017: 34].

Как следует из этого определения, смысловое пространство представляет собой двухуровневую сущность, где присутствует концептуальный уровень, определяющий закономерности выбора языковых средств, и собственно языковой уровень, объединяющий все языковые средства, которые выбираются при формировании данного текста в соответствии с заданными концептуальными параметрами.

Анализ статей, посвященных общественно-политической тематике, представленных в англоязычных политических газетах и журналах, а также в их электронных версиях, показал, что указания на эмоцию в ее чистом виде — это далеко не единственный способ обращения к смысловому пространству эмоций в англоязычном политическом дискурсе.

Проведенное нами исследование позволяет сделать вывод о том, что смысловое пространство эмоций в современном англоязычном политическом дискурсе представляет собой сложное, иерархически организованное образование, в котором можно выделить несколько семантических зон.

К первой семантической зоне мы относим прямые обозначения *эмоций и чувств*. Как известно, по мнению психологов, эмоции и чувства, как правило, кратковременны и отличаются интенсивностью. На них указывают такие лексические единицы, как *love*,

hate, *frightened*, *angry*, *joyfully* и др. Рассмотрим следующий пример:

(1) *In another moment of **desperation**, the Conservative party asked Ms Davidson if her team — after their outstanding performance at the general election — would consider heading south to mastermind the London campaign. The answer was a polite but firm 'no'. The Scottish Tories had performed an **astonishing** recovery — but it was not (just) due to a well-run campaign [The Spectator 17.02.2018: 10].*

В данном контексте присутствует указание на отчаяние (*desperation*), а также чувство сильного удивления (*astonishing recovery*), которые испытывают участники медиасобытия, т. е. реализуются лексические единицы, обозначающие эмоции. Как показало проведенное исследование, наиболее активно в англоязычном политическом дискурсе используются указания на такие эмоции, как *fear*, *anger*, *fury* (*furiosus*).

В качестве второй области смыслового пространства эмоций в англоязычном политическом дискурсе мы выделили *эмоциональные состояния*. Такие состояния, в отличие от эмоций, более продолжительны. При этом временной параметр, который отличает первую и вторую зону описываемого семантического пространства, часто дополняется меньшей (по сравнению с собственно эмоциями) интенсивностью переживания [Plutchik 1980]. К обозначениям эмоциональных состояний мы относим такие лексические единицы, как *nervous*, *loving*, *suffering* и др.

Для иллюстрации приведем использование слова *beloved*, обозначающего положительную эмоцию, для формирования ироничного замечания об оппозиционной партии, которую не поддержали ее избиратели, ранее ей весьма преданные:

(2) *The DA, meanwhile, used the help of smaller parties to push the ANC out of power in Johannesburg, Port Elizabeth and Pretoria, the capital, in 2016. They won partly because many ANC supporters, repelled by Mr Zuma, stayed at home. But these voters may not have abandoned their **beloved** liberation party [Economist UK 14.04.2018: 57].*

Следует отметить, что лексические единицы, относящиеся ко второй зоне смыслового пространства эмоций, отличаются большим разнообразием, чем единицы, представленные в первых двух зонах. Помимо упомянутых выше, ко второй зоне можно отнести все чувства, выражаемые с помощью словосочетаний на основе лексической единицы *to feel* (например: *to feel abandoned*, *nagging feeling*, *feel that he was the best*), поскольку элемент *feel* акцентирует продолжительность эмоционального состояния.

Несмотря на то, что у первой и второй зон имеются характеристики, позволяющие противопоставить выделенные нами области, эта граница не является четкой. Например, лексические единицы *Fear* и *Anger* могут относиться и к эмоциям, и к эмоциональным состояниям, в зависимости от их семантического наполнения. Ср.: *I cowered in fear as bullets whizzed past. I Fear of unemployment is paralysing the economy* [OED: URL]. В первом примере выражается эмоция страха как одномоментное действие, которое внезапно проявилось в определенной ситуации. Второй контекст иллюстрирует состояние страха, которое началось в конкретный момент в прошлом и продолжается до сих пор. Аналогичным образом можно проанализировать и следующие примеры: *She was angered by his terse answer* [OAD]. *The decision to allow more offshore oil drilling angered some Californians* [COD].

Несмотря на характерные черты, отделяющие первую зону смыслового пространства эмоций от второй, принадлежность к той или иной семантической зоне ввиду краткости контекста иногда не просто установить: *Ellen felt both despair and anger at her mother* [COD].

Интеллектуальные состояния эмоционального типа представляют собой третью семантическую зону. Они отличаются от эмоций и эмоциональных состояний тем, что, во-первых, более длительны, чем эмоции, а во-вторых, непосредственно связаны с интеллектуальным состоянием человека, так как проходят через его сознание. К этой зоне относятся такие единицы, как *lost*, *puzzled*, *confused*, *amused* и др.

В следующем контексте состояние растерянности президента Франции ввиду непонимания нового подхода к решению внешнеполитических событий делегации Трампа погружает Э. Макрона в размышления, направленные на поиск выхода из сложившейся ситуации: (3) *The last time they met face to face, at the United Nations in September, French President Emmanuel Macron was puzzled when President Trump and his delegation seemed to have no agenda, carried no papers and took no notes. (...) Now that Trump has been in office longer, the official mused, "maybe the process is different"* [The Times 23.04. 2018: 1].

Третий участок смыслового пространства эмоций в англоязычном политическом дискурсе включает лексические единицы, которые обладают высокой частотностью, хотя состав лексических единиц не отличается особым разнообразием.

Внешние физические проявления эмоций и эмоциональных состояний представляют собой одну из форм введения указания на эмоциональные переживания в англо-

язычный политический текст для реализации целей автора. На такие проявления указывают следующие лексические единицы: *tears*, *cry*, *shout*, *laugh* и др. Так, например, в статье, посвященной миграции в США, приводится интервью одной из мигранток, которая, вспоминая родителей, не в силах сдержать эмоции:

(4) *A prosperous Latin American country struggles to adapt to immigration: Mariangela's eyes fill with tears as she talks about her parents in Venezuela* [Economist UK 14.04.2018: 41].

Наш анализ показал, что не всегда лексика, обозначающая проявления эмоций, непосредственно указывает на какую-либо конкретную эмоцию. В составе фразеологизма она может формировать более сложный оценочный образ (*crocodile tears*: "tears or expressions of sorrow that are insincere") [OED], который важен для создания эмоционально-оценочного фона текста:

(5) *Europe, a majority of MPs (party loyalties aside), the Lords, the civil service, the BBC and the CBI are all determined to keep Britain in the EU. To that end, emitting crocodile tears, they would welcome a final Brexit deal that is effectively worthless* [The Independent: 22].

Указания на проявления эмоций позволяют читателю определить не конкретную эмоцию, а группу (или кластер) сходных эмоций: *laughter* обычно указывает на положительные эмоции, *tears* — на отрицательные. Следует отметить, что физические проявления эмоций в ряде случаев могут быть амбивалентны. В примере (6) присутствует указание на положительную эмоцию, а в примере (7) — на отрицательную, формируемое реализацией одной и той же лексической единицы *tears*:

(6) *They [The North Koreans who arrived in Seoul] had been carefully selected to represent the communist regime. Even so, they could no more control their emotions than could the South Koreans. An 87-year-old mother wiped away the tears of her 65-year-old son from the North. A famous North Korean film director wept when his 91-year-old and ailing father did not recognise him. A 99-year-old was able to leave her hospital bed having been told her 69-year-old son was in Seoul. The scene was no different in Pyongyang. They all shed tears of joy, wept for lost years but thanked each other for being alive* [The Economist: URL].

(7) *Please spare us Theresa May's tears over the Brexit result. She only has herself to blame* [The Independent: URL].

К пятой семантической зоне мы относим те лексические единицы, которые, на первый взгляд, вообще не указывают на реализацию эмоций. Однако словари указывают на обратное, поскольку словарные дефиниции

таких лексических единиц содержат указания на эмоции и их проявления, эмоциональные состояния или действия или интеллектуальные состояния эмоционального типа. Таким образом, лексикографические данные свидетельствуют о том, что в языковом сознании носителей английского языка эта лексика устойчиво соотносится со смысловым полем эмоций. В качестве примера можно привести следующие единицы: *voracious* (**wanting** or *devouring great quantities of food*), *withdrawn* (not **wanting** to communicate with other people), *amenity* (a **desirable** or *useful feature or facility of a building or place*) и др. [OED].

Реализация подобных лексических единиц в тексте должна, по нашему мнению, определенным образом активизировать ассоциации с эмоциональным фоном события. Рассмотрим следующий пример:

(8) *According to Johnson, Sondland told him that Zelensky needed a prosecutor who could "get to the bottom of what happened in 2016 — if President Trump has that confidence, then he'll release the military spending." That made Johnson "wince," he later told reporters.*

Глагол *wince*, взятый автором сообщения в кавычки, имеет следующую словарную дефиницию:

1) *If you wince, the muscles of your face tighten suddenly because you have felt a pain or because you have just seen, heard, or remembered something unpleasant* [Collins English Dictionary];

2) *make a slight involuntary grimace or shrinking movement of the body out of pain or distress* [OED].

Таким образом, использование глагола *wince* и его особое выделение в тексте подчеркивает важный, по мнению автора текстового сообщения, факт — негативную эмоциональную реакцию господина Джонсона, одного из участников событий.

Действия и/или отношения, сопровождающие эмоции, выделены нами в качестве шестой семантической зоны смыслового пространства эмоций в английском политическом дискурсе. Это такие лексические единицы, как *threaten*, *accuse*, *riot*, *revolution* и др., указывающие на ситуацию, т. е. на ситуационный фрейм, в рамках которого присутствует сильная эмоциональная реакция участников события.

Так, например, в приведенном ниже контексте описывается возросшее беспокойство, вызванное политическим поражением правительства в палате лордов, а также страх членов правящей партии перед возможным неудачным голосованием в палате общин (**Tension** is the feeling that is produced in a situation when people are anxious and do not trust each other, and when there is a possibility of sudden violence or conflict [COD]):

(9) *Tensions have increased sharply after a heavy defeat for the government in the Lords last week and the prospect of a Commons vote on Thursday urging ministers to remain within a customs union* [The Spectator 07.04.2018: 1, 8].

Схематически полученные результаты можно представить в виде схемы, приведенной на рисунке.

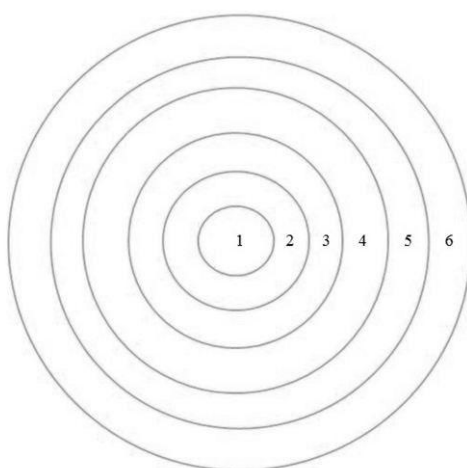

Рис. Смысловое пространство эмоций в англоязычном политическом дискурсе

Пояснения:

- 1) обозначения эмоций (*anger*, *surprise*);
- 2) эмоциональные состояния (*fear*, *anger*);
- 3) интеллектуальные состояния эмоционального типа (*puzzled*, *amused*);
- 4) проявления эмоций (*yell*, *smile*);
- 5) состояния, имеющие устойчивые ассоциации с эмоциями, зафиксированные в словарных дефинициях соответствующих лексем;
- 6) эмоциональные действия (*threaten*, *riot*).

Завершая рассмотрение смыслового пространства эмоций, указания на которые реализуются в англоязычном политическом дискурсе, отметим еще раз, что между его различными участками (или ярусами) нет жестких границ. Кроме того, важно отметить, что лексические единицы, принадлежащие разным ярусам смыслового пространства, могут появляться в одном и том же контексте, и, по-видимому, следует говорить о реализации не отдельных обозначений эмоций, а о реализации целых семантических полей:

(10) *Saudi Arabia blamed Iran this week for attacks that crippled its oil industry and threatened to plunge the Persian Gulf into war* [The Week, 27.09.2019].

Как мы видим, смысловое пространство эмоций во многих случаях выступает в процессе текстообразования как единое целое, программируя и обеспечивая необходимую автору прагматическую реакцию получателя информации.

Таким образом, наш анализ показал, что указания на эмоции прямых и косвенных участников события активно используются авторами текстов в современном англоязычном политическом дискурсе. Выделенные нами в ходе исследования зоны смыслового пространства эмоций иллюстрируют сложность смыслового конструирования англоязычного политического дискурса и открывают интересное направление дальнейшего исследования.

ИСТОЧНИКИ И СЛОВАРИ

1. Economist, the. URL: <https://www.economist.com/asia/2000/08/17/the-korean-tears-to-come> (date of access: 21.10.2019). — Text : electronic.
2. Economist UK, the. 14.04.2018.
3. Independent, the. URL: <https://www.independent.co.uk/voices/theresa-may-brexit-tears-referendum-boris-johnson-david-cameron-eu-extension-latest-a9174441.html> (date of access: 21.10.2019). — Text : electronic.
4. Spectator, the. 17.02.2018.

E. R. Nigmatullina

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

ORCID ID: —

 E-mail: elinanigmatullina@inbox.ru.

5. Spectator, the. 07.04.2018.

6. Times, the. 23.04. 2018.

7. Washington Post, the. 23.04.2018.

8. Week, the. 27.09.2019.

9. Collins Online Dictionary and Thesaurus = COD. URL: <https://www.collinsdictionary.com> (date of access: 21.10.2019). — Text : electronic.

10. Oxford Advanced American Dictionary = OAD. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/> (date of access: 21.10.2019). — Text : electronic.

11. Oxford English Dictionary = OED. URL: www.oed.com/ (date of access: 21.10.2019). — Text : electronic.

ЛИТЕРАТУРА

12. Амирова Н. А. Семантическое пространство описания личности в русском и английском языках // Молодежная наука: тенденции развития. 2017. № 1. С. 33—37.

13. Беляевская Е. Г. Фрейм «Политик» в англоязычном биографическом дискурсе // Политическая лингвистика. 2012. № 2 (40). С. 21—26.

14. Городникова М. Д. Эмотивные доминанты в естественной коммуникации // Язык и эмоции: личностные смыслы и доминанты в речевой деятельности. — Волгоград : Центр, 2004. С. 108—117.

15. Керимов Р. Д., Федянина Л. И. Метафорическая актуализация фрейма «Экономика» в социально-политической коммуникации ФРГ // Политическая лингвистика. 2014. № 1 (47). С. 157—170.

16. Кокурина И. В., Хорецкая Н. Ю. Манипулятивный потенциал фрейма при создании образа России в немецкоязычных СМИ // Политическая лингвистика. 2018. № 5 (71). С. 59—63.

17. Мамлеева Н. Ш. Эмотивное сравнение в современном художественном тексте : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04. — СПб., 2010. 19 с.

18. Мурай Е. В. Фрейм «Политик» в англоязычном биографическом и автобиографическом дискурсах // Политическая лингвистика. 2012. № 1 (39). С. 132—135.

19. Попова Е. В. Функционирование эмотивной лексики и фразеологии в русском языке XVIII века: на материале художественных произведений Н. М. Карамзина : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01. — Уфа, 2013. 23 с.

20. Стрельницкая Е. В. Эмотивность и перевод: особенности языковой передачи эмоций при художественном переводе с английского языка на русский : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04, 10.02.20. — М., 2010. 27 с.

21. Шилихина К. М., Стратиненко Ю. А. Фрейм «Волшебный мир Гарри Поттера» как способ осмысления политической ситуации в англоязычном общественно-политическом дискурсе // Политическая лингвистика. 2017. № 2 (62). С. 116—123.

22. Plutchik R. A general psychoevolutionary theory of emotion // Emotion: Theory, research and experience, Theories of emotion. Vol. 1. — New York : Academic Pr. P. 3—33.

Semantic Space of Emotions in English Political Discourse

ABSTRACT. The article deals with six semantic zones forming the semantic space of emotions in English political discourse. The present study refutes a widely spread linguistic belief that the words denoting emotions and other indications of emotions are not characteristic of English political discourse. The author has singled out the following constituents of the semantic space of emotions: (1) lexical units denoting general or basic emotions; (2) lexical units pointing to feelings and emotional states; (3) lexical units denoting intellectual states of emotional type; (4) indications of emotions display; (5) words having stable associations with emotions registered in their vocabulary definitions; (6) indications of actions and situations producing emotive background. The article delimits the boundaries of the zones singled out, shows their close interrelationship, describes the interaction between different semantic zones and the use of several zones in one and the same context and illustrates the interaction between different semantic zones within the frames of one text. The author describes joint realization of several semantic zones in a single context. On the example of analytical texts of modern English language newspapers and magazines of socio-political orientation it is shown that cluster realization of linguistic units representing

different semantic zones guarantees completion of the pragmatic task of the political media text. The study allows the author to conclude that texts of the English political discourse are not formed by separate emotives but by a holistic semantic space of emotions performing a common pragmatic function, which argues the urgency of further study of the frame structures realized in the political media text.

KEYWORDS: semantic space; emotions; emotives; political discourse; English language.

AUTHOR'S INFORMATION: Nigmatullina Elina Rustemovna, Post-graduate Student of Department of English Lexicology, Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia.

FOR CITATION: Nigmatullina, E. R. Semantic Space of Emotions in English Political Discourse / E. R. Nigmatullina // Political Linguistics. — 2019. — No 6 (78). — P. 95-100. — DOI 10.26170/pl19-06-11.

MATERIALS

1. Economist, the. URL: <https://www.economist.com/asia/2000/08/17/the-korean-tears-to-come> (date of access: 21.10.2019). — Text : electronic.
2. Economist UK, the. 14.04.2018.
3. Independent, the. URL: <https://www.independent.co.uk/voices/theresa-may-brexit-tears-referendum-boris-johnson-david-cameron-eu-extension-latest-a9174441.html> (date of access: 21.10.2019). — Text : electronic.
4. Spectator, the. 17.02.2018.
5. Spectator, the. 07.04.2018.
6. Times, the. 23.04.2018.
7. Washington Post, the. 23.04.2018.
8. Week, the. 27.09.2019.
9. Collins Online Dictionary and Thesaurus = COD. URL: <https://www.collinsdictionary.com> (date of access: 21.10.2019). — Text : electronic.
10. Oxford Advanced American Dictionary = OAD. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/> (date of access: 21.10.2019). — Text : electronic.
11. Oxford English Dictionary = OED. URL: www.oed.com/ (date of access: 21.10.2019). — Text : electronic.

REFERENCES

12. Amirova N. A. Semantic Space of Personality Description in Russian and English // Youth Science: Development Trends. 2017. No. 1. P. 33—37. [Semanticheskoe prostranstvo opisaniya lichnosti v russkom i angliyskom yazykakh // Molodezhnaya nauka: tendentsii razvitiya. 2017. № 1. S. 33—37]. — (In Rus.)
13. Belyaevskaya E. G. The Frame “Politician” in the English-language Biographical Discourse // Political Linguistics. 2012. No. 2 (40). P. 21—26. [Freym «Politik» v angloyazychnom biograficheskom diskurse // Politicheskaya lingvistika. 2012. № 2 (40). S. 21—26]. — (In Rus.)
14. Gorodnikova M. D. Emotive Dominants in Natural Communication // Language and Emotions: Personal Meanings and Dominants in Speech Activity. — Volgograd : Center, 2004. P. 108—117. [Emotivnye dominanty v estestvennoy kommunikatsii // Yazyk i emotsii: lichnostnye smysly i dominanty v rechevoy deyatel'nosti. — Volgograd : Tsentr, 2004. S. 108—117]. — (In Rus.)
15. Kerimov R. D., Fedyanina L. I. Metaphorical Actualization of the Frame “Economics” in the Social and Political Communication of Germany // Political Linguistics. 2014. No. 1 (47). P. 157—170. [Metaforicheskaya aktualizatsiya freyma «Ekonomika» v sotsial'no-politicheskoy kommunikatsii FRG // Politicheskaya lingvistika. 2014. № 1 (47). S. 157—170]. — (In Rus.)
16. Kokurina I. V., Khoretskaya N. Yu. Manipulative Potential of the Frame when Creating the Image of Russia in German-language Media // Political Linguistics. 2018. No 5 (71). P. 59—63. [Manipulyativnyy potentsial freyma pri sozdanii obraza Rossii v nemetskoyazychnykh SMI // Politicheskaya lingvistika. 2018. № 5 (71). S. 59—63]. — (In Rus.)
17. Mamleeva N. Sh. Emotive Comparison in a Modern Literary Text : synopsis of thesis ... of Cand. of Philol. Sciences : 10.02.04. — Saint Petersburg, 2010. 19 p. [Emotivnoe sravnenie v sovremennoy khudozhestvennoy tekste : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk : 10.02.04. — SPb., 2010. 19 s.]. — (In Rus.)
18. Muray E. V. The “Politician” Frame in English-language Biographical and Autobiographical Discourses // Political Linguistics. 2012. No. 1 (39). P. 132—135. [Freym «Politik» v angloyazychnom biograficheskom i avtobiograficheskom diskursakh // Politicheskaya lingvistika. 2012. № 1 (39). S. 132—135]. — (In Rus.)
19. Popova E. V. Functioning of Emotive Vocabulary and Phraseology in the Russian Language of the XVIII Century: on the Basis of the Works of N. M. Karamzin : synopsis of thesis ... of Cand. of Philol. Sciences : 10.02.01. — Ufa, 2013. 23 p. [Funktsionirovanie emotivnoy leksiki i frazeologii v russkom yazyke XVIII veka: na materiale khudozhestvennykh proizvedeniy N. M. Karamzina : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk : 10.02.01. — Ufa, 2013. 23 s.]. — (In Rus.)
20. Strel'nitskaya E. V. Emotivity and Translation: Features of the Language Transmission of Emotions in Literary Translation from English into Russian : synopsis of thesis ... of Cand. of Philol. Sciences : 10.02.04, 02.10.20. — Moscow, 2010. 27 p. [Emotivnost' i perevod: osobennosti yazykovoy peredachi emotsiy pri khudozhestvennom perevode s angliyskogo yazyka na russkiy : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk : 10.02.04, 10.02.20. — M., 2010. 27 s.]. — (In Rus.)
21. Shilikhina K. M., Stratienco Yu. A. The “The Wizarding World of Harry Potter” Frame as a Way of Understanding the Political Situation in the English-language Socio-political Discourse // Political Linguistics. 2017. No. 2 (62). P. 116—123. [Freym «Volshebnyy mir Garri Pottera» kak sposob osmysleniya politicheskoy situatsii v angloyazychnom obshchestvenno-politicheskom diskurse // Politicheskaya lingvistika. 2017. № 2 (62). S. 116—123]. — (In Rus.)
22. Plutchik R. A general psychoevolutionary theory of emotion // Emotion: Theory, research and experience, Theories of emotion. Vol. 1. — New York : Academic Pr. P. 3—33.

И. С. Пирожкова

Уральский государственный экономический университет, Екатеринбург, Россия

ORCID ID: 0000-0002-3850-5069 **E-mail:** irene22@live.ru.

Идиостиль политика: общие закономерности использования прецедентных имен в дискурсах К. Райс и И. Хакамады

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена описанию общих особенностей использования прецедентных имен в дискурсах К. Райс и И. Хакамады. Цель настоящего исследования — сопоставить идиостилевые особенности изучаемых дискурсов. Прецедентные имена рассматриваются как ключевые элементы дискурса, как знаки культуры, отражающие исторический опыт народа и задающие систему ценностных ориентаций в определенный исторический период. Основными методами исследования стали контекстуальный анализ, метод сплошной выборки, статистической обработки данных, анализ и синтез. В ходе исследования выявлено, что наибольшее количество совпадений зафиксировано в общественно-политической области и области науки, представленных сферами-источниками «Политика», «Война» и «Имена ученых и изобретателей», «Образование» соответственно. К. Райс и И. Хакамада часто говорят о президентах своих стран, но представляют разную оценку их деятельности: американский политик положительно отзывается об институте президентства, российский политик высказывает критику в адрес руководителей страны, тем самым акцентируя свои оппозиционные взгляды. Важными в дискурсе обеих женщин-политиков являются имена известных зарубежных политиков, названия международных организаций, символов государственной власти и советизмы. В сфере-источнике «Война» зафиксированы совпадения в использовании прецедентных топонимов и хрононимов. Область науки является маловостребованной в качестве генетического источника прецедентности, так как, во-первых, период, к которому относятся рассматриваемые дискурсы, является периодом активных политических и военных действий, направленных на борьбу с терроризмом, а во-вторых, накладывает отпечаток институциональный характер коммуникации. Таким образом, прецедентные имена, с одной стороны, отражают индивидуальные черты политического дискурса К. Райс и И. Хакамады, а с другой — выбор сфер-источников прецедентных единиц продиктован институциональностью дискурса.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политическая лингвистика; лингвоперсонология; речевой портрет; идиостили; политические деятели; женщины-политики; политический дискурс; прецедентные имена.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Пирожкова Ирина Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры делового иностранного языка, Уральский государственный экономический университет; 620144, Россия, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта/Народной Воли, 62/45; e-mail: irene22@live.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Пирожкова, И. С. Идиостиль политика: общие закономерности использования прецедентных имен в дискурсах К. Райс и И. Хакамады / И. С. Пирожкова // Политическая лингвистика. — 2019. — № 6 (78). — С. 101-109. — DOI 10.26170/pl19-06-12.

БЛАГОДАРНОСТИ. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-021-00465 А «Лингвополитическая персонология: дискурсивный поворот».

«Выступления политических лидеров всегда были объектом пристального внимания науки, поскольку именно по ним можно судить о господствующих в то или иное время стереотипах, точках зрения, мнениях. Именно они фиксируют сложившиеся и официально признанные интеллектуальные рамки, в соответствии с которыми не только описывается и познается, но и изменяется окружающий мир» [Ушакин 1995: 149].

Лингвополитическая персонология — развивающееся направление языкознания, которое находится на пересечении лингвистики, политологии, психологии, когнитивистики и других гуманитарных наук. На сегодняшний день еще не сложилось единой терминологии: языковеды рассматривают «речевые/коммуникативные портреты политиков» [Гаврилова 2012; Алышева 2012; Асташова 2012; Романо-

ва 2009 и др.], «языковую личность политика» [Кричун 2011; Мадалиева 2011; Нехорошева 2012; Цветкова 2013], «речевой имидж политика» [Романова 2009; Руженцева 2015], «речевой/коммуникативный автопортрет политика» [Базылев 2005; Даулетова 2004], «идиостиль политика» [Болотнов 2015; Кондратьева 2010; Крижановская 2011; Шустрова 2009] и др. В данной статье мы будем использовать термин «идиостиль политика», под которым мы понимаем индивидуальный авторский стиль политика в выражении своей позиции и использовании ключевых концептов (в нашем случае — прецедентных имен).

Можно выделить два основных подхода к анализу идиостиля политиков: комплексное изучение дискурса политиков, которое включает анализ ключевых концептов, стереотипов речевого поведения, лексико-стилистических и

жанровых особенностей дискурса и др. и исследование отдельных единиц речи политиков, например, метафор или прецедентных феноменов. Комплексный анализ дискурса российских президентов предпринят в работе М. В. Гавриловой [Гаврилова 2004]. Т. Б. Соколовская рассматривает языковую личность представителей власти, лидеров демократической и коммунистической партий посредством анализа ключевых слов, метафор и стереотипов. В результате анализа автор реконструирует «языковые маски политиков» [Соколовская 2002]. Важным направлением комплексного анализа дискурса политиков является изучение автобиографической прозы, ярким представителем которого является В. Н. Базылев, подчеркивающий необходимость развития лингвистической персонологии с целью «воссоздания общего и особенного в языке политика, его лексиконе и его концептосфере» [Базылев 2005: 167]. Анализ могут подвергаться политические интервью: например, М. А. Сивенкова сравнивает структуру ответов британских и российских политиков на вопросы в парламентских дебатах. Сопоставляя линейную структуру ответов, автор выделяет ее наиболее распространенные компоненты, сходства и различия британских и российских предвыборных дебатов [Сивенкова 2009]. Лингвориторические особенности выступлений французских политиков А. Ф. Петена и Ш. де Голля во время Второй мировой войны описаны в работе Е. В. Дарьиной [Дарьина 2008].

Представители второго, «узкого» подхода к изучению идиостиля политиков рассматривают отдельные элементы дискурса. Анализ может подвергаться как весь корпус текстов, принадлежащий политику, так и отдельные выступления. Например, И. Т. Вепрева анализирует ключевые элементы в структуре имиджа В. В. Путина [Вепрева 2000], Р. Т. Садуов изучает корпус текстов, принадлежащих Тони Блэру в период 2001—2007 с точки зрения конструирования ими политического мифа [Садуов 2008], М. К. Дементьева выявляет языковые средства выражения оценки в посланиях В. Путина и Д. Медведева 2007 и 2008 гг. [Дементьева 2009: 92]. Метафоры в идиостиле политика неоднократно становились объектом исследования. Так, А. В. Сурина выделяет доминирующие метафорические модели в мемуарах Б. Н. Ельцина, Е. М. Примакова, Ю. И. Скуратова, А. И. Лебедя, И. М. Хакамады [Сурина 2007], Р. Д. Керимов анализирует дискурс президента ФРГ Й. Рау, в котором доминирующими являются артефактные, антропоморфные и природоморфные метафоры [Керимов 2009], в работе Е. К. Моховой описан метафорический образ

США в дискурсе президента Венесуэлы У. Чавеса: «Американо-венесуэльские отношения представляются как война, в которой маленькая страна мужественно борется за свои интересы» [Мохова 2010: 108]. А. П. Седых предпринял интерпретационный анализ фразеологических единиц в выступлениях А. Меркель и В. Путина [Седых 2013: 45].

Настоящее исследование проводится в русле анализа отдельных единиц дискурса политиков, а именно прецедентных имен. Прецедентность в идиостиле разных политиков рассматривалась неоднократно: Е. А. Попова проводит сопоставительное изучение интертекстуальности в дискурсе А. Шварценеггера и в текстах массмедиа, посвященных ему [Попова 2007], Дэвид Бэнкс приходит к выводу, что одной из причин поражения Жан Мари Ле Пена в предвыборной кампании 2002 г. стало неуместное использование интертекстуальных вкраплений [Бэнкс 2006]. О. В. Спиридовский сопоставляет президентский дискурс Австрии, Германии и США и приходит к выводу, что общей закономерностью в рассматриваемых дискурсах являются ссылки на президентов-предшественников, ученых и деятелей искусства [Спиридовский 2006]. Сопоставительный анализ прецедентных феноменов в выступлениях Дж. Буша и В. Путина во время предвыборной кампании 2004 г. выявил наиболее востребованные сферы-источники прецедентности: «Литература» и «Политика» в дискурсе российского политика и «Политика» и «Экономика» для американского [Сабанов, <https://sites.google.com/site/imagepres/precedentnye-imena>].

Наше внимание обращено к прецедентным именам, потому что они «относятся к ядру языковых средств хранения и трансляции культурно значимой информации, предопределяющих понимание/непонимание соответствующих текстовых фрагментов» [Гудков 1999: 6]. Прецедентными мы считаем имена собственные, которые известны представителям того или иного лингвокультурного сообщества и используются в качестве знаков культуры, отражающих исторический опыт народа и задающих систему ценностных ориентаций в определенный исторический период. Изучив корпус прецедентных имен в дискурсе Кондолизы Райс и Ирины Хакамады (3331 и 2964 единицы соответственно), относящийся к периоду наибольшей политической активности обеих политиков-женщин, 2000—2008 гг., мы выявили некоторые общие закономерности в использовании прецедентных имен. В данной работе мы опишем совпадающие сферы-источники прецедентных имен и выявим черты идиостиля каждого политика.

Таблица 1

Общие понятийные сферы-источники ПИ в дискурсе К. Райс и И. Хакамады
(доля, % от общего числа всех ПИ)

Сфера-источник	Количество ПИ в дискурсе К. Райс, %	Количество ПИ в дискурсе И. Хакамады, %
Общественно-политическая область	96,2	92,8
Политика	42,2	69,2
Война	28,9	10,6
Область науки	0,8	0,8
Имена ученых и изобретателей	0,5	0,5
Образование	0,3	0,3

Анализ сфер-источников прецедентных имен показал, что существуют значительные совпадения: 1) наиболее частотной является общественно-политическая область, представленная такими общими сферами-источниками, как «Политика» и «Война», 2) область науки показывает одинаково низкую частотность как в дискурсе К. Райс, так и И. Хакамады; стоит отметить, что состав этой области тоже одинаков: востребованы имена ученых и деятелей сферы образования. Количественные данные отражены в таблице 1, где приводится лишь информация по совпадающим сферам-источникам.

Рассмотрим типичные примеры прецедентных имен, принадлежащих общественно-политической области. Самой востребованной у К. Райс и И. Хакамады является сфера-источник «Политика», представленная именами известных политических деятелей и президентов, названиями международных политических организаций, символов государственной власти и советизмами. Кондолиза Райс часто ссылается на американских президентов (были зафиксированы следующие имена: Kennedy, Truman, Reagan, Nixon, Carter, Lincoln, Roosevelt, Clinton и др.). К. Райс: *The thought that you could challenge the Soviet Union and ultimately, out of its internal weakness and American power, it would collapse, never occurred to me until I started to read **Ronald Reagan*** (Interview with Greta Van Susteren of Fox News, California, May 23, 2007). Рональд Рейган — 40-й президент США, чья политика привела к положительным изменениям в экономической сфере: снизились налоги, упал уровень инфляции и безработицы. К. Райс подчеркивает важность идей Рейгана и их влияние на ее политическую позицию: «Мысль, что можно бороться с Советским Союзом и в конце концов из-за своей внутренней слабости и силы Америки он рухнет, никогда не посещала меня до того, как я начала читать Рейгана». В дискурсе И. Хакамады востребованы имена российских президентов и

руководителей СССР (Ю. В. Андропов, Л. И. Брежнев, М. С. Горбачев, Б. Н. Ельцин, Д. А. Медведев, В. В. Путин, И. В. Сталин, Н. С. Хрущев, К. У. Черненко и др.). Так как политик находится в оппозиции к власти, то большинство контекстов содержат негативную оценку действий или личности президентов, при этом имя В. В. Путина упоминается И. Хакамадой чаще всего: *Я сегодня играю в **Путина**, могу себе позволить — я на выборы не иду, из всех партий вышла, никуда не вхожу. Я теперь такой аналитик сторонний* («Я бы всем пудрила мозг, если бы была Путиным», 18.09.2007); *Новый премьер России Зубков пуст снаружи и наполнен изнутри **Путиным*** (Интервью для Day.az, 21.09.2007).

Кроме имен президентов своих стран, и К. Райс, и И. Хакамада часто используют прецедентные имена политиков из других стран (Benazir Bhutto, Tony Blair, Brezhnev, Winston Churchill, Mikhail Gorbachev, Hitler, Vladimir Putin, Saddam Hussein, Ariel Sharon, Сильвио Берлускони, Дж. Буш, А. Гитлер, Б. Клинтон, Х. Клинтон, Дж. Кеннеди, Б. Муссолини, Б. Обама, Тони Блэр, Шарль де Голль, Жан Мари Ле Пен, К. Райс, Ф. Рузвельт, Маргарет Тэтчер, Уинстон Черчилль, Жак Ширак, Саддам Хусейн и др.). К. Райс: *The most important thing about the transition to a **post-Castro** era is that the people of Cuba know that the future is going to rest in their hands* (Interview with Alexandra Ciniglio of CNN Espanol, June 2007). Фидель Кастро — руководитель Кубы с 1958 по 2008 г., который управлял государством по советской модели (централизация власти, цензура, госконтроль и др.). Райс говорит, что после ухода Кастро из власти «самое важное в переходе к эпохе пост-Кастро — это то, что будущее кубинцев теперь находится в их руках». И. Хакамада: *Второй тезис — избирательная система похожа на систему **Муссолини** — надо ее срочно поменять* (Что стоит за отставкой Вешнякова? «Эхо Москвы», 19.03.2007). Система Муссолини,

которую упоминает российский политик, известна тем, что она давала значительные преимущества фашистской партии перед другими партиями Италии. Последствия, к которым она привела, известны всем, поэтому И. Хакамада выступает против того, чтобы избирательная система в России строилась по образцу итальянской, то есть против мажоритарной системы выборов в парламент, которая может привести к установлению двухпартийности.

Прецедентные названия политических организаций и партий (NATO, European Union (EU), Quartet, UN, Евросоюз, «Единая Россия», Компартия, НАТО, ООН, «Яблоко» и др.) довольно часто встречаются в рассматриваемых дискурсах. К. Райс: *But he is saying very clearly that when NATO enlarges, it will be a good thing for security of Europe* (Press Briefing by National Security Advisor Condoleezza Rice, Warsaw, Poland, June 15, 2001). Американское руководство в лице К. Райс считает, что расширение НАТО содействует укреплению безопасности Европы. Известно неоднозначное отношение России к процессу расширения НАТО, что проявляется и в текстах И. Хакамады: *Надо прекрасно понимать, что глобализация — это не только ООН... есть Лига арабских стран, есть НАТО, есть Европейский союз, и есть еще „восьмерка“, которая, кстати, придет в Санкт-Петербург* (Уроки чужой войны для российского общества и государства, 16.04.2003). В своем выступлении российский политик отмечает, что глобализация неизбежна, однако важно, чтобы Россия не пренебрегала своими политическими и экономическими интересами, вступая в межгосударственные объединения.

Названия символов государственной власти — это еще одна сфера-источник прецедентности, присутствующая в дискурсах политиков (Camp David, the Kremlin, the Oval Office, the White House, the Capitol Hill (the Hill), the Pentagon, Кремль, Белый дом). Данные прецедентные имена олицетворяют решения, принимаемые властью, подчеркивают важность события или процесса. К Райс: *I don't remember a so-called emergency meeting. Look, it was not unusual that George and I would meet, in a sense, unscheduled, you know, after a meeting in the Oval or whatever* (Briefing en Route Shannon, Ireland, October 2006). Овальная кабинета — рабочий офис президента США в Белом доме, встречи там посвящены стратегическим вопросам руководства страной. И. Хакамада: *Ну, слухов ходит достаточно. Я знаю только одно, что мы для Кремля стали очень неудобны* (Телеканал ТВС, «Смотрите кто пришел!»,

13.02.2003). В данном случае ПИ «Кремль» используется с отрицательными коннотациями и олицетворяет руководство страны во главе с президентом.

Последняя совпадающая сфера-источник в дискурсах американского и российского политиков — советизмы (*the Communist Party, the Red Army, the Soviet Union, железный занавес, хрущевская оттепель, СССР, 1991 г.*). В контекстах, относящихся к дискурсу К. Райс, данные имена содержат отрицательные коннотации и указывают на негативные последствия советского режима не только для СССР, но и для всего мирового сообщества: *If you don't believe it I can remember all of the stories when I was a Soviet specialist about how the collective good of the Communist Party was going to protect the environment in the Soviet Union — did you see the mess that they left?* (International Institute of Strategic Studies, June 26, 2003). Коммунистическая партия подвергается резкой критике со стороны К. Райс, которая акцентирует негативные последствия ее действий. Важно отметить, что и И. Хакамада дает негативную оценку всему, что связано с Советским Союзом, что видно в примерах использования прецедентных советизмов: *Значит, до 99 года мы жили в России, а сейчас мы опять, второй раз, переехали в новую страну, которая называется СССР, диктатура одной партии, диктатура одной власти?* (Радиостанция «Эхо Москвы», 24.02.2004); *Скажите честно — мы хотим вернуться в прошлое, в Советский Союз. И тогда нас все поймут, все люди. Скажите это* (Телеканал РТР, «Парламентский час», «Восток или Запад?», 09.06.2002).

Таким образом, прецедентные имена общественно-политической области в дискурсе К. Райс говорят о ее солидарности с американским правительством, почтительном отношении к американской истории и институту президентства. Оппозиционное положение И. Хакамады ярко проявляется в выборе прецедентных имен и встраивании их в контекст. Стоит отметить, что прецедентные имена этой области не выражают личностные предпочтения, взгляды и интересы данных политиков. Институциональный характер коммуникации накладывает свой отпечаток: политики говорят скорее от лица правительства (К. Райс) или партии (И. Хакамада), а не от своего имени.

Вторая по частотности сфера-источник общественно-политической области — это «Война», которая в обоих рассматриваемых дискурсах представлена прецедентными топонимами, названиями войн и революций, военно-политических объектов и хронони-

мами. К. Райс оперирует названиями стран Ближнего Востока и Азии (Iran, Iraq, Gulf countries, Afghanistan, Middle East), которые в данном случае становятся метонимической ссылкой на происходящие там события: *I think that the dominant issue was about Afghanistan and the war on terrorism* (National Security Advisor Briefs Press, November 15, 2001). После терактов 11 сентября прецедентное имя «Афганистан» становится символом радикального ислама, терроризма и «убежища» Усамы бен Ладена. Для И. Хакамады характерно оперирование практически теми же самыми прецедентными топонимами (Афганистан, Израиль, Палестина, Ближний Восток Ирак, Иран, Косово, Южная Осетия, Нагорный Карабах, Югославия, Чечня, Кавказ). *Вот мы все об Ираке, а тут выясняется, что нас из квартир могут выгнать, если за непонятные коммунальные услуги денег не дали* (Телеканал ТВС, «Поединок», 21.03.2003); *Но вроде американцы со всякими психами по поводу Ирака и Ирана делают все для того, чтобы кризис политический продолжался на Ближнем Востоке, поэтому цены растут* («Марши несогласных» и ответственность их организаторов, 16.04.2007). Прослеживается негативное отношение политика к действиям США в регионе, а также критикуется чрезмерное внимание к данной проблеме со стороны российского правительства, в то время как внутри страны достаточно проблем, которые требуют незамедлительного решения.

Прецедентные названия войн актуальны для рассматриваемых дискурсов, большое количество совпадений зафиксировано в корпусе прецедентных имен этой сферы (the Second World War, Cold War, Cedar Revolution, Orange Revolution, II мировая война, холодная война, французская революция, бархатная революция, революция роз и др.) Названия «цветных» революций присутствуют как в речи К. Райс: *Ever since the "Cedar Revolution", the United States has stood in solidarity with the Lebanese people, echoing their calls for peace, justice, and freedom from foreign domination* (Anniversary of Lebanese Prime Minister Hariri's Assassination, Washington, February 14, 2008), так и И. Хакамады: *Вместо того, чтобы твердо провозгласить, что мы навеки отрекаемся от любой формы диктатуры, наоборот, мы утверждали, что отсчет времени начался с 90-х годов, с „великой бархатной революции“ 91-го года* («Кто вы, правые либералы?», выступление И. Хакамады на съезде СПС, 25.01.2004).

Хрононимы являются маловостребованными, в дискурсе К. Райс мы видим более

обширный арсенал прецедентных хрононимов (December 7, 1941, 1939, 1942, 1945), в то время как И. Хакамада ссылается только на 1917 год и 17 августа 1991 г. Приведем некоторые примеры. К. Райс: *No less than December 7, 1941, September 11, 2001 forever changed the lives of every American and the strategic perspective of the United States* (National Security Advisor C. Rice Remarks to Veterans of Foreign Wars, August 25, 2003). Дата 7 декабря 1941 года является знаковой для США — это день атаки Японии на центральную базу тихоокеанского флота США «Перл-Харбор». Кондолиза Райс часто сравнивает атаку на Перл-Харбор с терактом 2001 г. в Нью-Йорке, подчеркивая тем самым ту большую роль, которую эти события сыграли в истории страны. И. Хакамада: *Очень хорошо помню то самое 17 августа — я сидела в кабинете и думала о том, что у меня и мужа пропали все деньги* (И. Хакамада о том, как случившийся 10 лет назад дефолт продолжает влиять на нашу жизнь, 15.08.2008). 17 августа 1998 г. связывают с экономическим кризисом в России, так называемым «дефолтом». В рассматриваемом примере И. Хакамада говорит о том, что финансовые проблемы 90-х затронули и ее семью. Такое употребление ПИ можно рассматривать как попытку сближения и солидаризации с потенциальными избирателями.

Таким образом, прецедентные имена сферы-источника «Война» востребованы американским и российским политиком, они являются важной составляющей речи политиков, прежде всего потому, что период 2001—2008 гг., к которому относится проанализированный материал, ознаменовался активными антитеррористическими действиями США. Так называемая «война с терроризмом» часто сравнивается со Второй мировой войной, и К. Райс особо подчеркивает тот факт, что Соединенные Штаты предпочитают сохранять нейтралитет до тех пор, пока не задеты их интересы. Так, атака на Перл-Харбор послужила поводом для США вступить во Вторую мировую, 11 сентября привело к войне с терроризмом и отнесению некоторых государств к группе так называемых стран «Оси зла» (Axis of Evil), против которых США организовали активные военные действия. Большое внимание, уделяемое К. Райс военным конфликтам, снискало ей прозвище «принцессы-воительницы» (The Warrior Princess). И. Хакамада также оперирует разными прецедентными именами, актуализирующими различные военные операции в сознании слушателей. Политика интересуют как внутренние проблемы России во взаимоотношениях центра с некото-

рыми республиками, входящими в ее состав (например, Чечня), так и конфликты на Ближнем Востоке (Иран, Ирак).

Рассмотрим типичные примеры прецедентных имен, принадлежащих к области науки. Несмотря на то, что данная область находится на периферии генетических источников прецедентных имен в дискурсах К. Райс и И. Хакамады, ее роль нельзя недооценивать. Область представлена двумя сферами-источниками прецедентных имен: «Имена ученых и изобретателей» (John Dewey, Jan Karsky, Ahmed Zewail, Alfred Nobel, Jonas Salk, Г. Гегель, З. Фрейд, И. Ньютон, В. Л. Гинзбург, Л. Д. Ландау, Д. И. Менделеев, Платон, К. Маркс, Дж. Паркинсон) и «Образование» (Yale, Stanford, Harvard, Fulbright Program, Hubert Humphrey Program, МГУ, МГИМО, Оксфорд, Кембридж). Например, К. Райс: *Education, as the American philosopher John Dewey believed, "the fundamental method of social progress and reform"* (Stanford Report, June 16, 2002). Дьюи — один из наиболее известных американских философов и педагогов XX в. И. Хакамада: *Особенностям нынешних российских реалий позавидовал бы даже великий диалектик Гегель: нынешняя власть пытается осуществлять модернизацию методом реставрации* (Любовник-обольститель и насильник-импотент, 22.02.2002). Университеты в США являются одними из самых лучших в мире, и американский политик неоднократно это подчеркивает: *I am always very proud to note they go to universities all over the country. It's not just Yale or Harvard or Stanford* (An Overview of International Support for Iraqi Democracy, December 13, 2005). К. Райс неоднократно напоминает о важности развития образования для процветания американской нации. Что касается И. Хакамады, то она акцентирует проблемы российского образования: *Вот и нет у нас ни оксфордских ни кембриджских, а есть полуразрушенный, например, МГУ, который еле тянет лямку* (Радиостанция «Новости он-лайн», 20.02.2002). Таким образом, низкая частотность прецедентных имен области «Наука» говорит о том, что в 2000—2008 гг. политики интересовали другие проблемы, более актуальные для общества на том этапе.

Изучив арсенал прецедентных имен в дискурсах двух политиков, можно сделать выводы об идиостилевых особенностях, проявляющихся в использовании прецедентных имен.

1. К. Райс и И. Хакамада часто ссылаются на президентов своих стран, но если в речи К. Райс часто присутствуют цитаты, принадлежащие американским президентам, то И. Хакамада использует только имена рос-

сийских президентов и руководителей СССР, часто в негативном контексте. В корпусе наиболее востребованных имен присутствуют значительные совпадения (оба политика упоминают Джорджа Буша, В. Путина, И. Сталина, Б. Клинтона, Дж. Кеннеди, Л. Брежнева, А. Гитлера, Ф. Рузвельта, М. Горбачева и др.), но анализ контекстов показал, что американский политик использует данные прецедентные имена для подкрепления своего авторитета, выражает свою солидарность с популярными американскими президентами. И. Хакамада, в свою очередь, реализует тактику дистанцирования от российского правительства, тем самым подчеркивая свои оппозиционные взгляды.

2. Прецедентные имена зарубежных политиков показывают высокую частотность в обоих дискурсах, но цель их использования у К. Райс и И. Хакамады разная — американский политик выражает солидарность с западными политиками (А. Меркель, Т. Блэр, У. Черчилль и др.) и высказывает резкую критику в адрес других (Саддам Хуссейн, руководители СССР, А. Гитлер и др.). Тем самым политик выражает не только свои взгляды, но и позицию правительства США, представителем которого она является (в рассматриваемый период 2000—2008 гг. К. Райс была советником президента по национальной безопасности, а в 2005—2009 гг. занимала пост госсекретаря США). И. Хакамада в целом преследует те же цели, используя прецедентные имена политиков — солидаризация с западными лидерами, резкая критика нацистов. Однако прецедентное имя «С. Хуссейн» встречается в основном в положительных контекстах — политик высказывает сочувствие судьбе премьер-министра Ирака.

3. Корпус прецедентных названий международных политических организаций также имеет большое количество совпадений (ООН, ЕС, НАТО, Квартет и др.), но если К. Райс регулярно подчеркивает большое значение этих организаций для развития сотрудничества между странами, то И. Хакамада говорит об угрозе безопасности и суверенитету России, предупреждает о негативных последствиях глобализации. Прецедентные названия символов государственной власти подчеркивают принадлежность К. Райс госаппарату — все имена представляют положительную оценку действий правительства. И. Хакамада же, наоборот, выступает с резкой критикой госаппарата, прецедентные названия метонимически указывают на президента и правительство. При использовании прецедентных советизмов совпадают не только сами прецедентные единицы, но и то значение, которое они вы-

ражают. Оба политика негативно относятся к этому периоду в истории нашей страны, неоднократно подчеркивают его негативные последствия и убеждают, что возврат к коммунистическому режиму может иметь катастрофические последствия не только для России, но и для всего мира.

4. Прецедентные топонимы, относящиеся к сфере-источнику «Война», в речи американского политика напоминают об угрозе со стороны стран Ближнего Востока, в речи И. Хакамады они привлекают внимание к проблемным регионам (Ближний Восток, Афганистан), напоминают об ошибках прошлого (Кавказ, Чечня) и подчеркивают, что вмешательство США во внутренние дела России недопустимо, так как оно может привести к трагическим последствиям (Косово, Ирак). Ссылки на войны присутствуют в изучаемых дискурсах, политики используют как прецедентные имена этих войн, так и хрононимы, отсылающие к ним (1941, 1945). К. Райс часто проводит параллели между крупнейшими войнами XX в. и войной с терроризмом, развернутой США после терактов 2001 г.

5. Область науки является маловостребованной в дискурсе рассматриваемых политиков, что говорит о смещении акцента на политические события. Интересно, что К. Райс подчеркивает высокое качество американского образования, ссылается исключительно на американских ученых, в то время как И. Хакамада говорит о проблемах в научной сфере, о плачевном состоянии российской науки.

Таким образом, несмотря на значительные совпадения прецедентных имен рассмотренных сфер-источников, контекстуальный анализ показал, что политики преследуют разные цели, вводя эти единицы в свою речь, следовательно, можно говорить о том, что институциональный тип дискурса обусловил выбор сфер-источников прецедентных имен, в то время как идиостилевые особенности выразились в использовании самих прецедентных единиц.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алышева Ю. С. Речевой портрет современного политического лидера: автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Волгоград, 2012. 21 с.
2. Асташова О. И. Речевой портрет политика как динамический феномен: дис. ... канд. филол. наук. — Екатеринбург, 2012. 245 с.
3. Базылев В. Н. Политический дискурс в России // Лингвистика. Бюллетень Уральского лингвистического общества. — Екатеринбург, 2005. Вып. 15. С. 5—32.
4. Болотнов А. В. Идиостиль информационно-медийной языковой личности: коммуникативно-когнитивные аспекты исследования: дис. ... д-ра филол. наук. — Томск, 2015. 405 с.
5. Бэнкс Д. Представляя неприемлемое. Предвыборное обращение Ле Пена во втором туре президентских выборов во Франции в 2002 г. // Известия УрГПУ. Лингвистика / Урал. гос. пед. ун-т; отв. ред. А. П. Чудинов. — Екатеринбург, 2006. Вып. 19. С. 60—74.
6. Вепрева И. Т. «Мы их в сортире замочим», или Штрихи к риторическому портрету В. В. Путина // Политический дискурс в России — 4: материалы рабочего совещания-семинара (Москва, 22 апр. 2000 г.) / под ред. В. Н. Базылева, Ю. А. Сорокина. — М.: Диалог — МГУ. С. 43—45.
7. Гаврилова М. В. Некоторые черты речевого портрета первого президента России Б. Ельцина // Политическая лингвистика. 2012. Вып. 4. С. 17—22.
8. Гаврилова М. В. Когнитивные и риторические основы президентской речи (на материале выступлений В. В. Путина и Б. Н. Ельцина). — СПб., 2004. 295 с.
9. Гудков Д. Б. Прецедентное имя и проблемы прецедентности. — М.: Изд-во МГУ, 1999. 152 с.
10. Дарына Е. В. Лингво-риторическое описание языковой личности на примере публичных выступлений Петена и де Голля во время Второй мировой войны: автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 2008. 24 с.
11. Даулетова В. А. Я «идеальное» в русской и английской автобиографической прозе политических деятелей // Лингвистика: бюллетень Уральского лингвистического общества / Урал. гос. пед. ун-т; отв. ред. А. П. Чудинов. — Екатеринбург, 2004. Т. 14. С. 11—27.
12. Дементьева М. К. Языковые средства выражения оценки в современном российском официальном политическом дискурсе // Политическая лингвистика. 2009. Вып. 4 (30). С. 82—93.
13. Керимов Р. Д. Метафорические образы в речах президента ФРГ Й. Пау // Политическая лингвистика / гл. ред. А. П. Чудинов; ГОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т». 2009. Вып. 4 (30). С. 104—116.
14. Кондратьева О. Н. Метафорическая репрезентация политической жизни Украины в идиостиле Юлии Тимошенко // Политическая лингвистика. 2010. Вып. 4 (34). С. 101—111.
15. Крижановская Е. М. Особенности индивидуального стиля Г. А. Зюганова (на материале новостных текстов официального сайта Коммунистической партии РФ) // Современная политическая лингвистика: тезисы Междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 29.09—6.10.2011). — Екатеринбург, 2011. С. 155—157.
16. Кричун Ю. А. Языковая личность политического деятеля: дискурсивные характеристики: дис. ... канд. филол. наук. — Краснодар, 2011. 172 с.
17. Мадалиева Е. В. Прагматикон языковой личности политика в жанре исповеди // Политическая лингвистика. 2011. № 1 (35). С. 143—146.
18. Мохова Е. К. Метафорическое осмысление ислама в дискурсе Барака Обамы и Николя Саркози // Политическая лингвистика. 2011. № 3 (37). С. 241—244.
19. Нехорошева А. М. Концептуальная метафора как механизм реализации когнитивной матрицы «свой — чужой» в политическом дискурсе (на примере выступлений Ангелы Меркель) // Политическая лингвистика. 2012. Вып. 4. С. 157—162.
20. Попова Е. А. Интертекстуальность как средство воздействия в политическом дискурсе (на материале англоязычных текстов о политической карьере А. Шварценеггера): автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Самара, 2007. 20 с.
21. Романова Т. В. Коммуникативный имидж и речевой портрет современного политика // Политическая лингвистика. 2009. Вып. 1 (27). С. 110—118.
22. Руженцева Н. Б. Имиджевое интервью-перформанс В. Жириновского: смена масок, эпатаж, технология примитива // Политическая лингвистика. 2015. Вып. 3 (53). С. 50—56.
23. Сабанов Э. Э. Использование ПИ в президентском дискурсе. URL: <https://sites.google.com/site/imagepres/precedentnye-imena> (дата обращения: 20.11.2019).
24. Садуов Р. Т. Мифология в политическом дискурсе: анализ речей Тони Блэра // Политическая лингвистика. 2008. № (3) 26. С. 95—102.
25. Седых А. П. Идеологические элементы фразеологии политического руководителя (на материале дискурса В. В. Путина и А. Меркель) / А. П. Седых // Политическая лингвистика. 2012. — № 1 (39). С. 57—67.
26. Сивенкова М. А. Ответы на вопросы в британских и российских парламентских дебатах // Политическая лингвистика. 2009. № 1 (27). С. 125—132.
27. Соколовская Т. Б. Языковая личность политического лидера: (на материале газет новейшего времени): автореф. дис. ... канд. филол. наук.: 10.02.01. — СПб., 2002. 20 с.
28. Спиридовский О. В. Интертекстуальность президентского дискурса в США, Германии, Австрии // Политическая лингвистика. 2006. Вып. 20. С. 161—169.

29. Сурина А. В. Метафорическое моделирование российской действительности в мемуарах политических лидеров постсоветской эпохи : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01. — Нижний Тагил, 2007. 221 с.

30. Ушакин С. А. Речь как политическое действие // Полис. Политические исследования. 1995. № 5. С. 149—153.

31. Цветкова Е. Б. Языковая специфика текстов политических речей Ангелы Меркель // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2013. Вып. 2. С. 153—160.

32. Шустрова Е. В. Дискурс Барака Обамы: приемы и образы // Политическая лингвистика. 2009. Вып. 2 (32). С. 77—92.

I. S. Pirozhkova

Ural State University of Economics, Ekaterinburg, Russia

ORCID ID: 0000-0002-3850-5069

 E-mail: irene22@live.ru.

Individual Style of a Politician: Common Features of Precedent Names in the Discourse of C. Rice and I. Khakamada

ABSTRACT. *The paper describes common peculiarities of the use of precedent names in discourses of Condoleezza Rice and Irina Khakamada. The goal of this research is to compare the individual styles of the politicians. Precedent names are central elements of a discourse, they are signs of culture that reflect the historical experience of a people and determine the values and norms of society for a certain period of time. The main research methods are: contextual analysis, continuous sampling method, statistical method, analysis and synthesis. During this research the author has found out that most of the common features of precedent names are in the socio-political and scientific source-domains, represented by the sub-spheres "Politics", "War" and "Names of scientists", and "Education" respectively. C. Rice and I. Khakamada often mention the presidents of their countries, but they differ in the estimation of their work: the American politician evaluates the presidents of the country positively, while the Russian politician criticizes the leaders of the country and thus emphasizes her oppositional views. An important role in both discourses is given to the names of foreign politicians, names of international political organizations, symbols of state power and soviet symbols. The sub-sphere "War" reveals some similarities as well, and specifically in the use of precedent toponyms and dates. The source-domain of science is in low demand as, firstly, the period to which the discourses analyzed belong is characterized by political and military activity to fight terrorism, and secondly, institutional nature of the discourse doesn't allow the politicians to express themselves freely. So precedent names, on the one hand, represent individual features of political discourse of C. Rice and I. Khakamada, and on the other hand, their source-domains are determined by the type of discourse.*

KEYWORDS: political linguistics; linguopersonology; speech portrait; individual styles; politicians; women politicians; political discourse; precedent names.

AUTHOR'S INFORMATION: Pirozhkova Irina Sergeevna, Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Business Foreign Language, Ural State University of Economics, Ekaterinburg, Russia.

FOR CITATION: Pirozhkova, I. S. Individual Style of a Politician: Common Features of Precedent Names in the Discourse of C. Rice and I. Khakamada / I. S. Pirozhkova // Political Linguistics. — 2019. — No 6 (78). — P. 101-109. — DOI 10.26170/pl19-06-12.

ACKNOWLEDGMENTS. Research is accomplished with financial support of the Russian Foundation for Basic Research within the scientific project №19-021-00465 A "Linguo-Political Personology: Discursive Turn".

REFERENCES

1. Alysheva Yu. S. Speech portrait of a modern political leader : abstract of thesis ... of cand. of Philol. Sciences. — Volgograd, 2012. 21 p. [Rechevoy portret sovremennogo politicheskogo lidera: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. — Volgograd, 2012. 21 s.]. — (In Rus.)
2. Astashova O. I. Speech portrait of a politician as a dynamic phenomenon: thesis ... cand. of philol. sciences. — Ekaterinburg, 2012. 245 p. [Rechevoy portret politika kak dinamicheskiy fenomen: dis. ... kand. filol. nauk. — Ekaterinburg, 2012. 245 s.]. — (In Rus.)
3. Bazylev V. N. Political discourse in Russia // Linguistics. Bulletin of the Ural Linguistic Society. — Ekaterinburg, 2005. Issue. 15. P. 5—32. [Politicheskiy diskurs v Rossii // Lingvistika. Byulleten' Ural'skogo lingvisticheskogo obshchestva. — Ekaterinburg, 2005. Vyp. 15. S. 5—32]. — (In Rus.)
4. Bolotnov A. V. Idiostyle of an information-media linguistic personality: communicative-cognitive aspects of research : doctoral thesis ... Dr. Filol. Sciences. — Tomsk, 2015. 405 p. [Idiostil' informatsionno-medynoy yazykovoy lichnosti: kommunikativno-kognitivnye aspekty issledovaniya : dis. ... d-ra filol. nauk. — Tomsk, 2015. 405 s.]. — (In Rus.)
5. Benks D. Introducing Unacceptable. Le Pen's pre-election appeal in the second round of the presidential election in France in 2002 // Proceedings of Ur. State Ped. Univ. Linguistics / Ural State Ped. Univ. ; resp. ed. A.P. Chudinov. — Ekaterinburg, 2006. Issue. 19. P. 60—74. [Predstavlyaya nepriemlemoe. Predvybornoe obrashchenie Le Pena vo vtrom ture

prezidentskikh vyborov vo Frantsii v 2002 g. // Izvestiya UrGPU. Lingvistika / Ural. gos. ped. un-t ; otv. red. A. P. Chudinov. — Ekaterinburg, 2006. Vyp. 19. S. 60—74]. — (In Rus.)

6. Vepreva I. T. "We will kill them in the outhouse", or Strokes to the rhetorical portrait of V. V. Putin // Political discourse in Russia — 4: proceedings of a workshop-seminar (Moscow, April 22, 2000) / ed. V. N. Bazylev, Yu. A. Sorokin. — Moscow : Dialog — MSU. P. 43—45. [«My ikh v sortire zamochim», ili Shtrikhi k ritoricheskomu portretu V. V. Putina // Politicheskiy diskurs v Rossii — 4 : materialy rabochego soveshchaniya-seminara (Moskva, 22 apr. 2000 g.) / pod red. V. N. Bazyleva, Yu. A. Sorokina. — M. : Dialog — MGU. S. 43—45]. — (In Rus.)

7. Gavrilova M. V. Some features of a rhetoric portrait of the first Russian President B. N. Yeltsin // Political Linguistics. 2012. No 4. P. 17—22. [Nekotorye cherty rechevogo portreta pervogo prezidenta Rossii B. El'tsina // Politicheskaya lingvistika. 2012. — Vyp. 4. S. 17—22]. — (In Rus.)

8. Gavrilova M. V. Cognitive and rhetorical foundations of presidential speech (based on statements by V. V. Putin and B. N. Yeltsin). — Saint Petersburg, 2004. 295 p. [Kognitivnye i ritoricheskie osnovy prezidentskoy rechi (na materiale vystupleniy V. V. Putina i B. N. El'tsina). — SPb., 2004. 295 s.]. — (In Rus.)

9. Gudkov D. B. Case name and problems of case law. — Moscow : Publishing House of Moscow State University, 1999. 152 p. [Pretsidentnoe imya i problemy pretseidentnosti. — M. : Izd-vo MGU, 1999. 152 s.]. — (In Rus.)

10. Dar'ina E. V. Linguistic and rhetorical description of a linguistic personality on the example of public speeches by Pétain and de Gaulle during the Second World War : abstract of thesis ... cand. philol. sciences. — Moscow, 2008. 24 p. [Lingvo-ritoricheskoe opisanie yazykovoy lichnosti na primere publicnykh vystupleniy Petena i de Gollia vo vremya Vtoroy mirovoy voyny : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. — M., 2008. 24 s.]. — (In Rus.)
11. Dauletova V. A. The "I" ideal in Russian and English autobiographical prose of political figures // *Linguistics: Bulletin of the Ural Linguistic Society / Ural State Ped. Univ.*; resp. ed. A. P. Chudinov. — Ekaterinburg, 2004. Vol. 14. P. 11—27. [Ya «ideal'noe» v russkoy i angliyskoy avtobiograficheskoy proze politicheskikh deyatelay // *Lingvistika : byulleten' Ural'skogo lingvisticheskogo obshchestva / Ural. gos. ped. un-t ; otv. red. A. P. Chudinov.* — Ekaterinburg, 2004. T. 14. S. 11—27]. — (In Rus.)
12. Dement'eva M. K. Linguistic means of expressing assessment in modern Russian official political discourse // *Political Linguistics*. 2009. Issue 4 (30). P. 82—93. [Yazykovye sredstva vyrazheniya otsenki v sovremennom rossiyskom ofitsial'nom politicheskom diskurse // *Politicheskaya lingvistika*. 2009. Vyp. 4 (30). S. 82—93]. — (In Rus.)
13. Kerimov R. D. Metaphorical images in the speeches of the President of the Federal Republic of Germany J. Rau // *Political Linguistics / ed.-in-ch. A. P. Chudinov ; GOU VPO "Ural State Ped. Univ."*. 2009. Issue 4 (30). P. 104—116. [Metaforicheskie obrazy v rechakh prezidenta FRG Y. Rau // *Politicheskaya lingvistika / gl. red. A. P. Chudinov ; GOU VPO «Ural. gos. ped. un-t»*. 2009. Vyp. 4 (30). S. 104—116]. — (In Rus.)
14. Kondrat'eva O. N. Metaphorical representation of the political life of Ukraine in the idiom of Yulia Tymoshenko // *Political Linguistics*. 2010. Issue 4 (34). P. 101—111. [Metaforicheskaya reprezentatsiya politicheskoy zhizni Ukrainy v idiostile Yulii Timoshenko // *Politicheskaya lingvistika*. 2010. Vyp. 4 (34). S. 101—111]. — (In Rus.)
15. Krizhanovskaya E. M. Features of the individual style of G. A. Zyuganov (based on news texts on the official website of the Communist Party of the Russian Federation) // *Modern Political Linguistics: Theses of the Intern. Scientific Conf.* (Ekaterinburg, 29.09—6.10.2011). — Ekaterinburg, 2011. P. 155—157. [Osobennosti individual'nogo stilya G. A. Zyuganova (na materiale novostnykh tekstov ofitsial'nogo sayta Kommunisticheskoy partii RF) // *Sovremennaya politicheskaya lingvistika : tezisy Mezhdunar. nauch. konf.* (Ekaterinburg, 29.09—6.10.2011). — Ekaterinburg, 2011. S. 155—157]. — (In Rus.)
16. Krichun Yu. A. The linguistic personality of a politician: discursive characteristics : thesis ... cand. of philol. sciences. — Krasnodar, 2011. 172 p. [Yazykovaya lichnost' politicheskogo deyatelay : diskursivnye kharakteristiki : dis. ... kand. filol. nauk. — Krasnodar, 2011. 172 s.]. — (In Rus.)
17. Madalieva E. V. The Pragmatikon of the Linguistic Personality of Politics in the Genre of Confession // *Political Linguistics*. 2011. No 1 (35). P. 143—146. [Pragmatikon yazykovoy lichnosti politika v zhanre ispovedi // *Politicheskaya lingvistika*. 2011. № 1 (35). S. 143—146]. — (In Rus.)
18. Mokhova E. K. Metaphorical interpretation of Islam in Barack Obama and Nicolas Sarkozy discourse // *Political Linguistics*. 2011. No 3 (37). P. 241—244. [Metaforicheskoe osmyslenie islama v diskurse Baraka Obamy i Nikolya Sarkozy // *Politicheskaya lingvistika*. 2011. № 3 (37). S. 241—244]. — (In Rus.)
19. Nekhorosheva A. M. Conceptual metaphor as mechanism realizing a "self-other" cognitive matrix in the political discourse (the case of Angela Merkel's speeches) // *Political Linguistics*. 2012. No 4. P. 157—162. [Kontseptual'naya metafora kak mekhanizm realizatsii kognitivnoy matritsy «svoe — chuzho» v politicheskom diskurse (na primere vystupleniy Angely Merkel) // *Politicheskaya lingvistika*. 2012. Vyp. 4. S. 157—162]. — (In Rus.)
20. Popova E. A. Intertextuality as a Means of Influence in Political Discourse (based on the materials of English texts about A. Schwarzenegger's political career) : abstract of thesis ... cand. of philol. sciences. — Samara, 2007. 20 p. [Intertekstual'nost' kak sredstvo vozdeystviya v politicheskom diskurse (na materiale angloyazychnykh tekstov o politicheskoy kar'ere A. Shvartzeneggera) : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. — Samara, 2007. 20 s.]. — (In Rus.)
21. Romanova T. V. Communicative Image and Speech Portrait of a Modern Politician // *Political Linguistics*. 2009. Issue 1 (27). P. 110—118. [Kommunikativnyy imidzh i rechevoy portret sovremennogo politika // *Politicheskaya lingvistika*. 2009. Vyp. 1 (27). S. 110—118]. — (In Rus.)
22. Ruzhentseva N. B. Image interview-performance of V. Zhirinovskiy: change of guise, shock and primitivism technology // *Political Linguistics*. 2015. No 3 (53). P. 50—56. [Imidzhevoe interv'yu-performans V. Zhirinovskogo: smena masok, epatazh, tekhnologiya primitiva // *Politicheskaya lingvistika*. 2015. Vyp. 3 (53). S. 50—56]. — (In Rus.)
23. Sabanov E. E. Use of PN in the presidential discourse. [Is-pol'zovanie PI v prezidentskom diskurse]. URL: <https://sites.google.com/site/imagepres/precedentnye-imena> (date of access: 20.11.2019).
24. Saduov R. T. Mythology in Political Discourse: Analysis of Tony Blair's Speeches // *Political Linguistics*. 2008. No. 3 (26). P. 95—102. [Mifologiya v politicheskom diskurse: analiz rechey Toni Blera // *Politicheskaya lingvistika*. 2008. № (3) 26. S. 95—102]. — (In Rus.)
25. Sedykh A. P. Ideological elements in phraseology of political leader (on the basis of discourses of V. V. Putin and A. Merkel) // *Political Linguistics*. 2012. No 1 (39). P. 57—67. [Ideologicheskie elementy frazeologii politicheskogo rukovoditelya (na materiale diskursa V. V. Putina i A. Merkel') / A. P. Sedykh // *Politicheskaya lingvistika*. 2012. — № 1 (39). S. 57—67]. — (In Rus.)
26. Sivenkova M. A. Answers to questions in the British and Russian parliamentary debates // *Political Linguistics*. 2009. No. 1 (27). P. 125—132. [Otvety na voprosy v britanskikh i rossiyskikh parlamentskikh debatakh // *Politicheskaya lingvistika*. 2009. № 1 (27). S. 125—132]. — (In Rus.)
27. Sokolovskaya T. B. The linguistic personality of a political leader: (based on recent newspapers) : abstract of thesis ... cand. of philol. sciences: 10.02.01. — Saint Petersburg, 2002. 20 p. [Yazykovaya lichnost' politicheskogo lidera: (na materiale gazet novyeshego vremeni) : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk : 10.02.01. — SPb., 2002. 20 s.]. — (In Rus.)
28. Spiridovskiy O. V. Intertextuality of the presidential discourse in the USA, Germany, Austria // *Political Linguistics*. 2006. Issue 20. P. 161—169. [Intertekstual'nost' prezidentskogo diskursa v SShA, Germanii, Avstrii // *Politicheskaya lingvistika*. 2006. Vyp. 20. S. 161—169]. — (In Rus.)
29. Surina A. V. Metaphorical modeling of Russian reality in the memoirs of political leaders of the post-Soviet era : thesis ... cand. of philol. sciences : 10.02.01. — Nizhny Tagil, 2007. 221 p. [Metaforicheskoe modelirovanie rossiyskoy deystvitel'nosti v memuarakh politicheskikh liderov postsovetsoy epokhi : dis. ... kand. filol. nauk : 10.02.01. — Nizhny Tagil, 2007. 221 s.]. — (In Rus.)
30. Ushakin S. A. Speech as a political action // *Policy. Political research*. 1995. No. 5. P. 149—153. [Rech' kak politicheskoe deystvie // *Polis. Politicheskie issledovaniya*. 1995. № 5. S. 149—153]. — (In Rus.)
31. Tsvetkova E. B. Language specificity of texts of political speeches by Angela Merkel // *Bulletin of the Baltic Federal University named after I. Kant*. 2013. Issue 2. P. 153—160. [Yazykovaya spetsifika tekstov politicheskikh rechey Angely Merkel' // *Vestnik Baltiyskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta*. 2013. Vyp. 2. S. 153—160]. — (In Rus.)
32. Shustrova E. V. Barack Obama's Discourse: Techniques and Images // *Political Linguistics*. 2009. Issue 2 (32). P. 77—92. [Diskurs Baraka Obamy: priemy i obrazy // *Politicheskaya lingvistika*. 2009. Vyp. 2 (32). S. 77—92]. — (In Rus.)

Т. Ю. Тамерьян

Северо-Осетинский государственный университет, Владикавказ, Россия

ORCID ID: 0000-0003-0532-2538

А. У. Качмазова

Администрация Президента Республики Южная Осетия, Цхинвал, Юго-Осетинская Республика

ORCID ID: 0000-0002-9650-7556

 E-mail: tamertu@mail.ru; kachmazova.alina@yandex.ru.

Названия партий как маркер идеологических концептов политического дискурса

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена исследованию концептов югоосетинского политического дискурса, репрезентированных в названиях политических партий. Целью исследования является выявление особенностей связей содержания партийных программ с политонимами — названиями партий, а также анализ специфики формирования концептосферы партийного дискурса Юго-Осетинской Республики. В качестве материала авторами используются данные толковых и этимологических словарей, материалы СМИ, сайты политических партий, тексты заявлений лидеров и руководящего ядра партий. На основе дискурсивного, семантико-когнитивного анализа, концептуального, этимологического и сравнительного подходов проанализированы семантические особенности партийного политикона, когнитивные признаки и связи внутри югоосетинской партийной концептосферы на базе русского и осетинского кодов двуязычных жителей республики. Выявлены разновидности идеологических концептов политического дискурса республики: собственно идеологический концепт, концепт-лозунг, метафорический концепт, идеологический концепт, развившийся на основе этноспецифического концепта, а также идеологический концепт, производный концепта культуры, обладающий полифункциональными когнитивными признаками. Установлены концепты-синонимы — «фыдыбæстæ» / «отечество» и «родина» / «райгуырдæн бæстæ» и субконцепты: «большая родина₁» — «СССР» и ее преемница «РФ», «большая родина₂» — «Грузинская Республика»; описаны их исторический и актуальный пласты, определена их оппозитивная оценочность. Охарактеризованы эффективные и неэффективные стратегии формирования названий партий. В ходе исследования обнаружена когнитивная и аксиологическая интеграция концептов «народ» / «адæм» и «власть» / «хицаудад», кроме того, продемонстрирован тип аддитивной связи между концептами народ/адæм по отношению к концепту «единство» / «иудзинад».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: партийный дискурс; политические концепты; идеологические концепты; концепты-лозунги; политические партии; политическая лингвистика; метафорические модели; метафорическое моделирование; политическая метафорология; политический дискурс.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Тамерьян Татьяна Юльевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры иностранных языков для неязыковых специальностей факультета иностранных языков, Северо-Осетинский государственный университет им. К. Л. Хетагурова — СОГУ; 362025, Россия, г. Владикавказ, ул. Ватутина, 44-46; e-mail: tamertu@mail.ru.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Качмазова Алина Ушанговна, кандидат филологических наук, Администрация Президента Республики Южная Осетия; 100001, Юго-Осетинская Республика, Цхинвал, ул. Сталина, 18; kachmazova.alina@yandex.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Тамерьян, Т. Ю. Названия партий как маркер идеологических концептов политического дискурса / Т. Ю. Тамерьян, А. У. Качмазова // Политическая лингвистика. — 2019. — № 6 (78). — С. 110-115. — DOI 10.26170/pl19-06-13.

БЛАГОДАРНОСТИ. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Министерства образования и науки Республики Южная Осетия в рамках научного проекта № 19-512-07002 (10-МК/19).

Политический дискурс конструирует политическую реальность общества. Когнитивное пространство политического мира, репрезентирующее важнейшие элементы сознания народа, воплощается сквозь призму языка как социального конструкта [Демьянков 2002: 32—43]. Речевая деятельность личности или коллективного субъекта политики, на материале которой осуществляется настоящее исследование, служит отражением существующей в сознании людей когни-

тивной картины политического мира [Сорокин, Желтухина 2003: 26—27].

А. П. Чудинов выявляет следующие составляющие языковой картины политического мира: политические концепты (понятийный, культурно-исторический, образный, ценностный, эмоциональный компоненты); ментальные сферы (ментальные поля); стереотипы; ценности и антиценности [Чудинов 2007: 43—71].

К числу основных направлений политической лингвистики относится рассмотрение

специфики функционирования не только политических концептов, но также ключевых концептов культуры в рамках политической коммуникации [Чернявская 2006].

Политический концепт является одной из основных единиц, образующих языковую картину политического мира того или иного народа. Концептуальный домен — определенное множество стереотипных ментальных схем-образов, представлений, суждений, интерпретаций, мнений. Политический концептуальный домен в «свернутом» виде вербально обозначается абстрактным понятием, дающим имя или название определенному дискурсивному пространству, наподобие названия архивированного файла [Чудинов 2006].

В Юго-Осетинской Республике зарегистрировано 15 политических партий [МИА «Южная Осетия сегодня» 2015 www]. Учитывая билингвальную специфику населения страны, являющегося носителями координативного билингвизма, заметим, что третья часть партий зарегистрировала названия на осетинском языке с соответствующим переводом на русский, остальные 10 партий закрепили свои названия на русском языковом коде с соответствующими эквивалентами на осетинском [Джиоева, Тамерьян 2016; Tameryan et al. 2019].

Республиканская политическая социалистическая партия *Фыдыбæстæ / Отчизна* (от осет. *фыд* «отец» и *бæстæ* «край, местность») [Касаев, Гуриев. Осетинско-русский словарь 1993 www], политическая партия *Рæстаг Ир / Справедливая Осетия* Республики Южная Осетия, Республиканская политическая партия *Ирыстон — сæрибары Фæзуат/Осетия — площадь Свободы*, политическая партия *Фидæн/Будущее* и политическая партия *Ныхас/Ныхас* [МИА «Южная Осетия сегодня» 2015 www]. Слово *ныхас* — это заимствование в русском языке осетин, оно означает место, где осетинские мужчины решали общественные дела, проводили досуг, а также имеет значения «слово, речь, беседа» [Касаев, Гуриев. Осетинско-русский словарь 1993 www].

Названия югоосетинских партий репрезентируют концептуальную палитру политического пространства недавно образовавшейся страны.

Идеологический компонент *социалистическая партия* входит в полное название партий *Единство народа* (осет. *Адæмы иудзинад*) и *Фыдыбæстæ* (осет. *Отечество, Отчизна*).

Коммунистическая партия Республики Южная Осетия (осет. *Хуссар Ирыстонты Коммунистон парти*) как продолжатель идей коммунизма на постсоветском про-

странстве дублирует название *Коммунистическая партия Российской Федерации*.

Полная структурная модель названий партий допускает наличие следующих элементов: тип организации (политическая партия) + топоним — название страны (Республика Южная Осетия)/оттопонимичное прилагательное (Юго-Осетинская Республиканская) + + идеологема (социалистическая/коммунистическая) + политоним (закавыченное название партии). Приведенная модель допускает двуязычное или одноязычное воплощение в качестве базовой формы, при этом на осетинском языке может репрезентироваться только последний компонент — закавыченное название партии.

В лингвополитическом поле РЮО функционируют концепты дискурса власти, появление которых обусловлено комплексом социально-политических и эпистемологических оснований. Сохраняя приверженность ценностям советского периода, югоосетинские партийцы декларируют идеологические концепты *коммунизм* и *социализм*, репрезентированные в названиях партий: «Коммунистическая партия Республики Южная Осетия», созданная 15 мая 1993 года, через три месяца после создания Коммунистической партии Российской Федерации [Википедия] Коммунистическая партия Республики Южная Осетия, «Социалистическая партия *Единство народа*» (осет. *Адæмы иудзинад*) и «Республиканская политическая социалистическая партия *Фыдыбæстæ*» (осет. *Отчизна*).

На материале югоосетинского парламентского дискурса нами выделяется несколько разновидностей идеологических концептов: это собственно идеологический концепт, чье имя называет определенную мировоззренческую платформу, концепт-лозунг и метафорический концепт, выражающие идеологические принципы, идеологический концепт, развившийся на основе этноспецифического концепта, а также идеологический концепт, производный от концепта культуры, обладающий полифункциональными когнитивными признаками.

Синонимичные концепты югоосетинской политической коммуникации — *фыдыбæстæ/отечество* и *родина/райгуырæн бæстæ* (от осет. досл. «место рождения») — относятся к последней категории: они проявляют характеристики универсального концепта культуры, этноспецифического и идеологического концептов. Идея патриотизма в сознании южных осетин наполнилась новым смыслом после установления государственности, слабым местом которой все еще остается статус неполной легитимности на мировой арене.

Исторический пласт данных концептов зафиксировал трансформацию репрезентантов «большой родины» от СССР и Республики Грузии — до пространственно-территориального континуума «малой родины» — Республики Южная Осетия вследствие образования самостоятельного государства. Субконцепты «большая родина₁» — СССР и ее приемник РФ аксиологически антонимичны субконцепту «большая родина₂» — Грузинская Республика. Актуальный пласт данных концептов развивается благодаря международной политике, укреплению отношений с бывшей «большой родиной₁» — Россией.

Концепт *Новая Осетия/Ног Ирыстон*, реализованный в названии Республиканской политической партии, также входит в концептуальное политическое пространство *фыдыбæстæ/отечество* и *родина/райгуырæн бæстæ* только учетом атрибута *новая*, служащего рестрикционным маркером периода — новейшей истории развития РЮО как государства.

Следующая разновидность концептов — это идеологические концепты-лозунги, формульно передающие основные цели и задачи политической организации, эксплицированные в названия политических партий *Справедливость Труд Развитие / осет. Рæстдзинад Архайд Размæцыд* (пунктуация осетино- и русскоязычных названий сохранена) и *Достоинство и справедливость / осет. Хорздзинад æмæ Рæстдзинад* [Осетинско-русский словарь 1993 www].

Название политической партии *Аланы / осет. Алантæ* сопряжено с концептом осетинской культуры, оно акцентирует принадлежность всех членов данной партии к осетинскому этносу, имплицитно демонстрируя дискриминацию по этническому признаку для вступления в партию представителей других национальностей. *Аланы* (др.-греч. αλανοί, лат. *Alani, Halani*, самоназвание *ироны*, в византийских источниках — *аланы*, по-грузински *осы*, по-русски *ясы*) — это кочевые ираноязычные племена скифо-сарматского происхождения. Современные ираноязычные осетины являются прямыми потомками алан [Кузнецов 1967. Большая Советская Энциклопедия /Аланы www]. Имя концепта «Аланы»/Алантæ является неудачным примером закрепленного самоназвания для обозначенной политической группы, поскольку оно не позволяет диагностировать вектор программной перспективы ее деятельности.

Следующий политический концепт также является производным от этноспецифического концепта *Ныхас* (ист. осет. «сход мужчин»), включающего понятие *Стыр ныхас*, т. е. *Высший совет* осетин, который апел-

лирует к осетинскому закону — *Æгъдау*, — согласно которому права женщин были регламентированы определенными сферами деятельности. Имя концепта дает возможность предположить в анализируемой организации ведущую роль мужчин, вносящую определенные гендерные ограничения. Вместе с тем тот факт, что одним из авторитетных партийцев является женщина-политик Зита Бесаева, высвечивает иной этносоциальный ракурс когнитивного наполнения концепта — ритуальность политической деятельности в соответствии с традицией.

Метафорический концепт *Ирыстон — сæрибары фæзуат / Осетия — площадь свободы* для названия партии актуализирует когнитивную метафорическую модель. Специфика рассматриваемой модели заключается в том, что и сфера-источник (source domain), и сфера-мишень (target domain) лежат в одной и той же области топонимики: это хороним *Ирыстон/Осетия* и агороним *Сæрибары фæзуат/площадь Свободы*. Причем *площадь Свободы* ассоциируется с местом в городе Цхинвал, где происходили митинги сторонников экс-кандидата в президенты Южной Осетии Аллы Джигоевой после принятого Верховным судом решения о признании результатов президентских выборов с ее участием недействительными в 2011 году [ИТАР-ТАСС 2011 www; NEWSru 2011 www].

Посредством когнитивной модели *Ирыстон — сæрибары Фæзуат* проводится двойная аллюзия: к месту сбора оппозиции и к обретению независимости самопровозглашенной Республики Южная Осетия. Бивекторная концептуальная модель репрезентирует групповую разновидность политического концепта, мифологизирующего протест сторонников А. А. Джигоевой. Название партии сужает перспективу деятельности данной социальной группы.

Названия трех приводимых ниже партий апеллируют к оценочной этической категории *справедливость*, соотносимой с социальным, политическим, правовым и экономическим секторами универсальной концептосферы: это *Справедливость Труд Развитие / Рæстдзинад Архайд Размæцыд, Рæсттаг Ир / Справедливая Осетия, Достоинство и справедливость / Хорздзинад æмæ Рæстдзинад*.

Идеал *справедливости* как высшей ценности формирует магистральные направления динамики социальных процессов в стране. Справедливость становится главным ценностно-нормативным критерием, гарантией соблюдения прав и свобод граждан, создания условий для труда, позволяющих прогнозировать благоприятное развитие общества.

Этнический концепт-регулятив *достоинство* в политической коммуникации проявляется как ментально-поведенческая доминанта югоосетинского культурного пространства. В политониме-лозунге *Достоинство и справедливость / Хорздзинад æмæ Рæстдзинад* репрезентированы базовые ценности и нормы, которые должны соблюдаться в конституционном государстве РЮО — ГА.

Название политической партии *Фидæн / Будущее* указывает маршрут, характеризующий направление деятельности политических партий при любом государственном устройстве: воплощение приоритетов в законодательской деятельности парламентариев, формирующих политическую платформу в виде ориентационной схемы, нацеленной в будущее. Кроме того, когнитивное наполнение концепта *будущее* подразумевает бинарность «будущее — прошлое», причем последнее, как правило, не только предполагает или явно демонстрирует негативную оценку настоящего положения дел, но заключает в себе динамику позитивного развития.

Смысловая реализация заголовка статьи «В Южной Осетии появится „Будущее“» [МИА «Южная Осетия сегодня» 2012 [www](#)] о создании новой партии строится на игре слов: *Будущее* как название партии и *будущее* — «период времени, который наступит после настоящего» [Словарь русского языка 1999, т. 1: 121]. Таким образом, акцентируется судьбоносная значимость создания для Южной Осетии данной партии.

Председатель партии на период 2011 г. Эдуард Габараев заявил, что главной целью создания политической организации являлось стремление консолидировать осетинский народ: *Сегодня наблюдается разобщенность в осетинском обществе. Единение осетинского народа, развитие национальной идеи, национальной культуры, науки — вот основные направления, по которым мы будем работать* [МИА «Южная Осетия сегодня» 2012 [www](#)]. Анализируя данное высказывание, мы можем прийти к выводу, что содержание политической платформы партии *Фидæн / Будущее* формирует область когерентности с концептами политических партий *Единство / Иудзинад*, *Единая Осетия / Иугонд Ирыстон*, *Единство народа / Адæмы иудзинад* и *Народная партия / Адæмон парти*.

Концепты *единство/иудзинад* и *народ/адæм* отражают ценности осетинского общества, выражая коллективную идею сохранения национальной идентичности. По структуре когнитивных связей языковые репрезентации концепта *народ/адæм* характеризуются признаками аддитивности по отношению к

концепту *единство/иудзинад* [Джигоева, Тамерьян 2017].

В контексте парламентского дискурса *народ/адæм* осмысливается как гражданское общество, население государства, нация, субэтнос, трудовое население; а под *единством/иудзинад* понимается сплоченность народа Южной Осетии, соединение Южной и Северной Осетий в результате вхождения в состав РФ, а также единение и тесные связи осетин во всем мире.

Таким образом, осетинский народ реализует свое право на политическое и национальное самоопределение: *Осетинский народ должен реализовать свое право жить в едином социально-экономическом и политическом пространстве со своим стратегическим партнером — Россией* [МИА «Южная Осетия сегодня» 2015 [www](#)]. Начало этому процессу было положено актом признания Российской Федерацией независимости Республики Южная Осетия 26 августа 2008 г. [Указ Президента РФ 2008: 1261 [www](#)].

Интегративность парных концептов *народ/адæм* и *единство/иудзинад* проявляется в когнитивной и дискурсивной смежности. Дискурсообразующие концепты югоосетинской политической коммуникации *народ/адæм* и *власть/хицаудад* не вступают в отношения концептуальной оппозиции, поскольку власти репрезентируют себя как представителей народа, находящихся с ним в неразрывном единстве.

Нынешний президент РЮО — ГА, в прошлом — спикер парламента, А. И. Бибиллов осмысляет *народ* и *власть* как концептуальный интеграл социально-политической общности всех граждан страны: *За два с половиной года работы в Парламенте мы посетили все районы нашей Республики* [Осетинский Информационный Портал НЫ-ХАС 2017 [www](#)].

Фæлæ мах куы нæ кад кæнæм, чи фæхъуыдис, чи фесæфтис, чи нæ рæздæхтис, уыдонæн, уæд, æвæццæгæн махæн сомбон нæй. — Но, если мы не будем помнить тех, кто не вернулся, у нас, наверное, не будет будущего [Парламент Республики Южная Осетия | Официальный сайт 2016 [www](#)].

Хочу подчеркнуть, что у меня нет деления в обществе по политическим взглядам. Мы все — одна команда — народ Республики Южная Осетия [МИА «Южная Осетия сегодня» 2018 [www](#)].

Суммируя наши наблюдения за развитием концептуального сектора югоосетинской политической коммуникацией, приходим к ряду выводов: парламентский дискурс Южной Осетии реализуется в билингвальном

режиме; политические концепты в этносоциополитическом сознании южных осетин обладают институциональными, универсальными и этническими характеристиками; большинство названий политических партий не репрезентируют отдельные концепты, они связаны общим когнитивным кластером, представляющим идеи и ценности, значимые для построения нового государства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Демьянков В. З. Политический дискурс как предмет политологической филологии // Политическая наука. Политический дискурс: история и современные исследования. — М. : ИНИОН РАН, 2002. № 3. С. 32—43.
2. Итоговая пресс-конференция Президента Анатолия Бибилова / МИА «Южная Осетия сегодня». 2018. URL: <https://south-ossetia.info/itogovaya-press-konferenciya-prezidenta-anatoliya-bibilova/> (дата обращения: 29.12.2017).
3. Коммунистическая партия Республики Южная Осетия // Википедия : интернет-энциклопедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Коммунистическая_партия_Республики_Южная_Осетия (дата обращения: 31.10.2019).
4. Кузнецов В. А. Аланы // Большая Советская энциклопедия. Т. 1. А — Й / под ред. А. П. Евгеньевой ; РАН, Ин-т лингвистич. исследований. 4-е изд., стер. — М. : Рус. яз. : Полиграфресурсы, 1999. С. 121. URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/02/mal12112.htm> (дата обращения: 31.10.2019).
5. Массовая культура на рубеже XX—XXI веков: человек и его дискурс : сб. науч. тр. / Рос. акад. наук, Ин-т языкознания ; науч. ред. Ю. А. Сорокин, М. Р. Желтухина. — М. : Азбуковник, 2003. 366 с.
6. «Одна, пусть две» — остальные партии в Южной Осетии хотят ликвидировать // EADaily. 2019. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2017/09/19/odna-pust-dve-ostalnye-partii-v-yuzhnoy-osetii-hotyat-likvidirovat> (дата обращения: 31.10.2019).
7. Осетинско-русский словарь / под ред. А. М. Касаева, редактор издания Т. А. Гуриев. 4-е изд. — Владикавказ : Изд-во

Северо-Осетинского института гуманитарных исследований, 1993. 384 с. URL: http://ironau.ru/lingvo/iron-rus_dictionary.htm (дата обращения: 31.10.2019).

8. Политические партии // МИА «Южная Осетия сегодня». URL: <https://south-ossetia.info/obshchestvo/politicheskie-partii/> (дата обращения: 06.04.2015).

9. Парламент Республики Южная Осетия : официальный сайт. 2016. URL: www.parliament/rso.org (дата обращения: 31.10.2019).

10. Предвыборная программа А. И. Бибилова / Осетинский информационный портал «Ныхас». 2017. URL: <http://www.nykhas.ru/293392/anatoliya-bibilova-predvybornaya-prog> (дата обращения: 31.10.2019).

11. Словарь русского языка (Малый академический словарь). Т. 1. А—Й / под ред. А. П. Евгеньевой ; РАН, Ин-т лингвистич. исследований. 4-е изд., стер. — М. : Рус. яз. : Полиграфресурсы, 1999. С. 121. URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/02/mal12112.htm> (дата обращения: 31.10.2019).

12. Сторонники Аллы Джигоевой требуют признать итоги состоявшихся выборов // ИТАР-ТАСС. 2011. URL: <https://tass.ru/arhiv/508842>.

13. Чернявская В. Е. Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия : учеб. пособие. — М. : Флинта, 2006. 136 с.

14. Указ Президента Российской Федерации от 26.08.2008 г. № 1261 «О признании Республики Южная Осетия». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/27958> (дата обращения: 01.11.2019).

15. Чудинов А. П. Политическая лингвистика : учеб. пособие для студентов, аспирантов, преподавателей-филологов. — М. : Флинта : Наука, 2007. 254 с.

16. Чудинов А. П. Политическая лингвистика. — М. : Флинта : Наука, 2006. 252 с.

17. Tameryan T. Y., Zheltukhina M. R., Slyshkin G. G., Zelenskaya L. L., Ryabko O. P., Bodony M. A. Political media communication: bilingual strategies in the pre-election campaignspeeches // Online Journal of Communication and Media Technologies. 2019. Vol. 9. No 4. DOI <https://doi.org/10.29333/ojcm/5869>.

T. Yu. Tameryan

North Ossetian State University, Vladikavkaz, Russia

ORCID ID: 0000-0003-0532-2538

A. U. Kachmazova

Administration of the President of the Republic of South Ossetia, Tskhinval, South Ossetia Republic

ORCID ID: 0000-0002-9650-7556

 E-mail: tamertu@mail.ru; kachmazova.alina@yandex.ru.

Party Names as Markers of Ideological Concepts of Political Discourse

ABSTRACT. The article is devoted to the study of the concepts of South Ossetia political discourse represented in the names of political parties. The aim of the study is to reveal the peculiar relations between the content of party programs and politonyms – names of parties, as well as to analyze the specificity the party discourse conceptsphere formation in South Ossetia. The authors use data from explanatory and etymological dictionaries, media materials, websites of political parties, texts of statements by leaders and party officials as research material. On the basis of discursive and semantic-cognitive analysis and conceptual, etymological and comparative approaches the article analyzes the semantic features of party political lexicon and the cognitive features and connections within the South Ossetian party conceptsphere based on the Russian and Ossetian codes of bilingual residents of the republic. The authors have revealed certain varieties of ideological concepts of the political discourse of the republic: ideological concept proper, concept-slogan, metaphorical concept, ideological concept developed on the basis of the ethno-specific concept, as well as ideological concept derived from the cultural concept possessing multifunctional cognitive features. The study has revealed the synonyms — “фыдыбæстæ” / “fatherland” and “homeland” / “райгуырдæн бæстæ” and subconcepts “big homeland1” — “the USSR” and its successor the “Russian Federation”, “big homeland2” — “the Georgian Republic”; their historical and current layers have been described and their oppositional axiology has is characterized. The article identifies effective and ineffective strategies of party nomination. In the course of the study, the authors describe cognitive and axiological integration of the concepts of “people” / “adæm” and “power” / “хицаудад”; in addition, they single out a type of additive relationship between the concepts “people” / “adæm” and the concept “unity” / “уыдзинад”.

KEYWORDS: partisan discourse; political concepts; ideological concepts; concepts-slogans; political parties; political linguistics; metaphorical models; metaphorical modeling; political metaphorology; political discourse.

AUTHOR'S INFORMATION: *Tamer'yan Tat'yana Yul'evna, Doctor of Philology, Professor of Department of Foreign Languages for Non-Linguistic Specialties, Faculty of Foreign Languages, North-Ossetia State University, Vladikavkaz, Russia.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Kachmazova Alina Ushangovna, Candidate of Philology, Administration of the President of the Republic of South Ossetia, Tskhinval, South Ossetia Republic.*

FOR CITATION: *Tameryan, T. Yu. Party Names as Markers of Ideological Concepts of Political Discourse / T. Yu. Tameryan, A. U. Kachmazova // Political Linguistics. — 2019. — No 6 (78). — P. 110-115. — DOI 10.26170/pl19-06-13.*

ACKNOWLEDGMENTS. Research is accomplished with financial support of the Russian Foundation for Basic Research (RFBR) and Ministry of Education and Science of the Republic of South Ossetia Project № 19-512-07002 (10-MK/19).

REFERENCES

1. Demyankov V. Z. Political discourse as a subject of political science philology // Political Science. Political discourse: History and current research. — Moscow : INION RAS, 2002. No. 3. P. 32—43. [Dem'yankov V.Z. Politicheskij diskurs kak predmet politologicheskoy filologii // Politicheskaya nauka. Politicheskij diskurs: Istoriya i so-vremennyye issledovaniya. — M.: INION RAN, 2002. № 3. S. 32—43]. — (In Rus.)
2. The final press conference of President Anatoly Bibilov / MIA "South Ossetia Today". 2018. [Itogovaya press-konferenciya Prezidenta Anatoliya Bibilova / MIA «YUzhnaya Osetiya segodnya». 2018]. URL: sinform.org/64154-itogovaya-press-konferenciya-prezidenta-ryuo8213-ga-anatoliya-ilicha-bibilova.html (date of access: 29.12.2017). — (In Rus.)
3. Kuznetsov V. A. *Alans* / Great Soviet Encyclopedia. V. 1. A — Engob. — Moscow : Soviet Encyclopedia. [Kuznecov V. A. *Alany* / Bol'shaya Sovetskaya enciklopediya. T. 1. A — Angob. — M. : Sovetskaya enciklopediya]. — 1969. 608 p. URL: <https://122.slovaronline.com/3027%D0%90%D0%9B%D0%90%D0%9D%D0%AB> (date of access: 31.10.2019). — (In Rus.)
4. Communist Party of the Republic of South Ossetia // Wikipedia : Internet Encyclopedia [Internet-enciklopediya «Vikipediya» / Kommunisticheskaya partiya Respubliki YUzhnaya Osetiya]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Kommunisticheskaya_partiya_Respubliki_YUzhnaya_Osetiya (date of access: 31.10.2019). — (In Rus.)
5. Mass culture at the turn of the XX-XXI centuries: man and his discourse : collection of scientific works of Russian Acad. of Sciences, Institute of Linguistics / scientific. ed. Yu. A. Sorokin, M. R. Jaundice. — Moscow : Azbukovnik, 2003. — 366 p. [Massovaya kul'tura na rubezhe XX-XXI vekov: chelovek i ego diskurs : sb. nauch. tr. Ros. akad. nauk, In-t yazykoznaniya / nauch. red. Yu. A. Sorokin, M.R. ZHeltuhina. — M. : Azbukovnik, 2003. — 366 s.]. — (In Rus.)
6. "One, let two" — the remaining parties in South Ossetia want to liquidate // EADaily. 2019. [«Oдна, pust' dve» — ostal'nye partii v YUzhnoj Osetii hotyat likvidirovat' // EADaily. 2019]. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2017/09/19/odna-pust-dve-ostalnye-partii-v-yuzhn-oy-osetii-hotyat-likvidirovat> (date of access: 31.10.2019).
7. Ossetian-Russian Dictionary / ed. A.M. Kasaeva, editor of the publication T. Guriev. — Vladikavkaz : Publishing House of the North Ossetian Institute for Humanitarian Research. 4th edition. 1993. 384 p. [Osetinsko-russkij slovar' / pod red. A. M. Kasaeva, redaktor izdaniya Guriev T. A. — Vladikavkaz : Izd-vo Severo-Osetinskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy. 4-e izdanie. 1993. — 384 s.] URL: http://ironau.ru/lingvo/ironrus_dictionary.htm (date of access: 31.10.2019). — (In Rus.)
8. Political parties. MIA "South Ossetia today". [Politicheskije partii. MIA "YUzhnaya Osetiya segodnya"]. URL: <https://south-ossetia.info/obshhestvo/politicheskie-partii> (date of access: 06.04.2015). — (In Rus.)
9. Parliament of the Republic of South Ossetia : Official Site. 2016. [Parlament Respubliki Yuzhnaya Osetiya : oficial'nyj sajt. 2016]. URL: www.parliament/rso.org (date of access: 31.10.2019). — (In Rus.)
10. The election program of A. I. Bibilova // Ossetian Information Portal "Nykhas". 2017. [Predvybornaya programma A. I. Bibilova / Osetinskij Informacionnyj portal «Nykhas». 2017]. URL: <http://www.nykhas.ru/293392/anatoliya-bibilova-predvybornaya-prog> (date of access: 31.10.2019). — (In Rus.)
11. Dictionary of the Russian language (Small Academic Dictionary). V. 1. A — Y / under. ed. of A. P. Evgenyeva / RAS, Institute of Linguistics. research. 4th ed., ster. — Moscow : Rus. language : Polygraph resources, 1999. P. 121. [Slovar' russkogo yazyka (Malyj akademicheskij slovar'). T. 1. A — J / pod. red. A. P. Evgen'evoy: V 4-h t. / RAN, In-t lingvistich. issledovaniy. 4-e izd., ster. — M. : Rus. yaz.; Poligrafresursy. S. 121]. URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/02/ma112112.htm> (date of access: 31.10.2019). — (In Rus.)
12. Supporters of Alla Dzhioeva demand to recognize the results of the elections // ITAR-TASS. 2011. [Storonniki Ally Dzhioevoy trebuyut priznat' itogi sostoyavshihsya vyborov // ITAR-TASS. 2011]. URL: <https://tass.ru/arhiv/508842> (date of access: 31.10.2019). — (In Rus.)
13. Chernyavskaya V. E. The discourse of power and the power of the discourse: problems of speech exposure: textbook. — Moscow : Flinta, 2006. 136 p. [Chernyavskaya V.E. Diskurs vlasti i vlast' diskursa: problemy rechevogo vozdejstviya: ucheb. posobie. — M.: Flinta, 2006. 136 s.]. — (In Rus.)
14. Decree of the President of the Russian Federation of August 26, 2008 No. 1261 "On the Recognition of the Republic of South Ossetia". [Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 26.08.2008 g. № 1261 «O priznanii Respubliki YUzhnaya Osetiya»]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/27958> (date of access: 01.11.2019).
15. Chudinov A. P. Political Linguistics : manual for students, graduate students, teachers-philologists. — Moscow : Flinta : Science, 2007. 254 p. [Politicheskaya lingvistika: ucheb. posobie dlya studentov, aspirantov, prepodavatelej-filologov. — M.: Flinta : Nauka, 2007. 254 s.]. — (In Rus.)
16. Chudinov A. P. Political Linguistics. — Moscow : Flinta : Science, 2006. 252 p. [Politicheskaya lingvistika. M.: Flinta: Nauka, 2006, 252 s.]. — (In Rus.)
17. Tameryan T. Y., Zheltukhina M. R., Slyshkin G. G., Zelen-skaya L. L., Ryabko O. P., Bodony M. A. Political media communication: bilingual strategies in the pre-election campaignspeeches // Online Journal of Communication and Media Technologies. 2019. V. 9. № 4. DOI <https://doi.org/10.29333/ojcm/5869>.

О. А. Ткаченко

Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, Великий Новгород, Россия

ORCID ID: 0000-0003-2302-8922 E-mail: olga.tkachenko88@mail.ru.

Переименование политических партий в современной Германии

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются основные языковые механизмы осуществления переименования и экстралингвистические мотивы смены имени на материале современных политических партий Германии. Выявлено, что в качестве основных языковых механизмов успешной реализации переименования можно обозначить изменение полюса оценки партийного имени с отрицательного на положительный, наличие явного следа прецедентного имени в новом наименовании, избавление от архаичных компонентов в преобразованной номинации, краткость нового имени, а поддержка массмедиа — важнейшая составляющая удачного политического ренейминга в современных условиях. Выделено два типа переименования: «традиционный», когда инициатива смены имени исходит от самой партии, и «внешний», при котором ренейминг осуществляется внешними источниками, вследствие которого возникают прозвищные партийные наименования. Что касается «внешнего», в основном дискриминирующего ренейминга, то популярность такого переименования партий набирает обороты в политическом дискурсе современной Германии, это общепризнанное языковое орудие политической борьбы. Отмечено, что представители политических сил ФРГ чаще лишь выносят на обсуждение предложения о переименовании партий, но к смене имени прибегают крайне редко, учитывая риски, которые таятся в подобном ребрендинге. Но при соблюдении определенных условий он может пройти безболезненно для партии. При грамотной маркетинговой политике и с учетом основных языковых механизмов ренейминг может стать инструментом повышения эффективности политической коммуникации и укрепления позиций партии на политической арене.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: переименование политических партий; политические партии; политонимы; политическая лингвистика; прозвища; ренейминг; политическая коммуникация.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Ткаченко Ольга Анатольевна, аспирант кафедры журналистики, ассистент кафедры иностранных языков, перевода и межкультурной коммуникации, ИГУМ, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого (научный руководитель — Т. В. Шмелева, доктор филологических наук, профессор; профессор кафедры журналистики Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого); 173003, Россия, Великий Новгород, ул. Большая Санкт-Петербургская, д. 41; e-mail: olga.tkachenko88@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Ткаченко, О. А. Переименование политических партий в современной Германии / О. А. Ткаченко // Политическая лингвистика. — 2019. — № 6 (78). — С. 116-124. — DOI 10.26170/pl19-06-14.

В современной политической коммуникации важное место занимают имена политических партий (далее — имя партии), которые являются важным инструментом повышения ее эффективности. Это их свойство рассмотрено по отношению к наименованиям партий современной Германии [Ткаченко 2019].

Так, выявлено, что на 20 июля 2017 года согласно данным официального сайта Руководителя Федеральными выборами ФРГ в Германии отмечены наименования 116 партий. Они регулируются Законом о политических партиях. Важно отметить, что ФРГ является одним из пионеров в правовом регулировании положения политических партий. Так, Закон «О политических партиях» (Gesetz über die politischen Parteien) был принят 24 июля 1967 г. Анализ этого Закона позволил увидеть, что требования, предъявляемые к наименованию политических партий ФРГ, достаточно либеральны, и учредители партий относительно свободны в выборе наименования [Ткаченко 2017].

Наряду с классическими именами партий: CDU (ХДС), SPD (СДПГ), FDP (СвДП), появ-

ляются более современные, нетрадиционные номинации: **Ab jetzt ...Demokratie durch Abstimmung** (Отныне... Демократия путем всенародного голосования), **Aufbruch C** (Прорыв X), **Der Dritte Weg** (Третий путь), **Grauer Panther** (Серые пантеры). При этом многие новые названия направлены не на прояснение избирателям политической платформы, а на привлечение внимания [Ткаченко 2019].

Тем не менее возникают ситуации, когда политические силы сталкиваются с необходимостью смены имени. Языковые механизмы переименования партий в современных условиях, а также вопрос реализации смены партийных имен как лингвистической проблемы до сих пор остается открытым. В связи с этим представляется актуальным в настоящей работе выявить основные языковые механизмы переименования и экстралингвистические мотивы подобной номинативной операции на материале современных политических партий Германии.

Для реализации этой цели были изучены официальные сайты и дискуссионные форумы партий, журнальные и газетные статьи, а

также читательские комментарии ведущих германских онлайн-изданий: *SGP, Diskussionsforum der Piratenpartei, Süddeutsche Zeitung, die Welt, Horizont.Net, Berliner Morgenpost, T-Online, Carta, Manager Magazin, TAZ*. Важно отметить, что в анализируемых публикациях освещаются как предложения о смене партийных имен, так и уже состоявшиеся трансформации политического бренда.

Таким образом удалось собрать материал по переименованию 6 политических партий ФРГ: **Frei Demokratische Partei, FDP** (*Свободная демократическая партия, СвДП*); **Christlich-Demokratische Union, CDU** (*Христианско-демократический союз, ХДС*); **Alternative für Deutschland, AfD** (*Альтернатива для Германии, АдГ*); **Piratenpartei Deutschland** (*Пиратская партия Германии*), **Sozialistische Gleichheitspartei, Vierte Internationale** (*Социалистическая партия равенства, Четвертый интернационал*), **Bündnis 90/die Grünen** (*Союз 90/Зеленые*).

Анализ собранного языкового материала позволяет предполагать, что смена партийного имени может быть двух типов, за каждым из которых стоят свои причины, языковые механизмы и определенный ожидаемый коммуникативный эффект. Так, можно выделить «внутренний» вектор (традиционный) переименования, когда инициатива смены имени исходит от самой партии, и «внешний», при котором ренейминг осуществляется извне.

В качестве традиционного переименования, при котором члены партии сами заинтересованы в смене наименования, рассмотрим пример ренейминга партии **Partei für soziale Gleichheit** (*Партия за социальное равенство*). В феврале 2017 г. члены партии единогласно проголосовали за ее переименование. Согласно опубликованной резолюции, партия теперь будет называться **Sozialistische Gleichheitspartei, Vierte Internationale** (*Социалистическая партия равенства, Четвертый интернационал*) [SGP 2017]. Здесь в основе ренейминга лежит преобразование имеющегося имени с полным или частичным сохранением первоначально прочно закрепившегося оформления номинации. Члены партии внесли дополнение «Vierte Internationale», подчеркивающее единство Международного комитета Четвертого интернационала как мировой партии социалистической революции. Прежнее имя партии легко считывается в новой номинации. Использование подобного языкового механизма переименования, на наш взгляд, можно считать наиболее успешным, так как новое транспарентное имя не заставит адресата сомневаться в том, о какой партии идет речь.

Иногда партия за счет смены имени пытается восстановить соответствие плана выражения имени партии плану его содержания, ведь нередко наименование может вызывать у аудитории нежелательные ассоциации, которые идут вразрез с политической идеологией и ценностями партии. Так, например, в 2010 г. на федеральном партийном съезде в Бингене было передано на рассмотрение предложение о переименовании **Piratenpartei Deutschland** (*Партии пиратов Германии*). Инициатива замены имени была поддержана в статье независимой информационной онлайн-платформы «Carta»: «С одной стороны, Партия пиратов либеральна, ставит перед собой весьма благородные цели: содействие свободному распространению знаний, реформа законов об авторском праве, борьба за сохранение гражданских прав и свобод в Интернете. Однако имя партии вызывает негативные ассоциации и насмешку аудитории. Ведь сегодняшние „пираты“ не являются потомками Клауса Стертебекера. Они не пираты морей и не „преступники“, а защитники индивидуальных свобод, выступающие за информационную свободу и защиту при неправомерном использовании данных. Следует признать, что экзотическое имя вызывает лишь любопытство» (здесь и далее перевод мой. — О. Т.) [Carta 2010]. Автор статьи, Вольфганг Михаэль, считает, что Партия пиратов, являясь седьмой по величине партией ФРГ, остро нуждается в новом имени, соответствующем идеологии партии и ее реальной политической деятельности. И если пираты, или, правильнее сказать, «**Цифровые демократы**», не проведут ренейминг, то, по мнению автора, они пойдут ко дну вместе с компьютерной мышкой в мертвом море «старых партий».

Здесь важно обратиться к слову «пиратство» в значении ‘нарушение авторских прав’, которое возникло по аналогии с деятельностью морских пиратов, включающей грабежи, разбой и похищение. Впервые слово в этом значении упоминается еще в 1603 году, но его активное употребление едва насчитывает 100 лет. Однако в последние 20 лет вместе с расцветом компьютерных технологий и общедоступностью Интернета использование понятия цифрового пиратства достигло пика. Необходимо учесть тот факт, что в политической картине мира пиратские партии приобрели большую популярность [Актуальные комментарии 2017].

Как считает Кристоф Роттвин, журналист экономического журнала «Manager Magazin», используя в своем партийном имени понятие с негативной коннотацией, пиратские партии меняют его отрицательную оценку на поло-

жительную, ведь они выступают за реформы в области интеллектуальной собственности, свободный некоммерческий обмен информацией и недопустимость его преследования по закону, а также за неприкосновенность частной жизни. Политические объединения, именуя себя «пиратами», подчеркивают, что они честны перед электоратом. Пиратские партии признают, что, создав платформу для нелегального обмена цифровыми материалами и поддерживая такую политику их нелегитимного распространения, они нарушают закон, но при этом для многих они все же преследуют благородные цели. По мнению К. Ротвина, именно эта откровенность принесла популярность и колоссальную поддержку пиратскому политическому движению во многих странах [Rottwin 2015].

Как показал пример с Партией пиратов Германии, имя партии у одной части аудитории вызывает негативные эмоции, что подтверждает необходимость проведения ренейминга. Другая же часть аудитории благодаря правдивости имени видит в партии объединение с честной по отношению к избирателю политической позицией, готовое изменить отношение электората к цифровому пиратству в положительную сторону.

Вопрос о переименовании Партии пиратов Германии до сих пор остается открытым. Так, в октябре 2018 г. на своем новом форуме Партия призвала свой электорат высказать свое мнение относительно смены имени на «**Piratenpartei Europa Nationalverband Deutschland**» (*Партия пиратов Европы Национальный союз*) [Diskussionsforum der Piratenpartei 2018]. Участие потенциальных избирателей в выборе нового имени в форме опроса можно считать особым приемом реализации исследуемой языковой стратегии.

Высказались различные мнения:

– «Убрать слово „партия“ и назвать „Пираты Европы“, зачем концепцию партии выносить в наименование?! К примеру, партии „Зеленые“ и „Левые“ не используют в имени слово „партия“. Нравятся короткие имена больше, чем длинные или их аббревиатуры. Нет: СвДП, ХДС, АдГ. Да: „Левые“, „Союз 90/Зеленые“, „Пираты“, Партия. Mercedes, Apple, Linux или Tesla воспринимаются на слух лучше, чем IBM, BMW или VW. Преимущество наличия коротких и выразительных имен по сравнению с аббревиатурами заключается в том, что они сразу же вызывают определенные ассоциации».

– «Крайне аллергическая реакция на понятие „Национальный“, абсолютно устарело».

– «Я против каких-либо дополнений, потому что „Пираты“ — международное движе-

ние, деятельность которых выходит также и за пределы Европы. Достаточно наименования „Пираты“. В случае с именами партий: меньше значит больше».

– «Мне не нравится слово „Национальный“ из-за негативных ассоциаций с право-консервативными и правыми экстремистскими силами».

– «В имени должна отражаться будущая роль партии, а не ссылка на прошлое» [Diskussionsforum der Piratenpartei 2018].

Таким образом, Партия пиратов Германии вышла на новый уровень взаимодействия с электоратом, и, как показал опрос, модификация имени с добавлением нового архаичного компонента, которое влечет за собой удлинение наименования партии или превращение его в аббревиатуру, не нашла поддержки у аудитории.

Однако существует иной механизм изменения оценочного вектора — в негативную сторону, при котором переименование партии производит не сама политическая сила, а внешние источники. Так, в новом имени выражаются в краткой, часто метафоричной форме основные претензии конкурирующих партий, общественных деятелей, представителей массмедиа или электората. Это осуществляется за счет трансформации бренда как символично-образного комплекса. Такой механизм способствует сращиванию нового имени и предъявляемых через имя обвинений с существующим наименованием.

Такой ренейминг можно считать мощным оружием в жесткой конкурентной борьбе политических сил, так как в дальнейшем «эти вновь созданные лапидарные, но емкие выражения закрепляются за счет многократной воспроизводимости в медиапространстве или в политических кругах и имеют все шансы вытеснить из общественного сознания изначальное имя, которое тем не менее продолжает официально существовать» [Иванова 2013: 44].

Так, например, ХДС (*Христианско-демократический союз Германии*) получил наименование **Die Mutti-Partei** (*Mutti — мамочка*). Изначально прозвище «мамочка» относилось к канцлеру Германии Ангеле Меркель, которая занимала пост председателя ХДС с апреля 2000 по декабрь 2018 г. В 2008 г. бывший федеральный министр экономики Майкл Глос назвал Ангелу Меркель «Mutti». Как было отмечено в журнале «Spiegel», она на самом деле относилась к Глосу «с особой материнской нежностью» [Raether 2017].

Но самое примечательное, что это прозвище прочно закрепилось за ней и дало

толчок к появлению прозвищного наименования для ее партии. Тиль Раетхер, журналист ведущей германской газеты „Süddeutsche Zeitung Magazin“, в своей статье «Die Mutti aller Schlachten» («Мамочка всех сражений») рассуждает о трансформациях образа «мамочки» Ангелы Меркель и его перевоплощении в привлекательный бренд. «Первый, предполагаемый эффект от такого прозвища: любой, кто называет преуспевающего политика „мамочкой“, подчеркивает ее авторитарную власть, которой, между тем, он наделяет женщину. Однако, когда взрослый называет подобным образом взрослого, это воспринимается унизительно и отчужденно. Несогласные с политическими взглядами федерального канцлера в отношении беженцев правые экстремисты и правые популисты стали активно использовать лозунги „Мамочка должна уйти“, „Мутти мультикульти“, „Мать Террорезия“» [Raether 2017].

Однако, на взгляд автора статьи, прозвище «Мутти» больше помогало Ангеле Меркель в ее политической карьере, чем мешало. Потому что все аспекты метафоры «мамочка» скрывали ее слабые стороны. «Благодаря материнской бережливости швабской домохозяйки, которая не может потратить больше, чем у нее есть в кошельке, она могла быть оправдана за сокращение социальных выплат. Если „мамочка“ призывала своих мальчиков к порядку, то их политические противники автоматически ниспадали до уровня подростков. И наконец, после федеральных выборов в 2013 году ее образ трансформировался в образ „матери-президента нации“» [Raether 2017]. Как показал анализ [Тамерьян, Цаголова 2018: 71], «положительный образ матери сложился на базе образно-метафорической и образно-прецедентной составляющих. Он навеян материнской заботой о министрах своего кабинета, о немецкой нации, о странах ЕС, а также деятельностью канцлера в решении вопросов миграционной политики. Прилагательное schwäbisch — „швабская“ является ключевым, так как о бережливости и даже скупости швабов существует множество анекдотов».

Попытки политических противников сместить оценочный вектор прозвищного наименования в негативную сторону терпели неудачу, так как слово «Mutti», как правило, в большинстве случаев толкуется положительно, даже если кто-то пытается использовать это слово в негативном контексте.

Другим ярким примером переименования с изменением знака оценки с положительного на отрицательный может послужить имя **Die Nazi-Partei** (*Нацистская партия*) для партии **Alternative für Deutschland**

(*Альтернатива для Германии, АдГ*). Так, в 2017 г. в журнале «Taz» публикуется статья «**Soll man sie eine Nazi-Partei nennen?**» (*Стоит ли называть ее Нацистской партией?*), в которой поднимаются вопросы о том, заслужила ли партия АдГ за ультраправые политические высказывания ее представителей такого наименования и насколько такое неофициальное имя может повредить политическому имиджу партии [Roth 2017]. Отдельного внимания, на наш взгляд, заслуживают мнения читателей к этой публикации:

– «Вещи следует называть своими именами. АдГ — нацистская партия»;

– «Если ультраправых сразу называть нацистской партией, то левых в бундестаге тогда стоит переименовать в **Штази-партию** (*Stasi, или Staatssicherheitsdienst der DDR — комитет государственной безопасности в ГДР*)»;

– «АдГ сама ХОЧЕТ, чтобы ее называли нацистской партией. Все эти волнения в обществе по поводу расистских высказываний были изначально спланированы как провокация...»;

– «Я бы назвал АдГ нацистской партией»;

– «Возможно, правильнее ее стоило бы назвать Неонацистской партией. Они скорее наследники нацистской идеологии» [Roth 2017].

После ряда антисемитских заявлений АдГ это имя уже прочно закрепилось за партией в массмедиа и среди граждан Германии. Позднее «Шарлотта Кноблох, президент еврейской общины в Мюнхене и Верхней Баварии, назвала АдГ нацистской партией, так как девиз ее новой партийной программы можно кратко сформулировать как „Евреи, прочь из Германии“» [Berliner Morgenpost 2018]. А в апреле 2019 г. в интервью газете «Welt» социал-демократ Зёнке Рикс публично назвал АдГ «Нацистской партией», сравнив ее политиков с социал-националистами. По мнению З. Рикс, такое имя как нельзя лучше подходит для партии, которая с трибуны открыто говорит об «утилизации людей» [Tangermann 2019].

Примечательно, что предложение о смене имени партии может исходить от представителей коалиционных партий. Так, заместитель руководителя ХДС Томас Штробль призвал «Зеленых» исключить из названия партии **Bündnis 90/die Grünen** («Союз 90/ Зеленые») приставку «Союз 90». На его взгляд, такое дополнение устарело. «При такой легкой трансформации бренда партия „Зеленых“ была бы легкоузнаваемой» [Gaugele, Kade 2014]. Однако председатель партии «Зеленых» отклонил это требование, подчеркнув, что, называя себя

«Союз 90 / Зеленые», партия поддерживает свое гражданское наследие ГДР. Таким образом, этот политоним выполняет меморативную функцию. Имя партии становится хранителями памяти как в масштабах исторического наследия страны, так и отдельного политического объединения.

Партия «Союз 90/Зеленые» возникла в результате объединения Партии зеленых и восточногерманской партии «Союз 90». В 1993 г. Партия зеленых вышла из парламента и, стремясь заполучить поддержку в восточногерманских землях, объединилась с местным «Союзом 90» в единую партию, получившую название «Союз 90/Зеленые» [Gaugele, Kade 2014]. Однако такая архаичная приставка в составе имени партии послужила толчком к тому, что за партией закрепилось неофициальное имя «**Die Alt-partei**» (*alt* — *старый*), которое может вызвать потерю молодых избирателей.

В таких случаях возникают политические прозвища. Политические партии приковывают к себе особое внимание общественности и неизменно являются мишенью для создания дополнительных характеризующих, оценочных имен, т. е. прозвищ [Шпар 2017: 188]. Прозвищные номинации активно фигурируют в политическом дискурсе, их негативно-оценочный потенциал может эффективно использоваться при создании непривлекательного имиджа политических оппонентов, дискредитации политических противников. Благодаря способности производить впечатление, прозвища часто выступают в качестве идеологического оружия в языке политики [Шустова 2015: 9]. Прозвища политиков, а также политических партий выделяют в отдельную группу, мотивируя это тем, что для них характерна утрата корпоративности [Вальтер, Мокиенко 2005: 56]. Прозвища становятся известны широким массам, вследствие чего они могут задавать определенное отношение к политической силе, активно использоваться наряду с официальными партийными именами или даже вытеснить официальные имена партий из употребления [Ильясов 2000: 152].

Важно также отметить, что различают положительные и отрицательные прозвищные наименования, которые даются по разным основаниям и с разными целями [Ильясов 2000: 152]. Позитивные цели — «приподнять», возвысить политика, уменьшить социальную дистанцию между ним и определенной социальной группой, как описано в примере с ХДС. Негативные цели — очернить, опошлить образ соперника, увеличить социальную дистанцию между ним и «народной массой» — случай с партией АдГ

демонстрирует реализацию негативной цели переименования.

Относительно прозвищных номинаций важно отметить, что эти эмоционально окрашенные единицы вызывают особый исследовательский интерес. В рамках настоящего исследования мы обратили внимание на структуру прозвищных имен партий ФРГ. Большая часть проанализированных наименований такого типа (**Unter-Fünf-Prozent-Partei**, **Alt-partei**, **Nazi-Partei**, **Nazi-Partei**, **Mutli-Partei**) состоит из двух основных элементов: термин (указание на организационно-правовую форму политического объединения) и негативно-оценочный компонент. Термин во всех примерах представлен лексемой «партия». Тогда как анализ терминологической составляющей 116 партийных наименований современной Германии показал, что такие номинации располагают терминологическим словарем из более полутора десятков единиц. Большое разнообразие ядерных компонентов (терминов) в названиях немецких партий можно считать специфической чертой этой ономастической системы, что связано с отсутствием обязательного требования указывать правовую форму партий в законе о партиях ФРГ [Ткаченко 2018]. Но благодаря незамысловатой структуре и экспрессивности прозвищных номинаций они легко запоминаются, способны длительное время храниться в памяти и вызывать стойкие ассоциации и стереотипы, связанные с объектом оценки. Очевидно, что такие лексические единицы обладают аксиологическими возможностями. Они выступают не только эффективным средством оценки, но и формируют общественное мнение относительно проблем и слабых сторон партии. Однако можно предположить, что манипулирование прозвищными номинациями в политическом дискурсе — это опасная игра, которая может спровоцировать серьезный конфликт.

Иногда процесс переименования партии проходит в двухвекторном режиме: сама партия стремится путем модификации имени создать новый бренд с положительной оценкой, а медиаресурсы вместе с аудиторией проводят свой ренейминг уже с изменением знака оценки на отрицательный.

Примером реализации такого приема, основанного на противоположном изменении оценочного вектора, может служить предложение о смене наименования партии **Freie Demokratische Partei** (*Свободная демократическая партия*, *СвДП*). В интервью газете «*Rheinischen Post*» Мари-Агнес Штрак-Циммерман, заместитель председателя партии, заявила, что «у либералов на

данный момент большая проблема с партией как брендом, и они воспринимаются не наилучшим образом. Если СвДП хочет вновь добиться успеха, она должна заняться социально-политическими вопросами и побуждать к дискуссии» [T-Online 2014]. Стратегию успеха партии в будущем Мари-Агнес Штрак-Циммерман связывала с ребрендингом, что подразумевало, на ее взгляд, обязательное переименование партии. Свободная демократическая партия провалилась на выборах в бундестаг в 2013 г. Также на европейских выборах она потерпела поражение, набрав лишь 3,4 %. Еще в 2011 г. заместитель председателя СвДП Вольфганг Кубики после избирательной катастрофы либералов на выборах в парламент земли Мекленбург — Передняя Померания был убежден в том, что у партии есть проблемы именно с брендом. «Потому что как бренд партия СвДП „бойкотирована“, и это мнение граждан» [T-Online 2014]. Однако лидер партии Кристиан Линднер скептически отнёсся к «маркетинговым» планам и вместо этого призвал к политическим обсуждениям по существу. СвДП традиционно выступала за разумную экономическую политику и современную социальную политику. «Мы должны вернуть этот бренд к жизни, чтобы обрести новое доверие» [T-Online 2014].

Роланд Бёз, специалист по торговой рекламе и коммуникации, руководитель рекламного агентства Scholz & Friends, в качестве гостя-эксперта *Horizont.net* дает оценку возможному переименованию партии СвДП и задается вопросом: действительно ли такой ребрендинг является последним спасением для слабый брендов в политике? И может ли новое имя спасти «продукт», который многие граждане Германии считают плохим?

Наименование для партий он рассматривает как обычное торговое имя для обозначения товара или услуг. «В сегодняшнем мире люди, города, государства и, следовательно, партии выступают как бренды, которые со своими именами прочно закрепились во всех сферах жизни». Исходя из этого важного признака переименование устоявшегося бренда, на взгляд Роланда Бёза, **является самой рискованной миссией в маркетинге**. В качестве удачных примеров переименования крупных марок автор приводит следующие: *Ситибанк* стал *Таргобанком*, *Premiere* теперь транслируется как *Sky*, *Ruhrkohle* теперь работает как *Evonik*. «Самым важным помощником в „приживаемости“ новых имен являются массмедиа. Во всех названных примерах ребрендинг проходил при колоссальной поддержке с

большими финансовыми инвестициями. И как раз таки медиаресурсы являются для СвДП первым серьезным препятствием на пути к успешному ребрендингу. После провала партии в 2013 г. на федеральном уровне ее стали игнорировать в медиапространстве: ее представителей перестали приглашать на ток-шоу, журналисты утратили интерес к ней, ее присутствие в массмедиа сократилось. Шансы на удачный ререйтинг у СвДП в таких условиях крайне малы» [Bös 2014].

Намерение трансформировать бренд СвДП не осталось без внимания медиа с электоратом, которые предложили со своей стороны насмешливые варианты нового партийного имени. Так, в комментариях к статьям на сайтах онлайн-изданий, а также в социальных сетях большая часть читателей скептически отнеслась к возможному переименованию партии. Высказывались мнения, что новое имя не станет залогом ее успеха на выборах, и оно не сможет изменить положение дел в лучшую сторону. Другая часть аудитории восприняла новость о возможном переименовании СвДП с насмешкой и предложила свои варианты подходящих для партии имен, например: «**Die Bedeutungslosen**» (*Ничего не значащие*) или «**UFP, Unter-Fünf-Prozent-Partei**» (*Партия-ниже-пяти-процентов*). Кристофер Ротвин, журналист *Manager Magazin*, считает, что такие имена, как «**Die Unklaren**» (*Непонятные*) и «**Die Überflüssigen**» (*Ненужные*), наилучшим образом отражают политическую деятельность СвДП [Rottwin 2012]. Такой активный отклик аудитории на возможное переименование в форме оскорбительных номинаций позволяет предполагать, что эти уничижительные имена могут закрепиться и стать прозвищами для партии.

Таким образом, анализ материала приводит к выводу о том, что в качестве основных языковых механизмов успешной реализации переименования можно обозначить изменение полюса оценки партийного имени с отрицательного на положительный, наличие явного следа прецедентного имени в новом бренде, избавление от архаичных компонентов в преобразованной номинации, краткость нового наименования, а поддержка массмедиа — важнейшая составляющая удачного политического ренейминга в современных условиях. Медиаресурсы могут стать как ключевым содействующим звеном при модификации бренда, так серьезным препятствием на пути утверждения нового имени.

Как показал анализ, представители политических сил чаще выносят на обсуждение предложения о переименовании партий, но к смене имени прибегают крайне редко,

учитывая все риски, которые стоят за подобным ребрендингом. Но при соблюдении определенных условий он может пройти безболезненно для партии. При грамотной маркетинговой политике и с учетом основных языковых механизмов ренейминг может стать инструментом повышения эффективности политической коммуникации и укрепления позиций партии на политической арене [Ткаченко 2019]. Благодаря маркетинговым исследованиям можно определить, что нравится целевой аудитории и в чем бренд уступает своим конкурентам. Подобная генерация идей улучшает взаимодействие с электоратом, дает возможность ознакомиться с запросами потребителей, их восприятием партии и отношением к ней, выявлению сильных и слабых сторон бренда.

Что касается «внешнего ренейминга», его можно считать общепризнанным языковым орудием политической борьбы. Популярность такого переименования партий набирает обороты в политическом дискурсе современной Германии. Неудивителен тот факт, что переименование политического объединения в современных условиях может проходить в двухвекторном режиме, когда партийная трансформация бренда проходит одновременно с переименованием внешними источниками с дискриминирующим оттенком.

ЛИТЕРАТУРА

1. Актуальные комментарии. Новые политические пираты. 2017. URL: <http://actualcomment.ru/novye-politicheskie-piraty-1704261011.html> (дата обращения: 04.11.2019).
2. Вальтер Х., Мокиенко В. М. Русские прозвища как объект лексикографии // Вопросы ономастики. 2005. № 2. С. 56. URL: <http://www.ruslang.ru/doc/onomastica/onomastica2text.pdf> (дата обращения: 11.10.2019).
3. Иванова С. В. Политический ребрендинг от противника как коммуникативная стратегия // Политическая лингвистика. 2013. № 4 (46). С. 42—46. URL: <http://politlinguist.ru/materials/pl/46.pdf> (дата обращения: 14.06.2019).
4. Ильясов Ф. Н. Политический маркетинг. Искусство и наука побеждать на выборах. — М. : ИМА-пресс, 2000. С. 152.
5. Тамерьян Т. Ю., Цаголова В. А. Имиджевая структура концепта Kanzlerin Angela Merkel по данным немецких СМИ // Политическая лингвистика. 2018. № 3 (69). С. 69—75. URL: <http://politlinguist.ru/current.html> (дата обращения: 09.11.2019).
6. Ткаченко О. А. Как называют политические партии в Германии: правовые основания // Ученые записки Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого. 2017. № 4 (12). URL: <http://www.novsu.ru/file/1494520>.
7. Ткаченко О. А. Название политической партии как инструмент политической коммуникации: опыт современной Германии // Ученые записки Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого. 2019. № 4 (22). URL: <https://www.novsu.ru/file/1545359> (дата обращения: 11.10.2019).
8. Ткаченко О. А. Наименования политических партий в Германии: терминологическая составляющая // Ученые записки НовГУ им. Ярослава Мудрого. 2018. № 3 (15). URL: <https://www.novsu.ru/univer/press/eNotes1/i.1086055/?id=1450147> (дата обращения: 11.10.2019).
9. Шпар Т. В. Прозвищные именованья канцлера Германии Ангелы Меркель в свете семантической мотивации // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — Тамбов : Грамота, 2017. № 5 (71) : в 3 ч. Ч. 1. С. 188—190. URL: <http://www.gramota.net/materials/2/2017/5-1/52.html> (дата обращения: 11.10.2019).
10. Шустова И. Н. Аксиологический потенциал политических прозвищ // Russian Linguistic Bulletin. 2015. № 3 (3). С. 9. URL: <http://rulb.org/ru/article/aksiologicheskij-potencial-politicheskix-prozvizhh/> (дата обращения: 11.10.2019).
11. Berliner Morgenpost. Jüdische Abteilung der AfD gegründet — Demo in Frankfurt. 2018. URL: <https://www.morgenpost.de/politik/article215501501/Knobloch-Man-muss-die-AfD-eine-Nazipartei-nennen.html> (date of access: 10.06.2019).
12. Bös Roland. Warum eine Umbenennung keine Lösung sein kann // Horizont.Net. 2014. URL: <https://www.horizont.net/agenturen/nachrichten/Roland-Boes-zur-FDP-Warum-eine-Umbenennung-keine-Loesung-sein-kann-121158> (date of access: 11.06.2019).
13. Carta. Antrag auf Umbenennung der Piratenpartei. 2010. URL: <http://carta.info/antrag-auf-umbenennung-der-piratenpartei/> (date of access: 14.06.2019).
14. Diskussionsforum der Piratenpartei. Umbenennung in Piratenpartei Europa Nationalverband Deutschland. 2018. URL: <https://forum.piratenpartei.de/t/verworfen-umbenennung-in-piratenpartei-europa-nationalverband-deutschland/2035> (date of access: 14.06.2019).
15. Gaugele Jochen, Kade Claudia. Merkel-Stellvertreter verlangt Grünen-Umbenennung. // Welt. 2014. URL: <https://www.welt.de/politik/deutschland/article133640230/Merkel-Stellvertreter-verlangt-Grünen-Umbenennung.html> (date of access: 11.06.2019).
16. Raether Till. Mutti aller Schlachten // Süddeutsche Zeitung. 2017. URL: <https://sz-magazin.sueddeutsche.de/frauen/die-mutti-aller-schlachten-83392> (date of access: 04.11.2019).
17. Roth Johanna. Soll man sie eine Nazipartei nennen? // TAZ. 2017. URL: <https://taz.de/AfD-im-Bundestag/!5447952/> (date of access: 04.11.2019).
18. Rottwin Christoph. Namen wie volksPhone oder volksPad böten sich an. 2012 // Manager Magazin. URL: <https://www.manager-magazin.de/unternehmen/artikel/a-833812.html> (date of access: 10.10.2019).
19. SGP. Partei für sozialistische Gleichheit ändert Namen in sozialistische Gleichheitspartei. 2017. URL: <https://www.gleichheit.de/resolutionen/umbenennung> (date of access: 21.06.2019).
20. T-Online. Neuer Name für die Liberalen? FDP-Vize schlägt Umbenennung der Partei vor. 2014. URL: https://www.t-online.de/nachrichten/deutschland/parteien/id_70017512/fdp-vize-schlaegt-umbenennung-der-partei-vor.html (date of access: 11.06.2019).
21. Tangermann Geli. Die AfD kann man mit Nazis vergleichen // Welt. 2019. URL: <https://www.welt.de/politik/deutschland/article191320353/Soenke-Rix-SPD-Die-AfD-kann-man-mit-Nazis-vergleichen.html> (date of access: 04.11.2019).

O. A. Tkachenko

The Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Veliky Novgorod, Russia

ORCID ID: 0000-0003-2302-8922

 E-mail: olga.tkachenko88@mail.ru.

Renaming Political Parties in Modern Germany

ABSTRACT. *The article deals with the main linguistic mechanisms of renaming and the extralinguistic motives to change the name on the material of the modern political parties of Germany. It has been revealed that the main linguistic mechanisms of successful realization of renaming include the change of evaluation orientation from the negative to the positive one, the clear presence of a precedent name in the new nomination, annihilation of archaic components in the new nomination, and the concise nature of the new name. It is reported that the support of the mass media is a most important constituent of successful renaming under the modern conditions of political communication. The author singles out two types of renaming: “traditional” renaming, when the change of the name is initiated by the party itself, and “external” renaming, which is effected by external sources, which brings about party nicknames. As far as “external”, predominantly discriminating renaming is concerned, its popularity is gaining speed in the modern German political discourse as a popular language tool of political struggle. It is noted that the representatives of the political power of the FRG in most cases only initiate the discussion of renaming but very rarely resort to the real change of the party name due to imminent rebranding risks. But under certain conditions, it may be quite safe for the parties. With competent marketing policy and taking into account the main linguistic mechanisms, renaming can become an instrument for improving the effectiveness of political communication and consolidating the party position in the political arena.*

KEYWORDS: renaming political parties; political parties; politonyms; political linguistics; nicknames; renaming; political communication.

AUTHOR'S INFORMATION: *Tkachenko Ol'ga Anatol'evna, Post-Graduate Student of Department of Journalism; Assistant Lecturer of Department of Foreign Languages, Translation and Intercultural Communication, Humanitarian Institute, The Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Veliky Novgorod, Russia.*

FOR CITATION: *Tkachenko, O. A. Renaming Political Parties in Modern Germany / O. A. Tkachenko // Political Linguistics. — 2019. — No 6 (78). — P. 116-124. — DOI 10.26170/pl19-06-14.*

REFERENCES

1. Actual comments. New political pirates. 2017. [Aktual'nye kommentarii. Novye politicheskie piraty. 2017]. URL: <http://actu.alcomment.ru/novye-politicheskie-piraty-1704261011.html> (date of access: 04.11.2019).
2. Val'ter Kh., Mokienko V. M. Russian nicknames as an object of lexicography // Questions of Onomastics. 2005. No. 2. P. 56. [Russkie prozvischka kak ob'ekt leksikografii // Voprosy onomastiki. 2005. № 2. S. 56]. URL: <http://www.ruslang.ru/doc/onomastica/onomastica2text.pdf> (date of access: 11.10.2019).
3. Ivanova S. V. Political adversary rebranding as a communicative strategy // Political Linguistics. 2013. No 4 (46). P. 42—46. [Politicheskiiy rebrending ot protivnika kak kommunikativnaya strategiya // Politicheskaya lingvistika. 2013. № 4 (46). S. 42—46]. URL: <http://politlinguist.ru/materials/pl/46.pdf> (date of access: 14.06.2019).
4. Il'yasov F. N. Political Marketing. The art and science of winning elections. — Moscow : IMA-press, 2000. P. 152. [Politicheskiiy marketing. Iskusstvo i nauka pobezhdat' na vyborakh. — M. : IMA-press, 2000. S. 152]. — (In Rus.)
5. Tameryan T. Yu., Tsagolova V. A. The Image Structure of the Concept “Chancellor Angela Merkel” Based on the German Media // Political Linguistics. 2018. No 3 (69). P. 69—75. [Imidzhevaya struktura kontsepta Kanzlerin Angela Merkel po dannym nemetskikh SMI // Politicheskaya lingvistika. 2018. № 3 (69). S. 69—75]. URL: <http://politlinguist.ru/current.html> (date of access: 09.11.2019). — (In Rus.)
6. Tkachenko O. A. How are political parties in Germany called: legal grounds // Scientific notes of Novgorod Yaroslav the Wise University. 2017. No. 4 (12). [Kak nazyvayut politicheskie partii v Germanii: pravovye osnovaniya // Uchenye zapiski Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta imeni Yaroslava Mudrogo. 2017. № 4 (12)]. URL: <http://www.novsu.ru/file/1494520>. — (In Rus.)
7. Tkachenko O. A. The name of a political party as an instrument of political communication: the experience of modern Germany // Scientific notes of Novgorod Yaroslav the Wise University. 2019. No 4 (22). [Nazvanie politicheskoy partii kak instrument politicheskoy kommunikatsii: opyt sovremennoy Germanii // Uchenye zapiski Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta imeni Yaroslava Mudrogo. 2019. № 4 (22)]. URL: <https://www.novsu.ru/file/1545359> (date of access: 11.10.2019). — (In Rus.)
8. Tkachenko O. A. Names of political parties in Germany: terminological component // Scientific notes of NovSU named after Yaroslav the Wise. 2018. No. 3 (15). [Naimenovaniya politicheskikh partii v Germanii: terminologicheskaya sostavlyayushchaya // Uchenye zapiski NovGU im. Yaroslava Mudrogo. 2018. № 3 (15)]. URL: <https://www.novsu.ru/univer/press/eNotes1/i.1086055?id=1450147> (date of access: 11.10.2019). — (In Rus.)
9. Shpar T. V. Nicknames of German Chancellor Angela Merkel in the light of semantic motivation // Philological Sciences. Problems of theory and practice. — Tambov : Diploma, 2017. No. 5 (71) : in 3 parts. Part 1. P. 188—190. [Prozvischnye imenovaniya kantslera Germanii Angely Merkel' v svete semanticheskoy motivatsii // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. — Tambov : Gramota, 2017. № 5 (71) : v 3 ch. Ch. 1. S. 188—190]. URL: <http://www.gramota.net/materials/2/2017/5-1/52.html> (date of access: 11.10.2019). — (In Rus.)
10. Shustova I. N. Axiological potential of political nicknames // Russian Linguistic Bulletin. 2015. No 3 (3). P. 9. [Aksiologicheskiiy potentsial politicheskikh prozviskh // Russian Linguistic Bulletin. 2015. № 3 (3). S. 9]. URL: <http://rulb.org/ru/article/aksiologicheskij-potencial-politicheskix-prozviskh/> (date of access: 11.10.2019). — (In Rus.)
11. Berliner Morgenpost. Jüdische Abteilung der AfD gegründet — Demo in Frankfurt. 2018. URL: <https://www.morgenpost.de/politik/article215501501/Knobloch-Man-muss-die-AfD-eine-Nazipartei-nennen.html> (date of access: 10.06.2019).
12. Bös Roland. Warum eine Umbenennung keine Lösung sein kann // Horizont.Net. 2014. URL: <https://www.horizont.net/agenturen/nachrichten/Roland-Boes-zur-FDP-Warum-eine-Umbenennung-keine-Loesung-sein-kann-121158> (date of access: 11.06.2019).
13. Carta. Antrag auf Umbenennung der Piratenpartei. 2010. URL: <http://carta.info/antrag-auf-umbenennung-der-piratenpartei/> (date of access: 14.06.2019).
14. Diskussionsforum der Piratenpartei. Umbenennung in Piratenpartei Europa Nationalverband Deutschland. 2018. URL: <https://forum.piratenpartei.de/t/verworfen-umbenennung-in-pira>

tenpartei-europa-nationalverband-deutschland/2035 (date of access: 14.06.2019).

15. Gaugele Jochen, Kade Claudia. Merkel-Stellvertreter verlangt Grünen-Umbenennung. // Welt. 2014. URL: <https://www.welt.de/politik/deutschland/article133640230/Merkel-Stellvertreter-verlangt-Grünen-Umbenennung.html> (date of access: 11.06.2019).

16. Raether Till. Mutti aller Schlachten // Süddeutsche Zeitung. 2017. URL: <https://sz-magazin.sueddeutsche.de/frauen/die-mutti-aller-schlachten-83392> (date of access: 04.11.2019).

17. Roth Johanna. Soll man sie eine Nazipartei nennen? // TAZ. 2017. URL: <https://taz.de/AfD-im-Bundestag/!5447952/> (date of access: 04.11.2019).

18. Rottwin Christoph. Namen wie volksPhone oder volksPad böten sich an. 2012 // Manager Magazin. URL: <https://www.man>

ager-magazin.de/unternehmen/artikel/a-833812.html (date of access: 10.10.2019).

19. SGP. Partei für sozialistische Gleichheit ändert Namen in sozialistische Gleichheitspartei. 2017. URL: <https://www.gleichheit.de/resolutionen/umbenennung> (date of access: 21.06.2019).

20. T-Online. Neuer Name für die Liberalen? FDP-Vize schlägt Umbenennung der Partei vor. 2014. URL: https://www.t-online.de/nachrichten/deutschland/parteien/id_70017512/fdp-vize-schlaegt-umbenennung-der-partei-vor.html (date of access: 11.06.2019).

21. Tangermann Geli. Die AfD kann man mit Nazis vergleichen // Welt. 2019. URL: <https://www.welt.de/politik/deutschland/article191320353/Soenke-Rix-SPD-Die-AfD-kann-man-mit-Nazis-vergleichen.html> (date of access: 04.11.2019).

И. В. Щербак

Военный университет Министерства обороны Российской Федерации, Москва, Россия

ORCID ID: — **E-mail:** sherbak91@rambler.ru.

Языковые средства формирования образа патриота в публичных выступлениях американских политиков

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена исследованию языковых средств формирования образа патриота в публичных выступлениях современных американских политических деятелей (Д. Трампа, Д. Байдена, Б. Обамы). Отмечается, что патриотизм является одной из ключевых ценностей культуры США, идея верности и преданности государству красной нитью проходит через выступления выдающихся американцев XX столетия: президентов, политических и общественных деятелей, военачальников. Анализ публичных речей политиков США позволяет выделить ряд характерных черт, представляющих ядро образа патриота, таких как уважение к историческому прошлому страны, вера в Бога, готовность сражаться за Родину, независимость и истину, любовь к семье и близким, толерантность и трудолюбие. Аппеляция к национально-культурным ценностям при создании образа патриота в речах американских политических деятелей находит выражение в использовании таких лингвостилистических приемов, как лексические и синтаксические повторы, инверсии, анафоры, эпитеты, метафоры, риторические вопросы. Отмечается, что выступления политиков с опорой на национально-культурные ценности способствуют созданию определенного отношения к транслируемому собирательному образу, формируют и модифицируют иерархию ценностей слушателей, апеллируя к единому фонду знаний с помощью прецедентных феноменов, что способствует формированию общественного сознания и усилению настроений, необходимых для реализации политического курса. В военное время патриотические чувства, к которым призывают политики, воздействуют на массовую аудиторию, побуждая мужественно сражаться за родину, а в мирное время в условиях мирового экономического кризиса чувство преданности отчизне помогает адресатам справиться с финансовыми трудностями.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политический дискурс; публичные выступления; ценностные ориентации; политические деятели; образ патриота; прецедентные феномены; патриотизм.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Щербак Иван Владимирович, соискатель кафедры английского языка (основного), Военный университет Министерства обороны Российской Федерации (Москва); 123001, Россия, Москва, ул. Б. Садовая, 14; e-mail: sherbak91@rambler.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Щербак, И. В. Языковые средства формирования образа патриота в публичных выступлениях американских политиков / И. В. Щербак // Политическая лингвистика. — 2019. — № 6 (78). — С. 125-131. — DOI 10.26170/pl19-06-15.

Обращение к культурным ценностям как части духовной жизни этнической общности является неотъемлемой составляющей политического дискурса, в частности публичных выступлений политиков. Отталкиваясь от положения Т. М. Бережной о том, что главной целью риторики политических деятелей США является идеологическое воздействие, а именно внедрение в сознание массового адресата требуемых идей и представлений о процессах, происходящих в политике и обществе [Бережная 1988: 139], мы можем говорить о необходимости манифестации национально-культурных установок в выступлениях политических деятелей.

Выступление политика с опорой на национально-культурные ценности, выраженные в определенном наборе языковых средств, отражающих особенности поведения и ментальные установки народа, влияет на формирование общественного сознания и усиливает настроения, необходимые для реализации политического курса. Таким об-

разом, ключевые ценности этнической общности преобразуются в устойчивые составляющие национального самосознания и формируют единство убеждений представителей этноса и политического деятеля [Сальникова 2011: 7].

Одной из ключевых ценностей культуры США признается патриотизм. Из пятидесяти американских штатов в тридцати трех законодательно утверждена к произнесению клятва верности стране, произносимая перед государственным флагом. Американские исследования, посвященные риторике политических деятелей — теме, неизменно вызывающий большой интерес в кругу научной общественности США, отмечают частотность использования идей патриотической направленности в текстах публичных выступлений американских политиков, что объясняется имплицитно заложенной в самом понятии «патриотизм» высокой степени эмоциональности [Top 10 Patriotic Speeches in American History].

Идея верности и преданности государству красной нитью проходит через выступления выдающихся американцев XX столетия: президентов, политических и общественных деятелей, военачальников.

Основным проявлением патриотизма в XX веке — веке двух мировых войн, многочисленных локальных войн и вооруженных конфликтов, становится готовность сражаться за свою страну и пожертвовать ради нее жизнью. В наиболее известных речах одной из центральных фигур на мировой политической арене XX века, возглавлявшей страну в годы мирового экономического кризиса и Второй мировой войны, 32-го президента США Франклина Делано Рузвельта, патриотизм — это готовность отдать жизнь за Родину, к которой он призывает сограждан после нападения нацистской Японии на Перл-Харбор — центральную базу тихоокеанского флота военно-морских сил США 7 декабря 1941 года. Если в годы войны патриотические чувства, к которым взывает в речи Ф. Рузвельт, воздействуют на массовую аудиторию, побуждая мужественно сражаться за родину и встать на защиту национальных интересов, то в мирное время в условиях мирового экономического кризиса чувство преданности отчизне помогает адресатам преодолеть трудности финансового положения.

Рассмотрим языковые средства, которые используются современными американскими политическими деятелями для формирования в общественном сознании образа патриота и защитника национальных интересов. Исследование образа патриота с лингвистической точки зрения предполагает выделение характерных черт, представляющих ядро образа, и вербальных средств их выражения.

Формирование образа — это сложный и многоаспектный процесс, основанный на создании в сознании аудитории определенного типа восприятия через адаптацию стандартизированных представлений, которые имеются у адресата, к условиям окружающей действительности.

Несмотря на признанную ценность патриотизма в системе культурных доминант американского социума, последние исследования, проведенные институтом общественного мнения США Gallup в июне 2018 г., указывают на рекордно низкий за последние 18 лет процент американцев, которые гордятся своей страной — 47 % (для сравнения: в 2017 г. — 51%, в 2003 — 70%) [Gallup].

Специалисты связывают данный спад с политическими событиями и президентством Дональда Трампа, лидера Республиканской партии. Несмотря на выводы исследовате-

лей о «личном вкладе» Д. Трампа в снижение патриотических чувств в стране, сам действующий президент в своих публичных выступлениях постоянно обращается к теме патриотизма, стараясь будто «привить» чувство любви к Родине рядовым американцам. Риторике Д. Трампа неизменно отличает стремление придать речи эмоциональной выразительности апелляцией к патриотизму как важнейшей культурной доминанте американского общества.

Истинный патриот с точки зрения Д. Трампа — это человек, главными ценностями которого являются свобода и независимость, вера в верховенство закона, любовь к своей семье, Богу и Родине. Президент США в своих выступлениях формирует в сознании массового адресата образ патриота, апеллируя к общепризнанным ценностям и нравственным установкам, что способствует оказанию мощного эмоционального воздействия на аудиторию.

Приведем в качестве примера цитату из обращения к американской нации Д. Трампа 5 февраля 2019 г.: *«Everything that has come since — our triumph over communism, our giant leaps of science and discovery, our unrivaled progress toward equality and justice — all of it is possible thanks to the blood and tears and courage and vision of the Americans who came before. Think of this Capitol — think of this very chamber, where lawmakers before you voted to end slavery, to build the railroads and the highways, to defeat fascism, to secure civil rights, to face down an evil empire»* [State of the Union 2019] (Все, что произошло с тех пор — наш триумф над коммунизмом, гигантский скачок в науке, непревзойденный прогресс на пути к равенству и справедливости — все это стало возможным благодаря крови и поту, мужеству и взглядам американцев, которые жили до нас. Подумайте об этом Капитолии — подумайте об этой самой палате, где законодатели до вас голосовали за прекращение рабства, за строительство железных и автомобильных дорог, за победу над фашизмом, за гражданские права, за ликвидацию империи зла. — И. Щ.). Д. Трамп не только насыщает свою речь яркими эпитетами *triumph over communism, giant leaps, unrivaled progress*, использует фразеологический оборот *blood and tears* и повторы *Think of this Capitol — think of this very chamber; to end, to build, to defeat, to secure, to face down* для придания эмоциональной выразительности, но и создает эксплицитно отсылку к прецедентному феномену — местопребыванию Конгресса США на Капитолийском холме в Вашингтоне, и им-

плицитно — аллюзии на исторические события и решения, которые в разные периоды существования американского государства принимались в Капитолии.

Любовь к Родине и преданность стране предполагает память об исторических событиях, легших в основу американской государственности, на которые неизменно ссылаются в своих публичных выступлениях политические деятели США, формируя в сознании аудитории **образ патриота — человека, который чтит великое прошлое своей нации.**

Формированию образа патриота, который чтит великое прошлое американской нации и предшествующие поколения, способствует и использование политическими деятелями приемов интертекстуальности, например, прямого цитирования элемента прецедентного текста: «*One of the greatest American patriots, John Adams, wrote that the American Revolution was “effected before the war commenced. The Revolution was in the minds and hearts of the people”*». [September 19, 2017: Address to the United Nations General Assembly] (Один из величайших американских патриотов, Джон Адамс, писал, что американская революция «произошла до начала войны. Революция была в умах и сердцах людей»). Апеллируя к словам одного из отцов-основателей, второго президента США Д. Адамса, Д. Трамп создает отсылку к авторитетному мнению личности, обладающей неоспоримой значимостью в истории США и национально-культурной системе ценностей, что позволяет ему эффективно воздействовать на сознание публики.

В своих публичных выступлениях Д. Трамп нередко апеллирует к теме религии, а свобода вероисповедания признается одним из элементов проводимой действующим президентом США внутренней политики.

Процесс формирования образа защитника национальных интересов подразумевает создание и закрепление в сознании аудитории стереотипных качеств, присущих представителю круга «своих», что прагматически способствует консолидации общества. В этой связи очевиден интерес политических деятелей к вопросам религии, проявляющийся в использовании отсылок к Библии и христианским ценностям, так как именно религия, наряду с природными факторами, хозяйственно-бытовым укладом, политикой, историей, литературой и искусством, определяет менталитет этнической общности, своеобразие психического склада, мировосприятия и поведения ее представителей.

Формированию образа американского патриота, верующего в Бога, в публичных выступлениях политических деятелей способствуют и прямые отсылки к постулатам христианской веры: «*In these moments of heartache and darkness, we hold on to God's word in scripture: “I have heard your prayer and seen your tears. I will heal you.”*» [Statement on the School Shooting in Parkland, Florida] (В эти минуты страдания и тьмы нас поддерживает слово Божие в Писании: «Я слышал твою молитву и видел твои слезы. Я исцелю тебя»). Мы верим в это обещание и всецело разделяем скорбь наших сограждан в это печальное для них время). Использование цитаты из Священного Писания оказывает воздействие на аудиторию апелляцией к религиозным ценностям американского народа, что дает возможность Д. Трампу достичь прагматической цели обращения к нации после массового убийства в школе Марджори Стоунман Дуглас в г. Паркленд, шт. Флорида 14 февраля 2018 г. — консолидировать общество перед лицом вероятной угрозы.

В речах американских политических деятелей образу настоящего патриота обязательно присуще **сознание долга перед страной и готовность защищать интересы своего государства на полях сражений** во времена войн и вооруженных конфликтов. Д. Трамп, например, акцентирует внимание аудитории на важности готовности к самопожертвованию как обязательной составляющей чувства патриотического долга граждан любого государства. В своих публичных выступлениях действующий президент США также нередко приводит примеры из героического прошлого американских патриотов, павших на полях сражений в разные периоды истории США.

В своих публичных выступлениях американские политические деятели не только ссылаются на героизм предшествующих поколений, но и восхваляют мужество действующих представителей вооруженных сил. Так, в своей речи на съезде Демократической партии Х. Клинтон называет армию США национальным достоянием: «*Our military is a national treasure. We entrust our commander-in-chief to make the hardest decisions our nation faces. Decisions about war and peace. Life and death*» [Hillary Clinton's Speech at the Democratic Convention] (Наши военные — национальное достояние. Мы поручаем главнокомандующему принимать самые трудные решения, с которыми сталкивается наша страна. Решения о войне и мире. Жизни и смерти). Х. Клинтон использует стилистический прием антитезы — ри-

торического противопоставления понятий, что позволяет усилить степень эмоционального воздействия на аудиторию и подчеркнуть важную роль вооруженных сил в жизни и обороноспособности государства.

Верность стране и сознание долга перед Родиной, выраженные готовностью пожертвовать собственной жизнью в случае войны, являются базовыми ценностями производной от национальной культуры США военной субкультуры [Лупанова 2017: 199]. Обращение к образу готового сражаться за свою Родину военнослужащего как нравственному ориентиру для представителей всего лингвокультурного сообщества используется для создания эмоциональной реакции у аудитории, необходимой политикой для достижения прагматических целей. Формирование положительного образа патриота эпитетами, лексическими и синтаксическими повторами с опорой на национально-культурные ценности и морально-нравственные установки направлено на воздействие на сознание адресата и способствует консолидации общества. Настоящий патриот готов сражаться за свою родину, отстаивать национальные интересы и понимает, что в этой борьбе он не один, он — часть «американской семьи».

Характерной чертой образа патриота, сформированного различными языковыми средствами, используемыми американскими политическими деятелями в своих публичных выступлениях, является готовность сражаться не только за Родину, но и за семью, демократию и истину. **Истинный патриот**, по данным публичных выступлений американских политиков, **чтит своих родителей, предан своим родным и близким**. В своем выступлении, посвященном принятию кандидатуры на пост вице-президента, Джо Байден приводит цитату своего отца, сыгравшую значительную роль в его жизни, и выражает благодарность и любовь своим детям и супруге [Joe Biden Democratic Vice Presidential Nomination Acceptance Speech]. Эмоциональность высказыванию Д. Байдена придает не только использование цитаты отца и лексических единиц, относящихся к тематическому полю «Семья», но и употребление в речи разговорной лексики *folks, a hell of a success* и устойчивых словосочетаний *leave breathless* 'перехватывать дух', *leave speechless* 'лишить дара речи', обладающих мощным оценочным потенциалом для оказания персуазивного эффекта выступления.

Образу настоящего патриота присуща любовь и забота о своих детях. Так, в своем выступлении на совместном заседании обеих палат Конгресса США 28 февраля 2017 г.

Д. Трамп обращается к семейным ценностям аудитории, подчеркивая необходимость работать во благо процветания будущих поколений американцев [Remarks by President Trump in Joint Address to Congress]. Д. Трамп добивается необходимого эффекта с помощью использования стилистических приемов повтора и метафоры.

По данным публичных выступлений американских политических деятелей, настоящего патриота отличает готовность не только сражаться за страну, своих родных и близких, но и отстаивать принципы независимости и равноправия, лежащие в основе американской государственности. В своих публичных выступлениях Д. Трамп неизменно подчеркивает, что США не желают насаждать демократию насильственными методами. Апелляция к семейным, религиозным и культурным ценностям позволяет сформировать в сознании широкой аудитории образ **патриота, готового отстаивать собственные принципы, но не принуждающего других разделять свои взгляды и убеждения**.

Анализ публичных выступлений американских политических деятелей позволяет сделать вывод о том, что одним из основных качеств настоящего патриота является **мужественность и сила духа**. Метафорическое уподобление борьбы человека с трудностями в жизни действиям военнослужащих на поле боя свойственно выступлениям Д. Трампа. Для формирования в сознании аудитории образа патриота, который никогда не сдается перед лицом трудностей, Д. Трамп нередко обращается к своему личному опыту и приводит примеры людей, с которыми лично знаком. Д. Трамп воздействует на сознание массового адресата с помощью обладающих мощным персуазивным эффектом эпитетов, сравнений и повторов, использует эмоционально окрашенные лексические средства и национально-прецедентные феномены.

Помимо обращения к личному опыту, политические деятели США нередко прибегают к приему интертекстуального включения, приводя в пример цитаты своих родителей, тем самым апеллируя и к семейным ценностям: «*This is the God's truth — she sent me back out and said, “Bloody their nose so you can walk down the street the next day.” And that's what I did. You know — and after the accident, she told me, she said, “Joey, God sends no cross that you cannot bear.”*» [Joe Biden] (Это чистая правда — она отослала меня обратно и сказала: «Иди и врежь им хорошенько, чтобы завтра ты мог спокойно выйти на улицу»). И это то, что я сделал. Знаете, после того случая она сказала мне:

«Джоуи, Бог не посылает испытаний, которые ты не можешь преодолеть»). Персуазивный эффект выступлению Д. Байдена придает апелляция к семейным и религиозным ценностям американского народа включением в текст цитат родителей, использованием фразеологических оборотов *God's truth* 'святая истина, истинная правда, сущая правда', *bear one's cross* 'нести свой крест, безропотно переносить все превратности судьбы'. Установлению контакта с массовым адресатом способствует и употребляемое оратором экспрессивное разговорное выражение *bloody the nose* 'врезать, дать в табло'.

Одной из отличительных черт, свойственных образу настоящего патриота, по данным публичных выступлений американских политиков, является **толерантность**. Так, например, все используемые Б. Обамой в своей речи после объявления результатов президентских выборов в 2012 г. лингвостилистические средства — эпитеты *generous America*, *compassionate America*, *tolerant America*, метафоры *open to the dreams*, *see a life beyond the nearest street corner*, лексические (*That's where we need to go... That's where we need to go*) и синтаксические *повторы* (*That's the future we hope for. That's the vision we share*) [2012 Presidential Acceptance Speech] — направлены на формирование в сознании аудитории образа настоящего патриота, которого отличает толерантность и сострадание.

Настоящего патриота отличает не только сила духа и воли, но и **вера в превосходство американской нации**, подкрепляемая высказываниями политических деятелей США. В своем выступлении 1 февраля 2018 г. на конференции республиканцев — членов Палаты представителей и Сената Д. Трамп не раз обращается и к другим прецедентным феноменам, создавая требуемую политику атмосферу патриотизма в рядах массовой аудитории: «*We built the Hoover Dam in record time. We built the Golden Gate Bridge. We linked our nation together with railroads and highways. We dug out the Panama Canal. We're the nation that won two World Wars, defeated fascism and communism, and put satellites into space and planted our great American flag on the face of the moon. We've healed the sick, cured disease, and cared for the poor like no other nation. We've lifted millions into prosperity, and delivered millions into freedom*» [Remarks at the House and Senate Republican Member Conference] (Мы построили плотину Гувера в рекордно короткие сроки. Мы построили мост Золотые Ворота. Мы связали нашу страну железными дорогами и автомагистралями. Мы выкопали Панамский канал.

Мы выиграли две мировые войны, победили фашизм и коммунизм, запустили спутники в космос и установили наш великий американский флаг на Луне. Мы исцеляли больных, лечили болезни и заботились о бедных, как ни одна другая нация. Мы принесли миллионам людей процветание и миллионам — свободу). Д. Трамп воздействует на сознание аудитории, используя приемы синтаксического параллелизма, повторов, анафоры. Речь действующего американского президента направлена на формирование у публики чувства гордости за свою страну, чего он добивается благодаря упоминанию достопримечательностей США — плотины Гувера, уникального гидротехнического сооружения в нижнем течении реки Колорадо, одного из самых узнаваемых мостов в мире — моста Золотые Ворота в г. Сан-Франциско и судоходного Панамского канала, соединяющего Панамский залив Тихого океана с Карибским морем и Атлантическим океаном, строительство которого стало одним из крупнейших и сложнейших строительных проектов, осуществленных человечеством.

Подводя итог, следует отметить, что неотъемлемой составляющей политического дискурса выступает обращение к культурным ценностям как части духовной жизни этноса, способствующее формированию в сознании массовой аудитории образа патриота. Анализ публичных выступлений американских политиков позволяет выделить ряд характерных черт, представляющих ядро образа защитника национальных интересов: уважение к историческому прошлому страны, веру в Бога, готовность сражаться за Родину, независимость и истину, осознанное понимание единства нации и веру в ее превосходство и исключительность, любовь к семье и близким, толерантность и трудолюбие. Апелляция к национально-культурным ценностям при создании образа патриота в речах политических деятелей находит выражение в использовании таких лингвостилистических приемов, как лексические и синтаксические повторы, инверсии, анафоры, эпитеты, метафоры, риторические вопросы. Выступления политиков с опорой на национально-культурные ценности способствует созданию определенного отношения к образу, формирует и модифицирует иерархию ценностей слушателей, апеллируя к единому фонду знаний с помощью прецедентных феноменов, обладающих аксиологичностью и оценочной коннотацией, что способствует формированию общественного сознания и усилению настроений, необходимых для реализации политического курса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бережная Т. М. Президентская риторика США в системе пропагандистского манипулирования общественным сознанием // Язык и стиль буржуазной пропаганды. — М.: Изд-во Московского университета, 1988. С. 135—166.
2. Лупанова Е. В. Образность фразеологических единиц в языковой картине мира представителей англо-американской военной субкультуры // Политическая лингвистика. 2017. № 2 (62). С. 100—104.
3. Лупанова Е. В. Фразеологизмы военной тематики как средство создания положительного образа представителя армейского социума США // Вестник Костромского государственного университета. 2017. Т. 23. № 3. С. 198—201.
4. Романов А. С. Гендерный аспект стереотипизации армейской субкультуры США // Политическая лингвистика. 2015. № 1 (51). С. 207—213.
5. Романов А. С. Эпидейктический жанр тоста как языковое средство экспликации этнических стереотипов армейского языкового коллектива США // Политическая лингвистика. 2017. № 5 (65). С. 217—221.
6. Сальникова Н. В. Национально-культурная риторика политического дискурса (на материале публичных выступлений Р. Рейгана и М. С. Горбачева): автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Ставрополь, 2011. 22 с.
7. 2012 Presidential Acceptance Speech [Electronic resource]. URL: <https://genius.com/Barack-obama-2012-presidential-acceptance-speech-annotated> (date of access: 04.10.2019).
8. Gallup [Electronic resource]. URL: <https://news.gallup.com/poll/236420/record-low-extremely-proud-americans.aspx> (date of access: 26.09.2019).
9. Hillary Clinton's Speech at the Democratic Convention [Electronic resource]. URL: <https://www.nytimes.com/2016/07/29/us/politics/hillary-clinton-dnc-transcript.html> (date of access: 26.09.2019).
10. Joe Biden [Electronic resource]. URL: <https://www.americanrhetoric.com/speeches/convention2008/joebiden2008dnc.htm> (date of access: 04.10.2019).
11. President Trump's Liberty University Commencement Speech [Electronic resource]. URL: <https://time.com/4778240/donald-trump-liberty-university-speech-transcript/> (date of access: 26.09.2019).
12. Remarks at the House and Senate Republican Member Conference [Electronic resource]. URL: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/february-1-2018-remarks-house-and-senate-republican-member> (date of access: 27.09.2019).
13. Remarks by President Trump in Joint Address to Congress [Electronic resource]. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/remarks-president-trump-joint-address-congress/> (date of access: 21.09.2019).
14. September 19, 2017: Address to the United Nations General Assembly [Electronic resource]. URL: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/september-19-2017-address-united-nations-general-assembly> (date of access: 27.09.2019).
15. Statement on the School Shooting in Parkland, Florida [Electronic resource]. URL: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/february-15-2018-statement-school-shooting-parkland-florida> (date of access: 21.09.2019).
16. State of the Union 2019 [Electronic resource]. URL: <https://edition.cnn.com/2019/02/05/politics/donald-trump-state-of-the-union-2019-transcript> (date of access: 26.09.2019).
17. Top 10 Patriotic Speeches in American History [Electronic resource]. URL: <https://www.quantifiedcommunications.com/blog/top-10-patriotic-speeches-in-american-history/> (date of access: 05.10.2019).

I. V. Shcherbak

Military University of the Defense Ministry of the Russian Federation, Moscow, Russia

ORCID ID: —

 E-mail: sherbak91@rambler.ru.

Linguistic Means of Formation of the Image of a Patriot in Public Speeches of American Politicians

ABSTRACT. *The article deals with linguistic means of formation of the image of a patriot in public speeches of modern American politicians (D. Trump, J. Biden, B. Obama). The article notes that patriotism is one of the key values of American culture; the idea of loyalty to the state permeates public speeches of the outstanding Americans of the 20th century: presidents, political and civil activists, and high rank military officers. Analysis of public speeches of the leading politicians of the USA allow the researcher to distinguish a number of typical features constituting the core of the image of a patriot, such as respect for the country's historical past, belief in God, readiness to fight for the Motherland, independence and the truth, love of family and close people, tolerance and industriousness. The appeal to national-cultural values while creating the image of a patriot in the speeches of American political leaders finds its expression in the use of such linguo-stylistic devices as lexical and syntactic reiterations, inversion, anaphora, epithets, metaphors and rhetorical questions. The author argues that the politicians' speeches based on national-cultural values facilitate the creation of a certain attitude towards the constructed image, form and modify the hierarchy of the values of the audience via appeal to the common body of knowledge with the help of precedent phenomena, which fosters the formation of social consciousness and boosts the mood necessary to realize a political course. In wartime, the patriotic feelings propagated by the politicians produce an impact upon the mass audience urging it to fight fearfully for the Motherland, and in the time of peace, under the conditions of world economic crisis, the feeling of loyalty to the Motherland helps the addressees of political speeches to overcome financial difficulties.*

KEYWORDS: *political discourse; public speeches; value orientations; politicians; image of a patriot; precedent phenomena; patriotism.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Shcherbak Ivan Vladimirovich, Candidate of Philology Degree Applicant, Department of English, Military University of the Defense Ministry of the Russian Federation, Moscow, Russia.*

FOR CITATION: *Shcherbak, I. V. Linguistic Means of Formation of the Image of a Patriot in Public Speeches of American Politicians / I. V. Shcherbak // Political Linguistics. — 2019. — No 6 (78). — P. 125-131. — DOI 10.26170/pl19-06-15.*

REFERENCES

1. Berezhnaya T. M. Presidential rhetoric of the USA in the system of propaganda manipulation of public consciousness // Language and style of bourgeois propaganda. — Moscow: Publishing house of Moscow University, 1988. P. 135—166. [Prezidentskaya ritorika SShA v sisteme propagandistskogo manipulirovaniya obshchestvennym soznaniem // Yazyk i stil' burzhuaznoy propagandy. — M.: Izd-vo Moskovskogo universiteta, 1988. S. 135—166]. — (In Rus.)

2. Lupanova E. V. Phraseological units images in linguistiv worldview of British-American military subculture representatives // *Political Linguistics*. 2017. No 2 (62). P. 100—104. [Obraznost' frazeologicheskikh edinits v yazykovoy kartine mira predstaviteley anglo-amerikanskoy voennoy subkul'tury // *Politicheskaya lingvistika*. 2017. № 2 (62). S. 100—104]. — (In Rus.)
3. Lupanova E. V. Phraseologisms of military subjects as a means of creating a positive image of a representative of the US Army society // *Bulletin of Kostroma State University*. 2017. Vol. 23. No. 3. P. 198—201. [Frazeologizmy voennoy tematiki kak sredstvo sozdaniya polozhitel'nogo obraza predstavatelya armeyskogo sotsiuma SShA // *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2017. T. 23. № 3. S. 198—201]. — (In Rus.)
4. Romanov A. S. Gender aspect of the US army subculture stereotypization // *Political Linguistics*. 2015. No 1 (51). P. 207—213. [Gendernyy aspekt stereotipizatsii armeyskoy subkul'tury SShA]. — (In Rus.)
5. Romanov A. S. The epideictic genre of toast as a linguistic means of ethnic stereotypes explication attributed to the US military linguistic community // *Political Linguistics*. 2017. No 5 (65). P. 217—221. [Epideykticheskiy zhanr tosta kak yazykovoe sredstvo eksplikatsii etnicheskikh stereotipov armeyskogo yazykovogo kollektiva SShA // *Politicheskaya lingvistika*. 2017. № 5 (65). S. 217—221]. — (In Rus.)
6. Sal'nikova N. V. National-cultural rhetoric of political discourse (based on public speeches by R. Reagan and M. S. Gorbachev) : abstract of thesis ... cand. of philol. sciences. — Stavropol, 2011. 22 p. [Natsional'no-kul'turnaya ritorika politicheskogo diskursa (na materiale publichnykh vystupleniy R. Reygana i M. S. Gorbacheva) : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. — Stavropol', 2011. 22 s.]. — (In Rus.)
7. 2012 Presidential Acceptance Speech [Electronic resource]. URL: <https://genius.com/Barack-obama-2012-presidential-acceptance-speech-annotated> (date of access: 04.10.2019).
8. Gallup [Electronic resource]. URL: <https://news.gallup.com/poll/236420/record-low-extremely-proud-americans.aspx> (date of access: 26.09.2019).
9. Hillary Clinton's Speech at the Democratic Convention [Electronic resource]. URL: <https://www.nytimes.com/2016/07/29/us/politics/hillary-clinton-dnc-transcript.html> (date of access: 26.09.2019).
10. Joe Biden [Electronic resource]. URL: <https://www.americanrhetoric.com/speeches/convention2008/joebiden2008dnc.htm> (date of access: 04.10.2019).
11. President Trump's Liberty University Commencement Speech [Electronic resource]. URL: <https://time.com/4778240/donald-trump-liberty-university-speech-transcript/> (date of access: 26.09.2019).
12. Remarks at the House and Senate Republican Member Conference [Electronic resource]. URL: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/february-1-2018-remarks-house-and-senate-republican-member> (date of access: 27.09.2019).
13. Remarks by President Trump in Joint Address to Congress [Electronic resource]. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/remarks-president-trump-joint-address-congress/> (date of access: 21.09.2019).
14. September 19, 2017: Address to the United Nations General Assembly [Electronic resource]. URL: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/september-19-2017-address-united-nations-general-assembly> (date of access: 27.09.2019).
15. Statement on the School Shooting in Parkland, Florida [Electronic resource]. URL: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/february-15-2018-statement-school-shooting-parkland-florida> (date of access: 21.09.2019).
16. State of the Union 2019 [Electronic resource]. URL: <https://edition.cnn.com/2019/02/05/politics/donald-trump-state-of-the-union-2019-transcript> (date of access: 26.09.2019).
17. Top 10 Patriotic Speeches in American History [Electronic resource]. URL: <https://www.quantifiedcommunications.com/blog/top-10-patriotic-speeches-in-american-history/> (date of access: 05.10.2019).

РАЗДЕЛ 3. ЯЗЫК — ПОЛИТИКА — КУЛЬТУРА

УДК 821.161.1-93

ББК Ш383(2Рос=Рус)64+Ш380.111
DOI 10.26170/pl19-06-16

ГСНТИ 16.21.33; 17.82.93

Код ВАК 10.02.19; 10.01.01

О. Ю. Багдасарян

Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия

ORCID ID: 0000-0003-3212-3788

 E-mail: obagdasar@gmail.com.

Память второго поколения и работа с прошлым в современной детской литературе

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются произведения современной детской литературы, посвященные травматическим событиям отечественной истории. В «Полынной елке» О. Колпаковой, «Сахарном ребенке» О. Громовой, «Следах» Е. Басовой разными способами актуализируется феномен «памяти второго поколения» — памяти об унаследованном, но не пережитом опыте, памяти, которая реконструирует и передает травматические переживания прошлых поколений.

Книги О. Громовой и О. Колпаковой — гибридные художественно-документальные тексты, в которых опыт старшего поколения воссоздается в нарративе героя-ребенка. Эмоциональный рассказ ребенка в этих произведениях обрамлен документальными свидетельствами и/или комментариями, вводящими фигуру рефлексирующего взрослого, который включает детский нарратив в исторический контекст, объясняет значимость прошлого для понимания собственного настоящего — и таким образом намечает возможность межпоколенческого диалога.

Книга Е. Басовой — чисто художественное повествование, тематизирующее сам процесс передачи памяти о прошлом и описывающее механизмы этой передачи. Если книги Громовой и Колпаковой актуализируют ситуацию разговора о прошлом (что и позволяет транслировать и анализировать травматический опыт), то повесть «Следы» свидетельствует, скорее, о невозможности говорения о таком опыте, повествование Басовой фиксирует разрыв между воспоминаниями первого поколения и его желанием/способностью рассказать об этом прошлом. Центральной для повести оказывается метафора «немовля» — младенца, который «ни слова сказать не может». Метафора отсылает не только к сюжетным событиям, но и описывает ситуацию молчания взрослых, страшный опыт которых не может быть выражен в слове. Работа с семейной памятью является в повести уделом и ответственностью ребенка: именно ему предстоит увидеть и понять, что прошлое не может быть восстановлено, и в то же время уловить и осмыслить призрачные следы этого прошлого.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: современная детская литература; детские писатели; литературные сюжеты; историческая память; постпамять.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Багдасарян Ольга Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы и методики ее преподавания, Уральский государственный педагогический университет; 620017, Россия, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26. (Екатеринбург); e-mail: obagdasar@gmail.com.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Багдасарян, О. Ю. Память второго поколения и работа с прошлым в современной детской литературе / О. Ю. Багдасарян // Политическая лингвистика. — 2019. — № 6 (78). — С. 132-138. — DOI 10.26170/pl19-06-16.

Интерес современных писателей и издателей к проблеме исторической памяти выглядит закономерным в контексте активизации в России мемориальных исследований, общекультурного внимания к тому, как семейная и персональная память становится способом трансляции знаний о прошлом.

В современной детской литературе основная мемориальная нагрузка естественно приходится на исторические события, ставшие коллективной травмой: это репрессии («Сталинский нос» Е. Ельчина, «Дети вороны» Ю. Яковлевой), депортация («Полынная елка» О. Колпаковой, «Сахарный ребенок» О. Громовой), Вторая мировая война, оккупация, блокада, эвакуация («Облачный полк» Э. Веркина, «Следы» Е. Басовой, «Краденый город», «Жуки не плачут»

Ю. Яковлевой, «Сад имени Т. С.» М. Ботевой, «Разноцветный снег» Н. Волковой), межнациональные конфликты («Фотографии на память», «Красные, желтые, синие» М. Мартиросовой).

Названные тексты объединяет общая цель: она проговаривается авторами, критиками и издателями в интервью, предисловиях, обзорах, комментариях к издательским сериям и к отдельным книгам. Цель эта заключается в том, чтобы дать ребенку «лекарство» от исторического беспомыслия, помочь «осмыслить недавнее прошлое и сделать выводы, избежав новой неправды его полного отрицания» [Холостова 1990: 12].

Стремление современных писателей транслировать память о событиях истории XX века, событиях, по отношению к которым

сами авторы выступают вторым (а то и третьим) поколением, обращает к концепции «памяти второго поколения» и понятию «постпамяти», предложенным М. Хирш. «Постпамять описывает, какое отношение имеют последующие поколения к личным, коллективным и культурным травмам, к изменениям, которым подверглось поколение предыдущее; к тому, что они „помнят“ только благодаря историям, образам, поведению людей, среди которых они выросли» [Хирш 2016]. Постпамять как механизм опосредованной «передачи травматической памяти» говорит о «сложном взаимодействии близости и отдаленности», «прерывности и непрерывности между поколениями» [Hirsch 2008: 106]. Как отмечает исследовательница, работы художников, писателей «второго поколения», создающих свои «гибридные мемуары» (или постмемуары), обнажают эту противоречивую природу постпамяти [Hirsch 2008: 105].

Рассмотрим, как именно современные отечественные тексты для детей и подростков описывают процесс передачи памяти о травматических событиях российской истории и как в эстетической структуре книг обнаруживают себя связи и разрывы между поколениями.

Принципиально важным для большинства текстов является эффект достоверности. Авторы добиваются его разными способами, однако главным является опора на мемуары, документ (архивы) или исторический комментарий. В таком художественно-документальном повествовании условно художественное, как правило, связано с детским сознанием (в центре рассказа — ребенок, оказавшийся в сложных исторических обстоятельствах), а комментарии, «приложения», предисловия и послесловия вводят фигуру взрослого, сообщающего (или пытающегося сообщить) художественному высказыванию объективно-историческое измерение. Так построены, например, «Девочка перед дверью» М. Козыревой [1], «Полынная елка» О. Колпаковой, «Сахарный ребенок» О. Громовой, в которых «неполнота» исторического знания героя-ребенка (и ребенка-читателя) компенсируется сносками и/или целыми документальными блоками, выводящими личную, семейную историю в пространство истории страны.

При этом расширение исторического контекста, по мнению издателей, ведет к изменению адресации книги. Так произошло с «Сахарным ребенком» О. Громовой, существующим в двух версиях — детской и взрослой. Отличаются они оформлением и объемом комментариев. Детская версия

включает в себя рассказ, основанный на воспоминаниях Стеллы Нудольской, Эли, высланной в 1930-е вместе с матерью в Киргизию, и короткий эпилог, в котором О. Громова рассказывает об истории создания повести и о том, как она познакомилась со своей героиней. Взрослая версия дополнена главой «Как это было на самом деле», которая включает фотографии, архивные документы, письма прототипов героев книги, мнения историков и мн. др. В этом расширенном комментарии разыгрываются новые сюжеты и обнаруживаются новые проблемы, не включенные в «основной» (адресованный ребенку) текст. Рассказывая о прошлом, взрослые говорят не только о нем, но и о дне нынешнем: о помощи политзаключенным, о невозможности «проследить» судьбу человека — и уже в настоящем сказать правду о том, что когда-то произошло. Однако не менее ценной представляется возникающая в главе рефлексия по поводу самого процесса создания книги как продленного в настоящее воспоминания. Именно в этой, второй, части обсуждается статус самого произведения (повесть это или документ?), описывается проделанная автором работа, механизм превращения воспоминаний, архивных находок в художественное целое, в котором чужая память о прошлом как бы присваивается автором и провоцирует чувство солидарности и ответственности.

В книге О. Колпаковой авторское обрамление (предисловие и комментарий) выполняет схожие функции. С его помощью проблема исторической несправедливости, которую решает для себя героиня по имени Марийхе, выносится в современность: война для Марийхе закончилась, но не закончилась депортация; разделение по принципу «свой — чужой» приобретает в стране рутинный характер — отсюда вынужденная эмиграция героев книги в Германию. Кроме того, предисловие автора в какой-то степени описывает механизм передачи памяти и опыта между поколениями. В предисловии рассказывается об истории, которую предстоит услышать читателю: «А началось все давно. Даже не в моем детстве, а когда Генриху было 13—14. Он сражался с волком. Была ночь...». Далее обнаруживается, что Генрих — дедушка автора — о том, что пережил в детстве, «о том, кто виноват в ужасах, что выпали на жизнь его поколения... говорил нехотя, очень скуп, без подробностей» [Колпакова 2018: 3]. Кроме того, дедушка рано умер, узнать о событиях прошлого у него самого уже невозможно. В итоге «подробности... рассказывает моя бывшая учительница немецкого языка Мария

Андреевна и ее супруг» [Колпакова 2018: 4]. Знание о жизни дедушки передается автору опосредованно, но ощущается настолько эмоционально, как если бы это было ее собственное воспоминание («рассмеелась, вспомнив, как добирался домой без билетов один из моих героев...»). В финале предисловия память о прошлом раскрывается через образ протянутой через время «обоженной руки», демонстрируя, как призрачное, творчески реконструированное воспоминание определяет настоящее через проблемы прошлого: «Эти истории — словно протянутая из прошлого рука. Та, что поможет в трудную минуту. Я чувствую ее и в серьезном, и в мелочах» [Колпакова 2018: 4].

И «Сахарный ребенок», и «Полынная елка» намечают сценарий установления связи между прошлым и настоящим через ситуацию межпоколенческого диалога, в котором принципиальная роль отводится именно рассказу, вербализованному свидетельству. Собственно, ситуация «разговора со старшим» фиксируется уже самой структурой книг и определяет их коммуникативную стратегию.

В основе повести Е. Басовой «Следы» лежит иной сценарий. Здесь предметом художественного исследования становится сама работа памяти, механизм передачи трагического опыта от одного поколения к другому. Повесть сводит в одно повествование жизнь семьи на протяжении 40 лет: история тетки Мавки, бабушки Натальи и деда Ивана, внуки Иры (и других членов семьи) охватывает исторический период со времен Революции до 80-х гг. XX в. Описывая жизнь Ирки и ее взросление, повесть переключается на воспоминания старшего поколения о тех событиях, которые им пришлось пережить. После революции имение родителей Мавки и Натальи было экспроприровано, мать и отец сосланы, Мавка осталась жить в доме старшей сестры, вышедшей замуж за сапожника Ивана. История выживания Мавки, Натальи, Ивана охватывает, как можно было бы ожидать, не период 1930-х гг. (здесь «убежищем» становится простое происхождение Ивана), а период оккупации поселка немцами. По прошествии лет в Тыше продолжают жить те, кто пережили войну, их разъехавшиеся по разным городам дети и внуки приезжают навестить своих, местная детвора играет в заросших травой рвах и все еще подрывается на минах, оставшихся с войны. Повесть насыщена видимыми свидетельствами прошлого, но сосредоточена на невидимых следах — на том, как передается память о прошлом, если о ней не говорить.

В повести герои старшего поколения практически все время существуют в режиме воспоминаний. Прошлое живет в их сознании и подсознании, всплывает «разрозненными картинками», врывается «негодующим криком» [Басова 2017: 94], «странным чувством» [Там же: 81], однако пережитый опыт для них в первую очередь связан с молчанием — вынужденным или осознанным. Так, в одном из эпизодов дедушка Иван намеренно уводит разговор о военном времени в другое русло, потому что у него были совершенно ясные представления о том, что можно знать внукам, а что нельзя, — *ума такие знания не прибавят, а только лишними мазками испортят картину мира* [Там же: 86]. В другой сцене Иван в ответ на просьбу внука рассказать о войне вдруг вспоминает о жеребенке — идеальном слушателе, общение с которым возможно как бы «помимо слов»: *...и когда мне совсем уж горько делалось на войне, я шел и обнимал жеребенка и потихоньку, чтоб никто не слышал, говорил с ним по-нашему. И он меня понимал, уж такой он был умница. Просто не знаю, как бы я выдержал войну, если б не жеребенок. <...> Радик глядел разочарованно: и это все, мол, — о войне?* [Там же: 126].

В повести много раз подчеркивается эта особенность «нашего» языка — тышинского диалекта, который осознается и героями, и повествователем как другой язык, непохожий на русский. Тышинский язык «журчит», в отличие от правильного русского, звучащего жестко, ломано. Внука Катя говорит бабушкам: *Да у вас не язык даже, а так, сборный винегрет <...> что-то из польского у вас, а что вроде даже из чешского или вообще из хорватского... Я читала, здесь разные племена жили. Как так намешать языки можно было, я не понимаю* [Там же: 162].

Чуткость к палимпсестному диалекту Тыши, умение переключаться с одного языка на другой помогает обнаружить родство между ключевыми героями: Мавкой и Ирой. И та и другая говорят мало, будто не доверяя словам, но острее прочих ощущают за языком какие-то не всегда ясные эмоциональные связи, то есть обе способны видеть в нем нечто большее, чем механизм общения. Так, для Мавки именно через язык проявляют себя «тени прошлого»: *И оказалось, что Франция есть. Она пришла к Мавке тенью того, прежнего мира. И теперь слезы душили ее. — S'il vous plaît, mes chères, portez nos chemises avec plaisir ? — шептала Мавка, забившись во дворе за кроличьи клетки. — Хорошие мои* [Там же: 43]. Ирка живет «на два языка» и каждый из них воспринимает как родной [Там же: 169]. При этом парадоксаль-

ным образом в повести Басовой самыми говорящими оказываются герои, к языку наиболее чувствительные.

Нерепрезентируемость травмы через прямое личное говорение соотносена в повести с официальным нарративом о войне. Он обнаруживает себя в упоминаниях о пионерах-героях, о каждом из которых *надо было запомнить, какой он совершил подвиг и как погиб* [Там же: 24], или в воспоминаниях некоего командира о деятельности партизанского отряда, читая которые Иван *поразился, как ловко об этом рассказано в книге, — он раньше не задумывался о том, что можно говорить весело о войне* [Там же: 125—126].

Несмотря на то, что и в этих «официальных» версиях судеб пионеров-героев и истории тышинских партизанов нет ничего веселого и легкого, они между тем отчетливо противопоставлены тому, как переживают войну герои повести в своем собственном сознании. Воспоминания Мавки, Натальи и Ивана похожи скорее на «вспышки»: эмоционально переживаемое прошлое никак не складывается в линейное повествование, оно подвержено разрывам и «блокаде слова» (см. эпизод с жеребенком), тогда как официальные версии гладки, непротиворечивы, прочно структурированы и ориентированы в первую очередь на связность рассказа о прошлом, его репрезентируемость. Логика этого сопоставления соотносима с разницей между внутренней и внешней памятью, или, точнее, автобиографической памятью и исторической памятью в концепции М. Хальбвакса, в которой история представляет прошлое «в сокращенной и схематичной форме» [Хальбвакс 2005], является описанием ушедших событий, потерявших свидетельство очевидца. Это описание, не распознающее следы «невыразимой» травмы и потому сосредоточенное на реконструкции событий и акцентировании идеологически важного. Память же напрямую связана с личным опытом, живым свидетельством, существующим в настоящем и сохраняющим самые незначительные мелочи и детали.

П. Нора, описывая отрыв истории от памяти, указывает, что память «открыта диалектике запоминания и амнезии, не отдает себе отчета в своих последовательных деформациях, подвластна всем использованиям и манипуляциям, способна на длительные скрытые периоды и внезапные оживления», это всегда «актуальный феномен», который «питается туманными, многоплановыми, глобальными и текучими, частичными или символическими воспоминаниями, она чувствительна ко всем трансферам, отобра-

жениями, запретам или проекциям», тогда как история всегда реконструирует то, чего больше нет, это «интеллектуальная и светская операция», «репрезентация прошлого» [Нора 1999: 20].

В произведении Басовой память о прошлом туманна и текуча, она фиксируется не только (и не столько) в словах. Примечательно, что в повести вообще мало прямой речи, «изображенного» слова. Как уже было отмечено, Мавка, Наталья, даже Иван много вспоминают — но никогда не говорят о своих воспоминаниях: *взрослые молчали, а из невольных проговорок их, как ни старайся, не складывалась общая картина жизни* [Басова 2017: 166], — так думает Ирка. В этом контексте избранная автором форма повествования, где все самое важное уведено в несобственно-прямую речь, может быть рассмотрена одновременно и как форма психологизма, и как форма речи, указывающая на утаивание воспоминаний, свидетельствующая о невозможности и нежелании говорить о прошлом.

Тем не менее «блокада слова» не отменяет передачи памяти — только иными, косвенными способами: например, через труднообъяснимые, но легко передающиеся страхи старшего поколения. Так, Ирка замечает, что тетка Мавка не любит проходить мимо детского сада — бывшей усадьбы, в которой Мавка и Наталья провели детство, *и чтобы не вспоминать о теткинском страхе, надо было никогда не думать о детсаде* [Там же: 168]. Со страхами непосредственно связаны и семейные, домашние привычки (для Ирки и всех других внуков было *самой собой, что дед нет-нет да и нажарит семечек и созовет всех за стол, и чему он при этом радовался, как маленький, никто из внуков не думал* [Там же: 82]), а также запреты и правила, которые нельзя нарушать. Баба Наташа по какой-то причине не разрешает деду играть на мандолине еврейские песни, детям же категорически запрещено общаться с соседкой Онисьей, с ее детьми и внуками. Причина этого строжайшего запрета, за нарушение которого баба Наталья может по-настоящему высечь и даже изгнать из семьи, детям не объясняется, поэтому предыстория отношений с предательницей-соседкой, из-за которой немцами были казнены несколько жителей Тыши, остается для Ирки и других внуков тайной.

Над этой расплывчатостью картины прошлого размышляет Ира, пытаясь прояснить, что ей делать со своей неполнотой знания, но ясным ощущением того, что «остаются следы», с которых нельзя сходить: *Что-то происходило на Иркиных глазах.*

Танина бабушка была больна, и, может быть, она прямо сейчас умирала, — и было ясно, что раньше тоже что-то происходило, от чего остались следы. И Ирке суждено было ходить по этим следам, не зная их, видя смутно, нащупывая кое-как, и оступить нельзя было. Бабушка столько раз предупреждала ее: „Смотри, если ты с Ониськиной Танькой хоть слово скажешь — откажемся мы от тебя, будешь не наша внучка“ [Там же: 171].

Ключевым для понимания этого странного процесса передачи «постпамяти» является образ младенца, однако автором не случайно используется «тышинский» вариант слова — «немовля», то есть тот, «кто не молвит ничего. Не говорит. Ни слова сказать не может» [Там же: 171]. В контексте повести младенец отсылает не только к истории оккупации и предательства Онисьи, проговорившейся о ребенке в доме Натальи, но становится и метафорой молчания взрослых, страшный опыт которых никогда не облекается в слова, и метафорой смутной и необъяснимой тревоги следующих поколений, которые ждут объяснений и для которых прошлое так и не складывается в единую картинку.

В «Следах» именно Ира пытается соединить противоположное, именно она смутно осознает, что какие-то воспоминания взрослых, почему-то определяющие и ее жизнь в настоящем, существуют в постоянном разрыве между необходимостью помнить о них и их забыть. В повести эта диалектика забывания и воспоминания приходит к ней через осознание правильности-неправильности всего происходящего: правильно помнить о прошлом до «седьмого колена», как настаивает бабушка Наталья, но правильно и то, что говорит Онисьина внучка Танька: «мы (третье поколение. — О. Б.) и вовсе не жили тогда, как мы можем судить?» [Там же: 172].

Вместе с тем у Басовой смутная тревога переданной, но не осознанной ни первым, ни третьим поколениями травмы лечится/переживается благодаря тому, что дед Иван называет «хистом» — даром что-то очень хорошо делать, тягой к чему-то. У Мавки это — вышивание, у Иры — рисование (причем манеры их похожи — обе используют широкие штрихи-стяжки), у Ивана — музыка (и у Радика, внука, тоже), у Натальи — умение (настоящее искусство!) «тупать» — жить и выживать в самых сложных обстоятельствах, и заставлять выживать других. Наследование травмы компенсируется и наследованием таланта — и это, пожалуй, единственное, что уравнивает в повести му-

чительное бессловесное переживание прошлого.

В отличие от книг О. Громовой и О. Колпаковой, в которых исторические события, пережитые ребенком, как бы «восстановлены» и целостно представлены в художественно-документальных нарративах, повесть Басовой буквально тематизирует сам процесс передачи «постпамяти» и показывает, как следы прошлого «мерцают» в настоящем, проявляя себя практически во всем — и в отношениях с окружающими, и в неувловимых особенностях языка, и во многом другом. В этом смысле, как кажется, точной по отношению к поэтике книги оказывается исследовательская метафора Анастасии Уланович, описывающая память второго поколения через понятие «призрачных образов». В фотографии этот термин используется для «обозначения двух или более фотографических изображений, которые накладываются друг на друга (чаще всего случайно) и чье совпадение на фотобумаге создает жуткий для зрителя эффект» [Ulanowicz 2013: 5]. Память второго поколения предполагает «слияние образов прошлого и настоящего», а фигура призрака одновременно подчеркивает соположенность и «тревожный разрыв» [Ulanowicz 2013: 5] между ними.

Этот эффект ассоциаций и диссоциаций прошлого и настоящего в значительной степени определяет и архетиконику книги Басовой, и авторскую концепцию памяти, и коммуникативную стратегию книги.

С точки зрения архитектоники, свойственная повести нелинейность повествования, кочующего между временами, между пространствами (другим городом, в котором живет и учится Ирка, Тышей периода войны и Тышей современной), между голосами героев, позволяет проследить судьбы разных персонажей и в то же время демонстрирует, как соединяются и накладываются друг на друга «сейчас» и «тогда».

Что касается коммуникативной стратегии текста, то колебания между точками зрения разных субъектов сознания, возникающие образные переклички, неточные рифмы между событиями и судьбами людей усложняют структуру текста и — как следствие — делают более сложной ее адресацию. Текст повести (предназначенный, как отмечено издателем, детям и подросткам) оказывается настолько многосубъектным, а повествовательная схема настолько сложной, что книга выглядит, скорее, книгой для «молодых» (и не только молодых) взрослых.

Произведения О. Громовой, О. Колпаковой, Е. Басовой могут быть рассмотрены как

постпамять второго поколения — как эстетические попытки установить «свои отношения с прошлым» [Лозинская 2015]. Однако если «Сахарный ребенок» и «Полынная елка» настаивают на возможности рационального диалога между представителями разных поколений и ключевая роль в нем отводится именно взрослому, то повесть «Следы» фиксирует, скорее, «предательство» языка. Разговор о травмах прошлого заменен здесь непрямыми способами передачи опыта, а работа с семейной памятью является уделом и ответственностью ребенка: именно ему предстоит увидеть и понять, что прошлое не может быть восстановлено, и в то же время уловить и осмыслить призрачные следы этого прошлого.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]. Интересно, что исторические комментарии к книге появились при ее переиздании в 2015 г. издательством «Самокат» (комментарии подготовлены И. Бернштейном и А. Демьяненко).

O. Yu. Bagdasaryan

Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia

ORCID ID: 0000-0003-3212-3788

 E-mail: obagdasar@gmail.com.

ЛИТЕРАТУРА

1. Басова Е. Следы. — СПб. ; М. : Речь, 2017. 176 с.
2. Громова О. Сахарный ребенок: история девочки из прошлого века, рассказанная Стеллой Нудольской. Люди. События. Факты. — М. : КомпасГид, 2018. 216 с.
3. Колпакова О. Полынная елка. — М. : КомпасГид, 2018. 88 с.
4. Лозинская А. «Стыд, подозрение и ностальгия» : интервью с Эрнстом ван Альфеном / А. Лозинская — Текст : электронный. 2015. 6 нояб. URL: <https://urokiistorii.ru/article/52921> (дата обращения: 12.08.2019).
5. Нора П., Озуф М., Пюимеж Ж. де, Винок М. Франция-память / пер. с фр. Д. Хапаевой ; науч. конс. пер. Н. Копосов. — СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. 328 с.
6. Хальбвасс М. Коллективная и историческая память / М. Хальбвасс. — Текст : электронный // Неприкосновенный запас. № 2—3 (40—41). URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/kollektivnaya-i-istoricheskaya-pamyat.html> (дата обращения: 12.08.2019).
7. Хирш М. Что такое постпамять / М. Хирш ; пер. К. Харланова. URL: <https://urokiistorii.ru/article/53287> (дата обращения: 12.08.2019). — Текст : электронный.
8. Холостова Т. Время и литература // Девочка перед дверью / М. Козырева. — Ленинград : Детская литература, 1990. С. 1—13.
9. Hirsch M. The Generation of Postmemory // Poetics Today. 2008. No 29:1. P. 103—128.
10. Ulanowicz A. Second-Generation Memory and Contemporary Children's Literature: Ghost Images. — New York ; London : Routledge, 2013. 262 p.

Second Generation Memory and Experiments with the Past in Modern Children's Literature

ABSTRACT. The article discusses the representation of traumatic events of Russian history in modern children's literature. "The Wormwood tree" by O. Kolpakova, "The Sugar Child" by O. Gromova and "The Traces" by E. Basova actualize the phenomenon of "second generation memory" — a memory about "inherited" but not personally lived through experiences, a memory which reconstructs and translates traumatic events in the life of the previous generations.

O. Gromova's and O. Kolpakova's books are hybrid docu-fiction texts in which the experience of the elder generation is reconstructed in the narrative of the child main character. The children's emotional stories are framed by adult's documentary evidence and / or comments. This device helps to include the children's narratives in the historical context, explains the significance of the past for the understanding of the present and outlines the possibility of intergenerational dialogue.

E. Basova's story is purely an artistic narrative, where the very process of memory translation and its techniques become the main theme. Whilst the books by Gromova and Kolpakova actualize the situation of dialogue between adults and children about the past (that allows to translate and analyze the traumatic experience), "The Traces" rather testifies to the impossibility of the verbal intercourse about such experience. Basova's narrative focuses on the conflict between the first generation memory and its desire or ability to tell about the past. The metaphor of "nemovlya" (a baby who "cannot say a word") becomes the central one in the story. This metaphor refers both to the plot events and to the situation of the adults' silence about their terrifying experience. As a consequence, the work with the family memory becomes the child's responsibility: they are at the same time to understand that the past cannot be restored and to grasp and comprehend the ghostly traces of this past.

KEYWORDS: modern children's literature; children's writers; literary plots; historical memory; postmemory.

AUTHOR'S INFORMATION: Bagdasaryan Ol'ga Yur'evna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Literature and Methods of its Teaching, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.

FOR CITATION: Bagdasaryan, O. Yu. Second Generation Memory and Experiments with the Past in Modern Children's Literature / O. Yu. Bagdasaryan // Political Linguistics. — 2019. — No 6 (78). — P. 132-138. — DOI 10.26170/pl19-06-16.

REFERENCES

1. Basova E. *Traces*. — St. Petersburg ; Moscow : Speech, 2017. 176 p. [Sledy. — SPb. ; M. : Rech', 2017. 176 s.]. — (In Rus.)
2. Gromova O. *Sugar Child: the Story of a Girl from the Last Century, Told by Stella Nudolskaya. People. Events. Facts*. — Moscow : Compass Guide, 2018. 216 p. [Sakharnyy rebenok: istoriya devochki iz proshlogo veka, rasskazannaya Stelloy Nudol'skoy. Lyudi. Sobytiya. Fakty. — M. : KompasGid, 2018. 216 s.]. — (In Rus.)
3. Kolpakova O. *Wormwood Tree*. — Moscow : Compass Guide, 2018. 88 p. [Polynnaya elka. — M. : KompasGid, 2018. 88 s.]. — (In Rus.)
4. Lozinskaya A. "Shame, Suspicion and Nostalgia": interview with Ernst van Alphen / A. Lozinskaya — Text : electronic. 2015. 6 Nov. [«Styd, podozrenie i nostal'giya» : interv'yu s Ernstom van Al'fenom / A. Lozinskaya — Tekst : elektronnyy. 2015. 6 noyab]. URL: <https://urokiistorii.ru/article/52921> (date of access: 12.08.2019).
5. Nora P., Ozuf M., Pyuimezh Zh. de, Vinok M. *France-memory* / transl. from French by D. Hapaeva ; scientific consultation of translator: N. Koposov. — St. Petersburg : Publishing House of St. Petersburg. Univ., 1999. 328 p. [Frantsiya-pamyat' / per. s fr. D. Khapaevoy ; nauch. kons. per. N. Koposov. — SPb. : Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 1999. 328 s.]. — (In Rus.)
6. Khal'bvaks M. *Collective and Historical Memory* / M. Khal'bvaks. — Text : electronic // Inviolable Stock. No. 2—3 (40—41). [Kollektivnaya i istoricheskaya pamyat' / M. Khal'bvaks. — Tekst : elektronnyy // Neprikosnovennyy zapas. № 2—3 (40—41)]. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/kollektivnaya-i-istoricheskaya-pamyat.html> (date of access: 12.08.2019).
7. Hirsch M. *What is Post-memory* / M. Hirsch ; transl. K. Harlanova. [Chto takoe postpamyat' / M. Hirsch ; per. K. Kharlanova]. URL: <https://urokiistorii.ru/article/53287> (date of access: 12.08.2019). — Text : electronic.
8. Kholostova T. *Time and Literature* // *Girl at the Door* / M. Kozyreva. — Leningrad : Children's Literature, 1990. P. 1—13. [Vremya i literatura // Devochka pered dver'yu / M. Kozyreva. — Leningrad : Detskaya literatura, 1990. S. 1—13]. — (In Rus.)
9. Hirsch M. *The Generation of Postmemory* // *Poetics Today*. 2008. No 29:1. P. 103—128.
10. Ulanowicz A. *Second-Generation Memory and Contemporary Children's Literature: Ghost Images*. — New York ; London : Routledge, 2013. 262 p.

С. А. Ерёмкина

Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия

ORCID ID: 0000-0002-1422-5740 E-mail: swegle@yandex.ru.

Речевой портрет Н. С. Трубецкого на материале письма к П. П. Сувчинскому

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена вопросу изучения языковой личности на материале личного письма — одного из жанров письменной коммуникации. Цель исследования — выявить языковые единицы, характеризующие языковую личность как полифоничный феномен и носителя определенных идей в личных письмах. Материалом для анализа стало письмо Н. С. Трубецкого к П. П. Сувчинскому. С помощью современных методов анализа дискурса и текста были рассмотрены условия, в которых создавалось письмо, определены коммуникативная цель и мотивация создания письма, определены лингвистические способы репрезентации адресанта, проанализированы случаи рациональной и иррациональной оценки описываемого материала. Приводятся примеры языковой игры, использования средств выразительности, прецедентные феномены, случаи проявления лингвистической креативности языковой личности. Обосновывается целесообразность изучения речевого портрета ученого на материале его эпистолярного наследия в динамике, где каждый новый текст дает новые образцы вербализации его мыслительного процесса. В результате анализа были выявлены два мотива, которые могут быть охарактеризованы как постоянные, конститутивные для языковой личности ученого: наука и жизнь в эмиграции. В области науки ученый представляется как персона, дающая категоричные, развернутые и рациональные оценки. Об окружающей обстановке ученый пишет экспрессивно, свободно в лексическом отношении, дает волю языковой игре и нагружает текст коннотациями.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: языковая личность; речевой портрет; эпистолярное наследие; личные письма; идиолексикон; лингвоперсонология.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Еремина Светлана Александровна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры межкультурной коммуникации, риторики и русского языка как иностранного, Уральский государственный педагогический университет; 620017, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26; e-mail: swegle@yandex.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Ерёмкина, С. А. Речевой портрет Н. С. Трубецкого на материале письма к П. П. Сувчинскому / С. А. Ерёмкина // Политическая лингвистика. — 2019. — № 6 (78). — С. 139-144. — DOI 10.26170/pl19-06-17.

БЛАГОДАРНОСТИ. Статья выполнена с финансовой поддержкой гранта РФФИ № 19-012-00465/19 «Лингво-политическая персонология: дискурсивный поворот».

Современная лингвистика весьма продуктивно исследует языковую личность, характеризуя ее на материале текстов разной жанрово-стилевой организации. Теория языковой личности, разработанная отечественными учеными (Г. И. Богин, Ю. Н. Караулов, Н. Д. Голев, К. Ф. Седов, О. Б. Сиротинина и др.), определяет языковую личность как персону, владеющую ресурсами языка и использующую данные ресурсы в качестве средства формирования и выражения мыслей для решения различных задач в коммуникативном процессе.

Языковая личность ученого — сложная многослойная единица, несущая на себе печать элитарной языковой культуры. А. В. Курьянович отмечает, что «категориальные и типологические свойства языковой личности, проявляемые ею в текстовой деятельности, имеют явную дискурсивную обусловленность», а Н. Д. Голев, вводя понятие «антропотекст» как «отражение в тексте особого качества языковой способности его автора

или адресата», подчеркивает, что «вариативность антропотекстов есть отражение разнообразия языковых личностей и типов языковой способности, наличием которых они характеризуются» [Курьянович 2014: 259; Голев 2005: 84]. Таким образом, изучение речевого портрета ученого на материале его эпистолярного наследия, где в каждом новом тексте проявляются новые нюансы вербализации его мыслительного процесса, представляется весьма продуктивным.

В процессе коммуникации ученый вербализует свои мысли, и этот процесс вербализации не является статичным явлением, а осуществляется во времени, пространстве и в коммуникативной обусловленности. Полагая, что языковую личность следует изучать в ее динамике. Этот подход реализуется в изучении репрезентации языковой личности в серии языковых портретов как вариантов такой репрезентации, обусловленных временем создания текста, пространственной составляющей, а также партнером по общению.

В последнее десятилетие учеными создано достаточно много речевых портретов языковой личности, маркированных профессионально, социально, хронологически, гендерно и т. п. (В. И. Карасик, М. В. Китайгородская, Н. Н. Розанова, Л. П. Крысин, Е. А. Земская, О. В. Томберг, Л. Н. Чурилина и др.)

При выявлении речевого портрета мы опираемся на модель описания языковой личности, предложенную Ю. Н. Карауловым, представленную тремя основными уровнями: 1) вербально-семантический (вербально-грамматический) уровень, или лексикон, к которому Ю. Н. Караулов относит единицы, традиционно используемые при описании лексического и грамматического строя языка (слово, морфема, словоформа, словосочетание, синтаксема); 2) лингвокогнитивный уровень, или тезаурус, в состав единиц которого включаются денотат, сигнификат, фрейм, фразеологизм, метафора, каламбур и др. Именно эти единицы организуют статичную и относительно стабильную картину мира; 3) мотивационный уровень, или прагматикон, в качестве единиц которого выступают тексты, пресуппозиция, дейксис, способы аргументации, «сценарии» и др. Эти единицы отражают интенции, цели и активную позицию носителя языка [Караулов 2006].

На вербально-семантическом уровне рассматриваются слова и их значения, на когнитивном — концепты. Высшим уровнем является мотивационный, так как отвечает на вопрос, с какой целью адресант использует в своем тексте именно эти слова и когнитивные, какую мысль автор хочет выразить и передать в тексте.

Таким образом, в описании языковой личности мы будем придерживаться следующей схемы анализа:

- Социокультурная ситуация и лингвокультурологическая репрезентация личности (отражение элементов культуры в языке).
- Репрезентация мотивов адресанта.
- Рефлексия адресанта.
- Особенности речевого поведения (этикетные формулы, речевые клише, прецедентные феномены, языковая игра).
- Особенности языковых единиц разных уровней.

Предметом анализа явилось описание языковой личности ученого Н. С. Трубецкого на материале личных писем, адресованных другу, единомышленнику по научным и политическим взглядам П. П. Сувчинскому. Анализ проводится на материале письма, написанного 15 декабря 1921 года в Болгарии в начале эмиграции. Н. С. Трубецкой, дворянин, специалист в области сравнительного языкознания, В 1920 г. эмигриро-

вал в Болгарию, преподавал в Софийском университете; издал сочинение «Европа и человечество», в котором близко подошел к разработке евразийской идеологии. Книга обсуждалась в софийском семинаре, в котором участвовали П. П. Сувчинский, Г. В. Флоровский, П. Н. Савицкий — это привело к рождению евразийской идеологии. Первый сборник евразийцев вышел в Софии в 1921 г. Н. С. Трубецкой — активный участник евразийского движения, один из его теоретиков и политических лидеров, до конца жизни оставался непримиримым противником коммунизма, воцерковленным православным христианином.

Личное (частное) письмо в данном контексте понимается как «разговорный жанр, отражающий неофициальное письменное общение людей. Характеризуется соединением целей: автор письма информирует своего адресата о важных для него фактах, мыслях, проблемах, событиях, лицах, он делится с адресатом своими переживаниями, побуждает его к целесообразным действиям. Автор воспроизводит при этом форму непосредственного общения с адресатом, сохраняет принятую между ними тональность общения» [Матвеева 2003: 230].

Методическим способом выявления речевого портрета языковой личности в ее вариантах является метод наблюдения и научного описания эпистолярного дискурса (термин А. В. Курьянович) — писем Трубецкого к Сувчинскому. Метод контентного анализа позволил выявить частотные темы, затрагиваемые автором в серии писем за 1921—1922 гг. Метод классифицирования позволил выявить конституционные (постоянные) признаки, определяющие языковую личность, и переменные (вариантные).

Результатом анализа стал портрет, который и репрезентирует тип языковой личности как полифоничную персону, систему определенных историко-научных ценностей.

С помощью современных методов анализа дискурса и текста были рассмотрены условия, в которых создавалось письмо, определены коммуникативная цель и мотивация создания письма, определены лингвистические способы репрезентации точки зрения адресанта, проанализированы случаи языковой игры, использования средств выразительности, прецедентные феномены, случаи проявления лингвистической креативности языковой личности.

Анализ письма позволил выявить ключевые мотивы, репрезентируемые языковой личностью Трубецкого. В тексте такими ключевыми мотивами являются две линии — это наука и жизнь.

Сфера науки представлена дискуссией о евразийстве, о содержании и издании евразийского сборника статей, финансировании этого сборника и круге людей, пишущих статьи и разделяющих взгляды евразийства.

Сфера жизни представлена описанием быта и окружения Трубецкого в Софии.

Рассмотрим презентацию каждой из данных линий.

О науке Трубецкой говорит лапидарно, но проявляет знание предмета речи. Язык письма в части рассуждения о статьях для печати категоричен. Он использует выражения «*весьма спорный*», «*совершенно безупречно*», категорическая оценка дается развернуто и ярко. Автор письма свободно оперирует научной терминологией. Ср.: *Между тем эта статья представлялась мне весьма спорной, особенно для помещения во второй сборник, как я его себе представлял. Если бы можно было записать ту лекцию, которую К<арташев> читал в Софии, — это было бы совсем то, что нужно: ярко, конкретно, актуально и совершенно безупречно с точки зрения ортодоксального евразийства.*

Речь адресанта дискуссионна. Он выдвигает тезис, сопровождающийся рациональной оценкой, и далее разворачивает мысль, излагая факты. Ср.: *Статья Баццилли, довольно интересная, изображающая историю всего Старого Света как борьбу двух географических элементов, — береговых областей (Греция, Рим, Аравия, Персия, Индия, Китай), стремящихся к обособлению, и областей центральных (монголы, потом Россия), стремящихся к объединению и установлению „великих путей“ через весь континент.*

Дискуссионность, которая лежит в основе рассуждений о евразийстве, сопровождается четкостью разведения понятий и категоричностью оценок. Ср.: *Предполагается еще по одной статье от Флоровского, Савицкого и от меня (я хочу писать о том, призывая к религии и вместе с тем к Востоку, мы вовсе не зовем к „религиям Востока“, как это думают некоторые, ибо „мистика Востока“ есть прелесть сатанинская, истинная вера только православная, подражать же Востоку нужно лишь в его отношении к религии, а не самой его религии — буддизму, исламу и т<ому> под<обному>).*

Такие интенции показывают, что автор письма является специалистом в данной области, осознает это и считает себя специалистом, способным регулировать в данном случае научный процесс. Ср.: *«Никаких соглашений, объединений и пр<очего>*

быть не может. Если найдется человек совсем к нам подходящий — милости просим. И то с разбором, напр<имер>, жиды — нельзя, старых греховодников, изблудившихся и исписавшихся, но жаждущих обновления, — тоже не очень-то. Между прочим, не относится ли А. Белый именно к этой категории? Ремезова я совершенно не знаю и смутно представляю себе его прежний литературный облик. Если он действительно наш (вполне наш, вплоть до православия), то нельзя ли получить от него что-нибудь если не для сборника, то для будущего журнала или альманаха?»; «С эсерами, особенно из **жидов**, будьте как можно **осторожнее**. Отталкивать их и обижать, конечно, нельзя (к сожалению), ибо они могут пригодиться. Но не дай Бог не только связаться с ними, но и хотя бы близко подпустить, ибо они **народ цепкий**, пристанут — не **отвяжешься**».

Адресант общается с равным себе, единомышленником и другом, и это создает в письме некую зону перехода от оценки рациональной к оценке эмоциональной. Он позволяет себе употреблять презрительные, просторечные и даже бранные слова (такие как «*изблудившиеся*», «*жиды*»), осознавая, что находится с адресатом в паритетных отношениях и будет понят адекватно. Возможно, поэтому он переходит и на особо доверительный тон, проявляя национально ориентированную оценку, которая была характерна для русского дворянства начала XX в. Ср.: «С эсерами, особенно из **жидов**, будьте как можно **осторожнее**. Отталкивать их и обижать, конечно, нельзя (к сожалению), ибо они могут пригодиться. Но не дай Бог не только связаться с ними, но и хотя бы близко подпустить, ибо они **народ цепкий**, пристанут — не **отвяжешься**». Ср.: *«Наклеивается ли издатель?... я бы предпочел издаваться не в Праге, где это может быть использовано эсерами, а в Берлине у **кадета-жиды** Гессена, которого никто в евразийстве, конечно, не заподозрит. Впрочем, если найдется другой нейтральный издатель, то можно и его. Во всяком случае, **cherchez l'éditeur!**»*

При категоричных оценках по отношению к другим адресата лично в глаза не оценивает, прячется за общую фразу о большинстве мнений, а далее идет рефлексия и четкая аргументированность. Ср.: *Ваша статья (безымянная), в которой, между прочим, по общему мнению, надо либо совсем **похерить**, либо **значительно изменить и сократить среднюю часть** (об искусстве), дословно повторяющую многое из „Эпохи веры“.*

Вторая линия — это жизнь. София, быт, окружение и общая обстановка жизни в эмиграции. Если в части письма, где обсуждаются статьи, присутствует рациональное начало, то о жизни Трубецкой пишет эмоционально, используя различные средства выразительности.

София оценивается как место скучное, провинциальное и не имеющее достаточного круга людей для общения и обмена мыслями. В оценке места проявляется грусть. Ср.: «**Особых происшествий в Софии мало. Все нас покинули. Савицкий уже уехал в Прагу, Флоровский уезжает послезавтра**»; «**Скучно здесь жить. Непременно уедем отсюда. Когда читаешь Ваши письма, прямо зависть берет. Там у Вас жизнь. А здесь болото**».

Трубецкой использует контекстуальную антитезу. В идиолексиконе проявляется словотворчество. Ср.: *Там у Вас жизнь. А здесь болото. Если здесь долго еще прожить, то заболотеешь и опровинциализишься сам. Я это уже чувствую. Особенно же „лидерствовать“ из болота трудно.*

Описание жизни эмиграции дается оценочно и в большей степени отрицательно. Ср.: ***Большой скандал был в церкви по поводу тезоименитства Марии Федоровны. Правые заказали молебствие Шавельскому, Петрыев попросил его не служить, в последнюю минуту стал служить один Рождественский, скороговоркой и без многолетия, после чего страсти настолько разбушевались, что Богаевского насилу выволокли на паперть.***

Изображая эмигрантов вне научного круга, дает также отрицательную оценку, используя прием антономазии. Ср.: *Чествование Достоевского у нас прошло, откровенно говоря, скандально. Речь Флоровского была интересна, но утомительна и не рассчитана на публику, а после речи стали петь песни разные запорожцы и воронцы: тут были и „спите, орлы боевые“ и ария Мазепы и даже дуэт „Ванька Таньку полюбил“.*

О людях науки говорит сдержанно и деликатно: *Сегодня **грустная новость**, — похоронили проф<ессора> Медведева, который умер внезапно, не то от удара, не то от отравления. Кажется, Вы знали его. Очень хороший был человек.*

Иронизируя над жизнью в Софии и эмигрантами, Трубецкой создает каламбуры. Ср.: *Соколов с Гримом и с „Вестингаузом“ издают газету, в которой **Евразайцев** пишет литературные фельетоны, Шавельский рассуждает о церковности, а **Двуутробкин** будет писать о финансах. **Евразайцев** волнуется, хочет ехать в Прагу, но боится, что не удастся.*

Иронически описывает и собственную болезнь. В описании недугов проявляется лингвокультурная составляющая адресанта. Он играет со словом, использует прецедентные тексты. Ср.: *...нахожусь в **мирлихлюндии**; в мирлихлюндии нахожусь потому, что бросил курить, курить же бросил потому, что у меня был плеврит: сначала колит, потом плеврит, „за итом ит“ сказал бы Маяковский.* Цитаты из художественной литературы (игра слов на основе стихов Маяковского) говорят о широком культурном фоне, оттеняющем языковую личность Трубецкого. Оборот «**за итом ит**» и упоминание «*сказал бы Маяковский*» указывает, что Трубецкой очень хорошо знаком с творчеством Маяковского и его любимой синтаксической конструкцией: за кем/чем + кто/что — у Маяковского «**за оргией оргию**», «**за рабом раба**», «**за кадетом кадет**» (ср. также: *Демократизмы, гуманизмы — идут и идут за измами измы*). Нет сомнений и в том, что и адресат знаком с творчеством Маяковского.

Активно пишущий использует слова в переносном значении (метафору). Ср.: *На все на это приехал Савицкий, полный энергии и задора. Он нас **расшевелил**.*

Письмо написано с соблюдением всех канонов текста данного жанра. Используются контактоустанавливающая и контактозавершающая реплики, характерные для дружеского типа общения. Письмо начинается фразой «*Дорогой Петр Петрович!*», а заканчивается «*Обнимаю Вас*». Данное письмо заканчивается яркими социально маркированными этикетными формулами, указывающими на статус близости адресата адресанту (это друзья) и его социальный статус. Ср.: *Крепко обнимаю Вас. Все Вас приветствуют. Как здоровье Марии Алексеевны? Целую ручки Анне Дмитриевне и Анне Ивановне. Ваш кн<язь> Н. Трубецкой.*

Итак, первое письмо позволяет составить портрет полифоничной языковой личности, конституальными признаками выделения которой являются мотивы *науки и жизни в эмиграции*. Переменными признаками следует считать оценки, которые проявляются в канве письма, оценки, обусловленные адресатом письма. На научные темы ученый пишет категорично, развернуто, употребляет слова с четко определенным понятийным значением. О жизни он пишет экспрессивно, свободно в лексическом отношении, дает волю языковой игре, нагружает текст коннотациями. Представляется перспективным рассмотреть динамику языковой личности в зависимости от изменения места и времени создания эпистолярного текста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Богин Г. И. Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов. — Л., 1984. 254 с.
2. Голев Н. Д. Лингвоперсонология, антропотекст, типы языковой личности (лингвоперсономы) // Университетская филология — образованию: человек в мире коммуникаций. — Барнаул, 2005. С. 84—86.
3. Земская Е. А. Речевой портрет эмигрантки первой волны (третье поколение) // Русский язык в научном освещении. 2008. № 1 (15). С. 196—207.
4. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. — М., 2004. 390 с.
5. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. Изд. 5-е, стер. — М.: КомКнига, 2006. 264 с.
6. Китайгородская М. В., Розанова Н. Н. Русский речевой портрет. Фонохрестоматия. — М., 1995. 128 с.
7. Крысин Л. П. Современный русский интеллигент: попытка речевого портрета // Русский язык в научном освещении. 2001. № 1. С. 90—106.
8. Курьянович А. В. Эпистолярная языковая личность: к вопросу определения категориальных и типологических черт // Сибирский филологический журнал. 2014. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/epistolarnaya-yazykovaya-lichnost-k-voprosu-opredeleniya-kategorialnyh-i-tipologicheskikh-cher-t>.
9. Личность ученого: социально-психологический портрет: реф. сб. / РАН. ИНИОН, Центр науч.-информ. исслед. по науке, образованию и технологиям; отв. ред. Т. В. Виноградова. — М., 2009. 132 с. (Сер. «Науковедение за рубежом»).
10. Матвеева Т. В. Учебный словарь: русский язык, культура речи, стилистика, риторика. — М.: Флинта: Наука, 2003. 432 с.
11. Седов К. Ф. Дискурс и личность. — М., 2004. 304 с.
12. Седов К. Ф. Типология и портретирование наших современников // Лингвоперсонология: типы языковых личностей и личностно ориентированное обучение. — Барнаул; Кемерово, 2006. С. 149—204.
13. Сиротинина О. Б. Русский язык: система, узус и создаваемые им риски. — Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2013. 116 с.
14. Томберг О. В. Речевой портрет в сопоставительном описании: лингвокультурологический аспект // Вектор науки. — Тольятти, 2012. № 3. С. 196—200.
15. Трубецкой Н. С. Письма к П. П. Сувчинскому: 1921 — 1928 / сост., подгот. текста, вступ. ст. и примеч. К. Б. Ермишиной. — М.: Библиотека-фонд «Русское зарубежье»: Русский путь, 2008. 384 с.
16. Чурилина Л. Н. «Языковая личность» в художественном тексте. — М., 2006. 240 с.

S. A Eremina

Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia

ORCID ID: 0000-0002-1422-5740 E-mail: swegle@yandex.ru.

Speech Portrait of N. S. Trubetskoy on the Material of the Letter to P. P. Suvchinskiy

ABSTRACT. *The article is devoted to the study of linguistic personality on the material of personal letter – one of the genres of written communication. The aim of the study is to identify the linguistic units that characterize the linguistic personality as a polyphonic phenomenon and the carrier of certain ideas in personal letters. The study analyzes N. S. Trubetskoy's letter to P. P. Suvchinsky. Using the modern methods of discourse and text analysis, the author investigates the conditions under which the letter was created, defines the communicative purpose and motivation of the letter, identifies the linguistic means of representation of the sender, and analyzes the cases of rational and irrational evaluation of the material described. The article provides examples of language game, use of expressive means, precedent phenomena, and instances of manifestation of linguistic creativity of the linguistic personality. The author substantiates the expediency of studying the speech portrait of the scholar on the material of his epistolary heritage in dynamics, where each new text gives new examples of verbalization of his process of reasoning. The analysis has revealed two motives that can be characterized as permanent and constitutive for the linguistic personality of the scholar: science and life in exile. In the field of science, the scholar is presented as a person who gives categorical, detailed and rational assessments. The scientist writes about the environment expressively, freely in lexical terms, gives free rein to language game and loads the text with connotations.*

KEYWORDS: *linguistic personality; speech portrait; epistolary heritage; personal letters; individual lexicon; linguopersonology.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Eremina Svetlana Aleksandrovna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Intercultural Communication, Rhetoric and Russian as a Foreign Language, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.*

FOR CITATION: *Eremina, S. A. Speech Portrait of N. S. Trubetskoy on the Material of the Letter to P. P. Suvchinskiy / S. A. Eremina // Political Linguistics. — 2019. — No 6 (78). — P. 139-144. — DOI 10.26170/pl19-06-17.*

ACKNOWLEDGMENTS. *Research is accomplished with financial support of the Russian Foundation for Basic Research within the scientific project №19-012-00465/19 “Linguo-Political Personology: Discursive Turn”.*

REFERENCES

1. Bogin G. I. A model of a linguistic personality in its relation to varieties of texts. — Leningrad, 1984. 254 p. [Model' yazykovoy lichnosti v ee otnoshenii k raznovidnostyam tekstov. — L., 1984. 254 s.]. — (In Rus.)
2. Golev N. D. Linguopersonology, anthropotext, types of linguistic personality (linguopersonoms) // University Philology — for education: a person in the world of communications. — Barnaul, 2005. P. 84—86. [Lingvopersonologiya, antropotekst, tipy yazykovoy lichnosti (lingvopersonomy) // Universitetskaya filologiya — obrazovaniyu: chelovek v mire kommunikatsiy. — Barnaul, 2005. S. 84—86]. — (In Rus.)
3. Zemskaya E. A. Speech portrait of an emigrant of the first wave (third generation) // Russian language in scientific coverage. 2008. No. 1 (15). P. 196—207. [Rechevoy portret emigrantki pervoy volny (tret'e pokolenie) // Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii. 2008. № 1 (15). S. 196—207]. — (In Rus.)
4. Karasik V. I. Language circle: personality, concepts, discourse. — Moscow, 2004. 390 p. [Yazykovoy krug: lichnost', kontsepty, diskurs. — M., 2004. 390 s.]. — (In Rus.)

5. Karaulov Yu. N. Language circle: personality, concepts, discourse. — Moscow, 2004. 390 p. [Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost'. Izd. 5-e, ster. — M. : KomKniga, 2006. 264 s.]. — (In Rus.)
6. Kitaygorodskaya M. V., Rozanova N. N. Russian speech portrait. Phonohrestomaty. — Moscow, 1995. 128 p. [Russkiy rechevoy portret. Fonokhrestomatiya. — M., 1995. 128 s.]. — (In Rus.)
7. Krysin L. P. Modern Russian intellectual: an attempt at a speech portrait // Russian language in scientific coverage. 2001. No. 1. P. 90—106. [Sovremennyy russkiy intelligent: popytka rechevogo portreta // Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii. 2001. № 1. S. 90—106]. — (In Rus.)
8. Kur'yanovich A. V. Epistolary linguistic personality: on the issue of determining categorial and typological features // Siberian Journal of Philology. 2014. No. 4. [Epistolyarnaya yazykovaya lichnost': k voprosu opredeleniya kategorial'nykh i tipologicheskikh chert // Sibirskiy filologicheskii zhurnal. 2014. № 4]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/epistolyarnaya-yazykovaya-lichnost-k-voprosu-opredeleniya-kategorialnyh-i-tipologicheskikh-chert>. — (In Rus.)
9. The personality of the scientist: socio-psychological portrait : collection of abstracts / RAS. INION, Center for Scientific-Inform. Researches about Science, Education and Technology ; resp. ed. T. V. Vinogradova. — Moscow, 2009. 132 s. (Ser. "Science of Science Abroad"). [Lichnost' uchenogo: sotsial'no-psikhologicheskii portret : ref. sb. / RAN. INION, Tsentr nauch.-inform. issled. po nauke, obrazovaniyu i tekhnologiyam ; otv. red. T. V. Vinogradova. — M., 2009. 132 s. (Ser. «Naukovedenie za rubezhom»)]. — (In Rus.)
10. Matveeva T. V. Educational dictionary: Russian language, speech culture, stylistics, rhetoric. — Moscow : Flinta : Science, 2003. 432 p. [Uchebnyy slovar': russkiy yazyk, kul'tura rechi, stilistika, ritorika. — M. : Flinta : Nauka, 2003. 432 s.]. — (In Rus.)
11. Sedov K. F. Discourse and Personality. — Moscow, 2004. 304 p. [Diskurs i lichnost'. — M., 2004. 304 s.]. — (In Rus.)
12. Sedov K. F. Typology and portraiture of our contemporaries // Linguopersonology: types of linguistic personalities and personality-oriented learning. — Barnaul ; Kemerovo, 2006. P. 149—204. [Tipologiya i portretirovanie nashikh sovremennikov // Lingvopersonologiya: tipy yazykovykh lichnostey i lichnostno orientirovannoe obuchenie. — Barnaul ; Kemerovo, 2006. S. 149—204]. — (In Rus.)
13. Sirotnina O. B. Russian language: system, Usage and the risks they create. — Saratov : Publishing house of Saratov Univ., 2013. 116 p. [Russkiy yazyk : sistema, uzus i sozdavaemye imi riski. — Saratov : Izd-vo Sarat. un-ta, 2013. 116 s.]. — (In Rus.)
14. Tomberg O. V. Speech portrait in a comparative description: linguoculturological aspect // Vector of science. — Tolyatti, 2012. No. 3. P. 196—200. [Rechevoy portret v sopostavitel'nom opisani: lingvokul'turologicheskii aspekt // Vektor nauki. — Tolyatti, 2012. № 3. S. 196—200]. — (In Rus.)
15. Trubetskoy N. S. Letters to P. P. Suvchinsky: 1921—1928 / comp., preparation of text, entry art. and note — K. B. Ermishina. — Moscow : Library-Fund "Russian Abroad" : Russian Way, 2008. 384 p. [Pis'ma k P. P. Suvchinskomu: 1921 — 1928 / sost., podgot. teksta, vstup. st. i primech. K. B. Ermishinoy. — M. : Biblioteka-fond «Russkoe zarubezh'e» : Russkiy put', 2008. 384 s.]. — (In Rus.)
16. Churilina L. N. "Language personality" in a literary text. — Moscow, 2006. 240 p. [«Yazykovaya lichnost'» v khudozhestvennom tekste. — M., 2006. 240 s.]. — (In Rus.)

Н. А. СметанинаУральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия
ORCID ID: 0000-0002-1142-2378

✉ E-mail: nataliasmetanina@yahoo.com.

Проблема личности в пьесе Эдварда Олби «Я как таковой и я»

АННОТАЦИЯ. В самом начале пьесы Эдварда Олби «Я как таковой и я» один из братьев-близнецов обращается к читателю и зрителю, заявляя, что он на сцене для того, чтобы создавать проблемы, еще сильнее усложнять и без того сложную жизнь. Он пытается избавиться от семьи и найти выход из сложившегося беспорядка. Остроумие и ирония Олби доминируют в пьесе, потому драматургу удастся «увлечь, расстроить и побеспокоить» зрителя и читателя. Пьеса «Я как таковой и я» создана в уникальном жанре, с применением уникальных средств выразительности — как языковых, так и визуальных. Центральной для пьесы является тема субъективности и связи между реальностью и воображением, реальностью в литературном произведении. Мотив двойничества является повторяющимся начиная с литературы фольклора и заканчивая произведениями Шекспира, По, Диккенса, Уайльда, Борхеса и многих других. Данная тема часто выступает как воплощение раздвоения личности, она принадлежит к царству карнавного, чудовищного, сверхъестественного и предполагает угрозу возможности экспроприации личности. «Я как таковой и я» представляет собой мета- и интертекстуальное рассуждение, для полного понимания которого читателю или зрителю необходимо знать и понимать театральные условности и различные отсылки к литературным произведениям. Субъект в пьесе полностью лишен равновесия, он находится в постоянной борьбе, и чтобы достичь гармонии, он вынужден вернуться к неопределенности. В данной статье анализируются методы, используемые Олби для превращения сцены в мета- и интертекстуальное «пространство», подрывая любую веру в личность и язык как фиксированные, стабильные и функциональные «сущности».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: субъектность; метатеатр; американская драматургия; американские драматурги; пьесы; кризис личности; интертекстуальность.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Сметанина Наталья Александровна, старший преподаватель, кафедра лингвистики и профессиональной коммуникации на иностранных языках, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина; 620002, г. Екатеринбург, ул. Мира, д. 19; e-mail: nataliasmetanina@yahoo.com.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Сметанина, Н. А. Проблема личности в пьесе Эдварда Олби «Я как таковой и я» / Н. А. Сметанина // Политическая лингвистика. — 2019. — № 6 (78). — С. 145-150. — DOI 10.26170/pl19-06-18.

На вопрос, будет ли он развивать тему близнецов в своих пьесах («Американская мечта», «Я как таковой и я»), Эдвард Олби ответил, что это «мощный драматический механизм», но он «не стоит кандидатской диссертации» (после шоу-дискуссии 2008). Премьера пьесы «Я как таковой и я» состоялась в январе 2008 г. в Принстоне, в Театральном центре Маккартера. Само же произведение основывается на этом «мощном драматическом устройстве» и становится представлением «примитивного ужаса [и очарования] в то же самое время» (фраза Жирара 1978 г.).

Мотив двойничества является повторяющимся начиная с литературы фольклора и заканчивая произведениями Шекспира, По, Диккенса, Уайльда, Борхеса и многих других. Данная тема часто выступает как воплощение раздвоения личности, она принадлежит к царству карнавного, чудовищного, сверхъестественного и предполагает угрозу возможности экспроприации личности. То же происходит и в пьесе Олби: мотив близнецов и борьба Отто за отделение от своего брата и «избавление» от него создают пьесу, которая «на первый взгляд является очень забавной исто-

рией пары братьев-близнецов и их семьи, но на глубинном уровне [она] затрагивает основные вопросы нашего современного общества. Как мы формируем свою личность и чувство собственного „я“ в мире, который, кажется, вписывает в нас определенную культуру? Меняется ли сам смысл существования в нашу все более виртуальную эпоху? Как мы отличаемся от нашей ДНК в век развития молекулярной биологии?» — как выразилась Эмили Манн, режиссер [Манн].

В своем «Письме к аудитории» Олби утверждает: «Я склонен к отказу от сотрудничества — и иногда настроен враждебно — когда люди спрашивают меня, о чем мои пьесы [...] О чем „Я как таковой и я“? Этот вопрос звучит на протяжении почти двух часов, включая антракт. [...] Пьеса, в конце концов, рассказывает обо всем, что происходит с персонажами от начала и до конца, и (если только автор не убил их всех занавесом) жизни персонажей до начала пьесы и после ее окончания. Это означает, на мой взгляд, что пьеса полностью описана (или объяснена) самим актом ее просмотра». Так прокомментировал сам Олби смысл пьесы после очередного спектакля.

© Сметанина Н. А., 2019

Из-за постоянных попыток автора «дестабилизировать театральный процесс» суть пьесы может показаться несколько неясной.

Мы узнаём о том, что двадцать восемь лет назад Мать родила двух мальчиков, однополовых близнецов, после чего отец от них ушел. Позже к семье переезжает некий Врач, который понял, что в нем нуждаются. Читателю открывается жизнь семьи как раз в тот момент, когда ОТТО объявляет своей Матери, что, во-первых, он собирается стать китайцем, потому что будущее за Востоком, и он «хочет в нем участвовать», а во-вторых, что его близнеца отто больше не существует. Это заявление переводит всю пьесу в область онтологического и гносеологического опроса. Мать постоянно спрашивает: «Кто ты? Который из них? Ты тот, который любит меня?», отто впадает в острый личностный кризис из-за того, что брат отрицает его существование, так же как и его мать, Врач и Морин. Морин — девушка отто (того, чье имя в пьесе написано с маленькой буквы); она видит, чувствует, любит его и даже берет на себя трудности разговора с Матерью, убеждая ее в существовании отто, но спит с ОТТО, будучи не в состоянии различить близнецов. В заключительной сцене представлено противостояние, в котором отто пытается доказать свое существование и вновь обрести свое положение, пытается восстановить себя и свое место как в жизни, так и в пьесе даже после заявления ОТТО о том, что его заменили «настоящим» близнецом — Отто, чье имя пишется курсивом. Данный диалог прерывается появлением отца близнецов, Мужчины, на телеге, запряженной черными пантерами, всего в изумрудах (из папье-маше) и с плакатом «счастливый конец» — именно так, как и предполагал ОТТО. Однако упрек матери заставляет его передумать, перевернуть плакат на сторону с надписью «бывший счастливый конец» и снова уйти.

Структурно пьеса поделена на два акта. Первый акт начинается с обращения ОТТО, стоящего перед красными занавесами, к зрителям:

ОТТО: (Выходит слева, двигается к центру.) Здравствуйте! Меня зовут ОТТО. Я направляюсь к моей матери. (Указывает на занавес.) Она там. Я собираюсь встретиться с ней, потому что хочу наделать проблем, потому что хочу, чтобы всё было более сложно, чем сейчас, затем может быть я смогу выбраться из всего этого беспорядка — этой семьи и всего остального. Давайте посмотрим: меня зовут ОТТО. У меня есть однополовый близнец. Я пытаюсь избавиться от него, чтобы я мог от него избавиться, избавиться от всех них. Но это не просто: вы знаете какие они, эти близнецы, хотя, может быть вы и не знаете. [...] От них так трудно избавиться — от этих близнецов! [Albee 2011: 21]

Заканчивается первый акт постсценой, ОТТО снова напрямую обращается к зрителям, когда опустился занавес: «Мне кажется, я делаю успехи — испоганиваю всё. (Изображает Мать) „отто, мой дорогой...ты не существуешь“. (Изображает отто) „Как это возможно!? Как это возможно!?“ Ну... это дилемма. Как нам её решить? Как мы с этим разберёмся? Хммм. (Идея.) Ну, возможно антракт поможет» [Albee 2011: 34].

Второй акт состоит из семи сцен и Заключения — два брата стараются примириться с невозможностью сбежать от их субъективности (-тей) и с фактом существования их нового третьего брата — «этим новым Отто»:

отто: (Чуть не плача.) И как там справиться с этим [Отто]!?

ОТТО: (Думает над этим.) Ну... Полагаю, нам просто надо думать о себе как о тройняшках. (Пауза; наконец они смеются, обнимаются.)

отто: И что нам сейчас делать, а?

ОТТО: (Указывает на занавес.) Ну, я думаю, пьеса окончена. Пойдём присоединимся к тем, кто уже за занавесом [Albee 2011: 37].

Пьеса «Я как таковой и я» создана в уникальном жанре, с применением уникальных средств выразительности — как языковых, так и визуальных. Центральной темой пьесы является тема субъективности и связи между реальностью и воображением, реальности в литературном произведении. В своем «Письме» Олби предупреждает зрителей: «Моими пьесами [...] можно наслаждаться в полной мере лишь в том случае, если вы не принесете с собой в театр чемодан предубеждения — „пьеса должна проходить так“. Тем не менее „Я как таковой и я“ представляет собой мета- и интертекстуальное рассуждение, для полного понимания которого читателю или зрителю необходимо знать и понимать театральные условности и различные отсылки к литературным произведениям.

Субъект в пьесе полностью лишен равновесия, он находится в постоянной борьбе, и чтобы достичь гармонии, он вынужден вернуться к неопределенности.

Юлия Кристева утверждает, что «говорящему субъекту присуще раздвоение личности из-за постоянного давления на него фрейдистских стремлений и социальных ограничений. Хотя система предполагает единое, трансцендентальное эго, работающее в рамках практики, обслуживающей эту систему, активный субъект способен к бесконечным комбинациям позиций и элементов системы, способен создавать игры, играть, тем самым позиционируя себя во всех сферах, которые система может понять и описать в своей собственной логике. При любом от-

клонении от правил порядок фрагментируется и становится „нечитаемым“, он разумно сопротивляется» [Kristeva 1986: 27].

Самим фактом рождения однояйцевых близнецов Мать уже разрушает систему. Эта «неправильная работа» делает ее субъектом, который, как заявляет Врач, «посеял хаос на [её] пути» [Albee 2011: 15].

Для Матери факт называния сыновей-близнецов одним именем имеет определенный смысл: «Вы не видите логики в этом... одинаковые дети, одинаковые имена» для того, чтобы «когда они станут достаточно взрослыми, чтобы понимать, что у них есть имена, они будут знать, что они — один и тот же человек», «Я взяла бы их на руки и сделала из них одного. Они устроились бы там и обнялись... стали бы одним — были бы одним целым» [Albee 2011: 18].

Из приведенных выше слов видно, что Мать превращается в одну из «архетипических матерей пьес Олби» [Lahr 2010] — как Марта из пьесы «Кто боится Вирджинии Вулф?», Мамуля из «Американской мечты», героиня А из пьесы «Три высокие женщины» или дама из «Пьесы о младенце», использующая палиндромные (т. е. читающиеся одинаково в обе стороны) имена. Такая архетипическая «мать» признает физическое различие своих сыновей, но «возмущенно отрицает их индивидуальный внутренний мир» [Lahr 2010].

В этом смысле «Декларация независимости» Отто [Lahr 2010] рассматривается как попытка найти выход из этого лабиринта меняющихся значений. Он становится хорошим «разборщиком», по его собственным словам, способным разобрать то, что читалось бы как аллегорическая история внутренней борьбы, воплощенная в фигурах близнецов, отождествляющих две стороны одной монеты, то есть два разных персонажа одной и той же личности и — как утверждает Бен Брэнтли — «о необходимости всех детей отделиться от коллективной идентичности семьи» [Brantley 2008]. Отто отказывается и от других признаков своей принадлежности: национальности, языка и такого основополагающего элемента его существования, как статус персонажа в пьесе. Таким образом функционирует его декларативное заявление о том, что он устал быть «западным» и что, — учитывая то, что «будущее на Востоке» — он покидает страну и собирается быть китайцем [Albee 2011: 38]. Теперь у Отто есть новый брат, а «прошлый исчез. Он не существует. Пуф! И испарился! Вот так просто!» [Albee 2011: 40]. Всё выше-описанное приводит пьесу в движение и порождает экзистенциальный кризис, витаю-

щий в воздухе с самого рождения близнецов. В «реальности пьесы», как называет ее Олби, эти высказывания предстают как «перформативы» в том смысле, который им приписывает Дж. Л. Остин. Он утверждает, что, учитывая, что не все высказывания «заявляют» факт или «описывают» состояние и ни одно из них не может быть проверено как истинное или ложное, мы можем различить довольно изменчивую группу, которую он называет «перформативами» и в случае которой «произнесение предложения является действием или частью действия». Учитывая мотивированность термина глаголом «играть», обычным глаголом с «действием», «что указывает на то, что выдача высказывания является выполнением действия», заявление Отто сводит на нет существование Отто, он стирается из дискурса. Конечно, Остин также утверждает, что «перформативное высказывание будет [...] особым образом выявлено или аннулировано, если оно будет сказано актером на сцене или если будет введено в стихотворение или произнесено в монологе», поскольку «язык в таких условиях употребляется по-особому, не серьезно, а паразитически». Из вышесказанного вытекают два неоднозначных аспекта пьесы «Я как таковой и я»: язык и проблема реальности в пьесе.

В статье «Смерти героя: перспективы театра после модернизма» Элинон Фукс утверждает, что в современной драме «персонаж утратил превосходство над целостностью, растворился в потоке исполнительских элементов» [Fuchs 1996: 173].

Однако ни Остин, ни Фукс не изучают двойственность иллюзий и противостояние иллюзий и реальности. Эта проблема исчезла сама собой «с появлением нового восприятия того, что вся неизменная реальность является вымыслом» [Fuchs 1996: 175].

Пьеса «Я как таковой и я» ставит под сомнение не только любую устойчивую идентичность, но и стабильность смысла, функциональность любого процесса обозначения, а также возможности жанра передать всю эту нестабильность, которая сама по себе является знаковой системой с установленными правилами и наследием более двух тысяч лет. Как утверждает Фукс, «„герой“, как термин драматического искусства, никогда не сможет быть независимым от современных конструкций субъективности» [Fuchs 2011: 8].

Субъективность понимается как процесс, посредством которого человек становится активным/говорящим субъектом, вписанным культурой через или в язык. Увлеченность Олби языком и театром становится средством не только гносеологического, но и онто-

логического, философского и критического исследования.

Пьеса «Я как таковой и я» основывается на фирменной игре слов, остроумии и юморе, где наиболее фундаментальные вопросы идентичности превращаются в вербальную акробатику. Каждое слово, фраза и выражение расчленяются, анализируются, и их референты (т. е. мысли или символы) умножаются. Эта игра инициирована Матерью, и в которую она и ее партнер-доктор играют с высоким уровнем мастерства, поэтому неудивительно, что кто-то непосвященный и непривычный к их игре (например, Морин) спрашивает: «Это она по-английски разговаривает?» [Albee 2011: 56]. Даже такие банальности, как выражение «та-та», вызывают словесные перепалки:

ОТТО: [...] ТА!

Доктор: (чтобы впечатлить Отто) Правильное выражение не «та!», а «Та-та!»

Мать: Что?

Доктор: (К Матери.) Та-та! — значит «до свидания». Та-та.

Мать: До Свидания? Куда вы уходите?

Доктор: (Качая головой) Забудьте [...]

Мать: [...] А затем он сказал «Та!» или что-то такое (в этом роде). Так что же это значило?

Доктор: Что значило что?

Мать: Та! Что значит та?

Доктор: Мы уже проходили через это! Правильное выражение не «та», а «Та-та»

Мать: («Напоминая мне») Так что же это значит?

Доктор: Это значит «до свидания».

Мать: (Обличительно) Видите?! Я же говорила, что вы собирались куда-то идти!

Доктор: (Вставая с постели) С вами явно что-то не так.

Кризис личности проявляется в неудачных попытках коммуникации. Первое чувство ужаса отто (чьё имя с маленькой буквы), связанное с проблемой самоопределения, проявляется, когда его брат делает вид, что не слышит его: «Отто: Я вижу его и здороваюсь, но он будто оглох: он меня не слышит. Это продолжается примерно несколько дней. Только что я сказал: „Отто“, но он просто прошел мимо. Я закричал: „Эй, Отто!...“ и ... ничего. [...] это было [...], как будто меня там не было, как будто я ... не существовал» [Albee 2011: 32]. Позже он разговорами попытаться доказать свое существование (например, попросив Морин поговорить с его матерью и убедить ее, что он все еще существует):

отто: Меня не существует.

Мать: Да, то есть, нет. Нет, тебя не существует.

Доктор: Вас заменили.

отто: (усмехнувшись) — Меня не существует!

Мать: Мне очень жаль, да.

отто: Мама, с кем ты разговариваешь?

Мать: Ну...с тобой, конечно. Мой мальчик; мой Отто.

отто: (доктору) И вы. С кем вы разговариваете?

Доктор: В основном с твоей матерью. (Отто угрожающе поднимает руку) Ты! С тобой. Разумеется, с тобой.

отто: (пауза) Тогда я действительно существую [Albee 2011: 36].

Однако, в соответствии с тезисом Ости-на о том, что перформативы, то есть речевые акты, равноценные поступку, должны быть засвидетельствованы, его исчезновение считается осуществленным, потому что, как утверждает доктор, высказывание было произнесено и было услышано:

Мать: Ну... тогда мы поговорим. Это то, что эта девушка хочет сделать, насколько я понимаю ... поговорить. «Мы можем поговорить? — спросила она по телефону. — Мы можем встретиться и поговорить?» Я думала, что она скажет «Могли бы мы», но откуда мне было знать? «Мы можем поговорить? отто попросил меня позвонить Вам». Как я уже сказала, она говорила о чем-то срочном. Как вы думаете, о чем она?

Доктор: (изображая недоумение) Боже, не могу себе представить. Думаете, это как-то связано с Отто — большим Отто, громким Отто, решившим, что маленького отто не существует?

Мать: (Пренебрежительно) Люди не решают такие вещи. Доктор, вы слышали его! Вы слышали, как он это сказал!

Мать: Ерунда!

Доктор: (залу) И я тоже давно не слышал этого!

Мама: То, что люди говорят и что они имеют в виду, не всегда сходится. Вы это знаете!

Доктор: Да, но вы слышали, как он это сказал! [Albee 2011: 52—53]

Центральное место здесь занимает ограничение театрального представления, но происходит это неявно. Олби строит постмодернистский, пастозный, опущенный до уровня «пустой пародии» мир — это термин литературного критика Фредрика Джеймсона, согласно которому постмодернистская культура составляет «мир, в котором стилистические инновации больше не возможны, все, что осталось, — это имитировать мертвые стили, говорить через маски, голосами стилей в воображаемом музее» (цитируется в журнале *Storey*, 2003, p. 150).

Пьеса «Я как таковой и я» изобилует культурными отсылками. Например, из поэмы Т. С. Элиота «Бесплодная земля» здесь появляются «черные пантеры», и хотя указано, что имеются в виду «четырёхлапые животные», это по-прежнему вызывает ассоциации с американской историей. В конце спектакля Отец появляется «на своей колеснице, и всё, что следует за ней, выглядит преувеличенным и фальшивым: папье-маше, или что-то вроде того, которое тащат

четыре черные пантеры на колесах — это абсолютная фальшь» [Albee 2011: 73]. Это напоминает один из мультфильмов Уолта Диснея, но в то же время напоминает пьесу «Смерть коммивояжера» и ее главных героев Вилли Ломана и его брата Бена.

Драматические жанры и принципы тщательно исследуются, сливаются и теряют свою значимость относительно друг друга. Реалистическая традиция в истории американской драматургии формируется на смешении элементов классической трагедии и шекспировской комедии и строится на ошибочных тождествах, заимствую отличительные черты из водевилей и фарсов. В то же время современной пьесе присущи минимализм, постоянные эксперименты с языком, самореференция, почитающая театральные предков от О'Нила, неустанно ищущего новые формы в драматургии, до Пиранделло, Ионеско, Теннесси Уильямса и, конечно же, Беккета, в честь которого в пьесе Олби Доктор носит котелок. Это становится очевидным еще до того, как поднимается занавес. Спектакль постоянно ломает иллюзию четвертой стены, привлекая внимание к собственной искусственности. Помимо персонажей, постоянно обращающихся непосредственно к зрителям, есть целые сцены, поставленные в монологе (сцена 2 и сцена 4 в акте II), в этих сценах герои также рассуждают о театральности условности и о себе как о персонажах пьесы:

Мать: [...] (залу) Вы не видите в этом логики... идентичные близнецы, одинаковые имена?

Доктор: (обобщая) В этом есть закономерность, но нет логики.

Мама: Я обращалась не к Вам.

Доктор: Да, я знаю. (Указывает) К ним! Но Вы их путаете, а сбита с толку публика — не внимательная публика. Я это где-то читал.

Мать: Да? (Задумывается) Король Лир сбивает с толку.

Доктор: (Согласен.) Это правда.

Мать: Но люди все равно читают «Короля Лира». Или пытаются это сделать.

Доктор: Потому что они знают, что должны [Albee 2011: 22].

Доктор: Ты куда?

Мать: Мне нужно в туалет.

Доктор: Мы же на сцене.

Мать: Ну, подожди. Мне нужно в туалет.

Доктор: Да, но...

Мать: Я с самого начала только и сижу на этой чёртовой кровати. Поговори о близнецах или ещё чём-нибудь. Я ухожу [Albee 2011: 25].

Отто: Ну, вот все и ушли (Слышит голоса). О, подождите! Кто-то идёт (Показывает на правый угол сцены). Думаю, я останусь здесь и подожду. В япон-

ском кукольном театре Бунраку есть такая традиция: если люди, управляющие куклами, на сцене одеты в черную сетку — они невидимы, их как будто нет. Это и правда чудесно. (Двигается к левой авансцене). Сейчас в западном театре тоже есть традиция: если опереться на авансцену вот так (показывает), то можно наблюдать за сценой и людьми, а тебя не видно. По крайней мере я надеюсь, что такая традиция есть [Albee 2011: 48].

Когда Олби просили прокомментировать такое очевидное разочарование в драматическом реализме, он отвечал: «Думаю, я лучше, чем кто-либо еще, научился этому у Брехта. Мне нравится, когда герои говорят с аудиторией, а иногда и просят ответа. Я не хочу, чтобы они были подобны шпионам. Я хочу, чтобы они принимали участие в пьесе».

Пьеса «Я как таковой и я» требует от аудитории именно такого активного участия. Зритель сталкивается с паранойей и паникой, присущим нашему времени: каждый может исчезнуть, подобно тому как исчезают, по словам Т. Зинмана, «воображаемые, невидимые, исчезающие, молчаливые сыны» [Zinman 2008]. С. Броун использует термин «сын-приведение», как например в пьесах «Кто боится Вирджинии Вульф?», «Три высокие женщины», «Пьеса о ребенке».

В данной пьесе Олби ищет ответы на достаточно философские вопросы: состоит ли наша личность из элементов и черт, которые можно изъять и передать другому? Являемся ли мы лишь марионетками, запертыми в лабиринте значений, исполняющими отведенную нам манипуляторами роль? Похожи ли мы на отто, из всех сил стремящегося быть увиденным, услышанным, понятым и тем самым доказать факт своего существования? Для достижения своей цели отто (с маленькой буквы) использует слова, язык.

Именно за его любовь к игре слов и языковым средствам выразительности критик Б. Брентли назвал Олби «обожателем слов»: «Никакой другой англоязычный драматург не смог превзойти Олби по тому удовольствию, которое дают его звуки, формы и слова. Возникает огромное противоречие между словами и тем, как они сказаны. Данное противоречие является не просто элементом авторского стиля, это его суть. Именно оно придает пьесам узнаваемость, авторский стиль» [Brantley 8].

ЛИТЕРАТУРА

1. Злобин Г. П. Пограничье Эдварда Олби. — М., 1978.
2. Паверман В. М. Американская драматургия 60-х годов XX века: динамика художественной формы. — Екатеринбург, 2011.
3. Albee Edward. Me, myself and I. — New York : Dramatists play service, 2011.
4. Brantley Ben. Albee and Stoppard: playing on Words // An International Herald Tribune. 2008. 21 Feb. P. 8

5. Fuchs Elinor. The Death of Character. Perspectives on Drama after Modernism. — Bloomington and Indianapolis : Indiana University Press, 1996.

6. Girard Rene. "The Double Business Bound" Essays on Literature, Mimesis and Anthropology. — Baltimore : Johns Hopkins University Press, 1978.

7. Kristeva Julia. The System and the Speaking Subject // The Keisteva Reader / ed. Toril Moi. — Oxford : Basil Blackwell, 1986. No 24—33.

8. Lahr John. Me and My Shadow. Edward Albee's Alternate Selves : Review // The New Yorker. 2010. 27 Sept.

9. Mann Emily. Emily Mann on Me, Myself and I. URL: <http://newyorker.com/magazine/2010/09/27/me-and-my-shadow-lahr> (date of access: 12.10.2019).

10. Prohaszka-Rad Boroka. Discourses of the I: The Panic of Identity in Edward Albee's Me, Myself and I // HJES. 2016. Vol. 8. No. 1. P. 29—39.

11. Zinman Toby. Albee's Playful Take on Recurring Serious Theme : Review. 2008. URL: <http://articles.philly.com/2008-01-28/news> (date of access: 30.09.2019).

N. A. Smetanina

Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia

ORCID ID: 0000-0002-1142-2378

 E-mail: nataliasmetanina@yahoo.com.

The Problem of Personality in "Me, Myself and I" by Edward Albee

ABSTRACT. *In the very beginning of the play "Me, Myself and I" by Edward Albee one of the twin brothers addresses the readers and spectators declaring that he is on the stage to make problems and to make things even more complicated than they are. He tries to get rid of his family and get out of all that mess. Wit and irony dominate in the play, that is why the playwright manages to attract, disappoint and upset the reader and the spectator. The play "Me, Myself and I" is created in its unique and original genre with the use of original stylistic, both linguistic and visual devices. The topic of subjectivity and the relationship between reality and imagination and reality in a literary work occupy the central position in the play. The motive of the twins is reiterated from folklore literature to the works of Shakespeare, Poe, Dickens, Wilde, Borges and many others. This topic is often treated as an instance of split personality; it belongs to the realm of the carnival, monstrous and supernatural and suggests a threat of expropriation of the personality. The play "Me, Myself and I" represents a meta and intertextual argumentation. To understand this reasoning, the reader or spectator needs to know and understand various theatrical conventions and numerous references to literary works. The protagonist of the play is completely unbalanced, he is in constant struggle. In order to achieve harmony, he has to return to uncertainty. The present article analyses the methods used by Albee to transform the stage into a meta- and intertextual "space", at the same time undermining any belief in the personality and language as fixed, stable and functional entities.*

KEYWORDS: subjectivity; meta-theater; American drama; American dramatists; plays; personal crisis; intertextuality.

AUTHOR'S INFORMATION: Smetanina Natal'ya Aleksandrovna, Senior Lecturer of Department of Linguistics and Professional Communication in Foreign Languages, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia.

FOR CITATION: Smetanina, N. A. The Problem of Personality in "Me, Myself and I" by Edward Albee / N. A. Smetanina // Political Linguistics. — 2019. — No 6 (78). — P. 145-150. — DOI 10.26170/pl19-06-18.

REFERENCES

1. Zlobin G. P. Borderland of Edward Albee. — Moscow, 1978. [Pogranich'e Edvarda Olbi. — M., 1978]. — (In Rus.)

2. Paverman V. M. American drama of the 60s of the XX century: the dynamics of the art form. — Ekaterinburg, 2011. [Amerikanskaya dramaturgiya 60-kh godov XX veka: dinamika khudozhestvennoy formy. — Ekaterinburg, 2011]. — (In Rus.)

3. Albee Edward. Me, myself and I. — New York : Dramatists play service, 2011.

4. Brantley Ben. Albee and Stoppard: playing on Words // An International Herald Tribune. 2008. 21 Feb. P. 8

5. Fuchs Elinor. The Death of Character. Perspectives on Drama after Modernism. — Bloomington and Indianapolis : Indiana University Press, 1996.

6. Girard Rene. "The Double Business Bound" Essays on Literature, Mimesis and Anthropology. — Baltimore : Johns Hopkins University Press, 1978.

7. Kristeva Julia. The System and the Speaking Subject // The Keisteva Reader / ed. Toril Moi. — Oxford : Basil Blackwell, 1986. No 24—33.

8. Lahr John. Me and My Shadow. Edward Albee's Alternate Selves : Review // The New Yorker. 2010. 27 Sept.

9. Mann Emily. Emily Mann on Me, Myself and I. URL: <http://newyorker.com/magazine/2010/09/27/me-and-my-shadow-lahr> (date of access: 12.10.2019).

10. Prohaszka-Rad Boroka. Discourses of the I: The Panic of Identity in Edward Albee's Me, Myself and I // HJES. 2016. Vol. 8. No. 1. P. 29—39.

11. Zinman Toby. Albee's Playful Take on Recurring Serious Theme : Review. 2008. URL: <http://articles.philly.com/2008-01-28/news> (date of access: 30.09.2019).

Е. В. ЧелпановаЮжно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет, Челябинск, Россия
ORCID ID: 0000-0002-4088-7836 **В. П. Новикова**Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет, Челябинск, Россия
ORCID ID: 0000-0002-1004-8097 **E-mail:** chelpanovaev@cspu.ru; novikovavp@cspu.ru.**Концепт «state» в англоязычном художественном дискурсе**

АННОТАЦИЯ. В статье анализируется эволюция признакового состава концепта «state» в художественном дискурсе антиутопий английских и американских писателей XX века. Оригинальность авторской методики заключается в описании историко-культурного контекста развертывания концепта. Актуальность исследования обусловлена рассмотрением концепта «state», традиционно актуализируемого в политическом дискурсе, на материале художественного футуристического дискурса. Этимологический анализ выявил мотивирующие и понятийные признаки, входящие в структуру концепта. Социокультурным контекстом появления концепта был период становления английского литературного языка и реформирования системы государственного управления.

Образные когнитивные признаки определены в ходе работы с художественным материалом. Подчеркивается уникальность художественного дискурса в системе дискурсивных разновидностей как имеющего творческую, личностную, бытийную направленность. Анализ 1077 контекстов позволил выявить, что основными лексемами, вербализующими концепт «государство» в англоязычном художественном дискурсе, являются *state, country, society, government, people, nation, power, Party, world*, а также топонимы: *Oceania, Eastasia, Eurasia, Plium*. Ассоциативно-смысловое развертывание концепта «state» происходит неоднозначно, в рамках дихотомий: стабильность — хаос, порядок — беспорядок, зависимость — независимость, свобода — контроль, закон — беззаконие, индивид — общество, равенство — неравенство. Сохраняя понятийные признаки стабильности, порядка, независимости, законопослушания, «государство» актуализирует в антиутопиях негативные характеристики, такие как разрушение истории и культуры; уничтожение института семьи и брака; трансформация науки в оружие государственного бесчинства; удержание населения в нищете; гонка вооружений; изоляция народа от остального мира; унификация в масштабах всей страны. Все эти характеристики государства доведены в антиутопиях до абсурда.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: концепты; государство; антиутопия; художественный дискурс; художественные тексты; английский язык.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Челпанова Елена Владимировна, кандидат педагогических наук, доцент, кафедра английского языка и методики обучения английскому языку, Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет; 454080, Россия, г. Челябинск, Свердловский пр-т, 74, ауд. 208; e-mail: chelpanovaev@cspu.ru.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Новикова Вера Павловна, кандидат филологических наук, доцент, кафедра английского языка и методики обучения английскому языку, Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет; 454080, Россия, г. Челябинск, Свердловский пр-т, 74, ауд. 208; e-mail: novikovavp@cspu.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Челпанова, Е. В. Концепт «state» в англоязычном художественном дискурсе / Е. В. Челпанова, В. П. Новикова // Политическая лингвистика. — 2019. — № 6 (78). — С. 151-158. — DOI 10.26170/pl19-06-19.

БЛАГОДАРНОСТИ. Работа выполнена при финансовой поддержке ФГБОУ ВО «Мордовский государственный педагогический институт имени М. Е. Евсевьева» в рамках научно-исследовательской работы «Социальные институты и процессы: когнитивно-дискурсивный аспект (на материале английского языка)».

«Государство» — ключевой концепт в культурно-политическом устройстве общества. Цель нашего анализа — продемонстрировать, как эволюционирует признаковый состав концепта «state» в художественном дискурсе в текстах антиутопий английских и американских писателей XX в. Для достижения цели исследования применялся метод сплошной выборки, дискурсивно-стилистический анализ, метод статистической обработ-

ки данных, индуктивный метод выделения дихотомий.

Для исследования данного концепта, опираясь на методику, предложенную Кемеровской школой [Пименова 2011, 2013], мы разработали собственный алгоритм концептуального анализа, сделав акцент на историко-культурном аспекте развития признакового состава и на этапировании материала исследования. Нами в ходе работы:

- было выбрано ключевое слово-репрезентант концепта «государство» в английском языке — *state*;
- выявлена этимология слова-репрезентанта концепта «state» на основе анализа этимологических и историко-этимологических словарей; выявлены мотивирующие признаки концепта;
- изучен и описан исторический и культурный контекст зарождения и трансформации концепта;
- рассмотрены понятийные признаки в ходе анализа словарных дефиниций в толковых словарях;
- собран фактический материал в текстах англоязычных антиутопий XX в., который помог выявить компоненты словообразовательного гнезда;
- построена хронология основных тематических векторов антиутопий;
- проведен анализ фактического материала на предмет определения образных когнитивных признаков — в данном случае в основном социальных (политических, идеологических, интерперсональных, этических).

Для описания этимологии лексемы «state» мы обратились к этимологическому словарю Д. Харпера [Online Etymology Dictionary]. Согласно данному словарю, концепт «state» является опосредованным заимствованием и относительно молодым концептом. В английскую концептуальную систему концепт «state» вошел в среднеанглийский период (1200—1300 гг.). Репрезентант концепта имел два пути заимствования. Первый путь — опосредованный, через старофранцузскую лексему *estat* — «состояние, статус, позиция». Второй путь — прямое заимствование из латинского языка от лексемы *status* — «место, позиция, порядок, организация, состояние». Кроме прямого значения, в латинском языке лексема *status* имела переносно-образное значение: «общественный порядок, организация общества, ранг, положение» (“standing, rank, public order, community organization”). Именно это «политическое» значение латинского *status* было перенято другими германскими языками (немецким, голландским — *staat*). В свою очередь, появление лексемы «state» в латинском языке можно проследить от праиндоевропейского корня «sta-» — «стоять, делать твердым».

Таким образом, лексема «state», существующая в среднеанглийском языке с XIII в., приобретает в конце XIV в. под влиянием латинского выражения «*status rei public*» («condition of the republic») новое значение: «политическое устройство страны, неограниченная власть, правительство».

В 1630-х годах Британские колонии в Северной Америке стали называть «states», на основании чего в 1777 г. было основано новое государство — «The United States of America». Происходит расширение «политического» значения концепта: «a semi-independent political entity under a federal authority; one of the bodies politic which together make up a federal republic» [Online Etymology Dictionary].

Этимологический анализ позволил выявить мотивирующие признаки, послужившие основой формирования концепта. Изначально лексема «state» в английском языке несла положительную смысловую нагрузку, подразумевая, что территориальное единство и иерархическое устройство общества обеспечивают порядок, стабильность, организованность, целостность. Хотя очевидно, что уже первые использования лексемы в значении «государство» включали в себя понятие неравенства и абсолютизации власти.

Три фактора имеют влияние на семантическую эволюцию: когнитивный, лингвистический и социокультурный. Результат когнитивных процессов — изменение лексического состава, семантической структуры языка и семантические сдвиги значений [Хренова 2018: 135—142]. Материалом для данных процессов служит язык. В нем новые категории закрепляются и распространяются. Изменения значений не происходят в вакууме, они всегда имеют социокультурный контекст, а факторы, воздействующие на моделирование реальности посредством языка, имеют экстралингвистический характер [Györi 2002: 123—166].

Исследование концепта «state» на предмет мотивирующих признаков и понимание факторов, оказавших влияние на развитие концепта в историческом и культурном контекстах, позволяет проникнуть в суть первоначального строения бытия и миропонимания. Для периода, когда концепт «state» появился в английской концептуальной системе, характерно развитие политической терминологии, что вызвало большой приток в английский язык латинских слов и выражений. Это было время становления английского литературного языка и реформирования системы государственного управления. В Англии XIII в. уже закрепился механизм централизованного бюрократического управления через должностных лиц административных округов, подотчетных королю. Парламент возникает в средневековой Англии в XIII в. в качестве сословно-представительского собрания при монархе (Parliament of England). Одно из первых собраний Парламента в традиционном смысле состоялось в 1265 г.

Лексема *state*, происходящая от латинского *status* («положение, ранг»), подразумевает, что каждый гражданин живет соответственно своему положению в иерархической пирамиде, своему статусу в обществе, совершает действия согласно установленному порядку вещей. Концепт «state» включает мотивирующие признаки иерархии, власти, наличие правящей верхушки и облагаемого налогами и повинностями народа, установленный порядок престолонаследия (передачи власти), налогообложения, подотчетность аппарата чиновников главе государства.

Словарные дефиниции в современных толковых словарях [Oxford English Dictionary Online] позволяют выявить следующие **понятийные признаки**, входящие в структуру концепта:

1. **A nation or territory** considered as an organized **political community** under one government: *country, nation, land, sovereign state, nation state, kingdom, empire, republic, confederation, federation, body politic, commonwealth, power, world power, superpower, polity, domain, territory*. (Нация или территория, рассматриваемая как организованное политическое сообщество под одним правительством: страна, нация, земля, суверенное государство, государство-нация, королевство, империя, республика, конфедерация, федерация, политическая структура, содружество, власть, мировая власть, сверхдержава, государство, домен, территория.)

2. An organized political community or area forming **part of a federal republic**: *province, federal state, region, territory, canton, department, county, area, district, sector, zone*. (Организованное политическое сообщество или район, входящий в состав федеративной республики: провинция, федеральное государство, регион, территория, кантон, департамент, округ, район, район, сектор, район.)

3. The civil **government** of a country: *parliament, the administration, the regime, the authorities, the council, the Establishment*. (Гражданское правительство страны: парламент, администрация, режим, власть, совет, истеблишмент.)

Согласно трёхчленной классификации концептов М. В. Пименовой [Пименова 2013: 129], «государство» принадлежит к классу базовых социальных концептов, находясь в одном ряду с концептами стран (*страна, общество*), с концептами социального статуса (*правительство, элита*), с концептами власти и управления (*демократия, диктатура, свобода, власть, анархия*), концептами интерперсональных отношений (*независимость, подчинение, власть, мир, война*) и с моральными концептами (*измена, вер-*

ность, честь, долг) [Пименова 2013: 129]. Со всеми перечисленными выше подклассами концепт «государство» связан семантически. Хотя границы между классами концептов размыты, концепты представляют единую концептуальную систему, которая включает информацию о мире.

Дискурсивное выдвижение лингвоконцептов обусловлено актуальностью ментальных образований с точки зрения оказания влияния на сознание целевой аудитории. Поэтому концепт «state» традиционно актуализируется в политическом дискурсе. Однако художественный дискурс представляется в этом отношении не менее интересным и содержательным.

Имея творческую, личностную, бытийную направленность, художественный дискурс, с одной стороны, отображает и воплощает художественную коммуникацию. С другой стороны, он является одним из способов ее реализации. Это позволяет говорить о субъектно-речевой двуплановости художественного текста, выделении двух разновидностей речевой коммуникации: реальной и изображенной (придуманной, внутритекстовой) [Плиса 2012: 208—211]. Реальная коммуникация происходит по линии «автор — текст — читатель», а изображенная — непосредственное общение персонажей в тексте. Коммуникативное взаимодействие персонажей в художественном произведении происходит по правилам реальной коммуникации, на основе модели и опыта человеческого общения [Осташова 2016]. В антиутопическом художественном дискурсе субъектно-речевое воздействие автора на читателя становится недвусмысленным при выделении тематических векторов текста. Хронология тематической направленности антиутопий дает общее условное представление об изменении признакового состава концепта «state»:

- 1) опасность утилитарного государства (массового потребления);
- 2) потеря свободы и индивидуальности в тоталитарном государстве;
- 3) критика технократического государства;
- 4) последствия экологических катастроф.

Для анализа дискурсивной объективации концепта были взяты романы «О дивный новый мир» (1932 год издания) Олдоса Хаксли, «1984» (1949 год издания) Джорджа Оруэлла, «Механическое пианино» (1952 год) Курта Воннегута, «451 градус по Фаренгейту» (1953 год) Рэя Бредбери и рассказы Курта Воннегута «Гаррисон Бергерон» (1961 год) и «2bro2b» (1962 год). Данные произведения представляются нам наиболее репрезентативными с точки зрения социальной тематики и актуализации концепта «state».

Методом сплошной выборки было выделено 1077 контекстов, анализ которых показал, что основными лексемами, вербализующими концепт «государство» в англоязычном художественном дискурсе, являются *state, country, society, government, people, nation, power, Party* (284 контекста в романе Джорджа Оруэлла «1984», 25,9 %), *world* (219 контекстов, 20,3 %). Концепт «state», в силу своей семантической близости с концептами стран, может быть вербализован и топонимами. Антиутопический художественный дискурс — не исключение, мы находим имена собственные, репрезентирующие изучаемый концепт: *Океания, Остазия, Евразия (Oceania, Eastasia, Eurasia)* у Оруэлла (132 контекста, 12,2 %), *Илиум (Ilium)* у Воннегута (53 контекста, 5 %). В антиутопических произведениях данные лексемы появляются в контекстах, построенных на системе оппозиций: стабильность — хаос, порядок — беспорядок, закон — беззаконие, законопослушный — преступный, общественный (коллективный) — анти-общественный (индивидуальный, одиночный), общество — индивид, зависимость — независимость. Данная система оппозиций совпадает с антонимами, представленными в Английском идеографическом словаре-тезауристе П. Роже [Roget's thesaurus of synonyms and antonyms]. Это можно рассматривать как свидетельство того, что романы-антиутопии отражают языковую картину мира носителей английского языка. Ассоциативно-смысловое развертывание концепта происходит в рамках следующих дихотомий:

1. **Порядок — беспорядок; стабильность — хаос:** *purges and vaporizations were a necessary part of the mechanics of government* [Orwell: 58]. *Great blocks of the population were prevented from working and kept half alive by State charity* [Orwell: 241]. Государство милосердно и благотворительно лишь на столько, чтобы население едва могло выжить, а поголовные зачистки и аресты — неотъемлемый метод государственной машины.

2. **Зависимость — независимость, свобода — контроль:** *any country which remained industrially backward was helpless in a military sense and was bound to be dominated, directly or indirectly, by its more advanced rivals* [Orwell: 240]. Государства, более развитые в промышленном и военном отношении, будут неизбежно доминировать над слабыми державами, ограничивая их независимость и свободу. *The sex instinct created a world of its own which was outside the Party's control and which therefore had to be destroyed if possible* [Orwell: 167]. В антиутопиях всё, что не поддается контролю государства, подлежит уничтожению.

3. **Закон — беззаконие; законопослушный — нарушающий закон:** *The State Department's personnel machines, automatically, with a respect for law and order never achieved by human beings, had started fraud proceedings against him, since he had never been entitled to his Ph.D., his classification numbers, or, more to the point, to his pay check* [Vonnegut 2006: 371]. Люди представлены как потенциальные нарушители закона. Нужны специальные «устройства»: машины и оборудование или система государственного подавления, чтобы обеспечить закон и порядок. *"They took him screaming off to the asylum" "He wasn't insane." Beatty arranged his cards quietly. "Any man's insane who thinks he can fool the Government and us"* [Брэдбери 2016: 16]. Авторы антиутопий беспрестанно подчеркивают ничтожность человека по сравнению с системой, с государственной машиной. Государство может маскировать свои бесчинства под предлогом наказания за нарушение закона.

4. **Равенство — неравенство:** *It was clear that an all-round increase in wealth threatened the destruction of a hierarchical society... a hierarchical society was only possible on a basis of poverty and ignorance* [Orwell: 239]. Наличие иерархии — важный и неотъемлемый признак концепта «state». Однако в футуристических государствах иерархичность становится тормозом прогресса, причиной нищеты и невежества масс. Авторы антиутопий изобличают попытку правящей элиты возвыситься над остальными людьми: *Some people had talked in the old days as though engineers, managers, and scientists were an elite. And when things were building up to the war... there was talk of deeper, thicker shelters for the possessors of know-how, and of keeping this cream of the population out of the front-line fighting* [Vonnegut 2006: 17].

5. **Индивид — общество; индивидуальный, одиночный, антиобщественный — общественный, коллективный:** *I'm anti-social, they say. I don't mix. It's so strange. I'm very social indeed. It all depends on what you mean by social, doesn't it? Social to me means talking about things. Or talking about how strange the world is. Being with people is nice. But I don't think it's social to get a bunch of people together and then not let them talk, do you? ...That's not social to me at all* [Брэдбери 2016: 14]. *Radio. Television. Things began to have mass...And because they had mass, they became simpler...Films and radios, magazines, books levelled down to a sort of paste pudding norm. The Government, seeing how advantageous it was to have people reading only about passionate lips and the fist in the*

stomach, circled the situation with your fire-eaters [Брэдбери 2016: 26]. В попытке создать легкоуправляемое, послушное, унифицированное общество государство низводит культуру до уровня массовых зрелищ, likвидирует всё, что может подтолкнуть население к анализу, мышлению, критике.

Характерная черта художественного дискурса — дополнение языковой картины мира индивидуальным авторским видением. Индивидуальная картина мира авторов отражена в дополнительных смысловых нагрузках лексем, актуализирующих концепт «state»:

а) естественное — навязанное, насаждаемое: естественность возможна только вне общества. *His thoughts slid easily, gratefully, into the fantasy of the new, good life ahead of him. Somewhere, **outside of society**, there was a place for a man — a man and wife — to live heartily and blamelessly, **naturally**, by hands and wits* [Vonnegut 2006: 171];

б) искренний — лицемерный: *Life, if you looked about you, bore no resemblance not only to the lies that streamed out of the telescreens, but even to the ideals that the **Party** was trying to achieve... The ideal set up by the **Party** was something huge, terrible, and glittering—a **nation** of warriors and fanatics, arching forward in perfect unity* [Orwell: 94]. Правящий класс идеализирует государственное устройство и государственные события в глазах народа;

с) одинаковость — разность. Авторы антиутопий предупреждают об опасных последствиях, к которым могут привести унификация, обезличивание, одинаковость, возведенные в самоцель и доведенные до абсурда: *Everybody was finally equal. They weren't only equal before God and the **law**. They were equal every which way. Nobody was smarter than anybody else. Nobody was better looking than anybody else. Nobody was stronger or quicker than anybody else. All this equality was due to the 211th, 212th, and 213th Amendments to the Constitution. Some things about living still weren't quite right, though* [Kurt Vonnegut 2013]. Рассказ Курта Воннегута «Гаррисон Берджерон» наглядно иллюстрирует последствия потери индивидуальности, «уравнительной» системы в государстве, где любое интеллектуальное или физическое превосходство подавляется с помощью специальных средств: радиосигналов или железных грузил. *George, while his intelligence was way above normal, had a little mental handicap radio in his ear. He was required by law to wear it at all times. It was tuned to a government transmitter. Every twenty seconds or so, the transmitter would send out some sharp*

noise to keep people like George from taking unfair advantage of their brains [Kurt Vonnegut 2013];

д) мужчина, муж, бунтарь, оппозиция — женщина, жена, конформизм: *Paul narrowed his eyes, and imagined that he and Anita had pushed this far into the **upstate wilderness**, with the nearest neighbor twenty-eight miles away... As, in his imagination, he brought home a bear to Anita, and she cleaned it and salted it away, he felt a tremendous lift — the two of them winning by sinew and guts a mountain of strong, red meat from an inhospitable **world*** [Vonnegut 2006: 131]; *Anita slept — utterly satisfied, not so much by Paul as by the **social orgasm** of, after years of the **system's love play**, being offered Pittsburgh* [Vonnegut 2006: 158]. Главные герои антиутопий — бунтари и оппозиционеры, в которых постепенно зреет понимание абсурдности существующей государственной системы и желание покончить с ней: это рискующий жизнью ради спасения книг пожарный Гай Montag в романе «451 градус по Фаренгейту», это не вынесший благ цивилизации дикарь Джон в «Дивном новом мире» Олдоса Хаксли, в антиутопии Оруэлла «1984» это усомнившийся в правоте партии и сломленный ею Уинстон Смит, это отказавшийся от перспективной должности и примкнувший к восставшим Пол Протеус у Курта Воннегута.

Жёны и возлюбленные главных героев в критические моменты оказываются не со своими мужчинами, а на стороне государственной машины. Антиутопическое государство вмешивается в отношения между мужчиной и женщиной, отдаляя и отчуждая их друг от друга: *The aim of the Party was not merely to prevent men and women from forming loyalties which it might not be able to control. Its real, undeclared purpose was to remove all pleasure from the sexual act...The only recognized purpose of marriage was to beget children for the service of the Party* [Orwell: 83—84];

е) дикая природа — цивилизация: *He would step carefully down, in the pink light of early morning, so fully aware of the **world** that he would be afraid, and stand over the small miracle and at last bend to touch it. A cool glass of fresh milk, and a few apples and pears laid at the foot of the steps. This was all he wanted now. Some sign that the immense **world** would accept him* [Брэдбери 2016: 66]. Главный герой романа Рэя Брэдбери, Гай Montag, называет свежее молоко, яблоки и груши чудом, знаком девственной природы. Это всё, о чем он мечтает в переломный момент своей жизни. Он боится вступить в нетронутый, неоскверненный цивилизацией мир. Идеализирование дикой природы и ностальгия по

прошлому неразрывно переплетаются в его сознании. Герой романа «Механическое пианино» Пол Протеус тоже представляет прошлое и простую жизнь фермера в сказочном свете: *Farming — now there was a magic word. Like so many words with little magic from the past still clinging to them, the word “farming” was a reminder of what rugged stock the present generation had come from. ... Paul's pulse quickened, and he daydreamed of living a century before* [Vonnegut 2006: 173].

Авторская картина мира и авторское понимание государства проявляется и в том, что традиционные антиномии используются как синонимы. «Война — это мир, свобода — это рабство, незнание — это сила», — провозглашают три лозунга Партии в романе 1984. *This peculiar linking-together of opposites—knowledge with ignorance, cynicism with fanaticism—is one of the chief distinguishing marks of Oceanic society. The official ideology abounds with contradictions even when there is no practical reason for them* [Orwell: 272]. Ложь — это истина — так можно охарактеризовать работу государственной машины. Ироничность и абсурдность проявляется в названиях министерств за счет сокращенной формы слов, которые, по сути, звучат, как минимизированная правда, минимизированное изобилие, минимизированная любовь: *The Ministry of Truth, which concerned itself with news, entertainment, education, and the fine arts. The Ministry of Peace, which concerned itself with war. The Ministry of Love, which maintained law and order. And the Ministry of Plenty, which was responsible for economic affairs. Their names, in Newspeak: Minitrue, Minipax, Miniluv, and Miniplenty. The Ministry of Love was the really frightening one* [Orwell: 6—7].

Авторы антиутопий доказывают, что наука и прогресс не могут быть совместимы с тоталитарной государственной системой: *scientific and technical progress depended on the empirical habit of thought, which could not survive in a strictly regimented society* [Orwell: 239]. Наука в традиционном понимании перестает существовать: она трансформируется в орудие для гонки вооружений или в средство подавления масс.

Индивидуально-авторская интерпретация изучаемого концепта в целом схожа с его национальной интерпретацией, однако антиутопические контексты добавляют дополнительные смысловые нагрузки лексемам, репрезентирующим концепт «state»: человек-бунтарь пытается сбежать из-под навязанного контроля государства и лицемерия цивилизации на лоно природы. Государство представляется как иерархичное социocen-

трическое единство, а между властью и имущими, приближенными к власти и подданными равноправия быть не может. Рассмотренный фактический материал свидетельствует о том, что в антиутопическом художественном дискурсе на первый план выдвигаются такие признаки концепта «state», как 1) четкая иерархическая структура; 2) разрушение истории и культуры; 3) уничтожение института семьи и брака; 4) трансформация науки в орудие государственного бесчинства; 5) удержание населения в нищете; 6) гонка вооружений; 7) изоляция народа от остального мира; 8) унификация в масштабах всей страны. Все эти характеристики государства доведены в антиутопиях до абсурда.

Анализ контекстов показывает, что ассоциативно-смысловое развертывание концепта в антиутопическом дискурсе происходит в разных направлениях, весьма неоднозначно и противоречиво. Сохраняя понятийные признаки стабильности, порядка, независимости, законопослушания, «государство» актуализирует в антиутопиях негативные характеристики, такие как неравенство и коллективизм, доходящий до абсурда. Ради стабильности и счастья населения футуристическому государству приходится жертвовать наукой и искусством, для достижения общественного идеала в жертву приносятся индивидуальность и внутренняя свобода. Последние признаки особенно ярко выступают в речи представителей государственной системы, которые во всех произведениях защищают блага «цивилизованного, разумного» мира. Философские рассуждения Мустафы Монда, Главного управителя Единого государства в романе «О дивный новый мир!», имеют оттенок циничности, ироничности, абсурдности, придавая всей идее государственности антигуманное значение: *“That’s another item in the cost of stability. It isn’t only art that’s incompatible with happiness; it’s also science. Science is dangerous; we have to keep it most carefully chained and muzzled.” “It would upset the whole social order if men started doing things on their own. And instability means the end of civilization. You can’t have a lasting civilization without plenty of pleasant vices ... civilization has absolutely no need of nobility or heroism. These things are symptoms of political inefficiency. In a properly organized society like ours, nobody has any opportunities for being noble or heroic”* [Huxley 2017: 154, 160].

Англоязычные футуристические романы, несмотря на всю их «фантастическую» тематику и устремленность в будущее, заставляют задуматься над социальными проблемами современности. Многомерность, ком-

плекность и ценностная ориентированность изучаемого концепта проявляется в антиутопиях особенно ярко. Произведения антиутопического характера на английском языке внесли существенный вклад в изменение содержания концепта «state», демонстрируя не только основные литературные тенденции XX века и особенности индивидуальных стилей писателей, но и основные направления мысли соответствующих периодов и идеологию целых поколений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Брэдбери Р. 451 градус по Фаренгейту: издание на английском языке. — СПб.: Антология, 2016. 192 с.
2. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. — Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
3. Осташова О. И. Способы экспликации оценочного предиката в англоязычном художественном дискурсе XIX—XX веков // Научные труды КубГТУ. 2016. № 4. С. 1—8.
4. Пименова М. В. Введение в когнитивную лингвистику. Вып. 4. — Кемерово, 2004. 208 с.
5. Пименова М. В. Методология концептуальных исследований // Антология концептов / под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. — Волгоград: Парадигма, 2005. Т. 1. С. 15—19.
6. Пименова М. В. Типы концептов и этапы концептуального исследования // Вестник КемГУ. 2013. № 2 (54). Т. 2. С. 127—131.

E. V. Chelpanova

South Ural State Humanitarian and Pedagogical University, Chelyabinsk, Russia
ORCID ID: 0000-0002-4088-7836

V. P. Novikova

South Ural State Humanitarian and Pedagogical University, Chelyabinsk, Russia
ORCID ID: 0000-0002-1004-8097

✉ **E-mail:** chelpanovaev@cspu.ru; novikovavp@cspu.ru.

7. Пименова М. В., Кондратьева О. Н. Концептуальные исследования. Введение : учеб. пособие. — М.: Флинта, 2011. 176 с.

8. Плисак Д. В. Художня комунікація VS дискурс: до проблеми співвіднесення понять // МОБА: науково-теоретичний часопис з мовознавства. — Одеса: Астропринт, 2012. № 18. С. 208—211.

9. Хренова А. В. Происхождение концептов “president” и «президент» // Политическая лингвистика. 2018. №3 (69). С. 135—142.

10. Шмелева Т. В. Модель речевого жанра // Жанры речи. — Саратов: Колледж, 1997. С. 88—98.

11. Györi G. Semantic change and cognition // Cognitive linguistics. — Berlin: Walter de Gruyter, 2002. № 13—2. P. 123—166.

12. Huxley A. Brave New World. — Random House, 2017. — 229 p.

13. Orwell G. 1984. URL: <https://www.planetebook.com/1984/>.

14. Vonnegut K. Harrison Bergeron // Welcome to the Monkey House. — New York: Dial Press Trade Paperbacks, 2013. 331 p.

15. Vonnegut K. Player Piano. — New York: Dial Press, 2006. 341 p.

16. Vonnegut K. 2bro2b. URL: <https://audiobook-online.com/wp-content/uploads/2015/05/KurtVonnegut-2BRO2B.pdf>.

17. Online Etymology Dictionary URL: https://www.etymonline.com/word/state#etymonline_v_22015.

18. Oxford English Dictionary Online. URL: <http://www.oed.com> (date of access: 22.05.2019).

19. Roget's thesaurus of synonyms and antonyms. URL: <https://archive.org/details/Rogets-Thesaurus>.

The Concept of “state” in the English Fictional Discourse

ABSTRACT. *The article deals with the evolution of the concept “state” in the dystopian fictional discourse of English and American writers of the twentieth century. The novelty of the author’s method of conceptual analysis consists in the description of the historical-cultural context of the concept evolvement. The urgency of the given study consists in considering the concept “state” commonly actualized in political discourse on the material of futuristic fictional discourse. An etymological analysis has revealed motivating and conceptual features constituting the structure of the concept. The concept came into being in the sociocultural context of emergence of the literary English language and the period of reformation of the system of governance.*

Certain figurative cognitive characteristic features of the concept have been defined in the course of the work with dystopian texts. The study emphasizes a unique character of fictional discourse as a creative, personality-centered and existential genre. The analysis of 1077 contexts shows that the most typical lexemes verbalizing the concept “state” in the English fictional discourse include the following: state, country, society, government, people, nation, power, Party, world, as well as the toponyms: Oceania, Eastasia, Eurasia, Ilium. The associative-semantic development of the concept takes place within the dichotomies stability – chaos, order – disorder, dependence – independence, freedom – control, law – lawlessness, individual – society, equality – inequality. Preserving the features of stability, order, independence and law-abidance, the concept “state” actualizes in dystopias their negative characteristics, such as: destruction of history and culture, eradication of the institutions of family and marriage, transformation of science into a tool for state outrage, keeping people in poverty, arms race, isolation of a people from the rest of the world, country-scale unification, etc. In dystopias, all these patterns reach the level of absurdity.

KEYWORDS: concepts; state; dystopia; fictional discourse; fictional texts; English language.

AUTHOR’S INFORMATION: Chelpanova Elena Vladimirovna, Candidate of Pedagogy, Associate Professor, Department of the English Language and Methods of Teaching English, South Ural State Humanitarian and Pedagogical University, Chelyabinsk, Russia.

AUTHOR’S INFORMATION: Novikova Vera Pavlovna, Candidate of Philology, Associate Professor, Department of the English Language and Methods of Teaching English, South Ural State Humanitarian and Pedagogical University, Chelyabinsk, Russia.

FOR CITATION: Chelpanova, E. V. The Concept of “state” in the English Fictional Discourse / E. V. Chelpanova, V. P. Novikova // Political Linguistics. — 2019. — No 6 (78). — P. 151–158. — DOI 10.26170/pl19-06-19.

ACKNOWLEDGMENTS. Research is accomplished with financial support of the Mordovia State Pedagogical Institute named after M. E. Evseviev within the scientific research project “Social Institutes and Processes: Cognitive-discursive Aspect in English”.

REFERENCES

1. Bradbury R. Fahrenheit 451 : English edition. — Saint Petersburg : Anthology, 2016. 192 p.
2. Karasik V. I. Language circle: personality, concepts, discourse. — Volgograd : Change, 2002. 447 p. [Yazykovoy krug: lichnost', kontsepty, diskurs. — Volgograd : Peremena, 2002. 477 s.]. — (In Rus.)
3. Ostashova O. I. Ways to Explicate the Estimated Predicate in the English-Language Art Discourse of the 19th — 20th Centuries // Scientific works of KubSTU. 2016. No. 4. P. 1—8. [Sposoby eksplikatsii otsenoch'nogo predikata v angloyazychnom khudozhestvennom diskurse XIX—XX vekov // Nauchnye trudy KubGTU. 2016. № 4. S. 1—8]. — (In Rus.)
4. Pimenova M. V. Introduction to cognitive linguistics. Vol. 4. — Kemerovo, 2004. 208 p. [Vvedenie v kognitivnuyu lingvistiku. Vyp. 4. — Kemerovo, 2004. 208 s.]. — (In Rus.)
5. Pimenova M. V. Methodology of conceptual research // Anthology of concepts / ed. V. I. Karasik, I. A. Sternin. — Volgograd : Paradigm, 2005. Vol. 1. P. 15—19. [Metodologiya kontseptual'nykh issledovaniy // Antologiya kontseptov / pod red. V. I. Karasika, I. A. Sternina. — Volgograd : Paradigma, 2005. T. 1. S. 15—19]. — (In Rus.)
6. Pimenova M. V. Types of concepts and stages of conceptual research // Bulletin of KemSU. 2013. No. 2 (54). V. 2. P. 127—131. [Tipy kontseptov i etapy kontseptual'nogo issledovaniya // Vestnik KemGU. 2013. № 2 (54). T. 2. S. 127—131]. — (In Rus.)
7. Pimenova M. V., Kondrat'eva O. N. Conceptual research. Introduction : textbook. — Moscow : Flinta, 2011. 176 p. [Kontseptual'nye issledovaniya. Vvedenie : ucheb. posobie. — M. : Flinta, 2011. 176 s.]. — (In Rus.)
8. Plisak D. V. Artistic communication VS discourse: to the problem of correlation of concepts // LANGUAGE: scientific-theoretical journal of linguistics. — Odessa : Astroprint, 2012. № 18. P. 208—221. [Khudozhnya komunikatsiya VS diskurs: do problemi spivvidnesennya ponyat' // MOVA: naukovo-teoretichniy chasopis z movoznavstva. — Odesa : Astroprint, 2012. № 18. S. 208—211]. — (In Ukrainian)
9. Khrenova A. V. Origin of the concepts “president” and “president” // Political Linguistics. 2018. No3 (69). P. 135—142. [Proiskhozhdenie kontseptov “president” i «prezident» // Politicheskaya lingvistika. 2018. №3 (69). S. 135—142]. — (In Rus.)
10. Shmeleva T. V. Speech genre model // Speech genres. — Saratov : College, 1997. P. 88—98. [Model' rechevogo zhanra // Zhanry rechi. — Saratov : Kolledzh, 1997. S. 88—98]. — (In Rus.)
11. Györi G. Semantic change and cognition // Cognitive linguistics. — Berlin : Walter de Gruyter, 2002. № 13—2. P. 123—166.
12. Huxley A. Brave New World. — Random House, 2017. — 229 p.
13. Orwell G. 1984. URL: <https://www.planetebook.com/1984/>.
14. Vonnegut K. Harrison Bergeron // Welcome to the Monkey House. — New York : Dial Press Trade Paperbacks, 2013. 331 p.
15. Vonnegut K. Player Piano. — New York : Dial Press, 2006. 341 p.
16. Vonnegut K. 2bro2b. URL: <https://audiobook-online.com/wp-content/uploads/2015/05/KurtVonnegut-2BRO2B.pdf>.
17. Online Etymology Dictionary URL: https://www.etymonline.com/word/state#etymonline_v_22015.
18. Oxford English Dictionary Online. URL: <http://www.oed.com> (date of access: 22.05.2019).
19. Roget's thesaurus of synonyms and antonyms. URL: <https://archive.org/details/Rogets-Thesaurus>.

Ю. В. Безбородова

Нижевартовский государственный университет, Нижневартовск, Россия
ORCID ID: 0000-0001-9262-4571

Л. В. Коростелева

Нижевартовский государственный университет, Нижневартовск, Россия
ORCID ID: 0000-0003-4372-0190

 E-mail: ybezborodova@yandex.ru; klimovalar@inbox.ru.

Креолизированный текст в структуре пропагандистского дискурса

АННОТАЦИЯ. Актуальность данного исследования видится нам в особом интересе современной науки к анализу креолизированных текстов (их структуры, семантики и прагматики), а также к анализу лингвистических и экстралингвистических признаков пропагандистских материалов, которые достаточно популярны в интернет-коммуникации, направленной на формирование определенного (в том числе и радикального) типа сознания целевой аудитории, который создается на основе негативного отношения к современному государственному строю и политике через призму религиозного мировоззрения. В статье анализируется структура креолизованного текста с точки зрения сочетания вербального и иконического компонента, на основе которого создается особая семантика. Лингвистическими способами создания такого семантического значения являются метафорический перенос значения слова, сравнение, аналогия. В данной работе предпринята попытка описать роль креолизованного текста в пропаганде идей экстремизма. Материалом для исследования в данной работе мы выбрали экстремистский дискурс, который рассматриваем как совокупность идеологически мотивированных речевых произведений социально-политического и/или религиозного содержания, ориентированных на психологическое влияние средствами языка, целью которых является пропаганда социального насилия и призывы к агрессивным действиям против государственной власти или определенной части общества. В данной работе мы не затрагиваем юридический аспект экстремистского дискурса, в поле нашего внимания — коммуникативная и прагматическая функции креолизованного текста в структуре пропагандистских материалов, его роль в системе аргументации пропагандируемой идеи в аспекте политики, религии и национализма.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: креолизованные тексты; пропаганда; экстремистский дискурс; интернет-коммуникации; экстремизм; политический дискурс.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Безбородова Юлия Владимировна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры филологии и массовых коммуникаций, Нижневартовский государственный университет; 628624, Россия, Нижневартовск, ул. Ленина, 56; e-mail: ybezborodova@yandex.ru.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Коростелева Лариса Владимировна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры филологии и массовых коммуникаций, Нижневартовский государственный университет; 628624, Россия, Нижневартовск, ул. Ленина, 56; e-mail: klimovalar@inbox.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Безбородова, Ю. В. Креолизированный текст в структуре пропагандистского дискурса / Ю. В. Безбородова, Л. В. Коростелева // Политическая лингвистика. — 2019. — № 6 (78). — С. 159-163. — DOI 10.26170/pl19-06-20.

Явление пропаганды исследовалось в теории массовой коммуникации, политической лингвистике как один из способов манипуляции сознанием. В переводе с латинского языка *пропаганда* (*propaganda*) — это то, что следует распространять.

Современные толковые словари предлагают различные определения данного понятия. Например, в «Словаре иностранных слов» Т. В. Егоровой пропаганда толкуется как распространение каких-либо идей, знаний путем подробного и углубленного ознакомления, убеждения широких масс в необходимости чего-либо [Егорова 2014: 535—536]. В «Большом толковом словаре русского языка» под редакцией С. А. Кузнецова пропаганда определяется как «1) распространение и углубленное разъяснение каких-

либо идей, учения, знаний среди широких масс населения или круга специалистов; 2) политическое или идеологическое воздействие на широкие массы» [БТС под ред. С. А. Кузнецова [http](http://bts.slovo.ru/)]. Толковые словари С. И. Ожегова и Т. Ф. Ефремовой дают схожие толкования понятию «пропаганда», которое понимается как распространение в обществе и разъяснение каких-нибудь воззрений, идей, знаний, учения путем постоянного глубокого и детального их разъяснения [Ожегов 2007: 606; Ефремова [http](http://www.efremova.ru/)].

С. А. Тимко, А. В. Жайворонок отмечают: «...все авторы сходятся на том, что основой пропаганды является информационная составляющая, призванная ознакомить широкий круг людей с определенными представлениями, понятиями, мнениями, суждениями, зна-

ниями в той или иной области, а в ряде случаев сформировать общественное мнение в том или ином ключе» [Тимко, Жайворонок 2013: 43].

Как речевое действие, предполагающее идеологическое и в то же время политическое воздействие на сознание достаточно широкой аудитории, пропаганда также отражена в федеральном законе «О противодействии экстремистской деятельности» [О противодействии экстремистской деятельности 2002].

Основываясь на определении политической пропаганды в «Философском словаре» под редакцией А. А. Ивина, где она рассматривается как систематическое воздействие на сознание индивидов, групп, общества в целом для достижения определенного результата в области политического действия [Философия: ЭС под ред. А. А. Ивина 2004 [http](http://)], в данной работе под пропагандой будем понимать политически мотивированное информационно-психологическое воздействие на эмоционально-волевою сферу массового сознания, с помощью которого внедряются политические идеи, взгляды, установки и формируется политическое поведение, которое не допускает альтернативной точки зрения.

Недопущение альтернативной точки зрения в пропаганде, на наш взгляд, является основополагающим пунктом для выявления характерных для пропаганды особенностей:

- *целенаправленности* в виде распространения не любой, а определенной информации, работающей на достижение конкретных целей;

- *поэтапности* — пропаганда включает в себя этапы получения информации, ее обработки, определения средств распространения и собственно распространения информации в общественном сознании;

- *системности*, которая может проявляться разнопланово, в разных направлениях, на разных уровнях — в выборе средств получения, обработки, распространения информации; в систематизации действий ее субъектов, в системном воздействии на общественное сознание людей;

- *наличия вербальной и материальной составляющей*, которые позволяют использовать результаты практических действий людей, а также воздействовать на основные сферы сознания [Русинова 2014: 87—88].

Последняя особенность, характерная для пропаганды, позволяет нам обратиться к анализу креолизованных текстов как наиболее эффективных в процессе манипулирования политическими взглядами.

Креолизованный текст изучается достаточно активно (М. Б. Ворошилова, Н. Ю. Григорьева, С. О. Милованова, Н. Б. Руженцева, И. В. Степанова, Н. В. Часовский).

Структура креолизованного текста включает в себя вербальный и иконический элемент, которые объединяют информацию в единое целое, стирая разницу между семантикой вербальных и иконических знаков: иконический элемент усиливает и несколько корректирует вербальный текст, создавая новое значение. При этом целью введения иконического элемента является психологическое воздействие на читателя для формирования у него определенного мнения, совпадающего или не совпадающего с авторским [Милованова 2009: 259]. Визуальный и вербальный семиотические ряды могут пересекаться, взаимодополняться, а их креативная комбинаторика позволяет авторам создать оригинальный, запоминающийся образ [Руженцева 2019: 57]. При этом важно отметить, что если вербально представленная информация влияет на сознание индивида рациональным путем, то использование различных паралингвистических средств автоматически переводит восприятие на подсознательный уровень (Г. Г. Поцепцов, М. А. Бойко, М. Б. Ворошилова) [Ворошилова 2007: 74].

В экстремистском дискурсе креолизованный текст может быть как самостоятельным элементом пропаганды (плакаты, листовки), так и элементом, включенным в систему аргументации основных положений, пропагандируемых той или иной экстремистской группировкой.

Так, например, в экстремистском дискурсе, направленном на пропаганду идеи возрождения царской России (*«Есть Царь Вселенной — это Господь Иисус Христос, есть Мать Божия „Воскрешающая Русь“ и есть царь Николай II — искупитель грехов царского рода и соборных грехов русского народа...»* (здесь и далее авторская орфография и пунктуация сохранены)), креолизованный текст включается в систему аргументации пропагандируемой идеи как иллюстративный элемент.

В анализируемых текстах (материалы были представлены для лингвистического исследования в рамках досудебной проверки материалов по делам об экстремистской деятельности) было выявлено три направления аргументации в поддержку пропагандируемой идеи: религиозное, национальное и политическое.

Религиозное направление представлено следующими аргументами: 1) обосновывается необходимость вернуться к истокам славянского новолетия (Нового года), по которому годичный цикл церковного календаря начинается 1 сентября, и отвергается интерпретация года по восточному календарю — *это буддизм и поклонение дракону-дьяволу*.

Принятие восточных традиций обосновывается как заблуждение и *отречение от Христа*. Этот аргумент подтверждается включением креолизованного текста по принципу «текст в тексте» (креолизованный текст включен в основной текст, пропагандирующий идею возрождения царской России).

Иконический компонент представляет собой фотографию с изображением буддийского дацана, находящегося на горе Качканар. Переосмысление изображения в контексте пропагандируемой идеи осуществляется с использованием приема аналогии — сравнения дацана со ступой Бабы-яги в русских сказках. Вербальный компонент представлен следующим текстом: *Буддийский дацан „Ступа пробуждения“ (как у Бабы-Яги в русских сказках — такая же ступа) на вершине „Верблюд“ горы Качканар*. Таким образом, прием аналогии создает новое семантическое значение изображенного предмета, придавая негативную коннотацию (сравнение с персонажем славянской мифологии, который с принятием христианства на Руси стал отрицательным сказочным персонажем). Тем самым негативная коннотация переносится на буддийский храм и на буддизм в целом.

Данный аргумент дополняется еще одним креолизованным текстом, иконический компонент которого представляет собой изображение флюгера в виде дракона на вершине горы Качканар. Вербальный компонент: *Вращающейся Дракон на стреле в центре России в самой высокой точке во время обрядов буддистов символизирует „око сатаны“ над всей Россией. А это и есть чары над каждым человеком, живущим без Христа*. Данный текст создает метафорический образ зла (дракон — *око сатаны*), которое представляет собой угрозу для человека, *живущего без Христа*. Метафора в анализируемом креолизованном тексте выполняет моделирующую функцию — создает конкретную модель мира: Россия, в центре которой (г. Качканар в Свердловской области) находятся буддийский монастырь, храм и вращающийся дракон, подвергается опасности попадания под влияние чужих религий.

Описанные креолизованные тексты создаются по модели «изображение + вербальный текст» — к изображениям добавляется вербальный текст, в результате чего появляется новый, креолизованный текст» [Чигаев 2010: 15].

Националистическое направление представлено аргументацией, которая дискредитирует «евреев». Креолизованный текст также строится по модели «изображение + текст». Невербальный компонент представлен фотографиями страниц паспорта граж-

данина Российской Федерации, в орнаментах нумерации страниц которого было выявлено число 666. Вербальный компонент метафорически переосмысляет данный орнамент как начертание, которое *лукаво навязывают нам иудеи, Христа распявшие — пусть накажутся за свое заблуждение!* Использование лексемы «лукаво» проводит аналогию с народно-разговорным пониманием беса, дьявола, сатаны [БТС <http://>]. Таким образом, иудеи соотносятся с распространением зла, также они включаются в отрицательно-оцениваемый для христиан контекст: те, кто распял Христа.

Идея необходимости возрождения православной России аргументируется и через дискредитацию современного политического устройства государства. Политическое направление прежде всего связано с созданием образа врага в лице Президента Российской Федерации В. В. Путина.

Через оценку личности президента переосмысляются некоторые знаки, оцениваемые в идеологии православной религии как проявление чего-то антихристианского, сатанинского. Например, описываемый ранее знак 666: *это Путин и его сатанинский дух 666. А кто он, если он в храме Божием правит с ИНН (Иисуса Не Надо)? ДЬЯВОЛ*.

Вербальный компонент представляет собой утверждение о том, что В. В. Путин является воплощением сатанинского духа, который, по утверждениям пропагандистов, в *храме Божием правит* и является «дьяволом». Иконический компонент данного креолизованного текста представляет собой сложную структуру — он состоит из двух фотографий: 1) изображение антихриста на фреске в Бенедиктинском монастыре Помпоза, который имеет внешнее сходство с президентом; 2) портрет В. В. Путина, где с половины лица президента содрана кожа, под ней проступает «дьявольский облик» — кожа рептилии и глаз с узким вертикальным зрачком.

Структура сложного иконического элемента формирует представление о том, что, с одной стороны, внешность президента России и антихриста идентичны, с другой — под внешним человеческим обликом президента скрывается дьявол.

В качестве приемов визуализации были использованы сравнение (внешнее сходство президента и изображенного на фреске антихриста) и метафора (переосмысление содержания подкрепляется образом дьявола, который проступает через человеческую внешность).

Содержание следующего аргумента пропагандируемой идеи представляет собой осмысление «демонической» сущности президента России В. В. Путина. Иконический ком-

понент — коллаж из двух одинаковых фотографий президента. На одной из них у В. В. Путина с помощью графического редактора обведены проступающие на лбу вены таким образом, чтобы показать якобы просматривающиеся «рога дьявола». Вербальным компонентом является подпись к фотографии: *Посмотрите, как на лбу уже видимо проступили рога дьявола!* Таким образом, креолизованный текст подтверждает тезис о дьявольской природе современной власти, которая противопоставляется идее возрождения православной царской России.

Анализируемые тексты созданы с целью воздействовать на сознание читателей, некритически воспринимающих пропагандируемую идею. Иконический компонент как прием визуализации позволяет авторам сформировать безальтернативную точку зрения, отрицательное отношение к современному государственному устройству, другим религиям и нациям, создавая в их лице образ врага православной России. Креолизованный текст в системе аргументации способствует осознанию пропагандируемой идеи на всех уровнях восприятия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Большой толковый словарь русского языка = БТС / гл. ред. С. А. Кузнецов. — СПб. : Норинт, 1998. URL: <http://gramota.ru/slovari/dic/?word> (дата обращения: 23.10.2019). — Текст : электронный.
2. Ворошилова М. Б. Креолизованный текст в политическом дискурсе / М. Б. Ворошилова. — Текст : электронный // Политическая лингвистика. 2007. № 23. С. 73—78. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kreolizovannyi-tekst-v-politicheskom-diskurse> (дата обращения: 16.10.2019).
3. Демьянков В. З. Интерпретация политического дискурса в СМИ // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования : учеб. пособие / отв. ред. М. Н. Володина. — М. : Изд-во Моск. гос. ун-та им. М. В. Ломоносова, 2003. С. 116—133.
4. Егорова Т. В. Словарь иностранных слов современного русского языка. — М., 2014. 800 с.

Yu. V. Bezborodova

Nizhnevartovsk State University, Nizhnevartovsk, Russia
ORCID ID: 0000-0001-9262-4571

L. V. Korosteleva

Nizhnevartovsk State University, Nizhnevartovsk, Russia
ORCID ID: 0000-0003-4372-0190

 E-mail: ybezborodova@yandex.ru; klimovalar@inbox.ru.

5. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. — М., 2000. URL: <https://www.efremova.info/word/propaganda.html#Xcpg6-Lncs> (дата обращения: 12.11.2019). — Текст : электронный.

6. Зенкова А. Ю. Визуальная метафора в социально-политическом дискурсе: методологический аспект // Многообразие политического дискурса. — Екатеринбург, 2004. С. 39—54.

7. Коростелева Л. В. Экстремистский дискурс: признаки, иллюкция, прагматика // Юрислингвистика. 2015. № 4. — Кемерово : Изд-во КемГУ, 2015. С. 19—27.

8. Мельникова Т. С. Пропаганда как технология политического манипулирования / Т. С. Мельникова. — Текст : электронный // Власть. 2010. № 8. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/propaganda-kak-tehnologiya-politicheskogo-manipulirovaniya> (дата обращения: 24.10.2019).

9. Милованова С. О. Влияние невербальных средств коммуникации на восприятие газетных текстов / С. О. Милованова. — Текст : электронный // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. 2009. № 2. С. 258—261. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-neverbalnyh-sredstv-kommunikatsii-na-voospriyatie-gazetnyh-tekstov> (дата обращения: 16.10.2019).

10. О противодействии экстремистской деятельности : Федеральный закон от 25.07.2002 : № 114-ФЗ : (ред. от 23.11.2015).

11. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. 25-е изд., испр. и доп. — М., 2007. 976 с.

12. Руженцева Н. Б. Портреты политиков: типология и речевая организация // Политическая лингвистика. 2019. № 5 (77). С. 57—63. — DOI: 10.26170/pl19-05-05.

13. Русинова М. П. Проблемы эффективной пропаганды ВФСК ГТО / М. П. Русинова. — Текст : электронный // Педагогическое образование в России. 2014. № 9. С. 87—89. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-effektivnoy-propagandy-vfsg-gto> (дата обращения: 16.10.2019).

14. Тимко С. А., Жайворонок А. В. Пропаганда и агитация в деятельности органов внутренних дел / С. А. Тимко, А. В. Жайворонок. — Текст : электронный // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2013. № 4 (55). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/propaganda-i-agitatsiya-v-deyatelnosti-organov-vnutrennih-del> (дата обращения: 24.10.2019).

15. Философия : энциклопедический словарь / под ред. А. А. Ивина. — М. : Гардарики. 2004 // Академик.ру. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/991/%D0%9F%D0%A0%D0%9E%D0%9F%D0%90%D0%93%D0%90%D0%9D%D0%94%D0%90 (дата обращения: 16.10.2019). — Текст : электронный.

16. Чигаев Д. П. Способы креолизации современного рекламного текста : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 2010. 25 с.

Creolized Text in the Structure of Propaganda Discourse

ABSTRACT. The topic of the article seems to be urgent because modern linguistic science focuses on the peculiarities of creolized texts (their structure, semantics and pragmatics). It analyzes linguistic and extralinguistic features of propaganda discourse which is quite popular in the Internet communication and aims at creating a certain type of mentality (including the radical one as well). This type may be characterized by a negative attitude to the modern state system and policy through the prism of religious worldview. The article analyzes the structure of creolized text as a combination of verbal and iconic components forming the basis for creation of new meanings. Metaphorical transfer of meaning, simile and analogy are the main linguistic methods of creation of this semantics. The article aims at defining the role of creolized text in extremist propaganda. The material under analysis includes extremist discourse seen as a set of socio-political or religious ideologically motivated messages. The purpose of such messages is verbal psychological manipulation of the people causing social violence and provoking aggressive action against state authorities or a certain section of the population. The article does not

touch upon the legal aspect of extremist discourse; it rather focuses on the communicative and pragmatic functions of creolized texts in the structure of propaganda materials and its role in the system of argumentation of the propagated ideas in the aspect of policy, religion and nationalism.

KEYWORDS: *creolized texts; propaganda; extremist discourse; Internet communication; extremism; political discourse.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Bezborodova Yuliya Vladimirovna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Philology and Mass Communications, Nizhnevartovsk State University, Nizhnevartovsk, Russia.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Korosteleva Larisa Vladimirovna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Philology and Mass Communications, Nizhnevartovsk State University, Nizhnevartovsk, Russia.*

FOR CITATION: *Bezborodova, Yu. V. Creolized Text in the Structure of Propaganda Discourse / Yu. V. Bezborodova, L. V. Korosteleva // Political Linguistics. — 2019. — No 6 (78). — P. 159-163. — DOI 10.26170/pl19-06-20.*

REFERENCES

1. Large Explanatory Dictionary of the Russian Language = BTS / ed.-in-ch. S. A. Kuznetsov. — St. Petersburg : Norint, 1998. [Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka = BTS / gl. red. S. A. Kuznetsov. — SPb. : Norint, 1998]. URL: <http://gramota.ru/slovari/dic/?word> (date of access: 23.10.2019). — Text : electronic. — (In Rus.)
2. Voroshilova M. B. Creolized text in Political Discourse / M. B. Voroshilova. — Text : electronic // Political Linguistics. 2007. No. 23. P. 73—78. [Kreolizovanny tekst v politicheskom diskurse / M. B. Voroshilova. — Tekst : elektronnyy // Politicheskaya lingvistika. 2007. № 23. S. 73—78]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kreolizovannyi-tekst-v-politicheskom-diskurse> (date of access: 16.10.2019). — (In Rus.)
3. Dem'yankov V. Z. Interpretation of Political Discourse in the Media // Media Language as an Object of Interdisciplinary Research : Textbook / rev. ed. M. N. Volodina. — Moscow : Publishing house of Moscow State Univ. named after M. V. Lomonosova, 2003. P. 116—133. [Interpretatsiya politicheskogo diskursa v SMI // Yazyk SMI kak ob'ekt mezhdistsiplinarnogo issledovaniya : ucheb. posobie / otv. red. M. N. Volodina. — M. : Izd-vo Moskov. gos. un-ta im. M. V. Lomonosova, 2003. S. 116—133]. — (In Rus.)
4. Egorova T. V. Dictionary of Foreign Words of the Modern Russian Language. — Moscow, 2014. 800 p. [Slovar' inostrannykh slov sovremennogo russkogo yazyka. — M., 2014. 800 s.]. — (In Rus.)
5. Efremova T. F. New Dictionary of the Russian Language. Interpretative and Derivational. — Moscow, 2000. [Novyy slovar' russkogo yazyka. Tolkovno-slovoobrazovatel'nyy. — M., 2000]. URL: <https://www.efremova.info/word/propaganda.html#Xcpge6-Lncs> (date of access: 12.11.2019). — Text : electronic. — (In Rus.)
6. Zenkova A. Yu. Visual Metaphor in Socio-political Discourse: Methodological Aspect // The Diversity of Political Discourse. — Ekaterinburg, 2004. P. 39—54. [Vizual'naya metafora v sotsial'no-politicheskom diskurse: metodologicheskii aspekt // Mnogoobrazie politicheskogo diskursa. — Ekaterinburg, 2004. S. 39—54]. — (In Rus.)
7. Korosteleva L. V. Extremist Discourse: Signs, Illocution, Pragmatics // Jurislinguistics. 2015. No. 4. — Kemerovo : Publishing House of KemSU, 2015. P. 19—27. [Ekstremistskiy diskurs: priznaki, illokutsiya, pragmatika // Yurislingvistika. 2015. № 4. — Kemerovo : Izd-vo KemGU, 2015. S. 19—27]. — (In Rus.)
8. Mel'nikova T. S. Propaganda as a Technology of Political Manipulation / T. S. Mel'nikova. — Text : electronic // Power. 2010. No 8. [Propaganda kak tekhnologiya politicheskogo manipulirovaniya / T. S. Mel'nikova. — Tekst : elektronnyy // Vlast'. 2010. № 8]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/propaganda-kak-tehnologiya-politicheskogo-manipulirovaniya> (date of access: 24.10.2019). — (In Rus.)
9. Milovanova S. O. Influence of Non-verbal Means of Communication on the Perception of Newspaper Texts / S. O. Milovanova. — Text : electronic // Proceedings of TulGU. Humanitarian Sciences. 2009. No. 2. P. 258—261. [Vliyanie neverbal'nykh sredstv kommunikatsii na vospriyatie gazetnykh tekstov / S. O. Milovanova. — Tekst : elektronnyy // Izvestiya TulGU. Gumanitarnye nauki. 2009. № 2. S. 258—261]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-verbalnykh-sredstv-kommunikatsii-na-vospriyatie-gazetnykh-tekstov> (date of access: 16.10.2019). — (In Rus.)
10. On Countering against the Extremist Activity : Federal Law of 07.25.2002 : No. 114-FZ : (as amended on 11.23.2015). [O protivodeystvii ekstremistskoy deyatel'nosti : Federal'nyy zakon ot 25.07.2002 : № 114-FZ : (red. ot 23.11.2015)]. — (In Rus.)
11. Ozhegov S. I. Explanatory Dictionary of the Russian Language: 80,000 words and phraseological expressions. 25th ed., Rev. and add. — Moscow, 2007. 976 p. [Tolkovyy slovar' russkogo yazyka: 80000 slov i frazeologicheskikh vyrazheniy. 25-e izd., ispr. i dop. — M., 2007. 976 s.]. — (In Rus.)
12. Ruzhentseva N. B. Portraits of Politicians: Typology and Speech Organization // Political Linguistics. 2019. No 5 (77). P. 57—63. [Portrety politikov: tipologiya i rechevaya organizatsiya // Politicheskaya lingvistika. 2019. № 5 (77). S. 57—63]. — DOI: 10.26170/pl19-05-05. — (In Rus.)
13. Rusinova M. P. Problems of Effective Propaganda of the "Ready for Labor and Defense" Complex / M. P. Rusinova. — Text : electronic // Pedagogical Education in Russia. 2014. No. 9. P. 87—89. [Problemy effektivnoy propagandy VFSK GTO / M. P. Rusinova. — Tekst : elektronnyy // Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii. 2014. № 9. S. 87—89]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-effektivnoy-propagandy-vfsk-gto> (date of access: 16.10.2019). — (In Rus.)
14. Timko S. A., Zhayvoronok A. V. Propaganda and Agitation in the Activities of Internal Affairs Bodies. — Text : electronic // Psychopedagogy in Law Enforcement. 2013. No. 4 (55). [Propaganda i agitatsiya v deyatel'nosti organov vnutrennikh del / S. A. Timko, A. V. Zhayvoronok. — Tekst : elektronnyy // Psikhopedagogika v pravookhranitel'nykh organakh. 2013. № 4 (55)]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/propaganda-i-agitatsiya-v-deyatelnosti-organov-vnutrennikh-del> (date of access: 24.10.2019).
15. Philosophy : Encyclopedic Dictionary / Ed. A. A. Ivina. — Moscow : Gardariki, 2004 // Akademik.ru. [Filosofiya : entsiklopedicheskiy slovar' / pod red. A. A. Ivina. — M. : Gardariki. 2004 // Akademik.ru]. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/991/%D0%9F%D0%A0%D0%9E%D0%9F%D0%90%D0%93%D0%90%D0%9D%D0%94%D0%90 (date of access: 16.10.2019). — Text : electronic.
16. Chigaev D. P. Methods of Creolization of A Modern Advertising Text : synopsis of thesis ... of Cand. of Philol. Sciences. — Moscow, 2010. 25 p. [Sposoby kreolizatsii sovremennogo reklamnogo teksta : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. — M., 2010. 25 s.]. — (In Rus.)

РАЗДЕЛ 4. ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА: ЯЗЫК И ПРАВО

УДК 81'42:81'34:343
ББК Ш105.51+Ш105.1
DOI 10.26170/pl19-06-21

ГСНТИ 16.31.61; 16.21.37

Код ВАК 10.02.19

Э. В. Будаев

Российский государственный профессионально-педагогический университет, Екатеринбург, Россия
ORCID ID: 0000-0003-2137-1364

Л. Я. Саввина

Уральский государственный юридический университет, Екатеринбург, Россия
ORCID ID: —

 E-mail: aedw@mail.ru; savvina.l@mail.ru.

Судебная фонетика: становление дисциплины

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается становление судебной фонетики как междисциплинарной области научных исследований, возникшей на пересечении фонетики и юриспруденции. Авторы определяют хронологические рамки становления дисциплины (начало этого процесса относится к 1930—1940-м гг.), рассматривают значимые уголовные дела и судебные разбирательства, которые продемонстрировали необходимость возникновения судебной фонетики как самостоятельной области теоретических изысканий и прикладных исследований. Несмотря на длительную историю изысканий в данной сфере, термин «судебная фонетика» возник в 1990 году. В современных зарубежных исследованиях выделяется пять основных сфер применения судебной фонетики: улучшение качества речи на аудиозаписи, идентификация пленки, декодирование речи, идентификация голоса и анализ речевого поведения. В ходе одного из первых исследований в данной научной области, проведенного психологом Фрэнсис Мак-Гихи, было доказано, что вероятность ошибки идентификации голоса через несколько лет после его восприятия очень высока, в том числе из-за факта забывания особенностей аудиальной информации с течением времени. Первая попытка комплексного анализа по идентификации голоса связана с исследованием аудиозаписей речей Гитлера после покушения на него с целью выяснить, не произносит ли их имитирующий голос фюрера диктор. В связи с распространением телефонов в 1950—1960-х гг. и появлением новых видов преступлений потребовались годы судебной практики и фонетических экспертиз для проверки (и опровержения) гипотезы об «отпечатках голоса». Отдельное внимание уделяется рассмотрению эволюции методологии дисциплины, демонстрации важности разработки и совершенствования методик исследования. С одной стороны, недостатки методик могут привести к ошибкам в экспертных заключениях, с другой — существуют прецеденты того, как пренебрежение методиками судебной фонетики приводило к трагическим последствиям.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: судебная фонетика; юридическая лингвистика; юридический дискурс; междисциплинарные лингвистические направления.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Будаев Эдуард Владимирович, доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков, теории и методики обучения, Российский государственный профессионально-педагогический университет; 620012, Россия, г. Екатеринбург, ул. Машиностроителей, 11; e-mail: aedw@mail.ru.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Саввина Людмила Яковлевна, старший преподаватель кафедры земельного и экологического права, Уральский государственный юридический университет; 620137, Россия, г. Екатеринбург, ул. Комсомольская, 21; e-mail: savvina.l@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Будаев, Э. В. Судебная фонетика: становление дисциплины / Э. В. Будаев, Л. Я. Саввина // Политическая лингвистика. — 2019. — № 6 (78). — С. 164-170. — DOI 10.26170/pl19-06-21.

Среди междисциплинарных направлений современных лингвистических изысканий значимое место занимает юридическая лингвистика, возникшая на пересечении лингвистики и юриспруденции в США и Великобритании в 60-х гг. XX в. [Будаев, Ворошилова, Руженцева 2017; Будаев, Ворошилова, Чудинов 2019; Будаев 2018, 2019; Ворошилова, Чудинов 2018; Чудинов, Ворошилова 2018]. Важную роль в становлении юридической лингвистики сыграла судебная фонетика, генезис которой до сих пор не имеет системного описания в отечественном научном дискурсе, хотя значимость понимания того, как шла эволюция этой области исследова-

ний и какие ошибки встречались на этом пути, сложно переоценить.

Судебная фонетика (Forensic Phonetics) — раздел юридической лингвистики, занимающийся широким спектром фонетических проблем в контексте юридической практики и методологии лингвистической экспертизы. Не будет преувеличением сказать, что важнейшим импульсом для возникновения юридической лингвистики послужили именно проблемы судебной фонетики как в хронологическом аспекте, так и по тому месту, которое фонетические исследования занимали и занимают в юрислингвистических исследованиях до настоящего времени.

Формирование судебной фонетики началось с проблемы идентификации личности по голосу. Один из первых случаев, когда в судебном разбирательстве данный вопрос сыграл важную роль, произошел в США. В 1932 г. был похищен сын Чарльза Линдберга, знаменитого американского летчика, который прославился тем, что совершил первый в истории перелет через Атлантический океан. Ч. Линдбергу поступило требование заплатить выкуп в 50 тысяч долларов в обмен на жизнь сына. Деньги были заплачены, но сына так и не вернули. Через некоторое время был найден труп мальчика, который, как показала экспертиза, был убит через несколько часов после похищения. Спустя некоторое время полиция задержала некоего Бруно Хауптмана, чей почерк оказался похож на почерк, которым было написано требование о выкупе. Общественное возмущение было столь велико, что возникла большая обеспокоенность в связи с тем, что власти не смогут защитить подозреваемого. Через два года во время судебного разбирательства Ч. Линдберг заявил, что он опознал голос Б. Хауптмана, который он слышал дважды до этого (один раз по телефону, в другой раз во время краткой встречи в ночной темноте). Б. Хауптман был признан виновным в похищении и преднамеренном убийстве и казнен на электрическом стуле.

Мало кто сомневался в верности идентификации голоса Ч. Линдбергом, кроме психолога Фрэнсис Мак-Гихи. Последнюю заинтересовал не вопрос виновности или невинности Б. Хауптмана (были и другие улики, помимо заявления Ч. Линдберга), а возможность идентификации голоса спустя такое длительное время. Она провела несколько исследований [McGehee 1937, 1944], в которых было показано, что вероятность ошибки идентификации голоса через несколько лет после его восприятия очень высока.

В первом исследовании Фрэнсис Мак-Гихи человек (читающий № 1), стоя за непрозрачным экраном, читал вслух отрывок текста из 56 слов. Слушатели (740 студентов) были разделены на 15 различных групп, каждая из которых была предназначена для разных вариаций эксперимента. В целом процедура идентификации была простой: сначала члены каждой группы слушали голос читающего № 1, а затем снова слушали эту же фразу, которую зачитывали пять человек, среди которых был читающий № 1. Слушатели должны были записать номер человека, которого, по их мнению, они слышали изначально.

Фрэнсис Мак-Гихи повторяла эту процедуру через 1, 2 и 3 дня, затем через 1, 2, 3 неде-

ли и через 1, 3 и 5 месяцев (для разных временных показателей использовались разные группы испытуемых, для чего понадобилось столь большое число студентов).

Помимо временного параметра, анализировалась зависимость успешной идентификации от таких факторов, как пол слушателя, наличие иностранного акцента, намеренное искажение голоса оратором и т. п. Основным же результатом, полученный исследователем — констатация факта банального забывания особенностей аудиальной информации с течением времени. 83 % испытуемых верно идентифицировали голос оратора через 1 день после первого предъявления аудиотекста, но уже через две недели этот показатель был равен 68 %, через три месяца — 35 %, через 5 месяцев — всего 13 % [McGehee 1937]. Во втором исследовании Ф. Мак-Гихи [McGehee 1944] процедура эксперимента была усложнена, но полученные результаты подтвердили ранние изыскания.

Во время Второй мировой войны актуальность проблемы идентификации голоса только усилилась. Среди примеров привлечения фонетистов к решению задач подобного рода — дело о заговоре немецких генералов против Адольфа Гитлера, который привел к покушению на фюрера 20 июля 1944 г. В этот день в «Волчьей логове», главной ставке А. Гитлера, находившейся в Восточной Пруссии, произошел взрыв, в результате которого погибло несколько штабных офицеров.

О попытке свержения нацистского правительства стало известно во всем мире, однако одни считали, что Гитлер погиб, другие же больше доверяли данным министра пропаганды Йозефа Геббельса. Было ясно, что агенты стран-союзников получили задание выяснить правду, но на его выполнение понадобилось бы довольно много времени.

Гитлер много лет выступал с речами, и значительное количество из них было записано и сохранено. После покушения кто-то продолжал произносить речи от имени Гитлера, но был ли это фюрер или кто-то другой, имитирующий его голос, никто среди союзников по антигитлеровской коалиции не знал. Для решения проблемы было привлечено несколько групп американских исследователей, которые могли бы проводить сравнения старых и новых записей нацистского лидера. Одна из этих групп состояла из нескольких фонетистов и инженеров, работавших в Университете Пердью (штат Индиана, США). Эту группу возглавил доктор М. Стер, под руководством которого исследователи уже не один год анализировали выступления Теодора Рузвельта, Франклина

Рузвельта, Невилла Чемберлена, Бенито Муссолини и Адольфа Гитлера. Перед группой была поставлена задача определить, принадлежит ли голос человека, произносившего речи от имени Гитлера после покушения, действительно Адольфу Гитлеру.

Сложность поставленной задачи заключалась в том, что исследователи имели дело с голосом человека, который на протяжении многих лет подвергался психиатрической терапии, что не может не отразиться на голосе. Вторая сложность была связана с низким качеством аудиозаписей того времени. Комбинируя собственно фонетические методы и технические возможности существовавшего тогда оборудования, исследователи пришли к выводу, что именно голос А. Гитлера звучит на последних аудиозаписях, что позднее подтвердили данные разведки. Это была первая попытка комплексного анализа по идентификации голоса (в зарубежной науке это направление исследований стало обозначаться аббревиатурой SPID — от словосочетания Speaker Identification and Detection).

Крупным центром, работавшим в данном направлении в 40-е гг. XX в., были Лаборатории Белла (Bell Laboratories). Ученые этого исследовательского центра создали «Сонаграф» (Sonagraph), разновидность звукового спектрографа, позволявшую представлять голосовую информацию в графическом виде. Данное изобретение инициировало разработку метода визуального анализа речи, применявшегося для идентификации по «отпечаткам голоса» (voiceprint identification; подобно идентификации по отпечаткам пальцев) [Potter 1945; Potter et al. 1947]. В те годы подобные исследования проводились и в СССР (описанные, в частности, по воспоминаниям о спецтюрем МВД-МГБ в романе А. Солженицына «В круге первом»).

В послевоенные десятилетия наблюдается активное применение процедур фонетического анализа в полицейских расследованиях. Так, значительное распространение получило аудиальное опознание, на которое возлагали большие надежды, полагая, что оно столь же достоверно, как и визуальное опознание. К сожалению, работники полиции не имели достаточной квалификации, да и теоретических работ и прикладных исследований было явно недостаточно. В результате техники аудиального опознания варьировались от участка к участку в зависимости от представлений полицейских о том, как должна происходить данная процедура. В результате такой практики стало нарастать количество ошибок и проблем, повлекших за собой критику аудиального опознания со стороны ученых [Brandt 1977; Hollien

1990; Künzel 1987; Michel 1980; Nolan 1983; Stevens 1971; Yarmey 1995].

В 1950-1960-е гг. наблюдается рост преступлений, связанных с использованием телефонов, которые получали все большее распространение. Технический прогресс упростил коммуникацию между людьми, но одновременно привел к тому, что телефон стали использовать для анонимных угроз, предупреждений о заложенной бомбе и т. п., что заставило полицию искать методы борьбы с этими правонарушениями. В этой связи правоохранителей привлекла статья бывшего ассистента из Лабораторий Белла Л. Керсты, опубликованная в журнале *Nature* [Kersta 1962]. В работе шла речь об идентификации личности по «отпечаткам голоса», которые теоретически могли бы быть столь же достоверным методом идентификации личности, как и отпечатки пальцев. Идея об «отпечатках голоса» быстро набирала популярность, но мало кто понимал, что в основе этой аналогии лежит метафора, которая формировала ложное представление о действительности. Гипотеза о том, что существуют отпечатки голоса, оказалась неверной, но для того, чтобы это доказать, понадобились годы судебной практики и фонетических экспертиз. Научное опровержение идеи отпечатков голоса было предложено в монографии Оскара Тоси, в которой была показана несостоятельность данной гипотезы с помощью серии экспериментов [Tosi 1979].

Параллельно идее об «отпечатках голоса» в 60-е гг. проводились эксперименты по верификации степени достоверности опознания свидетелями голосов. Начало подобным опытам положила еще Ф. Мак-Гихи в 1937 г. в связи с делом Ч. Линдберга, продемонстрировав, что два года являются слишком большим сроком для достоверного аудиального опознания. Дальнейшее развитие это направление исследований получило у П. Брикера и С. Прузански. В отличие от Ф. Мак-Гихи, экспериментаторы предлагали испытуемым не текст, а несколько слогов. Как выяснилось, 98 % слушателей верно идентифицировали визуально не наблюдаемых ораторов при повторной процедуре аудиальной идентификации, но уже на следующий день только 56 % испытуемых смогли успешно справиться с этой задачей [Bricker, Pruzansky 1966]. Эти данные показывают, что чем короче аудиотекст, тем быстрее свидетели теряют способность к верной идентификации голоса.

Указанные экспериментальные изыскания внесли значимый вклад в становление юридической лингвистики, но самый первый случай экспертной идентификации личности по голо-

су произошел в суде Уинчестера в 1965 г. Экспертом выступил известный британский лингвист С. Эллис, который по праву считается пионером судебной экспертизы аудиозаписей.

Британский ученый Стэнли Эллис был хорошо известен не только специалистам-филологам. Рядовые британцы хорошо знали Стэнли Эллиса благодаря увлекательным радиопередачам, которые он вел с целью популяризации диалектологии. В своих программах лингвист беседовал с местными жителями из разных районов Великобритании, обсуждая вопросы фольклора и диалектного разнообразия английского языка.

Стэнли Эллис, выпускник Кембриджского университета, служил штурманом Королевских ВВС до конца Второй мировой войны. После войны молодой исследователь работал в Лидском университете, где и защитил диссертацию о линкольнширском диалекте английского языка. Его дружелюбная и лишенная напыщенности манера общения сделала его идеальным кандидатом для участия в исследовательском проекте, посвященном исследованию британских диалектов в деревенской местности. Более десяти лет С. Эллис разъезжал по Великобритании и проводил интервьюирование местных жителей, собрав, помимо прочего, большую фонотеку, отражающую региональные особенности британской речи. Результаты полевых исследований С. Эллиса и его коллег в 313 районах Великобритании нашли отражение в четырехтомнике «Survey of English Dialects» [1962—1971], который стал фундаментальным трудом по британской диалектологии.

В 1967 г. исследователь стал первым в истории судебным экспертом, который провел успешную идентификацию личности по аудиозаписи. С тех пор С. Эллис регулярно участвовал в судебных заседаниях, требующих лингвистической экспертизы магнитофонных записей. В июне 1979 г. С. Эллис выступил в качестве эксперта по делу «Йоркширского потрошителя» Питера Сатклиффа. Напомним эту историю, ярко иллюстрирующую цену пренебрежения научной экспертизой.

В октябре 1975 г. в британском городе Лидс неподалеку от дома был обнаружен труп Виломены Маккен. Как установили полицейские, жертва работала проституткой и была оглушена ударом тяжелого предмета по голове, а потом изрезана ножом. Через три месяца рядом с лидским парком развлечений была обнаружена вторая жертва преступника — Эмили Джексон, замужняя женщина, которая также подрабатывала проституцией. Почерк преступления не оставлял сомнения, что убийцей был один и тот же человек.

Расследование шло без особого успеха. Женщины легкого поведения неохотно шли на контакт с полицией, а добропорядочные граждане не очень сочувствовали жертвам, считая случившееся закономерным возмездием за аморальное поведение. Несмотря на то, что было опрошено более 7 тысяч человек, следствие оказалось в тупике. Более того, начальнику полиции графства Уэст-Йоркшир пришло издевательское письмо, в котором автор признавался в убийствах Виломены Маккен и некой Джоан Харрисон, которая была изнасилована и до смерти забита ногами в ноябре 1975 г. Криминалисты не связывали эти преступления, так как Джоан Харрисон не была проституткой, а убийство было осуществлено без оружия. Автор анонимного письма обещал продолжить свое кровавое дело и утверждал, что его никогда не поймут, как не поймали когда-то Джека-потрошителя. Криминалисты пришли к выводу, что человек, написавший письмо и представившийся «Йоркширским потрошителем», не является убийцей, но это прозвище прочно закрепилось за маньяком в общественном дискурсе.

Через несколько месяцев в Лидсе произошло еще одно нападение на проститутку, при этом жертва осталась жива, но из-за травмы головы мало что могла рассказать о маньяке. Вместе с тем обстоятельства преступления не оставляли сомнений, что это очередное преступление Йоркширского потрошителя.

Летом 1977 г. 16-летняя Джейн Макдональд возвращалась с дискотеки домой в компании друзей по ночному Лидсу. В какой-то момент она и ее товарищ отделились от остальных и направились в сторону дома Джейн. Однако до дома они не дошли — в ходе возникшей размолвки молодой человек бросил подругу посреди улицы. Оставшись одна, Джейн попыталась вызвать такси, но находившийся поблизости телефон-автомат оказался сломан. На следующий день тело убитой было обнаружено недалеко от места расставания подростков.

В отличие от предыдущих жертв, Джейн Макдональд не была проституткой. Теперь в общественном сознании сложилось четкое представление о том, что любая женщина является потенциальной жертвой Йоркширского потрошителя. Маньяк из Лидса стал самым разыскиваемым преступником Великобритании. На его поимку были брошены беспрецедентные силы, но Йоркширский потрошитель оставался для полиции невидимкой.

Информацию о маньяке разместили в СМИ, рассчитывая на самое широкое участие общества в розыске преступника. Од-

нако результат привлечения СМИ дал неожиданный побочный эффект. В полицию стало поступать настолько большое количество писем с подозрениями и догадками, что в полиции едва успевали их читать. Было среди этого потока и письмо от человека, хорошо знавшего Питера Сатклиффа и приводившего серьезные доводы для своих подозрений. Однако в полиции на это сообщение, способное прекратить череду кровавых событий, не обратили должного внимания (это обстоятельство впоследствии привело к отставке министра МВД).

Игнорируя подобные сообщения граждан, криминалисты тщательно изучали многочисленные «послания от Йоркширского потрошителя», большинство из которых были написаны психически больными людьми, не имеющими отношения к делу. Среди этих посланий была аудиокассета, в которой «маньяк» насмехался над полицией, не способной его поймать уже на протяжении четырех лет.

Криминалисты, считавшие, что на аудиозаписи звучит голос серийного убийцы, предложили провести экспертизу магнитолной записи Стэнли Эллиса, который уже давно сотрудничал с полицией и спецслужбами. Опытный лингвист провел анализ речи и без труда определил, что голос на аудиозаписи принадлежит жителю Северо-Восточной Англии, о чем свидетельствовал его уирсайдский акцент. Лингвист конкретно указал на маленькую деревню на окраине Сандерленда, откуда происходил говоривший. Опираясь на эти данные, С. Эллис заявил, что голос на аудиозаписи принадлежит не Йоркширскому потрошителю, а фальсификатору, живущему далеко от Лидса [Ellis 1994]. Однако полицейские, безуспешно искавшие серийного убийцу в Западном Йоркшире, иначе восприняли экспертную оценку, и в очередной раз пошли по ложному следу, отсрочив поимку убийцы на несколько лет.

Как выяснилось позже, автором аудиописьма действительно был фальсификатор Джон Хамбл (впоследствии прозванный по месту жительства «Уирсайдский Джек»), который в течение нескольких лет посылал в полицию письма от имени «Йоркширского потрошителя». Сам же Питер Сатклифф посланий полицейским никогда не отправлял, что стало известно после его поимки. Оказавшись за решеткой, серийный маньяк некоторое время успешно симулировал шизофрению, хорошо зная ее симптомы (этой болезнью болела жена П. Сатклиффа), но в итоге был приговорен к пожизненному заключению.

Долгое время фальсификатор Джон Хамбл оставался на свободе и только в 2006 г. «Уирсайдский Джек» предстал перед судом. За

изготовление фальшивых писем и аудиозаписи, которые «препятствовали правосудию», фальсификатор был приговорен к восьми годам тюремного заключения. Джон Хамбл всю жизнь прожил в том самом месте, на которое диалектолог С. Эллис указывал еще в 1979 г. Таким образом, данные, полученные С. Эллисом в ходе фонетического анализа речи, полностью подтвердились. Вместе с тем их неумелое использование не позволило ускорить поимку серийного убийцы и предотвратить новые жертвы.

Теоретическая и практическая значимость судебной фонетики давно не вызывает сомнения, но, как это ни парадоксально, название для столь актуальной области исследований появилось относительно недавно. Термин *судебная фонетика* (*Forensic Phonetics*) возник в 1990 г., когда вышла фундаментальная работа Г. Холлиена в области идентификации голоса — монография «Acoustics of Crime: The New Science of Forensic Phonetics» («Акустика преступления: новая наука судебная фонетика») [Hollien 1990]. Уже в названии работы автор заявляет о возникновении новой научной дисциплины — судебной фонетики. В указанной монографии были детально рассмотрены самые разнообразные акустические аспекты речи, релевантные для расследования преступлений.

В 2002 г. вышла еще одна монография Г. Холлиена [Hollien 2002], целью которой, по словам автора, было примирение между инженерами, работающими в сфере акустики, и лингвистами. Первые традиционно считают, что лингвистам недостает знаний в математике и технических характеристиках оборудования, вторые указывают на недостаток у «технарей» понимания психологических и фонетических особенностей проводимых экспериментов. Ирония заключается в том, что те и другие правы, поэтому на практике этим двум группам профессионалов не обойтись друг без друга. Совмещая анализ лингвистических и технических аспектов фонетической экспертизы, Г. Холлиен выделил пять основных сфер применения судебной фонетики: улучшение качества речи на аудиозаписи, идентификация пленки, декодирование речи, идентификация голоса и анализ речевого поведения.

К настоящему моменту судебная фонетика представляет собой сформировавшуюся научно-практическую дисциплину, со своим предметом, комплексной методологией исследования и высокой практической значимостью. Вместе с тем многие теоретико-методологические и практические проблемы в этой области еще только предстоит решить.

ЛИТЕРАТУРА

1. Будаев Э. В. Зарубежная юридическая лингвистика: генезис дисциплины // Политическая лингвистика. 2019. № 1. С. 122—126.
2. Будаев Э. В. Становление юридической лингвистики в зарубежных странах // Языковые единицы в свете современных научных парадигм: материалы IV Всерос. науч.-практ. конф. (г. Уфа, 20 дек. 2018 г.) / отв. ред. Р. А. Газизов. — Уфа : РИЦ БашГУ, 2018. С. 300—306.
3. Будаев Э. В., Ворошилова М. Б., Руженцева Н. Б. Эволюция лингвистической экспертизы: методы и приемы : моногр. / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2017. — 201 с.
4. Будаев Э. В., Ворошилова М. Б., Чудинов А. П. Анализ прецедентного высказывания в рамках судебной лингвистической экспертизы: зарубежный и российский опыт // Юрислингвистика. 2019. № 11 (22). С. 29—32.
5. Ворошилова М. Б., Чудинов А. П. Исследование метафоры в рамках судебной экспертизы // Язык. Право. Общество : сборник статей V Междунар. науч.-практ. конф. / под общ. ред. О. В. Барабаш. — Пенза : Пензен. гос. ун-т, 2018. С. 23—26.
6. Чудинов А. П., Ворошилова М. Б. Судебная лингвистика как научное направление: исследование конфликтной коммуникации // Политическая лингвистика. 2018. № 4 (70). С. 182—184.
7. Brandt J. F. Can You Hear Me? // Forensic Communication. 1977. Vol. 2. P. 9—11.
8. Bricker P., Pruzansky S. Effects of Stimulus Content and Duration on Talker Identification // The Journal of the Acoustical Society of America. 1966. Vol. 40. P. 1441—1450.
9. Ellis S. The Yorkshire Ripper enquiry: Part I // Forensic Linguistics. 1994. Vol 1, No 2. P. 197—206.
10. Hollien H. Acoustics of Crime: The New Science of Forensic Phonetics. — New York : Plenum Pr., 1990. 370 p.
11. Hollien H. Forensic Voice Identification. — New York : Academic Press, 2002. 240 p.
12. Kersta L. Voiceprint Identification // Nature. 1962. Vol. 196. P. 1253—1257.
13. Künzel H. Sprecher-Erkennung: Grundzüge forensischer Sprachverarbeitung. — Heidelberg : Kriminalistik-Verlag, 1987. 237 S.
14. McGehee F. An Experimental Study of Voice Recognition // Journal of General Psychology. 1944. Vol. 31. P. 53—65.
15. McGehee F. The Reliability of the Identification of the Human Voice // Journal of General Psychology. 1937. Vol. 17. P. 249—271.
16. Michel J. F. Use of a Voice Lineup // American Academy Forensic Science. — New Orleans, 1980. February, 937A.
17. Nolan F. The Phonetic Bases of Speaker Recognition. — Cambridge : Cambridge Univ. Pr., 1983. 221 p.
18. Potter R. Visible Patterns of Speech // Science. 1945. November. P. 463—470.
19. Potter R., Kopp G., Green H. Visible Speech. — New York : Van Nostrand, 1947. 441 p.
20. Stevens K. N. Sources of inter- and intra-speaker variability in the acoustic properties of speech sounds // Proceedings of the Seventh International Congress on Phonetic Sciences. — Montreal, 1971. P. 206—232.
21. Survey of English Dialects: Basic Materials / H. Orton [et al.]. Leeds: E. J. Arnold & Son, 1962—1971. Vol. 1—4.
22. Tosi O. Voice Identification: Theory and Legal Applications. — Baltimore, MD : University Park Press, 1979. 182 p.
23. Yarmey A. D. Earwitness speaker identification // Psychology, Public Policy, Law. 1995. Vol. 1. P. 792—816.

E. V. Budaev

Ural State Vocational Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia

ORCID ID: —

L. Ya. Savvina

Ural State Law University, Ekaterinburg, Russia

ORCID ID: 0000-0003-2137-1364

 E-mail: aedw@mail.ru; savvina.l@mail.ru.

Forensic Phonetics: Genesis of a Discipline

ABSTRACT. *The article deals with the development of forensic phonetics as an interdisciplinary research area which has emerged on the borderline between phonetics and law studies. The authors determine the time frames of the discipline development (the beginning of this process dates back to the 1930s – 1940s) and analyze significant criminal cases and court proceedings which have demonstrated the need to single out forensic phonetics as a separate area of theoretical research and applied studies. Irrespective of a long history of research in the area under study, the term “forensic phonetics” was coined as late as 1990. Modern foreign studies single out five main spheres of application of forensic phonetics: improvement of the quality of audio texts, audio text identification, audio text transcription, voice identification and verbal behavior analysis. In the course of one of the first studies in the given research area undertaken by the psychologist Francis McGachey it was proved that the chances of misidentification of voice after some years of its perception are rather high, and specifically due to the fact of forgetting the peculiarities of audio information after some time. The first attempt at comprehensive analysis aimed at voice identification is associated with the study of the audio speeches of Hitler after the attempt at his assassination in order to find out lest they had been recorded by a professional phonetician imitating Hitler’s voice. With the spread of the telephone in the 1950s – 1960s and the emergence of many new kinds of crimes, years and years of forensic phonetic practice and phonetic expertise were necessary to test (and finally reject) the hypothesis about the “voice prints”. Special attention is paid to the analysis of the discipline methodology and the demonstration of the importance of working out and perfection of the methods of research. On the one hand, inaccurate methods may lead to errors in expert conclusions, on the other hand – there are precedents when disregard of the methods of forensic phonetics brought about tragic consequences.*

KEYWORDS: forensic phonetics; legal linguistics; legal discourse; interdisciplinary branches of linguistics.

AUTHOR’S INFORMATION: Budaev Eduard Vladimirovich, Doctor of Philology, Professor of Department of Foreign Languages, Theory and Methods of their Teaching, Ural State Vocational Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.

AUTHOR’S INFORMATION: Savvina Lyudmila Yakovlevna, Senior Lecturer of Department of Land and Ecological Law, Ural State Law University, Ekaterinburg, Russia.

FOR CITATION: Budaev, E. V. Forensic Phonetics: Genesis of a Discipline / E. V. Budaev, L. Ya. Savvina // Political Linguistics. — 2019. — No 6 (78). — P. 164-170. — DOI 10.26170/pl19-06-21.

REFERENCES

1. Budaev E. V. Forensic Linguistics Abroad: Establishment of the Subject // *Political Linguistics*. 2019. No 1 (73). P. 122—126. [*Zarubezhnaya yuridicheskaya lingvistika: genezis distsipliny // Politicheskaya lingvistika*. 2019. № 1. S. 122—126]. — (In Rus.)
2. Budaev E. V. Formation of legal linguistics in foreign countries // *Language units in the light of modern scientific paradigms: materials of IV All-Russian Scientific-practical Conf.* (Ufa, Dec. 20, 2018) / resp. ed. R. A. Gazizov. — Ufa : RIC of BashSU, 2018. P. 300—306. [*Stanovlenie yuridicheskoy lingvistiki v zarubezhnykh stranakh // Yazykovye edinitsy v svete sovremennykh nauchnykh paradigms: materialy IV Vseros. nauch.-prakt. konf.* (g. Ufa, 20 dek. 2018 g.) / otv. red. R. A. Gazizov. — Ufa : RITs BashGU, 2018. S. 300—306]. — (In Rus.)
3. Budaev E. V., Voroshilova M. B., Ruzhentseva N. B. The evolution of linguistic expertise: methods and techniques: monograph. / *Ural State Ped. Univ.* — Ekaterinburg, 2017. 201 p. [*Evolutsiya lingvisticheskoy ekspertizy: metody i priemy : monogr. / Ural. gos. ped. un-t.* — Ekaterinburg, 2017. — 201 s.]. — (In Rus.)
4. Budaev E. V., Voroshilova M. B., Chudinov A. P. Analysis of case-law utterance in the framework of forensic linguistic examination: foreign and Russian experience // *Jurislinguistics*. 2019. No 11 (22). P. 29—32. [*Analiz pretsedentnogo vyskazyvaniya v ramkakh sudebnoy lingvisticheskoy ekspertizy: zarubezhnyy i rossiyskiy opyt // Yurislingvistika*. 2019. № 11 (22). S. 29—32]. — (In Rus.)
5. Voroshilova M. B., Chudinov A. P. The study of metaphor in the framework of forensic examination // *Language. Right. Society : collection of articles of the V Intern. Scientific-practical Conf. / under total. ed. of O. V. Barabash.* — Penza : Penza State Univ., 2018. P. 23—26. [*Issledovanie metafory v ramkakh sudebnoy ekspertizy // Yazyk. Pravo. Obshchestvo : sbornik statey V Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. / pod obshch. red. O. V. Barabash.* — Penza : Penzen. gos. un-t, 2018. S. 23—26]. — (In Rus.)
6. Chudinov A. P., Voroshilova M. B. Forensic Linguistics as a Scientific Field: Conflict Communication Study // *Political Linguistics*. 2018. No 4 (70). P. 182—184. [*Sudebnaya lingvistika kak nauchnoe napravlenie: issledovanie konfliktnoy kommunikatsii // Politicheskaya lingvistika*. 2018. № 4 (70). S. 182—184]. — (In Rus.)
7. Brandt J. F. Can You Hear Me? // *Forensic Communication*. 1977. Vol. 2. P. 9—11.
8. Bricker P., Pruzansky S. Effects of Stimulus Content and Duration on Talker Identification // *The Journal of the Acoustical Society of America*. 1966. Vol. 40. P. 1441—1450.
9. Ellis S. The Yorkshire Ripper enquiry: Part I // *Forensic Linguistics*. 1994. Vol 1, No 2. P. 197—206.
10. Hollien H. *Acoustics of Crime: The New Science of Forensic Phonetics.* — New York : Plenum Pr., 1990. 370 p.
11. Hollien H. *Forensic Voice Identification.* — New York : Academic Press, 2002. 240 p.
12. Kersta L. Voiceprint Identification // *Nature*. 1962. Vol. 196. P. 1253—1257.
13. Künzel H. *Sprecher-Erkennung: Grundzüge forensischer Sprachverarbeitung.* — Heidelberg : Kriminalistik-Verlag, 1987. 237 S.
14. McGehee F. An Experimental Study of Voice Recognition // *Journal of General Psychology*. 1944. Vol. 31. P. 53—65.
15. McGehee F. The Reliability of the Identification of the Human Voice // *Journal of General Psychology*. 1937. Vol. 17. P. 249—271.
16. Michel J. F. Use of a Voice Lineup // *American Academy Forensic Science.* — New Orleans, 1980. February, 937A.
17. Nolan F. *The Phonetic Bases of Speaker Recognition.* — Cambridge : Cambridge Univ. Pr., 1983. 221 p.
18. Potter R. Visible Patterns of Speech // *Science*. 1945. November. P. 463—470.
19. Potter R., Kopp G., Green H. *Visible Speech.* — New York : Van Nostrand, 1947. 441 p.
20. Stevens K. N. Sources of inter- and intra-speaker variability in the acoustic properties of speech sounds // *Proceedings of the Seventh International Congress on Phonetic Sciences.* — Montreal, 1971. P. 206—232.
21. *Survey of English Dialects: Basic Materials / H. Orton [et al.].* Leeds: E. J. Arnold & Son, 1962—1971. Vol. 1—4.
22. Tosi O. *Voice Identification: Theory and Legal Applications.* — Baltimore, MD : University Park Press, 1979. 182 p.
23. Yarmey A. D. Earwitness speaker identification // *Psychology, Public Policy, Law*. 1995. Vol. 1. P. 792—816.

О. В. Зайцева

Московская государственная юридическая академия им. О. Е. Кутафина, Москва, Россия
ORCID ID: 0000-0002-7695-6901

 E-mail: deyaldelwer@mail.ru.

Соматический код в секстинге

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается роль соматического кода в конструировании сексуального взаимодействия в секстинге. Социальные науки, изучающие секс, сексуальную интеракцию и коммуникацию, определяют секстинг как обмен текстовыми сообщениями, изображениями, видеофайлами и GIF-файлами откровенно сексуального содержания посредством интернет-приложений или SMS/MMS, установленных на смартфоне, ПК, ноутбуке или планшете. Проанализировав корпус из 500 секстов (к которым в данной работе отнесены как отдельно взятые сообщения сексуального содержания, так и совокупность сообщений, образующих переписку), мы выделили (1) наиболее частотные по количеству упоминаний части тела, относящиеся как к субъекту действия, так и к объекту воздействия, (2) виды и интенсивность воздействия на тело, (3) звуковые и сенсорные маркеры. Таким образом, аспект телесности был охарактеризован как ключевой концепт, конструирующий виртуальную реальность сексуального взаимодействия в секстинге. На основании полученных данных были выделены гендерные роли и связанные с ними полоролевые паттерны.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: сексуальная коммуникация; порнография; виртуальный секс; секстинг; гендер; гендерные роли; полоролевые паттерны.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Зайцева Ольга Валерьевна, преподаватель кафедры иностранных языков, Московская государственная юридическая академия им. О. Е. Кутафина; 123001, Россия, Москва, Садовая-Кудринская ул., 9; e-mail: deyaldelwer@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Зайцева, О. В. Соматический код в секстинге / О. В. Зайцева // Политическая лингвистика. — 2019. — № 6 (78). — С. 171-181. — DOI 10.26170/pl19-06-22.

1. ВВЕДЕНИЕ

В данной статье рассматривается аспект телесности в секстинге как ключевая категория, посредством которой происходит конструирование сексуального взаимодействия. Под сексуальным взаимодействием в случае с секстингом понимается одна из разновидностей сексуальной онлайн-активности (COA), а именно специфическая форма инициирования сексуального контакта, под которым в виртуальном пространстве понимается согласованный обмен текстовыми сообщениями или изображениями (фотографиями, картинками, GIF-файлами, видеороликами) откровенного сексуального содержания с целью получения сексуального удовлетворения [Döring 2014: 15; van Ouytsel, Walrave, van Gool 2014: 204—205]. Нарратив секстинга строится по принципу сложного действия, посредством которого партнеры по интеракции совместно конструируют репрезентацию сексуальной активности [Döring 2009; Myketiak 2015; McKenna 2011; Cooper, McLoughlin, Campbell 2000].

Существующие исследования секстинга предполагают, что сексуальное взаимодействие между коммуникантами строится в рамках традиционной сексуальной модели релевантности и представляет собой гетеронормативный конструкт: мужчины являются наиболее

активными при конструировании сексуального взаимодействия, в то время как женщины нацелены на поддержание коммуникации и задают вектор для взаимодействия [Brody 2007: 190—191]. Вербальные конструкции, посредством которых передаются физические характеристики и описываются реакции партнеров на действия друг друга, могут быть тождественны стимуляции во время реального сексуального взаимодействия и также ощущаться на уровне тела.

В данной статье рассматривается роль аспекта телесности в секстинге на основе аутентичных секстов, что, по нашему мнению, позволит понять:

- 1) каким образом коммуниканты конструируют виртуальное сексуальное взаимодействие;
- 2) какие виды сексуальной стимуляции наиболее часто упоминаются в процессе коммуникации;
- 3) как распределяются роли между коммуникантами в процессе интеракции и насколько эти роли соответствуют гетеронормативному конструкту, который, как считается, является ведущим во время сексуального взаимодействия, в том числе в онлайн-пространстве.

2. ТЕОРИЯ

В качестве теоретической базы исследования выступают работы Г. Е. Крейдлина, посвященные описанию соматизмов, так на-

зываемой семиотической концептуализации тела, под которой понимаются два класса семиотических кодов, направленных на описание тела и явлений телесности. К первому классу кодов Г. Е. Крейдлин относит имена соматических объектов, т. е. номинации, обозначающие как все тело, так и его части, внутренние органы, выделения (например, *пот, моча, слюна*). Ко второму классу отнесены наименования положений тела, его двигательных функций и характеристик, а также звуковых сигналов, мимики, жестов [Крейдлин 2010; Крейдлин, Переверзева 2009; Крейдлин, Переверзева 2010]. Также, на основании ряда работ по сексологии [Brody 2007: 173—175; Safron 2016], к числу соматизмов нами были отнесены глаголы, обозначающие процесс генитально-генитального полового акта, а также ряд номинаций и их производных, указывающих на разные виды сенсорного контакта (поцелуй, объятия), одежду и манипуляции с одеждой и сексуальные практики (орально-генитальный секс и мануальную стимуляцию).

3. ДАННЫЕ И МЕТОДЫ

Для исследования был собран корпус из 500 секстов на русском и английском языках общим объемом 7267 слов (3418 слов в английском корпусе, 3849 слов в русском). 234 секста были предоставлены респондентами в возрасте от 19 до 34 лет, 266 были найдены в открытом доступе на платформах *Pinterest* (были найдены по запросу *dirty talks, sext, sexting, dirty flirt*), *Tumblr* (были найдены по запросу *dirty talks, sexting*). Под секстами в данном исследовании понимаются как отдельные сообщения, предоставленные респондентами или найденные на указанных порталах, так и полные переписки (см. табл. 1). Переписка между партнерами носила в основном текстовый характер, од-

нако нами также учитывались изображения (18) и *emoj*, наиболее часто встречающиеся в переписках (37).

В большинстве исследуемых фрагментов переписка коммуникация проходила между гетеросексуальными партнерами (188), в 36 фрагментах переписки коммуникация проходила между гомосексуальными парами: в 27 фрагментах оба коммуниканта были женского пола, в 9 фрагментах — мужского.

Учитывая предполагаемый асимметричный характер распределения ролей коммуникантов во время взаимодействия, при анализе корпуса секстов нами учитывались: (1) части тела / органы субъекта действия, (2) части тела / органы объекта воздействия, (3) характер и интенсивность воздействия на тело объекта, (4) фиксированность субъекта воздействия на реакция на собственные действия, (5) наличие ответных действий объекта, (6) направленность ответных действий. Индекс частотности лексических единиц, относящихся к категории соматизмов, высчитывался по формуле: общее количество вхождений / объем корпуса (в словах).

4. ПОЛУЧЕННЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

Обмен фотографиями направлен на сексуальное возбуждение, но является вторичным по отношению к тексту. Направленность *emoj* также связана либо с наглядной демонстрацией заинтересованности коммуникантов в общении, либо с их попыткой закодировать сексуальный смысл послания. В анализируемых нами секстах основную смысловую нагрузку несли вербальные средства.

Номинации, посредством которых коммуниканты указывают на части тела, внутренние органы, учитывались нами как отдельно по каждому корпусу (см. таблицы 2 и 3), так и в совокупности.

Таблица 1. Характеристика корпуса

Тип секстов по завершенности	Сексты по языкам	
	русский язык	английский
Отдельные сексты	87	189
Фрагменты переписки	105	119
	Сексты по источнику получения	
	респонденты	<i>Pinterest, Tumblr</i>
Отдельные сексты	94	182
Фрагменты переписки	140	84

Таблица 2

Частотность упоминания частей тела/органов субъекта действия
в англоязычном и русскоязычном корпусах секстов

Корпус англоязычных секстов			Корпус русскоязычных секстов		
Часть тела/орган	Кол-во	Индекс	Часть тела/орган	Кол-во	Индекс
тело	1	0,000292	тело	2	0,000519
кожа	2	0,000585	кожа	0	0
голова	2	0,000585	голова	0	0
лицо	1	0,000292	лицо	0	0
губы	2	0,000585	губы	3	0,000779
рот	3	0,000877	рот	3	0,000779
язык	9	0,002633	язык	2	0,000519
зубы	1	0,000292	зубы	4	0,001039
горло	1	0,000292	горло	0	0
сердце	2	0,000585	сердце	0	0
руки/а	14	0,004095	руки/а	7	0,001818
ладонь/кулак	4	0,001170	ладонь/кулак	0	0
пальцы рук	8	0,002340	пальцы рук	5	0,001299
ногти/ноготь	1	0,000292	ногти/ноготь	1	0,000259
живот	1	0,000292	живот	0	0
бедра	2	0,000585	бедра	0	0
Гениталии			Гениталии		
пенис	10	0,002925	пенис	18	0,004676
головка пениса	1	0,000292	головка пениса	0	0
мошонка	5	0,001462	мошонка	0	0
сперма	1	0,000292	сперма	3	0,000779

Таблица 3

Частотность упоминания частей тела/органов объекта воздействия
в англоязычном и русскоязычном корпусах секстов

Корпус англоязычных секстов			Корпус русскоязычных секстов		
Часть тела/орган	Кол-во	Индекс	Часть тела/орган	Кол-во	Индекс
тело	6	0,001755	тело	13	0,003377
кожа	2	0,000585	кожа	1	0,000259
волосы	5	0,001462	волосы	1	0,000259
лицо	3	0,000877	лицо	2	0,000519
глаза	1	0,000292	глаза	0	0
щеки	1	0,000292	щеки	1	0,000259
губы	6	0,001755	губы	1	0,000259
рот	1	0,000292	рот	6	0,001558
шея	13	0,003803	шея	3	0,000779
ключица	1	0,000292	ключица	0	0
ребра	1	0,000292	ребра	0	0
грудь	9	0,002633	грудь	11	0,002857
соски	4	0,001170	соски	3	0,000779
сердце	1	0,000292	сердце	3	0,000779
талия	1	0,000292	талия	0	0
живот	3	0,000877	живот	6	0,001558
руки	2	0,000585	руки	2	0,000519
пальцы рук	1	0,000292	пальцы рук	3	0,000779
ноги	6	0,001755	ноги	3	0,000779
бедра	4	0,001170	бедра	0	0
внутренняя поверхность бедра	3	0,000877	внутренняя поверхность бедра	0	0
ягодицы	5	0,001462	ягодицы	15	0,003897
колени	1	0,000292	колени	0	0
пальцы ног	0	0	пальцы ног	2	0,000519

Часть тела/орган	Кол-во	Индекс	Часть тела/орган	Кол-во	Индекс
Корпус англоязычных секстов			Корпус русскоязычных секстов		
Гениталии			Гениталии		
пенис	3	0,000877	пенис	9	0,002633
головка пениса	1	0,000292	головка пениса	4	0,001039
кожица пениса	0	0	кожица пениса	4	0,001039
мошонка	5	0,001462	мошонка	1	0,000259
сперма	1	0,000292	сперма	2	0,000519
вагина	15	0,004388	вагина	19	0,004936
волосы на лобке	0	0	волосы на лобке	1	0,000259
половые губы	1	0,000292	половые губы	1	0,000259
клитор	9	0,002633	клитор	2	0,000519
анальное отверстие	0	0	анальное отверстие	6	0,001558
Одежда			Одежда		
бюстгальтер	1	0,000292	бюстгальтер	1	0,000259
трусы	2	0,000585	трусы	5	0,001299
рубашка	3	0,000877	рубашка	0	0
штаны	1	0,000292	штаны	5	0,001299
платье	0	0	платье	3	0,000779

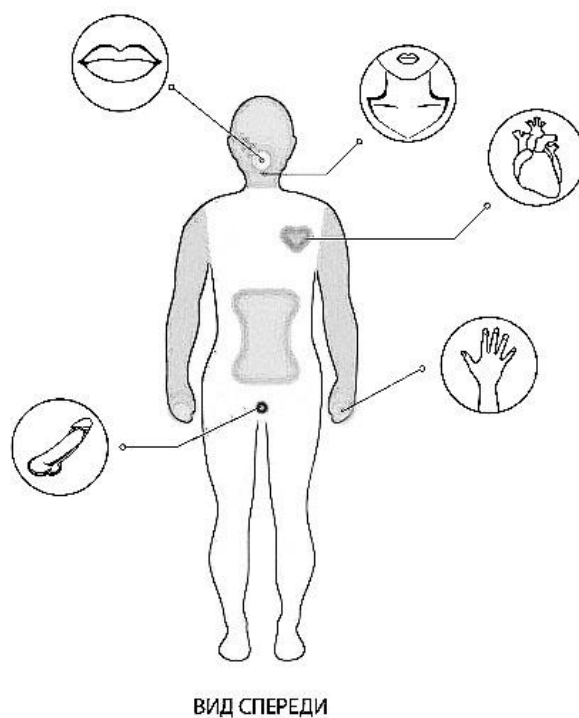

Рис. 1. Частотность упоминаний частей тела субъекта действия

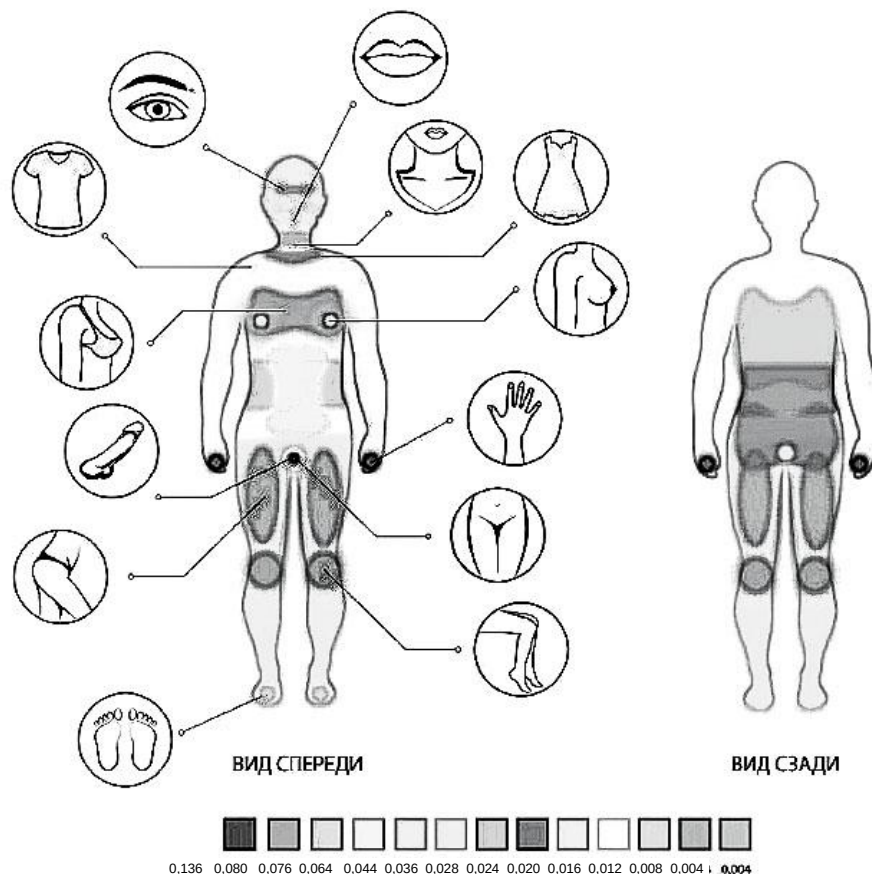

Рис. 2. Частотность упоминаний частей тела и внутренних органов объекта воздействия

Общий анализ секстов по англоязычному и русскоязычному корпусам позволил отнести к наиболее упоминаемым частям тела / органам субъекта действия верхние конечности (*руки, пальцы рук, ладони/кулак, ногти*) — 0,334, мужские гениталии (*пенис, мошонка, головка члена*) — 0,285, ротовую полость (*рот, губы, язык, зубы*) — 0,226; объекта воздействия: женские гениталии (*вагина, клитор, половые губы, волосы на лобке*) — 0,188, нижние конечности (*ягодицы, бедра, внутренняя поверхность бедра, пальцы ног*) — 0,152, грудь (*грудь, соски*) — 0,108, мужские гениталии (*пенис, головка пениса, кожа пениса, мошонка*) — 0,072, шея — 0,064, ротовая полость (*рот, губы*) — 0,056. На основании данных частотного анализа обоих корпусов были составлены соматические карты субъекта действия (рис. 1) и объекта воздействия (см. рис. 2).

Такая дистрибуция, в частности, свидетельствует о наличии определенного стереотипа в распределении полоролевого взаимодействия коммуникантов. Активная роль ассоциируется с проникновением (наибольший коэффициент частотности для субъекта действия имеют части тела, посредством которых конструируется процесс проникновения при онлайн-взаимодействии)

и в рамках традиционной сексуальной модели релевантности приписывается мужчине, пассивная роль закреплена за женщиной. В секстах, принадлежащих лесбийским партнерам, также присутствует аналогичное распределение ролей, однако активная и пассивная роли не являются закрепленными и меняются от одного эпизода коммуникации к другому, в отличие от секстов гетеросексуальных партнеров. Отсутствие данных, фиксирующих полоролевою вариативность партнеров в гетеросексуальном взаимодействии, может быть обусловлено недостаточным количеством примеров, в которых женщины занимали бы активную роль в ведении секстинга. Исследованное нами количество фрагментов переписок гей-пар представляется недостаточным для того, чтобы понять, как происходит распределение ролей между партнерами и насколько те вариативны в изменении своих полоролевых паттернов в зависимости от роли в каждом конкретном эпизоде сексуального онлайн-взаимодействия.

Упоминание одежды редко встречается в секстинге. Мы условно разделили все встретившиеся лексические единицы на те, которые указывают на (1) верхнюю и (2) нижнюю части нижнего белья, (3) верхнее

нательное белье (например, рубашка, футболка, свитер и т. д.), (4) предметы одежды, покрывающие нижнюю часть тела (например, шорты, брюки, джинсы). В случае с секстингом упоминание предметов гардероба может служить как для прямого возбуждения одного из партнеров, так и для создания сенсорной депривации, преодоление которой конструируется активным партнером как один из элементов сексуального взаимодействия: (1) одежда упоминается в качестве инструмента эротизации образа («Я сегодня в горячем платье»), (2) в качестве сюжетного элемента в нарративе, символизирующего переход от поддразниваний до непосредственного соконструирования сексуального взаимодействия («so, I pull your panties down, your shorts and your shirt somewhere in the floor»). В таких случаях вместе с лексикой

класса «одежда» используются лексические единицы, направленные на описание процесса раздевания. Они могут как просто указывать на то, что одежда была снята (*take off, pull down*), так и описывать резкий характер движений (*сорвать твои шмотки*).

Выявлено описание девятнадцати типов сенсорномоторных движений, направленных на конструирование сексуальной симуляции (см. табл. 4). Данные лексемы участвуют (1) в создании, поддержании и увеличении сексуального возбуждения обоих коммуникантов и также направлены на (2) отражение состояния возбуждения субъекта взаимодействия. Они также различаются по ритму и интенсивности движений, которые в секстинге, в отличие от реального секса, являются взаимозаменяемыми параметрами (см. табл. 5).

Таблица 4

Классификация сенсорномоторных движений в результате частотного анализа данных русскоязычного и англоязычного корпусов

Характер движений	Лексемы в секстах	Кол-во	Σ кол-во	Σ индекс
Круговой	circle	2	8	0,001100
	around	3		
	massage**	3		
Гладящий	stroking	2	14	0,001927
	caressing	1		
	move down*	1		
	massage**	3		
	ласкать	6		
	гладить	1		
Трущий	rub	6	9	0,001238
	massage**	3		
	вытирать	1		
Скользящий	slide	3	12	0,001651
	slip	2		
	massage**	3		
	lick	4		
	лизать	6		
Хлопающий	slam	1	7	0,000963
	slap	2		
	clap	1		
	шлепать	2		
	отшлепать	1		
Тянущий	pull	7	7	0,000963
	оттянуть	1		
Окутывающий	wrap	2	4	0,000550
	cuddle	2		
	обнять	3		
	обжиматься	1		
Сжимающий	grip	2	20	0,002752
	take*	12		
	clench	3		
	сжимать	2		
	впиться	1		
Удушающий	choke	2	5	0,000688
	grip	3		

Продолжение табл. 4

Характер движений	Лексемы в секстах	Кол-во	∑ кол-во	∑ индекс
Проникающий	move in	1	90	0,012384
	put	3		
	in	28		
	inside	6		
	eat out	3		
	start	8		
	go	2		
	pound	1		
	проникать	1		
	двигаться*	2		
	засовывать	4		
	вставлять	4		
	работать*	1		
	вводить	1		
	проталкивать	1		
	разработать	3		
	трахать	11		
	ебать	2		
	входить	2		
	пристраиваться	1		
	упираться	1		
	проткнуть	4		
Маркирующий	mark	1	67	0,009217
	trace	2		
	hickey	1		
	kiss	32		
	целовать	11		
	оставить засос	3		
	поцелуй	8		
	лизать	7		
	залить	2		
Ослабляющий	release	1	13	0,001788
	let	2		
	out	7		
	высовывать	3		
Захватывающий	grab	5	17	0,002339
	eat out	3		
	pin	1		
	nibble	1		
	трогать	1		
	дрочить	3		
	зажимать	1		
	покусывать	1		
	взять за	1		
Сдерживающий	tease	3	13	0,001788
	pin	1		
	grab	5		
	hold	2		
	зажимать	1		
Всасывающий (затягивающий)	suck	7	35	0,004814
	eat out	3		
	сосать	13		
	принимать	1		
	брать в рот	3		
	куни/минет	7		
	заглатывать	1		
Давящий	apply pressure	4	8	0,001100
	massage**	3		
	трогать	1		

Окончание табл. 4

Характер движений	Лексемы в секстах	Кол-во	Σ кол-во	Σ индекс
Касающийся	touch	7	81	0,011146
	kiss	32		
	lick	4		
	лизать	7		
	целовать	19		
	касаться	2		
	перекатывать	1		
	ласкать	7		
	прижать	1		
	лапать	1		
Освобождающий	take off, pull down	3	9	0,001238
	снять	6		
Рвущий	tear apart	1	3	0,000412
	рвать	2		

Таблица 5

Параметр интенсивности/ритма в секстинге по результатам частотного анализа данных русскоязычного и англоязычного корпусов

АНГЛОЯЗЫЧНЫЕ СЕКСТЫ					
Низкая интенсивность		Средняя интенсивность		Высокая интенсивность	
Лексема	Кол-во	Лексема	Кол-во	Лексема	Кол-во
slowly	7	touch	7	pin	1
softly	1	lick down	4	grab	5
gentle	3	tease	4	get harder	1
barely	1	slide	3	come hard	1
slow	2	take	12	flip over	1
gently	1	explore	1	clap	1
stroking	2	place	2	tear apart	1
apply some pressure	2	suck	7	hurt	2
lower	2	eat out	3	chocke	2
carefully	1	cuddling	2	force	1
caressing	1	slip	1	hard	15
care	2	slap	2	pain and plessure	4
tease	3	ride	4	ride hard	1
		give	8	rubbing	2
		cup	1	hard	2
		circle	2	rub	1
		massage	3	grip	2
		go	1	hickey	1
		hold	2	clench	3
		kiss	32		
		pin	1		
		mark	1		
trace	2				
		ride	5		
ИТОГО	28	ИТОГО	110	ИТОГО	47
ИНДЕКС	0.008191	ИНДЕКС	0.032185	ИНДЕКС	0.020187
РУССКОЯЗЫЧНЫЕ СЕКСТЫ					
ласкать	7	гладить	1	впиться	1
обнять	2	лизать	6	обжиматься	1
пристраиваться	1	шлепать	3	сжимать	2
покусывать	1	давить	1	трахать	11
прижать	1	проникать	1	ебать	3
покусывать	1	двигаться	1	проткнуть	1
медленно	4	работать	1	засос	3
мягкая	2	поцелуй	32	дрочить	3
нежно	6	трогать	1	лапать	1

Низкая интенсивность		Средняя интенсивность		Высокая интенсивность	
РУССКОЯЗЫЧНЫЕ СЕКСТЫ (продолжение)					
наслаждаться	4	куни/минет	7	рвать	2
залью	1	касаться	1	быстрее	7
постепенно	1	принимать	1	жестко	2
покорной	1	целовать	19	монстр	1
ждать	6	мастурбировать	1	зажать	1
погреть	3	заполнить	2	заламывать	1
		кончить	9	глубоко	1
				по самое горло	1
				давиться	1
				жадно	1
				заглатывать	2
				хуй	1
ИТОГО	41	ИТОГО	87	ИТОГО	48
ИНДЕКС	0.017926	ИНДЕКС	0.022603	ИНДЕКС	0.012470
ΣИНДЕКС	0.009492	ΣИНДЕКС	0.057636	ΣИНДЕКС	0.013069

Характер и интенсивность движения обусловлены, с одной стороны, знаниями о морфологическом строении (например, гениталий) и моторных функциях частей тела (движения рук), а также реальным сексуальным опытом говорящего (интенсивность фрикций, физиологические ощущения при разном виде сексуальных контактов), с другой — конструктом гетеронормативности (маскулинности), обеспечивающим определенный сценарий взаимодействия: в текстах гетеросексуальных партнеров или среди партнеров, демонстрировавших большую доминантность, присутствовало большее количество лексем, при помощи которых конструировался более агрессивный и интенсивный характер виртуального взаимодействия. Иными словами, процесс конструирования ритмообразующей активности («rhythm producing activity») традиционно приписывается мужчинам [Morse 215: 329—330; Safron 2016: 16—17]. При этом партнеры, симулирующие лесбийский половой акт, выбирали нейтральные или более мягкие лексемы для конструирования взаимодействия, что перекликается с данными в исследованиях авторов Blumstein, Schwartz и lasenza, предположивших, что партнерши-лесбиянки в реальном взаимодействии, вероятно, получают удовольствие от более чувственных действий [Blumstein, Schwartz 1983; lasenza 1991; lasenza 2002].

Субъект воздействия фиксирован также на реакция объекта: в секстах большое значение придается модуляции активности объекта, например, упоминанию изменений таких физиологических параметров, как температура тела (теплый/холодный), степень возбуждения (сухой/влажный). В целом данные параметры ориентированы на обозначение степени возбуждения объекта воздей-

ствия, несмотря на то что активность объекта воздействия в секстинге в большинстве случаев сведена к минимуму. Из классов реакций наибольшую частотность имеют класс звуков (0,073), класс сенсорных ощущений (0,062), класс аффекта (0,048).

Вероятно, существует общий сценарий, при помощи которого происходит конструирование виртуального сексуального взаимодействия в секстинге: субъект действия (1) указывает на участок тела, (2) описывает совершаемое над ним действие, (3) обозначает желаемую реакцию объекта и (4) фиксирует свои эмоции. При этом «движение» субъекта по телу объекта в большинстве случаев (в 204 фрагментах коммуникации) направлено сверху вниз и заканчивается в зоне гениталий.

5. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сексуальное взаимодействие в секстинге носит идеализированный характер: речь идет не о реальном взаимодействии, а об идеализированном представлении коммуникантов о половом акте. В целом результаты данного исследования показывают, что СОА не должна описываться как форма «псевдосекса» и сопоставляться с «реальным сексом»: коммуниканты переносят опыт реального взаимодействия в виртуальную реальность как вербальными, так и невербальными средствами, при этом категория телесности в секстинге является ключевой для описания сексуальной активности. В ходе данного исследования было установлено следующее:

1) в СОА гетеросексуальные партнеры действуют в рамках концепта гетеронормативности: проникающая и активная роль субъекта приписывается мужчине, в то время как женщины выполняют пассивную, на-

правляющую функцию. Иным образом строится взаимодействие в лесбийском секстинге, в котором закреплённость ролей между коммуникантами отсутствует, однако их распределение также зависит от того, кто из партнеров конструирует проникновение;

2) в секстинге уделяется внимание характеру и интенсивности движения; При этом ритмообразующие действия также закреплёны за активной ролью;

3) субъект действия фиксирован на предполагаемых реакциях объекта воздействия. Эти реакции указывают на подтверждение того, что объект воздействия получает сексуальное удовлетворение и находится в возбужденном состоянии. Таким образом, в секстинге содержатся лексические единицы, фиксированные на модуляции активности и посредством звуковой, сенсорной и аффективной симуляции;

4) Можно говорить о наличии общего сценария, при помощи которого происходит конструирование СОА: субъект действия (1) указывает участок тела, (2) описывает совершаемое над ним действие, (3) обозначает желаемую реакцию объекта, а также (4) вербализует свои эмоции. При этом «движение» субъекта по телу объекта в большинстве случаев (в 204 фрагментах коммуникации) направлено сверху вниз и заканчивается в зоне гениталий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Крейдлин Г. Е. Тело в диалоге: семиотическая концептуализация тела (итоги проекта). Часть 1: тело и другие соматические объекты // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии : по материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Бекасово, 26—30 мая 2010 г.). — М., 2010. Вып. 9 (16).

O. V. Zaitseva

Kutafin Moscow State Law University, Moscow, Russia

ORCID ID: 0000-0002-7695-6901

 E-mail: deyaldelwer@mail.ru.

Somatic Code in Sexting

ABSTRACT. *The paper considers the role of somatic code in the construction of sexual interaction in sexting. The social sciences dealing with sex, sexual interaction and communication determine sexting as an exchange of sexually explicit texts, images, GIF-files or videos via Web-based applications or SMS/MMS installed on smartphones, PC, laptops or tablets. Having analyzed the corpora of 500 sexts (which in this paper include both separate messages or a whole chat) the author singles out (1) the most frequently mentioned parts of the body of both the subject of the action and the target person, (2) the kinds and range of intensity of manipulation with the body, (3) the sound and sensory markers. Thus the aspect of corporality is characterized as the key concept constructing virtual reality of sexual interaction in sexting. As the result of the data obtained, the article identifies the gender-based roles and the sex role patterns associated with them.*

KEYWORDS: *sexual communication; pornography; virtual sex; sexting; gender; gender roles; sex role patterns.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Zaytseva Ol'ga Valer'evna, Senior Lecturer of Department of Foreign Languages, Kutafin Moscow State Law University, Moscow, Russia.*

FOR CITATION: *Zaytseva, O. V. Somatic Code in Sexting / O. V. Zaitseva // Political Linguistics. — 2019. — No 6 (77). — P. 171-181. — DOI 10.26170/pl19-06-22.*

2. Крейдлин Г. Е., Переверзева С. И. Признак «ориентация части тела» в семиотической картине мира // Слово — чистое веселье : сб. статей в честь А. Б. Пеньковского / А. М. Молдован (отв. ред.). — М., 2009.

3. Крейдлин Г. Е., Переверзева С. И. Семиотическая концептуализация тела и его частей: тело, части тела и телесность // Теоретические и прикладные аспекты современной филологии : материалы XV Всерос. филологических чтений имени проф. П. Т. Гриб (1928—1995). — Красноярск, 2010.

4. Blumstein P., Schwartz P. American couples: Money, work, sex. — New York : William Morrow, 1983.

5. Brody S. Vaginal orgasm is associated with better psychological function // Sexual and Relationship Therapy. 2007. No 22:2. P. 173—191.

6. Cooper A., McLoughlin I. P., Campbell K. M. Sexuality in Cyberspace: Update for the 21st Century // CyberPsychology & Behavior. 2000. No 3(4). P. 521—536.

7. Döring N. M. The Internet's impact on sexuality: A critical review of 15 years of research // Computers in Human Behavior. 2009. No 25(5). P. 1089—1101.

8. Döring N. M. Gewalt im Netz // Sexting, Cybermobbing & Co. / publisher: Bundesarbeitsgemeinschaft Kinder- und Jugendschutz e.V.; editors: Bundesarbeitsgemeinschaft Kinder- und Jugendschutz e.V., 2015. P. 15—43.

9. Iasenza S. Beyond 'lesbian bed death': the passion and play in lesbian relationships // Journal of Lesbian Studies. 2002. No 6 (1). P. 111—120.

10. Iasenza S. The relations among selected aspects of sexual orientation and sexual functioning in females // Dissertation Abstracts International / Ann Arbor. — University Microfilms International, 1991.

11. McKenna K. Y. A., Green A. S., Smith P. K. Demarginalizing the sexual self // Journal of Sex Research. 2011. No 38(4). P. 302—311.

12. Mykietiak C. The co-construction of cybersex narratives // Discourse & Society. 2015. No 26 (4). P. 464—479.

13. Morse N. E. Pornography in sex research: the construction of sex, gender, and sexual orientation // Porn Studies. 2015. No 2:4. P. 314—328.

14. Ouytsel van J., Walrave M., Van Gool E. Sexting: Between Thrill and Fear — How Schools Can Respond // The Clearing House: A Journal of Educational Strategies, Issues and Ideas. 2014. No 87 (5). P. 204—212.

15. Safron A. What is orgasm? A model of sexual trance and climax via rhythmic entrainment // Socioaffective Neuroscience & Psychology. 2016. No 6:1. P. 1—17.

REFERENCES

1. Kreydlin G. E. The Body in Dialogue: Semiotic Conceptualization of the Body (Project Results). Part 1: The Body and Other Somatic Objects // Computer Linguistics and Intelligent Technologies: based on the materials of the annual Intern. conf. "The Dialogue" (Bekasovo, May 26—30, 2010). — Moscow, 2010. Iss. 9 (16). [Telo v dialogue: semioticheskaya kontseptualizatsiya tela (itogi proekta). Chast' 1: telo i drugie somaticheskie ob"ekty // Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii : po materialam ezhegodnoy Mezhdunar. konf. «Dialog» (Bekasovo, 26—30 maya 2010 g.). — M., 2010. Vyp. 9 (16)]. — (In Rus.)
2. Kreydlin G. E., Pereverzeva S. I. The Sign "Orientation of a Part of the Body" in the Semiotic Picture of the World // WORD — Pure Fun : collection of articles in honor of A. B. Penkovsky / A. M. Moldovan (ed.). — Moscow, 2009. [Priznak «orientatsiya chasti tela» v semioticheskoy kartine mira // Slovo — chistoe vesel'e : sb. statey v chest' A. B. Penkovskogo / A. M. Moldovan (otv. red.). — M., 2009]. — (In Rus.)
3. Kreydlin G. E., Pereverzeva S. I. Semiotic Conceptualization of the Body and its Parts: Body, Body Parts and Corporeality // Theoretical and Applied Aspects of Modern Philology: Materials of XV All-Russian Philological Readings Named after prof. R. T. Grib (1928—1995). — Krasnoyarsk, 2010. [Semioticheskaya kontseptualizatsiya tela i ego chastey: telo, chasti tela i telesnost' // Teoreticheskie i prikladnye aspekty sovremennoy filologii : materialy XV Vseros. filologicheskikh chteniy imeni prof. R. T. Grib (1928—1995). — Krasnoyarsk, 2010]. — (In Rus.)
4. Blumstein P., Schwartz P. American couples: Money, work, sex. — New York : William Morrow, 1983.
5. Brody S. Vaginal orgasm is associated with better psychological function // Sexual and Relationship Therapy. 2007. No 22:2. P. 173—191.
6. Cooper A., McLoughlin I. P., Campbell K. M. Sexuality in Cyberspace: Update for the 21st Century // CyberPsychology & Behavior. 2000. No 3(4). P. 521—536.
7. Döring N. M. The Internet's impact on sexuality: A critical review of 15years of research // Computers in Human Behavior. 2009. No 25(5). P. 1089—1101.
8. Döring N. M. Gewalt im Netz // Sexting, Cybermobbing & Co. / publisher: Bundesarbeitsgemeinschaft Kinder- und Jugendschutz e.V. ; editors: Bundesarbeitsgemeinschaft Kinder- und Jugendschutz e.V., 2015. P. 15—43.
9. Iasenza S. Beyond 'lesbian bed death': the passion and play in lesbian relationships // Journal of Lesbian Studies. 2002. No 6 (1). P. 111—120.
10. Iasenza S. The relations among selected aspects of sexual orientation and sexual functioning in females // Dissertation Abstracts International / Ann Arbor. — University Microfilms International, 1991.
11. McKenna K. Y. A., Green A. S., Smith P. K. Demarginalizing the sexual self // Journal of Sex Research. 2011. No 38(4). P. 302—311.
12. Myketiak C. The co-construction of cybersex narratives // Discourse & Society. 2015. No 26 (4). P. 464—479.
13. Morse N. E. Pornography in sex research: the construction of sex, gender, and sexual orientation // Porn Studies. 2015. No 2:4. P. 314—328.
14. Ouytsel van J., Walrave M., Van Gool E. Sexting: Between Thrill and Fear — How Schools Can Respond // The Clearing House: A Journal of Educational Strategies, Issues and Ideas. 2014. No 87 (5). P. 204—212.
15. Safron A. What is orgasm? A model of sexual trance and climax via rhythmic entrainment // Socioaffective Neuroscience & Psychology. 2016. No 6:1. P. 1—17.

О. В. Зуга

Удмуртский государственный университет, Ижевск, Россия
ORCID ID: 0000-0002-2675-4818

 E-mail: ozuga@rambler.ru.

Особенности реализации речевого акта *отказа* в конфликтном тексте

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена исследованию речевого акта отказа в юрислингвистическом аспекте. Материалом для анализа послужил диалог водителя с инспектором дорожно-патрульной службы. В протоколе задержания инспектор ДПС зафиксировал отказ водителя от прохождения медицинского освидетельствования на состояние алкогольного опьянения. Однако позднее нарушитель правил дорожного движения сообщил сотрудникам полиции, что не отказывался от прохождения медицинского освидетельствования. В ходе лингвистического исследования диалога были выявлены эксплицитные и имплицитные формы речевого акта отказа от прохождения медицинского освидетельствования на состояние алкогольного опьянения. Актуальным в рамках юрислингвистического исследования оказывается анализ имплицитных форм выражения отказа в конфликтном дискурсе. Имплицитное содержание отказа обнаруживается лишь в непосредственном речевом общении, поскольку в семантике изолированного высказывания его обнаружить невозможно.

Индикатором коммуникативных намерений собеседников являются реализуемые ими речевые стратегии и тактики. В результате исследования диалога между водителем и инспектором ДПС были выявлены следующие тактики, актуализирующие имплицитный речевой акт отказа: вопросительные высказывания, уклонение от ответа (неопределенный ответ), отказ-псевдосогласие, заверение, переадресация. Выявленные способы выражения имплицитного отказа позволяют говорящему уйти от прямого ответа, скрыть, завуалировать отказ с целью ухода от ответственности; снять с себя ответственность за произнесенное, поскольку слушающий сам делает заключение об истинном коммуникативном намерении говорящего.

Результаты исследования могут быть полезны студентам-филологам при изучении дисциплин, направленных на формирование умений и навыков проведения лингвистической экспертизы.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: речевые акты; отказы; имплицитные формы выражения; конфликтные тексты; лингвистические экспертизы; дорожно-патрульная служба.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Зуга Оксана Владимировна, кандидат филологических наук, доцент, доцент, кафедра русского языка, теоретической и прикладной лингвистики, Удмуртский государственный университет; 426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1; e-mail: ozuga@rambler.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Зуга, О. В. Особенности реализации речевого акта *отказа* в конфликтном тексте / О. В. Зуга // Политическая лингвистика. — 2019. — № 6 (78). — С. 182-188. — DOI 10.26170/pl19-06-23.

Материалы были представлены в рамках Международной научной конференции по политической коммуникации «Лингвополитическая персонология: дискурсивный поворот» (проведена 29—30 ноября 2019 года на базе Уральского государственного педагогического университета).

Исследованию речевого акта отказа посвящены работы ряда современных лингвистов: семантико-прагматический и когнитивный анализ высказываний-отказов представлен в диссертации О. В. Бычихиной; Т. В. Нестеровой описаны манипулятивные реализации интенции отказа, направленные на сохранение кооперации в общении; С. О. Симоновой рассмотрены коммуникативно-когнитивные особенности выражения косвенных и имплицитных речевых актов отказа в диалогическом дискурсе; на материале современных драматических произведений Я. В. Боргер проведен комплексный анализ речевых актов негативной реакции, в частности отказа; принципы идентификации речевых актов негативной реакции представлены в статьях Н. Б. Ершовой и др.

Отказ наряду с запретом и несогласием относится к речевым актам негативной реакции, то есть тем, которые воспринимаются как речевое действие, выражающее отрицательное отношение к высказыванию собеседника, представляющее собой информативное, оценочное или императивное высказывание и имеющее в речи определенное воплощение [Ершова 2011: 297]. Аналогично отказ описан и в работах других исследователей:

отказ — речевой жанр, при котором в ответ на реплику-стимул (выраженную вербально или невербально, прямо или косвенно), содержащую волеизъявление, говорящий субъект отвечает отрицанием, причем делает это вербально (прямо или косвенно), привлекая по возможности для выражения речевого акта арсенал невербальных спосо-

бов (жесты, мимику, интонацию и др.) [Бычихина 2004: 9];

отказ — 1) речевое действие, которое содержит негативную реакцию (несогласие, отрицание) на просьбу, требование, приказ, флирт, предложение (в том числе предложение «руки и сердца»), совет (непрощеный); 2) речевое действие, при котором говорящий субъект заявляет о своем отказе от услуг других лиц, от самих лиц, а также от каких-либо замыслов, намерений; от дальнейшего совершения действий, поступков; от каких-либо предметов; от своих слов, ранее рассматривавшихся им как приемлемые, а в настоящий момент — нет [Нестерова 2010: 59];

отказ — 1) отрицательный ответ на просьбу/требование; 2) отсутствие согласия на что-либо, выражение несогласия, отклонение от себя чего-либо, отречение от чего-либо [Потапова, Комалова 2017: 22].

Согласно [Боргер 2004: 76], универсальная модель речевого акта *отказа* выглядит следующим образом:

(1) В просит или требует, чтобы А совершил или прекратил Р.

(2) А не имеет возможности или желания совершать или прекращать Р.

(3) А говорит В, что не будет делать Р,

где А — говорящий (автор негативной реплики-реакции), В — собеседник, Р — определенное действие (цифрами обозначены шаги-действия коммуникантов, происходящие в указанной очередности).

Речевой акт отказа реализуется в прагматических парах: *приказ* — *отказ*; *просьба* — *отказ*; *предложение* — *отказ*; *совет* — *отказ*. Реплика-стимул может быть повествовательной, побудительной и вопросительной. Частотны вопросительные стимулы, так как косвенный способ выражения просьбы является менее категоричным [Боргер 2004: 38].

Наиболее распространенными грамматическими и лексическими средствами выражения эксплицитного отрицания являются отрицательные частицы *не* и *ни*, лексемы с отрицательными префиксами *не-*, *без-* (*бес-*), *анти-*, отрицательные глаголы, отрицательные местоимения, отрицательные наречия и коммуникативы *нет* и *нельзя*. Конструкции с модальным глаголом *мочь* выражают отказ, связанный с невозможностью совершения действия говорящим. Еще один тип конструкций отказа включает в себя модальный глагол *хотеть* (см. об этом, например, в [Боргер 2004: 40—41, 83, 85, 86; Симонова 2011: 19, 70]).

В рамках проведения лингвистической экспертизы актуальным оказывается вопрос о наличии в спорном тексте имплицитных

форм речевого акта отказа, «содержание которых выявляется на основе дополнительного осмысления значения слов и выражений, входящих в высказывание, с учетом всего контекста и ситуации употребления этого высказывания» [Стернин 2001: 10]. Имплицитное выражение отрицания во многих случаях не имеет формальных средств выражения в синтаксической структуре предложения, то есть план содержания не совпадает с планом выражения.

Целью данной работы является анализ способов реализации речевого акта отказа в конфликтном тексте. Объектом исследования послужил диалог водителя с инспектором дорожно-патрульной службы.

Согласно материалам дела, М2 однажды уже был признан виновным в совершении правонарушения, связанного с управлением транспортным средством в состоянии алкогольного опьянения. Ему было назначено наказание в виде одного года условного осуждения с лишением права заниматься деятельностью, связанной с управлением транспортными средствами, сроком на три года. Не имея права управлять транспортным средством, М2 управлял автомобилем, был задержан сотрудниками полиции с признаками алкогольного опьянения (запах изо рта). Сотрудники ДПС доставили нарушителя в отделение полиции. В протоколе задержания инспектор ДПС зафиксировал отказ М2 от прохождения медицинского освидетельствования на состояние опьянения. Однако позднее М2 сообщил сотрудникам полиции, что не отказывался от указанной процедуры.

Лингвистический анализ спорного диалога, на наш взгляд, позволил ответить на вопрос сотрудников полиции о том, содержит ли диалог М2 и М1, зафиксированный на видеофайле, отказ М2 от прохождения освидетельствования для установления факта алкогольного опьянения.

Коммуникативная ситуация, представленная в анализируемом диалоге, характеризуется следующим образом. Участниками общения являются коммуниканты М1 и М2. Позиции партнеров по общению обусловлены сферой официально-деловой коммуникации, которая, в отличие от частного общения, ограничена строгими правилами взаимного поведения. Согласно копии протокола осмотра предметов (документов) и фоноскопическому исследованию, М1 — инспектор ДПС (М1 — Пятнадцатое декабря две тысячи восемнадцатого года. Запись производит инспектор ДПС лейтенант полиции...). Вторым участником коммуникации (М2) является водитель остановленного автомобиля. Диалог коммуникантов отражает коммуника-

тивное событие устного контактного (при дистантном собеседники разделены временем и расстоянием) непосредственного (при опосредованном передача информации происходит по радио, телевидению, телефону и т. д.) общения, в котором М1 и М2 вербально путем смены коммуникативных ролей говорящего и слушающего с помощью определенных стратегий и тактик стремятся к достижению желаемых результатов.

Анализируемый спорный текст нельзя назвать диалогом «согласия» (кооперативным общением), предназначенным для выражения реакции адресата на предложенное сотрудничество с определенной положительной оценкой, которая может распространяться как на сам факт предложения о сотрудничестве, так и на тематическое содержание акта взаимодействия. Разговор М1 и М2 — диалог «несогласия» (конфликтный): оценки текущей ситуации находятся в противоречии, поэтому он строится в тональности разногласия, конфликта, к чему приводит эксплицитно выраженный прямой отказ М2 от вступления в акт коммуникации (*Я не хочу с Вами разговаривать. На каком основании я должен с Вами разговаривать?; Я не хочу с вами вообще разговаривать; Я не знаю*). Конфликтная ситуация — столкновение двух сторон в связи с несоответствием целей, интересов, взглядов, в результате которого одна из сторон (М2) действует в ущерб другой (М1), а вторая сторона (М1) предпринимает ответные действия (вновь и вновь следует предложение пройти освидетельствование на состояние алкогольного опьянения).

Ярким индикатором коммуникативных намерений собеседников являются реализуемые ими речевые стратегии и тактики. Основываясь на результатах проведенного лингвистического анализа диалога М1 и М2, можно говорить об активном применении коммуникантом М2 нескольких речевых тактик.

В качестве основной тактики М2 использует **вопросительные высказывания** (здесь и далее при цитировании установленного текста спорной фонограммы сохранены условные обозначения (атрибуция реплик участников разговоров, орфография, пунктуация и проч.), принятые в фоноскопическом исследовании. Курсивом выделены концептуально значимые слова и словосочетания, на которых акцентируется внимание при анализе. Имена собственные изменены):

М1 — Я говорю, пройти освидетельствование согласны на состояние алкогольного опьянения через наш прибор.

М2 — *Сейчас, подождите маленько. За что? Я Вам что-то нарушил или что?*

М1 — От Вас исходит запах алкоголя.

М2 — *Нет, я вам что-то нарушил что ли?*

М1 — От Вас исходит запах алкоголя.

М2 — *Вы что-то мне можете предьявить?*

М1 — Да, Вы управляли автомобилем.

М2 — *Каким автомобилем?*

М1 — ВАЗ двадцать один ноль девяносто девять...

М1 — Согласны? Или отказываетесь?

М2 — На этом и закончим разговоры.

М1 — Согласны или отказываетесь, говорю?

М2 — *За что?*

М1 — Что за что?

М2 — Я сижу с человеком вообще разговариваю. С участковым.

М1 — Я вам предложил пройти освидетельствование на состояние алкогольного опьянения через наш прибор, Вы,

М2 — *За что?*

М1 — Вы не-, Вы отказались.

М2 — *За что?*

М1 — Пройти медицинское освидетельствование согласны?

М2 — *Я хочу знать, за что?*

М1 — Пройти медицинское освид-

М2 — *За что?*

М1 — За управление автомобилем! (Ч-)

М2 — *Каким автомобилем? Где, за-за каким автомобилем?*

М1 — ВАЗ двадцать один, ноль один, девяносто девять. Согласны пройти?

М2 — Я нахожусь вообще в кабинете.

М1 — Согласны пройти? Либо да, либо нет.

М2 — Я хочу Вам сказать,

М1 — Согласны или отказываетесь?

М2 — *отдыхайте. Вот.*

М1 — Значит, это будет расцениваться как факт от-, от-, от-, отказа.

М2 — *Мне по фигу, как будет у тебя расцениваться. ...*

М2 задает вопросы с целью узнать причину, по которой он должен пройти освидетельствование. Повтором вопросительных высказываний он показывает, что «не понимает», о чем говорит его собеседник (М1), тем самым, возможно, хочет выиграть время для обдумывания, размышления.

Самый частотный вопрос М2 «за что?» получает в контексте диалога значение «не за что», «не нужно этого делать», указывает на ненужность, бесцельность просьбы М1 (пройти освидетельствование) в связи с тем, что, по утверждению М2, он не имеет отношения к управлению автомобилем: *Каким автомобилем? Где, за-за каким автомобилем?; Я нахожусь вообще в кабинете; Вы меня поймали за рулем?; Нет, я вам что-то нарушил что ли?* и т. д. Вопросительные

конструкции в данном случае содержат в себе дополнительные прагматические оттенки возражения и возмущения, а в последнем примере еще и пренебрежения, о чем свидетельствует глагол *отдыхать* в форме повелительного наклонения — *отдыхайте*.

Отдыхайте — «в значении междометия. Пренебрежительно. Уходи прочь, прекрати, можешь быть свободным. Обычно издевательским тоном. (≈ Отстань!...) [Химик 2017, т. 2: 41]; «уходи, будь свободен, пошёл вон, ты меня не интересуешь, мне до тебя нет дела [Елистратов 2010: 267].

M2 уклоняется от прямого ответа. Его реплики содержат такой ответ на поставленный вопрос, что собеседник не может точно определить, отказали ему или нет:

M1 — Я говорю, будете проходить или нет? Иван Сергеевич, я с Вами общаюсь.

M2 — Я сейчас Вам еще раз объясняю. *Я что? Меня за рулем поймали или что?*

M1 — Ну Вы так и скажите, либо будете продувать, либо нет наш прибор. Или отказываетесь. Вам задали.

M2 — Если я не за рулем, я сижу вот с-с-,

M1 — Вам задали конкретный вопрос.

M2 — Я вам конкретный вопрос говорю, что я нахожусь здесь с участковым, Вы мне предъявляете какую-то фигню.

Как видим, отказ не формулируется, а только выводится слушателем из ситуации:

M1 — Ну так и говорите, что тогда отказываюсь.

M2 — *Я не буду ни отказываться, ни подтверждать (ни)*, что я сижу вот сейчас разговариваю с другим человеком.

И далее:

M1 — Значит, это будет расцениваться как факт отказа.

M2 — *Мне по фигу, как будет у тебя расцениваться. ...*

По фигу — всё равно, наплевать, нет дела [Елистратов 2010: 317]; Пофиг — Сниженное. Грубое. Всё равно, абсолютно безразлично. (≈ Наплевать) [Химик 2017, т. 2: 158].

Согласно [Симонова 2011: 124], **уклончивый ответ**, являющийся одновременно **неопределенным ответом**, является тактикой имплицитного выражения отказа.

Некоторые фрагменты диалога на вербальном уровне формально выглядят как **согласие** с волеизъявлением говорящего:

M1 — Вы говорите: либо да, либо нет.

M2 — *Да*, я хочу сейчас а-, а-, от Вас слышать,

M1 — Согласн-, согласн-, согласны или н-

M2 — *Вы мне сейчас за что? Вы меня поймали за рулем?*

M1 — Вы с-, да, мы Вас поймали за рулем.

M1 — Будете проходить освидетельствование или нет?

M2 — *Щ-, сейчас, жди. Пройдем.*

M1 — А?

M2 — *Сейчас пройдем освидетельствования все.*

M1 — Я говорю, будете проходить или нет? Иван Сергеевич, я с Вами общаюсь.

M2 — Я сейчас Вам еще раз объясняю. Я что? Меня за рулем поймали или что?

(Согласно видеозаписи, в это время M2 производит какие-то действия с мобильным телефоном: возможно, ищет диктофон.)

M1 — Я Вам уже три или четыре раза предложил, я буду расценивать это как факт, факт отказа.

M2 — Это расценивайте сами как хотите. Но я *не отказываюсь ничё*. Я сижу просто разговариваю, меня никто не ловил.

Коммуникант (M2) не говорит *нет*, но решение вопроса затягивает до такой степени, что M1 вынужден вновь повторить вопрос (M1 — *Я говорю, будете проходить или нет?*), а M2 снова возвращается к тактике уклончивого ответа в форме вопросительного высказывания (M2 — *Я сейчас Вам еще раз объясняю. Я что? Меня за рулем поймали или что?*). При этом M1, очевидно, не исключая ситуацию непонимания, использует различные варианты вопроса (*Согласны или отказываетесь?*; *Ну Вы так и скажите, либо будете продувать, либо нет наш прибор. Или отказываетесь. Вам задали конкретный вопрос; Вы говорите: либо да, либо нет; Будете проходить освидетельствование или нет?*), что позволяет ему донести до слушающего нужную информацию и облегчить ее восприятие (см. об этом, например: [Маркова 2016: 116]). Такую форму поведения согласно [Нестерова 2010: 62] можно назвать **отказом-псевдосогласием**. Она позволяет отказывающему выиграть для себя время и удобна тем, что, с одной стороны, адресату (M1) не отказывают, а с другой — отказывающий (M2) надеется на то, что повторной просьбы со стороны коммуниканта не последует.

Следующий фрагмент диалога сопровождается **заверением** (обнадеживающее заявление; уверение, утверждение) коммуниканта совершить действие через некоторое время:

M1 — Пр-, пройти освидетельствование на состояние алкогольного опьянения согласны через наш прибор? Иван Сергеевич?

M2 — *Сейчас, подожди-ка, маленько.*

M1 — Я сейчас с Вами общаюсь.

M2 — *Пять секунд.*

M1 — Пройти освидетельствование на состояние алкогольного опьянения согласны? Или отказываетесь? Иван Сергеевич!

M2 — *Сейчас, подожди ... Пять секунд подождите. Пять секунд.*

M1 — Давайте, Вы потом, сейчас давайте закончим.

M2 — Нет. Вот сейчас,

Тактика заверения реализована использованием наречия *сейчас* (сейчас — в самом скором времени, скоро (о предстоящем действии, событии) [Большой толковый словарь]) в сочетании с глаголом в повелительном наклонении *подожди*. M2 предлагает подождать *пять секунд; маленько*. Но, как видно из дальнейшего диалога, заверение не выполняется, оно лишь способ выиграть время.

Переадресация побуждения автору иницирующей реплики является еще одной тактикой выражения имплицитного отказа: не я, а ты должен выполнить действие. Переадресация реплики-стимула содержит встречное волеизъявление, переориентацию предиката инициальной реплики на другое лицо-участника (M1) коммуникации (M2 — *А может сами пройдете? На наркоту*):

M1 — В больницу поедете проходить освидетельствование?

M2 — *За что?*

M1 — Я Вас спрашиваю, проходить освидетельствование. Что Вы мне какие-то,

M2 — *А может сами пройдете? На наркоту.*

M1 — Глу-, глупые вопросы, а, глупые вопросы задаете.

M2 — А?

M1 — В любое время дня и ночи.

Далее M2, уклоняясь от ответа на неприятный вопрос, принимает активную позицию упрекающего: начинает обвинять M1 и нападать на него, характеризуя происходящее с помощью сниженного глагола *делать* (*меня здесь делают*), который имеет следующее значение: одолевать, одерживать верх в чем-либо, побеждать в состязании [Химик 2017, т. 1: 186; Елистратов 2010: 101], и существительного *давление* (давление — средство насильственного воздействия на кого-либо; нажим, принуждение. *Экономическое, политическое, моральное, психологическое давление* [Большой толковый словарь]). Такого рода реплики можно считать своего рода манипулятивной «вербальной атакой» [Нестерова 2010: 61]:

M1 — Пройти медицинское освидетельствование согласны или отказываетесь?

M2 — *Меня короче здесь делают,*

M1 — Иван Сергеевич, я еще раз Вас спрашиваю, Вы согласны,

M2 — д-д-давление с-сами поймите. Тут со-, создает давление этот человек, который меня сейчас.

Эксплицитное выражение отказа (нейтрального отрицания) от прохождения освидетельствования для установления факта алкогольного опьянения выражено в диалоге с помощью коммуникатива *нет*, то есть намерение говорящего представлено прямо и недвусмысленно, поэтому не требуется глубокой интерпретации высказывания: *нет* = равно перформативу *я отказываюсь*:

M1 — Согласны пройти наш,

M2 — *Нет.*

M1 — Нет? Отказываетесь?

M2 — Я не отказываюсь, потому что я не ехал никуда. Машина стояла. Машина стояла, у-

M1 — Еще, еще раз я Вам предлагаю пройти освидетельствование,

В остальных фрагментах отказ вновь вербально не выражен, но о его наличии свидетельствуют реплики M2, содержащие указание на причины отказа: *потому что я не ехал никуда; Машина стояла, Вы мне сейчас за что? Вы меня поймали за рулем?, я сейчас сижу в кабинете, Вы сейчас находитесь в кабинете у участкового и мне сейчас предлагаете такие вещи; Я сижу просто разговариваю, меня никто не ловил*:

M1 — Проходить освидетельствование на состояние алкогольного опьянения будете?

M2 — Да и хотя бы употреблял, дак это Вам что? *Я не за рулем ведь.*

(14)

M1 — Нет? Отказываетесь?

M2 — *Я не отказываюсь, потому что я не ехал никуда. Машина стояла. Машина стояла, у-*

M1 — Еще, еще раз я Вам предлагаю пройти освидетельствование,

M2 — Я вам,

M1 — Вы согласны или отказываетесь?

M2 — Я Вам еще раз говорю, *я сейчас сижу в кабинете*, Вы сейчас находитесь в кабинете у участкового и мне сейчас предлагаете такие вещи. Вы мне, вы м-

И далее:

M1 — Согласны пройти освидетельствование или отказываетесь?

M2 — *Потому что я не был за рулем,*

M1 — Я спрашиваю Вас, согласны или,

M2 — Я еще раз говорю,

M1 — Ну так и говорите, что тогда отказываюсь.

M2 — Я не буду не отказываться, не подтверждать (не), что *я сижу вот сейчас разговариваю,*

M1 — Ну значит я,

M2 — с другим человеком.

(16)

M1 — Я Вам уже три или четыре раза предложил,

M2 — Я-я,
M1 — я буду расценивать это как факт,
факт отказа.

M2 — Я больше. Это расценивайте сами как хотите. Но я не отказываюсь ничё. Я *симу просто разговариваю, меня никто не ловил*.

Сопоставление компонентов исследуемого диалога с ключевыми компонентами речевого акта *отказа* позволяет прийти к выводу о полном их совпадении:

(1) M1 предлагает M2 пройти освидетельствование для установления факта алкогольного опьянения;

(2) M2 не имеет желания пройти освидетельствование для установления факта алкогольного опьянения;

(3) M2 в имплицитной форме говорит M1, что не будет проходить освидетельствование для установления факта алкогольного опьянения.

Как отмечалось, M2 уже был осужден за управление автомобилем в состоянии алкогольного опьянения. Очевидно, M2 осознает противоправность своего поведения и знает, что за повторное правонарушение наступает более серьезное наказание. Кроме того, M2 видит, что их диалог с инспектором ДПС записывается на видеорекамеру. Возможно, именно поэтому прямое выражение соответствующих коммуникативных намерений (отказ от прохождения медицинского освидетельствования) всячески избегается.

В то же время анализ речевого поведения M2 позволяет лингвисту прийти к выводу о том, диалог M2 и инспектора ДПС (M1), зафиксированный на видеорекамере, содержит отказ M2 от прохождения освидетельствования для установления факта алкогольного опьянения. В ходе лингвистического исследования были выявлены следующие тактики, актуализирующие имплицитный речевой акт отказа: вопросительные высказывания, уклонение от ответа (неопределенный ответ), отказ-псевдосогласие, заверение, переадресация. Эксплицитный речевой акт отказа представлен с помощью коммуникатива *нет*. Выявленные способы выражения имплицитного отказа являются стратегически

необходимыми и наиболее удобными для говорящего уйти от прямого ответа, скрыть, завуалировать свои истинные коммуникативные намерения. Кроме того, формулируя отказ имплицитно, говорящий снимает с себя ответственность за свои слова, поскольку слушающий сам делает заключение об истинном коммуникативном намерении говорящего.

ЛИТЕРАТУРА

1. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. — Текст : электронный // Справочно-информационный портал Грамота.ру — русский язык для всех. URL: <http://gramota.ru/> (дата обращения: 09.11.2019).
2. Боргер Я. В. Комплексный анализ речевых актов негативной реакции (на материале современных драматических произведений) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 — Русский язык. — Тюмень, 2004. 173 с.
3. Бычихина О. В. Высказывания со значением отказа: семантико-прагматический и семантический аспекты : автореф. ... канд. филол. наук : 10.02.01 — Русский язык. — Барнаул, 2004. 21 с.
4. Елистратов В. С. Толковый словарь русского сленга. — М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2010. 672 с.
5. Ершова Н. Б. Особенности функционирования речевых актов негативной реакции // Социально-экономические явления и процессы. 2011. № 5—6 (027—028). С. 296—299.
6. Маркова В. А. Вариативный повтор как средство преодоления коммуникативной неудачи в устной диалогической речи // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 5 (59). В 3 ч. Ч. 3. С. 114—118.
7. Нестерова Т. В. Манипулятивные реализации интенции отказа в обиходном общении русских // Русский язык за рубежом. 2010. № 2. С. 57—65.
8. Объяснительный словарь русского языка: структурные слова: предлоги, союзы, частицы, междометия, вводные слова, местоимения, числительные, связочные глаголы / под ред. В. В. Морковкина. — М. : Астрель : АСТ, 2003. 421 с.
9. Перервина Н. В. Структурные особенности речевых актов согласия (на материале романа У. С. Моэма «Театр») // Молодой ученый. 2016. №6. С. 920—923. URL: <https://moluch.ru/archive/110/26915/> (дата обращения: 25.11.2019).
10. Потапова Р. К., Комалова Л. Р. Вербальная структура коммуникативного акта агрессии: тематический толковый словарь / РАН ИНИОН. Центр гуманитар. научн.-информ. исслед. отд. языкознания. — М., 2017. Вып. 2. 124 с.
11. Симонова С. О. Коммуникативно-когнитивные особенности выражения косвенных и имплицитных речевых актов отказа в диалогическом дискурсе : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 — Теория языка. — Тамбов, 2011. 207 с.
12. Стернин И. А. Анализ скрытых смыслов в тексте. — Воронеж, 2011. 66 с.
13. Трофимова Н. А. Экспрессивные речевые акты в диалогическом дискурсе. Семантический, прагматический, грамматический анализ : моногр. — СПб., 2008. 376 с.
14. Химик В. В. Толковый словарь русской разговорно-обиходной речи : в 2 т. — М. : Златоуст, 2017.

O. V. Zuga

Udmurt State University, Izhevsk, Russia

ORCID ID: 0000-0002-2675-4818

✉ E-mail: ozuga@rambler.ru.

Special Aspects of Realization of the Speech Act of *refusal* in Conflictual Text

ABSTRACT. The article deals with investigation of the speech act of refusal in juridical linguistic aspect. A dialogue between the driver and the highway patrolman was used as material for analysis. The highway patrolman registered in the protocol of detention the refusal of the driver to undergo medical check-up for alcohol intoxication. However, later the traffic

violator informed police officers that he had not refused to undergo the medical check-up. In the course of linguistic expertise of the dialogue, explicit and implicit forms of the speech act of refusal to undergo medical check-up for alcohol intoxication were revealed. The analysis of implicit forms of expression of refusal in conflictual text is urgent within the framework of juridical linguistic discourse. The implicit content of refusal can be revealed in live communication only, as it is impossible to single it out in the semantics of an isolated expression.

The indicators of the communicative intentions of the interlocutors include the strategies and tactics realized by them. As a result of the study of the dialogue between the driver and the highway patrolman, the following tactics actualizing the implicit speech act of refusal have been revealed: interrogative utterances, evasion from answering (evasive answer), refusal-pseudoconsent, assurance, and redirection. The ways of expression of implicit refusal revealed help the speaker to avoid a direct answer, to hide and veil the refusal with the aim of withdrawal from responsibility, and to decline all responsibility for the pronounced, as the listener makes a conclusion about the real communicative intention of the speaker on their own.

The results of this study could be useful for students of philology in their acquisition of the disciplines oriented towards the formation of the habits and skills of forensic linguistic expertise.

KEYWORDS: speech acts; refusals; implicit forms of expression; conflictual texts; linguistic expertise; highway patrol.

AUTHOR'S INFORMATION: Zuga Oksana Vladimirovna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Russian and Theoretical and Applied Linguistics, Udmurt State University, Izhevsk, Russia.

FOR CITATION: Zuga, O. V. Special Aspects of Realization of the Speech Act of refusal in Conflictual Text / O. V. Zuga // Political Linguistics. — 2019. — No 6 (78). — P. 182-188. — DOI 10.26170/pl19-06-23.

REFERENCES

1. The large explanatory dictionary of the Russian language / Ch. ed. S. A. Kuznetsov. — Text : electronic // Reference and information portal GRAMOTA.RU — Russian language for everyone. URL: <http://gramota.ru/> (date of access: 11/09/2019). [Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo yazyka / gl. red. S. A. Kuznetsov // Spravochno-informacionnyj portal GRAMOTA.RU — russkij yazyk dlya vseh]. — (In Rus.)
2. Borger Y. V. Comprehensive analysis of speech acts of a negative reaction (On the material of modern dramatic works) : thesis ... cand. of philol. sciences : 10.02.01 — Russian language. — Tyumen, 2004. 173 p. [Kompleksnyj analiz rechevyh aktov negativnoj reakcii (Na materiale sovremennyh dramaticheskikh proizvedenij). Dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.01 — russkij yazyk. Tyumen', 2004. 173 s.]. — (In Rus.)
3. Bychikhina O. V. Statements with the meaning of refusal: semantic-pragmatic and semantic aspects : Abstract. ... cand. of philol. sciences : 10.02.01 — Russian language. — Barnaul, 2004. 21 p. [Vyskazyvaniya so znacheniem otkaza: semantiko-pragmaticheskij i semanticheskij aspekty. Avtoref. ... kand. filol. nauk: 10.02.01 — russkij yazyk. Barnaul, 2004. 21 s.]. — (In Rus.)
4. Elistratov V. S. Explanatory dictionary of Russian slang. — Moscow : AST-PRESS BOOK, 2010. 672 p. [Tolkovyj slovar' russkogo slenga. M.: AST-PRESS KNIGA, 2010. 672 s.]. — (In Rus.)
5. Ershova N. B. Features of the functioning of speech acts of negative reaction // Socio-economic phenomena and processes. 2011. No. 5—6 (027—028). P. 296—299. [Osobennosti funkcionirovaniya rechevyh aktov negativnoj reakcii // Social'no-ekonomicheskie yavleniya i processy. 2011. № 5—6 (027—028). S. 296—299]. — (In Rus.)
6. Markova V. A. Variable repetition as a means of overcoming communicative failure in oral dialogical speech // Philological Sciences. Questions of theory and practice. 2016. No. 5 (59): in the 3rd part. Part 3. P. 114—118. [Variativnyj povtor kak sredstvo preodoleniya kommunikativnoj neudachi v ustnoj dialogicheskoj rechi // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2016. № 5(59): v 3-h ch. CH. 3. S. 114—118]. — (In Rus.)
7. Nesterova T. V. Manipulative realization of the intention of refusal in everyday communication of Russians // Russian language abroad. 2010. No. 2. P. 57—65. [Manipulyativnye realizacii intencii otkaza v obihodnom obshchenii russkikh // Russkij yazyk za rubezhom. 2010. № 2. S. 57—65]. — (In Rus.)
8. Explanatory dictionary of the Russian language: Structural words: prepositions, conjunctions, particles, interjections, introductory words, pronouns, numerals, connected verbs / ed. V. V. Morkovkin. — Moscow : Astrel Publishing House LLC : AST Publishing House LLC, 2003. 421 p. [Ob'yasnitel'nyj slovar' russkogo yazyka: Strukturnye slova: predlogi, soyuzy, chasticy, mezhdometiya, vvodnye slova, mestoimeniya, chislitel'nye, svyazochnye glagoly / pod red. V. V. Morkovkina. M.: OOO «Izdatel'stvo Astrel»: OOO «Izdatel'stvo AST», 2003. 421 s.]. — (In Rus.)
9. Perervina N. V. Structural features of speech acts of consent (based on the material of the novel by W. S. Maugham "Theater") // Young scientist. 2016. No. 6. P. 920—923. URL: <https://moluch.ru/archive/110/26915/> (date of access: 11/25/2019). [Strukturnye osobennosti rechevyh aktov soglasiya (na materiale romana U. S. Moema «Teatr») // Molodoj uchenyj. 2016. №6. S. 920—923]. — (In Rus.)
10. Potapova R. K., Komalova L. R. Verbal structure of the communicative act of aggression: Thematic Dictionary / RAS INION. Moscow, 2017. Issue. 2. 224 p. [Verbal'naya struktura kommunikativnogo akta agressii: Tematicheskij tolkovyj slovar' / RAN INION. Centr gumanit. nauchn-inform. issled. otd. yazykoznanija. M., 2017. Vyp. 2. 124 s.]. — (In Rus.)
11. Simonova S. O. Communicative-cognitive features of the expression of indirect and implicit speech acts of refusal in a dialogical discourse : thesis ... cand. of philol. sciences : 10.02.19 — Theory of language. — Tambov, 2011. 207 p. [Kommunikativno-kognitivnye osobennosti vyrazheniya kosvennyh i implicitnyh rechevyh aktov otkaza v dialogicheskom diskurse. Dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.19 — teoriya yazyka. Tambov, 2011. 207 s.]. — (In Rus.)
12. Stermin I. A. Analysis of hidden meanings in the text. — Voronezh, 2011. 66 p. [Analiz skrytyh smyslov v tekste. Voronezh, 2011. 66 s.]. — (In Rus.)
13. Trofimova N. A. Expressive speech acts in dialogical discourse. Semantic, pragmatic, grammatical analysis. St. Petersburg, 2008. 376 p. [Ekspressivnye rechevyje akty v dialogicheskom diskurse. Semanticheskij, pragmaticheskij, grammaticheskij analiz: Monografiya. SPb, 2008. 376 s.]. — (In Rus.)
14. Chemist V. V. Explanatory dictionary of Russian colloquial speech: in 2 vols. — Moscow : Zlatoust, 2017. [Tolkovyj slovar' russkoj razgovorno-obihodnoj rechi: v 2-h t. M.: Zlatoust, 2017]. — (In Rus.)

УДК 81'27:342.56
ББК Ш100.621+Х71
DOI 10.26170/pl19-06-24

ГСНТИ 16.21.47

Код ВАК 10.02.19; 10.02.21

В. А. Маслова

Витебский гос. ун-т; Витебский филиал Международного ун-та «МИТСО», Витебск, Республика Беларусь
ORCID ID: 0000-0002-9102-4440

А. А. Лавицкий

Витебский филиал Международного ун-та «МИТСО», Витебск, Республика Беларусь
ORCID ID: 0000-0002-7856-0396

 E-mail: mvavit@tut.by; anton_lavitski@mail.ru.

Власть политическая и судебная: трансфер идей и терминов

АННОТАЦИЯ. В статье показано, что политическая лингвистика и юрислингвистика имеют много общих черт: они олицетворяют и обслуживают власть в обществе, исследуют сходные прагматические свойства — иллюкативные и перлокутивные функции; демонстрируют проблемы с формированием терминологического поля и т. д. Политическая лингвистика изучает механизмы и условия осуществления политической коммуникации, основная ее цель — исследование многообразных взаимоотношений между субъектами политической деятельности и политическим состоянием общества, что создает условия для выработки оптимальных стратегий и тактик политической деятельности. Юрислингвистика концентрируется на трех основных направлениях: юрислингвистическая герменевтика, занимающаяся изучением юридического языка как инструментария законодательных актов и их толкования; судебное речеведение; лингвистическая (судебная, судебно-лингвистическая, лингвоправовая) экспертиза. Исследовать характер власти, специфику, механизмы управления можно с помощью языка, если принять следующую гипотезу: языковая система есть подсистема государства. Неологизмы, пополняющие язык, указывают на расширение сферы политики: этот процесс демонстрируют бизнес-политика, экономическая политика, правовая политика и т. д. Курс на интеграцию терминологических единиц, которые, взаимодействуя, подстраиваются друг к другу. Интегративный подход позволил различить близкие понятия права, лингвистики (лексикографических источников) и прагматической лингвистики — «умысел», «намерение», «интенция» и выявить наиболее применимые в юрислингвистике — «умысел», «умышленность».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политическая лингвистика; юрислингвистика; теория трансфера; политическая власть; судебная власть; интенция.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Маслова Валентина Авраамовна, доктор филологических наук, профессор, кафедра дошкольного и начального образования, Витебский государственный университет; 210038, Республика Беларусь, г. Витебск, пр-т Московский, 33; кафедра иностранных языков и межкультурных коммуникаций, Витебский филиал Международного университета «МИТСО»; 210010, г. Витебск, ул. М. Шагала, 8А; e-mail: mvavit@tut.by.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Лавицкий Антон Алексеевич, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой иностранных языков и межкультурных коммуникаций, Витебский филиал Международного университета «МИТСО»; 210010, Республика Беларусь, г. Витебск, ул. М. Шагала, 8А; e-mail: anton_lavitski@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Маслова, В. А. Власть политическая и судебная: трансфер идей и терминов / В. А. Маслова, А. А. Лавицкий // Политическая лингвистика. — 2019. — № 6 (78). — С. 189-196. — DOI 10.26170/pl19-06-24.

Власть — один из ключевых феноменов, основа любого государства. Исследовать ее характер, специфику, механизмы управления можно с помощью языка, если принять следующую гипотезу: языковая система есть подсистема государства.

Язык, право и политика — это важнейшие для человека реалии. Современный язык выявляет сферу расширения политики: бизнес-политика, экономическая политика, правовая политика и т. д. Все они демонстрируют тенденции современной науки — синтез наук, который позволяет получить новые знания в науке, в которой уже невозможно выявить по-настоящему новое, так как давят узкие рамки традиции. К. Леви-Стросс считает необходимым объединить

гуманитарное знание с естественно-научным. Ю. С. Степанов говорит о синтезе научного, философского, художественного и религиозного подходов (например, работы «Концепты. Тонкая пленка цивилизации», «Мыслящий тростник» и др.). В последних его работах семиотика культуры отождествляется со всей наукой о человеке [Степанов 2007: 4].

Еще в середине прошлого века Э. Сепир писал следующее: «Чрезвычайно важно, чтобы лингвисты, которых часто обвиняют — и обвиняют справедливо — в отказе выйти за пределы предмета своего исследования, наконец, поняли, что может означать их наука для интерпретации человеческого поведения вообще. Нравится им или нет, но они

© Маслова В. А., Лавицкий А. А., 2019

должны будут все больше и больше заниматься различными антропологическими, социологическими и психологическими проблемами, которые вторгаются в область языка» [Сепир 1993: 237—238]. Сейчас можно констатировать, что для всей современной науки характерно новое мировоззрение — синтезирующий, интегративный, трансдисциплинарный подход, объединяющий методы и положения ряда наук. И в этом плане появление политической лингвистики, юрислингвистики, лингвокультурологии и других интегративных направлений, затрагивающих проблемы человека и его языкового сознания, языка в человеке, культуре, обществе и им подобные, закономерно и своевременно.

Проблемами исследования языка, политики и права в отдельности и во взаимодействии занимаются политическая лингвистика и юрислингвистика. Несколько слов о них.

Политическая лингвистика — современная наука, возникшая на пересечении лингвистики с политологией, затрагивающая также социо- и этнологию, социальную психологию; она активно взаимодействует с целым рядом лингвистических дисциплин: социолингвистикой, функциональной, классической и современной риторикой, когнитивной лингвистикой и лингвистикой текста.

Это молодая интегративная наука, которая исследует условия и механизмы политической коммуникации. Одной из важнейших задач политической коммуникации является информационное и эмоциональное воздействие на адресата с целью изменить его политическое видение мира и подтолкнуть его к политическим действиям.

Для политической лингвистики характерны такие черты современного языкознания, как мультидисциплинарность (использование методологий различных наук), антропоцентризм (человек как точка отсчета для исследования языковых явлений), лингвистический экспансионизм (тенденция к расширению области лингвистических изысканий), функционализм (изучение языка в действии, в дискурсе, при реализации им своих функций) и экспланаторность (стремление не просто описать факты, но и дать им объяснение) [Чудинов 2009: 6—8].

Основная цель политической лингвистики — исследование многообразных взаимоотношений между субъектами политической деятельности и политическим состоянием общества, что создает условия для выработки оптимальных стратегий и тактик политической деятельности [Чудинов 2014: 269—270].

Теоретические и прикладные задачи научно-исследовательского поля современной политической лингвистики ориентированы

на решение ряда проблем, касающихся общих вопросов дискурса (отличия политической коммуникации от других видов речевого взаимодействия), генристики (описание различных жанров политического текста), функциональной лингвистики и др. Данная научная отрасль активно обращается к изучению и описанию речевых портретов политических деятелей, включая прагмалингвистические особенности речи (стратегии, тактики), лингвостилистические характеристики (тропы, композиции).

В рамках политической лингвистики было установлено, что язык политического дискурса — сложная, живая, саморегулирующаяся система, многое в которой проявляется при ее функционировании: например, *страна* и *государство* в обыденном языке чаще всего используются как синонимы. Но в политическом дискурсе *государство* приобретает то положительные, то отрицательные коннотации: *Мы за правовое государство* (лозунг) — положительная коннотация и отрицательная (в ироническом публицистическом контексте): *Скажу вам истину одну, / Хоть сил она и не придаст вам: / Любую чудную страну / Испортить можно государством* (А. Михневич) [Маслова 2008: 46].

Политическая лингвистика довольно тесно связана с юрислингвистикой: уже их названия показывают, что ядром обеих наук является лингвистика, независимо от той области, которая названа второй частью термина.

Впервые термин «юрислингвистика» в 1976 г. в научный обиход ввел немецкий исследователь А. Подлех в одноименной статье «Rechtslinguistik» [Podlech 1976].

Юрислингвистика интегрирует в себе не только знания, сформировавшиеся на стыке интересов языка и права, но и успешно использует концепции других научных парадигм: философии, психологии, экономики, инженерии, физики и др.

Главным образом исследования современной юрислингвистики концентрируются на трех основных направлениях:

- 1) юрислингвистическая герменевтика, занимающаяся изучением юридического языка как инструментария законодательных актов и их толкования;
- 2) судебное речеведение, исследовательское внимание которого сконцентрировано на вопросах коммуникации субъектов правовых отношений, а также проблемах речевой конфликтологии;
- 3) лингвистическая (судебная, судебно-лингвистическая, лингвоправовая) экспертология — оценка текста с позиции наличия в его содержании элементов, подлежащих правовому регулированию.

Кроме того, в последние годы идет процесс формирования еще одного направления, которое еще 20 лет назад Н. Д. Голев обозначил как *лингвоюристика* — отрасль, рассматривающая те преломления «естественного языка (его норм и закономерностей), которые возникают при его приближении к юридической жизни и тех его преобразований, которые возникают при его „прохождении через юридическую призму“» [Голев 1999: 12]. Иными словами, речь идет о *языковой политике* или *социально-правовом регулировании языка*: проблемах функционирования государственных языков, защите и развитии этнических языковых меньшинств и т. д.

Рассмотрим три первых направления, к сегодняшнему дню уже оформившиеся в специальные области знания в рамках юрислингвистики.

1. Исследование специального юридического языка, когда язык рассматривается как средство реализации закона.

Данный подход выявляет специфику метаязыка юридического дискурса, которому, в отличие от политического языка, присущи эмоциональная нейтральность и отсутствие речевой экспрессии, терминологичность лексики. Юридический текст — особая сфера коммуникации, обезличенная внешне и имплицитно ориентированная на адресата, сохраняющая свои прагмалингвистические свойства: иллокутивные и перлокутивные функции, т. е. указания на необходимость выполнения определенных действий или, наоборот, предупреждения отказаться от них. Иллокутивная составляющая правового акта имеет статус юридической нормы, обязательной для исполнения.

2. Судебное речеведение изучает различные аспекты коммуникативного взаимодействия между субъектами юридических отношений — участниками дискурсивных правовых практик. В узком понимании коммуникация здесь реализуется на институциональном уровне. В широком смысле правовая коммуникация отличается тем, что в ней информационный процесс (обмен фактами, идеями, мнения и т. д.) не является главным, важнее здесь соответствие юридическим нормам. Правовая коммуникация не ограничена тематикой, социальным статусом участников, каналом общения и т. д., ибо практически любой текст может стать объектом правового контроля.

Речевой акт правовой коммуникации, как и любой другой, включает в себя говорящего, слушающего, высказывание, ситуацию, обстоятельства, цели и результат. Юридический дискурс — это совокупность высказываний о правовой действительности,

главной функцией которых является установление и поддержание стабильных отношений в обществе. Это консервативная система, которая развивается, опираясь на длительные традиции, обычаи и стандартное коммуникативное поведение. Юридический дискурс «ограничивает» коммуникативные возможности его участников. Правоприменители не могут свободно толковать законодательные акты, нормы и правила общества лимитируют поведение законодателей. С другой стороны, аргументация прокурора и адвоката может в определенной степени повлиять на решение суда.

3. Судебно-лингвистическая экспертология как прикладная отрасль юрислингвистики имеет обширный перечень задач, полностью решить которые не позволяет еще не полностью сформировавшаяся теория науки, поэтому именно в эту область проникают идеи и методы других наук. Например, для решения практических задач установления признаков правонарушения в тексте, составления языкового портрета преступника лингвистическая экспертология привлекает философские концепции (например, концепция истины), наработки психологов (исследования делинкветного поведения, аффектов), а также физики и химии (проведение почерковедческой экспертизы), методологию естественно-научных дисциплин (параметризация, триангуляция) и т. д.

В рамках лингвистической экспертологии проводятся специальные исследования текста на предмет установления в его содержании признаков правонарушения. В современной следственно-процессуальной и судебной деятельности к лингвоправовому анализу текстового материала чаще всего обращаются при рассмотрении дел об оскорблении, клевете, экстремистской деятельности и т. д.

В лингвистической экспертологии текст «имеет самое широкое значение и включает различные виды семиотических кодов» (устный/письменный, монокодовый/поликодовый) [Лавицкий 2019: 307]. Однако рассматривается он всегда в конкретном контексте: «...отдельные слова и выражения (*вне учета временного, пространственного континуумов и канала связи — курсив наш*) не могут быть предметом вербальных правонарушений», ибо «отдельное слово, взятое из словаря, не отнесено к действительности — это просто слово, единица языка» [Осадчий 2007: 9].

Каждое из указанных направлений достаточно активно использует подходы, методологию, терминологические аппараты различных научных дисциплин. Так, лингвистика юридического текста включает в себя во-

просы изучения правовой грамотности языковой личности, информационных каналов правовой коммуникации, технологического инструментария поиска правовой информации и т. д.

Далее будет идти речь о терминологии: объеме и содержании некоторых важнейших терминов. Как известно, накопление информации — непрерывный процесс. Это значит, что терминология любой области науки, в нашем случае — юрислингвистики — всегда находится в динамике.

Термин — специальная лексема, выражающая понятие в определенной области знания, это языковой знак более высокого уровня абстракции, чем обычное слово или словосочетание, так как на них наслаивается новая информация, которой не было в исходных знаках. Чтобы не было смешения категорий языка и метаязыка (так как язык для языкознания — это одновременно и объект, и инструмент исследования), мы считаем, что термин — это знак второго порядка, в котором первичные словесные знаки перекодируются. Но они перекодируются также и при трансфере их в другие области науки. А. В. Суперанская называет этот процесс транстерминологизацией. Компонент *транс*- обозначает движение через какое-то пространство, пересечение его. В данном случае — это движение из одного научного пространства в другие, а полностью *трансфер* в переводе с французского означает «переносить, переводить». Проблема конвертируемости знаний возникает в связи с их взаимопроникновением и синтезом.

Трансферизация — термин, отражающий сравнительно новое для науки мировоззрение — синтезирующий, интегративный, трансдисциплинарный подход, начало которому было положено в 80-е гг. французскими историками и литературоведами М. Эспанем и М. Вернером. Сейчас данный термин получил широкое распространение в таких областях научных знаний, как теория перевода, психология, история, лингвистика, банковское дело, туризм, экономика, образовательная среда, политика, менеджмент и т. д.

Работы по проблеме трансфера появились в России недавно [Культурные трансферы: проблемы кодов 2015; Лингвистика и семиотика культурных трансферов 2016]. Понимание трансфера в них — это не простой перенос термина и знаний, здесь речь идет о циркуляции и преобразении культурных ценностей в результате их интерпретации в новых областях знаний, о поиске интегральных знаний. В юридической терминологии много единиц, которые отличаются непоследовательностью, труднопроизноси-

мостью (*довзыскание, сонаниматели, правоспособность*), являются оценочными, составными (*безвестно отсутствующий, более мягкий вид наказания и др.*). Таковы и интересующие нас термины, к которым мы попытаемся применить интегративный подход.

Одним из важных терминов, с точки зрения проблематики нашей работы, является категория юрислингвистики и теории права — *умышленность* совершения преступления. *Умысел* — одна из форм вины. Преступление признается совершенным умышленно, «если лицо, его совершившее, сознавало общественно опасный характер своего действия или бездействия, предвидело его общественно опасные последствия и желало их или сознательно допускало» [Юридический энциклопедический словарь 1987: 492]. И если в юриспруденции умысел понимается с помощью ряда других категорий — интеллектуальный, волевой умысел, через которые различают прямой и косвенный умысел, то в понимании психологическом умысел рассматривается в терминах мотивационно-потребностной сферы, то есть как «замысел, желание, предположение сделать, совершить что-либо» [Энциклопедический словарь по психологии и педагогике 2013: 285], а также с учетом наличия определенного социального опыта, позволяющего давать самооценку поступкам.

Но поскольку юрислингвистика — отрасль лингвистики, мы должны учесть лингвистические смыслы и значения лексемы *умысел*. Это признают даже сами правоведы. Так, А. С. Александров считает, что невозможно объяснить сущность права, «оставаясь на собственно юридической почве» [Александров 2003: 4]. Поэтому *право* — это еще и продукт языка, отсюда внимание к лингвистической информации.

Словарь русского языка в 4-х томах под ред. А. П. Евгеньевой дает такое определение умысла: «Заранее обдуманное тайное намерение (преимущественно предосудительное)» [Словарь русского языка 1999: 471]. — *В голове его бродили неясные подозрения в дурных умыслах юнкера* (Л. Толстой). Здесь мы видим отрицательную коннотацию и значение 'тайного действия'. В лексеме *умышленный* появляется еще один смысл: 'преднамеренность'. Другие словари дают как синонимичное понятие *намеренность* с негативной семантической коннотацией (обычно со значением 'предосудительное' или 'дурное' [Толковый словарь русского языка 1940: 845; Новый словарь русского языка 2000: 1004], 'преступное' [Merriam-Webster's Dictionary of Law 1996: 264]. Другие синонимы — это «умыш-

ленность — намеренность, злонамеренность, сознательность, демонстративность, злость, преднамеренность, нарочитость, предумышленность» [Большой русский словарь-справочник синонимов...]. Указанное понимание намеренности нашло отражение в правовой трактовке термина «умысел», который определяется как «желание смоделированного в сознании субъекта конкретизированного вреда как прямой цели, служащей удовлетворению мотива, где вред есть прямой способ удовлетворения потребности» [Гавриленков 2014: 52]. Таким образом, категория умысла считается одним из основополагающих критериев определения степени тяжести и (или) вида преступного деяния.

Лексема *намерение* определяется в цитированном четырехтомном словаре как «замысел, желание, предложение сделать, совершить что-либо» [Словарь русского языка 1999: 371]. Здесь отсутствует негативная коннотация, остается только значение замысла и отсутствие цели. Таким образом, словари показывают тонкое различие: если в умысле присутствует цель нанести вред, то в намеренности такая цель отсутствует; нет и негативной коннотации, так как намерение может быть и позитивным (*Вронский на балах явно ухаживал за Кити, танцевал с нею и ездил в дом, стало быть нельзя было сомневаться в серьезности его намерений* (Л. Толстой)). Намерение жениться — явно позитивное намерение. Из данных наблюдений можно сделать вывод, что лексема *намерение* имеет более широкую и диффузную семантику, чем *умышленность*; с точки зрения коннотативного значения и оценки, *намерение* колеблется от негативной оценки, что усиливается соответствующей дистрибуцией (*намерение опозорить человека*) до нейтральной (*намерение поехать*) и позитивной (*намерение отдохнуть*). Получается, что *намерение* в правовом поле ближе к понятию *неосторожности*, повлекшему преступное деяние (ст. 26 УК РФ).

Требования, предъявляемые к юридической терминологии, — это ясность, однозначность восприятия, апробированность практикой, краткость, экспрессивная нейтральность и все прочее, что обеспечивает точность применения закона. Учитывая это, в данной ситуации юридическим термином может быть лишь один — *умышленность*. Великий французский правовед и философ Ш. Монтескье писал: «Слова законов должны пробуждать у всех людей одни и те же идеи, никогда не следует в законе употреблять неопределенные понятия, стиль законов должен отличаться точностью и краткостью» [Монтескье 1999: 193].

В современной прагмалингвистике есть еще один близкий термин — *интенция*. Прагмалингвистика исследует как проблемы интенциональности речевого поведения, так и выявляет языковые средства усиления речевого намерения. При этом прагматический анализ не может концентрироваться только на рассмотрении значения слова и высказывания: он ориентирован на дискурс, который, по словам Н. Д. Арутюновой, есть «текст, погруженный в жизнь» [Арутюнов 1990: 137].

Понятия *интенциональности* и *интенции* неоднозначно определяются исследователями. Так, Дж. Серль трактует интенциональность как направленность на объекты или положения дел в мире, уточняя, что «субъективные состояния соединяют меня с остальным миром, и общее имя этой связи есть интенциональность» [Searl 1998: 37]. Отмечается, что интенциональность не связана напрямую с намерением, причем намерение — это лишь один из многих видов интенциональности. Сам перевод этого термина с латинского (от лат. *intentio* — стремление) означает *намерение, цель, направление или направленность сознания, воли, чувства на какой-либо предмет*. Мы понимаем интенциональность как направленность речевого поведения. Данный процесс является основополагающим для построения дискурса. Интенциональность позволяет реконструировать намерения говорящего.

Как видим, понимание интенции в прагмалингвистике еще более нечетко, многозначно, пересекается с *намерением, целью, мотивом* и другими терминами, а потому его использование еще менее приемлемо в юридическом дискурсе, поскольку слово в правовой коммуникации должно иметь достаточно однозначное терминологическое определение.

Теперь посмотрим, как наполняется термин *умышленность* новыми смыслами из названных областей знаний — лексикографии и прагмалингвистики, — которые позволяют перекодировать и уточнить его при трансфере знаний из других области науки. Во-первых, *умышленность* включает в себя следующие смыслы: 'заведомость', 'осознание', 'мотив', 'преступное деяние'. Во-вторых, семантика названных лексем содержит еще и следующее различие: если в умысле присутствует цель нанести вред, то в намеренности такая цель отсутствует; в-третьих, закон (и судья как его представитель) не может не учитывать исходных знаний носителя языка (подозреваемого), которые обеспечивают адекватное восприятие названного термина, так как интенция — универсальная,

общечеловеческая категория. В результате мы получаем подтверждение первичным наблюдениям о том, что умышленность — важное свидетельство преступления.

РЕЗЮМЕ

Политическая лингвистика довольно тесно связана с юрислингвистикой, во-первых, потому, что ядро обеих — лингвистика, независимо от той области знаний, которая представлена во второй части термина, и, во-вторых, обе они олицетворяют и обсуждают власть в обществе. Но есть и отличительные черты. Политическая лингвистика исследует механизмы того, как язык, будучи средством воздействия на сознание людей, заставляет их принять определенные политические решения; язык политики не просто передает некую информацию, но и оказывает эмоциональное воздействие на адресата, преобразовывает политическую картину мира, существующую в его сознании. Юридическому языку присущи эмоциональная нейтральность и отсутствие речевой экспрессии, терминологичность лексики. Специфичными для юридического текста является обилие безличных и пассивных конструкций и т. д. Все это создает иллюзию беспристрастности, служению правде и т. д.

На сегодняшний день существует целый ряд разночтений в трактовках и смешение терминов *умысел*, *намерение*, *интенция*. Мы говорим о трансфере терминов, точнее, о статусе и значимости названных терминов в метаязыковой системе юрислингвистики. Дело в том, что интенсивный трансфер знаний между разными науками привел к пластичности терминологических единиц, которые взаимно трансформируются в своем взаимодействии (интеракции), что позволило выбрать из нескольких синонимов как предпочтительный для области права термин *умышленность*.

Таким образом, предложенный нами интегративный подход, реализованный трансфером знаний на материале важнейших понятий права, лингвистики (лексико-графические источники) и прагмалингвистики, позволяет уточнить имеющиеся и получить некоторые интегральные знания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Александров А. С. Введение в судебную лингвистику. — Н. Новгород : Нижегородская правовая академия, 2003.
2. Арутюнова Н. Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Яреца. — М. : Сов. энциклопедия, 1990.
3. Гавриленков С. А. Умысел — социально-психологический аспект // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 12 (50). Ч. 3.
4. Голев Н. Д. Юридический аспект языка в лингвистическом освещении // Юрислингвистика-1. — Барнаул : Изд-во Алтайского ун-та, 1999.
5. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-образовательный. Т. 2. — М. : Русский язык, 2000.
6. Культурные трансферы: проблемы кодов / под ред. С. Г. Проскурина. — Новосибирск : РИЦ НГУ, 2015.
7. Лавицкий А. А. Русскоязычный правовой дискурс : правонарушение, совершаемое вербальным способом // Русистика. 2019. Вып. 17. № 3.
8. Лингвистика и семиотика культурных трансферов : методы, принципы, технологии : коллективная монография / отв. ред. В. В. Фещенко. — М. : Культурная революция, 2016.
9. Маслова В. А. Политический дискурс : языковые игры или игры в слова? // Политическая лингвистика. 2008. № 1 (24).
10. Монтескье Ш. Л. О духе законов. — М. : Мысль, 1999.
11. Осадчий М. Правовой самоконтроль оратора. — М. : Альпина Бизнес Букс, 2007.
12. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. — М. : Прогресс, 1993.
13. Словарь русского языка / А. П. Евгеньев (ред.). — 4-е изд., стер. Т. 4. С—Я. — М. : Русский язык, 1999.
14. Степанов Ю. С. Концепты. Тонкая пленка цивилизации. — М. : Языки славянских культур, 2007.
15. Степанов Ю. С. Язык и метод. К современной философии языка. — М. : Языки русской культуры, 1998. 784 с.
16. Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. Т. 4. — М. : Гос. ин-т «Сов. энцикл.» ; ОГИЗ ; Гос. изд-во иностр. и нац. слов, 1940.
17. Тришин А. Н. Большой русский словарь-справочник синонимов, квазисинонимов и вертикальных связей системы ASIS / А. Н. Тришин. — Текст : электронный // Большой словарь-справочник синонимов русского языка системы ASIS. URL: <https://cyvapy.pdf.ru/content/bolshoy-slovar-spravochnik-sinonimov-russkogo-yazyka-sistemy-asis> (дата обращения: 05.11.19).
18. Чудинов А. П. Понятийно-терминологический аппарат политической лингвистики // Политическая коммуникация: перспективы развития научного направления : материалы Междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 26—28 авг. 2014 г.). — Екатеринбург, 2014.
19. Чудинов А. П. Современная политическая коммуникация : учеб. пособие / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2009.
20. Юридический энциклопедический словарь / ред. А. Я. Сухарев [и др.]. — М. : Советская энциклопедия, 1987.
21. Merriam-Webster's Dictionary of Law. — Springfield, Mass. : Merriam-Webster, 1996.
22. Podlech A. Rechtslinguistik // Rechtswissenschaft und Nachbarwissenschaften. Band II. — München : Beck, 1976.
23. Searl J. R. Mind, Language and Society (Philosophy in the Real World). — New York : Basic Books, 1998.

V. A. Maslova

Vitebsk State University, Vitebsk Branch of International University "MITSO", Vitebsk, Belarus

ORCID ID: 0000-0002-9102-4440 **A. A. Lavitskiy**

Vitebsk Branch of International University "MITSO", Vitebsk, Belarus

ORCID ID: 0000-0002-7856-0396 **E-mail:** mvavit@tut.by; anton_lavitski@mail.ru.**Political and Judicial Power: Transfer of Ideas and Terms**

ABSTRACT. *The article argues that political linguistics and legal linguistics have many features in common: they epitomize and serve power in the society and have similar pragmalinguistic properties – illocutionary and perlocutionary functions; they demonstrate problems with formation of the terminological field, etc. Political linguistics studies the mechanisms and conditions of exercising political communication; its main aim is to explore various relationships between the subjects of political activity and the political state of society, which creates the conditions for the development of optimal strategies and tactics of political activity. Legal linguistics concentrates on the three main areas: legal linguistic hermeneutics engaged in the study of legal language as a tool for creation and interpretation of laws; forensic speech studies; forensic linguistic expert studies. It is possible to explore the nature of power and the specificity and mechanisms of governance with the help of the language, if we pose the following hypothesis: a linguistic system is a subsystem of the state. Neologisms springing up in the language point to the expansion of sphere of policy: business policy, economic policy, legal policy, etc. Orientation towards integration in all contemporary sciences makes it possible to speak about transfer of terms leading to flexibility of terminological units which adjust to each other in the process of interaction. The integrative approach allows the researcher to distinguish between the closely related concepts of law, linguistics (lexicographic sources) and pragmatics – “umysel”, “namerenie”, “intentsiya” and to reveal the ones most commonly used in legal linguistics – “umysel”, “umyshlennost”.*

KEYWORDS: political linguistics; legal linguistics; transfer theory; political power; judicial power; intention.

AUTHOR'S INFORMATION: Maslova Valentina Avraamovna, Doctor of Philology, Professor of Department of Preschool and Primary Education, Vitebsk State University; Department of Foreign Languages and Cross-cultural Communication, Vitebsk Branch of International University “MITSO”, Vitebsk, Belarus.

AUTHOR'S INFORMATION: Lavitskiy Anton Alekseevich, Candidate of Philology, Associate Professor, Head of Department of Foreign Languages and Cross-cultural Communication, Vitebsk Branch of International University “MITSO”, Vitebsk, Belarus.

FOR CITATION: Maslova, V. A. Political and Judicial Power: Transfer of Ideas and Terms / V. A. Maslova, A. A. Lavitskiy // Political Linguistics. — 2019. — No 6 (78). — P. 189-196. — DOI 10.26170/pl19-06-24.

REFERENCES

1. Aleksandrov A. S. Introduction to Forensic Linguistics. — N. Novgorod : Nizhny Novgorod Law Academy, 2003. 419 p. [Vvedenie v sudebnuyu lingvistiku. — N. Novgorod : Nizhegorodskaja pravovaja akademija, 2003. 419 s.]. — (In Rus.)
2. Arutyunova N. D. Discourse // Linguistic Encyclopedic Dictionary / Ch. ed. V.N. Yartseva. — Moscow : Soviet Encyclopedia Publ., 1990. — P. 136—137. [Arutjunova N.D. Diskurs // Lingvisticheskij jenciklopedicheskij slovar' / gl. red. V.N. Jarceva. — M. : Sov. Jenciklopedija, 1990. S. 136—137]. — (In Rus.)
3. Gavrilencov S. A. Intent — the socio-psychological aspect // Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice. 2014. No. 12 (50). Part III. P. 52—55. [Gavrilencov S.A. Umysel — social'no-psihologicheskij aspekt // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i juridicheskie nauki, kul'turologija i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. 2014. № 12 (50). Ch. III. S. 52—55]. — (In Rus.)
4. Golev N. D The legal aspect of language in linguistic coverage // Jurislinguistics — 1. — Barnaul : Publishing House of Altai University, 1999. P. 11—58. [Golev N.D. Juridicheskij aspekt jazyka v lingvisticheskom osveshhenii // Jurislingvistika—1. — Barnaul : Izd-vo Altajskogo universiteta, 1999. S. 11—58]. — (In Rus.)
5. Efremova T. F. New dictionary of the Russian language. Explanatory and derivational. Part 2. — Moscow : Russian language Publ., 2000. 345 p. [Novyj slovar' russkogo jazyka. Tolkovo-obrazovatel'nyj. T. 2. — M. : Russkij jazyk, 2000. 345 s.]. — (In Rus.)
6. Cultural transfers : code problems / ed. S.G. Proskurina. — Novosibirsk : RIC NSU Publ., 2015. 224 p. [Kul'turnye transfery : problemy kodov / pod red. S.G. Proskurin. — Novosibirsk : RIC NGU, 2015. 224 s.]. — (In Rus.)
7. Lavitskiy A. A. The Russian language legal discourse: offences committed verbally // Russian Studies. 2019. Issue. 17. No. 3 P. 300—314. [Lavickij A.A. Russkojazychnyj pravovoj diskurs : pravonarushenie, sovershaemoe verbal'nym sposobom // Rusistika. 2019. Vyp. 17. № 3. S. 300—314]. — (In Rus.)
8. Linguistics and semiotics of cultural transfers: methods, principles, technologies. Collective monography / resp. ed. V.V. Feshchenko. — Moscow : Cultural Revolution Publ., 2016. 500 p. [Lingvistika i semiotika kul'turnyh transferov : metody, principy, tehnologii. Kollektivnaja monografija / otv. red. V.V. Feshchenko. — M. : Kul'turnaja revoljucija, 2016. 500 s.]. — (In Rus.)
9. Maslova V. A. Political discourse: language games or word games? // Political Linguistics. 2008. No. 1 (24). P. 43—48. [Maslova V.A. Politicheskij diskurs : jazykovye igry ili igry v slova? // Politicheskaja lingvistika. 2008. № 1 (24). S. 43—48]. — (In Rus.)
10. Montesquieu C. L. About the spirit of laws. — Moscow : Thought Publ., 1999. 674 p. [O duhe zakonov. Moskva : Mysl', 1999. 674 s.]. — (In Rus.)
11. Osadchy M. Legal orator self-control. — Moscow : Alpina Business Books, 2007. 316 p. [Pravovoj samokontrol' oratora. — M. : Alpina Biznes Buks, 2007. 316 s.]. — (In Rus.)
12. Sepir E. Selected works on linguistics and cultural studies. — Moscow : Progress Publ., 1993. 656 p. [Sepir Je. Izbrannye trudy po jazykoznaniju i kul'turologii. — M. : Progress, 1993. 656 s.]. — (In Rus.)
13. Dictionary of the Russian language / A. P. Evgenieva (eds.). — 4th stereotype ed. Vol. 4. S — I. — Moscow : Russian language Publ., 1999. 702 p. [Slovar' russkogo jazyka / A.P. Evgen'eva (red.). — 4-e stereotip izd. T. 4. S—Ja. M. : Russkij jazyk, 1999. 702 s.]. — (In Rus.)
14. Stepanov Yu. S. Concepts. Thin film of civilization. — Moscow : Languages of Slavic cultures Publ., 2007. 248 p.

[Stepanov Ju.S. *Koncepty. Tonkaja plenka civilizaciji*. M. : Jazyki slavjanskih kul'tur, 2007. 248 s.]. — (In Rus.)

15. Stepanov Yu. S. *Language and Method: towards the modern philosophy of language*. — Moscow : Languages of Russian Culture Publ., 1998. 784 p. [Stepanov Ju.S. *Jazyk i Metod : k sovremennoj filosofii jazyka*. — M. : Jazyki russkoj kul'tury, 1998. 784 s.]. — (In Rus.)

16. *Explanatory dictionary of the Russian language* / ed. D. N. Ushakov. — V. 4. — Moscow: State. Institute of Sov. encyclical. Publ.; OGIZ; Gos. Publishing House of Foreign and nat. words, 1940. 1040 p. [Tolkovyj slovar' russkogo jazyka / pod red. D.N. Ushakova. — T. 4. M. : Gos. in-t «Sov. jencikl.» ; OGIZ ; Gos. izd-vo inostr. i nac. slov, 1940. 1040 s.]. — (In Rus.)

17. Trishin A.N. Large Russian dictionary-reference book of synonyms, quasi-synonyms and vertical connections of the ASIS system // Large dictionary-dictionary of synonyms of the Russian language of the ASIS system. [Trishin A.N. *Bol'shoj russkij slovar'-spravochnik sinonimov, kvazisinonimov i vertikal'nyh svjazej sistemy ASIS* // *Bol'shoj slovar'-spravochnik sinonimov russkogo jazyka sistemy ASIS*]. URL: <https://сувары.рф/ru/content/bolshoy-slovar-spravochnik-sinonimov-russkogo-yazyka-sistemy-asis> (date of access: 05.11.19). — (In Rus.)

18. Chudinov A. P. The conceptual and terminological apparatus of political linguistics // *Political Communication: Prospects*

for the Development of a Scientific Direction: Materials of the International scientific. conf. (Ekaterinburg, August 26—28, 2014). — Ekaterinburg, 2014. P 269—270. [Chudinov A.P. *Ponjatijno-terminologicheskij apparat politicheskoy lingvistiki* // *Politicheskaja kommunikacija: perspektivy razvitija nauchnogo napravlenija : materialy Mezhdunarod. nauch. konf.* (Ekaterinburg, 26—28 avgusta 2014 g.). Ekaterinburg, 2014. — S. 269—270]. — (In Rus.)

19. Chudinov A.P. *Modern political communication: textbook* / Ural. State Pedagogical University. — Ekaterinburg, 2009. 292 p. [Chudinov A. P. *Sovremennaja politicheskaja kommunikacija : ucheb. posobie*. Ekaterinburg : Ural. gos. ped. un-t., 2009. 292 s.]. — (In Rus.)

20. *Legal encyclopedic dictionary* / ed. A.Y. Sukharev [and others]. — Moscow : Soviet Encyclopedia Publ., 1987. 528 p. [Juridicheskij jenciklopedicheskij slovar' / red. A.Ja. Suharev [i dr.]. — M. : Sovetskaja jenciklopedija, 1987. 528 s.]. — (In Rus.)

21. Merriam-Webster's Dictionary of Law. — Springfield, Mass : Merriam-Webster, 1996. 634 p.

22. Podlech A. *Legal linguistics* // *Jurisprudence and neighboring sciences. Part II*. — Munich : Beck, 1976.

23. Searl J.R. *Mind, Language and Society (Philosophy in the Real World)*. — N. Y. : Basic Books, 1998. 192 p.

Е. Е. ХазимуллинаБашкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, Уфа, Россия
ORCID ID: 0000-0001-8132-7758 **Ю. С. Фомина**Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, Уфа, Россия
ORCID ID: 0000-0003-0183-8713 **E-mail:** lenahk@gmail.com; ufom@mail.ru.

Маркеры принадлежности материалов террористическим организациям (по результатам комплексной лингвистико-религиоведческой экспертизы)

АННОТАЦИЯ. В ситуации вуалирования конфликтогенного содержания, конспирации деятельности экстремистов и террористов атрибуция текстов затруднена. Методика анализа фактов словесного экстремизма, разработанная в Центре лингвистических экспертиз и редактирования БГПУ, показывает высокую эффективность и включает в себя следующие процедуры: а) выявление коммуникативных намерений говорящего; б) описание стратегий и тактик вуалирования конфликтогенного содержания; в) извлечение скрытой семантики, в том числе побуждения; г) характеристику актов вовлечения; д) лингвистическую и религиоведческую атрибуцию текста.

В статье рассматриваются способы установления отнесенности текстов к экстремистским и террористическим организациям при проведении комплексной, лингвистико-религиоведческой экспертизы. На основе анализа более 7 тысяч текстов выявлены вербальные и невербальные маркеры их принадлежности террористическим организациям «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами» («Партия исламского освобождения»), «Исламское государство», «Имарат Кавказ», а также экстремистской организации «Таблиги Джамаат» (организации запрещены в РФ). Такими маркерами выступают полные и краткие названия организаций, наименования членов по статусу в иерархии организации; наличие политической программы, позитивная характеристика деятельности организации, отрицание ее террористической / экстремистской сути; базовая литература, обязательная для изучения адептами и членами организаций; специальные названия и алгоритмы проведения публичных и частных встреч; обязательность вовлечения новых членов; обоснование необходимости военных, террористических, деструктивных действий, их детализация в отношении конкретных социальных групп; установка на гласность либо конспирацию деятельности организации; инструкции по хранению, использованию и распространению запрещенной литературы, мерам противодействия силовикам в случае задержания, ареста; система особых идеологем и др. Подчеркивается, что в случаях вуалирования идентификационных признаков текста его лингвистическая и религиоведческая атрибуция должна осуществляться с опорой на макроконтекст, дискурс, на знание экспертом идеологии существующих экстремистских и террористических организаций, их базовой литературы, отраженной в производных текстах в виде интертекстуальных элементов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: атрибуция текста; экстремизм; террористические организации; терроризм; судебная экспертиза; политический дискурс; экстремистские тексты; лингвистико-религиоведческая экспертиза.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Хазимуллина Елена Евгеньевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания, руководитель Центра лингвистических экспертиз и редактирования, Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы; 450008, Россия, г. Уфа, ул. Октябрьской Революции, 3а; e-mail: lenahk@gmail.com.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Фомина Юлия Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания, Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы; 450008, Россия, г. Уфа, ул. Октябрьской Революции, 3а; e-mail: ufom@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Хазимуллина, Е. Е. Маркеры принадлежности материалов террористическим организациям (по результатам комплексной лингвистико-религиоведческой экспертизы) / Е. Е. Хазимуллина, Ю. С. Фомина // Политическая лингвистика. — 2019. — № 6 (78). — С. 197-204. — DOI 10.26170/pl19-06-25.

Определение принадлежности материалов той или иной экстремистской или террористической организации, в условиях маскировки конфликтогенного содержания, представляет собой сложную проблему не только для правоохранительных органов, но и для специалистов, проводящих судебную экспертизу. Актуальность ее решения не нуждается в доказательстве: весь мир потрясают взрывы, внезапные террористические

атаки, многочисленные преступления против личности, социальных групп и государств, вовлечение в эту деятельность через интернет (соцсети, YouTube) носит публичный, массовый характер, не имеет территориальных ограничений.

Вопрос, адресованный лингвисту: «Имеются ли в представленных материалах высказывания, направленные на вовлечение в деятельность террористической организации

„Хизб ут-Тахрир аль-Ислами“ („Партия исламского освобождения“) / „Исламское государство“ / „Имарат Кавказ“ / экстремистской организации „Таблиги Джамаат“?», — как и религиозно-политический вопрос: «Имеются ли в представленных материалах прямые или косвенные указания на их принадлежность террористической организации „Хизб ут-Тахрир аль-Ислами“ („Партия исламского освобождения“) / „Исламское государство“ / „Имарат Кавказ“ / экстремистской организации „Таблиги Джамаат“?» (организации запрещены в РФ) — предполагают вычленение в религиозно-политических текстах таких признаков, которые обнаруживают подобную принадлежность. Данная прикладная, экспертная задача по сути представляет собой вариант классической филологической задачи по атрибуции текста — установлению авторства, каких-либо сведений об адресанте речи, времени и месте создания текста, принадлежности его определенной литературной, в том числе национальной, эстетической школе и т. д.; см.: [Лихачев 2001; Книговедение 1982; Галашина 2001; Памятка 2004; Луценко 2004; Жеребило 2016]. Религиоведы также решают ее традиционно, исходя из инструментария своей науки: устанавливают религиозный либо нерелигиозный характер организаций, относимость материалов к какой-либо конкретной религиозной группе, конфессии, движению и т. п.

Важно подчеркнуть, что побудительные тексты, как правило, содержат маркеры их отнесенности к той или иной организации, что обусловлено установкой на воздействие, замыслом говорящего, его психологическими мотивами («Если таких мотивов не существует, то у человека не появляется ни мысли, ни всех последовательных ступеней оформления мысли в развернутом высказывании» [Лурия 2002]). Даже если текст намеренно лишен всех формальных примет авторской индивидуализации и идентификации речи, подтекст, формируемый субъективным, аффективным отношением к передаваемой информации, как правило, включает в себя компоненты, продиктованные истинными мотивами говорящего (в противном случае текст полностью утрачивает способность к воздействию). «Посвященные» читатели / зрители / слушатели считывают эти сигналы (это так называемый «имплицитный контекст» — понятие Т. Слама-Казаку), и экспертам, решающим задачи объективного, всестороннего, исчерпывающего исследования, необходимо уметь их обнаруживать в конфликтогенном тексте. В противном случае они упускают множественные случаи манипулирования смыслом, скрытой пропаганды.

Наша практика проведения комплексных, лингвистико-религиоведческих судебных экспертиз демонстрирует продуктивность применения особой методики, направленной на более точную квалификацию фактов словесного экстремизма, — посредством: а) выявления коммуникативных намерений говорящего; б) описания стратегий и тактик вуалирования конфликтогенного содержания; в) извлечения скрытой семантики, в том числе содержания актов побуждения, в частности призывов; г) характеристики актов вовлечения (кто? кого? в какие действия? с какой целью? в какой степени успешно вовлекает?); д) лингвистической и религиоведческой атрибуции текста — с опорой на макроконтекст (по сути когнитивный, коммуникативно-прагматический и шире — дискурсивный аспекты существования высказываний, пропозицию), учет идеологии существующих экстремистских и террористических организаций. Многие такие организации, будучи нацеленными на решение гиперзадач (свержение строя, образование новых государств, обеспечение господства какой-либо религии, социальной, национальной или расовой группы и т. п.), распространяют хорошо продуманные учебные комплексы, включающие в себя обязательную для поэтапного изучения литературу и иные материалы, с интертекстуальными отсылками в виде специфической лексики и фразеологии (в том числе идеологем), точечных цитат, аллюзий, намеков и т. д. Они применяют особые приемы речевой конспирации, направленные на: 1) снижение правовых рисков; 2) вуалирование смыслов, которые не должны быть доступны adeptам на ранних этапах их вовлечения («якорения») в деятельность этих организаций, см. об этом [Хазимуллина 2016].

Атрибуция в случае судебной экспертизы экстремистских материалов предполагает: а) поиск прямых (вербальных) указаний на их принадлежность какой-либо организации (см.: «Обращение Амира **Имарата Кавказ** Докку Абу Усмана и амира Супьяна к моджахедам...»; «**Мы, члены партии „Хизб ут-Тахрир“**, призываем...»; «**Мы, как хизбии, должны...**»; «...это **призыв джама'ата таблиг**, чей центр находится в Низамуддине»; «**Правил таблига:...** об-служивать и вдохновлять товарищей в **джама'ате**»; «**Сегодня, здесь, в Дауле, мы на джихаде... Так называемые мусульмане! Вы должны здесь, наша дауля, наше государство здесь. Вы должны здесь установить дауля!**»); б) идентификацию, сравнение текстов (нередко — производящего и производного, вторичного, например, комментария, краткого или более полного изло-

жения, списка вопросов и заданий к первичному тексту, таблицы отчетов об осуществляемой деятельности, видеобращения, прокламации, пресс-релиза, доклада, кодекса правил, инструкции, памятки, клятвы, политической / боевой программы и т. п., созданных на основе «базовых» идеологических текстов, принадлежащих конкретным авторам или организациям); в) выявление в них сквозных тем, характерных стратегий и тактик их раскрытия, повторов, типовых речевых приемов, клише (в том числе идеологем), целевой аудитории, способа воздействия на нее, системы аргументации, типов обращений и самопрезентации (тексты разных организаций регулярно обнаруживают специфику данных параметров: к примеру, текстам экстремистской организации «Таблиги Джамаат» присущи рассуждения о дружбе и любви мусульман друг к другу (слабая политизированность), о воспитании 6 качеств «исламского благочестия», тема «хиджры» (переселения) и объединения мусульман всего мира; вооруженный джихад они не выводят на первый план, хотя и считают его необходимым для борьбы с неверными и вероотступниками. Террористическая же организация «ИГИЛ» настроена непримиримо не только по отношению к неверным (нацелена на их полное физическое истребление), она пропагандирует вынесение такфира «отклонившимся» мусульманам, их убийство, т. е. проповедует культ насилия, смерти, шахидство, беспощадный наступательный джихад); г) интерпретацию / дешифровку актуального речевого смысла (в частности призывов и других видов побуждения) в соотнесенности с макроконтекстом, с другими текстами; д) описание характера акта коммуникации (официальная / неофициальная, публичная / личная), в том числе коммуникативных ролей, субординации, иерархичности участников взаимодействия, с учетом экстралингвистических факторов, типа и содержания дискурса (к примеру, «Таблиги Джамаат» тяготеют к «проповедям» в мечетях, «Хизб ут-Тахрир» — к публичным (видео-)воззваниям, митингам, прокламациям, «Имарат Кавказ» и «ИГИЛ» — к обращениям, записанным в обстановке военных, насильственных действий); е) анализ способа порождения речи (спонтанная / подготовленная), формы речевой интеракции (монолог, диалог, полилог), см. [Галяшина 2001], жанра речи (беседа, прения, спор, полемика или же проповедь, молитва), интенций и регистра общения (в том числе мягкое / категоричное волеие и т. д.). Естественно, что все эти задачи лингвисты и религиоведы решают строго в соответствии со

своей профессиональной компетенцией. Как правило, религиоведческая и лингвистическая атрибуция текстов осуществляется на основе совокупности, комплекса признаков.

Целью данной работы является описание методики, позволяющей установить принадлежность конфликтогенных текстов террористическим либо экстремистским организациям с помощью ряда вербальных и невербальных маркеров. Результаты исследования были получены посредством применения к обширному конфликтогенному речевому материалу метода дискурс-анализа, контекстуального, интертекстуального анализа, идентификации, атрибуции текста, лингвопрагматического, интен-анализа, контент-анализа, а также лексико-семантического, логико-грамматического, лингвостилистического, лингвосемиотического анализа, методов семантического и тематического поля.

Более 7 тыс. изученных нами текстов регулярно показывают вариативность по следующим маркерам, позволяющим определить принадлежность текстов к той или иной экстремистской / террористической организации:

1) полные и краткие наименования организаций: «Партия исламского освобождения», «Хизб ут-Тахрир», «Hizb ut-Tahrir Presents», «www.Htvideo.info», «ХТ МЕДИА РОССИИ», «http://hizb-russia.info», «http://htvideo.info», «Member of Hizb ut-Tahrir. Russia», «ХТ», «ХТ», «www.hi», «Хизб», «Исламское государство», «ИГ», «ИГИЛ», «Таблиги Джамаат», «джамаат» и «Таблиг» (в одном контексте), «Имарат Кавказ», «*imaratkavkaz.3gp*». Вариативны также косвенные номинации («Дар аль-Ислам», «до/ауля», «The Khilafah», «*tema-mujahida-4.avi*», «*Kavkazcenter.com*», «*KavkazChat.com*», «*Kavkaz.tv*», «*wap.kavkaz.tv*», «*kavkazcenter.info*», «*2 operacii mudjahidov_KBK_chast_1_gotov.3gp*», «*IMAMTV*»), в том числе указывающие на то, что речь идет об определенном объединении людей: «партия», «(партийное) сплочение», «*www.turkiye-vilayeti.org*», «(политическое) движение», «группа», «победная группа», «фирма», «ячейка». Косвенные единицы служат идентификаторами организаций только в совокупности с идеологемами и другими признаками;

2) названия членов организации и вербуемых в них по принадлежности и статусу в иерархии организации («ХТшник», «хизбий», «хизбовец», «тахрировцы», «дагватчик», «да(а)ватчик», «таблиг», «таблиговец», «игиловец», «да/оулил», «джамаатчик», «халиф», «амир», «мутамад», «масул», «мусоид», «накыб», «накиб ёрдамчиси» (помощник накыба), «ответственный», «муш-

риф», «шабаб», «дарис», «зиярат» и др.). Используются также косвенные единицы, называющие членов организаций по их функции, соотносящейся с главной целью организации и методом ее достижения: «наместники на земле», «политики», «политические деятели», «руководители», «муджахиды», «воины (на пути) Аллаха», «войско Аллаха», «шахиды» (должны оцениваться экспертами в совокупности с идеологемами и другими признаками). Об объединенности присутствующих как членов какой-либо организации свидетельствует регулярное применение тактики «мы»-общения;

3) авторская принадлежность изданий идеологам, основателям и другим членам организаций, позитивные отзывы, цитаты, ссылки на их работы: Такиуддин ан-Набхони, Абдул-Кадим Заллум, Ата Ибн Халил Абу Рашта, Мухаммад Ильяс Кандехлеви, Абу Бакр аль-Багдади и др.;

4) принадлежность изданий, медиапродуктов террористическим / экстремистским организациям: «Издание Хизб-ут-Тахрир», «Центральный Информационный офис Хизб-ут-Тахрир», «Медиа офис Хизб-ут-Тахрир Россия», «Информационный офис Хизб-ут-Тахрир в Турции», «Информационный офис Хизб-ут-Тахрир в Бангладеш», «Информационный офис Хизб-ут-Тахрир Вилаят Бангладеш»;

5) наличие политической программы, раскрывающей (с разной степенью детализации) цели, этапы и методы ее реализации; позитивная характеристика деятельности организации, отрицание ее террористической / экстремистской сути, осуждение вынесенных судебных решений в отношении членов таких организаций; подробное освещение различных аспектов истории и современной деятельности организаций; пропаганда, агитация вступления в их ряды;

6) наличие базовой литературы, обязательной для изучения адептами и членами организаций, контрольных вопросов, тестов, других методических разработок для эффективности обучения («концентрированного просвещения» — в «Хизб-ут-Тахрир»), изменения сознания и поведения адептов, контроля их деятельности и личной жизни (такая литература активно и чаще всего конспиративно распространяется, изучается, читается вслух на занятиях, обсуждается членами экстремистских / террористических организаций; на ее основе создаются вторичные тексты — доклады, прокламации, обзоры и проч.): «Комплект для зиярата», «Миляф Идарий», «Система Ислама», «Социальная система ислама», «Партийное сплочение», «Концепция Хизб-ут-Тахрир»,

«Исламская личность», «Исламское государство», «Проект конституции исламского государства Халифата», «Основы исламской нафсии», «Крепость мусульманина», «Избранные хадисы», «Ценности Таблига», «Ценности Корана», «Ценности Намаза», «Ценности Рамадана», «Ценности Зикра» и др. Почти все указанные издания входят в Федеральный список экстремистских материалов;

7) обязательность клятв, присяги, наличие административных правил, устава, инструкций по осуществлению деятельности («Присяга амиру», «Байат Халифу Ибрагиму абу Бакру аль-Багдадий», «Гимн ИГИЛа», «Миляф Идарий», «Шесть качеств», «Обязанности амира», «Адаб в мечети», «Даawat», «Хизмат — служение людям» и др.);

8) наличие специальных названий и алгоритмов (в том числе сценариев) проведения публичных и частных встреч: «зиярат», «халакат», «сухбет», «амали», «марказ», «машура», «шура», «иджтема», «даават / даawat», «таблиг», «исламский призыв», «исламское просвещение», «проповедь», «пропаганда», «собрание», «собрание-бдение», «беседа», «гашиг», «распространение учения от двери к двери», «харудж», «обучение», «занятие» и др. В целях конспирации регулярно используются также косвенные номинации: «чаепитие», «(позвать) на плов / на шашлык», «ифтар» (должны учитываться только в совокупности с другими признаками);

9) обязательность вовлечения в организации новых членов, помощников, сочувствующих — трансляторов их идей; наличие инструкций по способам и принципам вовлечения, по работе с членами организаций на разных этапах вовлечения;

10) стандартная манера внешнего оформления, различное качество печатной литературы, видеопродукции (использование символики, атрибутики организаций; типографский / кустарный способ издания литературы; профессиональные / любительские / авторские видеоролики / фильмы для Интернета / аудиозаписи);

11) оправдание, обоснование необходимости военных, террористических, деструктивных действий, их детализация в отношении конкретных социальных групп (иноверцев, вероотступников, женщин, детей «врагов»); наличие инструкций по уничтожению социальных групп и их представителей; противопоставление организации представителям той же религии («искренние» / «неискренние» мусульмане, «чистый», «истинный» / «нечистый», «неистинный» ислам); различная степень приверженности религиозным обрядам,

канонам веры и детализация системы наказания за отступления от них;

12) установка на гласность либо сокрытие (конспиративность) деятельности организации, принадлежности к ней; наличие инструкций по хранению, использованию и распространению запрещенной литературы, мерам противодействия силовикам в случае задержания, ареста;

13) система особых идеологием, основных теоретических положений и практических установок осуществления деятельности организации, ср. [Баран 2004; Егоров 2016; Жирухина 2014; ИГИЛ 2015; Ильминская 2014; Комиссина 2011; Кузьменко 2015; Мавевская 2015; Моисеев, Шаганян 2015; Старостин 2015; Федорченко, Крылов 2015], например: *«озаряющее мышление»* — 'мышление, просвещенное в духе идеологии террористической партии „Хизб ут-Тахрир“', *«искренний мусульманин»* — 'работающий над установлением Халифата, в том числе в рядах партии „Хизб ут-Тахрир“', *«исламская / политическая личность»* — 'просвещенная в духе идеологии партии „Хизб ут-Тахрир“ и работающая над установлением Халифата в ее рядах', *«носитель исламского призыва»* — 'член партии „Хизб ут-Тахрир“, который осуществляет идеологическое просвещение других людей в целях установления Халифата по методу этой партии', *«претворять ислам (практически)»*, *«претворять ислам полностью»* — 'работать над установлением Халифата по методу партии „Хизб ут-Тахрир“ — посредством политической борьбы и вооруженного джихада', *«по методу Пророка»* — 'работать над установлением Халифата по методу партии „Хизб ут-Тахрир“: посредством сплочения мусульман, исламского призыва, политической борьбы и вооруженного джихада', *«работать над установлением Халифата»* — 'осуществлять политические действия согласно идеологии партии „Хизб ут-Тахрир“ в целях установления всемирного Халифата'; *«партийное сплочение»* — 'объединение мусульман в рядах террористической партии „Хизб ут-Тахрир“', *«лечить людей Кораном»* — 'осуществлять исламское просвещение / просвещение в духе идеологии террористической партии „Хизб ут-Тахрир“ в целях избавления людей от неверия, другой веры' и т. д.

Перечисленные признаки по-разному подразделяются на прямые и косвенные в лингвистическом и религиоведческом заключении — в зависимости от профессиональной компетенции специалистов.

В случаях вуалирования идентификационных признаков речи, текста их лингвистическая и религиоведческая атрибуция долж-

на осуществляться с опорой на макротекст, дискурс, в котором создается и воспринимается этот текст, знание экспертом идеологии существующих экстремистских и террористических организаций, их базовой литературы, отраженной в производных текстах в виде интертекстуальных элементов. Макротекст (социально-политическая, дискурсивная ситуация, в которой создается и воспринимается конфликтный текст) выступает компенсирующим фактором, обеспечивающим адекватность и полноту восприятия скрытой информации.

В экстремистском печатном, аудио- и видеотексте значимыми являются политический, религиозный, идеологический, экономический, исторический, социокультурный, ситуативный, психологический и паралингвистический элементы макротекста. Объективными маркерами целенаправленной инклюзии таковых в полотно текста выступают: 1) контраст информационных потоков — внешнего и подтекстного (к примеру, в заявленное изначально рассуждение о содержании хадисов или религиозных обрядов могут вклиниваться комментарии по поводу несправедливости существующей власти, социальных отношений, процветания ушедшего в небытие Халифата и упадка «кафирской» цивилизации, необходимости изменений); такой контраст может быть выражен также в противопоставленности значений, стилистической маркировки используемых средств; 2) многократный повтор единиц, составляющих базовый идеологический, религиозно-политический тезаурус и скрыто, пошагово репрезентирующих программу деятельности той или иной экстремистской / террористической организации, например: усердно *«читать дуа»* — *«объединиться в команды, группы / сплотиться»* — овладевать *«исламским образом мыслей»*, становиться *«исламской личностью»*, *«работать»* — *«бороться»*, *«вести политическую и идеологическую борьбу»*, *«идти по пути Аллаха / Пророка»* — *«возродить исламский образ жизни»* посредством *«джихада душой и телом»* / *«(практически) претворить ислам в жизнь по методу Пророка»* — *«жить по законам шариата, процветать»*, *«как это было во времена Посланника Аллаха»* (программа террористической организации «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами», с закодированными речевыми смыслами, требующими тщательной дешифровки); 3) компоновка постоянного набора высказываний, оформленных как цитаты из религиозных источников, нередко — в одной и той же последовательности; 4) употребление идеологием как средств уплотнения инфор-

мации, интертекста, а также эвфемизации речи в целях снижения правовых рисков, см. [Осадчий 2016]: «выполнять приказы и требования Аллаха», «жить по законам шариата», «возобновить исламский образ жизни», «исправлять недостатки других людей», «изменение порочной реальности», «нести руководство ислама другим людям» и т. п.; 5) оговорки (в аудио- и видеозаписях): «...стремиться к тому, чтобы вер... соблюдать эти законы, возродить эти законы так, как это было во времена Посланника Аллаха» (= 'вернуть Халифат; работать над восстановлением Халифата'); «Но нет же — люди стали... править, будем всегда думать сами, жить, как хотели» (= 'люди отказались от исламского государства, шариатского правления; разрушили Халифат'); 6) применение специальных речевых стратегий и тактик (манипулятивной апелляции к «экспертному мнению» и ценностям, значимым для религиозного сознания мусульман, примера успешной реализации призывных действий, положительной оценки желательной — их отсутствия, нереализованности и др.), использование косвенных жанров — призыва-мольбы (с обязательным социально-политическим компонентом (само-)побуждения, например, к установлению исламского государства, приближению победы над «кафирами»), одобрения, осуждения, увещевания, устыжения, угрозы, обещания вознаграждения и др.

Очевидно, что полнота и точность экспертного анализа зависит не только от собственно профессиональных знаний исследователя, но и от его экспертной компетенции, опыта изучения подобных материалов, владения макроконтекстом, элементы которого позволяют идентифицировать речь с точки зрения ее отнесенности к той или иной экстремистской / террористической организации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баран З. Хизб ут-Тахрир: политическая радикализация ислама. — Вашингтон : Центр Никсона, 2004. — 134 с.
2. Галышина Е. И. Лингвистическое обеспечение криминалистического исследования устного и письменного текста // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии : материалы международной конференции «Диалог». 2001. URL: <http://www.dialog-21.ru/en/digest/2001/articles/galyashina/> (дата обращения: 03.11.19).
3. Егоров Е. Н. Движение «Таблиги Джамаат»: идеология и специфика деятельности // Исламоведение. 2016. Т. 7. № 3. С. 5—16.
4. Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов и понятий. — Назрань : Пилигрим, 2016. 610 с.
5. Жирухина Е. В. Информационные стратегии радикального исламистского подполья на Северном Кавказе (На примере организации «Имарат Кавказ») // Полития. 2014. № 1 (72). С. 47—60.
6. ИГИЛ как угроза международной безопасности : монография / под ред. А. В. Глазовой. — Москва : РИСИ, 2015. — 188 с.
7. Ильминская М. Ф. Феномен «Исламского государства»: идеология, политическая цель, причины успеха // Вестник РУДН. Сер. «Политология». 2014. № 4. С. 118—129.
8. Книговедение : энциклопедический словарь / гл. ред. Н. М. Сикорский. — Москва : Советская энциклопедия, 1982. 664 с. URL: <http://redkayakniga.ru/knigovedenie/item/f00/s00/e0000110/index.shtml> (дата обращения: 03.11.19).
9. Комиссина И. Н. Движение «Таблиги джамаат»: теория и практика радикализма // Проблемы национальной стратегии. 2011. № 1 (6). С. 45—65.
10. Кузьменко Н. С. Валюативная модель джихада на примере сообщества «Имарат Кавказ» // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. 2015. Т. 1 (67). № 2. С. 85—93.
11. Лихачев Д. С. Текстология (на материале русской литературы X—XVII вв.). — Санкт-Петербург : Алетейя, 2001. 759 с.
12. Лурья А. Р. Письмо и речь: нейролингвистические исследования. — Москва : Академия, 2002. 352 с.
13. Луценко Е. В. Атрибуция анонимных и псевдонимных текстов в системно-когнитивном анализе // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2004. № 03 (005). С. 44—64. URL: <http://ej.kubagro.ru/2004/03/pdf/03.pdf> (дата обращения: 03.11.19).
14. Маевская Л. Б. ИГ: идеологические вызовы современному евразийскому пространству // Современные евразийские исследования. 2015. № 3. С. 105—112.
15. Моисеев С. В., Шаганян А. М. Экстремистская религиозная партия «Джамаат таблиг»: история происхождения, деятельность, проблемы противодействия : учебно-методическое пособие. — Барнаул : Барнаульский юридический институт МВД России, 2015. 24 с.
16. Осадчий М. А. Русский язык на грани права: функционирование современного русского языка в условиях правовой регламентации речи. — Москва : Книжный дом «Либроком», 2016. 254 с.
17. Памятка по вопросам назначения судебной лингвистической экспертизы: для судей, следователей, дознавателей, прокуроров, экспертов, адвокатов и юрисконсультов / под ред. М. В. Горбаневского. — Москва : Медя, 2004. 104 с.
18. Старостин А. Н. Идеологические истоки ИГИЛ, практики агитации и методы информационного противодействия радикалам // Мусульманский мир. 2015. № 4. С. 55—66.
19. Федорченко А. В., Крылов А. В. Феномен «Исламского государства» // Вестник МГИМО. 2015. № 2 (41). С. 174—183.
20. Хазимуллина Е. Е. Механизм речевого вовлечения в деятельность экстремистских организаций // «Acta linguistica petropolitana». Труды института лингвистических исследований РАН. 2016. Т. 12. Ч. 3. С. 453—469.

E. E. Khazimullina

Bashkir state pedagogical university named after M. Akmulla, Ufa, Russia

ORCID ID: 0000-0001-8132-7758

Yu. S. Fomina

Bashkir state pedagogical university named after M. Akmulla, Ufa, Russia

ORCID ID: 0000-0003-0183-8713

 E-mail: lenahk@gmail.com; ufom@mail.ru.

Markers for Identification of Terrorist Organization Texts (as a Result of Comprehensive Linguo-Religious Expertise)

ABSTRACT. Attribution of texts is complicated in the situation of veiling conflictogenic content and camouflage of extremist and terrorist activity. The methods of analysis of facts of verbal extremism developed at the Center for Linguistic Expertise and Editing of the Bashkir State Pedagogical University demonstrate high efficiency and include the following procedures: a) identification of the speaker's communicative intentions; b) description of strategies and tactics of conflict content veiling; c) extraction of hidden semantics, including inducement; d) characteristics of involvement acts; e) linguistic and religious attribution of the text.

The article discusses the ways to identify texts as belonging to extremist and terrorist organizations via a comprehensive linguo-religious examination. The analysis of more than 7,000 texts reveals verbal and nonverbal markers of their attribution to terrorist organizations such as «Hizb ut-Tahrir al-Islami» («Islamic Party of Liberation»), «Islamic State», the «Caucasus Emirate» and the extremist organization «Tablighi Jamaat». Such markers include full and short names of organizations, names of members by status in organization hierarchy; presence of a political program, positive characteristic of the organization's activities and denial of its terrorist / extremist nature; basic literature to be studied by adepts and members of the organizations; special titles and algorithms of conduct of public and private meetings; compulsory involvement of new members; justification of military, terrorist and destructive actions, their detailing in relation to specific social groups; orientation to publicity or secrecy of the organization activity; instructions for storage, use and distribution of illegal literature, counteraction to security forces in case of detention or arrest; system of special ideologemes, etc. It is emphasized that in cases of veiling the identification markers of a text, its linguistic and religious attribution should be based on macro-context, discourse, expert knowledge of the ideology of the existing extremist and terrorist organizations, and their basic literature reflected in derivative texts in the form of intertextual elements.

KEYWORDS: text attribution; extremism; terrorist organizations; terrorism; forensic expertise; political discourse; extremist texts; linguo-religious expertise.

AUTHOR'S INFORMATION: Khazimullina Elena Evgen'evna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of General Linguistics, Head of the Center for Linguistic Expertise and Editing, Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla, Ufa, Russia.

AUTHOR'S INFORMATION: Fomina Yuliya Sergeevna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of General Linguistics, Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla, Ufa, Russia.

FOR CITATION: Khazimullina, E. E. Markers for Identification of Terrorist Organization Texts (as a Result of Comprehensive Linguo-Religious Expertise) / E. E. Khazimullina, Yu. S. Fomina // Political Linguistics. — 2019. — No 6 (78). — P. 197-204. — DOI 10.26170/pl19-06-25.

REFERENCES

1. Baran Z. Hizb ut-Tahrir: the political radicalization of Islam. — Washington : Nixon Center, 2004. — 134 p. [Hizb ut-Tahrir: politicheskaja radikalizacija islama. Vashington : Centr Niksona, 2004. — 134 s.]. — (In Rus.)
2. Galyashina E. I. Linguistic support of forensic research of oral and written text // Computer Linguistics and Intelligent Technologies : Materials of the International Conference «Dialogue». 2001. [Lingvisticheskoe obespechenie kriminalisticheskogo issledovaniya ustnogo i pis'mennogo teksta // Komp'yuternaja lingvistika i intellektual'nye tehnologii : materialy mezhdunarodnoj konferencii «Dialog». 2001]. URL: <http://www.dialog-21.ru/en/digest/2001/articles/galyashina/> (date of access: 03.11.19). — (In Rus.)
3. Egorov E. N. The movement «Tablighi Jamaat»: ideology and specifics of activity // Islamic Studies. 2016. Vol. 7. No. 3. P. 5—16. [Dvizhenie «Tabligi Dzhamaat»: ideologija i specifika dejatel'nosti // Islamovedenie. 2016. T. 7. № 3. S. 5—16]. — (In Rus.)
4. Zhrebilo T. V. Dictionary of linguistic terms and concepts. Nazran : Pilgrim, 2016. — 610 p. [Slovar' lingvisticheskikh terminov i ponjatij. Nazran' : Pilgrim, 2016. — 610 s.]. — (In Rus.)
5. Zhirukhina E. V. Information strategies of the radical Islamist underground in the North Caucasus (For example, the organization «Emirate of the Caucasus») // Politia. 2014. No. 1 (72). S. 47—60. [Informacionnye strategii radikal'nogo islamistskogo podpol'ja na Severnom Kavkaze (Na primere organizacii «Imarat Kavkaz») // Politija. 2014. № 1 (72). S. 47—60]. — (In Rus.)
6. ISIS as a threat to international security : monograph / ed. A. V. Glazova. Moscow : RISI, 2015. — 188 p. [IGIL kak ugroza mezhdunarodnoj bezopasnosti : monografija / pod red. A. V. Glazovoj. Moskva : RISI, 2015. — 188 s.]. — (In Rus.)
7. Il'minskaya M. F. The phenomenon of the «Islamic state»: ideology, political goal, reasons for success // Bulletin of the RUDN University. Ser. Political science. 2014. No. 4. P. 118—129. [Fenomen «Islamskogo gosudarstva»: ideologija, politicheskaja cel', prichiny uspeha // Vestnik RUDN. Ser. Politologija. 2014. № 4. S. 118—129]. — (In Rus.)
8. Bibliology : Encyclopedic Dictionary / Ch. ed. N. M. Sikorsky. Moscow : Soviet Encyclopedia, 1982. — 664 p. [Knigovedenie : jenciklopedicheskij slovar' / gl. red. N. M. Sikorskij. Moskva : Sovetskaja jenciklopedija, 1982. — 664 s.]. URL: [http://redkayakniga.ru/knigovedenie/item/f00/s00/e0000110/index.shtml](http://r edkayakniga.ru/knigovedenie/item/f00/s00/e0000110/index.shtml) (date of access: 03.11.19). — (In Rus.)
9. Komissina I. N. The movement «Tablighi Jamaat» : theory and practice of radicalism // Problems of National Strategy. 2011. No 1 (6). P. 45—65. [Dvizhenie «Tabligi dzhamaat»: teorija i praktika radikalizma // Problemy nacional'noj strategii. 2011. № 1 (6). S. 45—65]. — (In Rus.)
10. Kuzmenko N. S. A valiative model of jihad based on the example of the «Caucasus Emirate» // Scientific notes of the

Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky. Philosophy. Political science. Culturology. 2015. Vol. 1 (67). No. 2. P. 85—93. [Valjativnaja model' dzhihada na primere soobshhestva «Imarat Kavkaz» // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filosofija. Politologija. Kul'turologija. 2015. T. 1 (67). № 2. S. 85—93]. — (In Rus.)

11. Likhachev D. S. Textology (based on Russian literature of the 10th-17th centuries). — St. Petersburg : Aletheia, 2001. — 759 p. [Tekstologija (na materiale russkoj literatury X-XVII vv). Sankt-Peterburg : Aleteja, 2001. — 759 s.]. — (In Rus.)

12. Luria A. R. Letter and speech: neuro-linguistic studies. — Moscow : Academy, 2002. 352 p. [Pis'mo i rech': Nejrolingvisticheskie issledovanija. Moskva : Akademija, 2002. 352 s.]. — (In Rus.)

13. Lutsenko E. V. Attribution of anonymous and pseudonymous texts in system-cognitive analysis // Polythematic Network Electronic Scientific Journal of the Kuban State Agrarian University. 2004. No. 03 (005). P. 44—64. [Atribucija anonimnyh i psevdonimnyh tekstov v sistemno-kognitivnom analize // Polite-maticheskij setevoj jelektronnyj nauchnyj zhurnal Kubanskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta. 2004. № 03 (005). S. 44—64]. URL: <http://ej.kubagro.ru/2004/03/pdf/03.pdf> (date of access: 03.11.19). — (In Rus.)

14. Mayevskaya L. B. IS: ideological challenges to the modern Eurasian space // Modern Eurasian Studies. 2015. No. 3. P. 105—112. [IG: ideologicheskie vyzovy sovremennomu evrazijskomu prostranstvu // Sovremennye evrazijskie issledovanija. 2015. № 3. S. 105—112]. — (In Rus.)

15. Moiseev S. V., Shaganyan A. M. Extremist religious party «Jamaat Tablig»: history of origin, activity, problems of counteraction: a training manual. — Barnaul : Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2015. 24 p. [Jekstremistskaja religioznaja partija «Dzhamaat tablig»: istorija proishozhdenija, dejatel'nost', problemy protivodejstvija : uchebno-meto-

dicheskoe posobie. — Barnaul : Barnaul'skij juridicheskij institut MVD Rossii, 2015. 24 s.]. — (In Rus.)

16. Osadchy M. A. Russian language on the verge of law: The functioning of the modern Russian language in the conditions of legal regulation of speech. — Moscow : Book House LIBRO-COM, 2016. 254 p. [Russkij jazyk na grani prava: Funkcionirovanie sovremennogo russkogo jazyka v uslovijah pravovoj reglamentacii rechi. — Moskva : Knizhnyj dom «LIBROKOM», 2016. 254 s.]. — (In Rus.)

17. Memo on the appointment of a forensic linguistic examination: for judges, investigators, investigators, prosecutors, experts, lawyers and legal advisers / ed. M. V. Gorbanevsky. — Moscow : Medea, 2004. 104 p. [Pamjatka po voprosam naznachenija sudebnoj lingvisticheskoj jekspertizy: dlja sudej, sledovatelej, doznavatelej, prokurorov, jekspertov, advokatov i juriskonsul'tov / pod red. M. V. Gorbanevskogo. — Moskva : Medeja, 2004. 104 s.]. — (In Rus.)

18. Starostin A. N. The ideological sources of ISIS, agitation practices and methods of informational counteraction to radicals // The Muslim World. 2015. No. 4. P. 55—66. [Ideologicheskie istoki IGI, praktiki agitacii i metody informacionnogo protivodejstvija radikal'm // Musul'manskij mir. 2015. № 4. S. 55—66]. — (In Rus.)

19. Fedorchenko A. V., Krylov A. V. The phenomenon of the «Islamic state» // Vestnik MGIMO. 2015. No. 2 (41). P. 174—183. [Fenomen «Islamskogo gosudarstva» // Vestnik MGIMO. 2015. № 2 (41). S. 174—183]. — (In Rus.)

20. Khazimullina E. E. The mechanism of speech involvement in the activities of extremist organizations // «Acta linguistica petropolitana». Proceedings of the Institute of Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences. 2016. V. 12. Part 3. P. 453—469. [Mehanizm rechevogo вовлечeniya v dejatel'nost' jekstremistskikh organizacij // «Acta linguistica petropolitana». Trudy instituta lingvisticheskikh issledovanij RAN. 2016. T. 12. Ch. 3. S. 453—469]. — (In Rus.)

РАЗДЕЛ 5. ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

УДК 811.161.1'373.45:811.581
ББК ШП41.12-32+ШП71.1
DOI 10.26170/pl19-06-26

ГСНТИ 16.21.45

Код ВАК 10.02.01

Ли Сыци

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

ORCID ID: 0000-0002-1438-5306

 E-mail: sytsil@mail.ru.

Общественно-политическая лексика китайского происхождения в русском языке

АННОТАЦИЯ. Данная работа посвящена изучению семантических особенностей и деривационного потенциала общественно-политических слов китайского происхождения, а также специфики их функционирования в русском языке. В данной работе представлено 28 заимствований с общественно-политической семантикой, зафиксированных в словарях русского языка и используемых в интернет-ресурсах. Методология исследования базируется на функциональном подходе к языковым единицам, сущностью которого является их осмысление и систематизация путем сочетания семасиологического анализа (от формы — к значению) с ономазиологическим (от значения, содержания слов — к их функции). Первый вид анализа применяется на начальном, структурно-семантическом этапе исследования дериватов, а второй — при изучении особенностей их функционирования в русском языке. Помимо собственно лингвистических, в работе используется также количественный метод. В статье разработана семантическая классификация общественно-политической лексики, пришедшей в русский язык из китайского языка; проанализированы особенности адаптации данных лексических единиц на разных уровнях языка: фонетическом, семантическом и словообразовательном. Установлено, что на базе этих лексем в современном русском языке образовано 56 дериватов; охарактеризована их словообразовательная структура и семантика каждого из них. Полученные данные свидетельствуют о том, что реализация деривационного потенциала заимствований связана со степенью актуальности обозначаемой реалии Китая для русскоязычного сообщества. Так, выявлено, что личное имя «Мао Цзэдун» в ряду рассматриваемых заимствований обладает самой высокой деривационной способностью (20 дериватов). В работе проанализированы, кроме того, особенности функционирования интересующих нас слов в разных сферах коммуникации — большая их часть употребляется в прямом значении, в ряде случаев развивая терминологичность. Тем не менее в публицистическом дискурсе эта лексика способна отражать отношение носителей русского языка к общественно-политическим реалиям Китая.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: общественно-политическая лексика; русский язык; китайский язык; китаизмы; лексическая семантика; заимствование слов; функциональный динамизм; заимствованные слова; иностранные слова; заимствованная лексика.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Ли Сыци, аспирант, аспирант кафедры русского языка как иностранного, институт филологии и межкультурной коммуникации, Казанский (Приволжский) федеральный университет; 420008, Россия, Казань, ул. Татарстан, 2; e-mail: sytsil@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Ли, Сыци. Общественно-политическая лексика китайского происхождения в русском языке / Ли Сыци // Политическая лингвистика. — 2019. — № 6 (78). — С. 205-213. — DOI 10.26170/pl19-06-26.

В последние годы в связи с расширением взаимодействия между народами, обусловленным глобализацией, непрерывно происходит процесс проникновения слов из одних языков в другие. В условиях углубления контактов и укрепления дружественных связей между Россией и Китаем в русский язык начали активно проникать названия китайских реалий, функционирующие в разных сферах: политике, экономике, философии, культуре и др. Объектом данного исследования стала общественно-политическая лексика (далее — ОПЛ) китайского происхождения, под которой мы подразумеваем не только собственно заимствования, но и антропонимы, тематически примыкающие к этой группе, а также их дериваты, образованные на почве русского языка. Пред-

метом анализа являются словообразовательные, семантические и прагматические свойства этих слов.

Цель данной работы — выявление деривационно-структурных и деривационно-семантических особенностей ОПЛ китайского происхождения в русском языке и специфики ее функционирования в разных сферах общественной коммуникации. Актуальность нашей работы определяется следующими факторами: возрастание роли китайского языка в качестве нового активного языка-источника в формировании современной лексической системы русского языка; увеличение интереса к феномену лексики китайского происхождения в русском языке, отражающей политические реалии Китая; значимость комплексного исследования особен-

ностей ее включения в русскую языковую систему. В немалой степени актуальность исследования определяется проявившейся в последние годы тенденцией к упрочению политических, торгово-экономических и культурно-образовательных связей между Россией и Китаем.

Поставленная цель предполагает решение следующих задач: 1) осуществить выборку лексики, обозначающей китайские общественно-политические реалии, из словарей русского языка и разнообразных интернет-ресурсов; 2) разработать классификацию заимствованных слов по типу обозначаемого; 3) проанализировать специфику их адаптации в русском языке; 4) выявить дериваты изучаемых слов, охарактеризовать способы формирования и семантику этих дериватов; 5) рассмотреть особенности их функционирования в современной коммуникации.

В словарях русского языка (НСРЯ-2000, НСИСИВ-2003, ТСИС-2006, ССИРЯ-2010 и др.) и разнообразных интернет-источниках (НКРЯ, «Яндекс», «Гугл», форумы и др.) мы обнаружили 28 лексических единиц китайского происхождения с общественно-политической семантикой. По типу обозначаемого эти слова можно разделить на следующие группы:

1) личные имена общественно-политических деятелей: *Дэн Сяопин*, *Ли Шиминь*, *Линь Бяо*, *Мао Цзэдун*, *Си Цзиньпин*, *Сун Цзинлинь*, *Сунь Ятсен*, *Цзянь Цзэминь*, *Цяньлун*, *Ху Цзиньтао*, *Чан Кайши*, *Чжао Цзыян*;

2) наименования общественно-политических сообществ: *баохуанхой*, *гэлаохой* (*гэдихой*), *ихэцзюань* (*ихэтуань*₁; фиксация трех значений у китайского заимствования «ихэтуань» связана с возможностью метонимического использования исходного слова, выступавшего в качестве названия тайного сообщества: *ихэтуань*₂ — восстание под руководством этого сообщества, *ихэтуань*₃ — участник этого восстания);

3) наименования политических партий, армий, событий, учреждений, артефактов, систем управления (по одному слову соответственно): *Гоминьдан*; *гоминьцзюнь*; *ихэтуань*₂; *ямынь/ямэнь*; *дацзыбао*; *баоцзя*;

4) нарицательные наименования лиц — общественно-политических деятелей: *даоминь* (*даотай*), *ихэтуань*₃, *мандарин*, *тайпинг(у)/тайпин(ы)*, *хунвэйбин(ы)* (орфографический вариант: *хунвейбин(ы)*), *хунхуэ(ы)*, *цзаофань(у)*.

При заимствовании слов из китайского языка используется в первую очередь транскрипция, т. е. «способ однозначной фиксации на письме звуковых характеристик отрезков речи» [Языкознание 1998: 517], что обусловлено иероглифическим характером

китайской письменности. Некоторые интересные нас единицы ОПЛ существуют в русском языке в двух орфографических и, соответственно, фонетических вариантах. Это объясняется тем, что при заимствовании одной и той же лексемы могут быть использованы разные способы. Так, например, слово *тайпин* (太平 — taiping) заимствовано путем кириллической транскрипции слова из официального китайского языка, тогда как вариант *тайпинг* возник путем транслитерации английской лексемы китайского происхождения *Taiping*. Кроме того, если какая-то общественно-политическая реалья имеет в китайском языке два названия, в русский язык могут перейти обе номинации: *гэлаохой* и *гэдихой*: *гэлаохой* („Общество старшего брата“) или *гэдихой* („Общество братьев“) — *тайные антиманьчжурские общества, возникшие в Китае во 2-й пол. 17 в.*» [НСИСИВ-2003: 254]; *даоминь* и *даотай*: *даоминь* — 1) *чиновник в Китае, ведающий какою-л. отраслью управления в провинции*; 2) *специальный уполномоченный для сношений с иностранными консулами в договорных портах*; *даотай* — см. *даоминь* [СИС-1933: 334—335]. Объяснить существование в русском языке лексемы *ямынь* [НСИСИВ-2003: 973] как варианта более распространенной номинации *ямэнь* довольно трудно, поскольку эта огласовка не соответствует правилам общепринятой системы транскрипции с китайского языка на русский.

Попадая в систему русского языка, ОПЛ китайского происхождения неизбежно подвергается адаптации. Как справедливо отметила А. В. Суперанская, «становясь словами нового языка, транскрибированные единицы должны прежде всего получить признаки определенной части речи, к которой они присоединяются, и способность функционировать в речи...» [Суперанская 1978: 223]. Ассимиляция иноязычных слов постепенно происходит на разных языковых уровнях: воспроизведение этих слов в фонетической, графической и грамматической форме заимствующего языка, их дальнейшая грамматическая и лексическая адаптация, развитие деривационного потенциала этих слов и т. п. Нами выявлены некоторые особенности освоения ОПЛ китайского происхождения в русском языке. Охарактеризуем их.

1. Фонетическая и графическая адаптация

Фонетическая адаптация представляет собой процесс передачи иноязычного слова с помощью звуков русской фонетической системы [Маринова 2012: 161]. Е. В. Маринова подчеркивает, что графическая адаптация — изменение буквенного состава лек-

сической единицы в русском языке — является важным этапом в процесс освоения иноязычных слов, в связи с тем что для подавляющего большинства иноязычных слов, проникающих в русский язык, русское письмо, с его исконным кириллическим алфавитом, оказывается чужеродной средой [Там же: 162—163]. Названия, обозначающие общественно-политические реалии Китая, передаются в русском языке на письме не в иероглифической форме, а с помощью кириллической графики в соответствии с их произношением. Так, слово 义和拳 произносится как «Yì hé quán», и в русском языке оно закрепилось в соответствующей фонетической огласовке и орфографической форме — *ихэцюань*. В отличие от русского языка, в китайском языке отсутствует ударение в слове, но существует фразовое ударение, т. е. феномен ударности реализуется в речи по выделению определенного слова с помощью тона. Однако, попадая в русский язык, заимствованные из китайского языка слова неизбежно получают ударение, как правило, «в словах, пришедших в русский язык из китайского языка, ударение ставится на конце» [ССИРЯ-2010: 23]: *Гоминьдан*, *дацзыбао* и др.

2. Грамматическая адаптация

В процессе грамматической адаптации иноязычное слово «приобретает те грамматические особенности, которые присущи словам национального языка» [Бельчиков 1959: 60]. Когда система языка-источника сильно отличается от языка-реципиента, процесс грамматической адаптации более заметен. Общеизвестно, что китайский и русский языки имеют разные системно-типологические особенности. В китайском языке слова не имеют рода и падежа, но в результате ассимиляции в системе русского языка заимствованные слова получают эти грамматические характеристики: *Гоминьдан* (-а, м. р.), *баоцзя* (нескл., с.) [Грамота.ру]. Однако изменение по падежам свойственно не всем заимствованным словам — некоторые слова, оформленные финалью на гласный, не склоняются: *Чан Кайши* [ССИРЯ-2010: 804], *дацзыбао* [ТСИС-2006: 230]. Женские иноязычные фамилии и имена также не склоняются: *Сун Цинлин* (кит. гос. и общ. деятель; жена Сунь Ятсена) [ССИРЯ-2010: 694]. Необходимо подчеркнуть, что в некоторых случаях при заимствовании иноязычных слов в русский язык может меняться частеречная принадлежность слова. Например, существительное *цзаофани* произошло от китайского глагола 造反 — *zàofǎn* (бунтовать).

3. Семантическая адаптация

Сущность семантической ассимиляции иноязычного слова заключается в процессе уточнения и развития его лексического значения в русском языке. В большинстве случаев при переходе в русский язык исходное значение слова сохраняется, но некоторые слова подвергаются семантической трансформации. Изменение семантической структуры иноязычных слов носит, как правило, закономерный характер: «происходит сужение, расширение и переосмысление их значений» [Гилязетдинова 2010: 24]. Только два слова из рассматриваемых единиц китайского происхождения претерпели преобразование лексического значения в результате метонимии: слово *цзаофани*, которое закрепилось в русском языке в значении «*участники отрядов, созданных в Китае в 60-е гг. 20 в. во время «культурной революции», использовавшихся вместе с хунвейбинами для расправы с политическими и общественными деятелями*» [НСИС-2003: 725], восходит к китайскому глаголу 造反 (*zàofǎn*) со значением действия — бунтовать.

В процессе дальнейшего развития слов китайского происхождения в русском языке они могут употребляются не в заимствованном значении, а в результате метонимии или метафоризации приобретают новое лексическое значение.

Так, слово *дацзыбао* зафиксировано в словаре в значении «настенный рукописный плакат или листовка в Китае 50—70-х гг. (особенно распространенный в годы так наз. «культурной революции»)» [ТСИС-2006: 230]. В современных интернет-источниках вследствие метонимии оно получило дальнейшее семантическое развитие: так, в одном из зафиксированных нами примеров это слово выступает в качестве результата ассоциации по содержательному сходству, обозначая агрессивные призывы, причем в контексте отсутствует пространственно-временная привязка, ср.: ...на сайте «Политнавигатор» размещена статья под названием «*Дацзыбао по Крыму*», посвященная новостям об издании сборника «*Политика в отношении Крыма. Рекомендации*» на Украине [Александр Ростовцев 2018]. Метонимия может быть построена также на ассоциации по формальному сходству соответствующих реалий; в этом случае слово *дацзыбао* употребляется в значении «*большая стенная газета, афиши, листовки*»: *Признание в любви прямо на магазине в формате Дацзыбао* (название статьи) [Виртуальный Брест 2017].

По данным лексикографических источников, слово *хунвейбины* обозначает «моло-

дежные отряды, сформированные в Китае в 1966 г. для проведения так наз. „культурной революции“» [ТСИС-2006: 864]. Как известно, культурная революция в Китае произошла в 1966—1976 г., это «идейно-политическая кампания, развернутая Мао Цзэдуном под лозунгом борьбы с „ревизионизмом“ и „остатками буржуазии в партии, правительстве и армии“» [БРЭ 2010: 318]. Первый этап революции — выступления хунвейбинов, отличавшихся крайней жестокостью, поэтому при употреблении в русском языке слово *хунвейбин* может обозначать человека, который пренебрегает культурными традициями и правами человеческой личности. Так, в комментариях к посту под названием «Некультурные „культурные пассажиры“» слово *хунвейбин* используется в метафорическом значении, критически оценивая представителей нового общественного движения «Культурные пассажиры», нарушающих, по мнению автора, права человека, ср.: «*всех этих хунвейбинов эпохи информационного общества цель одна — захайпиться за счет публичного унижения тех или иных людей, и все это прикрывается за незащитным фасадом полезной общественной деятельности*» [Aurelian1988 2017].

4. Словообразовательная адаптация

Словообразовательная адаптация — это приспособление заимствованных слов к законам русского словообразования и активизация их деривационных возможностей. Не все интересующие нас слова китайского происхождения подвергаются словообразовательной ассимиляции, в отличие от адаптации фонетической, графической и грамматической. Реализация словообразовательного потенциала заимствованных слов является исключительно важным свидетельством глубины их вхождения в систему русского языка. Нами установлено, что базой для словопроизводства в русском языке послужили 19 лексических единиц, на основе которых образовано 56 дериватов. Охарактеризуем способы и средства образования производных лексем:

1) **суффиксальный** способ, с помощью которого образуются:

а) существительные с суффиксами: **-изм** (со значением ‘идеологическое направление, связанное с собственным именем лица или со значением названий направлений, представителем которых является лицо, названное нарицательным существительным’; толкования значений словообразовательных средств здесь и далее приводятся по «Русской грамматике» (ст. 123—452) [Русская грамматика 1980]): *дэнсяопинизм, маоизм,*

сицзиньпинизм, суньятсенизм, чанкайшизм; ихэтуанизм, тайпинизм, хунве(э)йбинизм; -ист (со значением ‘лицо по принадлежности к идеологическому направлению, названному мотивирующим словом’): *дэнсяопинист, маоист, маоцзэдунист, суньятсенист, чанкайшист; -овец* (со значением ‘лицо, названное по принадлежности к партии’ или ‘лицо, названное по принадлежности к общественному течению, связанному с именем лица, названного в основе мотивирующего прилагательного’): *гоминьдановец; маоцзэдуновец; -ец* (со значением ‘лицо, названное по принадлежности к организации или группировке’): *ихэтуанец; -ация* (со значением ‘отвлеченный процессуальный признак’): *маоизация; -к(а)* (со значением ‘женскость’): *хунве(э)йбинка; -овк(а)* (со значением ‘предмет, характеризующийся признаком, названным мотивирующим словом’): *маоцзэдуновка; -щин(а)* (со значением ‘признак, мотивированный именами и фамилиями исторических деятелей, нарицательными названиями лиц или названиями организаций, обычно с оттенком неодобрения’): *маоцзэдуница, хунве(э)йбинщина, гомиьдановщина;*

б) прилагательные со значением ‘относящийся к тому или свойственный тому, что названо мотивирующим’ образуются с помощью суффикса **-ск(ий)/-овск(ий)**. В качестве мотивирующих слов выступают: а) собственные личные имена и фамилии: *дэнсяопинский, линьбяоский, маоцзэдунский, сицзиньпинский, цзяньлунский, чанкайшиский;* б) нарицательные существительные со значением лица, принадлежащего к какому-то идеологическому течению: *маоистский, маоцзэдуновский, суньятсенистский, чанкайшистский;* в) нарицательные существительные, называющие лицо по роду деятельности, профессии: *ихэтуаньский, мандаринский, тайпинский, хунве(э)йбинский, хунве(э)йбиновский, хунхузский, цзаофаньский;* г) однословные названия партий, армий, обществ и учреждений: *гоминьдановский, гомиьцзюньский, ихэцюаньский, ямыньский;*

в) глагол со значением ‘совершать действие, свойственное тому, кто назван мотивирующим существительным’, образованный с помощью суффикса **-ирова-**: *маозировать;*

2) **префиксальный** способ, при котором используются такие префиксы, как **анти-** (со значением ‘направленный против того, что названо мотивирующим словом’): *антимаоизм, антимаоист, антимаоистский, анти-линьбяоский; нео-* (при добавлении к существительным или прилагательным образует слова со значением ‘новый, современный’): *неомаоизм, неомаоист, неомаоистский; пост-* (со значением ‘совершающийся или

совершившийся после того, что названо словом): *постдэнсяопинский*;

3) способ **сложения**, с помощью которого в русском языке образованы прилагательные, семантика которых указывает на связь с политическим течением, уточненную временным компонентом: *раннемаоистский*; *позднемаоистский*.

По правилам русского словообразования (приставочно-суффиксальным способом) на основе имен собственных китайского происхождения были образованы также наречия, мотивированные соответствующими прилагательными: *по-маоцзэдунски*, *по-сицзиньпински*.

Проведенные исследования показывают, что наибольшим словообразовательным потенциалом в рассматриваемой группе слов китайского происхождения обладает личное имя **Мао Цзэдун**, на основе которого образовано 20 слов, в том числе десять существительных, семь прилагательных, один глагол и одно наречие, три из которых зафиксированы в словарях русского языка, а именно *маоизм*, *маоист*, *маоистский* [ТСИС-2006: 461]. Это свидетельствует об актуальности реалии, обозначаемой китайской лексемой, высокой степени ее известности в русскоязычном сообществе.

Китайские общественно-политические лексемы тесно связаны с социальными, общественными, политическими и историческими реалиями Китая, их денотаты носят национально обусловленный специфический характер, поэтому эти лексемы являются безэквивалентными в русском языке. Однако существует исключение, когда какой-либо компонент лексического значения исконно китайского слова совпадает с одним из значений исконно русского слова. Так, *造反* — иностранный прототип заимствования *цзаофани* — содержит в себе сему 'бунтовать', ввиду чего носители русского языка используют слово «бунтовщики» в качестве синонима к слову *цзаофани*: *В борьбе с переродившейся политической элитой руководства КПК Мао Цзэдун апеллировал к народу, ударными силами по искоренению новой бюрократии стали отряды студентов — хунвэйбинов („красногвардейцев“) и рабочих — цзаофани („бунтовщиков“)* [Багдасарян, Сулакшин 2011: 164]; *(Культурная) Революция делалась руками миллионов подростков. Прежде всего школьников и студентов первых курсов. Они и называли себя „хунвэйбины“ — „солдаты красной охраны“. Еще были цзаофани — „бунтовщики“, молодые рабочие* [Дмитрий Косырев 2011]. Кроме того, китайское слово может также иметь омоним в русском языке: ср.

слово *мандарин* в значении 'название чиновника высокого ранга в феодальном Китае' и его омоним в значении 'цитрусовое плодородное дерево, а также его плод' [ТСИС-2006: 458].

ОПЛ — это отражение и факт истории общественно-политической жизни государства. Изменения в общественно-политической жизни Китая, актуализация денотата, безусловно, оказывают влияние на судьбу китайской ОПЛ. Многие такие слова вышли из активного употребления вследствие того, что обозначаемые предметы и явления исчезли из современной действительности. Например, слово *даоминь (даотай)* — название чиновника во время династии Цин, а после распада цинской империи эта должность была отменена; соответственно ее номинация *даоминь (даотай)* получила статус историзма и ушла на глубокую периферию русского литературного языка. Подобный процесс испытали многие слова, в том числе историзмы-антропонимы, например: *баохуанхой*, *гэлаохой (гэдихой)*, *гоминьцзюнь*, *Ли Шиминь*, *ихэцзянь*, *ихэтуань*, *ямьинь/ямэнь* и т. п. Они также являются объектом анализа в данной статье.

Китайские заимствования с общественно-политической семантикой и их дериваты охватывают разнообразные реалии Китая. В их число входят личные имена и нарицательные названия общественно-политических деятелей и соответствующих идеологических течений, наименования их последователей, названия партий, ассоциаций и лиц по принадлежности к ним и др. Одна из главных сфер функционирования слов с общественно-политическим значением — наука. В собственно научной, научно-популярной и справочной литературе (энциклопедии, монографии, статьи, учебники), посвященной истории и политике Китая, нарицательные имена, называющие китайские реалии, употребляются, как правило, в прямом значении, в ряде случаев подвергаясь терминологизации, ср. китаизмы *Гоминьдан* и *суньятсенизм* в следующем примере: *Он (Мао Цзэдун) смог увидеть, что именно в это время Гоминьдан вновь потянулся к идейному наследию Сунь Ятсена, но в то же время он правильно оценил невозможность для Гоминьдана удержать в руках знамя революционного национализма, знамя суньятсенизма. Чанкайшистскому Гоминьдану это было не по плечу...* [Меликсетова 2002: 569]. Однако слова этого типа могут получать отрицательную коннотацию, в том числе путем использования стилистически маркированных словообразовательных моделей. Так, например, в моно-

графии В. Н. Усова «Советская разведка в Китае. 20-е годы XX века» дериват *гоминьдановщина* представлен в ряду русских слов с отрицательной семантикой, что отражает внутривластную борьбу в Китае того времени: *Среди политических, практических и бытовых извращений в жизни ячейки КУТК были названы следующие: гоминьдановщина, ликвидаторство, упадничество, правоуклонистские взгляды в вопросах положения в Китае и задачах КПК...* [Усов 2011: 22].

Кроме того, ОПЛ китайского происхождения часто используется в официально-деловой сфере, преимущественно в исторических и дипломатических документах. Так, в «Депеше посланника в Пекине» (1900 г.) М. Гирс написал тогдашнему министру иностранных дел Российской империи графу Михаилу Николаевичу Муравьеву: «...Вызав в императорскую миссию одного из секретарей Цзун-ли-*Ямыня* (Цзун-ли-Ямынь — внешнеполитическое ведомство, созданное для вступления Китая в дипломатические отношения с зарубежными государствами [Самойлов 2008: 32]), пользующегося доверием князя Цина, я поручил ему передать от моего имени князю, что как представитель державы, несколько не заинтересованной в миссионерских делах и вполне дружественно относящейся к Китаю...» [Красный архив 1926: 10]. В этих текстах употребление китаизмов также отличается строгой терминологичностью.

Художественная литература также может служить источником заимствования ОПЛ из китайского языка. Китайская тематика, как известно, вызывает устойчивый интерес не только ученых и публицистов, но и беллетристов (ср., например, цикл «китайских» песен В. С. Высоцкого). Так, безэквивалентная лексическая единица *ямынь* восемь раз упомянута в монографии известного писателя и ученого — исследователя Центральной Азии В. А. Обручьева «От Кяхты до Кульджи. Путешествие в Центральную Азию и Китай», где дана ее семантизация, ср.: «*Монгольский город... состоял... из ямыней, т. е. китайских присутственных мест...*» (В. А. Обручев. От Кяхты до Кульджи. Путешествие в Центральную Азию и Китай (1940)) [НКРЯ]. Это слово присутствует также в его приключенческой повести «В дебрях Центральной Азии (записки кладоискателя)», где дается подробное описание внешнего вида данного учреждения: «...*Ямынь* был огорожен низкой стеной с широкими воротами, вернее разрывом, впереди которого на небольшом расстоянии тянулась стенка с изображенным на ней в красках фантастическим дра-

коном, как это принято у въезда в *китайский ямынь* (В. А. Обручев. В дебрях Центральной Азии (1951)) [НКРЯ]. Приведенный контекст иллюстрирует типичный способ представления денотативной безэквивалентной лексики в художественных текстах. Ср. также случай использования деривата *маоцзедуновка* в «Дневнике» Ю. Нагибина: *Противником нашего бойца выступает некто узкоглазый в маоцзедуновке* [Юрий Нагбин 1996: 322].

Иначе используются китаизмы с денотативной семантикой в сатирической поэзии В. Высоцкого. В его стихотворении «Мао Цзэдун — большой шалун» (1967), например, семантика слова *дацзыбао* дополнена коннотативной экспрессивно-неодобрительной семой для выражения отрицательного отношения к Культурной революции (1966—1976), руководившейся Мао Цзэдуном и наносившей большой вред китайскому и мировому сообществу: «...*А кто не читит цитат, тот — ренегат и гад, — / Тому на заднице наклеим дацзыбао! / Кто с Мао вступит в спор, тому дадут отпор / Его супруга вместе с другом Линем Бяо...*» [Владимир Высоцкий 1967].

Особого внимания заслуживают произведения переводной китайской литературы, в которых нередко употребляются китаизмы, в том числе с экзотической семантикой. После того как в 2012 г. китайский писатель Мо Янь стал лауреатом Нобелевской премии по литературе, он завоевал популярность и в России. Многие его произведения переведены на русский язык, самым известным среди них является роман «Большая грудь, широкий зад»; это описание истории Китая XX в., и в нем встречаются такие слова китайского происхождения, как *Гоминьдан*, *хунвэйбин(ы)*, *хунвэйбинский*, *цзаофани*, *ямынь* и нек. др. [Мо Янь 2013].

При исследовании особенностей функционирования ОПЛ китайского происхождения в русском языке большое внимание уделяется публицистическим дискуссиям, где наиболее заметно оценочное отношение носителей русского языка к общественно-политическим реалиям Китая. Важно отметить, что в семантике некоторых из этих лексем (*хунвэйбин(ы)*, *цзаофани*, *хунхуэ(ы)*) уже содержатся оценочные компоненты, выражающие отношение к называемому денотату, ср.: *хунхуэ* — «*участник вооруженных банд, действовавших в Маньчжурии с середины 19 в. до победы революции в Китае (1949 г.)*» [ТСИС-2006: 865]. В связи с малоизвестностью денотата подобные заимствования могут использоваться в экспрессивно-синонимическом сопровождении. Так, на-

пример, в статье «Китайские хунхузы: как они зверствовали в России» к слову *хунхуз* добавлено исконное русское слово *разбойник*: *Банды китайских разбойников-хунхузов больше полувек были головной болью для российского правительства на Дальнем Востоке* [Тимур Сагдиев 2019].

Оценочное отношение к денотату может быть выражено с помощью словообразовательных аффиксов. В частности, такие слова, как *маоцзэдунщина*, *хунве(э)йбинщина*, *гоминьдановщина* образованы посредством суффикса *-щина*, который выражает неодобрительное отношение говорящего к называемому явлению. Так, например, на политическом форуме «Восточное полушарие» находим комментарий, в котором использован оценочный дериват *маоцзэдунщина*, прямо выражающий критическое отношение автора к маоизму: *...Человек, не стесняясь говорит правду любому режиму. В том числе и достойно и активно критиковала и коммунизм, и китайскую самооценную маоцзэдунщину* [Анатолий Солнцев 2007].

В ряде случаев некоторые единицы ОПЛ китайского происхождения могут получать оценочные или экспрессивно-оценочные семы благодаря средствам контекста. Для обозначения таких компонентов значения в лингвистике существует термин «наведенная коннотация» [Стернин 1985: 102]. На политическом форуме «Politforums.net» приведена реплика, называющая социализм прямым путем к разрухе; последующий комментарий к ней содержит безоценочный дериват от имени собственного Дэн Сяопин, получившей оценочную сему в контексте, ср.: *Два примера: — сталинский СССР и пост-дэнсяопинский Китай опровергают эти фантазии* [kroser8 2013]. В данном случае семантика глагола *опровергать* и существительного *фантазия* помогает безошибочно понять позитивное отношение говорящего к *пост-дэнсяопинскому Китаю*, успешно реализующему политику реформ и открытости.

Подведем итоги исследования. Комплексный анализ выявленной нами ОПЛ китайского происхождения в русском языке (28 заимствований и 56 их дериватов) позволяет сделать следующие выводы:

1) китайские слова заимствуются русским языком преимущественно путем транскрипции и претерпевают формальную адаптацию на разных языковых уровнях (фонетическом, графическом и грамматическом);

2) на разных этапах семантической адаптации исходное значение заимствуемой лексической единицы может подвергнуться различным трансформациям, вплоть до развития нового значения (в частности, в резуль-

тате метонимического или метафорического переноса);

3) важным свидетельством активного вхождения лексических единиц китайского происхождения в русский язык является реализация их деривационного потенциала, которая обусловлена в первую очередь актуальностью обозначаемой общественно-политической реалии Китая;

4) китайские общественно-политические слова функционируют в разных сферах русскоязычной коммуникации; большая их часть употребляется в прямом значении, в ряде случаев получая свойства термина. Тем не менее в публицистическом дискурсе эта лексика способна отражать отношение носителей русского языка к общественно-политическим реалиям Китая, в том числе с помощью словообразовательных аффиксов с оценочной коннотацией и средств контекста.

Не подлежит сомнению, что количество обнаруженных нами китайских заимствований с общественно-политической семантикой будет постоянно увеличиваться, ввиду того что в последние годы, по словам Президента РФ В. В. Путина, «отношения между Россией и Китаем достигли без преувеличения беспрецедентного уровня» [Путин 2019].

ИСТОЧНИКИ

1. Багдасарян В. Э., Сулакшин С. С. Властная идейная трансформация: исторический опыт и типология. — М.: Научный эксперт, 2011. 342 с.
2. Виртуальный Брест. «Признание в любви прямо на магазине в формате дацзыбао» [Электронный ресурс]. URL: <http://virtualbrest.by/news47225.php> (дата обращения: 22.06.2019).
3. Высоцкий Владимир. Мао Цзедун — большой шалун [Электронный ресурс]. URL: <https://rupoem.ru/vysotskiy/mao-czedun-bolshoj-shalun.aspx> (дата обращения: 22.06.2019).
4. Грамота.ру. [Электронный ресурс]. URL: <http://gramota.ru/> (дата обращения: 22.06.2019).
5. Косырев Дмитрий. Сто лиц китайской «культурной революции» [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20110516/375314630.html> (дата обращения: 22.06.2019).
6. Красный архив: исторический журнал. — М.; Л.: Гос. изд-во, 1926. Т. 1 (14). С. 8—10.
7. Меликсетова А. В. История Китая. — М.: Изд-во МГУ: Изд-во «Высшая школа», 2002. 736 с.
8. Мо Янь. Большая грудь, широкий зад / пер. с кит., примеч. И. А. Егорова. — СПб.: Амфора, 2013. 832 с.
9. Нагибин Юрий. Дневник. — М.: ПИК, 1996. 616 с.
10. НКРЯ = Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru/new/> (дата обращения: 22.06.2019).
11. Путин В. В. «Путин заявил о достижении беспрецедентного уровня отношений России и Китая» [Электронный ресурс] // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20190605/1555283145.html> (дата обращения: 22.06.2019).
12. Ростовцев Александр. «Дацзыбао по Крыму» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.politnavigator.net/daczzyba-o-ro-krumu.html> (дата обращения: 22.06.2019).
13. Самойлов Н. А. Роль цинских дипломатов в политическом и культурном взаимодействии Китая с Европой и Россией (2-я половина XIX века) // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. 2008. Т. 7. Вып. 4: Востоковедение. С. 32—37.

14. Солнцев Анатолий. Комментарий на тему «Япония против Коммунизма» [Электронный ресурс]. URL: <http://polushaie.com/index.php?topic=73865.0> (дата обращения: 22.06.2019).

15. Тимур Сагдиев. Китайские хунхузы: как они зверствовали в России [Электронный ресурс]. URL: <https://cyrillitsa.ru/narody/83993-kitayskie-khunkhuzy-kak-oni-zverstvova.html> (дата обращения: 22.06.2019).

16. Усов В. Н. Советская разведка в Китае в 20-е годы XX века. — М.: Дом Конфуция, 2011. 382 с.

17. Aurelian1988. Комментарий на «Некультурные „Культурные пассажиры“» [Электронный ресурс]. URL: https://pikabu.ru/story/nekulturnyiequotkulturnyie_passazhiryiquote_4952700 (дата обращения: 22.06.2019).

18. kroser8. Комментарий на «Мадуро добывает экономику Венесуэлы» [Электронный ресурс]. URL: https://www.politforum.net/world/1370583476_2.html (дата обращения: 22.06.2019).

ЛИТЕРАТУРА

19. Бельчиков Ю. А. Интернациональная терминология в русском языке. — М.: Гос. учеб.-пед. изд-во, 1956. 80 с.

20. Гиляхетдинова Г. Х. Ориентализмы в русском языке Московского государства XV—XVIII вв. — Казань: Казан. ун-т, 2010. 200 с.

21. Маринова Е. В. Иноязычная лексика современного русского языка. — М.: Наука, 2012. 293 с.

22. Русская грамматика. Т. 1. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. — М.: Наука, 1980. 783 с.

23. Стернин И. А. Лексическое значение слова в речи. — Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1985. 170 с.

24. Суперанская А. В. Теоретические основы практической транскрипции. — М.: Наука, 1978. 283 с.

25. БРЭ = Большая Российская энциклопедия. Т. 16: Крещение Господне — Ласточкины / [отв. ред. С. Л. Кравец]. — М.: Большая Российская энциклопедия, 2010. 751 с.

26. НСИС-2003 = Новый словарь иностранных слов. — М.: Азбуковник, 2003. 783 с.

27. НСИСВ-2003 = Новейший словарь иностранных слов и выражений. — М.: Современный литератор, 2003. 976 с.

28. СИС-1933 = Словарь иностранных слов, вошедших в русский язык. — М.: Советская энциклопедия, 1933. 1502 с.

29. ССИРЯ-2010 = Словарь собственных имен русского языка. — М.: Мир и образование, 2010. 877 с.

30. ТСИС-2006 = Толковый словарь иноязычных слов. — М.: Эксмо, 2006. 940 с.

31. Языкознание: большой энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. — М.: Большая российская энциклопедия, 1998. 682 с.

Li Siqi

Kazan (Volga region) Federal University, Kazan, Russia

ORCID ID: 0000-0002-1438-5306

✉ E-mail: sytsil@mail.ru.

Socio-political Words of Chinese Origin in Russian

ABSTRACT. The article is devoted to the study of semantic features and derivational potential of socio-political words of Chinese origin, as well as the peculiarities of their functioning in the Russian language. The study describes 28 loanwords with socio-political semantics, which are recorded in the Russian dictionaries and used on the Internet. The research method is based on the functional approach to linguistic units focusing on their comprehension and systematization via a combination of semasiological (from the form to the meaning) and onomasiological (from the meaning to the function) analyses. The first kind of analysis is used at the initial, structural-semantic stage of investigation of derivatives; the second one is carried out while studying their functioning in the Russian language. In addition to purely linguistic methods, the article employs a quantitative one. The author has worked out a semantic classification of socio-political words borrowed into the Russian language from Chinese. The article analyzes the specificity of adaptation of these lexical units on various linguistic levels: phonetic, semantic and derivational. It has been found that 56 derivatives are formed in the modern Russian language on the basis of these lexemes. The article characterizes their derivational structure and semantics. It is stressed that the realization of the derivational potential of loanwords is associated with the urgency of the Chinese socio-political phenomenon for the Russian-speaking community. Thus, it has turned out that the personal name of Mao Zedong has the highest derivational capacity (20 derivatives). In addition, the author analyzes the specific features of functioning of socio-political words of Chinese origin in different areas of communication – the majority of them are used in their direct meanings; in some cases they develop a terminological flavor. Nevertheless, in publicist discourse, these words are capable of reflecting the attitude of Russian speakers to the socio-political phenomena of China.

KEYWORDS: socio-political words; Russian; Chinese; Chinese borrowings; lexical semantics; borrowing of words; functional dynamism; loanwords; foreign words; borrowed words.

AUTHOR'S INFORMATION: Li Siqi, Post-graduate Student, Department of Russian as a Foreign Language, Institute of Philology and Intercultural Communication, Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia.

FOR CITATION: Li, Siqi. Socio-political Words of Chinese Origin in Russian / Li Siqi // Political Linguistics. — 2019. — No 6 (78). — P. 205-213. — DOI 10.26170/pl19-06-26.

MATERIALS

1. Aleksandr Rostovtsev. Article "Dazibao in the Crimea" [Electronic resource]. [Stat'ia «Datszybao po Krymu»]. URL: <https://www.politnavigator.net/daczzybao-po-krymu.html> (date of access: 22.06.2019).

2. Anatolii Solntsev. Comment on "Japan vs Communism" [Electronic resource]. [Kommentarii na temu «Iaponiia protiv Kommunizma»]. URL: <http://polushaie.com/index.php?topic=73865.0> (date of access: 22.06.2019).

3. Bagdasarian V. E., Sulakshin S. S. Powerful ideological transformation: historical experience and typology — Moscow, Scientific expert, 2011, 342 p. [Vlastnaia ideinaia transformatsiia: istoricheskii opyt i tipologii. — M.: Nauchnyi ekspert, 2011. 342 s.]. — (In Rus.)

4. Virtual'nyi brest. Article "Declaration of love right on the store in the format Dazibao" [Electronic resource]. [Stat'ia «Priznanie v liubvi priamo na magazine v formate datszybao»]. URL: <http://virtualbrest.by/news47225.php> (date of access: 22.06.2019).

5. Vladimir Vysotskii. Poem "Mao Zedong — big naughty" [Electronic resource]. [Stikhotvorenie «Mao Tzedun — bol'shoi shalun»]. URL: <https://rupoem.ru/vysotskiy/mao-czedun-bolshoj-shalun.aspx> (date of access: 22.06.2019).

6. Gramota. Ru. [Electronic resource]. URL: <http://gramota.ru/> (date of access: 22.06.2019).

7. Dmitrii Kosyrev. Article "Hundred persons of the Chinese" cultural revolution" [Electronic resource]. [Stat'ia «Sto lits

kitaiskoi "kul'turnoi revoliutsii"»]. URL: <https://ria.ru/20110516/375314630.html> (date of access: 22.06.2019).

8. Red archive: historical journal // Moscow and Leningrad: State Publishing House, 1926. №. 1(14). pp. 8—10. [Krasnyi arkhiv: istoricheskii zhurnal // M. i Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo. 1926. T. 1(14). S. 8—10.]. — (In Rus.)

9. Meliksetova A. V. History of China — Moscow, Moscow State University Publishing House, Higher School Publishing House, 2002. 736 p. [Istoriia Kitaia. — M.: Izd-vo MGU, Izd-vo «Vysshaia shkola», 2002. 736 s.]. — (In Rus.)

10. Mo Yan, translation from Chinese, with note I. A. Egorova, Big breasts wide ass — St. Petersburg, Amphora, 2013. 832 p. [Mo Ian', per. s kit., primech. I. A. Egorova, Bol'shaia grud' shirokii zad — SPb.: Amfora, 2013. 832 s.]. — (In Rus.)

11. NKRlA: National Corpus of the Russian language [Electronic resource]. [Natsional'nyi korpus russkogo iazyka.]. URL: <http://www.ruscorpora.ru/new/> (date of access: 22.06.2019).

12. Putin V. V. "Putin announced the achievement of an unprecedented level of relations between Russia and China" RIA News [Electronic resource]. [«Putin zaial o dostizhenii besprezidentnogo urovnia otnoshenii Rossii i Kitaia» // RIA Novosti]. URL: <https://ria.ru/20190605/1555283145.html> (date of access: 22.06.2019).

13. Samoilov N. A. The role of Qing diplomats in the political and cultural interaction of China with Europe and Russia (second half of the XIX century) // Bulletin of Novosibirsk State University, Vol. 7, Issue 4: Oriental Studies. pp.32-37. [Rol' tsinskikh diplomatov v politicheskoi i kul'turnom vzaimodeistvii Kitaia s Evropoi i Rossiei (2-ia polovina XIX veka) // Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. 2008. T.7, vyp.4: Vostokovedenie. S.32-37.]. — (In Rus.)

14. Timur Sagdiev. Article "Chinese hunhuzy: how they committed atrocities in Russia" [Electronic resource]. [Stat'ia «Kitaiskie khunkhuzy: kak oni zverstvovali v Rossii»]. URL: <https://cyrlitsa.ru/narody/83993-kitayskie-khunkhuzy-kak-oni-zverstvova.html> (date of access: 22.06.2019).

15. Usov V. N. Soviet intelligence in China in the 20s of the XX century. — Moscow, Confucius House, 2011. 382 p. [Sovetskaia razvedka v Kitae v 20-e gody XX veka. — M.: Dom Konfutsiia, 2011. 382 s.]. — (In Rus.)

16. Iurii Nagibin. Diary — Moscow, PIK, 1996. 616 p. [Dnevnik. — M.: PIK, 1996. 616 s.]. — (In Rus.)

17. Aurelian1988. Commentary on "Uncultured Cultural Passengers" [Electronic resource]. [Kommentarii na «Nekul'turnye "Kul'turnye passazhiry" »]. URL: https://pikabu.ru/story/nekul'turnyequotkul'turnye_passazhiryquot_4952700 (date of access: 22.06.2019).

18. kroser8. Comment on "Wisely finishes the Venezuela's economy" [Electronic resource]. [Kommentarii na «Mudro dobivaet ekonomiku Venesuely»]. URL: https://www.politforums.net/world/1370583476_2.html (date of access: 22.06.2019). — (In Rus.)

REFERENCES

19. Bel'chikov Yu. A. International terminology in Russian. — Moscow, State educational and pedagogical publishing house, 1956. 80 p. [Internatsional'naya terminologiya v russkom yazyke. — M.: Gosudarstvennoe uchebno-pedagogicheskoe izdatel'stvo, 1956. 80 s.]. — (In Rus.)

20. Gilakhetdinova G. Kh. Orientalism in the Russian language of the Moscow state of the XV — XVIII centuries. — Kazan, Kazan University, 2010. 200 p. [Orientalizmy v russkom yazyke Moskovskogo gosudarstva XV — XVIII vv. — Kazan: Kazan. un-t, 2010. 200 s.]. — (In Rus.)

21. Marinova E. V. Loan words in modern Russian. — Moscow, Science, 2012. 93 p. [Inoyazychnaya leksika sovremennogo russkogo yazyka — M.: Nauka, 2012. 293s.]. — (In Rus.)

22. Russian grammar T. 1. Phonetics. Phonology. Stress. Intonation. Word formation. Morphology. — Moscow, Science, 1980. 783 p. [Russkaia grammatika T. 1. Fonetika. Fonologiya. Udaerenie. Intonatsiya. Slovoobrazovanie. Morfologiya. — M.: Nauka, 1980. 783 s.]. — (In Rus.)

23. Sternin I. A. The lexical meaning of the word in speech. — Voronezh, Voronezh University Publishing House, 1985. 170 p. [Leksicheskoe znachenie slova v rechi. — Voronezh: Izd-vo Voronezh. un-ta, 1985. 170 s.]. — (In Rus.)

24. Superanskaia A. V. Theoretical foundations of practical transcription — Moscow, Science, 1978. 283 p. [Teoreticheskie osnovy prakticheskoi transkripsii. — M.: Nauka, 1978. 283 s.]. — (In Rus.)

25. BRE: Great Russian Encyclopedia. T. 16: Kreshchenie Gospodne — Lastochkovye — Moscow, Great Russian Encyclopedia, 2010, 751 p. [Bol'shaia Rossiiskaia entsiklopediia. 15: Kongo — Kreshchenie / (otv. red. S. L. Kravets). — M.: Bol'shaia Rossiiskaia entsiklopediia, 2010. 751 s.]. — (In Rus.)

26. NSIS-2003: New dictionary of foreign words — Moscow, Alphabet book, 2003. 783 p. [Novyi slovar' inostrannykh slov. — M.: Azbukovnik, 2003. 783 s.]. — (In Rus.)

27. NSISiV-2003: The newest dictionary of foreign words and expressions — Moscow, Modern writer, 2003. 976 p. [Noveishii slovar' inostrannykh slov i vyrazhenii. — M.: Sovremennii literator, 2003. 976 s.]. — (In Rus.)

28. SIS-1933: Dictionary of foreign words in the Russian language — Moscow, Soviet encyclopedia, 1993. 1502 p. [Slovar' inostrannykh slov, voshedshikh v russkii iazyk. — M.: Sovetskaia entsiklopediia, 1933. 1502 s.]. — (In Rus.)

29. SSIRIa-2010: Dictionary of Russian Proper Names — Moscow, World and Education, 2010. 877 p. [Slovar' sobstvennykh imen russkogo iazyka. — M.: Mir i Obrazovanie. 2010. 877 s.]. — (In Rus.)

30. TSIS-2006: Explanatory dictionary of foreign words — Moscow, Eksmo, 2006. 877 p. [Tolkovy slovar' inoazychnykh slov. — M.: Eksmo, 2006. 940 s.]. — (In Rus.)

31. Iazykoznanie: Linguistics — Big Encyclopedic Dictionary — Moscow, Great Russian Encyclopedia, 1998. 682 p. [Bol'shoi entsiklopedicheskii slovar' / Gl. red. V. N. Iartseva. — M.: Bol'shaia rossiiskaia entsiklopediia, 1998. 682 s.]. — (In Rus.)

Лю Лифэнь

Гуандунский университет иностранных языков и международной торговли, Гуанчжоу, Китай

ORCID ID: 0000-0002-0003-0723

 E-mail: liulifen1993@163.com.

Анализ полярности русского «военного» новостного дискурса

АННОТАЦИЯ. Цель данного исследования состоит в выявлении и описании особенностей русского «военного» новостного дискурса в аспекте категории полярности. Полярность — это категория системной функциональной лингвистики, принадлежащая к сфере понятийной функции языка. В языке полярность представляет собой «единство противоположностей» — утверждения и отрицания. Материалом для исследования послужили сообщения газеты «Красная звезда» о китайско-российских двусторонних совместных военных учениях «Морской союз — 2012» и антитеррористических совместных военных учениях Шанхайской организации сотрудничества «Мирная миссия — 2012»; всего было проанализировано 10 сообщений (по 5 для каждого сюжета). Данные тексты «военных» новостей проанализированы с опорой на теорию полярности. В анализе использован статистический метод. Результаты анализа свидетельствуют: полярность русских новостных текстов в основном проявляется в том, что утверждение в них занимает господствующее положение, отрицание встречается крайне редко или вообще отсутствует, показатели ирреальной модальности также низкие. Это отражает специфику психологии человека, ее общую позитивную направленность. Статья может помочь участникам речевого акта, принадлежащим к разным лингвокультурам, лучше понять интенции собеседников, а также может оказаться полезной для журналистов в плане рекомендаций по совершенствованию текстов новостных сообщений. Газетные новости военной тематики требуют особого внимания от пишущего: во-первых, их формулировки должны быть краткими, ясными и информативными; во-вторых, поскольку они отражают политику государства в области готовности к потенциальной войне, от автора требуется избегать преувеличений и излишней эмоциональности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: газетные новости; полярность; новостной дискурс; новости; журналистика; медиа-лингвистика; медиадискурс; медиатексты; СМИ; средства массовой информации; военный дискурс.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Лю Лифэнь, доктор филологии, профессор Исследовательского центра переводоведения и Института европейских языков и культур, Гуандунский университет иностранных языков и международной торговли; 510420, Китайская Народная Республика, провинция Гуандун, г. Гуанчжоу, пр-т Байюндао Бэй, 2; e-mail: liulifen1993@163.com.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Лю, Лифэнь. Анализ полярности русского «военного» новостного дискурса / Лю Лифэнь // Политическая лингвистика. — 2019. — № 6 (78). — С. 214-218. — DOI 10.26170/pl19-06-27.

ВВЕДЕНИЕ

Согласно положениям функциональной лингвистики, язык является продуктом общественной деятельности. Как средство общения людей язык выполняет множество функций [Ху Чжуанлинь и др. 1989: 71]. После окончания периода взросления язык у человека продолжает развитие как язык взрослого: рациональная функция превращается в функцию понятийную, а практическая функция — в межличностную. Понятийная, межличностная и текстовая функции, выполняемые языком, вместе взятые составляют метафункцию языка взрослых. Понятийная функция связана с внутренним и внешним мирами говорящего, она предполагает выражение опыта, имеет оценочные и аффективные аспекты. Иными словами, она отражает события, которые происходят в объективном и субъективном мирах, касаются людей и предметов, а также времени, места и других связанных между собой факторов. Понятийная функция включает в себя «полярность», «переходность» и «залог» [Ху

Чжуанлинь и др. 1989: 71]. По данным Китайской научной сети CNKI, в китайской английской филологии имеется много исследований, посвященных анализу текстов различных типов и основывающихся на идеях системной функциональной лингвистики Холлидея; исследований же с точки зрения теории полярности мало. В сфере изучения русского языка в Китае работ, содержащих системно-функциональный лингвистический анализ, немного, а работ, базирующихся на теории полярности, нет совсем. Поэтому наше исследование обладает определенной научной новизной и значимостью.

О «ПОЛЯРНОСТИ»

В функциональной грамматике считается, что говорящий выражает три значения, обеспечивающие эффективность высказывания, при помощи определенных языковых средств. Одним из данных значений высказывания является утверждение и отрицание сообщаемого, то есть значение «полярность». Говорящий общается с собеседником с помощью определенных средств, от-

© Лю Лифэнь, 2019

ражая в речи либо по-настоящему объективные события, либо собственное отношение к ним. Высказывания обоих типов могут быть положительными или отрицательными. Иначе говоря, полярность в языке выражается противоположностью утверждения и отрицания, т. е. крайних суждений о предметах — «да» и «нет». Отношения между утверждением и отрицанием связаны с категорией ирреальной модальности.

В русском предложении нет никакого специального эксплицитного средства для выражения утверждения: отсутствие в предложении маркера отрицательного значения означает положительность. Для выражения отрицания в предложение обычно вводятся некоторые специальные знаки [У Ии 1991: 39], например, отрицательные частицы *не* и *ни*, отрицательные местоимения и отрицательные наречия с префиксами *не-*, *ни-*; предикативные наречия *невозможно*, *нельзя*; отрицательное слово *нет* и другие единицы. В русском языке между утверждением и отрицанием расположен широкий спектр модальных значений, таких как уверенность и неуверенность (*быть уверенным / сомневаться в чём-л.*), возможность и невозможность (*возможно/невозможно*), необходимость и ненужность (*надо / не надо*), надежда, желание (*хотеть, желать*), императивность и др.

АНАЛИЗ ПОЛЯРНОСТИ РУССКИХ «ВОЕННЫХ» ГАЗЕТНЫХ ТЕКСТОВ

Газетные новости — одна из самых ранних форм публикации новостей в истории человечества. Это самый стандартный вид новостей. Они сообщают о последних собы-

тиях в письменной форме, в их составе выделяются заголовки, часто — подзаголовки и собственно тексты сообщений. Газетные новости иногда предназначены для сотен тысяч или даже миллионов читателей. Поэтому, во-первых, они обладают свойствами свежести и актуальности, в основном сообщая о новых лицах, явлениях, событиях в жизни общества, и отражают при этом социально обусловленные изменения. Во-вторых, авторы новостных сообщений фокусируются на эффективности в работе с целевой аудиторией; стиль газетных новостей должен быть настолько лаконичным, насколько это возможно, формулировки должны быть точными и ясными. В-третьих, в целях усиления убедительности новостной информации жанр газетной статьи требует от журналиста не только объективности в описании и интерпретации событий, но и определенного словесного мастерства. Хороший язык статьи способствует тому, чтобы привлечь и увлечь читателей. С целью выявления специфики выражения полярности в новостных текстах российских газет и соотношения положительных и отрицательных форм в соответствующих дискурсах мы выбрали из газеты «Красная звезда» по пять сообщений о китайско-российских двусторонних совместных военных учениях «Морской союз — 2012» и антитеррористических совместных военных учениях Шанхайской организации сотрудничества «Мирная миссия — 012». Результаты подсчета соотношения значений утверждения и отрицания, а также наличия или отсутствия ирреальной модальности, представлены в таблицах 1 и 2.

Таблица 1. Полярность сообщений об учениях «Морской союз — 2012»

Номер текста	Общее количество	Положительные предложения		Отрицательные предложения		Ирреальная модальность	
		Количество	Доля	Количество	Доля	Количество	Доля
1	46,0	42	91,3 %	0,0	0,0 %	4,0	8,7 %
2	30,0	27	90,0 %	1,0	3,3 %	2,0	6,7 %
3	19,0	18	94,7 %	0,0	0,0 %	1,0	5,3 %
4	26,0	23	88,5 %	0,0	0,0 %	3,0	11,5 %
5	12,0	11	91,7 %	0,0	0,0 %	1,0	8,3 %
Средняя величина	26,6	24,2	91,0 %	0,2	0,7 %	2,2	8,3 %

Таблица 2. Полярность сообщений об учениях «Мирная миссия-2012»

Номер текста	Общее количество	Положительные предложения		Отрицательные предложения		Ирреальная модальность	
		Количество	Доля	Количество	Доля	Количество	Доля
6	10	10,0	100,0 %	0	0 %	0,0	0,0 %
7	33	30,0	91,0 %	0	0 %	3,0	9,0 %
8	8	8,0	100,0 %	0	0 %	0,0	0,0 %
9	38	37,0	97,4 %	0	0 %	1,0	2,6 %
10	26	24,0	92,3 %	0	0 %	2,0	7,7 %
Средняя величина	23	21,8	94,8 %	0	0 %	1,2	5,2 %

Из таблиц видно, что утвердительные предложения в пяти новостных сообщениях об учениях «Морской союз — 2012» составляют 91 %, только в одном сообщении используется отрицательное предложение (0,7 %); ни в одном из пяти новостных сообщений об учениях «Мирная миссия — 2012» не используется отрицание, все пять носят положительный характер (94,8 %). В новостных текстах газеты «Красная звезда», посвященных этим двум событиям, пропорция предложений с положительными, отрицательными и ирреально-модальными значениями в общем стабильна.

В данном случае преобладающее число утвердительных предложений в текстах новостей обусловлено стилистическим своеобразием «военного» новостного дискурса. Жанр «кратких и свежих» современных газетных новостей декларирует лаконичность, правдивость, точность и злободневность. Прежде всего, будучи ограниченным газетной полосой, автор не может писать пространно. Кроме того, в условиях высоких темпов современной жизни и весьма разнообразной во всех отношениях читательской аудитории именно краткие и «живые» новости пользуются массовым спросом. Поэтому журналисты стремятся к максимальному насыщению новостной информацией текстов небольшого объема; использование отрицательных высказываний и выражение ирреальной модальности в такой ситуации, несомненно, ограничены. В противном случае новости не только занимают чрезмерные площади газеты, но и кажутся малосодержательными и затянутыми, что неприемлемо для читателей.

В жизни современного общества газетные новости остаются важным источником информации, их авторитетность и достоверность по-прежнему высоки. Однако сообщение, наполненное большим количеством отрицаний или высказываний неопределенной, ирреальной модальности, неизбежно создает у читателей впечатление, что автор судит о предмете субъективно и априорно; читатели могут подвергать сомнению подлинность и объективность такого сообщения. В известном новостном сообщении, написанном Председателем Мао Цзэдуном («Наши 300 000 армий успешно переправились через реку Янцзы»), не более 220 слов, но в нем четко отражены этапы крупной военной операции Народно-освободительной армии. Это образец новостных сообщений, характеризующихся «краткостью, правдивостью, точностью и своевременностью» [Чэнь Цзидан 2011: 85]. Рассмотрим пример — текст 8.

«Мирная миссия — 2012» — активная фаза

На севере Таджикистана на полигоне «Чорух-Дайрон» 14 июня проходит активная фаза совместного антитеррористического учения стран Шанхайской организации сотрудничества «Мирная миссия — 2012». В общей сложности задействовано свыше 2 тысяч военнослужащих подразделений сухопутных войск и более 500 единиц боевой техники и авиации. Кроме воинских контингентов в учении участвуют подразделения МЧС и внутренних войск МВД Таджикистана.

Согласно замыслу учения отрабатываются практические действия войск в четырех тактических эпизодах. Подразделения объединенной группировки войск осуществляют блокировку населенного пункта, занятого условным бандформированием, действиями специальных подразделений освобождают мирное население и уничтожают опорные пункты террористов огнем артиллерии и ударами авиации.

За ходом проведения учения наблюдают заместитель министра обороны России генерал армии Дмитрий Булгаков, министр обороны Казахстана Адильбек Джаксыбеков, министр обороны Таджикистана генерал-полковник Шерали Хайруллоев, министр обороны Киргизии генерал-майор Таалайбек Омуралиев и заместитель начальника Генштаба Народно-освободительной армии Китая генерал-полковник Ма Сяотянь [Красная звезда 06.12.2012].

Данное сообщение состоит из шести предложений. В начале текста, а именно в первой фразе, указываются место и время проведения совместного антитеррористического учения стран Шанхайской организации сотрудничества «Мирная миссия — 2012»; затем говорится об участниках, цели и плане учения, а также о военных руководителях, которые наблюдают за его проведением. В этом тексте используются только утвердительные повествовательные предложения. Текст полностью соответствует требованиям жанра новостного сообщения.

Новостные тексты различных типов принципиально нацелены на отражение фактов. В связи с этим в них обычно употребляются повествовательные предложения. эмоциональность, выражаемая утвердительными повествовательными предложениями, слабее эмоционального содержания предложений отрицательных, за исключением специального подчеркивания. Если в сообщении представлено большое количество отрицательных или ирреально-модальных высказываний, эмоциональная окраска дискурса оказывается яркой, эффектной, и в таком случае он не предназначается

для простого изложения фактов, а служит уже для комментирования или критики, поскольку носит эмоционально-оценочный характер. Газетные новости рассказывают о событиях, которые только что произошли или происходят в настоящее время, и средства массовой информации должны нести ответственность за точность и достоверность распространяемых ими новостных сообщений. Если в том или ином тексте используется слишком много отрицательных высказываний или высказываний с ирреальной модальностью, его достоверность в глазах читателей будет значительно снижена.

Кроме того, действия армии и других силовых структур связаны с политикой государства и не всегда могут носить абсолютно открытый характер, «военные» новости сообщают лишь то, что разрешено сообщить. Поскольку армия является важной составной частью государственной машины, при формировании состава и содержания «военных» новостей по сравнению с новостями других типов акцент делается прежде всего на их достоверности и авторитетности. В эмоциональном плане «военные» новости должны быть максимально сдержанными. По этим причинам обсуждаемые новостные сообщения состоят преимущественно из утвердительных повествовательных предложений.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ текстового материала показал, что в «военных» новостях, опубликованных в российской газете «Красная звезда», положительная полярность преобладает над отрицательной, уровень которой крайне низок или даже равен нулю. Это получает отражение в стилистических особенностях новостных текстов. Основные характеристики стиля новостей обусловлены тем, что новостные сообщения отражают объективные факты, их формулировки должны быть краткими, ясными и информативно насыщенными. Следует избегать преувеличений и излишней эмоциональности в таком серьезном тексте, как текст «военных» новостей. Газетные «военные» новости являются весьма

ответственным типом новостей, поэтому требования к их структуре, содержанию и форме высоки. В связи с важностью подготовки к военной борьбе автор, стоя на определенной позиции, должен четко выражать свои взгляды на то, что необходимо поддерживать, и на то, чему следует противостоять [Бай Юй 2006: 14].

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл. — М.: Наука, 1976.
2. Богуславский И. М. Модальность, сравнительность и отрицание // Русский язык в научном освещении. 2001. № 1.
3. Бондарко А. В. Функциональная грамматика. — Л.: Наука, 1984.
4. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Лингвострановедческая теория слова. — М.: Рус. яз., 1980. 352 с.
5. Лобанова Т. Н. Лингвистический анализ китайского политического медиадискурса по внешнеполитическим проблемам // Вестник Московского государственного областного университета. 2018. № 4. С. 217—230.
6. Падучева Е. В. Генитив дополнения в отрицательном предложении // Вопросы языкознания. 2006. № 6. С. 21—41.
7. Плунгян В. А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. — М.: РГГУ, 2011.
8. Теория функциональной грамматики: темпоральность. Модальность / отв. ред. А. В. Бондарко. — Л.: Наука, 1990. 263 с.
9. Horn L. R. A natural history of negation. — Chicago: Univ. of Chicago pr., 1989.
10. Miestamo M. Standard Negation. The Negation of the declarative verbal main clauses in a typological perspective // Empirical approaches to language typology. — Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2005. Iss. 31.
11. Restan P. A. The objective case in negative clauses in Russian: the Genitive or the Accusative? // Scando-Slavica. 1960. No 6. P. 92—111.
12. 白玉. 英汉广播新闻语篇概念功能对比. 延边大学硕士论文, 2006, 62 p. = Бай Юй. Сравнение понятийной функции англо-китайских радиовещательных новостных текстов: магистерская дис. / Янбяньский университет, 2006. 62 с.
13. 陈洁丹. 怎样让报纸新闻“短小鲜活”. 中国地市报人. 2011, (8): 85—86. = Чэнь Цзидан. Как сделать газетные новости «короткими и свежими» // Новости китайского города. 2011. № 8. С. 85—86.
14. 胡壮麟, 朱永生, 张德录. 系统功能语法概论. 长沙: 湖南教育出版社, 1989, 247 p. = Ху Чжуанлинь, Чжу Юншэн, Чжан Дэлу. Введение в системную функциональную грамматику. — Чанша: Изд-во образования провинции Хунань, 1989. 247 с.
15. 吴貽翼. 现代俄语功能语法概要. 北京: 北京大学出版社, 1991, 212 p. = У Ии. Краткий очерк современной русской функциональной грамматики. — Пекин: Изд-во Пекинского ун-та, 1991. 212 с.

Liu Lifen

Guangdong University of Foreign Studies, Guangzhou, China
ORCID ID: 0000-0002-0003-0723

✉ E-mail: liulifen1993@163.com.

On Polarity of the Russian Military News Discourse

ABSTRACT. The study aims at revealing and description of the peculiar features of the Russian “military” news discourse from the point of view of the category of polarity. Polarity is a category of functional linguistics dealing with the sphere of conceptual function of the language. In the language, polarity is “a unity of the opposites” – affirmation and negation. The material under analysis included news articles from the paper “Krasnaya Zvezda” about the joint military exercises

es "Maritime Union 2012" and the counter terrorism joint military exercises of the Shanghai Cooperation Organization "Peaceful Mission 2012"; 10 news reports have been analyzed all in all (5 for each event). These military news texts have been analyzed using the theory of polarity. The analysis employs the statistical method. The analysis results show that: the polarity of the Russian news texts manifests itself mainly in the fact that affirmation predominates in them, negation is used extremely rarely or is not present at all, and the indicators of irreal modality are also low. This reflects the human psychology, and specifically its general positive orientation. The article may be useful for communicators belonging to different linguocultures, may help them better understand the interlocutor's intentions, and can be used by journalists to refine the news texts before publication. Newspaper military news texts need special attention on the part of the writer: first, their wording should be concise, clear and informative; second, the authors should avoid exaggeration and undesirable emotionality since they reflect the state policy in the sphere of preparation for potential warfare.

KEYWORDS: newspaper news; polarity; news discourse; news; journalism; media linguistics; media discourse; media texts; mass media; military discourse.

AUTHOR'S INFORMATION: Liu Lifen, Doctor of Philology, Professor of the Center for Translation and Interpretation Studies and the Faculty of the Russian Language at the Institute of European Languages and Cultures, Guangdong University of Foreign Studies, Guangzhou, China.

FOR CITATION: Liu, Lifen. On Polarity of the Russian Military News Discourse / Liu Lifen // Political Linguistics. — 2019. — No 6 (78). — P. 214-218. — DOI 10.26170/pl19-06-27.

REFERENCES

1. Arutyunova N. D. Sentence and its meaning. — Moscow : Science, 1976. [Predlozhenie i ego smysl. — M. : Nauka, 1976]. — (In Rus.)
2. Boguslavskiy I. M. Modality, Comparability and Denial // Russian Language in Scientific Lighting. 2001. No. 1. [Modal'nost', sravnitel'nost' i otritsanie // Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii. 2001. № 1]. — (In Rus.)
3. Bondarko A. V. Functional Grammar. — Leningrad : Science, 1984. [Funktsional'naya grammatika. — L. : Nauka, 1984]. — (In Rus.)
4. Vereshchagin E. M., Kostomarov V. G. Theory of Word in Language and Countries Study. — Moscow : Rus. lang., 1980. 352 p. [Lingvostranovedcheskaya teoriya slova. — M. : Rus. yaz., 1980. 352 s.]. — (In Rus.)
5. Lobanova T. N. Linguistic analysis of the Chinese political media discourse on foreign policy topics // Bulletin of Moscow Region State University. 2018. No 4. P. 217—230 [Lingvisticheskiy analiz kitayskogo politicheskogo mediadiskursa po vneshnepoliticheskim problemam // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. 2018. № 4. S. 217—230]. — (In Rus.)
6. Paducheva E. V. Genitive of Object in a Negative Sentence // Problems of Linguistics. 2006. No. 6. P. 21—41. [Genitiv dopolneniya v otritsatel'nom predlozhenii // Voprosy yazykoznaniya. 2006. № 6. S. 21—41]. — (In Rus.)
7. Plungyan V. A. Introduction to Grammatical Semantics: Grammatical Meanings and Grammatical Systems of World Languages. — Moscow : RSUH, 2011. [Vvedenie v grammaticheskuyu semantiku: grammaticheskie znacheniya i grammaticheskie sistemy yazykov mira. — M. : RGGU, 2011]. — (In Rus.)
8. Theory of Functional Grammar: Temporality. Modality / Resp. ed. A. V. Bondarko. — Leningrad : Nauka, 1990. 263 p. [Teoriya funktsional'noy grammatiki: temporal'nost'. Modal'nost' / otv. red. A. V. Bondarko. — L. : Nauka, 1990. 263 s.]. — (In Rus.)
9. Horn L. R. A natural history of negation. — Chicago : Univ. of Chicago pr., 1989.
10. Miestamo M. Standard Negation. The Negation of the declarative verbal main clauses in a typological perspective // Empirical approaches to language typology. — Berlin ; New York : Mouton de Gruyter, 2005. Iss. 31.
11. Restan P. A. The objective case in negative clauses in Russian: the Genitive or the Accusative? // Scando-Slavica. 1960. No 6. P. 92—111.
12. Bai Yu. Contrast of Conceptual Functions between English and Chinese Radio News Texts : Master's thesis. — Yanbian University, 2006. 62 p. — (In Chinese)
13. Chen Jiedan. How to Make Newspaper News "Short and Lively" // China's Local and Municipal Newspapers. 2011. No.8. P. 85—86. — (In Chinese)
14. Hu Zhuanglin, Zhu Yongsheng, Zhang Delu. Introduction to Systemic Functional Grammar. — Changsha : Hunan Education Pr., 1989. 247 p. — (In Chinese)
15. Wu Yiyi. An Overview of Modern Russian Functional Grammar. — Beijing : Beijing Univ. Pr., 1991. 212 p. — (In Chinese)

Фэй Цзюньхуэй

Гуандунский университет иностранных языков и внешней торговли, Гуанчжоу, Китай

ORCID ID: — E-mail: 69230854@qq.com.

О передаче культурной специфики китайского политического текста в переводе (на материале издания «Си Цзиньпин о государственном управлении»)

АННОТАЦИЯ. Важная составная часть китайского политического дискурса — озвучиваемые Си Цзиньпином идеи о государственном управлении. Председатель КНР в своих статьях и выступлениях часто использует известные изречения, в том числе различные пословицы, поговорки и другие фразеологизмы, передающие идеи гуманизма и отражающие традиционную систему ценностей китайского народа. Особо важную роль в распространении идей Си Цзиньпина за пределами КНР играет передача в переводе национально-культурной специфики китайского политического текста. Перевод трактуется в работе как вид межкультурной и межъязыковой коммуникации; по сути, это диалог систем ценностей, содержащихся в разных лингвокультурах. В статье эти проблемы рассмотрены на примере передачи на русский язык имплицитной культурной информации, представленной в китайском политическом тексте на уровне ценностной ориентации, а также культурно обусловленных суждений и способов мышления. Разбираются конкретные примеры культурно-специфичных единиц: концепты («Дао»), значение которых модифицируется в зависимости от контекста и требует учитывать для верного понимания многовековую историю философии и культуры; прецедентные феномены, в особенности цитаты из основополагающих для национальной культуры текстов; несоответствие между двумя языками в функции служебных и знаменательных слов; более редкая экспликация логических отношений в древнекитайском языке. Исследуется культурная обусловленность рецепции переводного текста, выделяются связанные с этим переводческие стратегии нейтрализации различий при передаче содержания культурного характера (поиск переводческих соответствий: эквиваленты в другом языке, контекстуальные соответствия, переводческие трансформации).

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: китайский язык; политический дискурс; политические тексты; культурная информация; культурные ценности; культурный перевод; стратегии перевода.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Фэй Цзюньхуэй, кандидат филологических наук, доцент факультета русского языка Института европейских языков и культур, Гуандунский университет иностранных языков и внешней торговли; 510420, Китай, пр-т Байюньдадао, д. 2; e-mail: 69230854@qq.com.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Фэй, Цзюньхуэй. О передаче культурной специфики китайского политического текста в переводе (на материале издания «Си Цзиньпин о государственном управлении») / Фэй Цзюньхуэй // Политическая лингвистика. — 2019. — № 6 (78). — С. 219-224. — DOI 10.26170/pl19-06-28.

В статье сопоставляются оригинальный и переводной тексты издания «Си Цзиньпин о государственном управлении» — сборника произведений Председателя КНР Си Цзиньпина, содержащих его основные идеи о социализме с китайской спецификой в современных условиях. Данные идеи Си Цзиньпина базируются на положениях современного китайского марксизма и своеобразии классической китайской культуры. Опубликованы два тома произведений Си Цзиньпина; они переведены уже более чем на двадцать языков, в том числе на русский. Работы Си Цзиньпина, посвященные вопросам государственного управления, являются важной составной частью китайского политического дискурса, с одной стороны, продолжающей традиции политической коммуникации в Китае, с другой — проявляющей уникальные особенности китайской народной культуры.

В содержательном отношении произведения Си Цзиньпина характеризуются гума-

нистической направленностью, опираются на достижения классического марксизма и традиционной культуры китайского народа, составляющие основу идеологии государственного управления КПК. Издания вызвали широкий общественный резонанс и привлекли внимание специалистов из разных областей: теории и истории международных отношений, политологии, лингвистики. В соответствующих лингвистических исследованиях основное внимание уделяется вопросам перевода данных текстов Си Цзиньпина и китайского политического дискурса в целом. Однако большинство подобных работ посвящено рассмотрению способов и средств перевода в собственно лингвистическом аспекте (на лексическом, семантическом, синтаксическом и других уровнях); значительно меньше примеров анализа перевода с точки зрения межкультурной коммуникации, с привлечением экстралингвистических параметров. Между тем передача

национально-культурной специфики китайского политического текста в переводе играет особенно важную роль в распространении идей Си Цзиньпина за рубежом КНР.

«В узком смысле перевод — частная форма коммуникации, в широком смысле — то, что делает и диалог, и коммуникацию возможным» [Автономова 2005: 652]. Перевод — это трансформация не только языковых, но и культурных знаков. Наибольшие трудности при переводе вызывают не собственно языковые различия, а те проявления культуры, которые находятся выше уровня элементарного языкового общения. Они представляют собой часть внеязыковой реальности, связанную не с внешней (язык, жесты, поведение, нравы, обычаи, артефакты), а с внутренней, содержательной (идеи, верования, ценности) спецификой культуры. Некоторые ученые в этом случае говорят о культурном переводе. Как считают Т. В. Евсюкова и Е. Ю. Бутенко, «цель перевода — это разъяснение мысли о культурном концепте исходного языка, показ языковой картины мира и картины мира концепта исходного языка в переводе» [Евсюкова, Бутенко 2014: 224—226]. По мнению ряда китайских лингвистов, перевод — это мост, объединяющий два языка; основная задача переводчика заключается в воспроизведении идейного содержания текста исходного в тексте целевом. Переводчик должен передавать культурную информацию, содержащуюся в тексте на исходном языке. В этом смысле межъязыковой перевод всегда является переводом культурным [Цю Маою 1998: 19]. Культурный перевод — это объект особого направления в переводоведении, развивающегося на стыке культурологии, теории межкультурной коммуникации и лингвокультурологии [Ян Шичжан 2003: 3]. Как отмечено выше, перевод представляет собой лингвокультурную трансляцию, которая детерминирована в первую очередь языком а затем культурой.

Согласно теории культурного перевода, суть перевода заключается в том, чтобы воспроизвести культурные ценности, духовное своеобразие исходного языка в переводе. Культурные ценности отражаются в различных характеристиках языковых единиц. Охарактеризуем два аспекта этого явления: содержательный и формальный. Исследование культурных ценностей на уровне содержания в основном касается культурных компонентов семантики, т. е. нацелено на точную культурную интерпретацию семантики ключевых лексических единиц, выражающих концептуальный смысл высказывания; позволяет зарубежным читателям узнать

точное культурное содержание и ценностную ориентацию высказывания. Перевод содержания должен быть максимально точным. Исследование культурных ценностей на уровне формы в основном направлено на культурное содержание языковых структур, т. е. устанавливает, как культурная специфика структуры исходного языка отражается в переводе, какие приемы позволяют читателям лучше понять и прочувствовать красоту форм китайского языка. Перевод формы должен удовлетворять требованиям эстетики.

Приведем пример из анализируемого текста. Слово 道 (Дао) отражает одну из наиболее важных концепций в духовной культуре китайского народа. Эта концепция имеет богатое культурное содержание. Связанные с ней идеи были разными в эпохи различных династий и в различных философских школах. По даосизму, Дао представляет собой объективные законы, законы природы; по конфуцианству, это идея гуманного правления; для легистов — правовые концепции, правила и акты. Дао может иметь разные значения в различные исторические периоды и в различных языковых средах. При переводе следует определить исходное значение с учетом особенностей эпохи и контекста и выбрать подходящие средства другого языка. В книге «Си Цзиньпин о государственном управлении» имеется высказывание, характеризующееся особенно высоким индексом цитирования: 大道之行也, 天下为公. Во втором томе фраза переведена так: «Великий путь Дао ведёт к общему благоденствию Поднебесной» [Си Цзиньпин 2017: 207]. 大道 переведено как «Великий путь Дао» и означает «великий путь». Этот перевод несколько абстрактный, неясный, иностранцы вряд ли смогут хорошо понять его. *Великий путь*, о котором говорит Конфуций, — это не просто путь, а наивысший уровень Дао — великое единение мира. Здесь конкретное значение «Дао» должно отражать идею человеколюбия в представлениях конфуцианской школы, то есть служить выражением идеологической и нравственной системы, центром которой является категория гуманизма; это основной принцип управления государством и общения с людьми. Реализация великого Дао означает гуманное государственное правление. Существительное «путь» в русском языке значит «дорога» (буквальное значение); выражение «Великий путь» имеет абстрактное значение, не вызывающее устойчивых ассоциаций с концепцией управления государством. В соответствии с приведенным комментарием «Дао» в анализируемом тексте име-

ет значение гуманизма, человеколюбия по отношению к народу Поднебесной, семантически это слово близко русским словам «человеколюбие», «гуманность», «гуманизм». Поэтому обсуждаемое высказывание можно перевести следующим образом: «Управление государством на основе гуманизма ведет к общему благоденствию Поднебесной» [Цзян Ямин 2019: 16].

Другой пример. Фрагмент текста 大学之道在明明德，在亲民，在止于至善 переведен так: «Истинная мудрость высшей школы состоит в том, чтобы развивать нравственность, быть близкой к народу, который отказывается от дурного и стремится к хорошему» [Си Цзиньпин 2017: 207]. Здесь 大学 переведено как «высшая школа», 道 — «истинная мудрость». Данное предложение — это первая фраза первой главы «Да сюэ» («Великого учения») в «Четверокнижии» китайского древнего конфуцианского канона; в главе говорится о важной цели конфуцианской школы — совершенствовать собственные нравственные качества и управлять государством. Глава в основном посвящена нравственному самосовершенствованию, правилам поведения. В связи с этим 大学 значит здесь «большая наука поведения», принципы обращения с людьми и управления государством; переводить следует как «Великое учение». 道 переведено как «основы», то есть: «Основы Великого учения состоят в том, чтобы...». Таким образом, за счет сообщения абстрактному «Дао» конкретного культурного содержания зарубежные читатели могут лучше понять данное высказывание.

Русский перевод предложения 物之所在，道则在焉 — «Где есть вещи, там кроется Дао» [Си Цзиньпин 2017: 346]. Китайцы в этом случае могут понять значение слова «Дао» по контексту, но для иностранцев, не знающих китайскую культуру, такой перевод непонятен. Смысл этой фразы: существование предмета имеет свою причину. «Дао» здесь источник существования всех вещей на Земле; основание, причина существования предмета. По-русски эту идею можно выразить с помощью слова «источник»: «Где есть вещь, там скрыт ее источник».

Во фразеологии и поэзии Древнего Китая часто используются параллелизм и другие стилистические средства. Особенно затрудненным может быть перевод высказываний со служебными словами, такими как 之, 乎, 焉, 也 и др. Эти слова в основном являются средствами функциональной компенсации, требуют от переводчиков глубокого понимания исходного текста, тщательного анализа содержащихся в нем мыслей. При

переводе некоторые служебные слова следует заменять знаменательными, некоторые опускать, не переводить, а некоторые переводить как союзные слова. В предложении 知之者不如好之者，好之者不如乐之者 представлены четыре иероглифа 之; общее значение фразы: «Человек, знающий учение, хуже человека, любящего учение, а тот хуже человека, заинтересованного в учении». 之 — это местоимение, указывающее здесь на учебу или науку. Перевод на русский: «Знающие что-либо уступают тем, кто любит что-либо; любящие что-либо уступают тем, кто наслаждается чем-либо» [Си Цзиньпин 2014: 552]. Очевидно, что переводчик стремится к гипотаксису, повторяющийся компонент 之 переведен русским неопределенным местоименным существительным «что-либо». Однако в русском языке подобные местоимения носят наиболее абстрактный характер, указывают на крайне неопределенный, неясный объект. Очевидно, что этот перевод не вполне совпадает со смыслом исходного текста. Местоименное существительное в переводе как эквивалент 之 выглядит лишним. Следует учитывать специфику русского языка в плане способов и средств выражения мысли. Русский перевод должен передать глубинную семантику, «внутренний смысл» оригинального текста. Данное высказывание можно перевести так: «Человек, умеющий учиться, уступает тому, кому нравится учиться. Желающий учиться уступает тому, кто счастлив учиться» [Цзян Ямин 2019: 19]. В первую очередь необходимо передать саму сентенцию, идею, утверждение; при этом паратаксис оказывается важнее искусственного гипотаксиса. Повторное использование глаголов «учиться» и «уступать» способствует передаче эффекта повторения 之.

В речах Си Цзиньпина представлено много экспрессивных стилистических средств, таких как аллегория, метафора. При переводе содержащих их выражений прежде всего важно найти функциональные эквиваленты китайских и иноязычных фраз, решить проблемы точной семантизации оригинального текста. Можно использовать гибкую стратегию перевода, основанную на подражании прототипу и функциональной компенсации. Известный российский теоретик перевода В. Н. Комиссаров в книге «Современное переводоведение» предлагает типологию переводческих соответствий: «Переводческие соответствия — единица ПЯ, регулярно используемая для перевода данной единицы ИЯ. По характеру переводческих действий в процессе перевода выстраиваются три категории соответствий: 1) эквиваленты, устано-

вившиеся в силу тождества обозначаемого, а также отложившиеся в традиции языковых контактов; 2) вариантные и контекстуальные соответствия и 3) все виды переводческих трансформаций. Эквивалентные соответствия относятся к сфере языка, две последние группы к сфере речи» [Комиссаров 2006: 208].

Рассмотрим примеры.

1. 可以说, 容易的、皆大欢喜的改革已经完成了, 好吃的肉都吃掉了, 剩下的都是难啃的硬骨头。 Перевод: «Можно сказать, что время относительно легких, всем комфортных реформ уже позади, все лакомые кусочки съедены, настало время грызть твердые кости» [Си Цзиньпин 2014: 552]. «Твердые кости» здесь метафора трудности тех задач, которые стоят перед Китаем в ходе углубления реформ; данная метафора вносит в текст смысл «сложность, проблемность, трудоемкость». В оригинале и в переводе используются тождественные образы, что соответствует контекстуальным требованиям. Переводное выражение «твердые кости» хорошо передает тот реалистичный и решительный настрой, с которым Председатель Си Цзиньпин подходит к задачам последовательного углубления реформ.

2. 强化责任追究, 不能让制度成为纸老虎、稻草人。 Перевод: «Нужно совершенствовать процедуру привлечения к ответственности, чтобы законы и правила не превратились в бумажного тигра и соломенную куклу» [Си Цзиньпин 2014: 552]. В оригинале выражения «бумажный тигр» и «соломенная кукла» обозначают систему, которая лишь запугивает людей, носит преимущественно формальный характер. Словосочетания на целевом языке с учетом политического содержания контекста соответствуют им, поэтому в переводе данные образы можно сохранить. Метафоры «бумажный тигр» и «соломенная кукла» весьма эффектно передают в переводе решимость китайского руководства бороться с коррупцией, намерение жестко пресекать коррупционное поведение.

3. 一些干部惯于拍脑袋决策、拍胸脯蛮干, 然后拍屁股走人, 留下一屁股烂账。 Перевод: «Некоторые кадры уже привыкли к тому, чтобы, почесав затылок, принимать решение; шлепнув себя по задку, покинуть пост, оставляя после себя массу незавершенных дел» [Си Цзиньпин 2017: 346]. Выражение «一屁股烂账» образно передает недовольство Си Цзиньпина бездействием некоторых руководителей и работников, отсутствием решения большого объема проблем в период их пребывания на своих должностях. Председатель КНР подчеркивает необходимость привлечения к ответственности подобных

руководителей и работников. Если прямо использовать метод паритетного отображения оригинала в переводе («полная задница долгов»), то можно легко ввести в заблуждение русскоязычных читателей. Русское слово «задница», употребленное по отношению к человеку, обычно вызывает ассоциации с тупостью, ленью, неорганизованностью; связать его с идеей задолженности трудно. Соответствующее культурно-символическое значение при переводе утрачивается. Обсуждаемый компонент оригинального текста в результате трансформации переведен как «незавершенные дела». Хотя исходное метафорическое значение слова «задница» не сохраняется, данный вариант перевода лучше соответствует режиму рецепции текста русскоговорящими, обладает большей ясностью, большей эффективностью в плане семантизации. При переводе специфически китайских метафор переводчик должен обращать внимание на преобразования их культурного содержания в процессе трансформации.

Для обеспечения культурного перевода политического текста следует обратить особое внимание на характер структуры языка, а также на культурные ценности. Отличительные особенности грамматики китайского языка, особенно древнекитайского — лаконичность и простота, главное — это выражение «духа»; у грамматики русского языка строгие правила, большое внимание уделяется рациональности внешней формы. В древнекитайском языке мало слов, выражающих причину, следствие, условие, цель, уступку и другие логические значения. Соответствующие отношения проявляются только в контексте. Типичные структурные особенности русских фраз — рамочная структура с глаголом в центре, выражение логических связей между фразами (и их частями) с помощью различных союзов, вводных единиц и т. п. Переводчикам нужно детально изучить и глубоко осмыслить различия в культурном содержании структуры китайского и русского языков. Сложная задача, стоящая перед переводчиками — одновременно показать красоту формы древнекитайского языка и точно передать культурные ценности, отраженные в его семантике. Например, фраза «一花独放不是春, 百花齐放春满园» переведена как «Буйное цветение одного распустившегося цветка не создаст весны. Только когда расцветают все цветы, наступает разгар весны» [Си Цзиньпин 2014: 351]. Переводчик стремится к воспроизведению специфики исходного текста, но перевод выглядит сложным. Использование фразеологии и простых, лаконичных грамматических структур

тур позволяет применять упрощенный перевод, например: «Один цветок ещё не весна. С одним цветком весна не приходит» [Цзян Ямин 2019: 18]. Другой пример. Предложение 志和者, 不以山海为远 переведено как «Для людей, объединенных общими интересами, нет преград и расстояний» [Си Цзиньпин 2014: 437]. Перевод выражает объективное значение исходной фразы, но в нем отсутствует образное выражение «гора и море», вследствие чего в определенной степени утрачено изящество исходного текста. Вариант перевода «Не преграды горы и моря, если мысли и цели едины» [Цзян Ямин 2019: 18] вполне передает образную специфику исходного текста.

Таким образом, при переводе политического текста следует особое внимание уделять проблематике, связанной с соответствующей системой культурных ценностей. Успех переводчика как посредника между двумя культурами во многом зависит от понимания им имплицитных смыслов, разделяемых всеми членами лингвокультурной общности и основанных на культурных ценностях; его умения правильно выбрать лингвистические средства для передачи сообщения с целью достижения воздействия перевода, равноценного воздействию оригинала. Для перевода культурных элементов в речах Си Цзиньпина, во-первых, нужно точно понимать исходный текст, знать точный смысл элементов культурного фона исходного текста; во-вторых, следует определить стратегию и тактику перевода на основании особенностей исходного текста — сначала использовать эквиваленты, затем контекстуальные соответствия, в последнюю очередь подражающий перевод; в-третьих, независимо от способа перевода необходимо оставаться как можно ближе к структуре и выразительным средствам исходного языка, но при этом учитывать культурные отличия и специфику рецептивной речевой деятельности носителей целевого языка. Только гиб-

кое использование переводческих приемов и средств, точное понимание культуры исходного текста, воплощение специфически китайского культурного содержания в форму иностранного языка при полноценной передаче системы культурных ценностей китайского народа позволяют получить перевод, соответствующий глубоким идеям и высоким целям «диалога культур».

ЛИТЕРАТУРА

1. Автономова Н. С. Философия и филология // Наука глазами гуманитария. — М.: Прогресс-Традиция, 2005.
2. Алексеева Л. М. Перевод как рефлексия деятельности // Вестник Пермского университета. 2010. Вып. 1 (7). С. 45—51.
3. Волкова Т. А. Модели и стратегии перевода в российском и китайском переводоведении: опыт сопоставительного анализа // Политическая лингвистика. 2017. № 6 (66). С. 158—165.
4. Гарусова Е. В. «Буквализм» и «вольность» как основная переводческая оппозиция // Вестник МГУ. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2007. № 1. С. 149—153.
5. Гу Хонфэй, Ганапольская Е. В. Сравнение стратегий перевода профессионального и непрофессионального переводчиков при устном переводе с китайского языка на русский // Вестник Московского университета. Сер. 22, Теория перевода. 2018. № 2. С. 22—37.
6. Евсюкова Т. В., Бутенко Е. Ю. Лингвокультурология. — М.: Флинта, 2014.
7. Комиссаров В. Н. Современное переводоведение / перевод: Ван Цзяфэй [и др.]. — Шанхай: Изд-во преподавания и исследования иностранных языков, 2006.
8. Маланханова А. Е., Сысоев П. В. Особенности перевода текстов экономического дискурса с китайского языка на русский язык // Язык и культура. 2015. № 4. С. 31—45.
9. Марчук Ю. Н. Модели перевода: учеб. пособие для студентов учреждений высшего профессионального образования. — М.: Академия, 2010. 176 с.
10. Си Цзиньпин. Си Цзиньпин о государственном управлении. Т. 1. — Пекин: Изд-во литературы на иностранных языках, 2014.
11. Си Цзиньпин. Си Цзиньпин о государственном управлении. Т. 2. — Пекин: Изд-во литературы на иностранных языках, 2017.
12. Сорокин Ю. А. Переводоведение: статус переводчика и герменевтические процедуры. — М.: Гнозис, 2003. 158 с.
13. Цзян Ямин. Ценности и стратегии перевода цитат Си Цзиньпина // Вестник Тяньцзиньского университета иностранных языков. 2019. № 2. С. 12—20.
14. Цю Маою. Культура и перевод // Иностранные языки. 1998. № 2. С. 19—22.
15. Ян Шичжан. Построение дисциплинарной системы предмета культурного переводоведения // Иностранные языки в Китае. 2018. № 4. С. 91—95.

Fei Junhui

Guangdong University of Foreign Studies, Guangzhou, China
ORCID ID: —

 E-mail: 69230854@qq.com.

On the Cultural Translation of Chinese Political Discourse: A Case Study of the Russian Version of Governance of China

ABSTRACT. *The ideas about governance pronounced by Xi Jinping make up an important constituent of Chinese political discourse. In his articles and speeches, the President of China often uses familiar phrases including various proverbs, sayings and other phraseologisms expressing humanistic ideas and reflecting the traditional system of values of the Chinese people. An especially significant role in disseminating the ideas of Xi Jinping outside the PRC is played by the translation of the national-cultural specificity of the Chinese political text. Translation is treated in this study as a kind of intercultural and interlinguistic communication; it is, actually, a dialogue of the systems of the values belonging to different linguocultures. In the article, these problems are considered on the example of translation into the Russian language of the implicit cultural*

information presented in the Chinese political text on the level of value-based orientation, as well as culturally specific judgments and reasoning. The author analyzes concrete examples of culturally specific units: the concepts (“Dao”) the meanings of which are modified depending on the context and need to be taken into account for correct understanding of the centuries-old history of philosophy and culture; precedent phenomena, especially quotations from the basic texts of the national culture; differences between the two languages in the function of formal and notional words; less frequent explication of logical relations in the old Chinese language. The article investigates the cultural dependence of reception of the text of translation and singles out the translation strategies of neutralization of differences in translating the content of culturally specific content (search for suitable translation means: equivalents in the other language, contextual equivalents, translation transformations).

KEYWORDS: Chinese language; political discourse; political texts; cultural information; cultural values; cultural translation; translation strategies.

AUTHOR’S INFORMATION: Fei Junhui, Candidate of Philology, Associate Professor of the Faculty of the Russian Language, Institute of European Languages and Cultures, Guangdong University of Foreign Studies, Guangzhou, China.

FOR CITATION: Fei, Junhui. On the Cultural Translation of Chinese Political Discourse: A Case Study of the Russian Version of Governance of China / Fei Junhui // Political Linguistics. — 2019. — No 6 (78). — P. 219-224. — DOI 10.26170/pl19-06-28.

REFERENCES

1. Avtonomova N. S. Philosophy and Philology // Science through the eyes of the humanities. — Moscow : Progress-Tradition, 2005. [Filosofiya i filologiya // Nauka glazami humanitariya. — M. : Progress-Traditsiya, 2005]. — (In Rus.)
2. Alekseeva L. M. Translation as a reflection of activity // Bulletin of Perm University. 2010. Issue. 1 (7). P. 45—51. [Perevod kak refleksiya deyatel'nosti // Vestnik Permskogo universiteta. 2010. Vyp. 1 (7). S. 45—51]. — (In Rus.)
3. Volkova T. A. Translation models and translation strategies in Russian and Chinese translation studies: a comparative analysis // Political Linguistics. 2017. No 6 (66). P. 158—165. [Modeli i strategii perevoda v rossiyskom i kitayskom perevodovedenii: opyt sopostavitel'nogo analiza // Politicheskaya lingvistika. 2017. № 6 (66). S. 158—165]. — (In Rus.)
4. Garusova E. V. “Literalism” and “Liberty” as the Main Translation Opposition // Bulletin of Moscow State University. Ser.: Linguistics and intercultural communication. 2007. No. 1. P. 149—153. [«Bukvalizm» i «vol'nost'» kak osnovnaya perevodcheskaya oppozitsiya // Vestnik MGU. Ser.: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya. 2007. № 1. S. 149—153]. — (In Rus.)
5. Gu Khonfey, Ganapol'skaya E. V. Comparison of translation strategies for professional and unprofessional translators during interpretation from Chinese into Russian // Moscow University Bulletin. Ser. 22, Translation Theory. 2018. No. 2. P. 22—37. [Sravnenie strategiy perevoda professional'nogo i neprofessional'nogo perevodchikov pri ustnom perevode s kitayskogo yazyka na russkiy // Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 22, Teoriya perevoda. 2018. № 2. S. 22—37]. — (In Rus.)
6. Evsyukova T. V., Butenko E. Yu. Linguoculturology. — Moscow : Flinta, 2014. [Lingvokulturologiya. — M. : Flinta, 2014]. — (In Rus.)
7. Komissarov V. N. Modern Translation Studies / Translation: Wang Jiafei [et al.]. — Shanghai : Foreign Language Teaching and Research Publishing House, 2006. [Sovremennoe perevodovedenie / perevod: Van Tszafey [i dr.]. — Shangkhai : Izd-vo prepodavaniya i issledovaniya inostrannykh yazykov, 2006]. — (In Chinese)
8. Malankhanova A. E., Sysoev P. V. Features of the translation of texts of economic discourse from Chinese into Russian // Language and Culture. 2015. No. 4. P. 31—45. [Osobennosti perevoda tekstov ekonomicheskogo diskursa s kitayskogo yazyka na russkiy yazyk // Yazyk i kul'tura. 2015. № 4. S. 31—45]. — (In Rus.)
9. Marchuk Yu. N. Translation models : textbook for students of higher education institutions. — Moscow : Academy, 2010. 176 p. [Modeli perevoda : ucheb. posobie dlya studentov uchrezhdeniy vysshego professional'nogo obrazovaniya. — M. : Akademiya, 2010. 176 s.]. — (In Rus.)
10. Xi Jinping. Xi Jinping on public administration. Vol. 1. — Beijing : Publishing House of Literature in Foreign Languages, 2014. [Si Tszin'pin. Si Tszin'pin o gosudarstvennom upravlenii. T. 1. — Pekin : Izd-vo literatury na inostrannykh yazykakh, 2014]. — (In Rus.)
11. Xi Jinping. Xi Jinping on public administration. Vol. 2. — Beijing : Publishing House of Literature in Foreign Languages, 2014. [Si Tszin'pin. Si Tszin'pin o gosudarstvennom upravlenii. T. 2. — Pekin : Izd-vo literatury na inostrannykh yazykakh, 2017]. — (In Rus.)
12. Sorokin Yu. A. Translation studies: the status of a translator and hermeneutic procedures. — Moscow : Gnosis, 2003. 158 p. [Perevodovedenie: status perevodchika i germenevticheskie protsedury. — M. : Gnozis, 2003. 158 s.]. — (In Rus.)
13. Jiang Yamin. Values and translation strategies of Xi Jinping quotes // Bulletin of the Tianjin University of Foreign Languages. 2019. No. 2. P. 12—20. [Tszyan Yamin. Tsennosti i strategii perevoda tsitat Si Tszin'pina // Vestnik Tyan'tszin'skogo universiteta inostrannykh yazykov. 2019. № 2. S. 12—20].
14. Qiu Maozhou. Culture and translation // Foreign languages. 1998. No. 2. P. 19—22. [Tsyu Maozhu. Kul'tura i perevod // Inostrannye yazyki. 1998. № 2. S. 19—22]. — (In Chinese)
15. Yang Shizhan. The construction of the disciplinary system of the subject of cultural translation // Foreign languages in China. 2018. No. 4. P. 91—95. [Yan Shichzhan. Postroenie distsiplinarnoy sistemy predmeta kul'turnogo perevodovedeniya // Inostrannye yazyki v Kitae. 2018. № 4. S. 91—95]. — (In Chinese)

Чжао Янь

Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, Москва, Россия

Северо-восточный нефтяной университет, Дацин, Китай

ORCID ID: 0000-0002-3494-5382R **E-mail:** zhaoyannajia@yandex.ru.

Повтор как средство речевого вовлечения в публичном выступлении Президента России В. В. Путина (на примере новогодних обращений 2014—2018 гг. к гражданам России)

АННОТАЦИЯ. Цель данной статьи состоит в исследовании повторов разноуровневых единиц языка и речи, используемых в качестве средств речевого вовлечения в публичных выступлениях президента России В. В. Путина. Для достижения поставленной цели автор, опираясь на риторическую, стилистическую и дискурсивную теорию повторов, обращается к анализу пяти новогодних телеобращений президента В. В. Путина к гражданам России (с 2014 по 2018 год). Выявлены наиболее часто повторяющиеся единицы: формы личного местоимения «мы» / «нас», а также соответствующее притяжательное местоимение «наш»; концепты «семья», «страна», «результат», «трудности», «эмоции», «единство», актуализируемые повтором однокоренных слов, а также использованием лексики одной тематической группы; анафорические повторы служебных слов, позволяющие усилить выразительность речи и привлечь внимание к той или иной значимой мысли; аллитерации и ассонансы, позволяющие оказать эмоциональное воздействие на слушателей. Выявленные в ходе анализа закономерности позволяют сделать выводы об активном использовании речевых повторов в жанре новогоднего поздравительного обращения президента. Повторы в новогодних поздравлениях выполняют как эстетические и конструктивные функции, так и функцию вовлечения, которая направлена на 1) присоединение слушателей к формулируемым оценкам ключевых событий уходящего года; 2) формирование готовности выполнять совместные действия, необходимые для достижения целей следующего года; 3) создание чувства единения всех сограждан с главой государства; 4) всеобщее переживание воодушевляющих эмоций, уместных в день новогоднего праздника.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: речевое воздействие; президентский дискурс; личные местоимения; языковые средства; российские президенты; политическая риторика; языковая личность; лингвоперсонология; новогодние обращения; политический дискурс.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Чжао Янь, аспирант кафедры общего и русского языкознания, Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина; 117485, Россия, Москва, ул. Академика Волгина, 6; ст. преподаватель факультета русского языка Института иностранных языков, Северо-восточный нефтяной университет; Китайская Народная Республика, пров. Хэйлуцзян, г. Дацин, Ул. Сюефу, 99 e-mail: zhaoyannajia@yandex.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Чжао, Янь. Повтор как средство речевого вовлечения в публичном выступлении Президента России В. В. Путина (на примере новогодних обращений 2014—2018 гг. к гражданам России) / Чжао Янь // Политическая лингвистика. — 2019. — № 6 (78). — С. 225-231. — DOI 10.26170/pl19-06-29.

Утверждение о том, что повтор является одним из ключевых речевых механизмов, помогающих формулированию и развитию мысли, построению диалога и монолога, пожалуй, мало кто будет оспаривать. В исследованиях [Becker 1984b; Hymes 1981; Tannen 1987, 2007] обосновывается мысль о том, что формирование и построение дискурса так или иначе основаны на механизме повтора, при этом в устном спонтанном дискурсе встречается больше повторов, чем в письменном. В книге «Talking Voices» Д. Таннен утверждает, что в дискурсе повтор необходим для выполнения таких речевых функций, как создание речи, восприятие речи, соединение элементов выражения и речевое взаимодействие [Tannen 2007: 58—61].

О значимости повтора как конструктивного и смыслопорождающего механизма дискурса в различных сферах и формах ре-

чевой коммуникации пишут и российские лингвисты [Арышева, Катышев 2012а; Арышева, Катышев 2012б; Векшин 2006; Катышев 2005; Катышев, Оленев 2009; Катышев, Оленев 2010; Катышев, Паули 2006; Кечик 1995; Лукашина 1999 и мн. др.]. При этом разнообразие речевых механизмов, основанных на повторе, обусловлено как (1) степенью сложности языковых единиц, повторно воспроизводимых в речи, так и (2) степенью формальности / содержательности этих единиц и (3) способами их повторного воспроизведения.

В **первом** случае традиционно выделяются звуковые, морфемные (как аффиксальные, так и корневые), лексические и синтаксические повторы, а также их возможные комбинации (подробнее о разновидностях повтора см.: [Копнина 2012: 363—365]).

Во **втором** случае в качестве разновидностей повтора рассматривают такие тек-

стовые и дискурсивные явления, как лексико-семантический повтор, основанный на последовательном употреблении лексики, которая ассоциативно связана с общим референтом или концептом [Баранов, Северская 2016: 164], или фокусную анафору [Арышева, Катышев 2012а, б], суть которой состоит в том, что в процессе порождения и последующего восприятия дискурса особой значимостью характеризуются «два вида промежуточных объектов, через которые анафорический элемент связывается со своим референтом, — синтаксический антецедент, кореферентный анафорическому элементу, и фокус внимания» адресанта и адресата [Кибрик 1988: 189]. Таким образом, при использовании приема фокусной анафоры «в текст может быть введена информация, значительно отдаленная от антецедента, либо сам сегмент текста, содержащий эту информацию, может быть очень велик и нечетко вербализован. Анафорический элемент удерживает эту информацию об антецеденте в фокусе внимания адресата текста» [Арышева, Катышев 2012а: 42]. Как следствие, в качестве повторяющихся элементов воспринимаются не только однокоренные, одноструктурные или фонетически созвучные лексические единицы, но и тематически близкие слова, используемые для вербализации ключевых тем и микротем текста и позволяющие поддерживать интерес читателя / слушателя, вовлекать его в размышление об избранной теме, усиливать воздействие, оказываемое речью, а в конечном итоге — достигать необходимых внеречевых целей и задач.

О такого рода способах порождения политического дискурса, основанных на феномене доминанты, очень точно пишут А. Н. Баранов и О. И. Северская: «Репетиционные практики, характерные для поэтического дискурса, в политическом используются сегодня особенно широко. Прежде всего это лексико-семантический повтор, активизирующий доминанты восприятия. Постоянно повторяющиеся, указывающие на один и тот же референт или концепт или же ассоциативно связанные тематические выражения воздействуют на доминантные (по А. Ухтомскому [Ухтомский 2002: 64, 352, 373]) центры внимания и понимания адресата, которые позволяют ему «собрать» из фрагментов интегральный образ, совокупность впечатлений, приуроченных к определенной доминанте, которая имела в нас свою историю, а также предопределяют ход дальнейших выводов. Психофизические доминанты коррелируют с эмоционально-смысловыми доминантами (комплексом когнитивных и эмоциональных эталонов, обуславливающих процессы вер-

бализации и метафоризации) и тематической структурой текста (набором формально или субъективно выделенных тем, к каждой из которых тяготеет часть текстовых значений)» [Баранов, Северская 2016: 164].

В **третьем** случае, как правило, противопоставляют контактные и дистантные типы повтора, выступающие во множестве позиционных разновидностей: «а) **дистантной** (повторение начальной части двух и более смежных или совместно встречающихся речевых единиц — **анафора**, или единоначатие; конечной части — **эпифора**, или концовка; срединной — **симплога**; сочетание анафоры и // эпифоры — **анаэпифора**; идентичность начала и конца одной речевой единицы — киклос, или **кольцо**); б) **контактной** (повторение конечной части речевой единицы в начале следующей за ней речевой единицы — **анадиплозис** (анадиплоз, анадиплосис); двукратный // повтор речевой единицы — **редупликация**, трехкратный и более — **геминация**)» [Копнина 2012: 363—365].

Значимая роль повтора в политической коммуникации, в частности, в устных выступлениях политиков, анализируется в работах [Баранов, Северская 2016; Миникеева, Садыкова 2018; Щербакова, Мирзоева 2019] и др. Говоря об эффективности экспрессивного синтаксиса в выступлениях политиков, исследователи отмечают следующее: «Кандидаты на пост президента США использовали такие средства экспрессивного синтаксиса, как эллиптические предложения, позиционно-лексический повтор, парцелляция, которые усиливали эмоциональность, интенсивность речи, что, безусловно, является катализатором мотивации граждан к активному участию в политических выборах» [Миникеева, Садыкова 2018: 84]. Лингвисты обращают внимание и на вовлекающий потенциал повторов: «В одном из выступлений, посвященном процессам глобализации, автор предлагает внести на рассмотрение вопросы принятия международных законов, связанных с этим процессом. Эти законы необходимо принять, другой альтернативы нет. Оратор повторяет личные местоимения множественного числа, **тем самым вовлекая аудиторию в решение проблемы**» [Щербакова, Мирзоева 2019: 566] (выделено нами. — Ч. Я.).

Рассмотрим механизмы, основанные на повторе, которые используются в публичных выступлениях Президента России В. В. Путина. В качестве материала возьмем относительно небольшие по объему и стандартные в жанровом отношении новогодние обращения Президента к гражданам России.

Прежде всего следует указать на коммуникативно-дискурсивную жанровую специ-

фику данных публичных выступлений^[1]. Результаты жанроведческого моделирования новогоднего обращения президента к гражданам России, осуществленного в [Ослопова 2009], позволили выделить следующие жанрообразующие признаки: **коммуникативная цель**: объединить нацию, соблюсти традицию общения, продемонстрировать доброе и уважительное отношение к народу, подвести итоги уходящего года, наметить планы на будущий год; **образ автора**: Президент, глава государства, что зачастую закрепляется в имени жанра; **адресат**: граждане страны как единое целое; **образ прошлого**: завершение старого года — своеобразного отчетного периода; **образ будущего**: перлокутивный эффект (воздействие на чувства, мысли или действия аудитории, говорящего или других лиц); **диктумное содержание**: наступление нового года, завершение старого, «отчетный период»; **формальная организация**: 1) обращение к адресату, 2) итоги уходящего года, 3) планы на будущий год, 4) пожелания [Ослопова 2009: 20—21].

Таким образом, достижение основной коммуникативной цели новогоднего обращения президента (консолидация нации) предполагает вовлечение максимально широкой аудитории телезрителей в процесс подведения итогов и построения планов на следующий год. Задача оратора в данном случае осложняется временным ограничением: новогоднее обращение главы государства, как правило, длится лишь 3—5 минут. Как следствие, каждой микротеме выступления оратор посвящает лишь несколько десятков секунд, формулируя свои основные мысли кратко, афористично и довольно абстрактно — так, чтобы каждый из слушателей / зрителей мог извлечь из речи президента не только универсальные, «общенациональные» смыслы, но и идеи, связанные с его личной судьбой в контексте судьбы родной страны.

Проведенный анализ пяти новогодних обращений Президента России В. В. Путина (с 2014 по 2018 год), несмотря на их относительно небольшой объем (в каждом обращении около 300 слов), позволяет сделать ряд выводов об особой роли повторов различного типа, используемых в речи оратора^[2].

Во-первых, поскольку все пять новогодних обращений, как этого требует сам жанр, нацелены на консолидацию, объединение нации, одним из наиболее часто повторяемых лексических элементов является личное местоимение «**мы**», его формы «**нас**», «**нам**» и соответствующие притяжательные местоимения «**наш**», «**наши**», «**нашей**», «**нашу**» и т. п., используемые в инклюзив-

ном значении, объединяющем говорящего и его слушателей. Употреблению указанных местоимений часто сопутствуют слова с семантикой общности, совместности, единства. Ср. наиболее насыщенные повторами фрагменты выступлений:

*«В наступающем году **нам вместе** предстоит решить немало задач, и год будет таким, каким **мы** сами его сделаем, насколько эффективно, творчески, результативно будет трудиться каждый из **нас**. Других рецептов просто нет. И **мы** должны выполнить, реализовать всё намеченное — ради себя, ради **наших** детей, ради России»* [Новогоднее обращение 2014].

*«В уходящем 2015 году **мы** отмечали 70-летие Победы в Великой Отечественной войне. **Наша** история, опыт отцов и дедов, их **единство** в трудные времена и сила духа являются для **нас** великим примером. Они помогали и будут помогать **нам** достойно отвечать на современные вызовы»* [Новогоднее обращение 2015].

*«2016 год уходит. Он был непростым, но трудности, с которыми **мы** столкнулись, сплотили **нас**, побудили открыть огромные резервы **наших** возможностей для движения вперед»* [Новогоднее обращение 2016].

*«**Мы вместе** в эту прекрасную новогоднюю ночь. **Мы вместе** и в **наших** общих повседневных делах. **Сплоченность, дружба, бескорыстная любовь к России** умножают **наши** силы для достойных поступков и высоких достижений»* [Новогоднее обращение 2017].

*«Сделать это можем **мы** только **вместе**. Помощников у **нас** никогда не было и не будет. И поэтому **нам** важно быть **сплоченной, единой, сильной командой**. И пусть **дружба** и добрые надежды, которые **объединяют** всех сейчас, сопровождают **нас** в будущем, помогают в работе, в достижении общих целей»* [Новогоднее обращение 2018].

Во-вторых, в новогодних обращениях президента В. В. Путина репетиционные механизмы задействованы в вербализации ключевых концептов, значимых для текста анализируемого жанра и составляющих смысловую основу вовлечения граждан страны в совместное достижение общих целей и в поддержку актуального политического курса президента. Э. Пинелли в качестве таковых выделяет следующие концепты: «семья», «страна», «результат», «трудности», «эмоции», «единство» [Пинелли 2018: 72]. При этом следует обратить внимание, что в равной степени используются как формальные, так и смысловые повторы, то есть повторы однокоренной и однотематической лексики; см. примеры:

«Любовь к **Родине** — одно из самых мощных, возвышающих чувств. Она в полной мере проявилась в **братской** поддержке жителей Крыма и Севастополя, когда они **твёрдо** решили вернуться в свой **родной** дом. Это событие навсегда останется важнейшей вехой в **отечественной** истории» [Новогоднее обращение 2014].

«А у него есть и свои секреты. Например, каждый из нас в новогоднюю ночь может стать немного волшебником. Для этого просто нужно с **любовью** и **благодарностью** относиться к **родителям**, окружать вниманием и заботой своих **детей**, свою **семью**, уважать **коллег** по работе, беречь **дружбу**, защищать **правду** и **справедливость**, быть **милосердными**, помогать тем, кто ждет поддержки. Вот и весь секрет» [Новогоднее обращение 2016].

«Позади насыщенный, полный забот декабрь, когда мы торопились завершить неотложные дела, уточняли планы на будущее и, конечно, готовились к **празднику**. А сейчас мы с **волнением** и **надеждой** ждём наступления Нового года, видим **восторженные** глаза малышей, **чувствуем**, как **рады** родители, бабушки и дедушки, если вся **семья** в эти минуты вместе, а их сердца согреты **чуткостью** и **вниманием** и понимаем, что вот оно, новогоднее волшебство, и создаёт его наша **душевная щедрость**. Она востребована и в **праздники**, и в **будни**, когда мы поддерживаем тех, кто нуждается в помощи, кто **одинок** или **болен**. Ведь чужой беды действительно не бывает, а **милосердие** всегда откликается **добром**, **дарит радость соучастия**» [Новогоднее обращение 2018].

В-третьих, в речи президента В. В. Путина довольно активно используются многократные анафорические повторы служебных слов (предлогов), что помогает усилить выразительность речи и привлечь внимание к той или иной значимой мысли, а также построить стилистическую фигуру градации, демонстрирующую усиление проявления признака или увеличение масштаба явления, о котором говорит оратор; см. фрагменты текстов выступлений:

«Сейчас, когда мы подводим итоги уходящего года, хотел бы искренне поблагодарить вас за сплочённость и солидарность, за глубокие чувства правды, чести, справедливости, ответственности за судьбу своей страны, за неизменную готовность отстаивать интересы России, быть вместе с ней и в дни триумфа, и в пору испытаний, добиваться исполнения наших самых смелых и масштабных планов» [Новогоднее обращение 2014].

«И мы должны выполнить, реализовать всё намеченное — **ради себя, ради наших детей, ради России**» [Новогоднее обращение 2014].

«Главное — мы верим в себя, в свои силы, в свою страну. Мы **работаем, работаем** успешно, и у нас многое получается. Хотел бы искренне поблагодарить вас за победы и достижения, за понимание и доверие, за настоящую, сердечную заботу о России»^[3] [Новогоднее обращение 2016].

«Но всё же мы точно знаем, что добиться лучшего **для себя, для своей семьи, для родной страны** можно лишь собственными усилиями, общей слаженной работой» [Новогоднее обращение 2016].

В-четвёртых, несмотря на сложность установления и обоснования осознанности звуковых повторов в устной прозаической речи, можно предположить, что и эта сторона публичного выступления В. В. Путина не является полностью случайной. Например, в следующем фрагменте наблюдается своеобразное сочетание аллитерации и ассонанса, предполагающих интенсивное использование звуков и сочетаний звуков [р], [др], [дар], [рад], [гр] и подобных им: «Как **всегда**, мы с **волнением** ждём этот **праздник**, загадываем желания, **дарим друг другу подарки**, **радуемся** замечательной **традиции** встречать Новый год в семейном кругу, с **родными** для нас людьми и **друзьями**. Атмосфера **добра**, внимания и **щедрости** согревает наши сердца, **открывает их для светлых помыслов** и **благородных дел**, **вселяет надежду**» [Новогоднее обращение 2014]. На наш взгляд, такой набор созвучий, интенсивно используемых на относительно небольшом отрезке текста, помогает сделать речь выступающего энергичной, праздничной, усилить положительное эмоциональное воздействие. С другой стороны, в заключительной части приведенного фрагмента в рядом расположенных словах содержится сходный набор из согласных звуков [л], [в], [с]: «**для светлых помыслов** и **благородных дел**, **вселяет надежду**», что уравнивает более энергичное начало абзаца.

Таким образом, механизм повтора разнородных языковых единиц, характеризующихся формальной и/или семантической связанностью, активно используется при подготовке и произнесении текстов новогодних поздравительных телеобращений президента к гражданам страны. При этом повторы выполняют не только эстетические или конструктивные функции, но и, несомненно, участвуют в речевом вовлечении аудитории в публичное выступление. Результатом вовлечения в данном случае,

предположительно, выступают: присоединение слушателей к формулируемым оценкам ключевых событий, случившихся в прошедшем году; готовность вместе с оратором выполнять действия, необходимые для достижения целей, поставленных для следующего года; эмоциональное переживание единения всех сограждан с главой государства; переживание радостных, воодушевляющих эмоций, уместных в ситуации новогоднего праздника и разделяемых с близкими людьми и — шире — со всеми согражданами.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]. Подробнее о жанровой специфике и других аспектах формально-содержательной организации новогодних обращений различных президентов см. в работах: [Кондратенко 2007; Ласица 2017; Ослопова 2009; Пинелли 2018; Сладкевич 2016].

[2]. «Все приемы, основанные на операторе повтора, могут иметь место как в рамках одного предложения, так и в рамках сложного синтаксического целого и всего текста» [Копнина 2012: 362—363].

[3]. В данном фрагменте интересным также представляется тождественный контактный повтор (анадиплосис) глагола «*работаем*», помогающий оратору сделать акцент на положительных результатах, достигнутых государством и его гражданами. Похожие по вкладу в развитие мысли и построение текста, но уже дистантные формы корневого повтора наблюдаются в следующих фрагментах новогодних обращений: «*А она не просто сбылась: мы не только подготовили и провели лучшую в истории зимнюю Олимпиаду, но и победили в ней. В этой победе — заслуга всех граждан нашей страны: и самих олимпийцев, и тех, кто их поддерживал*» [Новогоднее обращение 2014]; «*Новый год — на пороге. Пора встречать и сказать самые тёплые слова своим близким. Сказать им спасибо за понимание и надёжность, за терпение и заботу*» [Там же]; «*Сделать это можем мы только вместе. Помощников у нас никогда не было и не будет. И поэтому нам важно быть сплочённой, единой, сильной командой. И пусть дружба и добрые надежды, которые объединяют всех сейчас, сопровождают нас в будущем, помогают в работе, в достижении общих целей*» [Новогоднее обращение 2018].

ЛИТЕРАТУРА

1. Арышева А. Ю., Катышев П. А. Фокусная анафора в текстах судебных решений: коммуникативно-ортологический аспект // Вестник Кемеровского государственного университета. 2012а. № 4-3 (52). С. 42—46.
2. Арышева А. Ю., Катышев П. А. Об использовании местоимений в качестве повторной номинации в текстах судебных решений // Русский язык и литература в поликультурном коммуникативном пространстве материалы Международной научной конференции : в 2 ч. / отв. ред. Н. В. Большакова. — Псков, 2012б. С. 28—34.
3. Баранов А. Н., Северская О. И. Поэтические практики в современном политическом дискурсе // Общественные науки и современность. 2016. № 4. С. 159—170.

4. Векшин Г. В. Фоностилизация текста: звуковой повтор в перспективе словообразования : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — М., 2006. 30 с.

5. Катышев П. А. Полимотивация и смысловая многомерность словообразовательной формы : дис. ... д-ра филол. наук. — Кемерово, 2005. 358 с.

6. Катышев П. А., Оленев С. В. Метаязыковая рефлексия непрофессионального историка Ю. Н. Фадеевского // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты : коллективная монография / Алтайский государственный университет ; Кемеровский государственный университет. — Кемерово ; Барнаул, 2009. С. 299—312.

7. Катышев П. А., Оленев С. В. Влияние синтактики языка на языковую личность как проблема риторической критики // Сибирский филологический журнал. 2010. № 4. С. 191—199.

8. Катышев П. А., Паули Ю. С. О функциях анафонической доминанты (на материале идиостилия Н. Бердяева) // Речевое общение. 2006. № 8—9. С. 49—56.

9. Кечик Е. В. Деривационный повтор в художественном прозаическом тексте : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 1995. 17 с.

10. Кибрик А. А. Типология средств оформления анафорических связей : дис. ... канд. филол. наук. — М., 1988. 365 с.

11. Кондратенко Н. В. Новогоднее обращение как ритуальный жанр политического дискурса: макроструктурные компоненты и средства их выражения // Международная конференция по компьютерной лингвистике «Диалог», 2007 год. URL: <http://www.dialog-21.ru/digests/dialog2007/materials/html/45.htm> (дата обращения: 20.11.2019).

12. Копнина Г. А. Риторические приемы современного русского литературного языка: опыт системного описания : моногр. 2-е изд., стер. — М. : Флинта, 2012. 576 с.

13. Ласица Л. А. Новогоднее обращение главы государства: семантические особенности ритуального жанра политического дискурса // Вестник Оренбургского государственного университета. 2017. №1 (201). С. 19—24.

14. Лукашина Е. П. Корневой словообразовательный повтор как средство внутритекстовой связи (на материале интервью правоохранительной тематики) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 1999. 17 с.

15. Миникеева А. А., Садыкова А. Г. Функционирование средств экспрессивного синтаксиса в политических текстах в предвыборном дискурсе (на англоязычном материале текстов Х. Клинтона и Д. Трампа) // Казанская наука. 2018. № 5. С. 82—84.

16. Новогоднее обращение к гражданам России Президента В. В. Путина, 2014 год (текст) // Официальный сайт Президента России. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/47446> (дата обращения 20.11.2019 г.).

17. Новогоднее обращение к гражданам России Президента В. В. Путина, 2015 год (текст) // Официальный сайт Президента России. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/page/198> (дата обращения 20.11.2019).

18. Новогоднее обращение к гражданам России Президента В. В. Путина, 2016 год (текст) // Официальный сайт Президента России. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/53683> (дата обращения: 20.11.2019).

19. Новогоднее обращение к гражданам России Президента В. В. Путина, 2017 год (текст) // Официальный сайт Президента России. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/56591> (дата обращения: 20.11.2019).

20. Новогоднее обращение к гражданам России Президента В. В. Путина, 2018 год (текст) // Официальный сайт Президента России. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/59629> (дата обращения: 20.11.2019).

21. Ослопова В. Ю. Новогоднее обращение главы государства к народу как жанр политического дискурса // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 329. С. 19—22.

22. Пинелли Э. Представление прошлого и будущего в новогодних обращениях: на материале поздравлений В. В. Путина // Rhema. Рема. 2018. №2. С. 62—83.

23. Сладкевич Ж. Р. Организация семиотического пространства новогоднего поздравления президента (на материале новогодних обращений президентов России, Беларуси и Польши за 2000—2015 гг.) // Политическая наука. 2016. №3. С. 168—193.

24. Ухтомский А. А. Доминанта. Статьи разных лет. 1887—1939. — СПб. : Питер, 2002. 448 с.

25. Щербакова О. Ю., Мирзоева Ф. Р. Лингвистические экспрессивные особенности текстов устных выступлений (на примере текстов на английском языке) // Мир науки, культуры, образования. 2019. № 2 (75). С. 565—567.

26. Becker A. L. Biography of a sentence: A Burmese proverb // Text, play, and story: The construction and reconstruction of self and society / ed. by Edward M. Bruner. — Washington : American Ethnological Society, 1984. P. 135—155.

27. Hymes D. “In vain I tried to tell you”: Essays in Native American ethnopoetics. — Philadelphia : University of Pennsylvania Press, 1981. 403 p.

28. Sacks H. Lecture notes, March 11. Lectures on conversation Vol. 2. — Oxford, UK ; Cambridge, 1971. P. 318—331.

29. Tannen D. Remarks on Discourse and Power // Power Through Discourse. — Norwood, N. J. : Ablex Publishing Corporation, 1987. P. 3—10.

30. Tannen D. Talking voices: Repetition, dialogue, and imagery in conversational discourse / 2nd Edition. — Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2007. 245 p.

Zhao Yan

Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia

Northeast Petroleum University, Daqing, China

ORCID ID: 0000-0002-3494-5382R

✉ E-mail: zhaoyannajia@yandex.ru.

Reiteration as a Means of Speech Involvement in the Public Speech of Russian President Vladimir Putin (on the Example of New Year Addresses to Russian Citizens 2014—2018)

ABSTRACT. *The aim of the given article is to investigate the reiteration of units of different language and speech levels used as a means of speech involvement in the public speeches of Russian President V. V. Putin. To achieve this aim, the author analyzes five New Year Addresses over Television to the people of the Russian Federation (from 2014 to 2018) drawing on the rhetorical, stylistic and discursive theories of reiteration. The study has revealed the most commonly reiterated units: forms of the personal pronoun “my” / “nash” and the corresponding possessive pronoun “nash”; the concepts “sem'ya”, “strana”, “rezul'tat”, “trudnosti”, “emotsii” and “edinstvo”, actualized by the repetition of words with the same root and the use of vocabulary of one and the same topical group; anaphoric repetition of form words enhancing speech expressivity and attracting attention to a certain significant thought; instances of alliteration and assonance which allow exercising emotional influence upon the audience. The regularities revealed during the analysis make it possible to draw conclusions about the use of reiteration in the genre of the New Year Address of the President. Reiterations in the New Year Address fulfill both aesthetic and constructive functions and the function of involvement which is aimed at 1) engagement of the audience in the estimation of the assessments of key events of the passing year; 2) formation of readiness to perform joint action needed to achieve the goals of the coming year; 3) creation of the feeling of unity of all citizens with the President; 4) sharing of enthusiastic emotions suitable for the New Year celebration.*

KEYWORDS: verbal manipulation; presidential discourse; personal pronouns; linguistic means; Russian Presidents; political rhetoric; linguistic personality; linguopersonology; New Year Addresses; political discourse.

AUTHOR'S INFORMATION: Zhao Yan, Doctoral Student, Department of Russian and General Linguistics, Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia; Teacher of the Faculty of the Russian Language, Institute of Foreign Languages, Northeast Petroleum University, Daqing, China.

FOR CITATION: Zhao, Yan. Reiteration as a Means of Speech Involvement in the Public Speech of Russian President Vladimir Putin (on the Example of New Year Addresses to Russian Citizens 2014—2018) / Zhao Yan // Political Linguistics. — 2019. — No 6 (78). — P. 225-231. — DOI 10.26170/pl19-06-29.

REFERENCES

1. Arysheva A. Yu., Katyshev P. A. Focus Anaphora in the Texts of Court Decisions: Communication and Orthological Aspect // Journal of the Kemerovsky State University. 2012a. No. 4-3 (52). P. 42—46 [Arysheva A. Yu., Katyshev P. A. Fokusnaya anafora v tekstah sudebnykh reshenij: kommunikativno-ortologicheskij aspekt // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. 2012a. No 4-3 (52). S. 42—46]. — (In Rus.)

2. Arysheva A. Yu., Katyshev P. A. On the Use of Pronouns as a Repeated Nomination in the Texts of Court Decisions // Russian Language and Literature in the Multicultural Communicative Space Materials of the International Scientific Conference. In 2 parts / ed. N. V. Velakov. — Pskov, 2012b. P. 28—34 [Arysheva A. Yu., Katyshev P. A. Ob ispolzovanii mestoimenij v kachestve povtornoj nominacii v tekstah sudebnykh reshenij // Russkij yazyk i literatura v polikulturnom kommunikativnom prostranstve Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. V 2 chastyah / otv. red. N.V. Bolshakova. — Pskov, 2012b. S. 28—34]. — (In Rus.)

3. Baranov A. N., Severskaya O. I. Poetry Practices in Modern Political Discourse // Social Sciences and Modernity. 2016. No. 4. P. 159—170 [Baranov A. N., Severskaya O. I. Poeticheskie praktiki v sovremennoe politicheskoe diskursy // Obshchestvennye nauki i sovremennost. 2016. No. 4. S. 159—170]. — (In Rus.)

4. Vekshin G. V. Phonostilistics of text: Sound repetition in the perspective of meaning formation: abstract of dissertation of Dr. of Philological Sciences. — M., 2006. — 30 p. [Vekshin G. V. Fonostilistika teksta: Zvukovoj povtor v perspektive smysloobrazovaniya : avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. — M., 2006. 30 s.]. — (In Rus.)

5. Katyshev P. A. Polymotivation and sense multidimensional of the word-formation form: dissertation of Dr. of Philological Sciences. — Kemerovo, 2005. 358 p. [Katyshev P. A. Polimotivatsiya i smyslovaya mnogomernost slovoobrazovatelnoj formy : dis. ... d-ra filol. nauk. — Kemerovo, 2005. 358 s.]. — (In Rus.)

6. Katyshev P. A., Olenov S. V. Meta-language reflection of unprofessional historian Yu. N. Fadeenkov // Ordinary meta-language consciousness: ontological and gnoseological aspects: collective monograph. Altai State University; Kemerovo State University. — Kemerovo — Barnaul, 2009. P. 299—312. [Katyshev P. A., Olenov S. V. Metazyazykovaya refleksiya neprofessionalnogo istorika Yu. N. Fadeenkova // Obyednoennoe metazyazykovoe soznanie: ontologicheskie i gnoseologicheskie aspekty: kollektivnaya monografiya. Altajskij gosudarstvennyj universitet; Kemerovskij gosudarstvennyj universitet. — Kemerovo — Barnaul, 2009. S. 299—312]. — (In Rus.)

7. Katyshev P. A., Olenov S. V. Influence of Language Syntaxics on Language Personality as a Problem of Rhetorical Criti-

- cism // *Siberian Philological Journal*. 2010. No. 4. P. 191—199. [Katyshev P. A., Olenov S. V. Vliyaniye sintaktiki yazyka na yazykovuyu lichnost kak problema ritoricheskoy kritiki // *Sibirskiy filologicheskij zhurnal*. 2010. No. 4. S. 191—199]. — (In Rus.)
8. Katyshev P. A., Pauli Yu. S. On the functions of anathonic dominant (on the material of idiostyle N. Berdiaev) // *Speech communication*. 2006. No. 8—9. P. 49—56. [Katyshev P. A., Pauli Yu. S. O funkciyah anafonicheskoy dominanty (na materiale idiostilya N. Berdyayeva) // *Rechevoe obshhenie*. 2006. No. 8—9. S. 49—56]. — (In Rus.)
9. Kechik E. V. Derivational replay in artistic prosaic text: abstract of dissertation of Candidate of Philological Sciences. — M., 1995. 17 p. [Kechik E. V. Derivatsionnyy povtor v hudozhestvennom prozaicheskoy tekste : avtoref. dis. ...kand. filol. nauk. — M., 1995. 17 s.]. — (In Rus.)
10. Kibrik A. A. Typology of means of making anaphoric connections: dissertation of Candidate of Philological Sciences. — M., 1988. 365 p. [Kibrik A. A. Tipologiya sredstv oformleniya anaforicheskikh svyazey : dis. ...kand. filol. nauk. — M., 1988. 365 s.]. — (In Rus.)
11. Kondratenko N. V. New Year Address as a ritual genre of political discourse: macro-structural components and means of their expression // *International Conference on Computer Linguistics "Dialogue"*, 2007. [Kondratenko N. V. Novogodnee obrashhenie kak ritualnyy zhanr politicheskogo diskursa: makrostrukturnyye komponenty i sredstva ih vyrazheniya // *Mezhdunarodnaya konferentsiya po kompyuternoy lingvistike «Dialogue»*, 2007]. URL: <http://www.dialog-21.ru/digests/dialog2007/materials/html/45.htm> (date of access: 20.11.2019). — (In Rus.)
12. Kopnina G. A. Rhetorical Techniques of Modern Russian Literary Language: Experience of System Description: Monograph. 2nd ed., ster. — M.: Flinta, 2012. 576 p. [Kopnina G. A. Ritoricheskie priemy sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka: opyt sistemnogo opisanija: monografiya. 2-e izd., ster. — M.: Flinta, 2012. 576 s.]. — (In Rus.)
13. Lasica L. A. New Year Address of the Head of State: semantic features of the ritual genre of political discourse // *Journal of the Orenburg State University*. 2017. No. 1 (201). P. 19—24. [Lasica L. A. Novogodnee obrashhenie glavy gosudarstva: semanticheskie osobennosti ritualnogo zhanra politicheskogo diskursa // *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2017. No. 1 (201). S. 19—24]. — (In Rus.)
14. Lukashina E. P. Root word-building repetition as a means of intra-text communication (on the material of interviews with law enforcement topics) : abstract of dissertation of Candidate of Philological Sciences. — M., 1999. — 17 p. [Lukashina E. P. Kornevoj slovoobrazovatelnyy povtor kak sredstvo vnutritekstovoy svyazi (na materiale intervyyu pravoohranitelnoy tematiki) : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. — M., 1999. 17 s.]. — (In Rus.)
15. Minikeeva A. A., Sadykova A. G. Functioning of Means of Expressive Syntax in Political Texts in Election Discourse (on English-language material of texts by H. Clinton and D. Trump) // *Kazan Science*. 2018. No. 5. P. 82—84. [Minikeeva A. A., Sadykova A. G. Funkcionirovanie sredstv ekspressivnogo sintaksisa v politicheskikh tekstah v predvybornom diskurse (na angloyazychnom materiale tekstov H. Klinton i D. Trampa) // *Kazanskaya nauka*. 2018. No. 5. S. 82—84]. — (In Rus.)
16. New Year Address to Russian Citizens of President V. V. Putin, 2014 (text) // Official Website of the President of Russia. [Novogodnee obrashhenie k grazhdanam Rossii Prezidenta V. V. Putina, 2014 god (tekst) // *Ofitsialnyy sayt Prezidenta Rossii*]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/47446> (date of access: 20.11.2019). — (In Rus.)
17. New Year Address to Russian Citizens of President V. V. Putin, 2015 (text) // Official Website of the President of Russia. [Novogodnee obrashhenie k grazhdanam Rossii Prezidenta V. V. Putina, 2015 god (tekst) // *Ofitsialnyy sayt Prezidenta Rossii*]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/page/198> (date of access: 20.11.2019). — (In Rus.)
18. New Year Address to Russian Citizens of President V. V. Putin, 2016 (text) // Official Website of the President of Russia. [Novogodnee obrashhenie k grazhdanam Rossii Prezidenta V. V. Putina, 2016 god (tekst) // *Ofitsialnyy sayt Prezidenta Rossii*]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/53683> (date of access: 20.11.2019 g.). — (In Rus.)
19. New Year Address to Russian Citizens of President V. V. Putin, 2017 (text) // Official Website of the President of Russia. [Novogodnee obrashhenie k grazhdanam Rossii Prezidenta V. V. Putina, 2017 god (tekst) // *Ofitsialnyy sayt Prezidenta Rossii*]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/56591> (date of access: 20.11.2019). — (In Rus.)
20. New Year Address to Russian Citizens of President V. V. Putin, 2018 (text) // Official Website of the President of Russia. [Novogodnee obrashhenie k grazhdanam Rossii Prezidenta V. V. Putina, 2018 god (tekst) // *Ofitsialnyy sayt Prezidenta Rossii*]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/59629> (date of access: 20.11.2019). — (In Rus.)
21. Oslopova V. Yu. The New Year address of the Head of State to the people as a genre of political discourse // *Journal of the Tomsk State University*. 2009. No. 329. P. 19—22. [Oslopova V. Yu. Novogodnee obrashhenie glavy gosudarstva k narodu kak zhanr politicheskogo diskursa // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2009. No. 329. S. 19—22]. — (In Rus.)
22. Pinelli E. Presentation of past and future in New Year's addresses: on the material of congratulations of V. V. Putin // *Rhema. Rheme*. 2018. No. 2. P. 62—83. [Pinelli E. Predstavlenie proshlogo i budushhego v novogodnih obrashheniyah: na materiale pozdravleniy V. V. Putina // *Rhema. Rema*. 2018. No. 2. S. 62—83]. — (In Rus.)
23. Sladkiewicz Z. R. Organization of semiotic space of New Year congratulations of the President (on the material of New Year appeals of the Presidents of Russia, Belarus and Poland for 2000—2015) // *Political science*. 2016. No. 3. P. 168—193. [Sladkevich Zh. R. Organizatsiya semioticheskogo prostranstva novogodnego pozdravleniya prezidenta (na materiale novogodnih obrashheniy prezidentov Rossii, Belarusi i Polshi za 2000—2015 gg.) // *Politicheskaya nauka*. 2016. No. 3. S. 168—193]. — (In Rus.)
24. Uhtomsky A. A. Dominant. Articles from different years. 1887—1939. — SPb.: Peter, 2002. 448 p. [Uhtomskiy A. A. Dominanta. Statyi raznykh let. 1887—1939. — SPb.: Piter, 2002. 448 s.]. — (In Rus.)
25. Scherbakov O. Yu., Mirzoyeva F. R. Linguistic expressive features of texts of oral performances (on the example of texts in English) // *World of science, culture, education*. 2019. No. 2 (75). P. 565—567 [Shherbakova O. Yu., Mirzoeva F. R. Lingvisticheskie ekspressivnye osobennosti tekstov ustnykh vystupleniy (na primere tekstov na anglijskom yazyke) // *Mir nauki, kulturny, obrazovaniya*. 2019. No. 2 (75). S. 565—567]. — (In Rus.)
26. Becker A. L. Biography of a sentence: A Burmese proverb // *Text, play, and story: The construction and reconstruction of self and society* / ed. by Edward M. Bruner. — Washington : American Ethnological Society, 1984. P. 135—155.
27. Hymes D. "In vain I tried to tell you": Essays in Native American ethnopoetics. — Philadelphia : University of Pennsylvania Press, 1981. 403 p.
28. Sacks H. Lecture notes, March 11. Lectures on conversation Vol. 2. — Oxford, UK ; Cambridge, 1971. P. 318—331.
29. Tannen D. Remarks on Discourse and Power // *Power Through Discourse*. — Norwood, N. J. : Ablex Publishing Corporation, 1987. P. 3—10.
30. Tannen D. Talking voices: Repetition, dialogue, and imagery in conversational discourse / 2nd Edition. — Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2007. 245 p.

ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ АВТОРАМИ РУКОПИСЕЙ В ЖУРНАЛ «ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА»

«Политическая лингвистика» издается как узкоспециализированный научный журнал, ориентированный на максимально широкий круг читателей и многонациональный состав авторов, представляющих различные научные школы и направления в России и других странах.

Журнал «Политическая лингвистика» адресован филологам, политологам, социологам, журналистам и политикам. Редакционная коллегия приглашает к сотрудничеству всех специалистов по политической лингвистике и смежным проблемам.

Мы против политической цензуры, с уважением относимся к политическим взглядам авторов наших публикаций, но за соблюдение принципов толерантности и политической корректности, в том числе в статьях, созданных в рамках критического анализа дискурса.

Авторы, предлагающие статьи для публикации, должны учитывать проблематику журнала, который включает следующие разделы:

1. Рубрика «Теория политической лингвистики» предоставляет трибуну ведущим специалистам по политической лингвистике.

2. Рубрика «Политическая коммуникация» включает теоретические статьи, в которых значительное место занимает практический анализ языковых фактов.

3. В разделе «Язык — политика — культура» представлены исследования публицистических, рекламных, разговорных и художественных текстов, в той или иной степени значимые для политической лингвистики.

4. Раздел «Лингвистическая экспертиза: язык и право» объединяет статьи по проблемам, находящимся на пересечении политической и юридической лингвистики.

5. В рубрике «Зарубежный опыт» публикуются как современные исследования зарубежных коллег в области политической лингвистики, так и впервые переведенные на русский язык работы, которые, хотя и написаны много десятилетий назад, сохраняют свою значимость для теории и истории науки.

6. Рубрика «Рецензии. Хроника» представляет современный научный дискурс: в ней публикуются рецензии на самые новые и актуальные научные труды по политической лингвистике, освещаются крупные научные конференции.

7. Непостоянная рубрика «Дискуссии» предоставляет площадку для полемики между представителями различных или диаметрально противоположных взглядов на проблемы политической лингвистики и когнитивистики. Как правило, в разделе публикуется несколько материалов, излагающих соперничающие концепции.

Основная специальность: 10.00.00 — Филологические науки

Научные направления:

10.01.10 «Журналистика (филологические науки)»

10.02.01 «Русский язык»

10.02.04 «Германские языки»

10.02.19 «Теория языка»

10.02.20 «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание»

Издательство: ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет»

Адрес редакции: 620017, Екатеринбург, пр. Космонавтов 26, каб. 285

Главный редактор: доктор филологических наук, профессор Чудинов Анатолий Прокопьевич

E-mail: ap_chudinov@mail.ru

Выпускающий редактор: кандидат филологических наук Ворошилова Мария Борисовна

Телефон: 8-922-6128661

E-mail: shrinkari@mail.ru

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации **ПИ №ФС 77-76161** от 8.07.2019

Зарегистрирован Международным центром стандартной нумерации сериальных изданий (International Standard Serial Numbering — ISSN) с присвоением международного стандартного номера **ISSN 1999-2629** от 14.05.2008

Включен в Объединенный каталог «Пресса России». **Индекс 81955.**

С 2010 года решением Президиума ВАК Министерства образования и науки РФ включен в **Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий**, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук.

Материалы журнала регулярно размещаются на платформе **Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)**. http://elibrary.ru/title_about.asp?id=28049.

Материалы для публикации присылаются в электронном виде. Набор должен быть выполнен в текстовом редакторе WORD в соответствии со следующими требованиями:

- Объем статьи не менее 18 и не более 44 тыс. знаков с пробелами.
- Формат страницы — А4; гарнитура — Times New Roman; размер кегля — 14; межстрочный интервал — 1,5.

• Ссылки на литературу делаются в тексте в квадратных скобках. Например: [Иванов 2000: 56—57]. Список литературы (по алфавиту) помещается после текста статьи и оформляется по ГОСТ 7.0.5.-2008 (см. образец).

• Отдельными файлами прилагаются: рисунки (только черно-белые, без полутонов) — в векторных форматах — AI, CDR, WMF, EMF; в растровых форматах — TIFF, JPG с разрешением не менее 300 точек/дюйм в реальном размере; диаграммы из программ «MS Excel», «MS Visio» и т. п. вместе с исходным файлом, содержащим данные.

Для публикации статья должна, помимо основного текста, содержать следующие сведения на русском и английском языках.

1. Сведения об авторах (если их несколько, то обо всех):
 - Фамилия, имя, отчество автора полностью.
 - Ученая степень, звание, должность.
 - Полное и точное место работы автора.
 - Подразделение организации.
 - Открытый идентификатор автора и исследователя — ORCID ID (для получения необходима регистрация на сайте <https://orcid.org>).
 - Контактная информация (e-mail, почтовый адрес для рассылки и для публикации в журнале).
2. Название статьи.
3. Аннотация (объемом 200 слов, или 2000 знаков с пробелами).
4. Ключевые слова (5—10 слов).
5. Тематическая рубрика, УДК, ГСНТИ и код ВАК.

Списки литературы следует оформлять по ГОСТ Р. 7.0.5.-2008.... Образцы оформления:

СТАТЬИ ИЗ ЖУРНАЛОВ И СБОРНИКОВ

Адорно Т. В. К логике социальных наук // Вопр. философии. 1992. № 10. С. 76—86.

Crawford P. J., Barrett T. P. The reference librarian and the business professor: a strategic alliance that works // Ref. Libr. 1997. Vol. 3. № 58. P. 75—85.

Если авторов четыре и более, то заголовок не применяют (ГОСТ 7.80-2000).

Корнилов В. И. Турбулентный пограничный слой на теле вращения при периодическом вдуве / отсосе // Теплофизика и аэромеханика. 2006. Т. 13. № 3. С. 369-385.

Кузнецов А. Ю. Консорциум — механизм организации подписки на электронные ресурсы // Российский фонд фундаментальных исследований: десять лет служения российской науке. — М.: Науч. мир, 2003. С. 340—342.

КНИГИ

Тарасова В. И. Политическая история Латинской Америки: учеб. для вузов. 2-е изд. — М.: Проспект, 2006. С. 305—412.

Допускается предписанный знак точку и тире, разделяющий области библиографического описания, заменять точкой.

Философия культуры и философия науки: проблемы и гипотезы: межвуз. сб. науч. тр. / Сарат. гос. ун-т; [под ред. С. Ф. Мартыновича]. — Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1999.

Допускается не использовать квадратные скобки для сведений, заимствованных не из предписанного источника информации

Райзберг Б. А., Лозовский Л. Ш., Стародубцева Е. Б. Современный экономический словарь. 5-е изд., перераб. и доп. — М.: ИНФРА-М, 2006. 494 с.

Если авторов четыре и более, то заголовок не применяют (ГОСТ 7.80-2000)

АВТОРЕФЕРАТЫ

Глухов В. А. Исследование, разработка и построение системы электронной доставки документов в библиотеке: автореф. дис. ... канд. техн. наук. — Новосибирск, 2000.

ДИССЕРТАЦИИ

Фенухин В. И. Этнополитические конфликты в современной России: на примере Северо-Кавказского региона: дис. ... канд. полит. наук. — М., 2002. С. 54—55.

АНАЛИТИЧЕСКИЕ ОБЗОРЫ

Экономика и политика России и государств ближнего зарубежья: аналит. обзор, апр. 2007 / Рос. акад. наук, Ин-т мировой экономики и междунар. отношений. — М.: ИМЭМО, 2007.

ПАТЕНТЫ

Патент РФ № 2000130511/28, 04.12.2000.

Еськов Д. Н., Бонштедт Б. Э., Корешев С. Н., Лебедева Г. И., Серегин А. Г. Оптико-электронный аппарат // Патент России № 2122745. 1998. Бюл. № 33.

МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИЙ

Археология: история и перспективы: сб. ст. Первой межрегион. конф. — Ярославль, 2003.

Марьинских Д. М. Разработка ландшафтного плана как необходимое условие устойчивого развития города (на примере Тюмени) // Экология ландшафта и планирование землепользования: тезисы докл. Всерос. конф. (Иркутск, 11—12 сент. 2000 г.). — Новосибирск, 2000. С. 125—128.

ИНТЕРНЕТ-ДОКУМЕНТЫ

Официальные периодические издания: электронный путеводитель / Рос. нац. б-ка, Центр правовой информации. [СПб.], 2005—2007. URL: <http://www.nlr.ru/lawcenter/izd/index.html> (дата обращения: 18.01.2007).

Логинова Л. Г. Сущность результата дополнительного образования детей // Образование: исследовано в мире: междунар. науч. пед. интернет-журн. 2003.21.10. URL: <http://www.oim.ru/reader.asp?nomer=366> (дата обращения: 17.04.2007).

<http://www.nlr.ru/index.html> (дата обращения: 20.02.2007).

Рынок тренингов Новосибирска: своя игра. URL: <http://nsk.adme.ru/news/2006/07/03/2121.html> (дата обращения: 17.10.2008).

Литчфорд Е. У. С Белой Армией по Сибири // Восточный фронт Армии Генерала А. В. Колчака. URL: <http://east-front.narod.ru/memo/latchford.htm> (дата обращения: 23.08.2007).

Цена свободная

**НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА
2019. ВЫПУСК 6 (78)**

Адрес редакции:

620017, Екатеринбург, пр-т. Космонавтов 26, Уральский государственный педагогический университет, каб. 285.

Адрес учредителя:

620017, Екатеринбург, пр-т. Космонавтов, 26, Уральский государственный педагогический университет

Адрес издателя:

620017, Екатеринбург, пр-т. Космонавтов, 26, Уральский государственный педагогический университет

Для детей старше 16 лет.

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-76161 от 8.07.2019.

Подписано в печать 25.12.2019. Формат 60x84/8.

Дата выхода в свет: 30.12.2019.

Бумага для множительных аппаратов. Печать на ризографе.

Уч.-изд. л. — 26,1. Усл. печ. л. — 27,3. Тираж 500 экз. Заказ 5101.

Оригинал-макет отпечатан в отделе множительной техники

Уральского государственного педагогического университета

620017, Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26

E-mail: uspu@uspu.me